

Н.И. Кареев

ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА
ЧАСТЬ I (1867–1880-е гг.)

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
В НОВОЕ ВРЕМЯ

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

Н. КАРѢВЪ.

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ VI.

ПОСЛѢДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВѢКА.

Часть I (1867—1880 годы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.

1909.

Н.И. Кареев

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Развитие культурных и социальных
отношений

Последняя треть XIX века

Часть I (1867–1880-е гг.)

«Академический проект»

Москва, 2019

УДК 94(100)''05/...''
ББК 63.3(0)4/6
К22

Кареев Н.И.

К22 История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Последняя треть XIX века. Часть I (1867–1880-е гг.). — М.: Академический проект, 2019. — 399 с. — (История Европы: эпохи).

ISBN 978-5-8291-2438-0

В настоящее издание входит капитальный труд известного русского историка и социолога Н.И. Кареева «История Западной Европы в Новое время» (изданный в 1893–1917 гг.), который охватывает значительный период европейской истории, начиная от позднего Средневековья до начала XX в. Книга написана на высоком теоретическом уровне с привлечением огромного количества источников. Исторические события освещаются в связи с общим культурным контекстом, что позволяет увидеть некоторые скрытые механизмы-двигатели исторического процесса и проследить процесс становления современного европейца. Книга издается впервые с момента своего выхода в свет.

Данная книга является первой частью тома, посвященного событиям последней трети XIX в., современником которых является автор. Отсюда огромный массив материала и сложность его обработки и оценки.

Три первые главы настоящего тома посвящены шестидесятым годам, с франко-германской войной, заканчивающей предыдущий период и открывающей новый. В этих трех главах порядок изложения не по странам, а по общим явлениям. Такой же характер имеет и глава четвертая — о преобладании Германии и о милитаризме. От пятой до одиннадцатой (включительно) главы изложение идет по странам и охватывает собой семидесятые годы: две главы (V–VI) посвящены Франции, две (VII–VIII) — Германии, под одной — Англии (IX), Италии (X) и Австро-Венгрии (XI). Для перехода от семидесятых к восьмидесятым годам по общим явлениям международного характера служит глава XII.

Книга может быть рекомендована как историкам-профессионалам, так и всем, кто интересуется историей Европы.

УДК94(100)''05/...''
ББК 63.3(0) 4/6

ISBN 978-5-8291-2438-0

© Составление, оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2019

Вместо предисловия

I

Настоящим, шестым томом заканчивается предпринятая мной в 1892 г. «История Западной Европы в Новое время», первые пять томов которой появились в свет один за другим между 1892 и 1898 гг.¹ Первоначальным моим планом, который и был приведен в исполнение в 1892—1893 гг., было довести изложение лишь до конца XVIII в., положив в основу читанные мною университетские курсы по Новой истории, но уже и в то время я предвидел возможность издания продолжения, посвященного истории XIX в., причем предполагал довести последнюю лишь до 1871 г., как это и было указано в предисловии к вышедшему в свет в 1894 г. четвертому тому, остановившемуся на 1830 г. В основу IV тома легли мои университетские лекции: в общем, в нем даже была сохранена программа курса, читанного мною в 1878—1879 гг. в Московском университете, где я тогда был «сторонним преподавателем». Между появлением в свет четвертого и пятого томов прошло четыре года ввиду того, что для периода 1830—1870 гг. у меня уже не было заранее подготовленного материала, так как по этой эпохе мне не приходилось читать курса. Работая над пятым томом, я решил написать и шестой, дабы довести свою «Историю» до конца XIX в., о чем и было заявлено в предисловии к пятому тому.

Я тогда не предвидел, однако, что между появлением в свет V и VI томов пройдет более десяти лет, как это вышло на самом деле. За все это время первые три тома потребовали четырех изданий, последние два — трех, а шестой все еще оставался делом будущего. Причины этого замедления были довольно разнообразны, но по времени первой из них было, как-никак, продолжавшееся около семи лет (1899—1906 гг.) мое отстранение от университетской кафедры, с одной стороны, лишившее меня возможности прочесть задуманный было курс по истории последней трети

¹ Предисловия к отдельным томам датированы: I — 29 августа 1892 г., III — 7 марта 1893 г. (второй том печатался одновременно с третьим), IV — 16 июня 1894 г. и V — 15 октября 1898 г.

XIX в., с другой, заставившее меня искать иные занятия, из-за которых пришлось отложить работу над VI томом. К этому именно времени относятся, во-первых, составление мною «учебных книг» по новой, средней и древней истории, во-вторых, преподавание (с осени 1902 г.) в Санкт-Петербургском Политехническом институте, где я задумал прочитать серию особенным образом построенных, «типологических», как я их назвал, курсов из истории государственного быта. Составление и печатание этих курсов в пяти томиках, выходивших в свет между 1903 и 1908 гг.¹, конечно, не позволяло мне и думать о скором выпуске в свет VI тома «Истории Западной Европы». События 1905 и 1906 гг. тоже не могли, конечно, благоприятствовать работе.

Кроме того, и сама эпоха, которая должна была составить содержание VI тома, требовала большой предварительной работы. Правда, по отношению к 1870—1900 гг. я был в лучшем положении, чем по отношению к 1830—1870 гг., составившим содержание V тома, так как сам переживал эпоху, в 1870 г. был уже студентом и с того времени следил за событиями, читая газеты и политические обзоры в наших ежемесячных журналах, более подробно по другим пособиям знакомился с разными явлениями текущей жизни и часто ездил за границу², но если это и облегчало для меня понимание общего хода исторической жизни на Западе, то, с другой стороны, сама эта близость к нам всех событий и перемен, наполняющих собой историю последней трети XIX в., страшное обилие сырого материала и, в общем, недостаточность его предварительной научной обработки являлись для меня довольно-таки важными тормозами. Историческое, т. е. объективно-научное отношение к прошлому требует, чтобы это прошлое отдалилось на некоторое расстояние, да и нужно еще, чтобы фактический материал получил надлежащую обработку. В обоих отношениях десять лет, протекших после появления в свет V тома, не прошли даром, тем более, что за все это время, хотя бы и урывками, я все-таки готовил VI том или, по крайней мере, думал о его содержании³.

Главной моей заботой при написании всех томов «Истории Западной Европы» было выдержать единство плана и руководящего исторического взгляда. Одним из средств, к которым я прибегал при этом, было составление общих, я сказал бы — историко-философских обзоров рассмотренных эпох. Едва окончив первые три тома, я написал небольшую книжку под заглавием «Философия культурной и социальной истории

¹ 1. Государство-город античного мира. 2. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. 3. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. 4. Западноевропейская абсолютная монархия XVI — XVIII вв. 5. Происхождение современного народно-правового государства.

² Почти целый год (1877—1878) я прожил в Париже во время борьбы с Мак-Магоном.

³ Некоторые части книги о народно-правовом государстве являются прямо результатом этой работы.

Нового времени», заключающую в себе «основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV—XVIII вв.». Это было своего рода общее *résumé*¹ первых трех томов, в первом издании которого каждая строчка даже прямо подкреплялась ссылками на отдельные места «Истории». Такое же *résumé* было мной начато немедленно по выходе в свет V тома (но окончено и издано много позднее) также для IV и V томов в виде особой книжки под заглавием «Общий взгляд на историю Западной Европы в первые две трети XIX века». Резюмируя предыдущее, обе книжки должны были служить и введениями к последующему. По всей вероятности, и VI том даст материал для подобного же обобщения: тогда сопоставление взглядов, высказанных во всех трех *résumés*, покажет, насколько автором выдержано единство общего исторического мирозерцания. Конечно, я не стану утверждать, что за полтора с лишком десятка лет это мирозерцание оставалось неподвижным и что новые точки зрения никоим образом не опирались на мои общие исторические взгляды, тем более что я всегда усиленно интересовался теоретическими вопросами исторической науки. Как раз в промежуток между выходом в свет первых четырех и пятого томов «Истории Западной Европы» я после некоторого перерыва вплотную занялся этими вопросами, переиздав свои прежние работы², а главное — написав две книжки: «Введение в социологию» и «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (обе 1896 г.). Обращаю особенное внимание на тему последней из названных книжек, посвященной, пожалуй, самому боевому вопросу середины девяностых годов. В отдельных статьях, из которых составила указанная книжка, я выступил самым убежденным оппонентом экономического материализма, как теории, стремящейся объяснить всю историю из одного начала, признав, однако, с другой стороны, условное и относительное значение этой точки зрения там, где ее правильно применяют. Мне тем легче было прийти к такому взгляду, что уже в первой своей работе «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (1879 г.) я проводил точку зрения классовой борьбы на экономической почве. Если в своих «Основных вопросах философии истории» (1883 г.) я не уделил ей надлежащего внимания, то ведь в начале восьмидесятых годов экономический материализм и не имел еще никакой литературы. Как бы то ни было, спор об экономическом материализме не мог пройти бесследным для моего исторического мирозерцания не в смысле, повторяю, полного его изменения, а в смысле его углубления или расширения. Изучая для V тома историю средних десятилетий XIX в., когда произошло вообще обострение классовых интересов и, так сказать, обнажился экономический базис соци-

¹ Краткое изложение (фр.). — Прим. ред.

² Историко-философские и социологические этюды (1894 г.).

альной структуры¹ и когда сама жизнь, так сказать, приводила к идеологии экономического материализма, я должен был читать сочинения и самого Маркса, и таких марксистов, как Меринг или Блос, отрицание же мною экономического материализма, как общей социологической теории, нисколько не мешало мне не только понять историческую необходимость ее возникновения, но и правильность ее применения к социальной стороне истории XIX в. Это частное усвоение «марксизма», пожалуй, могло только углубить или расширить ранее сложившееся у меня историческое мировоззрение, но отнюдь не в состоянии было заставить меня изменить ему коренным образом. Кто потрудился бы сравнить основные взгляды VI и V томов, тот убедился бы в том, что между ними нет разницы и что, в общем, во всей «Истории Западной Европы» проводит-ся единый основной взгляд.

Последнее заявление я вовсе не просил бы понимать в таком смысле, что если бы я теперь написал сразу все шесть томов своей «Истории», то написал бы их совсем так же, как это сделал раньше. За эти полтора с лишком десятка лет и исторических работ новых много появилось, и самому мне многое стало представляться яснее, чем прежде, да и прочесть из старого, прежде не читанного, я немало еще успел. Какие бы, однако, частные изменения я ни внес в отдельные тома «Истории Западной Европы», я не стал бы менять ни общего плана этого труда, ни основных его точек зрения: речь могла бы идти только о еще более последовательном проведении принятого общего плана, о еще большей верности этим основным точкам зрения.

Перейду теперь специально к содержанию этого тома.

V том был посвящен средним десятилетиям XIX в. — от июльской революции 1830 г. до падения второй империи в 1870 г. В сущности, бо́льшая часть тома занята историей тридцатых и сороковых годов, которым в общей истории Запада принадлежит неизмеримо большее значение, чем следующим двум десятилетиям. Пятидесятые годы, после разгрома всех упований и стремлений «сорок восьмого года», были эпохой самой беспросветной реакции, и только в шестидесятых годах возобновилось прерванное победой реакции прогрессивное культурное, социальное и политическое движение. Вот почему пятидесятым и шестидесятым годам XIX в. в V томе было отведено гораздо меньше места, нежели тридцатым и сороковым, а шестидесятым больше, нежели пятидесятым. С другой стороны, само изложение истории шестидесятых годов мною было умышленно сокращено в расчете на то, что некоторые факты по их значению для следующей эпохи нашли бы скорее место в VI томе, к которому я нередко и от-

¹ Об этом экономическом базисе я писал еще в «Введении в историю Новейшего времени» (Варшава, 1881).

сылал читателя, упоминая о таких фактах поэтому лишь коротко или вскользь. Три первые главы настоящего тома и посвящены еще шестидесятым годам, с франко-германской войной, заканчивающей предыдущий период и открывающей новый. В этих трех главах порядок изложения не по странам, а по общим явлениям. (Вообще во всей «Истории Западной Европы» я чередую изложение по общим явлениям с изложением по странам.) Такой же характер имеет и глава четвертая — о преобладании Германии и о милитаризме.

От пятой до одиннадцатой (включительно) главы изложение идет по странам и охватывает собой семидесятые годы: две главы (V—VI) посвящены Франции, две (VII—VIII) — Германии, по одной — Англии (IX), Италии (X) и Австро-Венгрии (XI). Для перехода от семидесятых к восьмидесятым годам — и опять не по странам, а по общим явлениям международного характера (восточный вопрос, тройственный союз и колониальная политика) — служат главы XII—XIV. В следующих пяти главах снова рассматривается внутренняя жизнь за последние два десятилетия XIX в., Германии (гл. XV), Франции (гл. XVI), Англии (гл. XVII), Италии (гл. XVIII) и Австро-Венгрии (гл. XIX); к ним можно прибавить еще главы о папстве (гл. XX) и о второстепенных государствах вообще за всю последнюю треть века (гл. XXI).

Последний отдел тома, состоящий из четырех глав, еще раз возвращает читателя к явлениям общего характера. Он открывается главой XXII об экономической эволюции Западной Европы в последние десятилетия XIX в. и завершается главой XXV о месте Западной Европы в мировых политике и торговле к началу XX в., середину же занимают главы о рабочем движении и социализме в конце века (гл. XXIII) и о духовной культуре за последние его десятилетия (гл. XXIV). Поставив своей задачей довести историю Западной Европы вообще до 1900 г., я отнюдь не стремился к тому, чтобы в отдельных главах и по отдельным вопросам непременно доводить изложение до 1900 г. и никогда не переступать за границу XIX в. в XX столетие: в каждом отдельном случае я останавливался на каком-либо особенно значительном факте безразлично перед 1900 г. или после него, лишь бы только изложение являлось законченным и не обрывалось на чисто внешней хронологической дате.

По примеру предыдущих томов отдельным главам предпосылаются (в подстрочных примечаниях) указания на соответствующую историческую литературу. Общих сочинений по истории всего XIX в. я здесь не называю, потому что о них справку читатель может навести в конце первой главы IV тома, где приведены заглавия сочинений по политической истории прошлого столетия, или в главе XXII того же тома, содержащей в себе обзор трудов по социальной его истории. Тем более было бы излишне приводить здесь всю эту литературу, что в большей части названных там сочинений как

раз мы не найдем интересующего нас периода, который, как нечто целое, вообще редко был самостоятельным предметом обработки¹. Также упомянем только, без подробного перечисления, существование разных периодических сборников документов, исторических ежегодников, систематических корреспонденций в журналах и газетах, иногда перепечатывавшихся отдельными книгами², энциклопедий (вроде «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*») и т. п. изданий, на которые не приходится ссылаться, но без которых нельзя обойтись при изучении истории XIX в. Что касается до отдельных работ, которые указываются в подстрочных примечаниях к разным

¹ Во «Всеобщей истории» Георга Вебера, имеющейся в русском переводе, история XIX в. с 1870 г. занимает вторую половину (с. 335—729) второй части XV тома, вышедшего в свет в русском переводе в 1893 г., и доводится до конца восьмидесятых годов. Из указанных без малого четырехсот страниц около 50 приходится на историю войны 1870 г. и коммуны. На период 1870—1900 гг. отведен также XII том известной коллективной «*Histoire générale du IV siècle à nos jours*», издававшейся под редакцией E. Lavisse и A. Rambaud. В этом большом томе в девятьсот с лишком страниц, существующем и в русском переводе («История XIX в.», изд. Гранат, том VII и VIII), целые большие отделы заняты историей восточноевропейских и внеевропейских стран, в частности, также европейских колоний в других частях света, а равно такими предметами, как науки, искусства, литература и т. п., на историю же собственно Западной Европы приходится менее половины тома, именно немного более 400 страниц, из которых история Франции (Seignobos'a) занимает лишь 50 стр., почти столько же история Англии (Métin'a), около 40 — Австро-Венгрии (Eisenmann'a) и столько же Германии (E. Denis), около 30 — Италии (Pingaud) и т. п. Не особенно большое развитие получили отделы по истории последней трети XIX в. и в других общих (единоличных и коллективных) трудах: «*Neueste Geschichte*» Л. Штаке (Ludwig Stacke) в обработке и с дополнениями Н. Stein'a, вышедшей седьмым изданием в 1908 г., доведена до 1900 г., причем из 724 страниц текста на период 1870—1900 гг. приходится 352 страницы, т. е. около половины всей книги. В популярной «*Illustrierte Geschichte der neuesten Zeit von der Begründung des zweiten Napoleonischen Kaiserreichs bis zur Gegenwart*» von Otto Kaemmel (2-е изд. 1902 г.) история последних тридцати лет XIX в. занимает вторую, меньшую половину тома (стр. 358—648). Значение общего, специально посвященного последнему времени исторического обзора имеет вышедшая в 1908 г. книга (в 430 страниц текста) G. Egelhaaf'a «*Geschichte der neuesten Zeit vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart*» с преобладанием германской истории (и бисмаркианской точки зрения) над историей других стран.

² Автор настоящего труда немало узнавал об иностранной жизни из периодических корреспонденций и обзоров, которые в свое время помещались в таких журналах, как «Отечественные записки» и «Дело». Современные журналы поддерживают эту традицию, как, например, «Русское богатство», систематически помещающее корреспонденции из Франции, Германии и Англии, или «Вестник Европы», в котором уже давно одним и тем же лицом (г. Слонимским) ведется иностранная хроника. Некоторые из этих корреспонденций выходят в свет отдельными книгами, каковы, например, книги Кудрина, Дюнео (обе из «Русского богатства») или Иоллоса (из «Русских ведомостей»). Я всегда был ревностным читателем берлинских писем покойного Иоллоса в «Русских ведомостях» и еще до выхода в свет их сборника (в 1904 г.) я высказал в печати (заметка в «Вестнике Европы» за 1903 г. о сборнике парижских корреспонденций Н. С. Русанова-Кудрина) мысль о необходимости не дать и корреспонденциям Иоллоса затеряться в старых номерах ежедневной газеты. Если это пожелание хоть на короткое время ускорило появление книги столь трагически потом погибшего публициста, я готов считать это своей заслугой перед русским обществом. Во всяком случае, его берлинские письма всегда очень хорошо помогали мне ориентироваться в сложных явлениях германской жизни.

главам настоящего тома, то одной из моих забот было дать, по возможности, самые подробные библиографические указания, хотя, конечно, я не могу ручаться за исчерпывающую их полноту¹.

26 мая 1908 г.

II

Предисловия в порядке писания книг бывают обыкновенно послесловиями, т. е. предисловие пишется, большей частью, когда не только готов сам текст, но и когда он уже отпечатан, и остается только набрать да отпечатать оглавление и обложку. Все предыдущее было написано, наоборот, еще в то время, когда автором был только окончательно установлен план настоящего тома и был собран, а в некоторых случаях даже лишь намечен материал. И в данный момент выпуска в свет одной первой части тома работа собственно над второй частью далеко еще не является законченной.

Судя по размерам, какие должен получить настоящий том, раз первые двенадцать глав из двадцати пяти уже заняли 421 страницу, есть основание ожидать, что, в общем, получится до девятисот страниц: это и привело автора к мысли разделить том на две части, одну для периода 1867—1880 гг., другую для двух последних десятилетий XIX в. Первая часть, как готовая, выходит в свет, вторая печатается и будет, вероятно, готова осенью 1909 г. Но автор не желает эту первую часть шестого тома выпустить и без некоторого послесловия в добавление к помещенным выше вступительным страницам.

Именно, я хочу сделать еще несколько дополнительных замечаний об общем плане VI тома и о его материале. В каждом историческом труде, подобном настоящему тому, важное значение принадлежит его архитектонике. В чем заключается последняя по отношению к данной книге, сказано выше. Заранее установленный план выполняется в ней довольно строго; какие-либо колебания у меня были лишь относительно того, как разграничить хронологически изложение в парных главах, посвященных истории отдельных стран в 70-х годах, с одной стороны, и в 80—90-х, с другой², но, в общем, я справился с этой задачей, хотя и не держался педантически того, чтобы хронологическая грань была проведена везде одинаково и вполне определенно — на 1880 г. Далее, излагая внутреннюю историю отдельных стран, я менее всего думал о какой-либо общей схеме этого изложения, о каком-либо неизменном шаблоне, чем, по моему мнению, гре-

¹ Возможные пропуски восполняются в добавлениях, приложенных в конце второй части настоящего тома.

² Главы о Франции (V—VI и XVI), Германии (VII—VIII и XVII), Италии (X и XVIII), Англии (IX и XVII) и Австро-Венгрии (XI и XIX).

шит, например, известная книга Сеньобоса. Наоборот, я подходил к каждой стране не с каким-либо однообразным вопросником, не с заранее установленными рамками, в которых был бы расположен потом очень несходный между собой материал. Моим намерением, скорее, было выдвинуть на первый план то, что в каждой отдельной стране представляло нечто особенное, наиболее характерное для данной страны, индивидуальное, оригинальное. Паспортист по готовым рубрикам отмечает, у кого какой лоб, нос, рот и т. п., но физиономист может обходиться без этих рубрик, останавливаясь лишь на тех чертах описываемых лиц, которые наиболее обращают на себя внимание: у одного это будут глаза, взгляд, у другого — губы, улыбка, у третьего — нахмуренный лоб, нависшие брови и т. п. Было бы очень легко построить каждую главу по одному плану: конституция, политические партии, министерства, вопросы законодательства, состояние финансов и т. п., но я как раз избегал такой схематизации, давая для каждой страны свою комбинацию материала, да и сам материал выбирая в зависимости от важности его именно в данной стране и в данное время, т. е. смотря по тому, какую роль, важную или неважную, отдельные стороны жизни играли и в общем течении дел страны, и в сознании современников. По этой причине, например, я выделил в особую главу (VIII) историю германской социал-демократии в 60—70-х гг., чего не было мною сделано ни для какой другой страны. По аналогичной причине в главе об Италии говорится сравнительно много о финансах, составлявших особенно большое место в истории именно этого государства. Совершенно также политические партии в отдельных странах рассматриваются очень неравномерно, а в тех случаях, когда им отводится побольше места, подробнее излагаются не одни и те же стороны партийной жизни, а смотря по тому, какая сторона в том или другом государстве особенно бросается в глаза. Например, в истории германских политических партий более обращает на себя внимание систематическая выработка ими своих программ, тогда как в Англии наиболее характерное явление представляет собой возникновение, среди старых, традиционных партий, совершенно новых организаций. В обоих отношениях партийная жизнь в других местах дает менее выдающихся черт, если только не оговориться из осторожности, что, по крайней мере, история партий в этих странах еще мало разработана. По сходным же соображениям я не считал нужным останавливаться на движении населения в отдельных государствах, сделав это только для Франции и для Германии, из которых в одной население как бы застыло на почти неизменной цифре, тогда как в другой, наоборот, обнаружился замечательный прирост. Но и в данном случае я нашел уместным упомянуть об этом даже не в главах, специально посвященных истории Франции или Германии, а заговорил о первом факте в связи с вопросом об относительных силах Франции и Германии в международных отношениях

(в гл. XIII), а о втором — по поводу выступления Германии на поприще колониальной политики (в гл. XIV). На этом же, наконец, основании я позволяю себе, для лучшего оттенения какой-либо стороны предмета, излагать некоторые эпизодические вещи несколько подробнее, даже с нарушением внешней цельности отдельных глав эпизодическими отступлениями, если только последние, на мой взгляд, сколько-нибудь конкретизируют по необходимости более абстрактное изложение в целом. К числу таких вставок я отношу, например, около четырех страниц о Тэне по поводу реакции, вызванной во французском обществе коммуной 1871 г., или тоже около четырех страниц о немецко-чешском споре из-за Пражского университета, очень характерном для истории национальных несогласий в Австрии. Некоторым читателям такие подробности могут показаться излишними, хотя многие, наоборот, будут иметь основание жаловаться на то, что вещи, особенно их лично интересующие, изложены слишком кратко. Если бы, однако, обо всем в книге говорилось с равномерной подробностью, она должна была бы выйти в пять раз большей.

Отдельные главы первой половины этого тома начинаются общими введениями, в которых излагаются факты более раннего прошлого. Иногда такие вступительные обзоры предыдущего занимают даже довольно много места. Сошлюсь и здесь на отдельные примеры. Таков, прежде всего, — на десяти с лишком страницах — беглый исторический очерк анархизма, о котором почти ничего вообще не говорилось в предыдущих томах «Истории Западной Европы». Таково и все начало гл. VI, где на целом почти печатном листе рассказывается прошлое республиканской идеи во Франции до 4 сентября 1870 г. Чаще всего, однако, эти вступительные обзоры отличаются краткостью, в общем же я считал их необходимыми, чтобы не начинать их *abrupto*, прямо вводя читателя *in medias res*¹. На шестой том, когда я его писал, я смотрел, — подобно и предыдущим томам, — как на цельное сочинение, среди читателей которого может быть много таких, которые не читали предшествующего тома. Это и вызывало необходимость особых вступительных страниц к каждой новой теме. И опять-таки эти обзоры прошлого писались в том размере, в каком я это находил нужным для каждого отдельного случая, отнюдь не связывая себя внешним идеалом равномерности.

От плана книги перехожу к положенному в ее основу материалу. Читатель увидит из библиографических указаний, как поразительно обширна литература пособий по истории отдельных стран, периодов времени, событий, сторон жизни и т. п. за последнюю треть XIX в. Литература эта растет постоянно и очень быстро. В то время, как окончательно обрабаты-

¹ «Сразу, внезапно, без подготовки» (*лат.*); «в середину вещей» (Гораций), т. е. «в самую суть дела» (*лат.*). — *Прим. ред.*

вался и печатался настоящий том, то и дело приходилось узнавать о выходе в свет новых работ, существование некоторых только принимая к сведению и отмечая в библиографии, чтобы другие, наоборот, добывать, просматривать, прочитывать, в иных случаях соотноситься с ними в самом тексте, когда для этого не требовалось особых переделок готового изложения, в иных прямо изменять изложение в большем соответствии с новыми данными или выводами, или же, по крайней мере, пользоваться разного рода «новинками» в подстрочных примечаниях. По возможности, я заботился вообще о наибольшей свежести материала, дабы книга в момент своего выхода в свет не могла считаться уже устарелой, хотя, с другой стороны, если бы я погнался за равномерностью и в этом отношении для всех глав и на всех страницах, я должен был бы отказаться от мысли когда-либо отнести рукопись в типографию.

Скажу о материале и другое. Весьма далекий от мысли дать равномерное освещение истории всех стран Западной Европы или всех сторон ее эволюции, я, конечно, направлял свои поиски за материалом очень не одинаково, смотря по тому, имел ли дело, например, с Германией или с Португалией (и даже с Италией), и касалось ли, например, дело приведения в исполнение немецкого стратегического плана в 1870 г. или «культуркампфа», военной реформы во Франции или выработки конституции 1875 г. Другими словами, я был хозяином в своем искании, но, вместе с этим, я, с другой стороны, не мог тоже не чувствовать постоянной зависимости своей от наличной разработки в исторической литературе тех или других вопросов, меня интересовавших: во многих случаях за неимением большего и лучшего приходилось довольствоваться меньшим и худшим. Разработка разных исторических тем идет в литературе далеко не равномерно уже по отношению к более отдаленному прошлому, давным-давно сделавшемуся предметом научного исследования, в настоящем же томе мы вообще имеем дело с очень недавним прошлым, и чем дальше подвигался я вперед в писании его глав, тем все более и более из области истории вступал в область текущей жизни и тем все более и более должен был переходить от литературы научных обработок прошлого к литературе публицистических обсуждений настоящего. От конца XIX в. нас отделяет только каких-нибудь восемь лет. В истории это — вчерашний день, а для того, чтобы говорить о вчерашнем дне так, как можно говорить о том, что было год тому назад, нужно, чтобы между сегодняшним и вчерашним днями прошла не одна ночь, а 365 ночей. В данную минуту, например, весь мир занят австро-венгерской распрей, о которой ежедневно газеты печатают массу противоречивых телеграмм, корреспонденций, статей, и мы тем не менее не только не знаем, чем же все это кончится, но, в сущности, не знаем, как все это совершается и движется вперед. Но это только маленькая иллюстрация того, в каком затруднении находится историк по отношению

к научному пониманию и верному действительности изображению современности. Я ничуть не хочу сказать, что для исторического воспроизведения и объяснения жизни нужно устанавливать какие-либо отдаленные сроки. Я хочу только сказать, что, чем ближе к нам какое-либо событие или явление, тем меньше у историка, занимающегося синтезом всего, добытого научными работниками, в цельное построение, в распоряжении аналитически исследованных фактов на основании систематически собранного, критически проверенного и правильно обобщенного материала. Я постоянно это чувствовал, и мое стремление к освежению материала вытекало из убеждения, что, чем книга новее, тем, *ceteris paribus*¹, более есть надежды на то, что в ней недавнее прошлое явится в более историчном освещении, нежели в книгах, к данному прошлому более близких. В жизни происходят перемены, часто не замечаемые современниками, на некотором же расстоянии оказывается, что народилось нечто новое, современниками не предусматривавшееся, между тем в высшей степени важное². Современники, оценивая какое-либо явление текущей жизни, очень часто это делают в форме предугадывания могущих возникнуть из него следствий, но очень хорошо известно, что вся история наполнена несбывшимися предсказаниями: я прямо сравнил бы историю с зеркалом, в котором — хорошо ли, худо ли — отражается прошлое, но которое тотчас же затуманивается, подергивается непрозрачным налетом, тускнеет, как только мы его обращаем к будущему. Общие магистрали грядущего еще можно предвидеть, но не частные фактические комбинации. То, что сегодня кажется важным фактом, чреватым крупными последствиями, завтра может оказаться ничем, а послезавтра быть забытым и, наоборот, послезавтра все, пожалуй, будут говорить о том, чем несколько не интересовались сегодня, хотя об этом уже знали, хотя случилось это еще вчера.

Итак, относительно материала — одним я сам считал себя вправе не особенно интересоваться, другим вынужден был довольствоваться в том виде, в каком его находил, хотя бы этим мой интерес к вопросу далеко не удовлетворялся. Во всяком случае, целью моих стремлений было, чтобы настоящий том, в общем, отражал на себе состояние исторической разработки недавнего прошлого. Для моего поколения, т. е. для людей, которым во время франко-германской войны было лет двадцать, а тем более для людей старших возрастов, изображенный в этом томе период есть время, ими самими пережитое, более же молодые поколения только из книг впервые знакомятся с событиями не только семидесятых, но и восьмидесятых,

¹ «При прочих равных условиях» (лат.). — Прим. ред.

² Например, ниже читатель найдет подстрочное примечание о новом явлении в политической жизни Англии, отмечаемом Сиднеем Лоу, как факт первостепенной важности, еще недостаточно обративший на себя внимание.

даже девяностых годов прошлого века. И люди моего поколения, и старшие, и младшие одинаково могут почувствовать себя недостаточно удовлетворенными по отношению ко многим вопросам, затронутым в этом томе. Конечно, причиной этого будет или то, что в таком общем труде нельзя же все исчерпать, или то, что не окажется совпадения между моей точкой зрения и их точками зрения, и т. п., но, несомненно, большая доля вины должна быть отнесена на счет общего состояния литературы, наличного материала, насколько он мне известен. За каждое указание того, что у меня является сколько-нибудь важным пропуском, я буду только благодарен, так как рассчитываю, что первое издание этого тома не будет последним, судя по тому приему, каким и со стороны критики, и со стороны читателей были встречены первые пять томов. Тем более я могу льстить себя этой надеждой, что изданием истории Западной Европы в последней трети XIX в., написанной притом несколько иначе, нежели все другие книги, посвященные этому предмету, я удовлетворяю насущной общественной потребности.

Мы все начинаем знакомиться с современной историей и с текущей политикой, с недавними событиями и со злобой дня из периодической печати, очень плохо на первых порах разбираясь в фактической стороне ежедневных известий и в общей связи совершающихся событий. Приступая к такому поверхностному и отрывочному ознакомлению со всем, что совершается сегодня, люди очень часто не знают того, что было только вчера, потому что вчера еще не начинали читать газет, а если и знали, так успели основательно забыть. Скажу по личному опыту, что многое из написанного мною в этой книге было мной в свое время более или менее позабыто настолько, что кое-что как бы узнавалось вновь. Несколько больше для запоминания и понимания дают месячные обзоры текущей жизни в журналах или отдельные статьи о вопросах современности, в которых, однако, всегда есть большая примесь публицистики с ее интересом, направленным больше в сторону будущего, нежели в сторону прошедшего, составляющего предмет исторической науки. Во всяком случае, и такое чтение без общей исторической основы и без тесной связи между текущим моментом и всем историческим прошлым не может дать полного удовлетворения каждому, желающему лучше ориентироваться в вопросах современности. Отсюда потребность в новейших историях, в которых, впрочем, к сожалению, и по вине их авторов, и без их вины, на самых последних страницах изложение бывает большей частью скомканным, поверхностным. Единственным способом пополнять пробелы, образующиеся между сегодняшней газетой и последней страницей самого нового труда по Новейшей истории, является чтение разных политических ежегодников, представляющих собой, однако, скорее летописные своды фактического материала,

чем труды исторического характера, — занятие довольно-таки, в конце концов, скучное¹.

Здесь я невольно вспоминаю свои студенческие годы и жалкое состояние в то время исторической литературы по XIX в. Единственным общедоступным пособием на русском языке около 1870 г. была «История Новейшего времени» Лоренца, доведенная только до 1856 г., так что о следующих пятнадцати годах, столь важных в истории Западной Европы, и прочесть-то было негде. Сама эта книга представляла собой не Бог весть что, но все-таки при полном отсутствии других пособий была очень полезна. Только в восьмидесятых годах к ней прибавилось другое русское пособие, отнюдь не бывшее лучшим, «Очерки Новейшей истории» Григоровича, образовавшееся из лекций, читанных в Академии Генерального штаба. Впрочем, и в исторической литературе Запада дело на этот счет обстояло не лучше. Например, первый серьезный немецкий компендий², «Geschichte der neuesten Zeit» Булле, вышел в свет, — я говорю о первом его томе, — лишь в 1876 г., и для того времени его можно было назвать не только лучшим, но, пожалуй, даже единственным вообще в исторической литературе. За последние тридцать лет положение дел изменилось: историй XIX в. существует довольно много, немало есть и русских переводов, а главное — замечается тенденция, по возможности, доводить изложение до наших дней. Последнее в значительной мере облегчается необычайным обилием работ по Новейшей истории отдельных стран или разных сторон жизни, наиболее важных явлений, событий и т. п., биографий и пр. и пр. Скоро сделается совершенно даже немислимым не только бегло пересматривать хотя бы только наиболее значительные публикации, но и составлять сколько-нибудь полные их списки. С другой стороны, в этой обширной литературе все более и более развивается специализация, особенно в вопросах конституционного и административного права, финансов и экономической политики, положения рабочего класса и социального законодательства, а также разных сторон экономической жизни, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, торговли и т. д. и т. д. Чем специальнее такие труды, чем детальнее в них изложение и чем более в них технических подробностей, тем менее они непосредственно пригодны в качестве материала для общего историка. Среди громадного количества книг очень часто ему бывает трудно найти то, что ему нужно, найти в достаточной мере обобщенное знание, произвести же самому всю предварительную работу — дело, конечно, непосильное для одного человека. По-видимому, чем более будет усложнять-

¹ Нельзя не поставить в заслугу г. В. Поссе, что он написал к одному из новых изданий книги Сеньобоса дополнение в виде исторического очерка 1897–1907 гг.

² От *лат.* *compendium* — сжатое суммарное изложение основных положений какой-либо науки, исследования и т. п. — *Прим. ред.*

ся жизнь, с одной стороны, и чем бóльшая, с другой, специализация будет вноситься в изучение отдельных ее областей со всеми их техническими деталями, тем еще и еще затруднительнее станет в будущем охватывать в одном целом близкие к нам периоды времени.

18 марта 1909 г.

Конец шестидесятых годов

I. Западноевропейские конституции к концу шестидесятых годов XIX в.¹

Конституционное движение в первой половине XIX в. и перерыв его в пятидесятых годах. — Окончательный переход Западной Европы к конституционному строю в шестидесятых годах. — Сардинская конституция 1848 г. и превращение ее в 1861 г. в конституцию объединенной Италии. — Переход монархии Габсбургов к конституционному строю и австро-венгерская конституция 1867 г. — Прусская конституция и ее судьба в шестидесятых годах. — Конституция Северо-Германского союза 1867 г. — Перемены, совершившиеся в шестидесятых годах в прежних конституциях (шведской, датской, швейцарской и др.). — Английская парламентская реформа 1867 г. — Испанская революция 1868 г. и конституция 1869 г. — Уступки либерализму и конституционализму во Франции в 1867–1870 гг.

В шестидесятых годах XIX в., с присоединением к конституционной монархии Савойского дома — почти всех областей Италии и с переходом

¹ В V томе «Истории Западной Европы» помещены общие обзоры состояния Западной Европы перед Июльской и Февральской революциями (гл. I и XVIII) и в пятидесятых годах (гл. XXV). Настоящая глава шестого тома имеет такой же характер — общего обзора конституционной истории шестидесятых годов, в особенности перед кризисом 1870–1871 гг. Ниже сделаны специальные указания по конституциям отдельных государств, здесь же называем общие сочинения, касающиеся конституционного государства: *Градовский А.* Государственное право важнейших европейских держав. Часть историческая (1886; вошло и в состав «Собрания сочинений», т. IV; факты второй половины XIX в. изложены очень бегло); Часть догматическая (1885 и 1895; «Собрание сочинений», т. V); Государственный строй и политические партии в Западной Европе и в Северо-Американских Соединенных Штатах (сборник отдельных статей разных авторов по странам / Под ред. Е. Смирнова); *Jellinek G.* Das Recht des modernen Staates (первое издание 1900 г.; есть русский перевод); *Esmein A.* Éléments du droit constitutionnel (первая часть — общая — в русском переводе под заглавием: «А. Эсмен. Общие основания конституционного права», 1898); *Flandin E.* Institutions politiques de l'Europe contemporaine (1901 и след.; предпринят перевод отдельных частей на русский язык); Конституционное государство (сборник статей по материям; СПб.: Права, 1905); *Котляревский С.* Конституционное государство (1907); *Лоуэл А.* Правительства и политические партии в государствах Западной Европы (1905). Для конституционного права отдельных стран существует большая коллекция Marquardsen'a «Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart» (изд. с 1883 г.), на отдельные монографии которой ссылки делаются ниже. Сами тексты конституций имеются в сборниках Dareste (Les constitutions modernes; 1891, 2-е изд.), Demombynes (то же заглавие), В. М. Гессена и бар. Б. Э. Нольде (Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. I. Конституционные монархии. 1905. Т. II. Федерации и республики. 1907) и др. Несколько отдельных конституций вышло особыми брошюрами (между ними целая киевская серия под ред. проф. И. В. Лучицкого). Для характеристики того, что представляла собой конституционная Европа в первой половине шестидесятых годов XIX в., можно указать на книгу (теперь, конечно, вполне устарелую) А. Лохвицкого «Обзор современных конституций» (1865; первое изд. было сделано в 1862 г.). Монографии по государственному устройству отдельных стран указываются ниже в соответственных местах.

к конституционализму монархии Габсбургов, в Западной Европе завершился процесс постепенного падения абсолютизма и установления вместо него народно-представительного строя. В восемь десятилетий, протекших от начала Французской революции до франко-германской войны 1870—1871 гг., этот процесс то ускорялся, то замедлялся. Эпоха Наполеона I была, в сущности, скорее продолжением, по общему своему характеру, просвещенного абсолютизма, а не Французской революции¹. Падение первой империи во Франции сопровождалось введением конституционного режима не только во Франции (1814), но и в других странах, как то: в Сицилии (1812), в Испании (конституция 1812 г. и согласие на нее Фердинанда VII в 1814 г.), в Норвегии (1814), в Нидерландском королевстве и в Царстве Польском (1815), несколько позднее в Баварии, Вюртемберге, Бадене и трех маленьких саксонских герцогствах. В эту эпоху, которую замыкают южнороманские революции начала двадцатых годов, стоял также на очереди вопрос о введении конституции и в Пруссии, а даже, казалось, не исключена была возможность и введения представительных учреждений в России, император которой, Александр I, только что утвердивший старое сословно-представительное устройство в Финляндии (1809) и даровавший конституцию Царству Польскому, торжественно заявлял о своих либеральных намерениях при открытии первого польского сейма. Двадцатые годы XIX в. были, наоборот, временем задержки в истории конституционного движения. Реакция против новых политических принципов началась, конечно, раньше и достигла наибольшей силы в двадцатых годах. Испанская конституция 1812 г. еще в 1814 г. была отменена королем, а восстановление ее революцией 1820 г. было весьма кратковременным; в 1823 г. в Испании Францией по уполномочению Европы был восстановлен абсолютизм. Сицилийская конституция 1812 г. тоже была отменена в 1815 г., а введение в 1820 г. революционным путем представительства, кроме Сицилии, и в Неаполе только послужило поводом для австрийского вмешательства, тоже от имени всей Европы, кончившегося реставрацией абсолютизма (1822). Около того же времени выяснилось, что конституционные учреждения в Германском союзе не распространятся из юго-западной Германии в северную ее часть и что в Пруссии все дело с введением конституции окончится только одними разговорами. В России, равным образом, в двадцатых годах воцарилась реакция, еще более обострившаяся после неудачной конституционной попытки 1825 г. Таким образом, сравнивая между собой две эпохи, гранью между которыми представляет собой 1820 г., мы можем сказать, что третье десятилетие XIX в. (1821—1830 гг.) было для конституционного

¹ Обоснование этого взгляда см. в гл. IV, VII, IX и X четвертого тома «Истории Западной Европы».

движения неизмеримо менее благоприятным, нежели непосредственно предшествовавшие годы¹.

1830 г. внес некоторое оживление в процесс борьбы за политическую свободу, но оно не было продолжительным и не охватило больших районов. Введение новой конституции в Бельгии (и притом конституции очень либеральной), так сказать, уравновешивалось отменой конституции в Польше. Революционные попытки в некоторых частях Италии были немедленно подавлены, но зато были введены новые конституции в Брауншвейге, Саксонии, Ганновере, Гессен-Касселе. Как известно, толчком для революционных движений в Бельгии, в Польше и в некоторых частях Италии и Германии послужила июльская революция в Париже, но затем, в общем, реакция опять справилась с революцией, и тридцатые годы снова были временем застоя в истории западноевропейского конституционализма, когда даже отменялись и раньше, и только что введенные конституции. Так дело обстояло и в сороковых годах, и только 1848 г. снова оживил и усилил конституционные стремления в отдельных нациях².

В достопамятном «сорок восьмом году», казалось, пробил последний час абсолютизма во всей Западной Европе. Во Франции, в некоторых частях Италии (в Риме, в Венеции, в Тоскане) и в Венгрии были провозглашены республики, в других государствах, в которых еще господствовал абсолютизм, были объявлены конституции, даже в Австрии, в которой речь о представительном образе правления и не поднималась в эпоху крушения империи Наполеона I. Народно-представительное учреждение и притом на демократической основе должна была получить и Германия, объединенная в империю. Но исход революции сорок восьмого года совершенно не соответствовал ее первым успехам: весьма быстро за подавлением революции началась реставрация абсолютизма, где ничем даже не прикрытого, где замаскированного своего рода лжеконституционализмом³. Весь период пятидесятих годов был временем новой задержки в истории западноевропейского конституционализма, и только в шестидесятих годах произошло возобновление политического движения, приведшее к тому, что к 1870 г. конституционный строй уже повсеместно воцарился на западе Европы⁴.

Исходным пунктом политических перемен, совершившихся в Западной Европе, была австро-сардинская война 1859 г. С одной стороны, успехи Сардинского королевства в борьбе с Австрией имели своим результатом

¹ Ср. в моем «Происхождении современного народно-правового государства» гл. XIII, в которой дан общий очерк этой эпохи.

² Ср. в только что названной книге гл. XV (XVI по 2-му изд.).

³ Ср. там же гл. XVIII (XIX по 2-му изд.).

⁴ См. общую характеристику реакции пятидесятих годов в гл. XXV пятого тома «Истории Западной Европы».

объединение Италии под властью Савойского дома, царствовавшего в этой части Италии, и с распространением на новое Итальянское королевство сардинской конституции 1848 г.; с другой стороны, в побитой Австрии явилось сознание необходимости внутренних реформ, которое привело к первым попыткам конституционного режима в 1860 г. В первой половине шестидесятых годов конституционализму, однако, пришлось выдержать в Средней Европе довольно тяжелые испытания. Новым толчком, имевшим важные последствия для Средней Европы, была австро-прусская война 1866 г., после которой вторично за короткое время побитая Австрия вынуждена была окончательно перейти к конституционному строю, а образовавшийся, вместо старого Германского союза, новый Северо-германский принял конституцию со всеобщим избирательным правом. Превращением абсолютной Австрийской империи в современную конституционную Австро-Венгрию и объединением Германии на конституционных началах и закончился процесс перехода континентальных стран Западной Европы от абсолютизма к народному представительству — процесс, в истории которого, кстати сказать, везде наблюдаются некоторые общие черты¹. Кроме отмеченных фактов, стоящих в связи с совершившимися в 1859—1871 гг. объединениями Италии и Германии, есть и другие факты, указывающие на то, что в шестидесятых годах конституционализм на Западе находился в неизмеримо лучшем положении, чем в пятидесятых. Даже во Франции Наполеона III в шестидесятых годах начался было поворот к лучшему. Правда, этим годам далеко не было дано осуществить политические стремления сорок восьмого года, но, во всяком случае, в истории представительных учреждений на Западе это время можно поставить рядом с периодом первого распространения конституционных учреждений около 1815 г. Задача настоящей главы и заключается в рассмотрении отмечаемого здесь момента.

Начнем наш обзор с возникшего в 1861 г. Итальянского королевства², принявшего сардинский конституционный статут 1848 г.³ В 1861 г. действие этого статута распространилось на всю Италию, кроме областей Папской и Венецианской, на которые эта конституция была распространена лишь с 1866 и 1870 гг.

Ныне действующая итальянская конституция обязана своим происхождением сорок восьмому году. Основные ее пункты были обнародованы еще 8 февраля 1848 г., за две недели до взрыва февральской революции

¹ О последнем см. гл. XXIV (XXV по 2-му изд.) «Народно-правового государства».

² Истории его возникновения посвящена XXVII глава пятого тома «Истории Западной Европы». Там же см. литературу по истории объединения Италии. Специально для итальянской конституции см.: *Brunialti*. La costituzione italiana (1881); *Palma L.* Corso del diritto costituzionale (1884—1886); *Brusa*. Das Staatsrecht des Königreichs Italien (1890; в коллекции Marquardsen'a); *Ruiz G.* Storia costituzionale del regno d'Italia. 1848—1898: (1898).

³ Перевод его в первом томе сборника Гессена и Нольде, стр. 264—275.

в Париже, а сам статут носит дату 4 марта, т. е. дня, когда едва исполнилась неделя со времени февральского переворота. Сардинская конституция относится к числу октроированных¹, что прямо и было подчеркнуто во вступлении к статуту. В этом вступлении тогдашний король, Карл-Альберт, представлял новое устройство, даруемое им своему государству, как залог доверия к населению и результат единственно королевского желания («единственно советов сердечных наших попечений») — упрочить судьбу страны посредством «широких и сильных представительных учреждений», этого «наиболее верного средства усилить связи неразрывного расположения» между монархом и нацией. Сила основного статута и законов Сардинского королевства утверждалась при этом «на вечные времена и ненаруσιμο»; один из параграфов статута обязывал нового государя при вступлении на престол «приносить в присутствии соединенных палат клятву в честном исполнении настоящего статута». С момента издания этой хартии королевство должно было «управляться монархическим и представительным правительством», причем король обязывался ежегодно созывать палату депутатов и сенат, а в случае роспуска последней созывать новую в течение четырех месяцев. Законодательная власть должна была осуществляться совместно королем и обеими палатами, исполнительная же принадлежать одному королю. Что касается сената и палаты депутатов, то состав первого определялся правом короля назначать в него пожизненных членов лишь из известных категорий лиц², а состав второй — введением, по особому избирательному закону, известного ценза, требовавшего от избирателей гражданского совершеннолетия (в 21 год), грамотности и либо уплаты налогов в размере 20–40 лир (смотря по местности), либо уплаты аренды за землю не менее 500 лир или за квартиру, мастерскую, лавку от 150 до 400 лир (смотря по местности), причем имущественный ценз мог заменяться цензом образовательным. В статуте не было параграфа о пересмотре, что позволило вносить в него изменения путем обычного законодательства, и хотя провозглашенная статутот ответственность министров перед палатами и не была точно сформулирована, в Сардинском королевстве вошло в обычай назначать лишь таких министров, которые могли быть угодны большинству палаты. Статут

¹ То есть пожалованных (*octroyee*, *фр.*) монархом. — *Прим. ред.*

² Именно статья 33 конституции насчитывает таких категорий 21, из которых отметим: высшее духовенство, депутатов, пробывших таковыми шесть лет, высших гражданских сановников и военных генералов (иногда после известного срока пребывания в должности или чине), членов провинциальных советов после троекратного избрания в президенты, префектов после семилетней службы, академиков при таком же условии и др.; последние две категории состоят из «всех тех, которые по своим выдающимся заслугам делают честь своей родине», и из «лиц, которые в течение трех лет платят три тысячи лир прямых налогов со своих имений или промышленных предприятий». Король не ограничен никаким числом назначаемых им сенаторов.

заключает в себе и обычный отдел о правах граждан, т. е. о равноправии, о неприкосновенности личности, жилища и собственности, о свободе печати и праве собраний, но параграфы, касающиеся этих предметов, менее определены и категоричны, нежели соответствующие статьи бельгийской конституции 1831 г., являющейся своего рода мерилем либерализма. В то время, например, как последняя устанавливала религиозную свободу и, следовательно, равенство вероисповеданий, первая же статья Сардинского статута провозглашала католицизм государственной религией, обещающая только терпимость, в пределах закона, другим, уже существующим исповеданиям, а еще одна статья прямо ограничивала свободу печати необходимостью испрашивать епископское разрешение на издание религиозных книг.

Из всех прогрессивных начинаний сорок восьмого года в Италии в эпоху Реакции удержалась только одна Сардинская конституция, что немало содействовало объединительной политике Савойского дома. Король, октроировавший своим подданным статут, вскоре, как известно, должен был отказаться от престола, но его преемник, Виктор-Эммануил II, не поддавшись общей реакции и сохранив в Сардинии конституционный образ правления. Этому королю тем легче было выдерживать роль либерального конституционного государя, что в его распоряжении в палате всегда было громадное большинство, состоявшее из приверженцев династии и статута. Если этого большинства не было, — как то случилось с первыми тремя палатами, не желавшими утвердить в 1849 г. мирный договор с Австрией, — король распускал палату и добивался того, чтобы новая состояла из правительственного большинства. Сам факт распушения действовал на избирателей таким образом, что они посылали в палату лиц, благоприятно настроенных по отношению к министерству, которое было угодно королю. При таком положении дел Виктору-Эммануилу II было нетрудно следовать английской системе парламентаризма, проводя под его формами, в сущности, свою личную политику. Установлению этих форм, как известно, немало способствовал занимавший в течение пятидесятих годов и до 1861 г. пост первого министра Кавур, бывший одним из видных деятелей и самого объединения Италии.

В конституционном отношении образование единого Итальянского королевства было не чем иным, как расширением поля действия статута Сардинского королевства на всю Италию. Так как присоединение к объединенному королевству было результатом народного голосования в присоединявшихся областях, то первый общеитальянский парламент провозгласил Виктора-Эммануила королем Италии не только «Божьей милостью», но и «по воле народа». Система управления, выработанная в период конституционного Сардинского королевства, продолжала действовать и в объединенном Итальянском королевстве. Папское запрещение

верным католикам выбирать и выбираться в палату депутатов («ne elettori, ne eletti») устраняло из нее клерикалов, бывших и абсолютистами, существование же довольно значительного избирательного ценза держало далеко от нее демократов, стоявших за республику, так что большинство депутатов было конституционно-монархическим. В нем были и свои консерваторы, и свои либералы, попеременно находившиеся у власти, но так как между «правым» и «левым центром», в сущности, разница была небольшая, то перемены министерств не имели особенно важного политического значения, тем более, что у власти становились, большей частью, одни и те же деятели, за которыми скрывалась своего рода «неизменная мысль» в лице самого «короля-джентльмена» (re-galantuomo), — положение дел, напоминающее нам французский парламентаризм времен «короля-гражданина» Людовика-Филиппа.

Народные голосования о присоединении к объединявшейся Италии происходили весной и осенью 1860 г., выборы в общеитальянский парламент — в январе 1861 г. В эти же самые месяцы сделан был первый приступ к введению конституционного строя и в Австрии¹. Та же самая война

¹ Для последующего подробнее том V. Там указана и литература по истории Австрии в шестидесятых годах XIX в. Из новейших трудов по истории Австрии см.: *Бах М.* Австрия в первую половину XIX в. (1906); *Friedjung H.* Oesterreich von 1848 bis 1860 (1908; два тома). Для истории австро-венгерского государственного устройства см.: *Bidermann H. J.* Geschichte der oesterreichisch-fen Gesamtstaatsidee. 1626—1804 (1867); *Timon.* Ungarische Verfassungs- und Rechtsgeschichte mit Bezug auf die Sechsentwicklung der westlichen Staaten (1904; пер. 2-е изд.); *Tezner.* Die Wandlungen der österr.-ung. Reichsidee (1905); *Rieger B.* Ustavni dějiny Rakouska (1903); *Huber.* Oesterreichische Reichsgeschichte (1902; 2-е изд.); *Balzer O.* Historya ustroju Austrii v zarysie (1902); *Hugelmann K.* Studien zuin oesterreichischen Verfassungsrechte (1886). Для истории австро-венгерской конституции см. также ряд статей разных авторов в первой части второго тома изд. «Česká politika». Автор статьи о дуализме (Dualismus rakousko-uherský z roku. 1867) — Fr. Fiedler. Специально для истории австро-венгерского (и мадяро-хорватского) соглашения: *Eisenmann L.* Le compromis austro-hongrois de 1867. Etude sur le dualisme (1904); *Horn G.* Le compromis de 1868 entre la Hongrie et la Croatie et celui de 1867 entre l'Autriche et la Hongrie (1907); *Offermann.* Das Verhältniss Ungarn zu Oesterreich (1902); *Rieger B.* O rakousko-uherském vyrovnání z 1867 s přehledem vývoje do r. 1899 (1903); *Kaizl-Rezek.* Vyrovnání s Uhry r. 1867 a 1877 (1886); *Bidermann.* Legislation autonome de la Croatie et aperçu de l'histoire du droit croate (1876); *Pliverić.* Das rechtliche Verhältniss Kroatiens zu Ungarn (1885); *Он же.* Beiträge zum ungarisch-kroatischen Bunsdsrechte (1886); *Он же.* Der Croatische Staat (1887); *Kuhuljević-Sakcinski.* Die legitimen und historischen Rechte Croatiens und der Ausgleich mit Ungarn (1871; 2-е изд. 1883); *Poleč M.* Parlamentarna povjest kralj. Hrv., Slav, i Dalm. (1899—1900; в двух частях доведена до 1880 г.); *Ljudevit Gaj.* Gedanken zum Ausgleich Croatiens und Slavoniens mit der Regierung (1864). Чешская литература обладает немалым количеством публикаций, посвященных истории австрийской конституции и государственно-правовому положению Богемии. Кроме коллективного предприятия «Česká politika» (1906 и след.; ср. выше), назовем: *Čemy J. M.* Boj za pravo. Sborník aktů politických u věcech státu a národa českého od roku 1848. S výklady historickými. (1893). Část I. Až do rozpuštění sněmu Kroměřížského (11 března 1848 — 7 března 1849). Část II. Od r. s. Kr. až do vydání diploma říjnového (4 března 1849—20 října 1860); *Rieger B.* Naš ústavný vývoj od roku 1848 (1897); *Он же.* Říjnový diplom r. 1860 (Osvěta за 1900 г.); *Он же.* Ustava únorová (там же за 1901 г.); *Он же.* Česká státopravní otázka v l. 1848—1865 (там же за 1901 г.); Ad. Srb. Sněm český na základě císařského diplomu z r. 1860 a císařského patentu z r. 1861 (в Prostonárodní spisy politické); Z. v. Iobolka. Počátky konstit. života v Čechach

1859 г., которая привела в конце концов к распространению действия сардинской конституции на всю Италию, заставила австрийское правительство выступить на путь реформ для уврачевания бедствий государства. По императорскому патенту 20 октября 1860 г. государь должен был пользоваться законодательной властью при помощи областных сеймов и рейхсрата, составленного из делегатов от этих сеймов, в которых были представлены привилегированные сословия. С этой якобы конституцией случилось, однако, то же самое, что и с первыми двумя октроированными австрийскими конституциями: хотя и по разным причинам октябрьский патент 1860 г. точно так же не был осуществлен, как конституция 25 апреля 1848 г. и конституция 4 марта 1849 г., формально отмененная в 1851 г. Через четыре месяца, 26 февраля 1861 г., было обнародовано дополнение к упомянутому патенту, заключавшее в себе на самом деле новую конституцию, причем вводимое государственное устройство уже прямо называлось конституционным, и Франц-Иосиф давал обещание — и лично за себя, и за своих преемников — соблюдать эту конституцию, преемникам же его даже вменялась в особливую обязанность присяга на верность новому основному закону монархии. Прежде чем, однако, излагать сущность этой конституции, отметим, что разные элементы населения Австрии приняли ее недружелюбно: мадьяры отказались от посылки своих депутатов в центральное представительное учреждение, открывшее свои заседания 1 мая 1861 г.; чехи выслали своих депутатов с оговоркой относительно исторических прав земель короны святого Вацлава, а с 1863 г. и совсем перестали принимать участие в рейхсрате; их примеру последовали и поляки; среди консервативных кругов немецкого населения тоже было заметно неблагоприятное отношение к конституции. Дело кончилось тем, что сам император отказался от своего создания и под благовидным предлогом объявил 20 сентября 1865 г., что почел за благо приостановить действие конституции¹. Менее чем через год после этого Австрия вторично была

(1898); *Müller K.* Pamětní zasedání sněmu kralovství Českého v měsíci únoru r. 1867 a jeho rospuštění (1867); *Kramář K.* České státní právo (1896). Некоторый свет на отношения в монархии Габсбургов в эпоху колебаний между централизмом, дуализмом и федерализмом проливают брошюры и статьи: *Centralisation und Decentralisation in Oesterreich* (1850); *Mailath K.* Ungarn und die Centralisation (1850); *Der Dualismus und die oestreichische Armee. Eine Denkschrift dem österreichischen Reichsrathe gewidmet von einem Deutschen Oestreicher*; *Deák's Adress-Entwurf und das Staatsrecht Oesterreichs* (1861); *Drei Jahre Verfassungsstreit. Beiträge zur jüngsten Geschichte Oesterreichs von cinem Ungar* (1864); *Léger L.* La crise autrichienne. Le royaume de Bohême et le fédéralisme (Rev. d.d. M., 1868); *Personalunion, Centralisation, Dualismus. Reden und aus Reden cisleithanischer Minister über Oesterreichs staatsrechtliche Gestaltung* (1868).

¹ Что австрийская конституция 1861 г. была совершенно неосуществима, это хорошо понимали современники. Вот что писал, например, русский юрист А. Лохвицкий во втором издании своего «Обзора современных конституций», вышедшем в свет в 1865 г. (т. I, с. 177): «Австрийская империя находится теперь в любопытном историческом процессе. Император и немецкое население стремятся к образованию одного государства, так чтобы все части, бывшие некогда независимыми владениями, и даже сама Венгрия сохранили только провин-

побита, на этот раз Пруссией, результатами чего были исключение монархии Габсбургов из Германии, во главе которой становилась Пруссия, и потеря Ломбардии, отданной Наполеону III для передачи Италии, находившейся в союзе с Пруссией. Еще в 1865 г. Франц-Иосиф вступил в переговоры с венгерским сеймом по поводу домогательств мадьярской нации, и теперь пришлось идти на уступки этим домогательствам, приведшие, наконец, к превращению централистической Австрии в дуалистическую Австро-Венгрию с восстановлением в немецкой половине монархии конституции 1861 г., в венгерской половине — конституции 1848 г. и с установлением новых отношений между двумя этими половинами монархии¹.

Порядки, установившиеся в монархии Габсбургов в 1867 г., рисуются в таком виде². Для цислейтанской (австрийской) половины монархии³ восстанавливалось действие февральского «диплома» 1861 г., которым создавался общеимперский рейхсрат и определялись устройство и деятельность ландтагов отдельных коронных земель. Рейхсрат должен был состоять из палаты господ и палаты депутатов. В состав первой включались совершеннолетние принцы императорской фамилии (по праву рождения), «достигшие также совершеннолетия главы тех местных дворянских семей, которые обладают значительными земельными имуществами в королевствах и землях, представленных в рейхсрате, и которым император жалует наследственно это достоинство», «все, — далее, — архиепископы и те из епископов, которым принадлежит княжеское достоинство» и, наконец, по пожизненному назначению «люди, оказавшие услуги государству или церкви, науке и искусству». Палата депутатов состояла по конституции 1861 г., — что было сохранено и в законе 21 декабря 1867 г.,

циальную автономию, а все государственные права над всей империей предоставлены были императору и рейхсрату. Амальгамой для такого нового общего государства, естественно, предполагается немецкая национальность с ее языком и цивилизацией. Но план этот неосуществим». Далее идет доказательство этой мысли в виде ссылок на историческую, национальную и культурную обособленность отдельных частей монархии. «Будущность, — заключает автор, — представляет одну только борьбу, и каков бы ни был ее конец, во всяком случае, данный императором патент не может осуществиться».

¹ Изложение дальнейших событий истории Австро-Венгрии см. ниже, в гл. XI.

² В I томе сборника Гессена и Нольде австрийские законы 1867 г. помещены в русском переводе на с. 2—30, венгерские законы 1848 и 1867 гг. — на с. 172—186; что же касается актов австро-венгерского соглашения, то их текст можно найти во II томе того же сборника на с. 57 и след. Все эти акты даны еще в приложении (с. 75—119) к кн.: *Вильсон В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений (1905). Кроме того, см.: *Die österreichischen Verfassungsgesetze*. Hrsg. von E. Bernatzik (1906); *Lustkandl W.* Das ungar.-österreich. Staatsrecht (1863); *Lévy D.* L'Autriche-Hongrie; ses institutions (1872); *Ulbrich.* Die rechtliche Natur des Österreichisch-ungarischen Monarchie (1879); *Bidermann* (то же заглавие); *Ulbrich J.* Das österreichische Staatsrecht (1904); *Jellinek.* Ungarisches Staatsrecht (обе монографии в коллекции Marquardsen'a); *Pražak.* Rakouské právo ústavné (1900—1903); *Kolmer G.* Parlement und Verfassung in Oesterreich (1902 и след.); *Rado-Rothfeld.* Die ungarische Verfassung; *Bertha A. de.* La constitution hongroise. Précis hist., d'après S. Rado.

³ Название Австрии Цислейтанией (а Венгрии Транслейтанией) объяснено ниже.

изменяющем основной закон 1861 г. об имперском представительстве, — из трех с половиной сотен членов, избиравшихся не прямо населением, а провинциальными ландтагами и притом лишь из среды своих членов в количестве, более или менее соответствующем населенности земли. Это отдельное представительство получили: 1) Верхняя Австрия, 2) Нижняя Австрия, 3) Зальцбург, 4) Тироль и Форарльберг, 5) Штирия, 6) Каринтия, 7) Крайна, Триест, Герц и Истрия, 8) Далмация, 9) Богемия, 10) Моравия, 11) Силезия¹, 12) Галиция и 13) Буковина, а кроме того, 14) Венгрия, 15) Трансильвания и 16) Венецианская область. Последнюю Австрия в 1866 г. утратила, а две предыдущие в 1867 г. были отделены от остальных частей монархии. За этими землями сохранялись и до сих пор сохраняются титулы королевств (Богемия, Далмация, Галиция и Лодомерия с великим герцогством Краковским²), эрцгерцогств (обе Австрии), герцогств (Зальцбург, Штирия, Каринтия, Крайна, Буковина и Силезия), маркграфств (Моравия и Истрия), окняженных (gefürstete) графств (Тироль и «Герц и Градиска») и т. п., а число их депутатов колебалось между 3 (Зальцбург) и 54 (Богемия), если не считать Венгрии (без Трансильвании), которая должна была бы высылать 85 депутатов. Имперский парламент должен был ведать общими делами империи, каковы: армия, бюджет, налоги и государственный долг, банки, торговля и таможни, почта, телеграф и железные дороги, все же остальные предоставлялись в ведение областных сеймов. Каждая из перечисленных коронных земель получила свой ландтаг, которому давалось право не только управлять хозяйственными и благотворительными делами, путями сообщения и т. п., но и право самообложения на местные потребности с правом местного законодательства³.

Конституция 1867 г. оставила в прежнем виде взаимные отношения рейхсрата и ландтагов. В компетенцию рейхсрата и по закону 1867 г. вошли «все дела, касающиеся прав, обязанностей и интересов, общих для всех представленных в рейхсрате королевств и земель», с некоторым, впрочем, расширением понятия общих дел посредством включения в их число, например, законодательства о правах граждан и подданстве, о вероисповедных отношениях, о праве союзов и собраний, о прессе, о народном образовании и т. п. Между прочим, особым «Основным государственным законом об общих правах граждан для королевств и земель, представленных в рейхсрате» (21 декабря 1867 г.) были установлены равенство всех перед законом, доступность одинаково всем гражданам всех государственных

¹ Речь идет о так называемой австрийской Силезии, сохранившейся в обладании Габсбургов после отнятия у них большей части этой провинции Фридрихом II.

² Включенным в состав монархии в 1846 г.

³ В сборнике Гессена и Нольде помещен (т. I, с. 31 и след.) «Земский устав королевства Богемии», от которого другие мало чем отличаются. Все они и доныне продолжают действовать, и только избирательная система в них изменилась, о чем см. ниже, в гл. XI и XIX.

ных должностей, свобода передвижения лиц и имуществ внутри территории, отмена навсегда всяких отношений подчинения и зависимости между отдельными лицами, свобода личности, неприкосновенность жилища, тайна переписки, право петиций, собраний и союзов, свобода устного, письменного и печатного слова (с запрещением цензуры и концессионной системы для газет), полная свобода вероисповеданий и совести, свобода науки и преподавания, равно как равноправность народностей¹. Впрочем, для некоторых пунктов этих обещаний в закон была внесена оговорка — о «специальном законе относительно допустимости приостановки, временно и в известных местностях, действия указанных прав ответственной исполнительной властью». Еще большее значение имеет, с характером такого же ограничения прав самого рейхсрата, параграф 14 закона 1867 г. об имперском представительстве. «Если, — гласит этот параграф, — ввиду крайних обстоятельств, в промежутке между двумя сессиями, окажется необходимой такая мера, которая требует, согласно конституции, созыва рейхсрата, то она может быть установлена, под коллективной ответственностью всего министерства, императорским указом, на том условии, однако, чтобы она не имела целью изменения основного закона и не повлекла за собой продолжительного обременения государственного казначейства, ни отчуждения государственного имущества». Таким указом параграф придавал значение временных законов, теряющих силу, «если правительство не найдет нужным представить их на одобрение первого собравшегося вслед за обнародованием их рейхсрата» в первые же четыре недели или «если одна из двух палат откажет им в одобрении». Этот параграф тем более заслуживает быть отмеченным, что на его основании в Австрии считали возможным даже устанавливать бюджет. В особом еще законе, тоже датированном 21 декабря 1867 г., «об осуществлении правительственной и исполнительной власти» императору вменяется в обязанность, «принимая бразды правления, приносить в присутствии обеих палат рейхсрата клятвенное обещание поддерживать неприкосновенность основных государственных законов королевств и земель, представленных в рейхсрате, и управлять в согласии с ними и общими законами». Равным образом и всем органам государственного управления предписывалось «в своей служебной присяге давать клятву в соблюдении неприкосновенности основных государственных законов».

¹ Ввиду особой важности для разноязычной Австрии последнего пункта приводим дословно соответственный (19) параграф закона: «Все народности государства равноправны и каждая народность имеет право охранять и развивать свою национальность и свой язык. Равноправность всех партий, существующих в стране, признается государством в школе, управлении и общественной жизни. В землях, где обитают несколько народностей, общественные образовательные отношения должны быть устроены таким образом, чтобы каждая народность, не будучи принуждена изучать второй язык, могла получить необходимые для обучения на своем языке средства». См. об этом ниже, в главе XI.

Совсем особое устройство получила в 1867 г. Венгрия. В сущности, в этой части монархии Габсбургов было восстановлено действие конституции 1848 г., обязанной своим происхождением тогдашней революции. Эту конституцию составляют некоторые отдельные законы 1847—48 г., каковы: об образовании независимого венгерского ответственного министерства, о ежегодных сессиях сейма, о выборах депутатов сейма на основах представительства и др. По основному закону еще 1790—91 г. венгерский король был обязан короноваться в течение первых шести месяцев после перемены царствования. В своем дипломе 1867 г., данном Венгрии, Франц-Иосиф констатировал, что он «не мог короноваться в качестве короля Венгрии и стран, к ней принадлежащих, в срок, предписанный законом», равно как и позднее, в 1861 г., когда был создан сейм для коронования, которое тоже «не могло состояться по причине тогдашних обстоятельств и затруднений». Удалось сделать это только в 1865 г., после чего, — как говорится далее в дипломе¹, — «милостью Божьей и на радость родительскому сердцу нашему, восстановлением конституции нам удалось устранить наконец затруднения, которые до сих пор препятствовали нашему вступлению на престол и коронованию». Далее Франц-Иосиф признавал, что сомнения венгерского сейма относительно формальной стороны отречений от престола его дяди и отца имели свои основания, и обещал, что ни в коем случае недостатки этих отречений «не создадут опасного прецедента для законной самостоятельности и независимости страны». В обеспечение прав Венгрии в диплом включалось несколько особых параграфов. «Свято и неприкосновенно, — говорится в первом из них, — будем мы соблюдать... порядок королевского престолонаследия... порядок коронования, прав Венгрии и принадлежащих к ней стран, конституцию ее, законную независимость, свободу и территориальную неприкосновенность», обеспечением чего будет служить королевская присяга. Второй обещал хранить священную корону королевства в самой Венгрии, а четвертый возвращал Венгрии право избрания государя в случае прекращения потомства эрцгерцогов Австрии и т. п.

В 1867 г., таким образом, после долгой борьбы с австрийским централистическим абсолютизмом Венгрия возвратила себе отдельное политическое существование и конституционный строй. Попытка Габсбургов превратить земли «короны святого Стефана» в простую провинцию централизованного государства с нарушением даже ее единства (например, путем отделения Трансильвании) окончилась полной неудачей. Венгерский сейм, который конституцией 1861 г. низводился на степень областного, или земского, возвращал себе значение сейма государственного, притом гораздо более централистического, чем австрийский рейхсрат: в составе

¹ В сущности, диплом помечен 6 июня 1866 г., а в 1867 г. состоялось его включение в число законов страны.

земель короны святого Стефана за одной только Хорватией была сохранена местная автономия, тогда как Австрия продолжала состоять из полутора десятков королевств и земель. Само существо венгерской конституции, восходящей своими корнями еще к Золотой булле 1222 г., отличалось от существа конституции австрийской большей силой представительства, большей ограниченностью королевской власти.

Завоевание Венгрии независимого положения в монархии Габсбургов привело последнюю к дуалистическому строю, в основу которого было положено соглашение (*Ausgleich*) между обеими половинами монархии, разделенными в одном месте рекой Лейтою, откуда и их названия Цислейтании и Транслейтании. Это соглашение было выработано совещаниями, происходившими между депутациями от австрийского и венгерского парламентов и затем было санкционировано как в самой Австрии, так и в Венгрии, в первой — «законом 1867 г., касающимся общих дел Австрийской монархии и порядка их отправления», во второй — законом того же года, «относящимся к предметам общих интересов, которые существуют между землями венгерской короны и другими землями, подвластными его величеству, и способу их разрешения»¹. Точкой отправления для второго из них послужила прагматическая санкция 1723 г., как «основной договор, который заключен был между светлейшим августейшим домом (Габсбургов) и Венгрией и который обеспечил как однообразное обладание принадлежащими к монархии землями и провинциями, так и законодательную и административную независимость Венгрии». Из этой прагматической санкции делался не только вывод относительно того, кому должна принадлежать корона Венгрии («тому государю, который правит и остальными землями»), но и того, какие дела должны считаться общими для всей монархии. Венгерский, а за ним и австрийский закон 1867 г. объявляли таковыми иностранные и военные дела, включая сюда и флот, и финансы, поскольку этого требуют расходы, общность которых устанавливается обоими законами, причем размер расходов, падающих на каждую часть империи, должен был определяться особым соглашением с утверждения императора на определенный срок. (Первое финансовое соглашение было установлено на десять лет с принятием на себя Австрией 70% общих расходов, а Венгрией только 30%²). Не были признаны австро-венгерским «*Ausgleich*’ом» общими, но все-таки подлежащими однообразному регулированию обеими половинами монархии дела торговые вообще и таможенные в особенности, косвенные налоги, монетное дело, направление железных дорог, важных для всей монархии, и установление системы госу-

¹ Венгерский закон был санкционирован 28 июня 1867 г., австрийский — полугодом позже (21 декабря 1867 г.).

² Если бы народные представительства по этому пункту когда-либо не пришли к соглашению, установить пропорцию, но не далее как на один год, имеет право сам император.

дарственной обороны¹. Для ведения общих дел устанавливалось общее ответственное министерство, совершенно устранявшееся от управления частными правительственными делами каждой из двух половин монархии. При этом венгерский закон объявлял, что сейм земель короны святого Стефана, вступая в соглашение с другими землями его величества, считает необходимыми условиями договора не только сохранение конституции Венгрии, но и «действительное введение конституционной формы правления во всех других землях и провинциях его величества, ибо, — как сказано было дальше, — Венгрия может вступать в сношения по общим делам только с конституционными правительствами этих земель». Вместе с тем Венгрия в своем законе 1867 г. заявляла, что считает бесполезным учреждение общего парламента опять-таки, между прочим, в силу прагматической санкции. Законодательная власть по общим делам обеих половин монархии, по соглашению 1867 г., стала отправляться делегациями, избираемыми представительными учреждениями обеих половин на срок сессии, т. е. на каждый год. Каждая половина назначает по шестьдесят делегатов, причем от Венгрии двадцать делегатов выбирались из палаты господ и сорок из палаты представителей, а в австрийской делегации соблюдался тот порядок, чтобы на каждую коронную землю приходилось определенное число делегатов (например, на Богемию 10, на Галицию 7 и т. д.) при соблюдении в общем той же пропорции между членами обеих палат, как и в Венгрии. Обе делегации должны быть собираемы ежегодно и притом в одно время, и в одном месте (попеременно в Вене и в Будапеште), но заседания их происходят раздельно, и лишь, в крайних случаях, если соглашение между ними не могло бы быть достигнуто, допускается общее их собрание. Таковы главные основы австро-венгерского соглашения 1867 г., одновременно с которым в австрийской половине вступили в силу названные выше законы об изменении имперского представительства и об общих правах граждан (равно как и еще три закона об исполнительной и судебной властях).

Австро-венгерское соглашение 1867 г. было дополнено в 1868 г. венгерско-хорватским. Хорваты совершенно так же, как и мадьяры или чехи, не хотели принимать участия в общеимперском парламенте по уставу 1861 г., но в то же время заявляли, что события 1848 г. уничтожили всякую правовую связь между Венгрией и Хорватией². Одновременно с переговорами, которые велись между венгерским сеймом и императорским правительством, этот сейм посредством особой делегации вел переговоры с хорватским сеймом, тоже выбравшим для этого особую делегацию. Дело шло очень туго и даже прерывалось, так как, например, венгерский сейм не

¹ Если бы по этим вопросам соглашение не состоялось, Венгрия выговаривала себе на такой случай право вполне самостоятельного по ним распоряжения.

² Официальное название — «королевства Далмации, Кроации (Хорватии) и Славонии».

хотел допускать хорватов к участию в переговорах с правительством, и хорваты потому сделали попытку войти в непосредственное соглашение с короной. Эта попытка не удалась, и австро-венгерское соглашение состоялось без всякого участия Хорватии. Ответом на это со стороны хорватского сейма был протест с непризнанием законности австро-венгерского Ausgleich'a. Правительство распустило сейм и, изменив избирательный закон, созвало новый, более покладистый. Результатом было названное соглашение 1868 г., в силу которого Хорватия после двадцатилетнего перерыва воссоединилась с Венгрией. В этом договоре также проводилось разграничение между общими и частными делами Венгрии и Хорватии с обязанностью для последней вносить в будапештское казначейство известную часть (55%) своих доходов. Понятно, что общие дела должны были решаться государственным сеймом короны святого Стефана, куда местному хорватскому сейму предоставлено было посылать своих делегатов с правом голоса в общих делах всего королевства, а пятерым из них отводилось место и в венгерской делегации. Кроме того, в состав венгерского министерства включался особый министр по делам Хорватии без специального портфеля в качестве, однако, представителя при императоре-короле от национального правительства Хорватии, во главе которого находится бан, ответственный перед местным сеймом. Во всем остальном Хорватия объявлялась автономной, а именно в отношении внутреннего законодательства, культов, народного образования и отправления правосудия. Особым параграфом в качестве официального языка для этой автономной области признавался язык хорватский, притом даже в сношениях с венгерским правительством.

Переход монархии Габсбургов в 1861 г. к конституционализму одно время оказывался весьма для нее благоприятным обстоятельством в общественном мнении Германии. Объединение Италии, как известно, отзывалось на Германии оживлением и в ней объединительных и конституционных стремлений, что повлекло за собой обострение старого спора о том, объединяться ли с Австрией и под ее гегемонией или без Австрии под гегемонией Пруссии. Сохранение этой последней своей конституции, обязанной происхождением сорок восьмому году, тогда как Австрия восстанавливала у себя абсолютизм, создавало для монархии Гогенцоллернов в Германии такое же положение, каким пользовалась в Италии монархия Савойского дома. Как раз, однако, в то самое время, когда в Австрии начали вводить конституцию, в Пруссии, наоборот, возник резкий политический конфликт между правительством и представительством, который и заставил тогда многих патриотов обратить свои взоры от Пруссии в пользу Австрии.

Действующая в Пруссии конституция обязана своим происхождением как революции 1848 г., введшей во внутреннюю жизнь этого государства

начало народного представительства, так и последовавшей за подавлением революции реакции, позволившей правительству спасти очень многое из старого порядка в составленной им конституции. И вот эту самую, возникшую под сильными реакционными влияниями конституцию правительство в начале шестидесятых годов стало нарушать.

История выработки прусской конституции 1850 г. известна. Прусское национальное собрание 1848 г., которое в соглашении с правительством должно было выработать конституцию, успело только составить проект нового государственного устройства, когда после победы реакции состоялся роспуск собрания. Этот проект, однако, лег в основу конституции, октроированной королем 5 декабря 1848 г., причем она подлежала еще пересмотру народным представительством, и на это ушло более года, так как правительство не сразу добилось согласия народного представительства новых созывов и достигло желаемого результата только после переделки, в 1849 г., избирательного закона в смысле предоставления большего значения зажиточным классам общества: пересмотр конституции был объявлен законченным только 31 января 1850 г., после чего она только и вошла в законную силу.

В деле создания конституции правительство с самого начала стояло на точке зрения необходимости обоюдного соглашения монарха и нации, тогда как в национальном собрании 1848 г. сильно было стремление к захвату в свои руки учредительной власти. Даже октроировав, в конце концов, конституцию, правительство продолжало держаться того взгляда, что окончательное утверждение нового государственного устройства должно было быть делом обоюдного согласия: таков был и смысл параграфа конституции¹, по которому она должна была подвергнуться пересмотру; чтобы добиться, однако, благоприятного результата, король, как сказано, изменил избирательную систему. Выборы в национальное собрание 1848 г. были произведены по принятому соединенным ландтагом закону, дававшему право участия в выборах каждому пруссаку, достигшему 24-летнего возраста, но в 1849 г., опираясь на свое право издавать распоряжения с силою временных законов, когда палата не в сборе, Фридрих-Вильгельм IV издал, в сущности, новый избирательный закон, деливший всех избирателей на особые классы и введший двухстепенные выборы: в каждой местности избиратели стали делиться на три класса по количеству уплачиваемых ими налогов, причем на каждый класс приходится треть падающих

¹ Текст конституции 1850 г. в первом томе сборника Гессена и Нольде, стр. 390 и след., и там же указы о производстве выборов (1849 г.) и о верхней палате (1854 г.); также в приложении к книге В. Вильсона, стр. 41 и след. Есть еще отдельное издание: «Прусская конституция с объяснениями» (1905 г.); *Rönne L. v. Das Staatsrecht der preussischen Monarchie* (1899–1906; пятое изд. в обработке Ph. Zorn'a, первое вышло в свет в 1856–1863 гг.); *Bornhack. Geschichte des preussischen Verwaltungsrechtes* (1884–1892); *Meier E. Franz. Einflüsse auf die Staats- und Rechtsentwicklung Preussens* (1907–1908).

на каждую местность налогов с причислением к первому классу самых крупных плательщиков, а к третьему самых мелких и с отнесением людей более среднего достатка ко второму, каждый же класс избирает одинаковое количество выборщиков, выбирающих депутатов. Благодаря этому в 1849 г. избиратели разделились в Пруссии таким образом, что одинаковое влияние на выборы принадлежало полуторастам тысячам избирателей первого класса, четыреста тысячам — второго и более двух с половиной миллионам — третьего, или, что то же, один голос перворазрядного избирателя равнялся семнадцати голосам избирателя третьеразрядного и более, нежели шести, — второразрядного. Совершенно так же, т. е. путем королевского распоряжения был определен в Пруссии и состав верхней палаты, члены которой назначаются королем.

Остроумное конституционное монархическое и установление королевской же властью избирательного закона и верхней палаты указывают на то, что революция 1848 г. не потрясла в Пруссии королевской власти с ее военной и бюрократической опорами. Самый блестящий анализ прусской конституции 1850 г. с едва прикрытыми в ней пережитками абсолютизма произвел, как известно, в начале шестидесятых годов Лассаль в своей брошюре «О сущности конституции»¹, сделавшей в ней различие между писанной, бумажной и небумажной, действительной конституцией, как фактическим соотношением реальных сил, существующих в данном обществе. Конституция 1850 г. сохранила за монархом безусловно господствующее положение в государстве. Министры подчинены только ему одному. «Король назначает на все места в армии», но «армия не присягает конституции». В другой своей брошюре («Сила и право») Лассаль совершенно верно объяснил то, что у него самого названо «лжеконституционным» характером прусского государственного устройства: именно, старый абсолютизм, не желая быть в постоянном противоречии с реальными отношениями общественных сил и подвергать себя риску повторения сорок восьмого года, и придумал для продления своего существования конституцию, в которой права народа и его представителей не обеспечиваются никакой реальной гарантией и низводятся до минимума. Это понятие лжеконституционализма Лассаль распространял, впрочем, и на Францию Наполеона III, и на Австрию, только что объявившую введение представительной системы. Известно, что и сами прусские консерваторы одобрили взгляд Лассаля на конституцию 1850 г.

И все-таки это была конституция, хотя и искаженная. В ней мы находим параграфы о равноправии и отмене сословных привилегий, о свободе науки и преподавания с запрещением впредь вводить цензуру, о возбуждении обвинения против министров в случае нарушения конституции и т. п.

¹ Есть русские переводы; подробное изложение см. в пятом томе «Истории Западной Европы».

Той же конституцией каждый король по вступлении на престол обязывался давать «клятвенное обещание твердо и ненарушимо соблюдать конституцию королевства и управлять в согласии с нею и с законами».

Сам Фридрих-Вильгельм IV принес 6 февраля 1850 г. торжественную присягу конституции и остался ей верен, по крайней мере, в том, что не отменил ее действия. С другой стороны, и его правительство действовало в постоянном союзе с консервативно-конституционной партией, объединявшей интересы и стремления дворянства, чиновничества и промышленно-торговой буржуазии. Прусская палата депутатов пятидесятых годов, в которой были представлены, главным образом, абсолютистические и феодальные элементы общества, отличалась крайней реакционностью, но и в Пруссии, как везде, с конца пятидесятых годов и начала шестидесятых годов началось оживление либерализма. Переход королевской власти в конце 1858 г. в руки принца-регента, который в 1861 г. сделался королем под именем Вильгельма I, был для Пруссии «новой эрой», и консерваторы на выборах стали терпеть поражения. Но очень скоро в «новой эре» пришлось разочароваться. Вильгельм I, опасаясь агрессивной политики Наполеона III и предвидя неизбежное столкновение с Австрией, задумал увеличить военные силы Пруссии, что требовало новых расходов. Образовавшееся в прусской палате либеральное большинство было против этого плана, потому что господствующую в ней роль стала играть партия прогрессистов, желавшая объединения Германии под гегемонией Пруссии, в то же время стремившаяся превратить свое отечество из чисто военного государства в государство правовое, в смысле дальнейшего развития в Пруссии конституционных и либеральных начал. На почве этого разногласия начался конфликт, затянувшийся на четыре года (1862—1866 гг.), когда палата отказывалась утверждать бюджет, а правительство, невзирая на это, взимало налоги и проводило свою военную реформу. В эти годы и взял в свои руки бразды правления в Пруссии Бисмарк, с именем которого не в одной Пруссии связана история последней трети XIX в. Политическая борьба здесь во время «конфликта» приняла самый острый характер, и обе стороны обвиняли одна другую в противоконституционных действиях. Правительство не обращало внимания на протесты оппозиции, а против общественного возбуждения стало принимать репрессивные меры. Это положение дел не помешало Вильгельму I в 1864 и 1866 гг. вести две войны — с Данией и с Австрией¹. Мало того, победы, одержанные Пруссией в обеих этих войнах, привели к прекращению внутреннего конфликта. Консерваторы думали в 1866 г. воспользоваться торжеством прусского оружия для изменения конституции в еще более монархиче-

¹ Новейший труд по шлезвигскому вопросу, бывшему причиной войны 1864 г.: *Jessen Fr. de. Manuel historique de la question du Slesvig* (1906). Для австро-прусской войны есть русское сочинение: *Станкевич А. История войны 1866 г. в Германии* (1870).

ском направлении, и эта идея была по душе Вильгельму I, но более дальновидный Бисмарк этому воспротивился¹. Выборы 1866 г. происходили под впечатлением военной удачи Пруссии, а сам Бисмарк вставил в тронную речь короля, при открытии новой сессии, пожелание о прекращении конфликта путем индемнитета, т. е. снятия ответственности за управление без законного бюджета, что и было потом принято громадным большинством палаты, в которой прогрессисты были уже в меньшинстве. С этого момента первенствующая роль в прусской палате стала принадлежать партии национал-либералов, обещавшей впредь поддерживать правительство в его внешней политике, внутри же, не поступаясь ни единым конституционным правом, охранять своей лояльной оппозицией права нации. Сам Бисмарк стал переходить на сторону этой партии².

Победа Пруссии над Австрией и ее союзниками увеличила территорию этого королевства присоединением Ганновера, Гессен-Касселя, Нассау и Франкфурта-на-Майне, на территории которых распространилось и действие конституции 1850 г. Следствием той же победы было образование Северо-германского союза³ с новой конституцией, которая была введена в действие в 1867 г. и в которой Бисмарк провел всеобщее избирательное право, признав его наилучшим средством для сплочения Германии в одно целое, тем более, что во Франции действие этой системы несколько не препятствовало тогда всемогуществу правительства.

В сущности, конституция Северо-германского союза есть не что иное, как теперешняя конституция Германской империи⁴, только с соответст-

¹ В Америке недавно изданы мемуары известного революционера 1848 г. Карла Шурца, начало которых было переведено в «Русском богатстве» за 1906 г. и вышло отдельной книгой под заглавием «Из воспоминаний немецкого революционера». В новой части этих воспоминаний Шурц, бывший в шестидесятых годах видным политическим деятелем в Северо-Американских Соединенных штатах, рассказывает о своей поездке в 1868 г. в Германию, где, между прочим, был принят Бисмарком. Теперь из его записок мы узнаем, что говорил ему имперский канцлер о своей политике этого времени. Именно он рассказывал Шурцу, каких трудов стоило ему сначала склонить Вильгельма I к войне с Австрией, а потом, наоборот, удержать его от намерения потребовать у побежденной Австрии слишком многого. Самое, однако, любопытное в сообщении Шурца это — приводимые им слова Бисмарка о том, что он сделал бы, если бы ему не удалось удержать короля от его намерения, исполнение которого могло бы вызвать вмешательство Франции: «У меня, — сказал Бисмарк, — было наготове решительное и, думаю, действительное средство, так как я тогда обратился бы к национальному чувству немцев, провозгласив имперскую конституцию, которая была выработана франкфуртским парламентом 1848—1849 гг.».

² Дальнейшая внутренняя история Пруссии ниже, в главе VII.

³ См. ниже в гл. VII указания на литературу по истории объединения Германии. Здесь отметим только Шербюлье. Германия в политическом отношении с 1860 до 1870 гг.; *Arndt. Geschichte der Jahre 1867—1871* (1872); *Martitz. Betrachtungen über die Verfassung des Norddeutschen Bundes* (1868); *Schulze H. Einleitung in das deutsche Staatsrecht mit besonderer Berücksichtigung der Krisis des Jahres 1866 und der Gründung des Norddeutschen Bundes* (1867).

⁴ Текст германской имперской конституции в сборнике Гессена и Нольде, т. II, стр. 163 и след.

венными изменениями титулов. Ею было признано за союзом (будущей империей) право законодательства в пределах союзной территории, причем союзные законы объявлялись выше законов каждого отдельного государства. Равным образом конституция устанавливала для всего населения союза общий индигенат¹, в силу чего каждому союзному государству вменялось в обязанность не делать разницы в пользовании гражданскими правами между принадлежащими (подданными, гражданами) к каждому из союзных государств и туземцами. Конституция, далее, подробно перечисляла дела, подлежащие надзору со стороны союза и его законодательству. Из этого длинного перечня отметим только постановления относительно свободы передвижения, натурализации и поселения, прав гражданства, паспортов и т. п., таможенное и торговое законодательство и законодательство о налогах, употребляемых на нужды союза, определение системы монет, мер и весов, банковское дело, организацию общей защиты германской торговли за границей, железнодорожное, почтовое и телеграфное дело, войско и военный флот, гражданство и уголовные законы. Для осуществления союзного законодательства конституция создавала союзный совет и рейхстаг. Первый должен был состоять из представителей членов союза, которых каждый из них получил право назначать в любом числе, что не имеет, однако, никакого влияния на число голосов, какое было предоставлено каждому государству конституцией в союзном совете². «Союзный совет постановляет решения относительно вносимых в рейхстаг предложений и принятых им постановлений, относительно необходимых для исполнения союзных законов общих административных распоряжений и инструкций, поскольку общий закон не определяет иного, и относительно недостатков, обнаружившихся при исполнении законов и распоряжений или инструкций». В целях выполнения своих задач союзный совет образует постоянные комитеты для армии и крепостей, для флота, для таможен и налогов, для торговли, для железных дорог, почт и телеграфов, для юстиции, для отчетности. Председательство в союзе было предоставлено Пруссии, король которой, сделавшийся в 1871 г. германским императором, получил право «выступать представителем союза в международных сношениях, объявлять войну и заключать мир, заключать союзы и другие договоры с иностранными государствами», но для объявления войны требуется согласие союзного совета, для договоров же с иностранными государствами по предметам, относящимся к союзному законодательству, кроме согласия союзного совета, нужно и принятие рейхстагом. Ему же, прусскому королю, в качестве главы союза, «принад-

¹ Гражданство (подданство) данного государства (*фр.* indigénat). — *Прим. ред.*

² В теперешней Германской империи в союзном совете 58 голосов, из которых Пруссии принадлежит 17 голосов, Баварии 6, Саксонии и Вюртембергу по 4, Бадену и Гессену по 3, М. Шверину и Брауншвейгу по 2, остальным по одному.

лежит право созывать, открывать, отсрочивать и закрывать союзный совет и рейхстаг», которые, однако, должны созываться ежегодно. «Председательство в союзном совете и руководство его делами принадлежит канцлеру», назначаемому общим главой союза. Последнему же конституция предоставила «право изготовления и обнародования общих законов и наблюдения за их исполнением» со скрепою канцлера, «который этим актом принимает ответственность на себя». В случае неисполнения членом союза своих обязанностей он может быть принужден к их исполнению путем экзекуции. Для выборов в рейхстаг была принята система всеобщего, прямого и тайного голосования, самому же рейхстагу предоставлялось «право инициативы законов в пределах союзной компетенции» и препровождения к совету или канцлеру обращенных к нему, рейхстагу, петиций. «Члены рейхстага, как таковые, не получают никакого жалования или вознаграждения», а в случае назначения на какие-либо правительственные должности «теряют место и голос в рейхстаге и могут снова получить их только путем новых выборов». Особые отделы конституции 1867 г. посвящены таможенному и торговому делу, железным дорогам, почтам и телеграфам, флоту и мореплаванию, заграничным консульствам, общим финансам и общей армии. В последнем отделе говорится о ее единстве и о подчинении ее, и в мирное, и в военное время, главе союза, который «в случаях, угрожающих общественной безопасности на территории союза, может объявить на военном положении каждую ее часть». Особый отдел был отведен и вопросу о разрешении споров между различными союзными государствами, что было предоставлено союзному совету на основании отзыва одной из сторон. «Споры по поводу смысла конституции в таких союзных государствах, в которых не установлено учреждения для разрешения таких споров», предоставлялось, по отзыву одной из сторон, полюбовно решать союзному же совету, а в случае неудачи они подлежали разрешению в общем законодательном порядке. В последнем, равным образом, было принято производить и изменения конституции с добавлением, что предписания конституции, которыми установлены права отдельных государств по отношению к союзу, могут быть изменены лишь с согласия заинтересованных государств. Сравнивая северогерманскую конституцию 1867 г. с имперской 1849 г., мы, между прочим, в позднейшей из них не находим отдела об основных правах граждан.

Кроме распространения действия старых конституций (сардинской и прусской) на новые территории и возникновения новых конституций, в шестидесятых годах XIX в. произошли и некоторые внутренние изменения в прежде уже действовавших конституциях.

В середине шестидесятых годов совершился переход Швеции от сословно-представительного устройства средневекового типа к новому конституционному строю с народным представительством. Здесь существо-

вал сейм, в котором были четыре сословные палаты: дворянская, духовная, городская и крестьянская, и государственный совет, без которого король не мог решить ни одного дела. В 1682 и 1772 г. в Швеции устанавливался фактически абсолютизм, а в первой половине XVIII в. олигархия, в XIX же столетии с 1809 г. действовала нормальная конституция, подвергшаяся в 1840 г. изменению, в смысле превращения старого государственного совета в министерство современного типа, но система сословного представительства продолжала существовать по-прежнему. Благодаря ей в конце пятидесятых годов 27 тыс. населения с 52 млн риксдалеров имущества имели в государственной жизни такое же значение, как 2,5 млн с имуществом, оценивавшимся в 340 млн. Очевидно, такая система была крайне невыгодна для большинства, состоявшего из горожан и крестьян, и потому две соответственные палаты сейма первые начали агитировать в пользу реформы сейма, как и в былые времена они же поддерживали монархизм против дворянской олигархии. В 1862 г. городское и крестьянское сословия обратились к королю с просьбой внести в сейм проект реформы сейма, но дворяне и духовные голосовали против этого предложения. Королевская власть (царствовал в это время Карл XV) стала, однако, на сторону реформы, и в 1863 г. сейму был предложен проект реформы, который и был принят в 1865 г. всеми четырьмя сословиями, а в 1866 г. новая конституция вступила в силу¹.

В сущности, до сих пор в Швеции остается в силе с некоторыми изменениями «форма правления» 1809 г. и вполне заменен новым уставом только старый «Устав риксдага 10 февраля 1810 г.». Как и первый из названных актов, так точно и второй подвергался целому ряду пересмотров. Главными статьями нового устава 1866 г. являются разделение риксдага на две палаты («первую и вторую, которые по всем вопросам обладают равными компетенцией и правами»), ежегодность их сессий, недопустимость закрытия сессии до истечения четырех месяцев после открытия ее, если только о том не просит сам риксдаг или король не назначит выборов в обе палаты либо одну из них, избрание первой палаты провинциальными и муниципальными советами (последними, если город не представлен в провинциальном совете), а членов второй деревнями отдельных судебных округов. Избирательное право конституция 1866 г. предоставила «в общине, где лицо имеет свою оседлость, всякому лицу мужского пола, имеющему право голоса в общих делах общины, обладающему, в качестве собственника или нанимателя, недвижимостью в селе или в городе, оцениваемой, по крайней мере, в тысячу риксдалеров, и снявшему в аренду пожизненно, или, по меньшей мере, на пять лет сельскую недвижимость,

¹ Текст шведской конституции у Гессена и Нольде, том I, с. 528 и след. В Норвегии продолжала действовать конституция 1814 г., текст которой там же (т. I, с. 32 и след.). Указания на литературу см. в гл. XXI.

оцениваемую при обложении, по крайней мере, в шесть тысяч риксдалеров, или, наконец, уплачивающему государственные налоги с дохода, достигающего по меньшей мере восьмисот риксдалеров». Система выборов двухстепенная. В устав включен принцип вознаграждения депутатов за издержки путешествия в город (столицу государства), где собирается риксдаг, и за пребывание в нем. Многие статьи устава 1866 г. имеют прямо характер параграфов сеймового наказа.

В Дании средневековая сословная конституция была низвергнута еще в 1660 г., и до середины XIX в. в стране господствовал абсолютизм. События сорок восьмого года не прошли бесследно для Дании, которая в 1849 г. от короля Фридриха VII получила конституцию, оказавшуюся, впрочем, весьма недолговечной. Реакция пятидесятых годов сказалась именно и на судьбе датской конституции, так как в 1854 г. король обнародовал новую конституцию, урезав в ней права сейма до превращения его в чисто совещательное учреждение, хотя в следующем же году ему пришлось в последнем отношении снова пойти на уступку и в конституции 2 октября 1855 г. согласиться на возвращение представительному собранию законодательных прав. Одним из внутренних вопросов датской политики в это время, — приводившим, вместе с тем, к международным осложнениям, — было отношение монархии к соединенным с нею герцогствам Шлезвигом и Гольштейном, причем последний с 1815 г. входил в состав Германского союза¹. Известно, что в 1848 г. из-за герцогств у Дании вспыхнула война с немцами, окончившаяся только в 1850 г. победой Дании, после чего в 1852 г. герцогства получили конституцию, общую с последней. Когда издана была конституция 1855 г., ландтаги обоих герцогств не захотели ее признать. Дело все более и более осложнялось. Когда умер Фридрих VII, Дания признала его наследником Христиана IX Глюксбургского (мужа племянницы короля), герцогства же — Фридриха Аугустенбургского (родственника короля по мужской линии). За Шлезвиг-Гольштейн заступились Пруссия и Австрия, в войне с которыми Дания потерпела поражение, лишившись обоих герцогств (1864 г.). Конституционный вопрос в Дании этим был упрощен. Новый датский король по вступлении своем на престол, в 1863 г., под давлением национальной партии подписал новую конституцию, общую для Дании и Шлезвига, но после потери последнего вместе с Гольштейном в Дании взяла верх вновь образовавшаяся демократическая партия «крестьянских друзей», сделавшая своим лозунгом возвращение к конституции 1849 г. Правительство пошло на уступки, но представленный им проект, который не был достаточно демократичен, нижняя палата отвергла, за что была распущена (1865 г.). Новые выборы дали более благоприятное для правительства большинство, но дело все-

¹ Ср. выше указание на книгу de Jessen'a.

таки не обошлось без продолжительных пререканий, пока в 1866 г. этот политический спор не был разрешен соглашением обеих сторон на ныне действующей конституции¹.

«Конституция Датского королевства 5 июля 1849 г., пересмотренная и обнародованная 28 июня 1866 г.», представляет собой довольно типический образчик монархической конституции вообще, мало чем отличающийся от многих подобных же конституций. «Датский ригсдаг составляется из фолькстинга и ландстинга». Избирателями в фолькстинг являются все граждане, достигшие тридцатилетнего возраста, кроме находящихся на службе у частных лиц и не имеющих своего хозяйства или не имевших постоянного местожительства в течение года в своем округе либо городе, причем «число членов фолькстинга должно приблизительно соответствовать отношению одного члена на 16 тыс. населения»; избираются они на три года и получают вознаграждение. «Число членов ландстинга равно 66», из коих 12 назначаются королем, 7 выбираются от Копенгагена, остальные — от больших избирательных округов. Общие условия избирательного права те же, что и при выборах в фолькстинг. «Ригсдаг собирается в обычную сессию в первый понедельник октября, если король не назначил более близкого срока для его созыва... Всякий, кто покушается на безопасность и свободу ригсдага, всякий, кто с этой целью отдаст или исполнит какой-либо приказ, признается виновным в государственной измене». За обеими палатами конституция 1866 г. признает законодательную инициативу. «Ни один налог, — сказано в ней еще, — не может быть установлен, изменен или отменен» без согласия палат, равно как «не может быть произведен никакой набор войска, не может быть подписан никакой заем» и т. д. В конституцию были включены и параграфы, касающиеся прав граждан, равно как и равенства всех перед законом. Для пересмотра конституции, если он принимался в принципе обеими палатами и «если правительство захочет дать делу дальнейший ход», состав палат должен обновиться путем новых выборов. Окончательная санкция, понятно, остается за королем в общем согласии с монархическим духом конституции.

Таким образом, два скандинавских государства, Швеция и Дания, получили новые конституции в одном и том же 1866 г. В связи с этим нельзя не отметить, что старое шведское государственное устройство, принятое Александром I для Финляндии, в 1809 г. присоединенной к России, но не действовавшее ни при этом государе, ни при его преемнике, было восстановлено в 1863 г. Александром II, впервые в этом году создавшим сословных представителей финского народа, — факт, который тоже следует записать в актив шестидесятых годов.

¹ См. у Гессена и Нольде. Т. I. С. 225 и след. Указания на литературу в гл. XXI.

Современная конституция Швейцарии¹ ведет свое начало от 1848 г. В этой стране уже в тридцатых годах началось демократическое движение, которое одержало победу над консервативным направлением в 1848 г. Еще раньше, чем в Германии, здесь произошло преобразование прежнего союза государств в союзное государство. Не излагая самой швейцарской конституции, довольно сложной, ограничимся лишь указанием на ее основные начала. Конституция 1848 г. сочетала самостоятельность 22 кантонов, составляющих союз, с единством союза. Граждане отдельных кантонов после 1848 г. сделались равноправными гражданами и всей Швейцарии, в которой за всеми конституция обеспечивала все права свободных людей. Конституции кантонов не могут содержать статей, которые противоречили бы постановлениям общей конституции, между прочим и республиканским и демократическим принципам; причем все эти конституции должны иметь народное одобрение и подвергаться пересмотру каждый раз, как того потребует большинство граждан. Конституция запрещала какие бы то ни было сепаратные союзы между кантонами, и благодаря ей в стране прекратились бывшие прежде довольно частыми восстания и междоусобия. Что касается до права пересмотра кантональных конституций, то швейцарцы еще до 1848 г. пользовались им довольно широко, и в данное время во всем союзе нет ни одной конституции, которая сохранилась бы неизменной от времени, предшествовавшего изданию общей конституции. Самой старой из прежних конституций оставалась до начала девяностых годов конституция Берна, да и та в момент своего преобразования не насчитывала пятидесяти лет². Компетенция между кантонами и союзом была разделена таким образом, что в ведении первых были оставлены гражданское и уголовное законодательство, вероисповедные дела, народное образование, полицейская часть, пути сообщения, налоги, способ комплектования армии, союзу же переданы иностранные дела, армия, денежная система, почта, таможни. Законодательная власть в союзе принадлежит двум палатам, из которых одна, называемая национальным советом, состоит из депутатов, непосредственно избираемых народом (по одному на 20 тыс. населения), а другая, называемая советом государств³, — из депута-

¹ У Гессена и Нольде. Т. II. С. 317 и след. См. также в приложении к книге В. Вильсона, с. 53 и след., а также: *Водовозов В.* Конституция Швейцарии. Литература ниже, в гл. XXI.

² Она просуществовала с 1846 по 1893 г. Теперешняя бернская конституция см. у Гессена и Нольде. Т. II. С. 678 и след.

³ Обе палаты составляют союзное собрание. Настоящие термины для обеих палат: Nationalrath или conseil national и Ständerath или conseil d'états. Данный нами перевод этих терминов принят вообще русскими представителями науки государственного права (см., напр., у Лохвицкого. Т. I. С. 7, у Гессена и Нольде и др.). К сожалению, далеко не все (и особенно переводчики) держатся этого перевода. Например, в книге Эдмса (Adams) и Кенингэма «Швейцария и ее учреждения» (1893) второй совет назван «советом сословий», причем слово «Stand, Stände» переведено термином «сословие».

тов от кантонов (по два на каждый). Соединенное собрание обеих палат выбирает союзный совет из семи членов, между которыми распределены отдельные отрасли управления: ему принадлежит исполнительная власть. Общего президента республики в Швейцарии (подобного североамериканскому или французскому) нет; существует только президент союзного совета, выбираемый на год без права переизбрания на второй срок.

Особенно важной чертой швейцарской конституции 1848 г. является то, что ею были обобщены и возведены в принцип бывшие раньше единичными случаи народной инициативы при пересмотре кантональных конституций. Еще раньше в Швейцарии было признано за гражданами право непосредственного утверждения конституционных изменений, предлагаемых представительными собраниями кантонов, что и было включено во все конституции, подвергавшиеся пересмотру после 1830 г., но три кантона включили в свои конституции статью, обязывавшую правительства обращаться к всенародному голосованию каждый раз, когда о том будет просить известное количество граждан. Конституция 1848 г. формально утвердила за гражданами оба права, т. е. и право непосредственной санкции, и право непосредственной инициативы. Сама конституция союза подлежала как народному утверждению, так и пересмотру по народному почину в том случае, если предложение будет сделано пятьюдесятью тысячами граждан. В сущности, швейцарская конституция 1848 г. разрешала ту же самую задачу сочетания представительства и непосредственного участия народа во власти, которую пытались разрешить в 1793 г. жирондисты в своем конституционном проекте и якобинцы в составленной ими и подвергнутой народному голосованию конституции¹. В самой Швейцарии всенародное голосование было впервые применено в 1798 г. при учреждении единой и нераздельной Гельветической республики. Но политическая мысль в Швейцарии не остановилась на признании непосредственно за гражданами прав учредительной власти, а еще с тридцатых годов начали делаться единичные попытки привлечения граждан и к непосредственному участию в текущем законодательстве в форме так называемого veto или референдума. Сначала это было лишь факультативное право — требовать пересмотра народом обыкновенных законов, издаваемых представительными учреждениями, но около 1860 г. (в Невшателе в 1858 г., в Валлисе в 1861 г.) некоторыми кантонами было принято, чтобы всякий расход, превышающий известную цифру (полмиллиона или миллион франков), подвергался народному утверждению. В 1863 г. конституция Базельского полукантона (сельского) пошла еще дальше, постановив, что дважды в год местные власти будут отдавать на народное голосование всякие законы и правительственные распоряжения общего содержания.

¹ Для общего освещения вопроса см.: *Тахтарев К.* От представительства к народовластию (1907).

Это был уже не факультативный, а обязательный референдум. Параллельно с ним развивалось и право законодательной инициативы граждан, первый пример чему еще в 1845 г. подал кантон Ваадт, где 8 тыс. граждан могли возбуждать законодательные вопросы. Скоро и другие кантоны стали заводить у себя такой же порядок, в том числе и Базельский сельский полукантон, пока в той или иной форме новая система не получила всеобщего признания. Очень важным фактом было то, что в 1869 г. ввел в свою конституцию референдум и народную инициативу большой и влиятельный Цюрих. Его примеру последовало тогда же (в 1869—1870 гг.) большинство крупных немецких кантонов. Не была в то время усвоена новая система «демократического законодательства при непосредственном участии самого народа» лишь пятью кантонами (Женева, Базель-город, Фрейбург, Цуг и Тессин), но и они с течением времени (Фрейбург после всех в 1892 г.) примкнули к общей системе. Именно шестидесятые годы и были главным периодом распространения новой демократической системы: в 1860 г. число швейцарских граждан, пользовавшихся исключительным представительством, определялось в миллион и три десятка тысяч, а к 1870 г. оно упало до 330 тыс.; т. е. сократилось более чем на две трети. Введение референдума и почина было делом радикальной партии, которая желала распространить тот и другой и на союзную конституцию, и в этом смысле даже сделана была в 1865 г. попытка, не имевшая, однако, успеха: дальнейшая демократизация союзной конституции произошла только после 1870 г.

В шестидесятых же годах XIX в. произошло весьма важное изменение и в английской конституции.

Первая парламентская реформа в Англии, проведенная вигами в 1832 г., как известно, далеко не была демократической, увеличив число избирателей лишь в полтора раза (с 435 тыс. до 656 тыс.), и народное недовольство ею выразилось в бурном движении чартистов конца тридцатых и начала сороковых годов. С 1847 г. власть в Англии находилась почти постоянно в руках либеральной партии, которая, добившись цели своих стремлений, не помышляла ни о каких внутренних преобразованиях и увлекалась преимущественно вопросами внешней политики. За периодом деятельного законодательства в тридцатых и сороковых годах следовала эпоха застоя, пятидесятые годы и начало шестидесятых. Это было время внутреннего спокойствия и небывалого процветания английской промышленности и торговли. Революционное настроение рабочих, гнавшее их прежде в чартизм, улеглось и уступило место мирной деятельности профессиональных союзов, среди которых, однако, распространялась мысль о необходимости ввести представителей рабочего класса в нижнюю палату. Тред-юнионы создавали новую крупную организованную силу, иметь которую на своей стороне одинаково хотели и консерваторы, и либералы. Между тем в пользу демократизации парламентских выборов началась

агитация, главными деятелями которой были Брайт и Милль. Благодаря первому уже в 1859 и 1860 гг. вносились в нижнюю палату билли о реформе, но оба раза безуспешно. Около того же времени, в 1861 г., Милль издал свои «Рассуждения о представительном правлении», в которых тоже требовал демократизации выборов. В 1866 г. член вигского министерства Росселя Гладстон, когда-то очень консервативный приверженец торизма, все более и более с течением времени проникавшийся либеральными и демократическими идеями, внес в парламент проект избирательной реформы в смысле понижения избирательного ценза вообще, преимущественно же для городского населения, настаивая на том, что рабочие в достаточной мере доказали свою политическую зрелость и что потому лишать их участия в политической жизни страны нет никаких оснований. Часть вигов, однако, во время обсуждения этого вопроса перешла в противоположный лагерь из боязни, что демократизация выборов повлечет за собой революцию, и министерство вышло в отставку. Хотя агитация в стране в пользу реформы и не приняла такого бурного характера, как перед реформой 1832 г., тем не менее общественное мнение стало громко высказываться за реформу. Более всего волновались рабочие союзы, вожди которых стали созывать митинги и даже основали особый «Народный союз в защиту избирательной реформы». Консервативное министерство Дэрби-Дизраэли не решилось противодействовать этому общественному движению, тем более, что Дизраэли разделял точку зрения Гладстона, указывавшего на то, что престижу парламента повредило бы, если бы этот вопрос не был разрешен по инициативе самого парламента. Английские консерваторы притом не раз брались за проведение либеральных реформ, чтобы при этом проведении, по возможности, их для себя обезвредить.

Раскол в либеральной партии в 1867 г. произошел вследствие того, что часть министерской партии соединилась с консерваторами с целью проведения поправки к биллю, в силу которой наниматели квартир не получили бы избирательных прав, что было равносильно устранению рабочих от права участвовать в выборах. «Адуламиты», как прозвали отщепенцев, стояли, впрочем, вообще за необходимость реформы и готовы были покинуть своих новых союзников, если бы те совсем отказались от реформы. В марте 1867 г. Дизраэли внес в парламент свой билль, но при этом три члена кабинета вышли из его состава. Палата сделала в проекте разные изменения, но, в конце концов, билль был утвержден.

Прежде чем говорить о самой реформе 1867 г., нужно вспомнить, что вскоре после первого преобразования выборов, именно в 1835 г. в Англии была произведена реформа городского управления на основе представительства всех постоянных жителей, плативших местные налоги; это внесло в жизнь городов демократическое начало (особенно после того, как ценз оседлости был понижен с трех лет до одного года и стало предпола-

гаться, что домовладелец в уплачиваемых им налогах вносит и налоговые доли своих квартирантов). Но в то самое время, как городское управление демократизировалось, земское продолжало оставаться в руках среднего класса: управление в графствах (шэйрах) — до 1885 г., в приходах, составляющих мелкую земскую единицу, — до 1894 г. Парламентская реформа 1867 г. тоже более благоприятствовала только городам. Как и реформа 1832 г., она стояла на той точке зрения, что само участие в выборах есть не право, а особая привилегия (*franchise*), зависящая от известных условий. И вообще это было как бы второе, исправленное и дополненное издание реформы 1832 г. Снова было, во-первых, произведено перераспределение депутатских мест: одиннадцать бургов было лишено права посылать отдельных представителей, а у тридцати пяти оставили по одному вместо прежних двух, но зато было увеличено число депутатов от других местностей. С другой стороны, был понижен избирательный ценз: в графствах под него подводились лица, владевшие домами или нанимавшие дома с доходом 12 фунтов стерлингов, а в городах все квартиронаниматели, платившие 10 фунтов стерлингов в год, — условие, которому удовлетворяли почти все ремесленники, а также рабочие, жившие в собственных квартирах. Благодаря этому закону, в графствах число избирателей увеличилось в полтора раза, в городах и местечках — в шесть раз, в Шотландии даже в восемь раз, общее же число избирателей дошло до двух с половиной миллионов. С 1867 г. Англия решительно выступила на путь демократизации своих учреждений¹.

В той же второй половине шестидесятых годов, когда на протяжении немногих лет (1866—1869) почти одновременно происходили важные конституционные изменения в Швеции и Дании, в Германии, в Австрии и в Англии, наконец, в наиболее значительных кантонах Швейцарии, в Испании совершился целый политический переворот. В течение XIX в. Испания несколько раз меняла свои конституции и в большинстве случаев путем насильственных переворотов. В начале шестидесятых годов в Испании действовала конституция 1845 г.² и царствовала королева Изабелла. В сущности, с первого же момента конституция существовала только номинально, на самом же деле во внутренней политике господствовали приемы самого беззастенчивого абсолютизма, сначала в руках министерства, потом в руках камарильи. В 1848 г. в Испании были подавлены республиканские восстания, потом два военных бунта, но третий бунт удался, тем более, что к нему присоединилась столица. Два года (1854—1856) власть даже находилась в руках вождей революции, О’Доннеля и Эспартеро, и дело шло о выработке новой конституции, но потом опять все переменялось, и к шестидесятым годам произошло возвращение к правлению кама-

¹ Далее история Англии излагается в гл. IX. Там же указания на литературу.

² О предшествующей истории Испании с 1823 до 1846 г. см. в V томе.

рильи в духе традиций абсолютизма и в крайне клерикальном направлении. Это обострило характер либеральной оппозиции, усилив в ней демократические, революционные и республиканские стремления. Опять начались волнения и бунты, в которых участвовали и военные части. Правительство на это отвечало репрессиями — драконовскими мерами против печати, арестами, ссылками, казнями, и многие прогрессисты бежали во Францию. В конце концов, строгие меры не только не помогли, но прямо привели к взрыву революции во второй половине сентября 1868 г., и на этот раз спастись бегством во Францию пришлось уже самой королеве Изабелле. Временное правительство в числе десяти человек, стоявших во главе трех различных партий, не имело, однако, общего решения вопроса о том, какой же образ правления должен установиться в Испании, и дело было оставлено на усмотрение учредительных кортесов, избранных всеобщей подачей голосов.

В кортесах возобладали партия, желавшая конституционной монархии с либерально-демократическим законодательством, и в составленную ими конституцию 1869 г. в первый раз была включена в Испании свобода вероисповеданий, что вызвало в стране страшную клерикальную оппозицию, дошедшую до открытого восстания. С другой стороны, конституцией были недовольны и крайние демократы, поставившие своей целью добиться установления в Испании федеративной республики. В самой конституционной партии был тоже разлад из-за вопроса, кого сделать королем, и около года испанцы не могли найти себе государя, так как принцы (сын португальского короля, один из сыновей короля итальянского и принц Гогенцоллерн-Зигмарингенский) отклонили от себя предлагавшуюся им корону. Последняя из названных кандидатур, как известно, играла даже роль в возбуждении франко-германской войны 1870—1871 гг.¹ После долгих переговоров согласился на избрание другой сын Виктора-Эммануила Амедей, носивший титул герцога Аостского. В самом конце 1870 г. он приехал в Испанию и начал управлять страной с двупалатными кортесами: конгрессом, избранным на три года всеобщей подачей голосов, и сенатом, члены которого по конституции 1869 г. избирались специальными выборщиками. Таким образом, и в Испании в конце шестидесятих годов открывалась эра политической свободы².

Наконец, в исходе шестидесятих годов был сделан и во Франции опыт установления либеральной империи³. Некоторое ослабление правительст-

¹ См. в гл. III.

² Дальнейшая история Испании в гл. XXI.

³ Для истории «либеральной империи» см. «этюды, рассказы и воспоминания» бывшего наполеоновского министра Е. Ollivier в целом ряде томов под заглавием «L'empire libéral», из которых т. XIII вышел в 1908 г.; в нем изложение доведено до плебисцита 1870 г. Об этом издании см. статью Е. Тарле «Неудавшийся компромисс» (Современный мир. 1908; по поводу XII тома). Отметим еще специальную работу Н. Berton'a «L'évolution constitutionnelle du

венной реакции началось еще в 1860 г., и в данном случае не без влияния оказалась война 1859 г., которая имела такое важное значение и для Италии, и для Австрии, и даже для Германии. Дело в том, что помощь, оказанная Наполеоном III итальянскому объединению в ущерб папе, лишившемуся части своих владений, оттолкнула от императора духовенство, в союзе с которым он был все время с самого начала своего правления, и вот для создания противовеса клерикальной оппозиции Наполеон III начал искать сближения с либералами, что и привело его к необходимости сделать кое-какие уступки народным правам. Под влиянием этих уступок образовалась даже особая либеральная партия, которая готова была держать себя совершенно лояльно по отношению к императору, но в то же время позволяла себе критиковать его министров. Исход австро-прусской войны, бывший совсем не таким, какого желал Наполеон III¹, и неудача мексиканской авантюры поколебали положение империи и заставили Наполеона III сблизиться с либералами. В начале 1867 г. он издал декрет, расширявший компетенцию законодательного корпуса и сената предоставлением им права запроса по разным предметам внешней и внутренней политики и обсуждения правительственных объяснений по запросам. Ввиду неблагоприятного для правительства исхода выборов 1869 г. Наполеон пошел еще дальше и сенатус-консультom 8 сентября приблизил законодательный корпус и сенат к английским нижней и верхней палатам, дав первому право законодательной инициативы, мотивированного перехода к очередным делам, утверждения бюджета и т. п. и превратив сенат тоже в «палату», которая получила право предавать министров суду. В самом начале 1870 г. бывшему республиканскому депутату Оливье было даже поручено образовать однородный кабинет, представлявший собой большинство законодательного корпуса. Новый министр вскоре внес в сенат предложение о пересмотре конституции, которое было принято сенатом 20 апреля. Новая конституция сравнивала сенат в законодательном отношении с законодательным корпусом и передавала право утверждения конституционных учреждений народному голосованию, или плебисциту. Немедленно же был устроен плебисцит по вопросу, желает ли французский народ принять изменения, произведенные во французской конституции, и народное голосование 8 мая дало более семи миллионов утвердительных голосов при полутора миллиона отрицательных. Но менее чем через четыре месяца, самой империи во Франции уже не существовало². Она была свергнута народом вследствие неудач в начавшейся в июле войне с Германией, предводимой Пруссией, но и внутри империю в конце шестидеся-

second empire» (1900). Ср. новейшие труды по истории второй империи: *Thomas A. Le second empire* (1907); *Regnault A. La France sous le second empire* (1907).

¹ См. в гл. III.

² Дальнейшая история Франции излагается в гл. III.

тых годов уже подкапывала делавшаяся все более смелой и успешной республиканская пропаганда¹. Во всяком случае, опыт превращения империи Наполеона III в империю либеральную показывает, что реакционному режиму пятидесятих годов и здесь, как и везде, наступал конец.

В этом же седьмом десятилетии XIX в., когда происходили все рассмотренные в настоящей главе конституционные изменения, возобновилось и прерванное в пятидесятих годах социальное движение, как это явствует из следующей главы.

В 1848 г. история сразу хотела сделать два шага вперед, но в пятидесятих годах должна была отступить чуть не на три шага. В шестидесятих годах история снова подвинулась вперед, и началось осуществление кое-чего из планов сорок восьмого года. Исполнение, однако, осталось далеко позади замысла, и то, что по сравнению с реакцией пятидесятих годов было, конечно, прогрессом, должно было все-таки казаться отклонением в сторону от настоящего пути при сопоставлении с теми целями, которые историческому движению ставил смелый и бурный сорок восьмой год.

¹ Об этом в гл. V.

II. Основание Интернационала и начало анархизма¹

Развитие социализма в первой половине XIX в. и его крушение после подавления революции 1848 г. — Возобновление социального движения в шестидесятых годах. — Международные революционные партии первой половины XIX в. — «Коммунистический манифест» 1848 г. — Происхождение «Международного общества рабочих». — Его устав. — Деятельность съездов Интернационала в конце шестидесятых годов. — Начало репрессий против Интернационала и внутренних несогласий в нем самом. — Основные идеи анархизма и его прошлое. — Образование партии анархистов. — Сравнительно позднее появление социализма и анархизма в некоторых странах

В истории XIX в. мы различаем троякого рода движения, а именно: политические (конституционные в широком смысле слова), национальные и социальные. В предыдущей главе было рассмотрено, в каком положении находился конституционный вопрос в отдельных странах Западной Европы в шестидесятых годах, когда прошел острый период реакции, вызванной революцией сорок восьмого года. В этих же шестидесятых годах началось, чтобы закончиться в 1870 и 1871 гг., национальное объединение Италии и Германии и было положено первое начало эмансипации различных национальностей в Австрии из-под гнета все-нивелирующей германизации. Важное значение принадлежит шестидесятым годам и в истории социального движения. Этому предмету и посвящена настоящая глава.

В 1848 г. направление, которое лишь около середины тридцатых годов получило утвердившееся за ним название «социализм», могло бы считаться едва достигшим двадцатипятилетнего возраста. К тем взглядам, которые сделали из Сен-Симона одного из родоначальников социализма, он пришел лишь к концу своей жизни, и его «Новое христианство» увидело свет лишь в год его смерти (1825) за двадцать три года до февральской революции. «Доктрина» его последователей была выработана лишь к 1828 г., когда она и стала пропагандироваться Базаром в его курсе лекций, читав-

¹ Эта глава непосредственно примыкает к гл. XXXI пятого тома «Истории Западной Европы», где рассматривается социальное движение в пятидесятых и шестидесятых годах XIX в. Общие сочинения по истории социального движения и социализма отчасти указаны в V т., отчасти будут указаны ниже, в гл. VIII и XXIII. Здесь указываем только на литературу по Интернационалу, а ниже во второй половине настоящей главы и по анархизму. *Testut O.* L'internationale (1871; изд. 3); *Fribourg V.* L'Association internationale des travailleurs (1871); *Guillaume.* L'Internationale. *Brousse P.* Le marxisme et l'Internationale; *Martello T.* Storia del'Internazionale; *Луначарский.* Очерк развития Интернационала (1905; брошюра); *Ищенко А.* Социализм и интернационализм (1907); Иекк. Интернационал, со вступ. ст. Каутского (1906).

шемся в одном из домов улицы Таранн. Еще позднее, уже после польской революции, сен-симонисты приступили к практическому осуществлению своего учения, устроив свое известное менильмонтанское общежитие. «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» Фурье лишь тремя годами старше «Нового христианства» Сен-Симона, а его «Новый промышленный и общественный мир» — ровесник «Сен-симоновской доктрины» Базара. Вербовать последователей и делать практические опыты применения своих принципов и фурьеризм стал лишь в тридцатых годах. Несколько старше сен-симонизма и фурьеризма учение Оуэна, по крайней мере, в первой его фазе, но оно не играло такой роли в дальнейшем развитии социализма, как две названные французские системы. Да и Оуэн начал пропагандировать свою идею «кооперативных общин» путем печати и митингов и вербовать приверженцев среди рабочего класса лишь около 1820 г., вскоре затем уехав в Америку, и лишь по возвращении оттуда в 1827 г. вполне сложилось его социальное миросозерцание, резко враждебное существующему строю.

За это сравнительно короткое время — с середины двадцатых до конца сороковых годов — в новом направлении, социализме, совершились важные перемены.

Во-первых, в начале своей эволюции социализм не выходил за пределы интеллигентских кругов, в которых зародился и вербовал первых своих адептов, тогда как в тридцатых и особенно в сороковых годах он стал распространяться среди рабочих. В 1842 г. наблюдательный немец, Лоренц Штейн, в своей книге «Социализм и коммунизм нынешней Франции» уже объяснял само возникновение социализма в связи с развитием нового общественного класса, пролетариата. Достаточно далее вспомнить ту популярность, какой в сороковых годах во французском рабочем классе пользовался коммунистический «икаризм» Кабе и луи-блановское «право на труд» (последнее среди рабочих не одной Франции).

Во-вторых, первоначальный социализм, социализм двадцатых годов, был совершенно аполитичен, и его последователи, веря исключительно в силу идейной пропаганды и примеров на практике, держали себя далеко от всяких политических партий и политических программ. Еще и впоследствии нередко политический радикализм и социализм представляли собой два совершенно различных, параллельных, но не сливавшихся воедино течения, но уже в тридцатых годах стало складываться направление, ставившее себе одновременно и политические, и социальные задачи, т. е. стремившееся осуществить конечные цели социализма политическими средствами, демократизацией государства и социализацией его деятельности. Тот же наблюдательный немецкий ученый, который только что был назван, предсказывал, что следующая

революция не может уже быть только политической, что она неминуемо должна быть социальной.

В-третьих, ранний социализм заслужил у позднейших социалистов название утопического. В нем действительно было много фантастического, много, и даже слишком много, веры и мало, слишком мало знания. Ранние социалисты совершенно не хотели знать современных им экономических учений, в которых как-никак было много научных элементов, отвергали всю политическую экономию, прямо и принципиально ее отрицали, как нечто ложное и вредное. Серьезные социалисты сороковых годов уже изучали политическую экономию, критиковали ее, но в то же время пользовались ее понятиями, ее выводами, ее методом для своих теоретических построений. Они начали систематически изучать экономическую действительность (книга Энгельса об английских рабочих) и вносить в свои соображения известного рода историзм, освещая с новой точки зрения и более близкое, и отдаленное прошлое. Другими словами, социализм стал развиваться из утопии в науку, пользуясь помощью политической экономии и истории, а также философии.

В-четвертых, хотя утописты и верили в универсальность своих принципов, социализм на первых порах был чисто местным явлением французской и английской жизни, но с течением времени он стал распространяться среди других национальностей, и в нем происходил своего рода интернациональный синтез, давший к концу сороковых годов учение Маркса-Энгельса, на образование которого пошли как основные элементы германская философия, английская экономика и французский социализм. Правда, социальная революция сорок восьмого года вдохновлялась не марксовским призывом к соединению пролетариев всех стран, а луи-блановским «правом на труд», но упомянутый синтез заключал в себе зерно будущей эволюции¹.

«Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, бывший последним словом социализма сороковых годов, вышел в свет почти одновременно со взрывом февральской революции, немного только ее раньше. Социализм в это время был уже весьма популярен в рабочих массах и имел чисто политический характер, но как раз социальные требования пролетариата напугали имущие классы общества, чем немало содействовали развитию в них реакционного настроения. Июньские дни 1848 г. в Париже были первым поражением социализма, пролетариата, революции — поражением, за которым последовали другие поражения, пока не восторжествовала окончательно реакция пятидесятых годов,

¹ Фактические основания и более подробное изложение только что приведенных четырех пунктов см. в главе XXVII четвертого тома и в главах IX, XIII и XVI пятого тома. Ср. также мою статью «Социализм» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона.

когда можно было думать, что социализм умер и более не воскреснет. Это, например, утверждал Рейбо, который один из первых заинтересовался «современными реформаторами или новейшими социалистами» и еще в конце тридцатых годов издал о них книгу, познакомившую с ними большую публику, но не дававшую такого верного понимания, какое дала потом книга Лоренца Штейна. На очень долгое время о социализме почти совсем перестали говорить, его начали прямо забывать, и потому возрождение его в шестидесятых годах должно было многим показаться совершенной новостью.

Во Франции социальное движение было совершенно задавлено режимом Наполеона III. Старые вожди пролетариата жили, большей частью, в изгнании, новые не являлись, и в экономической литературе почти безраздельно господствовала либеральная школа с Бастиа во главе. Единственным видным писателем, нападавшим на ее воззрения, был Прудон, который в 1848 г. не играл еще почти никакой роли в рабочем движении. В начале пятидесятых годов он даже скомпрометировал себя в общественном мнении передовых кругов своими брошюрами, посвященными Наполеону III, а позднее — своим неблагоприятным отношением к итальянцам и полякам, боровшимся тогда за свободу. В 1862 г. на вопрос рабочих, как им себя держать на выборах, он ответил советом совсем не участвовать в выборах, а рабочий манифест, написанный в противоположном смысле, вызвал с его стороны книгу «*De la capacité politique des classes ouvrières*»¹, вышедшую в свет в 1865 г. В этом произведении Прудон полнее всего изложил свою теорию мутуализма, которая приобрела большую популярность среди французского пролетариата второй половины шестидесятых годов. К этому времени Наполеон III уже несколько ослабил суровость своего режима, например, в 1864 г. согласившись дать рабочим право стачек. В том же 1864 г. рабочие выставили своего кандидата на выборах в законодательный корпус. Таким образом, в середине шестидесятых годов, после пятнадцатилетнего перерыва, во Франции снова началось рабочее движение, и, как мы увидим, все французские мутуалисты сделались ревностными членами возникшего тогда же «Международного общества рабочих».

В Германии после реакции пятидесятых годов рабочее движение началось ранее и ранее же оформилось, нежели во Франции. Образование здесь особой рабочей партии с парламентарно-политическим характером связано с именем Лассалья, блестящая деятельность которого в роли публициста и политического агитатора относится к самому началу шестидесятых годов. В 1861 г. он издал свою знаменитую «Систему приобретенных прав», в которой хотел дать, по собственному его выраже-

¹ «Политический потенциал рабочего класса» (фр.). — Прим. ред.

нию, «прочную твердыню научной системы права для революции и социализма», в 1862 г. — брошюры «О сущности конституции» и «Программа рабочих» и т. д., а в 1863 г. Лассаль уже стоял во главе значительного рабочего союза, начало которому было положено съездом в Лейпциге делегатов от рабочих десяти наиболее крупных промышленных центров. В зиму с 1863 на 1864 г. Лассаль даже убеждал самого Бисмарка о необходимости введения в Пруссии всеобщего избирательного права. В 1865 г., после смерти Лассалья, был основан и орган новой партии «Социал-демократ», издававшийся в Берлине Швейцером. Параллельно с прусской рабочей организацией Лассалья возникла другая, саксонская, обязанная своим происхождением журналисту Либкнехту, горячему стороннику идей Маркса, дальнейшим же своим развитием Бебелю, стоявшему во главе одной лейпцигской рабочей организации. В конце шестидесятых годов сторонники Либкнехта и Бебеля примкнули к «Международному обществу рабочих» (на съезде в Нюрнберге в 1868 г.) и выработали программу особой партии рабочих социалистов — демократов (на съезде в Эйзенахе, в 1869 г.). Обе рабочие партии вели деятельную пропаганду своих принципов, полемизируя между собой, пока позднее, уже после войны 1870—1871 гг., не слились в одну общую рабочую партию¹.

В других континентальных странах европейского Запада социализм не сделал в эту эпоху никаких успехов. Итальянцы в эпоху объединения своего общего отечества стояли в стороне от социального движения, и то же самое нужно сказать о швейцарцах, несмотря на то, что Швейцария после подавления революции сорок восьмого года была наполнена эмигрантами разных национальностей, среди которых было много социалистов, и что здесь же после основания «Международного общества рабочих» происходили его конгрессы.

Рабочее движение Англии в шестидесятых годах характеризуется, главным образом, развитием и объединением профессиональных союзов, стремившихся к замене классовой борьбы социальным миром. В 1861 г. здесь образовался постоянный «совет союзов Лондона», что скоро нашло подражание и в других городах, а в 1868 г. в Манчестере был собран и общий съезд английских тред-юнионов, за которым последовали съезды в Бирмингеме (1869) и в Лондоне (1871); на последнем был учрежден особый комитет с задачей добиваться от парламента благоприятного для рабочих законодательства. Мы уже видели, что это союзное движение оказало свое влияние на проведение второй парламентской реформы, но, кроме того, оно сыграло немалую роль и в истории образования «Международного общества рабочих». Именно среди руководителей английских тред-

¹ Об этих разногласиях см. ниже, в гл. VIII.

юнионов возникла мысль о необходимости установления международной солидарности рабочего класса. В данном случае у них были соображения чисто практического свойства. Случалось, например, что английские предприниматели выписывали иностранных рабочих, когда не могли поладить со своими, и это наносило последним большой вред. Ничего политического не было в этой первоначальной мысли о международном общении рабочих, так как английские рабочие союзы вообще стояли далеко от вопросов широкой политики. Первые разговоры о практическом осуществлении этой мысли относятся к 1862 г., когда на лондонскую всемирную выставку приехало немало французских, бельгийских и немецких рабочих. В следующем году более определенно стали говорить о необходимости международной организации рабочего движения на одном демократическом собрании в Лондоне, созванном по поводу польского восстания, что вносило в первоначальный план уже некоторый элемент политики. Особенно политический характер должна была принять новая организация, когда в 1864 г. для выработки ее устава образовался комитет, в состав которого вошли разные политические изгнанники, в их числе такие люди, как Мадзини и Маркс.

С первым из этих имен тесно связана история международной организации, в тридцатых годах, революционных партий разных стран, со вторым — перенесение принципа международной солидарности из политической сферы в сферу социальную.

Общение между революционными партиями разных стран началось еще до тридцатых годов — ввиду общности стремлений и нередко общности судеб, но оформлено было это общение лишь благодаря деятельности Мадзини. Этот политический деятель в 1832 г. основал тайное общество «Молодая Италия», по образцу которого возникли потом аналогичные организации «Молодая Польша», «Молодая Германия», «Молодая Швейцария», «Молодая Франция» и «Молодая Испания», которые, по мысли Мадзини же, объединились в «Молодую Европу». После неудач, каким подверглись революционные движения начала тридцатых годов, в Швейцарию эмигрировала масса поляков, итальянцев, немцев и французов, которые, естественно, сближались между собой и тем подготавливали международную солидарность демократии. После сорок восьмого года произошло то же самое, и в шестидесятых годах одним из центров революционной эмиграции сделался Лондон.

Уже в тридцатых годах среди эмигрантов-демократов были и социалисты, что и социалистическому движению тоже давало международную окраску. Наибольший космополитизм в эту эпоху обнаружили представители немецкой эмиграции, в которой было немало еврейских элементов. В 1836 г. среди немецких эмигрантов в Париже возникло тайное общество, называвшееся сначала «Союзом праведников» (или

«справедливых»), потом переименовавшееся в «Союз коммунистов», в связи с которым в сороковых годах стояли многие радикальные кружки в Германии и немецкие демократические организации в Швейцарии, Англии и Бельгии. В это время (с 1840 г.) главные деятели «Союза коммунистов» должны были переселиться из Парижа в Лондон. Само это переселение было результатом неудачной республиканской попытки, сделанной в 1839 г. французским тайным «Обществом времен года», с которым названный немецкий союз находился в сношениях. В середине сороковых годов в «Союз коммунистов» вступили Маркс и Энгельс, видные уже в то время публицисты, имевшие большие связи и в Германии, и во Франции, и в Англии. В начале сороковых годов оба они одно время сотрудничали в издававшихся немцем Руге в Париже «Немецко-французских летописях»; около этого же времени они изучали французский социализм. Вскоре, однако, они должны были переселиться в Брюссель, где и занялись выработкой собственной системы. До сближения своего с Марксом Энгельс успел побывать и даже довольно долго прожить в Англии, где он основательно изучил фабричное дело, быт рабочих и новые социальные идеи и завел личные сношения среди и последователей Оуэна, и чартистов, и немецких «праведников» в то самое время, как Маркс, живя тогда в Париже, довольно близко сошелся с Прудоном. Переселившись в Брюссель, оба они основали в этом городе кружок немецких рабочих и были видными участниками местного «Международного демократического общества», поддерживая вместе с тем прежние свои связи с английскими чартистами и французскими социалистами, а также и с «Союзом праведников», отделение которого образовали и в Брюсселе. Летом и зимой 1847 г. в Лондоне собиралось два съезда этого союза, и к нему за поддержкой даже обращался Кабе, в то время готовившийся к осуществлению в Америке коммунистического общежития. На втором из упомянутых съездов было решено выработать основное учение «Союза коммунистов» и изложить его в особом манифесте, редакция которого была поручена Марксу и Энгельсу.

Результатом их совместной работы и был знаменитый «Коммунистический манифест», вышедший в свет в начале 1848 г. на немецком языке и вскоре затем переведенный на языки английский, французский, датский и польский. В нем Маркс и Энгельс изложили свое социалистическое мирозерцание. Уже раньше они, и в особенности первый из них, указывали на то, что единственным общественным классом, призванным осуществить эмансипацию всего общества, является пролетариат и что он же — единственный общественный класс, который во всех странах имеет один и тот же интерес, тогда как интересы буржуазии разных стран между собой расходятся и совсем не располагают ее к братанию народов. Эта общая мысль проводится и в «Коммунистиче-

ском манифесте», который оканчивался призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Коммунистический манифест» не успел оказать влияния на сознание рабочих в революции 1848 г., но популярность в 1848 г. луи-блановского «права на труд» и вне пределов Франции указывала уже на возможность общих лозунгов социальной борьбы в разных странах.

Разгром социалистических кружков во всех государствах континента, даже в Швейцарии, где в 1850 г. был арестован целый съезд немецких эмигрантов, делал совершенно невозможной и какую бы то ни было международную организацию. Попытка возобновления в Лондоне «Союза коммунистов» тоже не была успешной. От него вследствие разногласий с Марксом некоего Виллиха отделился особый «Международный социалистическо-демократический комитет», вступивший в дальнейшие сношения с единомышленными тайными кружками во Франции, Бельгии и Швейцарии, но эту организацию выследила полиция Наполеона III, а когда группа Маркса перенесла центр своей деятельности в Кельн, то тут ее накрыла в 1851 г. прусская полиция, что привело к знаменитому процессу коммунистов 1852 г. Разногласие Маркса и Виллиха касалось вопроса о том, нужно ли ограничиться одной идейной пропагандой (точка зрения Маркса) или готовить вооруженное восстание (точка зрения Виллиха), но после кельнского процесса Маркс, считая невозможной даже пропаганду, распустил свой союз. Но в Марксе продолжала жить идея международного социалистического союза, и он ухватился за вышедший из круга английских тред-юнионов план международной организации рабочих. 28 сентября 1864 г. состоялось в Лондоне собрание, которое поручило комитету из пятидесяти членов составить устав задуманного союза. В комитет попали, между прочим, как было уже сказано, и бывший инициатор «Молодой Европы» Мадзини, и автор «Коммунистического манифеста» Маркс. Оба они представили по проекту, но предложенная Мадзини организация была отвергнута¹ и принят был устав, написанный Марксом.

В основу составленных Марксом «Программы и устава “Международного общества рабочих”»² положены следующие соображения: «освобождение рабочих должно быть произведено самими рабочими; силы рабочих для достижения свободы должны быть направлены не на создание новых привилегий, а на установление равных прав и равных обязанностей для всех; подчинение рабочего капиталу является источником всякого политического, нравственного и материального рабства; поэтому экономическое освобождение рабочих является великой це-

¹ Отношение Мадзини к социализму было отрицательное.

² Ниже мы пользуемся переводом этого документа в томе I (стр. 84 и след.) «Истории социализма в Италии» А. Анджолини (рус. пер. 1907 г.).

лю, которой должно быть подчинено всякое политическое движение; все сделанные до сих пор усилия не дали никаких результатов за отсутствием солидарности между рабочими разных производств в одной и той же стране и за отсутствием братского союза между рабочими разных стран, и решение его неизбежно зависит от их общих усилий как в идейной, так и в практической области; движение, происходящее между рабочими наиболее промышленных европейских стран, вселяя новые надежды, в то же время учит тому, как избежать прежних ошибок, и указывает на необходимость объединения всех еще разрозненных сил». Принимая в соображение изложенные пункты, учредители Интернационала приняли все меры, необходимые для практического осуществления основной идеи, и заявляли в своем первом документе, что «новый союз, как и все общества и лица, в него входящие, в основу своего отношения ко всем людям, без различия пола, вероисповедания и национальности, полагают правду, справедливость и нравственность» и «будут считать своим долгом требование прав человека и гражданина не только для себя, но и для каждого, исполняющего свои обязанности». Как бы в пояснение последнего замечания, в программе провозглашался общий принцип, в силу которого «нет прав без обязанностей, а также и обязанностей без прав».

Сам устав Интернационала состоял из десяти параграфов¹. Первым из них определялась цель союза — «служить центром для сношений и совместной деятельности рабочих разных стран, стремящихся к взаимопомощи, развитию и полному освобождению рабочего класса». Для выполнения своей задачи должны были «собираться общие конгрессы, которые, — сказано было в данном параграфе (§ 3), — будут знакомить Европу с общими стремлениями рабочих, окончательно выработают устав международного союза, будут изыскивать наиболее действенные меры к развитию его деятельности и выбирать членов центрального комитета союза». Местопребыванием последнего назначался Лондон, состоять же комитет должен был из представителей рабочих «разных наций», участвующих в союзе (§ 4). Задачей центрального комитета ставилось «поддерживать сношения с разными рабочими ассоциациями для того, чтобы рабочие каждой страны могли всегда быть поставлены в известность относительно движения своего класса в других странах». Вместе с тем предполагалось, что «вопросы, представленные каким-либо обществом, рассмотрение которых представляет общий интерес, будут обсуждаться всеми входящими в союз обществами, чтобы в том случае, когда практические соображения или какое-нибудь международное осложнение потребует вмешательства союза, он мог действовать единодушно» (§ 6). Следую-

¹ Не важные параграфы пропускаем.

шим (7-м) параграфом в целях как «удачного исхода движения в каждой стране», так и «успешности действия центрального комитета» членам Интернационала вменялось в обязанность «всеми силами добиваться в каждой стране объединения всех рабочих организаций в один национальный союз, а также основания какого-нибудь специального органа», с оговоркой, что «осуществление этого пункта обуславливается местными законами, действующими в каждой стране». Еще один параграф (9-й) обещал каждому члену Интернационала, переезжающему в другую страну, братскую поддержку местных членов. «Хотя, — гласит наконец последний параграф, — хотя и связанные между собою братскими узами организации, однако, могут всегда существовать на началах, особых для каждой из них».

После принятия проекта Маркса состоялась резолюция о созыве в 1865 г. в Брюсселе всеобщего конгресса делегатов от рабочих всей Европы для выработки окончательного устава и избрания центрального комитета, а пока был избран временный генеральный совет, который должен был заседать в Лондоне, признанном и вообще средоточием союза. Так как участвовать в заседаниях совета было обязательно, то фактически членами его могли быть только англичане и лишь те из иностранцев, которые жили в Лондоне или его окрестностях. В это время в Англии происходила агитация, приведшая в 1867 г. ко второй парламентской реформе: она затронула и многочисленные английские тред-юнионы, кроме того, бывшие крайне недовольными отношением к ним работодателей и судов. Для только что возникшего Интернационала это оказалось весьма благоприятным обстоятельством, так как многие из названных ассоциаций, видя необходимость в объединении всего рабочего класса, одна за другой стали примыкать к новой организации. Эта, правда, не сразу, а лишь постепенно установившаяся связь между Интернационалом и английским тред-юнионизмом отразилась и на самом Интернационале, как на его миролюбивом характере, так и на его союзном строе, а с другой стороны, и генеральный совет новой организации принял деятельное участие в агитации по поводу избирательной реформы. К Интернационалу начали равным образом присоединяться и существовавшие в Лондоне ассоциации из иностранцев. Первой из них было товарищество итальянских рабочих, насчитывавшее три с половиной сотни членов, но оно скоро отложилось от союза, как предполагают, под влиянием Мадзини. Гораздо более важным по значительности присоединявшихся и по прочности самого присоединения было вступление в Интернационал трех немецких рабочих организаций, одна из которых существовала в Лондоне уже около четверти века и объединяла немецких коммунистов в столице Англии. Не замедлили начаться присоединения к Интернационалу и на континенте. Маркс, бывший секретарем союза для Германии, довел до сведения генерального совета, что в этой стране было распространено пятьдесят тысяч экземпляров издан-

ного организаторами новой ассоциации воззвания, а вскоре за тем пришло известие, что образовалась секция Интернационала в Женеве. За этой швейцарской секцией, в состав которой вошло на первых порах пять местных рабочих союзов, последовала секция бельгийская. Образовалась, наконец, и четвертая союзная группа — в Париже. Мало того, к генеральному совету с континента стали обращаться за нравственным содействием отдельные группы рабочих, каковы были французские тюлевые ткачи, начавшие стачку по поводу понижения их хозяевами заработной платы, и лейпцигские типографские рабочие, тоже устроившие большую стачку весной 1865 г. Руководители Интернационала, кроме того, пользовались разными случаями для политических манифестаций, которые имели задачей обращать на него общественное внимание. С этой целью, например, было послано американскому народу поздравление, в форме приветственного адреса, по случаю переизбрания в президенты великой республики врага рабовладельцев Линкольна, когда же последний пал от руки убийцы, было послано в Америку выражение соболезнования. В пользу поляков устраивались митинги, на которых пропагандировались принципы международной солидарности рабочих масс. Было организовано генеральным советом и особое празднество в память жертв июньских дней 1848 г.

Предположенный на 1865 г. созыв конгресса в Брюсселе был, однако, советом отменен и вместо него в Лондоне, в конце сентября этого года, была созвана конференция для разработки вопросов, которые были бы предметом обсуждения на конгрессе, когда его удалось бы собрать, тем более, что по условиям, лежавшим в бельгийских законах, съезд в Брюсселе был бы и невозможен. Программа самой конференции была довольно обширной и в ее состав были включены прямо политические вопросы, каковыми следует признать вопросы о русском влиянии в Европе, о восстановлении Польши, о существовании постоянных армий. Состав лондонской конференции Интернационала был, на самом деле, международный: в ней, кроме англичан, участвовали французы и бельгийцы, немцы и швейцарцы, представители итальянской и польской национальностей, отчасти приехавшие на конференцию с континента, отчасти местные жители, к числу которых принадлежал, например, Маркс. Конференция выбрала местом будущего конгресса Женеву, сроком созыва — май 1866 г. Кроме того, были приняты резолюции о необходимости восстановления Польши с демократическим устройством¹. Интерес представляет и пред-

¹ Некоторые делегаты спрашивали, почему так занимаются участью одних поляков, когда есть и другие угнетенные народы, например, ирландцы, но это возражение не привело ни к каким результатам. Впрочем, Интернационал не оставался вообще равнодушным к ирландскому вопросу. Маркс настаивал на том, что падение английской земельной аристократии немислимо, пока этот класс занимает такую сильную позицию в Ирландии. В 1866 г. гене-

ложение внести в программу будущего обсуждения вопрос о том, в каком отношении находится религия к развитию человечества в умственном, социальном и политическом отношениях. В непубличных совещаниях центрального комитета с делегатами, между прочим, рассматривался вопрос о материальных средствах Интернационала. Денежная сторона дела была далеко не в блестящем положении, так как всех доходов до представления финансового отчета оказалось только около 30 фунтов стерлингов, т. е. по теперешнему курсу рублей триста. Нужно, кстати, вообще заметить, что денежные средства Интернационала никогда не были в хорошем состоянии. В этом лучше всего убедиться, читая в книге Иекка подробности о закулисной, будничной работе деятелей Интернационала, которой часто мешал именно недостаток средств¹. Между тем, впоследствии ходили легенды о громадных суммах, которыми будто бы располагал генеральный совет ассоциации и которые он тратил на разные «бунтовщические» выступления рабочих в отдельных странах.

Конечно, лондонская конференция, ведшая свои дела совершенно открыто и даже хлопотавшая о том, чтобы на нее обращали побольше внимания, не могла пройти незамеченной в обществе, но собственно английская периодическая печать упорно молчала об этом маленьком международном съезде. Иначе отнеслась к конференции оппозиционная пресса во Франции, которая схватилась за эту тему, как за неприятную для правительства, чтобы досадить ему известиями о таком крамольном съезде. Одна из лучших статей о нем принадлежала перу известного историка Анри Мартена, разделявшего республиканские воззрения и даже лично примкнувшего к Интернационалу; были и другие присоединения из буржуазии, как, например, известного политического деятеля и филантропа Жюля Симона. Многие французы стали после лондонской конференции присоединяться к новой организации, но особенно большие успехи стала она делать в Швейцарии, где благодаря свободе слова, печати, собраний и союзов стали возникать группы членов Интернационала и из местных граждан как французской, так и немецкой национальности, и из иностранцев, что делало из Швейца-

ральный совет делал попытку послать к статс-секретарю по делам Ирландии Грею депутацию для защиты ирландцев, заключенных в тюрьме, от жестокого обращения. Назначение судом нескольким ирландцам смертной казни заставило генеральный совет созвать митинг протеста. Это обстоятельство даже было одним из поводов к тому, что английская консервативная пресса начала трубить об опасном для государства направлении Интернационала.

¹ Вот единичные, но очень характерные примеры безденежья Интернационала: в 1866 г. у генерального совета не нашлось 3 тысяч франков на напечатание протоколов женевского конгресса; в 1867 г. безденежье опять помешало ему напечатать периодический бюллетень и статистические сведения. Членские взносы в центральную кассу поступали крайне несправно, несмотря на их мизерность: отдельные группы должны были отчислять в нее, по постановлению женевского конгресса, по 30 сантимов с человека, а лозаннский конгресс спустил ее до пяти сантимов, т. е. до 1,8 копейки.

рии вообще и, в частности, из Женевы, ставшей видным центром Интернационала, как бы вторую его родину. Здесь в Интернационал весьма охотно вступали рабочие кружки самообразования, кооперативные товарищества, профессиональные союзы и т. п., в которые все более и более проникал и политический дух Интернационала. Гораздо хуже шли дела во Франции. Правда, в Париже существовал свой центральный комитет для всей страны, а секции, кроме Парижа, образовались и в некоторых других больших городах, как, например, в Лионе, в Марселе, в Сент-Этьене или Бордо, и даже издавались две-три газетки, но жизнь в этих секциях шла вяло. Испания движением была затронута лишь немного и, пожалуй, еще менее Италия, в которой все общественное внимание в эти годы было поглощено римским вопросом и вообще объединением населения в одну нацию.

Программа конгресса делегатов «Международного общества рабочих», заседавшего в Женеве в конце лета 1866 г., была очень сложная: это были вопросы, прежде всего, программы, организации и тактики самого Интернационала, потом о разных сторонах рабочего быта и движений, происходивших в рабочем классе (об условиях труда, об ассоциациях и т. п.), а также об отдельных проявлениях государственной жизни, каковы налоги, постоянное войско и т. п., даже, как сказано было выше, о религии и, наконец, неизбежный вопрос польский, бывший в шестидесятых годах не для одного Интернационала предметом, весьма удобным для устройства политических манифестаций. В первой категории предметов, подлежащих обсуждению, главное место принадлежало программе и уставу. Тот документ, который нами был приведен выше, имел только провизорный характер и окончательную санкцию дать ему мог только конгресс. В сущности, в Женеве был лишь утвержден, с легкими изменениями, текст первоначального документа 1864 г. Маркс не присутствовал на женевском конгрессе, — по-видимому, будучи сильно занят работой над своим «Капиталом», вышедшим в свет в 1867 г., — но ему принадлежало, так сказать, духовное руководство занятиями конгресса. Нельзя сказать, что дело прошло совсем гладко, без всяких трений, — возникло потом обвинение против генерального совета якобы в подлогах при редактировании устава, — да и разногласия по многим основным вопросам давали о себе знать, даже до сих пор не позволяя еще заинтересованным историкам совершенно спокойно о них говорить, как о деле прошлом¹. Линию поведения, ко-

¹ Особенно пристрастно и резко излагает историю Интернационала Иекк, собравший, впрочем, большой фактический материал и составивший своего рода детальную летопись перипетий этого общества. Более всего Иекка раздражают выступления французов, для которых он не скупится на самые резкие отзывы. Вот несколько взятых наудачу образчиков его исторического изложения: на женевском конгрессе 1866 г. французы «старались блеснуть прудоновской фразеологией, но это доставило им только удовольствие выговориться и выказать свое невежество». Карл Маркс был конгрессом очень доволен и «только невежество

торую конгресс предначертал рабочему классу, можно определить указанием на задачу противодействовать козням предпринимателей, всегда готовых при стачках обратиться к призыву иноземных рабочих, как к средству борьбы против домогательств рабочих своей страны. Устройство кооперации тоже рекомендовалось рабочим всех стран. Поднят был, равным образом, вопрос о необходимости статистического исследования положения рабочих в разных государствах, и даже был выработан проект опросного листа, который должен был быть разослан во все секции Интернационала для заполнения отдельных граф надлежащими ответами. Местопребыванием центрального органа конгресс оставил Лондон, а следующий съезд назначил на сентябрь следующего года в Лозанне. В одно время с женевским конгрессом происходил съезд североамериканских рабочих в Балтиморе, который — к великой радости Маркса — выставил почти те же самые требования, какие последним были приготовлены для женевских совещаний, а главное — решил примкнуть к Интернационалу, с каковой целью на лозаннский конгресс должны были прибыть и североамериканские делегаты.

Следующие ближайшие конгрессы Интернационала собирались год за годом в Лозанне, в Брюсселе и в Базеле. Это было время, когда «Международное общество рабочих» достигло своего апогея. Женевским конгрессом историки этой ассоциации заканчивают первый, организационный, период ее существования, и следующие конгрессы только содействовали дальнейшему развитию Интернационала в направлении, значительно отступавшем от английского тред-юнионизма с его преимущественно экономическими, а не политическими задачами и с его миролюбивой, чуждой революционности тактикой. Одним из результатов женевского конгресса было то, что английская пресса прервала свое прежнее пренебрежительное молчание об Интернационале и стала помещать на своих столбцах обширные статьи о рабочем движении, в чем не отставали от нее и газеты Франции и Германии. Особенно много внимания отводила Интернационалу оппозиционная печать во Франции, видевшая в нем одно из средств, которым можно будет воспользоваться против ненавистного наполеоновского режима. Впрочем, в том году, когда заседал женевский конгресс, вопросы внутренней политики на время отошли на задний план перед вопросами политики внешней. Это был год австро-прусской войны, которая тоже послужила поводом для генерального совета ассоциации изложить свой взгляд на международные войны: это — распри деспотов, во время которых рабочие не должны в своих

и болтливость французов раздосадовали его... При совещании о сокращении рабочего времени французы тоже обнаружили изрядную вздорность» (стр. 38 русского перевода). «Французы не могли себе отказать в удовольствии выказать свое невежество» (стр. 41). Или ср. фразу о бесцеремонности, назойливости и пустозвонстве плоского прудонизма французов на с. 66.

симпатиях становиться на ту или другую сторону, так как им самим нужно объединяться, дабы достичь силы и употребить эту силу на собственное освобождение от всякой тирании. На лозаннском конгрессе 1867 г. был даже поднят вопрос, как ему следовало отнестись к собравшейся тогда же мирной конференции в Женеве, и было решено, что между мечтами буржуазии о мире и враждебным отношением пролетариата к войне большая разница, хотя, конечно, Интернационал был бы и не прочь войти в состав лиги мира, если бы, со своей стороны, последняя присоединилась к программе Интернационала. Уже этот эпизод указывает, насколько ассоциацией уже овладела идея борьбы классов, полной невозможности на каком бы то ни было поприще сотрудничества между буржуазией и пролетариатом. В числе вопросов, обсуждавшихся на этом конгрессе, был еще вопрос о собственности, поводом к чему послужила резолюция о переходе в руки государства всех средств сообщения и транспорта и крупных монопольных производств. К этой резолюции было предложено прибавить установление и коллективной собственности на землю, но против него выставлено было то возражение, что это, пожалуй, чересчур усилит государственную власть. Прибавка не прошла, и вопрос о собственности на землю был отложен до следующего конгресса. Особенно важным было принятие на лозаннском конгрессе политической резолюции. Вопрос заключался в том, не следует ли признать отсутствие политической свободы крайне неблагоприятным условием для экономической эмансипации рабочего класса и вместе с тем одной из причин социальных бедствий и какие средства нужно считать скорее других ведущими к наступлению политической свободы. Резолюция конгресса в первой своей части гласила, что «экономическое освобождение рабочих связано неразрывно с политическим» и что «поэтому приобретение политической свободы является делом первейшей необходимости», в числе ее средств указывались неограниченное право собраний и союзов и неограниченная свобода печати. Поднимались, но не были разрешены на конгрессе и такие вопросы, как относительное значение обоих полов в обществе, воспитание детей, улучшение обучения и т. п.

Проявление Интернационалом коллективистических и радикально-политических стремлений начало вселять в правящих классах и в правительствах убеждение в опасности этой широко разветвившейся ассоциации, хотя она выступала решительно лишь в качестве сообщества теоретической пропаганды без непосредственно практических целей¹.

¹ Сначала правительства относились к Интернационалу без подозрительности, и еще в настоящее время некоторые историки делают намеки на то, что Интернационал мог даже быть приятен иным правительствам. Например, у G. Hanotaux мы читаем: «elle (l'Internationale) avait des relations étendues en Allemagne, peut-être même avec les entours de M. de Bismarck qui ne négligeait aucun moyen» и т. д., а несколько ниже и следующее об успехах Интернационала во

Первым стало принимать против Интернационала репрессивные меры правительство Наполеона III. В 1867 г. у наиболее видных членов союза в Париже были произведены ночные обыски, не давшие, однако, никакого материала для сколько-нибудь серьезного обвинения. Самое большее, члены Интернационала совершили проступок против распоряжения, не дозволявшего без ведома начальства собираться в количестве более двадцати человек. Строгий наполеоновский суд приговорил обвиняемых лишь к уплате штрафа в сто франков с каждого. Когда некоторые из них опять стали собираться, их, уже как рецидивистов, наказали, кроме нового наложения штрафа в сто франков, и тюремным заключением на три месяца. Опасения имущих классов и правительств были тем большими, что вторая половина шестидесятых годов была временем очень беспокойным. Вследствие причин общего характера, главным образом экономических и при этом нередко местных, эти годы были обильны стачками, волнениями. Общественное мнение приписывало их подстрекательству Интернационала, который рисовался в испуганном воображении совсем не тем, чем был на самом деле. Во всяком случае, это была ассоциация, страдавшая хроническим безденежьем, а между тем молва приписывала ей обладание громадными материальными средствами, которые будто бы щедрыми руками и тратились на устройство стачек то там, то здесь и все это для подготовки всемирной коммунистической революции. Интернационал представлялся поэтому в виде колоссального заговора, опутавшего все страны, с тайным центральным правлением в Лондоне, в распоряжении которого было чуть не безусловное и поголовное повиновение целого ряда революционных агентов из всех стран Европы. Какие небывлицы об Интернационале принимались за правду, видно, например, из того, что один умный и образованный человек серьезно уверял, будто председателем лондонского комитета состоит Луи Блан и будто в сношениях с ним находятся два английских министра. Говорилось также, будто, пользуясь правом союзов, члены Интернационала занимаются военным обучением городского пролетариата для имеющей скоро вспыхнуть революции. С другой стороны, и рабочие, не довольные своим положением, все с большей надеждой взирали на свое «Международное общество» и, преувеличивая его значение и силу, продолжали присоединяться к нему и защищали его от нападок. Генеральный совет действительно иногда собирал деньги для поддержки уже начавшейся стачки, и в некоторых случаях стачечники добивались исполнения своих требований, в других же случаях рабочие, наоборот, терпели поражения и даже подвергались расстрелу (бойня в Шарльруа в Бельгии), что для Интернационала служило поводами к новым

Франции: «peut-être le gouvernement impérial avait-il songé à s'appuyer sur cette organisation de la démocratie pour l'opposer à la bourgeoisie libérale». Histoire de la France contemporaine (1904), т. I, с. 156.

оппозиционным воззваниям и митингам протеста. В Бельгии и буржуазия, и министерство были крайне недовольны тем, что называли вмешательством Интернационала в их внутренние дела; была сделана даже попытка воспрепятствовать назначенному на 1868 г. в Брюсселе конгрессу, но, в конце концов, дело до этого не дошло. Другие правительства тоже стали принимать свои меры против опасной ассоциации. В Пруссии и в Австрии прямо было запрещено присоединяться к Интернационалу, но в Саксонии, тюрингенских княжествах и в Южной Германии рабочие союзы готовились превратиться в секции Интернационала. В другом месте об успехах Интернационала в Германии речь будет идти подробнее, здесь же мы ограничимся указанием лишь на то, что незадолго до брюссельского конгресса и на самом деле произошло присоединение к Интернационалу множества немецких рабочих союзов. Не имея возможности сделать то же самое, гамбургский съезд лассалевской партии заявил, что он будет, по крайней мере, держаться тактики, согласной с деятельностью Интернационала.

Летом 1868 г. генеральный совет в особом циркуляре по адресу тред-юнионов высказал свое мнение о положении своего дела в данный момент. «Он, — говорилось в этом обращении, — занял такое положение, какого не выпадало на долю никакой иной организации в Европе. Добиваясь полной политической свободы, он тем не менее вовсе не похож на прежние политические общества. Его задача — поддерживать все прогрессивные движения, но он должен стоять в стороне от борющихся партий, потому что, если относиться с доверием к капиталистам как к классу, то нечего и думать о помощи рабочим. Обвинение его в том, что он сам вызывал стачки, есть клевета на него, ибо он только оказывал рабочим содействие в их сопротивлении огульным увольнениям и помогал успешному исходу стачек, бывших неизбежным следствием жестокости, жадности и цинизма предпринимателей. Главный принцип Интернационала тот, что доход от труда должен принадлежать производителю, а основой общества должно сделаться братство труда, чуждое национального соперничества. У труда нет отечества, капитал же есть не что иное, как только накопленный труд». Далее в циркуляре сравнивалось лучшее положение английских рабочих с тем, что представляет собой положение рабочих на континенте, и генеральный совет ставил Интернационалу в заслугу, что он везде на континенте способствовал образованию профессиональных союзов по английскому образцу. Другой своей заслугой он считал то, что везде на континенте он оказывал помощь рабочим, а для английских рабочих приносил пользу уже тем, что мешал приглашению в страну предпринимателями иностранных рабочих. Указывая на сравнительно недалекий Брюссель, как на место будущего конгресса, генеральный совет приглашал английских рабочих послать туда побольше делегатов.

На брюссельском конгрессе, в сентябре 1868 г., представителями только что присоединившихся к Интернационалу немецких секций был задан вопрос, как должны вести себя рабочие всех стран, если вспыхнет война. Резолюция по этому вопросу представляла собою мотивированный протест против войны с рекомендацией рабочим, — если бы началась война, — забастовки, а народам — устройства против войны стачки. По вопросу об обыкновенных стачках была принята резолюция, отвергавшая стачку в качестве средства, могущего совершить освобождение рабочих, но, с другой стороны, признававшая неизбежность стачек, которые, однако, должны были бы организовываться только «обществами сопротивления», т. е. разными союзами и кассами, притом солидарными между собой. Последним же другою резолюцией было приписано значение единственного средства, могущего помочь рабочим в достижении обладания машинами. Конгрессом было обращено также внимание на умственное развитие рабочих путем распространения научно-популярных лекций. Обсуждался еще вопрос об организации кредита, давший повод к страстным схваткам между прудонистами и марксистами, после чего был поставлен на очередь вопрос о собственности на пути сообщения, рудники, каменноугольные копи, каменоломни, равно как на землю со всем, что на ней произрастает, в том числе и на леса. Большинством конгресса по этому вопросу была принята коллективистическая резолюция, против которой, как против «грубого коммунизма», высказывались, главным образом, последователи Прудона, которые вообще и на прежних конгрессах оспаривали принципиальные мнения всех более «коммунистически» настроенных товарищей. Принятие этой резолюции было полным торжеством марксизма. Немецкие делегаты даже прямо предложили конгрессу особенным образом почтить Маркса, обратившись ко всем национальностям с рекомендацией изучать только что вышедшую в свет его книгу «Капитал», так как, сказано было в мотивировке предложения, ее автор оказал всем бесценную услугу в качестве первого ученого-экономиста, сумевшего понять истинную природу капитала.

После брюссельского конгресса явления, ознаменовавшие непосредственно предшествовавшее ему время, продолжали развиваться в прежнем направлении: 1869 г. был богат, с одной стороны, волнениями рабочих и стачками, с другой — репрессиями, иногда даже при помощи военной силы, и то, что совершалось в одной стране, нередко находило отклик в другой. Генеральный совет равным образом продолжал помогать, чем только мог, рабочим, что увеличивало его популярность и приобретало Интернационалу новых и новых адептов. В одной Бельгии их насчитывалось в 1869 г. около 64 тыс. человек. Общественное мнение по-прежнему обвиняло Интернационал в провоцировании стачек, причем о нем иные готовы были говорить, как об организации, во главе которой стоят тайные

агенты Бонапарта. И репрессии против членов Интернационала тоже кое-когда давали о себе знать. Среди таких обстоятельств собрался в Базеле четвертый конгресс Интернационала и на нем было уже представлено девять стран: Англия, Франция, Бельгия, Германия, Австрия, Швейцария, Италия, Испания и Северо-Американские Соединенные Штаты. Из принципиальных вопросов, решавшихся на базельском съезде, первыми были поставлены вопросы о праве общества уничтожить частную собственность на землю с превращением ее в собственность общую и о том, можно ли считать такой переход необходимым. Большинство по обоим пунктам высказалось в утвердительном смысле; противников обоих решений было очень небольшое меньшинство, но были и воздержавшиеся от подачи голоса (первых было 54—53, вторых 4—8, третьих 13—10). В комиссии, рассматривавшей способ землепользования при новом строе собственности, большинство высказалось за крупное хозяйство с помощью машин в руках земледельческих ассоциаций, арендующих землю у государства. Важно было именно то, что на этот раз Интернационал решительно стал на коммунистическую точку зрения. Имущие классы общества были теперь встревожены Интернационалом еще сильнее, чем раньше, а в рабочем классе популярность Интернационала поднялась еще больше. В Англии осенью того же 1869 г. была основана «Лига земли и труда» («Land and labour leage») с девизом: «земля для народа», и в состав комитета этой лиги вошли некоторые члены генерального совета. В Германии к базельскому постановлению присоединился один из наиболее видных вождей рабочих, Либкнехт. В Женеве в коллективистическом духе был составлен манифест к земледельческому населению, тотчас же переведенный на разные языки для распространения в отдельных странах, между прочим, в Италии и в Испании, где даже стали возникать земледельческие секции Интернационала. Это вообще было время наибольшей силы Интернационала, но тогда же начинало уже намечаться другое явление, именно стремление к образованию национальных социалистических партий, после того, как введение в Германии всеобщего избирательного права и расширение этого права в Англии открыли перед рабочими обеих этих стран возможность непосредственного участия в местной политической борьбе. Почти повсюду в Западной Европе шла работа преобразования старых союзов в политические общества и работа образования новых обществ, легальных и нелегальных, примыкавших к Интернационалу. К нему присоединились скоро разные союзы в Голландии. Образовалась в Женеве и русская секция ассоциации. Против членов Интернационала возбуждались процессы, кончавшиеся осуждениями, в Париже, в Вене. Во Франции в разных городах весной 1870 г. наиболее видные деятели были арестованы, и назначенный на этот год конгресс в столице Франции был перенесен генеральным советом в Майнц, где, однако, тоже не мог состо-

яться по случаю начавшейся летом этого года войны. В то время, когда складывались, таким образом, внешние условия деятельности Интернационала, в нем самом подготавливался внутренний распад благодаря возникновению в его недрах анархического течения, связанного теснейшим образом с деятельностью русского эмигранта Бакунина. Здесь мы и остановимся в истории Интернационала, чтобы представить краткий очерк анархизма, заслуживающего внимания, конечно, не потому только, что им были внесены элементы внутреннего разложения в «Международное общество рабочих», но и в качестве явления, имеющего самостоятельное значение. Как раз в годы процветания Интернационала анархизм, который раньше был явлением чисто идеологическим, получил характер одного из факторов общественной борьбы, чем он и был обязан именно Бакунину, сделавшемуся главным соперником Маркса в период наибольшего влияния последнего в Интернационале.

Но прежде об анархизме вообще¹.

Если анархизм понимать, прежде всего, в смысле признания полной свободы личности, не стесняемой никакими законами, то в анархизме следует видеть не что иное, как самое крайнее выражение индивидуализма, лежащего и в основе либерализма. Например, Бенжамен Констан, защищавший «свободу во всем», сам определял ее, как «торжество личности над властью, желающей управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право подчинения себе меньшинства». Сама идея естественного права, на которой покоится революционная «декларация прав человека и гражданина», имеет глубоко индивидуалистический характер, и с этой точки зрения самому государству в философии естественного права нельзя было дать другого правомерного истолкования, как обратившись к представлению о доброволь-

¹ *Ценкер*. Анархизм (1906). Еще задолго до перевода этой работы на русский язык ею пользовался скрывший свое имя под инициалами Б. П. Б. автор статьи об анархизме, печатавшейся в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1896 г. (№№ 3, 7, 12, 16, 29 и др.), причем имел тогда полное право жаловаться на неразработанность истории анархизма. Существует в русском переводе и книга Эльцбахера «Анархизм», изданная первоначально (в 1903 г.) за границей, а потом и в самой России. В последние годы появились еще русские переводы следующих книг: *Штаммлер Р.* Анархизм. Теория и критика (1906); *Кульчицкий Л.* Современный анархизм. Изложение, источники, критика (1907); *Цокколи Г.* Анархизм (1908). Последняя книга переведена с итальянского, предпоследняя — с польского (*Kulczycki L.* *Anarchizm współczesny*). Краткое изложение доктрины анархизма и истории его происхождения Л. Кульчицкий повторил в первых двух главах своей брошюры «Анархизм в современном социально-политическом движении в России» (1907, перевод с польского); *Adler*. *Der Anarchismus*; *Амон А.* Социализм и анархизм (1906); *Базаров В.* Анархический коммунизм и марксизм (1906); *Бернштейн Я.* Анархизм (1907); *Бирман*. Коммунизм и анархизм; *Garin J.* *L'anarchisme et les anarchistes* (1885); *Диль К.* Социализм, коммунизм, анархизм (1906); *Dubois*. *Le péril anarchiste*; *Натон*. *Psychologie de l'anarchiste-socialiste*; *Макай Дж.* Анархист (1907); *Райхесберг Е.* Социализм и анархизм; *Плеханов*. Анархизм и социализм (1906); *Вольский А. (Станислав)*. Теория и практика анархизма (1906).

ном соглашении между отдельными свободными личностями. Наиболее последовательные сторонники договорного происхождения государства поэтому сводят функции последнего к минимуму, как мы это видим у Локка, у В. Гумбольдта, у того же Бенжамена Констана. Анархисты, отрицая государство, т. е. доводя идею права личности на индивидуальную свободу до логического конца, тоже, однако, признают необходимость общежития, но только не в форме постоянного и всеобъемлющего союза, пользующегося по отношению к своим членам принудительной властью, а в виде добровольно организующихся, в каждый момент могущих распасться групп, в состав которых отдельные личности входят без какого бы то ни было принуждения и насилия. Индивидуалистические стремления вообще зарождаются только в эпохи сильного роста и развития личного самосознания в наиболее культурных общественных слоях, и проявления его, доходящие иногда до резко выраженного теоретического анархизма, мы встречаем в разные эпохи истории, начиная с классической древности¹. Как и всякий исключительный интерес, и этот особый интерес к личной свободе, лежащий в самой основе анархизма, может быть во всяком обществе уделом лишь немногих, более развитых единиц или, по крайней мере, таких людей, которые совершенно выбиты из колеи обычного бытового обихода. На высшей ступени своего развития такой интерес доходит до своего рода морального солипсизма с полным равнодушием и даже пренебрежением ко всякой общественности, если только последнее не переходит в прямую враждебность ко всякому закону, на котором покоится общественный уклад. Подобный анархический индивидуализм — не для широких масс, а потому всегда остается лишь идейным течением, главным выражением которого может быть только литература, отнюдь не сама жизнь с ее классовой и партийной борьбой. Для того чтобы анархическая проповедь могла найти доступ к умам и сердцам масс, всегда нужно соединение ее с проповедью чисто социальных преобразований, которые обещали бы всем труждающимся и обремененным лучшие условия, на первом плане, материального существования, и тогда под знаменем анархизма могут совершаться и общественные движения. На это нам указывает хотя бы история религиозных сект Средних веков и эпохи Реформации². В некоторых из них мы, несомненно, находим элементы анархизма мистического, ставящего выше всего внутреннее откровение, совершающееся в душе отдельного человека. Религиозные анархи-

¹ См.: *Pöhlmann. Geschichte des antiken Sozialismus und Kommunismus.*

² В книге Н. Ястребова «Этюды о Петре Хельцичком и его времени» (1908; вып. I) можно найти общую характеристику хилизма гуситской эпохи несомненно анархистического характера (вера в исчезновение светской принудительной власти, утрата законами всякой силы, отсутствие всяких налогов, с. 51): Хельцицкий решительно объявлял светскую власть среди христиан язычеством, вообще злом по обременительности ее для подданных. Н. Ястребов. I. 149. Ср. 116—118, особенно 160 и след.

сты снискивали расположение в массах проповедью уничтожения всех зол, которые испытываются от дурных законов, от злых начальников, от неправедных судей, от тяжелых налогов и т. п., главное же — от неравенства между богатыми и бедными, сильными и слабыми, господами и подчиненными и от неравенства между имущими и неимущими. В представлениях о тысячелетнем царстве Христа на земле с отрицанием государства и его учреждений, т. е. всякого закона и начальства, всякого принуждения и насилия, судов, налогов, военной службы всегда в большей или меньшей мере соединялись стремления коммунистического характера, и вот только этот коммунистический анархизм в эпохи религиозного возбуждения масс мог находить в них сочувственные отклики. Элементы и индивидуалистического анархизма, и анархизма коммунистического мы обнаруживаем в целом ряде ересей и сект, начиная, например, с известной проповеди вечного евангелия в XIII в., продолжая революционными сектами гуситского движения в Чехии XV в. и анабаптистского движения в Германии XVI в. и кончая английскими «людьми пятой монархии» времен первой революции середины XVII в. с преобладанием индивидуалистического анархизма у идеологов движения и коммунистического анархизма у их последователей.

Демократическое движение Французской революции, как известно, довольно рано утратило свой первоначально индивидуалистический характер. Якобинцы были ярыми государственниками, придумавшими позорную, с их точки зрения, кличку «индивизм» для всех проявлений индивидуальной свободы. «Общественный договор» Руссо, бывший их евангелием, хотя и исходил из идеи договорного происхождения государства, проповедовал, однако, неограниченное и непогрешимое народовластие. Тем же авторитарным, антииндивидуалистическим духом отличались и французские демократические учения первой половины XIX в. Сам французский социализм в своем сен-симонистском течении со всеми его позднейшими разветвлениями был направлением, резко враждебным индивидуализму, и исключение составлял только фурьеризм, в котором были, наоборот, сильны индивидуалистические стремления. Самыми выпуклыми образцами антииндивидуалистического социализма тридцатых-сороковых годов XIX в. являются во Франции, во-первых, учение Бюшеза, соединявшее воедино католицизм, якобинизм и социализм, и во-вторых, «икаризм» Кабе с его «каторжным братством», по характерному выражению Герцена. Нужно не забывать, что и сам термин «социализм» возник в противоположность термину «индивидуализм», и притом не только в смысле обобществления производства, замены частного хозяйства общественным, но и в смысле полного подчинения индивидуальной жизни социальным целям, как того в древности требовал для своей идеальной республики Платон. По отношению к господствовавшему во Франции в тридцатых—соро-

ковых годах социализму даже, так сказать, самый умеренный анархизм должен рассматриваться как явление полярное, занимающее противоположный конец на линии различных пониманий того, в каких отношениях должны находиться между собой личное и общественное начала человеческой жизни, вроде того, как противоположны одно другому понимания взаимных отношений власти и свободы у Гоббса и Локка. С одной стороны, это — требование общности, всецело подчиняющей себе и поглощающей в себе отдельные личности, с другой, требование отдельной личности, не желающей подчиняться каким-либо узам, извне на нее налагаемым обществом, и потому стремящейся к упразднению какой бы то ни было постоянной, не зависимой от желания или согласия личности общественной организации.

Вот почему можно сказать, что в эпоху господства авторитарного социализма анархические заявления могли существовать лишь в виде редких исключений, тем более, что даже либерализм, который никогда не выводил из своего основного принципа что-либо, напоминающее упразднение государства, осуждался представителями социализма, как слишком эгоистическое направление, даже в тех случаях, когда речь шла о чисто внутренней свободе, о свободе мнения и убеждения. Известно, как с этой точки зрения Бюшез нападал на протестантизм и рационализм, на автономию личной совести и автономию личного разума, которым он противопоставлял категорическое единство в виде высшего идеала.

Обращаясь к литературе социальных утопий, или, как их называл Роберт Моль, государственных романов, мы не можем не отметить, что все они основываются на понятии идеального общественного или государственного устройства, устанавливаемого законами, под властью которых в полном благополучии будут жить отдельные члены общества. Нередко в эти утопии включаются, в преображенном виде, разные принудительные и репрессивные мероприятия, хотя бы при этом и обещалось, что кандалы, в которые будут заковываться преступники, будут делаться не из железа, а из серебра. Фурьеристическая утопия, доводившая элемент власти в идеальном обществе до минимума (ввиду того, что люди будут, повинувшись страстному влечению, делать только одно полезное для общества), и та равным образом рисовала иерархическое объединение всего человечества в своего рода всемирное государство с «пivotalным омниархом» во главе в Константинополе. Теперешний государственный порядок нехорош, а потому должен быть заменен другим, лучшим, но государственным же порядком. Мысль об упразднении элемента государственности из человеческого общежития в истории утопий — явление вообще редкое, исключительное и притом более позднее, чего не может не отметить ни одна серьезная история анархизма, как теории. Притом только более тщательное разыскивание проявлений анархистической мысли в прошлом обна-

руживает иногда ее присутствие там, где прежде на нее не обращали внимания или просто даже ее не замечали.

Например, во всех историях политической экономии или в специальных трудах о Мальтусе всегда указывалось, что его «Опыт о законе народонаселения» был написан в опровержение «Исследования о политической справедливости» Годвина¹, утверждавшего, что все общественные бедствия проистекают из дурного распределения между людьми материальных благ: стоит только ввести лучшее их распределение, и тогда всякий будет иметь все, что нужно для жизни, правда, очень простой, но такой, которая даст возможность всем совершенствоваться в духовном отношении. Излагая идеи Годвина, историки имели в виду исключительно ту сторону его учения, которой объясняется возникновение теории Мальтуса, доказывавшего, что бедствия человечества зависят не от дурного устройства общества, а от действия одного из законов природы. Только в очень недавнее время заговорили о Годвине, как об одном из предшественников современного анархизма. Годвина готовы теперь называть даже «первым анархистом-мыслителем, который довольно подробно развил и обосновал антигосударственную доктрину»². Действительно, Годвин является отрицателем государства, кладут ли в его основу насилие (что понятно само собою), божественное право или даже договор, — в последнем случае потому, что мы «не можем отречься от нашей нравственной самостоятельности, как нашей неотъемлемой собственности, которую мы не можем ни продать, ни подарить», в силу чего «никакое правительство не может основывать свое насилие на первоначальном договоре». По мнению Годвина, «каждое правительство соответствует тому, что греки называют тиранией: единственная разница, — говорит он, — состоит в том, что в странах с деспотическим правлением насилие производит равномерное давление на наш дух, в то время как в республиках наш дух остается подвижнее, и насилие скорее следует течению общественного мнения». «Мы, — заявляет еще Годвин, — не должны никогда забывать, что всякое правительство есть зло, ибо оно лишает нас собственного суждения и совести». Общество и государство, по учению Годвина, имеют разное происхождение: «общество явилось на почве наших нужд, государство же на почве наших недостатков; общество во всяком случае — благо, государство

¹ Новейшая литература о Годвине: *Saitzeff H.* William Godwin und die Anfänge des Anarchismus im XVIII Jahrhundert (1907); *Ramus P.* William Godwin, der Theoretiker des kommunistischen Anarchismus (1907). Как указывают сами названия этих книг, Годвин рассматривается в них именно со стороны своего анархизма.

² Слова Л. Кульчицкого в его общем труде об анархизме (стр. 6), где он даже прямо говорит, что «история анархизма начинается с момента выхода знаменитого произведения английского мыслителя в 1793 г. под заглавием “An Inquiry concerning political justice etc.”» (с. 6). Более подробно, чем у Кульчицкого (с. 7—10), изложено учение Годвина у Эльцбахера (с. 22—60 по берлинскому изд. 1903 г.). В предыдущем примечании указаны специальные сочинения о Годвине, как о теоретике анархизма.

в лучшем случае — неизбежное зло». В будущем люди будут соединяться в общества лишь «взаимным размышлением относительно общественной пользы»; нужно только, чтобы такие общества были малолюдны и, по возможности, поменьше соприкасались между собой. Само водворение будущей общественности без государства Годвин мыслил не иначе, как результат не насильственного переворота, а всеобщего просветления путем убеждения и взаимного соглашения. Весьма характерно, что это индивидуалистическое учение возникло в Англии, где передовая общественная мысль еще с XVII в. всегда была настроена более индивидуалистически, в противоположность французской политической мысли, в которой было, наоборот, всегда очень сильно антииндивидуалистическое течение. У Годвина нашлось и в Англии, и в Америке немало последователей, среди которых были и продолжатели его литературного обоснования анархизма¹.

Более непосредственное отношение к континентальному анархизму на рубеже двух половин XIX в. имеет учение Иоганна Каспара Шмидта, более известного под своим литературным псевдонимом Макса Штирнера, в 1845 г. выпустившего в свет знаменитую книгу «Единственный и его собственность»². Нам уже пришлось говорить об этом выдающемся своей оригинальностью писателе в связи с развитием лево-гегельянского движения в тридцатых—сороковых годах XIX в., отличавшегося индивидуалистическим критицизмом в противоположность правому гегельянству с его стремлением подыскивать философские обоснования для религиозных и политических традиций германской нации. Безусловный индивидуализм, проповедовавшийся Бруно Бауером в области мысли, Штирнер переносил в область жизни. В свое время мысли Штирнера не обратили, впрочем, на себя внимания общества, а некоторые просто считали его сумасшедшим, едва ли и заслуживающим какого-либо внимания³. В настоящее время ему, наоборот, отводится весьма видное место в истории анархизма, как «самому крайнему индивидуалисту из всех, бывших до и после него» (Л. Кульчицкий), и некоторые историки анархизма даже с него и начинают изложение теории этого направления⁴. Во всяком случае, на современников и ближайшее потомство он не оказал никакого влияния, почему его учение может быть здесь отмечено лишь по своей связи с той умственной атмосферой, которая была создана немецким фи-

¹ Томсон, автор «Исследования принципов распределения богатства» (1824), а в более позднее время Тукер, издатель анархистического еженедельника «Liberty» в Америке и др.

² Есть в русских переводах. Один из них с комментариями и с большой вступительной статьей Макая «Жизнь и творчество Макса Штирнера» издан фирмой «Светоч» в 1907 г. См. еще: Макай Дж. Макс Штирнер, его жизнь и учение (1907); *Basch V. L'individualisme anarchiste*. Max Stirner.

³ В русской литературе в более близкое к нам время о нем одним из первых заговорил покойный Владимир Соловьев в «Кризисе западной философии».

⁴ См., например, Цокколи.

лософским радикализмом исхода первой половины XIX в., этим, как было сказано, умственным движением критико-индивидуалистического характера, разрушавшим все старые традиции, в сферах религии, философии, морали, права и государства. Своей философией Штирнер стремился освободить человеческую личность из-под власти всех отвлеченных идей, над нею тяготеющей, каковы идеи Бога, долга, права, отечества, человечества, семьи, собственности, государства и т. п. во имя эгоистического личного блага, как единственного руководящего начала всего поведения личности. С его точки зрения, индивидуальная свобода и государство — это два непримиримых врага, и государство всегда будет тираном, будут ли властвовать в нем один, немногие или все. Если бы все граждане единогласно приняли какой-либо закон, разве это устраняло бы возможность угнетения? Сегодня я, положим, сам дал согласие на этот закон, но разве я обязан ему подчиняться завтра, если я найду, что, дав свое согласие, поступил глупо? Единственной разумной формой общежития вместо, безусловно, отвергавшегося им государства автор «Единственного и его собственности» признавал лишь совершенно свободный союз эгоистов. В вопросе о собственности Штирнер стоял тоже на радикально-индивидуалистической точке зрения: «На какую собственность имею я право?» — спрашивал он, например, и тут же отвечал: «На всякую, для достижения которой я имею силы... То, что я могу иметь, это — моя собственность... Собственность не может быть уничтожена, но должна быть отнята из рук привидений и сделаться моей собственностью; тогда исчезнет ошибочное убеждение, будто я не имею права настолько, сколько мне необходимо». Что касается до осуществления в жизни полной свободы отдельной личности, то, по мнению Штирнера, оно будет результатом сначала внутреннего переворота в мыслях и настроении некоторого количества людей, которые окажутся достаточно сильными для того, чтобы потом произвести и внешний переворот, т. е. совершенно и окончательно устранить право, государство и собственность из людского обихода.

Гораздо большее влияние на современников и на социальное движение своей эпохи оказал Прудон, о котором более подробно было также говорено в V томе «Истории Западной Европы»¹. В первом, прославившем его имя, труде своем «Что такое собственность?» он сам определяет свое учение о праве, государстве и собственности, как учение анархизма. «Какой форме правления, — спрашивает он здесь, — мы должны отдать предпочтение? “Но разве, — возразит мне кто-либо из моих молодых читателей, — в этом может быть какое-либо сомнение: вы — республиканец”. — Если хотите, я республиканец, но это слово неопределенно. *Res publica*

¹ К указанным там в главах XIII и XXXI сочинениях о Прудоне следует прибавить: *Боборыкин П.* Пьер Жозеф Прудон («Вестник Европы» за 1875 г., март, май, июль и декабрь). *Он же.* Последние десять лет жизни Прудона (там же за 1878 г., июнь — сентябрь).

значит общественное дело, и потому всякий, кто независимо от формы правления защищает общественное дело, может называться республиканцем. Короли тоже республиканцы. — Так вы, значит, демократ? — Нисколько. — В таком случае, неужели вы монархист? — Тоже нет. — Либерал? — Сохрани меня Бог. — Аристократ? — Ни в каком случае. — Тогда вы за смешанный образ правления? — Еще того менее. — Кто же вы после всего этого? — Я — анархист». Анархию или, как начертывал это слово сам Прудон, ан-архию, он понимал в смысле отсутствия всякой власти, т. е. в смысле противопоставления всякой формы правления — республике и монархии, демократии и аристократии, какому бы то ни было конституционному строю, каким бы то ни было политическим формам. Книга Прудона о собственности вышла в свет в 1840 г., почти в одно время с «Организацией труда» Луи Блана и с «Путешествием в Икарию» Кабе. Прудон радикальнейшим образом расходился и с авторитарным социализмом первого и с коммунизмом второго. «Коммунисты, — по его мнению, — это — устрицы, прикрепленные одна около другой, без деятельности и чувства, на скале братства». Он не сочувствовал ни одной партии: для него все они были лишь видоизменениями абсолютизма, так как все одинаково стремятся к власти и действуют посредством принуждения и насилия. Основным принципом всего учения Прудона была идея справедливости¹, в основу которой он полагал индивидуалистический принцип человеческого достоинства всякой личности, требующего к себе уважения со стороны других. Общественная жизнь, с точки зрения Прудона, должна покоиться на свято соблюдаемых договорах между отдельными лицами, всякие же общественные узаконения в его глазах — это паутина, через которую легко проходят богатые и сильные, и, наоборот, крепкие сети, опутывающие бедных и слабых. Отрекаясь от идей права, государства и собственности в их современном понимании, Прудон тем не менее не отрицал необходимости политической организации; только он хотел, чтобы она покоилась на организации экономической, заключающейся в правильном устройстве взаимного обмена услуг, который сам должен быть совершенно добровольным, для чего и должен основываться на договорах или соглашениях. Мы не касаемся здесь вопроса о том, как думал Прудон это осуществить на деле, но именно в указанном принципе и заключался исходный пункт всего прудоновского «мутуализма». Место государства, как политической организации, в сущности, должна была заступить организация экономическая, и ан-архия должна была в ней царить не в смысле отсутствия правил, т. е. в смысле беспорядка, а в смысле отсутствия какого бы то ни было господина или государя (*absence de maître, de souverain*), даже коллективного, каким является народ, так как власть при подобной

¹ Совершенно напрасно переводчик книги Цокколи слово *Justice* переводит словом «правосудие».

анархической организации будет заменена свободным договором заинтересованных сторон. Впрочем, мнения Прудона по вопросу об организации с течением времени менялись, и, в конце концов, он не изгонял безусловно из своего ан-архического общества элемент власти. Устанавливая на основании договоров между отдельными личностями общественные группы, Прудон соединял и их — посредством взаимных же между ними соглашений — в коллективные единицы второй ступени, эти последние — в еще более крупные единицы и т. д., что сопровождалось и установлением иерархии соответственных должностных лиц, конечно, всегда выборных, вплоть до своего рода министров отдельных специальностей. Он даже высказывался за национальное собрание с функциями законодательства и контроля над должностными лицами. В позднейшем своем труде «*Du principe fédératif*» Прудон прямо и определенно говорит, что анархия в своем чистом виде может быть только идеалом, который никогда не может получить полного осуществления, так как на практике общество не в состоянии существовать без каких бы то ни было элементов власти: какую бы форму общежития мы ни взяли, всегда в ней мы найдем сочетание, в той или другой пропорции, с одной стороны, власти, с другой — свободы. Известно, что и собственность Прудон отрицал не безусловно и даже очень резко выступал против коммунизма, но его взгляды на этот предмет до известной степени отличались неуловимостью, что и было причиной противоречивости в их понимании разными писателями, их излагавшими и критиковавшими. Что касается до осуществления своих требований от общественного строя, основанного на мутуализме, то Прудон в этом вопросе стоял за мирный путь: все дело в том, чтобы люди прониклись убеждением в истинности известных принципов, в их справедливости, в практическом превосходстве, в целесообразности известных отношений, «насиловственная же революция, — повторял он, — ни к чему не приведет». Мало того, он считал вполне возможным и при существующем государстве дать народу пример совершенно свободной организации путем основания народного банка, который организовал бы отдельные общественные элементы, обеспечив всех работой и всем дав благосостояние, а также путем образования кооперативных союзов, которые лежали бы в основе всеобщей федерации в областях и сельского хозяйства, и обрабатывающей промышленности.

Вот эта практическая сторона учения Прудона и сделала его потом одним из популярнейших людей среди французских рабочих в первой половине шестидесятых годов. Французскому пролетариату еще слишком было памятно поражение 1848 г., после которого едва пошел второй десяток лет, и мирный путь, рекомендовавшийся Прудоном, казался потому вернее ведущим к цели, нежели новые революционные выступления. В лозунгах сороковых годов французские рабочие изверились —

и в «Икарии» Кабе, и в «праве на труд» Луи Блана, и их всецело заменил прудоновский мутуализм. Кроме рабочих, Прудону симпатизировала и мелкая буржуазия, к которой у него самого было своего рода тяготение, и он хотел образовать среди этих двух общественных классов с лучшими людьми из буржуазной интеллигенции особую партию, но он умер в самый разгар своей популярности (1865 г.), вскоре после выхода в свет книги «О федеративном принципе и необходимости восстановить партию революции» (1863). Нужно заметить, что известную роль французские мутуалисты играли в деле основания Интернационала, и мы увидим еще, что мутуализм проявил себя равным образом и в истории Парижской коммуны 1871 г., и что даже в самом начале социалистического движения семидесятых годов чувствовалось еще некоторое влияние идей Прудона¹. Главное, что в этих теориях привлекало к себе внимание рабочих, заключалось не в индивидуалистической тенденции всего политического миросозерцания Прудона, а в его плане экономической реформы, вследствие чего мутуалистов можно с полным правом называть социалистами, но едва ли к ним вполне приложим термин «анархисты». Тем, однако, что анархист Прудон сумел заинтересовать своей социальной системой рабочих, он показал, в соединении с какими только стремлениями анархизм мог бы сделаться предметом пропаганды в массах. Еще более объясняет нам это последнее явление деятельность Бакунина².

¹ В издании социально-революционной партии «Анархия по Прудону», выпущенном в свет в 1874 г. (без обозначения места издания) с пропагандистскими целями, мы читаем: «Из всех мыслителей, способствовавших развитию современного социализма, самую большую славу приобрел Прудон». Издатели взяли на себя задачу изложить, однако, не всего Прудона, а только «ту часть его теории, которая, — как они выражаются, — вошла в общественную жизнь, будучи принята в программу “Международного рабочего общества”», т. е. (цитируя другое место) «представить, насколько возможно, общий свод федералистского учения организации труда в том виде, в каком оно понимается большинством “Международного общества рабочих”». Это тоже одно из указаний того значения, каким пользовались идеи Прудона еще в середине семидесятых годов. Нужно, впрочем, прибавить, что составитель книжки отнесся отрицательно к позднейшим сочинениям Прудона, положив в основу изложения его анархии «Исповедь революционера» (1849) и «Общую идею революции XIX в.» (1851). «План ликвидации» современного общества и «разные экономические теории, лично принадлежащие Прудону», составитель называет «вещами побочными, которые можно оставлять совершенно в стороне».

² О Бакуnine см. во всех трудах, посвященных анархизму, а также в сочинениях по истории Интернационала. Специальная о нем монография, как я это узнал несколько лет тому назад от проф. Краковского университета ксендза Павлицкого, была издана Nettlau, но только в количестве 50 экземпляров, которые в продажу не поступали и лишь были разосланы в некоторые библиотеки. Об этой редкой книге упоминает и Кульчицкий. Название ее: «Michel Bakunin, eine Biographie», но в списке трудов о Бакуnine в брошюре В. Н. Андерсена «М. А. Бакунин» она отмечена по-английски: «The Life of M. Bacounine» (1896—1898). См., кроме того, *Französischer A. M. Bakunin et la philosophie de l'anarchie*; *Кульчицкий Л. М. А. Бакунин, его идеи и деятельность* (брош.).

Имя Бакунина тоже называлось уже нами в V томе настоящего труда. Бакунин упоминался в числе сотрудников радикальных «Deutsch-französischen Jahrbücher» Руге в начале сороковых годов, потом в числе участников славянского съезда в Праге в 1848 г. и, наконец, в числе вождей революционного восстания в Дрездене в 1849 г., когда он сыграл роль настоящего диктатора. Русский дворянин, Михаил Александрович Бакунин, покинувший родину еще в 1840 г., сначала принял участие в происходившем тогда в Германии лево-гегельянском движении и даже напечатал в 1842 г. под псевдонимом Элизара две статьи о германской реакции, проникнутые духом левого гегельянства и Французской революции: одного внутреннего, духовного освобождения, проповедуемого школой Гегеля, мало; оно должно быть дополнено, как своим постулатом, и свободой во внешнем, политическом смысле. Вскоре после этого Бакунин познакомился с известным немецким социалистом Вейтлингом, под влиянием идей которого написал несколько статей в одной швейцарской газете на французском языке. В середине сороковых годов, во время пребывания своего в Париже, он сошелся с Прудоном и Марксом, между которыми в то время существовали близкие отношения. Та умственная подготовка, какую Бакунин получил в левом гегельянстве, позволила ему вполне оценить со своей индивидуалистической точки зрения основную анархистическую идею Прудона, а увлечение Вейтлингом создало готовую почву для усвоения того, что сам Маркс называл в своем мирозерцании коммунизмом. Здесь же, в Париже, Бакунин сблизился с польскими эмигрантами и за одну публичную речь в защиту польской революционной идеи даже подвергся высылке из Франции. Конечно, о возвращении в Россию ему и думать уже не приходилось после того, как его идеи, его связи, его поступки сделались известными русскому правительству. После февральского переворота 1848 г. Бакунин возвратился из Брюсселя, где проживал после своей высылки, в Париж и здесь с головой окунулся в бурную революционную агитацию, а потом уехал в Германию, чтобы и там работать на пользу революции. Мы только что упоминали о его участии в пражском славянском съезде. Прибавим, что в это время он проповедовал своего рода панславизм, требуя освобождения Польши и славянских народов, подвластных Австрии и Турции, и образования всеславянской федерации с общим сеймом и с демократическим строем внутри каждого народа. Пражское восстание 1848 г., потерпевшее поражение, было подготовлено деятельностью Бакунина и даже прямо было им руководимо. В следующем году мы видим его и во главе дрезденского восстания, после чего, арестованный во время бегства из Дрездена, он просидел целый ряд лет в тюрьмах Саксонии, Австрии и России. В Саксонии его сначала приговорили было к смертной казни, но король помиловал его, заменив казнь вечным заточением; потом он был выдан Австрии

по требованию ее правительства, желавшего через него раскрыть нити и корни славянской революции, и еще раз был приговорен к смертной казни, тоже не приведенной в исполнение, а после этого по требованию из Санкт-Петербурга, как русский подданный, он был выдан русскому правительству. Восемь лет, вслед за двухлетним заключением в немецких тюрьмах, просидел затем Бакунин в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и в 1859 г. сослан в Сибирь. Ему, как известно, в 1861 г. удалось, однако, бежать из Сибири через Японию и Северную Америку в Лондон. В это время он все еще был занят мыслью о полном разрушении реакционной Австрийской империи, об освобождении Польши, о славянской федерации; и в 1863 г. он думал и даже хлопотал о деятельном со своей стороны участии в происходившем тогда в русской Польше восстании. В 1864 г., не сошедшись с главарями польского восстания, Бакунин уехал в Италию, где к тому времени еще не успело улечься возбуждение освободительного и объединительного движений 1859—1861 гг. Здесь он радикально разошелся с Гарибальди и Мадзини, находя их деятельность, исключительно политическую, недостаточной и односторонней, не соглашаясь и с мадзиниевской формулой «Бог и народ»¹, первая половина которой шла вразрез с его атеизмом, вторая же казалась слишком абстрактной, поскольку итальянский патриот, по его мнению, больше был занят величием итальянской нации, нежели благосостоянием составляющих ее единиц. Италия в течение всей первой половины XIX в. была классической страной заговоров, тайных обществ, революций, и вот Бакунин² в середине шестидесятых годов организовал здесь особое «международное братство», главными пунктами программы которого были атеизм, замена государства добровольными союзами, установление коллективной собственности, объявление труда основой правильной общественной организации. Именно в эти годы Бакунин, проповедовавший еще во второй половине сороковых годов федерализм, сделался настоящим анархистом. К 1868 г. его специальное мировоззрение можно считать уже вполне сложившимся и выражением его была его работа «Федерализм, социализм и антитеологизм», которую он представил собравшемуся в Женеве съезду «Лиги мира и свободы». К этому же времени относится основание Бакуниным международного «Союза социальной демократии», чисто революционной организации, которая и в программе, и в тактике шла гораздо далее Интернационала. Едва основав этот союз, Бакунин стал добиваться

¹ Для последователей Мадзини Бакунин был «нигилистом».

² Припомним следующие строки Герцена о Бакунине: «Он любил не только рев восстания и шум клуба, площади и баррикад, он любил также и приготовительную агитацию, эту возбужденную и, вместе с тем, задержанную жизнь конспираций, консультаций, неспящих ночей, переговоров, договоров, ратификаций, химических чернил и условных знаков». Вообще о Бакунине у Герцена довольно много (см. тт. II, III, V и VI Павленковского издания).

включения его, как единого целого, в состав уже вполне сформировавшегося тогда Интернационала.

В изложении истории последнего мы остановились как раз на этом моменте, чтобы прервать это изложение только что сделанным экскурсом об анархизме; но нам нужно еще несколько продолжить этот экскурс, чтобы окончить рассмотрение роли Бакунина в истории анархизма как теории.

Бакунин был не только агитатором и организатором, но и теоретиком анархизма. Он писал очень много¹ и еще более, быть может, собирался написать, но кипучая практическая деятельность, большей частью принимавшая характер непрерывной конспирации со всеми ее отвлекающими от систематического труда сторонами, мешала ему в его литературных занятиях вообще и, в частности, не дала ему возможности в одном целом изложить свою теорию. Старый гегельянец, — быть может, как полагают некоторые, в свое время познакомившийся с учением Штирнера, — он впоследствии усвоил и многие положения контовского позитивизма. Это касается общих теоретических основ его мирозерцания, проникнутого «антитеологизмом»², по вопросам же социальным на нем, как мы уже видели, сказалось двойственное влияние Прудона и Маркса. В общей критике государственного начала человеческих обществ и в вытекавшей из нее идеи анархии Бакунин, несомненно, зависел от Прудона, но был гораздо последовательнее его в отрицании государства, доходя здесь до логического конца, не делая в этом отношении никаких оговорок и поправок. По вопросу о собственности он также был далек от неопределенности и колебаний Прудона и от его отвращения к коммунизму, усвоив учение Маркса о коллективной общественной собственности. В своей теории Бакунин слил воедино анархическое и коллективистическое учения, устранив из теорий своих предшественников по анархизму всякие следы государственной идеи, придав анархизму резко революционный характер и соединив с защитой абсолютной свободы человеческой личности проповедь передачи отдельным общественным группам всех орудий производства, начиная с земли с ее норами (рудниками) и кончая фабриками и заводами с их машинами: только благодаря этому анархизм и мог превратиться из простого, так сказать, чисто умственного течения в настоящее общественное движение. В своей социологической теории Бакунин был довольно близок к экономиче-

¹ Список сочинений Бакунина можно найти на с. 70–71 брошюры В. Андерсона «М.А. Бакунин» (1906).

² Вольтеровское «если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать» Бакунин в своем антитеологизме переделал в собственное: „Если бы Бог существовал, его следовало бы уничтожить“. Другие его антитеологические афоризмы: «Dieu est, done l'homme est esclave» и «L'homme est intelligent, libre, juste, done Dieu n'existe pas» («Если Бог есть, то человек — раб» (*фр.*); «Для человека умного, свободного, справедливого Бог не существует» (*фр.*). — *Прим. ред.*

скому материализму, так как полагал, что экономика лежит в основе всех других сторон общественной жизни, и притом хорошо понимал, что голой защитой полного самоопределения личности, или автономии индивидуума, нельзя поднять массы на разрушение государства, религии, права и т. п., что было целью его стремлений. Мы напрасно, однако, стали бы искать у Бакунина сколько-нибудь разработанного представления о будущем анархическом обществе, так как дело созидания он представлял самому этому будущему, ставя современности задачу, главным образом, разрушения, расчистки почвы для будущего строительства. Ради этого разрушения и этой расчистки он проповедовал необходимость революционных выступлений народных масс, в известных же случаях и террористических актов против единичных представителей политического или экономического угнетения. Так как, однако, и народные восстания, и террор требуют предварительной организации сил, которая может вестись только конспиративно, то Бакунин был поклонником, любителем заговоров и тайных обществ с их централизацией и дисциплиной. То, что им изгонялось из будущего общества, для осуществления которого он призывал к революции, наоборот, вводилось им в его тайные организации, т. е. он вводил сюда властвование вожаков и подчинение второстепенных деятелей с сосредоточением всей руководящей силы в одном месте. В эти товарищества охотно шла ни к чему не пристроенная часть интеллигенции, а кроме нее, Бакунин особенно возлагал надежды на ту часть пролетариата, которой дается у немцев название *Lumpenproletariat*'а, у нас босяков, отвергаемую социал-демократией. В Италии Бакунин находил в довольно большом количестве и интеллигентный (или полуинтеллигентный), и босяцкий пролетариат, что и заставляло его сосредоточить свою деятельность на пропаганде анархизма преимущественно в Италии¹.

Возвращаемся теперь к прерванной истории Интернационала. Вступив в его состав, Бакунин выразил желание, чтобы и его «Союз социальной демократии» в своем целом был тоже принят в его состав, и когда ему в этом было отказано, произошло фиктивное распускание союза, за которым последовало вступление в Интернационал одной за другой поодиночке отдельных его секций. Такая тактика была придумана Бакуниным для превращения «Международного общества рабочих» в чисто революционную организацию. Впоследствии Бакунин утверждал, что на-

¹ В Италии Бакунин жил с 1864 г., а в начале семидесятых годов делал революционные попытки во Франции и в Испании. Неудача восстания в Болонье, в котором он принял участие в 1874 г., заставила его бежать и окончательно поселиться в Локарно, но вскоре (1876 г.) он умер в Берне, куда приехал было лечиться. См.: *Stromberg M. Bakounine en Italie* («Revue Socialiste» за 1878 г.). итальянцы не остались в долгу перед Бакуниным; *Costa A. Vita di Michele Bacunin* (1877).

стоящим предшественником Интернационала было основанное им «Международное братство», но мы даже не знаем, имеем ли мы право видеть в этом «братстве» зародыш того «союза», который Бакунин пытался включить в состав Интернационала. Во всяком случае, в последнем Маркс гораздо раньше Бакунина занял выдающееся положение, и для проведения бакунинских планов здесь не было надлежащих условий. Историки Интернационала и анархизма дают вообще различное освещение распри между Марксом и Бакуниным. Иные готовы утверждать, что во взглядах того и другого не было принципиальной разницы и что различие между ними наблюдается только по отношению к особенностям их ума и характера. На самом деле было, конечно, не так. Как ни близки они были друг другу по многим основным пунктам отрицательной критики современного государственного и общественного строя, по не менее важным пунктам они очень между собой расходились. Для Бакунина непосредственной целью всех стремлений было разрушение государства, которое должно было наступить тотчас же после победы народной революции. Если, думал он, из прежнего порядка оставить неприкосновенным хотя бы одно только какое-либо учреждение, то легко и вся разрушенная революцией организация, пожалуй, снова воспрянет к жизни. Маркс, наоборот, не разрушал государства, которое должно было только сделаться орудием диктатуры пролетариата, когда, пользуясь своею властью, коммунисты начнут постепенно осуществлять новый социально-экономический строй, имеющий, таким образом, не сразу водвориться, а лишь путем ряда перемен в известном направлении¹. Конечно, в разногласии Маркса и Бакунина играла немалую роль и разница в свойствах их ума и характера. Маркс был сдержаннее, осторожнее, и потому оба они резко расходились и в понимании как непосредственных задач, так и тактики Интернационала. Наконец, некоторые историки не прочь в объяснении марксо-бакунинской распри выдвинуть на первый план и соперничество между ними чисто личного характера с мелочными и низменными мотивами. Это, конечно, преувеличение, но несомненно, что в деле немалую роль играли и чисто личные дразги. Бакунин, например, жаловался, что еще «во время его скитаний по немецким и русским тюрьмам Маркс и его единомышленники распространяли про него в английских и немецких газетах грязную клевету, утверждая, будто он вовсе не был заключен в крепость, а напротив, был принят императором Николаем с распростертыми объятиями и наслаждался в Петербурге

¹ «Я, — писал Бакунин несколько позднее вступления в Интернационал, — презираю коммунизм, потому что он является отрицанием свободы, а я не могу представить себе что-либо человеческое без свободы. Я не коммунист, потому что коммунизм концентрирует в государстве все общественные силы и ставит во главе централизации собственности государство, в то время как я стремлюсь к уничтожению самого государства».

всеми удовольствиями столичной жизни». Более достоверно известно, что над Бакуниным тяготело обвинение или подозрение, совершенно нелепое, что он — русский шпион. В 1864 г. у него с Марксом произошло объяснение, окончившееся наружным примирением, так как, по словам Бакунина, он уже более не верил Марксу, хотя, прибавляет он сам, и не чувствовал более к нему неприязни. Потом, однако, снова возникли враждебные отношения между сторонниками Маркса и Бакуниным, причем дело доходило до разбирательства на суде чести. И в оценке поведения Маркса и Бакунина во время их распри историки эпохи между собой очень не согласны. Для марксистов Бакунин является главным виновником дезорганизации Интернационала, гением разрушения, даже «чудовищной, политически-преступной натурой» (выражение Иекка), но другие авторы, не принадлежащие к лагерю правоверных марксистов, не видят ничего ужасного в том, что Бакунин боролся с Марксом, раз искренне был убежден в большей верности своих взглядов сравнительно со взглядами Маркса (Кульчицкий). Это разделение мнений среди теперешних историков движения, через сорок лет после распри двух наиболее видных деятелей Интернационала, только иллюстрирует ту страстную, ожесточенную борьбу, которая велась тогда между обоими вождями и их последователями. На самом деле, конечно, не бакунинская оппозиция марксизму привела Интернационал к разрушению в семидесятых годах, и вместо того, чтобы спорить, нужен ли был Интернационал или не нужен, следовало бы заняться рассмотрением, были ли вообще условия его долговечности в самой общественной среде, в которой ему приходилось существовать, особенно после франко-германской войны и Парижской коммуны. Распря Маркса и Бакунина, конечно, важный эпизод в истории Интернационала, но не потому, что, подчинись Бакунин Марксу, Интернационал будто уцелел бы, и не потому, что он дает повод для характеристики некорректности поведения Бакунина¹ и т. п.,

¹ О взаимных отношениях Маркса и Бакунина писано было вообще немало. (См., например, *L'internationale*, Karl Marx, Mazzini et Bakounine. 1871.) В октябрьской книжке «Минувших годов» за 1908 г. им посвящена статья Эдуарда Бернштейна («Карл Маркс и русские революционеры: I. Маркс и Бакунин»), не прибавляющая ничего нового к бывшим и раньше известным фактам, но интересная по своему замыслу — беспристрастно рассмотреть эти отношения. Автор признает, что их мирозерцания были слишком различны для того, чтобы между ними не мог не возникнуть идейный конфликт, и в числе причин ненависти Маркса к Бакунину Бернштейном на очень видном месте ставятся славянофильские воззрения Бакунина, тогда как Маркс к славянам относился крайне недружелюбно и думал, что им (особенно австрийским славянам) суждено быть «фанатическими приверженцами и слугами контрреволюции», а потом «погибнуть в революционной мировой буре». Что касается до чисто человеческой стороны борьбы между Марксом и Бакуниным, то в ней, по приговору Бернштейна, считающего этот приговор не подлежащим сомнению, Бакунин и выступает в более благоприятном свете, чем его противник», хотя Бернштейн и оговаривается, что «все же Маркс отстаивал более высокое дело, а именно политику, основанную на научном исследовании против политики простого дилетантства» (с. 23—24).

а потому, что здесь столкнулись два мировоззрения, две политики и что этот эпизод находится в теснейшей связи с историей возникновения анархистской партии, которая потом играла столь видную роль во многих общественных движениях. Что касается до упомянутого влияния на судьбы Интернационала как и войны 1870 г., так и парижского восстания 1871 г., то об этом речь будет у нас впереди, после изложения самих этих событий¹.

В сущности, целью стремлений Бакунина было противопоставить Интернационалу свой, другой Интернационал, со своим же особым центральным комитетом, который под руководством Бакунина должен был заседать в Женеве и пользоваться правом, подобно лондонскому генеральному совету, присоединять новые секции. Членов своего «Союза социальной демократии» он вербовал среди романских наций, во французской и итальянской Швейцарии, во Франции, в Италии, Испании, Бельгии, а когда союз этот формально был распущен, тайно связь между его членами по-прежнему продолжала все-таки существовать. Между генеральным советом и руководимым Бакуниным союзом начались пререкания, и еще бóльшие распри происходили в недрах секций романской Швейцарии. В дело вмешался генеральный совет, но окончательно должен был решить его конгресс, которому в 1870 г. не удалось собраться. Более важные события этого года заслонили собой дразги, происходившие при участии Бакунина в швейцарской Юре среди тамошних секций Интернационала².

Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что, благодаря агитации Интернационала, социализм, а одновременно с ним и анархизм стали распространяться в таких странах, где до того времени не было ничего слышно о подобного рода движениях.

Это можно сказать, прежде всего, о Голландии, куда социализм был занесен из Бельгии только в эту эпоху и где лишь в 1868 г. образовались первые социалистические товарищества, примкнувшие к Интернационалу, но с сильным тяготением к анархизму. В начале семидесятых годов они исчезли, и только в середине семидесятых годов здесь возобновилось социалистическое движение. В Австрии это движение, отчасти под влиянием агитации лассалеанцев, отчасти благодаря проповеди анархизма, началось лишь после 1867 г., когда конституция дала населению известную степень свободы собраний и союзов, но репрессивные меры правительства и национальные раздоры сильно мешали здесь развитию и объединению социалистических организаций, в которых благодаря этому со временем стали усиливаться анархические тенденции вплоть до «пропаганды действием». Начало венгерского социализма относится к еще более позд-

¹ Именно в главе V.

² О дальнейшем во второй половине главы V.

нему времени, хотя уже в 1868 г. и в Венгрии была сделана первая попытка основания социал-демократической партии с программой Лассалья, в чем видно преимущественное влияние в этой стране немецкого социализма. Италия с 1859 по 1870 г. была слишком занята своим национальным вопросом, чтобы в ней мог тогда пустить корни социализм. Правда, уже в начале шестидесятых годов в Италии были сотни рабочих ассоциаций, основание которым еще в 1848 г. было положено Мадзини, но именно руководящая роль в них этого патриота-революционера до известной степени уже определяла их несоциалистический характер. Члены этих товариществ обыкновенно исповедовали мадзиниевский республиканизм с мистическим оттенком, но с течением времени некоторые кружки больше стали склоняться к Гарибальди, у которого самого не было определенного направления, хотя, в общем, и можно сказать, что он тяготел к социализму, колеблясь, однако, между ним и анархизмом. Резко социальное направление проникло в итальянские рабочие ассоциации благодаря лишь бакунинской пропаганде, которая нигде не имела такого успеха, как именно в Италии. С 1866—1867 гг. они стали превращаться в секции Интернационала, а когда в последнем началась марксо-бакунинская распря, большей частью в них возобладало анархистическое течение, вербовавшее своих последователей, кроме рабочих, среди учащейся молодежи, интеллигентного пролетариата и т. п. В Испании социализм и анархизм тоже были обязаны своим происхождением пропаганде Интернационала и, в частности, Бакунина. Первые секции Интернационала были здесь основаны в 1869 г., и большая их часть стала потом на сторону Бакунина. Можно говорить также об известном успехе Интернационала и в Португалии, где, как и в других южнороманских странах, преобладание принадлежало сначала анархистическому направлению. Еще позднее социализм стал приобретать сторонников в Дании: здесь первые секции Интернационала (и притом строго приверженные программе Маркса) были основаны только в 1871 г., когда сама эта ассоциация уже клонилась к упадку, внутренне разлагаясь и подвергаясь правительственным репрессиям. В Норвегии социализм был занесен только из Дании. Первое собрание социалистов в этой стране относят лишь к 1873 г. Социал-демократические партии в названных двух скандинавских странах основались в 1876 и 1885 гг. Швеция еще более отстала от ближайших своих соседей, так как социалистическая пропаганда в ней началась только в 1881 г., а социал-демократическая партия основалась в 1889 г. К следующему же периоду, после 1870 г., относится начало социалистического движения среди балканских наций, причем в Сербии, Болгарии и Румынии оно возникало, главным образом, среди молодежи, либо учившейся в России или в Швейцарии, где она находилась под влиянием русских эмигрантов, либо читавшей издания русских революционных партий. Говорить о социализме

в России не входит в наш план, но нельзя не упомянуть о том, что в истории Интернационала среди имен деятелей разных национальностей есть и русские имена, каковы, кроме Бакунина, Н. Утин, Черкезов и др. Позднее к числу заграничных представителей социализма и анархизма из русских прибавились и другие эмигранты, каковы Лавров, Ткачев, Кропоткин, Плеханов и т. д.¹

¹ О дальнейшей истории социализма в разных странах см. в посвященных им главах (особенно в главе VIII о германской социал-демократии), а вообще в главе XXIII.

Се́мидеся́тые го́ды

III. Франко-германская война 1870—1871 гг.¹

Период национальных войн 1859—1871 гг. и их значение в истории Италии, Германии и Франции. — Исторические отношения между Францией и Германией до шестидесятых годов XIX в. — Франко-пруссские недоразумения конца шестидесятых годов. — Повод к началу франко-германской войны 1870—1871 гг. — Неподготовленность и изолированность Франции. — Преимущества Пруссии в войне с Францией. — Первые неудачи французов и седанское поражение. — Падение второй империи. — Осада Парижа немцами и новые неудачи французов. — Восстановление Германской империи. — Капитуляция Парижа. — Версальский предварительный мирный договор. — Франкфуртский мир

Период оживления политической жизни и социальных стремлений в разных странах Западной Европы, рассмотренный в первых двух главах этого тома, был в то же время периодом национальных войн.

Весь этот период войн 1859—1871 гг. не был так продолжителен, как период войн революции, консульства и империи, — он был вдвое короче, — и отдельные войны не были так продолжительны, так непрерывны,

¹ Кроме того, что имеется в первой главе настоящего тома для внутренней истории Франции, Германии и Италии в шестидесятых годах, см. еще главы XXVI — XXVIII пятого тома, где изложена история второй империи во Франции и объединения Германии и Италии. Литература о франко-германской войне громадна. Лучшим трудом, с точки зрения военного дела, считается, по отзывам самих французов, издание германского главного штаба под заглавием «Der deutsch-französische Krieg». Всяких немецких и французских сочинений (да и на других языках) масса, как это можно видеть хотя бы из перечней в таких книгах, как «Всеобщая история» Вебера (т. XV, ч. 2, с. 2), энциклопедические словари и, в особенности, *Palat. Bibliographie générale de la guerre de 1870—1871*, вышедшая в свет в 1896 г. Новые труды по истории этой войны до сих пор не перестают выходить. Например, в 1908 г. вышел в свет I т. соч.: *Regensburg Fr. Der deutsch-französische Krieg*, в котором события доведены до битвы при Шпихерне. К числу новейших публикаций нужно отнести и первую половину XI т. «Histoire socialiste», изд. под ред. Jaures'a (даты на книге не имеются), где сам редактор этого многотомного издания на 248 страницах рассказывает историю войны 1870—1871 гг., иллюстрируя свое повествование целым рядом цинкографий. Кто желает ближе познакомиться с войной 1870—1871 гг., тому можно рекомендовать небольшую (в 362 стр. малого формата) книжку Chuquet A. «La guerre 1870—1871» (1895), последнее издание которой было в 1907 г. По дипломатической стороне капитальное значение до сих пор имеет изданное в 1875 г. сочинение известного французского историка A. Sorel'a «Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande». Много существует и работ по отдельным вопросам, частным эпизодам и т. п.; кое-что из всего этого отмечается ниже, в соответственных местах этой главы. В тексте настоящей главы помещаются, для лучшего понимания хода военных событий 1870 г., три небольшие карты, на которых отмечены города, занятые немцами а) от начала войны до седанской катастрофы, б) от этой последней до начала осады Парижа и с) после начала осады, причем в скобки заключены названия городов, относящиеся или к следующему, или к предыдущему (например, Париж, на первой карте, как 2 сентября еще не бывший в осаде, и на третьей карте, как уже подвергшийся осаде прежде, нежели были взяты немцами города, отмеченные на этой карте).

как в 1792—1815 гг., оканчиваясь сравнительно с прежними очень быстро и сменяясь большими промежутками мира, но по сравнению с предыдущими четырьмя десятками лет почти непрерывного международного мира эпоха между 1859 и 1871 гг. является временем вообще воинственным. Первая, после Венского конгресса, большая война в Европе, в которой из западных государств приняли участие Франция, Англия и Сардиния, происходила на Востоке, между Россией и Турцией, и вскоре после ее окончания Бокль в своей «Истории цивилизации в Англии» объяснял ее возникновение тем, что воевали между собой наиболее отсталые страны, тогда как более просвещенные западные нации уже сорок лет живут в глубоком мире между собой. Дальнейшая история не подтвердила оптимистического вывода английского историка: в 1859 г. Сардиния в союзе с Францией воевала с Австрией, в 1864 г. Австрия и Пруссия — с Данией, а в 1866 г. обе они — между собой, причем на стороне одной были другие германские государства, на стороне другой — Италия, а в 1870—1871 гг. Франции пришлось выдерживать борьбу со всей Германией. Эти четыре войны изменили политическую карту Западной Европы, созданную Венским конгрессом и остававшуюся почти неизменной в течение сорока лет. Франция приобрела Савойю и Ниццу, но потеряла Эльзас и Лотарингию. Вместо Италии, как «географического понятия», с ее прежними 7—8 государствами, возникло единое Итальянское королевство. Пруссия присоединила к своей территории Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер, Нассау, Кургессен, Франкфурт-на-Майне, чем сократила число отдельных немецких государств, — и создала из Германского союза Германскую империю, включив в ее состав Эльзас-Лотарингию, но исключив из ее состава Австрию. Вытесненная из Италии и из Германии монархия Габсбургов сама раздвоилась в Австро-Венгрию, распавшись, хотя и под единой властью, на Цис- и Транс-Лейтанию. Не менее были значительны и внутренние перемены, вызванные этими войнами. На всю Италию распространилось теперь действие сардинской конституции. Войны 1859 и 1866 гг. заставили Австрию перейти к конституционному порядку. Новое политическое устройство получила и Германия. Наконец, во Франции неудачи войны 1870 г. привели к установлению республики. Ни одна, однако, из этих четырех войн не получила такого исторического значения, как франко-германская война 1870—1871 гг., завершившая собой период войн, низвергшая империю во Франции, помогшая окончательному объединению Италии, спаявшая единство Германии и сделавшаяся не только исходным пунктом новых международных отношений, но оказавшая громадное влияние и на внутренние отношения многих стран. За окончанием этой войны наступил на Западе многолетний период мира, правда, «вооруженного мира», но все-таки мира.

Франция и Германия, обе они около тысячи лет тому назад, в середине IX в., выделились (вместе с третьей страной, Италией) из монархии Карла

Великого, но границы между обоими королевствами очень долгое время колебались. При Юлии Цезаре, когда будущая Франция, в то время Галлия, была превращена в римскую провинцию, границей ее с востока служил Рейн, но в IX в. эта естественная, как ее впоследствии называли, граница Галлии уже не была границей Франции ни в этнографическом, ни в политическом отношении. С эпохи великого переселения народов области на левом берегу Рейна начали германизоваться, и романский элемент населения прежней Галлии стал отступать к Западу от своей старой «естественной границы». Еще менее благоприятно сложились для Франции политические обстоятельства. В X в. Германия была самым могущественным государством Запада и сделалась даже «священной» Римской империей, тогда как во Франции происходило феодальное раздробление, после которого собирание страны в одно целое началось не раньше XII в. Если мы посмотрим на карту Французского королевства при последних Капетингах и при первых Валуа, т. е. в XIII, XIV и XV вв., то увидим, что в его состав еще не входили восточные окраины теперешней Франции: целая полоса земли с французским населением еще числилась в составе Священной Римской империи германской нации. Политическая граница Франции доходит до этнографической границы французского племени лишь в Новое время, когда Франция, как единое государство, крепнет, а в Германии, наоборот, происходит разложение, развивается мелкодержавие. Политика французских королей не ограничивается потом присоединением областей с французским языком, но распространяет власть Франции и на некоторые части западной окраины Германии. С середины XVI в., когда Франция приобрела «три епископства» (Туль, Мец и Верден), до самой революции франко-германская граница представляла собой нечто весьма запутанное. Не забудем, например, что Эльзас и Страсбург были приобретены Францией при Людовике XIV целыми десятилетиями раньше присоединения от Германии Лотарингии, состоявшегося только при Людовике XV. Как бы там ни было, благодаря постепенному движению к востоку при последних Валуа и при Бурбонах в одном месте Францией рейнская граница была достигнута. Известно, что в виде наследия от старой монархии Великая революция восприняла стремление к «естественным границам» Франции, к Рейну и к Альпам¹. В 1792 г. революционная армия заняла все области Германии, лежавшие на левом берегу Рейна, и Франция удерживала их за собой до самого крушения империи Наполеона I, т. е. владела ими около двадцати лет; французский историк Сорель даже утверждает, что Франция могла бы ассимилировать всю эту страну, как ассимилировала Эльзас. Парижские трактаты 1814 и 1815 гг. возвратили Францию к тем границам, какие она имела в начале революции, но

¹ *Sorel. L'Europe et la révolution française.*

приобретенные Людовиками XIV и XV Эльзас и Лотарингия оставили в обладании Франции, которая, таким образом, сохранила свою позицию на Рейне. В то же время Венский конгресс к северу от этой рейнской границы Франции создал на Рейне же сильную позицию для Пруссии, владевшей здесь до начала революции лишь незначительными территориями. С 1815 г. на Рейне стояли, таким образом, лицом к лицу Франция и Пруссия.

Во Франции многие не хотели примириться с положением, созданным в 1814—1815 гг. Международные отношения конца тридцатых годов, когда против Франции были и Англия, и Россия, и обе великие державы Германии, отразились на общественном мнении Франции сильным подъемом воинственного настроения, и во второй половине 1840 г. даже наиболее умеренные газеты проповедовали необходимость борьбы с «новым священным союзом», пересмотра трактатов 1815 г. и возвращения Франции рейнской границы. Происходившие в это время патриотические манифестации тоже громко требовали войны. Само правительство как бы демонстративно готовилось к войне. По ту сторону границы также царило сильное национальное возбуждение, и тогда была сочинена сделавшаяся потом столь популярной в Германии патриотическая песня: «Он не достанется им, свободный немецкий Рейн!» Сами немецкие государи не прочь были подогревать национальный патриотизм своих подданных против «наследственного врага», к которому германская реакция с самого начала XIX в. воспитывала злобу в нации. (Прогрессисты, наоборот, желали Франции, как передовой нации, всяких благ и успехов.) Когда во Франции установилась вторая республика, германские правительства, опасаясь, что она последует примеру первой и бросится на Рейн, равным образом стали предостерегать нацию против французских замыслов; но тогда разжигание национальной ненависти успеха не имело.

Новый период в истории франко-германских отношений наступил с воцарением во Франции Наполеона III. И реставрация, и июльская монархия отличались во внешней политике миролюбием и нисколько не мечтали о реванше за 1814—1815 гг. Наполеон III вернулся к традициям первой империи, а одной из них были «естественные границы», т. е. Альпы и Рейн. Приобретение в 1859 г., по известной сделке с Виктором-Эммануилом II, Савойи и Ниццы довело Францию до одной «естественной границы», Альпов, оставалась другая, Рейн. Наполеон III мечтал о пересмотре трактатов 1815 г. на новом общеевропейском конгрессе, но это ему не удалось, как не удалась попытка присоединения то Бельгии, то Люксембурга¹,

¹ Rothan. L'affaire du Luxembourg (1882). Обо всем этом инциденте см.: Нольде Б. Э. Постоянно нейтральное государство (1905), с. 194 и след. О Бельгии, как возможном предмете сделки между великими державами, в это время там же, с. 329 и след. В летних книжках «Deutsche Revue» за 1908 г. G. Vapst рассказывает на основании бумаг французского маршала Канробера, что в бытность свою в Париже на всемирной выставке 1867 г. Бисмарк, разгова-

то баварских и гессенских владений на левом берегу Рейна. Бисмарк очень ловко манил Наполеона III обещаниями, соответствовавшими его территориальным вожделениям, между прочим, и в смысле возможных вознаграждений на левом берегу Рейна, но вместе с тем разоблачением рейнских планов Наполеона III дискредитировал его в глазах южногерманских государств, которые готовы были искать у Франции защиты против Пруссии. Прусскому министру удалось даже заключить тайные союзные договоры с южногерманскими государствами, направленные против Франции.

Особенно решительный тон по отношению к Франции взяла прусская политика после победы над Австрией и ее союзниками в 1866 г. В 1867 г. Наполеон III задумал приобрести за деньги княжество Люксембург, принадлежавшее голландскому королю, и сделка была уже готова, когда Бисмарк заставил Наполеона III от нее отказаться, объявив, что заключение ее может быть поводом к войне. Уже в 1867 г. во французской и прусской прессе стали появляться воинственные статьи, настраивавшие враждебно общественное мнение обеих наций. Вообще тогда говорили о возможности скорой войны, и обе стороны искали союзников. Особенно хотел войны сам Бисмарк, предпочитавший, однако, чтобы объявление ее шло со стороны Наполеона III. Во Франции тоже министр иностранных дел Грамон, пользовавшийся расположением императрицы Евгении и клерикалов, стоял за войну¹: между прочим, сторонники войны рассчитывали, что будущие победы французского оружия упрочат положение империи после мирной победы, одержанной плебисцитом 8 мая 1870 г., а вместе с тем и обеспечат переход власти после смерти Наполеона III к его наследнику.

Повод не замедлил представиться². Когда в Испании возник вопрос о кандидатуре на престол Гогенцоллерн-Зигмарингенского принца, родственника прусского королевского дома, и после долгих переговоров с его отцом принц согласился принять испанскую корону (в июне 1870 г.), а прусский король в качестве главы фамилии дал на это свое разрешение, Наполеон III, которому эта кандидатура была крайне неприятна, заявил против нее протест, несмотря на возражение прусского правительства, что оно тут ни в чем неповинно, так как Вильгельм I в данном случае действовал не как прусский король, а как глава фамилии Гогенцоллернов. Французский министр иностранных дел довел до сведения Вильгельма через прусского посланника в Париже, что Франция вообще не допустит никакому прусскому принцу занять испанский престол. Подобное же заявление он сделал и в законодательном корпусе на предъявленный ему запрос

ривая с разными французскими сановниками, делал прозрачные намеки на то, что с его стороны не было бы никаких препятствий, если бы Франция вздумала присоединить к своим владениям говорящую на французском языке Бельгию.

¹ Ср.: *Duc de Grammont. La France et la Prusse avant la guerre* (1872).

² *Larivière Ch. de. Les origines de la guerre de 1870* (краткий очерк).

о внешней политике. Мало того, он поручил французскому посланнику при берлинском дворе, Бенедетти, ехать в Эмс, где тогда находился Вильгельм I, и добиться от него приказа принцу отказаться от испанской кандидатуры. 9 июля между Вильгельмом I и французским посланником произошло свидание, и Бенедетти получил от короля такой ответ, которым при малейшем желании французское правительство могло бы считать себя совершенно удовлетворенным. На другой день по требованию, присланному из Парижа, посланник вторично отправился к королю, но получил прежний ответ, в котором все готовы были видеть, в сущности, желание Вильгельма I, чтобы отказ принца от кандидатуры на престол имел вид добровольного; сам отказ в принципе был решен, тем более, что Англия, Австрия и Италия настаивали перед испанским правительством, чтобы и оно отказалось от своего плана. 12 июля наконец сделалось известным, что отец принца официально отказался за своего сына от предложенной ему короны. Казалось бы, что инцидент мог бы считаться исчерпанным, но и Грамон, и Бисмарк одинаково желали войны. Французскому посланнику было снова предписано добиться от Вильгельма I заявления, что он одобряет состоявшийся отказ и никогда не позволит принцу взять его назад. 13 июля произошло новое свидание, на котором прусский король дал согласие даже на обнародование его одобрения отказу, прибавив, что больше этого он сделать ничего не может и что пора вообще вопрос этот покончить. На другой день Грамон еще раз выслушал от Вильгельма I тот же ответ. Представители иностранных дворов советовали правительству Наполеона III удовлетвориться полученным ответом, но в Париже и двор, и министерство, и газеты, и улицы желали войны. Бисмарку этого только и было нужно, и он в Берлине воспользовался разрешением короля обнародовать телеграмму о его разговоре с Бенедетти, по-своему обработав это известие, придав настойчивости посланника более резкий характер и более оскорбительный для представителя Франции смысл — нежелание короля вести с ним дальнейшие переговоры. Возникла даже целая легенда о нахальном будто бы поведении Бенедетти при встрече с королем, который зато повернулся к нему спиной. И в Пруссии, и во Франции «эмсская депеша»¹ произвела именно то впечатление, на которое рассчитывал Бисмарк. Уже 15 июля французское правительство потребовало в законодательном корпусе чрезвычайного кредита на войну, и в ночь с 15 на 16 июля кредит был вотирован, а 19-го числа состоялось и само объявление войны. Попытка иностранных держав ее предотвратить не имела ни малейшего успеха. Противников войны газетные и уличные патриоты называли из-

¹ Тогда же в печати Либкнехтом было выражено сомнение в точности передачи известия из Эмса, что много позднее подтвердилось обнародованными документами. См.: *Libknecht W. Die Emser Depesche oder wie Kriege gemacht werden*. Подлинность эмсской депеши была заподозрена также и Sorel'ем в его труде, названном выше.

менниками. Даже независимые публицисты говорили, что пруссаков следует розгами прогнать за Рейн, а уличная толпа с криками: «в Берлин, в Берлин!» устраивала патриотические манифестации, руководимые известными агентами. Во Франции господствовало мнение, что Пруссию нужно поскорее «захватить врасплох», тогда как Пруссия-то как раз и была готова к войне, совершенно же неготовой оказалась, наоборот, сама Франция, и министр Оливье действительно «с легким сердцем», как сам он выразился в памятном заседании 15 июля, принял на себя ответственность за начало этой войны¹.

События не замедлили обнаружить неподготовленность Франции к войне, а позднейшие разоблачения всех непорядков наполеоновского режима сделали вполне понятными причины разгрома Франции в 1870 г.

Если правильно сделавшееся ходячим мнение, что война играет роль экзамена, которому государство подвергается по части своей внутренней политики, то война 1870–1871 гг. была именно своего рода экзаменом, который история заставила держать Францию, какой ее сделал наполеоновский режим. Такими же экзаменами были для Пруссии несчастная война 1807 г., для Австрии неудачные войны 1859 и 1866 гг., для России Севастополь и Цусима и т. п., т. е., другими словами, с Францией Наполеона III случилось то же самое, что и до этого времени, и после него случалось с другими государствами, когда они оказывались одержимыми глубокой

¹ Оливье, стоявший долгое время в оппозиции к режиму Наполеона III, о чем см. в главе VI, а потом сделавшийся его министром, автор большой истории второй империи (см. выше), доказывает, что Франция была настроена чрезвычайно миролюбиво, но что войну вызвал Бисмарк. По французскому обычаю предварительно печатать в журналах некоторые наиболее интересные части своих еще не вышедших в свет трудов Оливье поместил летом 1908 г. в «*Revue des deux mondes*» отрывок своей работы, где настаивает на чрезвычайно мирном характере плебисцита 1870 г., бывшего переходом к либеральному режиму, и на том, что так дело понималось и в Германии. Только Бисмарк был недоволен результатом плебисцита, поскольку он укреплял империю. Он тогда и вступил будто бы в заговор с испанскими государственными людьми, в доказательство чего Оливье приводит одно письмо Бисмарка к кому-то в Испании. Из этого письма ясно, что Бисмарк очень ловко раздвигал себя на министра-президента, которому нечего было вмешиваться в семейное дело Гогенцоллернов, и на частного советника короля, пользующегося его доверием, — обстоятельство, известное и из другого источника, собственных «*Gedanken und Erinnerungen*» («Мысли и воспоминания» (нем.). — Прим. ред.) Бисмарка. Оливье думает, что были и другие письма Бисмарка в Испанию, потом уничтоженные, и что Бисмарк подстроил гогенцоллернскую кандидатуру. К сожалению, обращаясь за источниками для истории Франции к испанским архивам, Оливье проливает очень мало света на то, что делалось в самой Франции, т. е. в ее правительственных сферах, особенно же в решившем дело совете министров под председательством самого Наполеона III и в присутствии императрицы с императорским принцем. Известно, что поведение самого Оливье в законодательном корпусе было не таким, чтобы он мог снять теперь с себя ответственность за войну. Между прочим, Оливье сказал там, что прусское правительство официально сообщило всем кабинетам Европы о том, что произошло в Эмсе, тогда как сообщение было сделано только прусским посольствам и газетам, когда же Тьер, не довольствуясь словесным изложением дела, потребовал предъявления письменных документов, большинство законодательного корпуса зажало ему рот.

внутренней болезнью. Режим, бывший прямым следствием удавшейся Наполеону III авантюры 2 декабря 1851 г., не мог не дать тех плодов, какие от него получились через двадцать лет, когда войною с Пруссией, в сущности, тоже была затеяна совершенно ненужная для Франции авантюра, но нужная, как думали прислужники установившегося режима, для упрочения династии. Наполеоновский режим был одной из самых развращающих политик. Своей беспокойной внешней политикой, в которой было слишком много личных фантазий, непоследовательности, противоречий, но которая сначала имела внешний успех, Наполеон III приучил французов к мысли, что они как бы призваны устраивать судьбы других наций и повелевать всем миром. Как и при Наполеоне I, французы времен Второй империи упивались военной славой, блеском политической роли, показным величием своего отечества. Наполеон III делал все, чем только можно было помочь нации забыть потерю свободы и внутреннее унижение, которое она переживала с недоброй памяти декабрьской ночи. Другие правительства, сразу признавшие, в момент наиболее острой реакции 1849—1851 гг., в новом властелине Франции крупную реакционную силу, потом стали бояться этой силы, заискивать перед ней и перенимать ее приемы, как проявления высшей государственной мудрости. Европейские монархи один за другим начали посещать столицу Франции, двор которой сделался самым роскошным, самым веселым в Европе, первым по части беззаботного прожигания жизни и легкости нравов. Как и во времена Людовика XIV или Наполеона I, двор задавал тон так называемым верхам общества, действуя на них самым растлевающим образом. Вторая империя во Франции была эпохой сильного понижения общественной нравственности, и правительство даже многое в этом отношении прямо поощряло, как своего рода отвлекающие средства — отвлекающие, разумеется, от «политики». От своих слуг империя требовала только преданности и угодливости, открывая перед наиболее верными и усердными все пути к повышению и к обогащению и не слишком строго относясь к их прегрешениям, касавшимся законов государства и государственной казны. Наполеон III точно так же усвоил и политику Людовика-Филиппа и Гизо относительно приглашения, обращавшегося к влиятельным классам общества, чтобы они обогащались, и при этом правительство предоставляло этим классам и способы хорошо наживать. Крупная буржуазия, как и во времена Июльской монархии, опять извлекала всевозможные выгоды из своего доминирующего, в экономическом смысле, положения в обществе. С другой стороны, пускались в ход все средства, от устрашения и репрессий до подкупов и посулов, чтобы устранять всякие проявления независимого общественного мнения и создавать искусственное общественное мнение, во всем согласное с видами правительства. Официальная и официальная пресса получила небывалое развитие, официальные кандидатуры

при законодательных выборах были возведены в систему вместе с административным давлением на избирателей, которое само было лишь только одним из проявлений административного произвола вообще по отношению ко всему неблагонамеренному, не согласному с целями правительства. Лучшими исполнителями велений высшей власти Наполеон III считал военных. Армия заняла при нем привилегированное положение, и он особенно охотноверял наиболее услужливым и энергичным генералам важнейшие государственные должности. Вместе с клиром, который иногда фрондировал, и с бюрократией, которая, наоборот, была всегда послушна, армия считалась лучшей опорой власти и династии. Девизом второй империи сделалось: «все для народа, ничего при посредстве народа». Всякая самостоятельность общества была на подозрении. Когда власть обращалась к народу, то не для того, чтобы узнать его мнения и желания, а чтобы получить от него то, что нужно было самому правительству. История плебисцита 1870 г. показывает, к каким только средствам ни прибегала правительственная пресса и администрация, дабы добиться благоприятного для империи результата. Патриотические манифестации в июле 1870 г. равным образом были, до известной степени, вызываемы задорными статьями наемных публицистов и переодетыми в рабочие блузы полицейскими агентами.

Между тем и нация, которой не давали знать истинного положения дел, и правительство, которое могло и должно было бы его знать, но не знало, глубоко ошибались, думая, что Франция была готова к войне с Пруссией, только что доказавшей в войнах 1864 и 1866 г. блестящее состояние своих военных сил. Во Франции военная организация была, как оказалось, в совершенном расстройстве благодаря бюрократической рутине, канцеляршине, бумажному делопроизводству, заменившим живое дело, нерадению и недобросовестности начальствующих лиц и разным видам казнокрадства. Объявляя войну, Наполеон III, разумеется, предполагал начать с наступления, но дело оказалось гораздо более трудным, чем предполагалось. Мобилизация совершалась гораздо медленнее, нежели рассчитывали, и в назначенном пункте, где должна была сосредоточиться главная военная сила, собралось вместо ожидавшихся 400 тыс. лишь около 220 тыс., т. е. вдвое меньше, да и приходили отдельные части, так сказать, налегке, без необходимого военного материала, без оружия, без амуниции, без провианта, которые приходилось ждать, пока их подвезут из магазинов и складов, так как нередко отдельные полки стояли гарнизонами в местах, довольно далеких от своих военных депо, да и в последних оказывалась нехватка самого необходимого, которую приходилось наскоро восполнять из центральных магазинов и арсеналов. Одним словом, мобилизация совершалась с промедлениями и задержками, давала в смысле численности войска не то, что следовало, и сопровождалась страшной путаницей. На неприятельской стороне, наоборот, были поразительная быстрота мобилизации,

совершившейся притом при полном порядке, и весьма значительный перевес численного состава армии, именно больше 460 тыс. человек¹.

Таким образом, в военном отношении Франция оказалась не готовой к войне. С другой стороны, дипломатии Наполеона III не удалось заручиться союзниками в борьбе с силами всей Германии, ставшей на сторону Пруссии.

Между тем Наполеон III хлопотал о союзах, думая привлечь на свою сторону и Австрию, и Италию², что немало тревожило Бисмарка и было одним из мотивов его стремления довести конфликт с французским правительством до войны: ему нужно было предупредить возможность соглашения Наполеона III с Францем-Иосифом и с Виктором-Эммануилом. Австрия не прочь была отомстить Пруссии за Садовую, но желала, чтобы к союзу примкнула и Италия, которая условием своего присоединения ставила включение в состав своей территории и Папской области с Римом, на что Наполеон III не соглашался. Кроме того, Австрию, начавшую было вооружаться, удерживала от вмешательства в войну против Пруссии угроза со стороны русского императора, давшего понять, что помощь Наполеону III может его заставить выступить против Австрии. Наполеон III продолжал вести переговоры и после того, как война была объявлена, но первые же неудачи французов привели к прекращению этих переговоров.

Бисмарк окончательно решился на войну с Францией лишь тогда, когда начальник генерального штаба Мольтке удостоверил, что Пруссия в данную минуту была более готова к войне, чем Франция. В Пруссии уже давно и систематически приготавливались к вооруженному столкновению с Францией³, воспользовавшись многим из опыта кампании 1866 г. в смысле и вооружения армии, и способа ведения войны, и вспомогательной роли железных дорог, телеграфов, лазаретов и т. п., тогда как у французов такого опыта не было: их войны в Крыму, в Италии, в Мексике и т. п. велись при совершенно других условиях. У немцев все было заранее предусмотрено, точно рассчитано, и они были снабжены прекрасными картами театра войны, между тем как французы, думавшие лишь о наступательной войне, были хорошо снабжены картами германских владений, а карт своих собственных владений у них не было. Если у французов и был некоторый общий план кампании, то с самого же начала все было спутано невозможностью перейти в наступление. Наоборот, немцы, успев вовремя мобилизовать достаточное количество войска, могли свой план выполнять как по писаному. И особенно было важно именно то, что у них был тщательно и подробно разработанный план кампании,

¹ В начале войны у французов было пехоты около 200 тыс., конницы около 20 тыс. и орудий 840, у немцев пехоты около 410 тыс., конницы около 50 тыс. и почти 1500 орудий.

² Busch. Die Beziehungen Frankreichs zu Oesterreich und Italien. 1866–1877.

³ Poirier J. La préparation allemande de 1870 (1902).

Творцом этого плана был начальник прусского генерального штаба Мольтке. Выработкой своего плана он стал заниматься задолго до начала войны и в 1869 г. представил королю записку, содержащую в себе указания на то, как нужно было совершить первое стратегическое наступление против Франции. В то время в Пруссии не были еще уверены в содействии Баварии и Вюртемберга, и Мольтке имел в виду лишь армию Северной Германии. Он предполагал, что при нейтралитете Бельгии и Швейцарии французское войско соберется между Мецем и Страсбургом, откуда вторгнется сначала в Южную Германию, чтобы затем перейти через Майн и напасть на Северную Германию. По Мольтке, этому движению можно было помешать или, по крайней мере, его задержать, для чего следовало всю немецкую силу направить на баварский Пфальц и оттуда быстро ударить на врага. Король одобрил этот план, и для выполнения его были назначены три армии, причем было заранее решено, по каким железным дорогам повезут какие части, были выработаны расписания поездов, определены места и сроки переправы через Рейн, что потом и было выполнено с совершенной пунктуальностью. Здесь не было ни сутолоки, ни путаницы, ни растерянности, какая наблюдалась во французской «рейнской армии».

В войне 1870–1871 гг. участвовала не только Пруссия во главе Северо-германского союза, но и южногерманские государства, еще ранее заключившие с Пруссией тайные союзы. Германия двинула против Франции три армии под предводительством генерала Штейнмеца, принца Фридриха-Карла Прусского и прусского наследного принца (впоследствии императора Фридриха III), оставив в тылу еще около 365 тыс. человек запаса. Высшую команду взял на себя сам прусский король, при главной квартире которого находились Бисмарк и военный министр Роон. Сначала и французы тоже предполагали разделить свои силы на три самостоятельные армии под начальством маршалов Базена, Мак-Магона и Канробера, но потом план этот был оставлен, и командование единой большой армией взял на себя сам Наполеон III, назначив названных маршалов командирами трех из восьми корпусов, из которых состояла «рейнская армия».

В Париже и во всей Франции уже в двадцатых числах июля ждали известий о сражениях и победах, но первая серьезная встреча между неприятелями произошла лишь в первых числах августа. Затем события стали следовать одно за другим с необычайной быстротой.

Германская армия уже 30 июля двинулась к французской границе, а французы лишь 2 августа напали на прусский город Саарбрюкен и им овладели¹. Парижские газеты тотчас же протрубили об этом, как о великой победе, чего на самом деле вовсе не было, но в то же время благодаря крайне плохой организации разведочной службы французские военачальники не

¹ К востоку от Меца.

имели ни малейшего понятия о настоящем положении германской армии. Наоборот, начальство последней превосходно знало, где находились отдельные корпуса французского войска. Рано утром 4 августа армия кронпринца перешла через границу у Вейсенбурга¹, который и был взят приступом. Это был первый успех немцев, за которым через день, 6 августа, последовало страшное поражение Мак-Магона при Верте², сопровождавшееся в тот же день и другими военными успехами немцев (битва при Шпихерне). Победа при Верте стоила немцам более 10 тыс. человек убитых и раненых (одних офицеров до 500), больше, чем победа при Садовой. Между тем в Париже 5 августа распространилась весть, что при Вейсенбурге французы одержали победу, взяли в плен 25 тыс. человек и кронпринца в том чи-

сле и начали переправу через Рейн. На бирже произошло повышение курсов, а правительство, которому была известна ужасная правда, не решилось сразу ее объявить народу. Уезжая к армии со своим 14-летним сыном, Наполеон III передал регентство императрице Евгении, которая теперь совершенно растерялась. Когда действительность сделалась известной, отступление от Вейсенбурга стало объясняться в газетах искусным планом заманить пруссаков в Вогезские ущелья и там их уничтожить. Только 7 августа открылась перед народом вся истина, когда правительство объявило Париж в осадном положении и спешно созвало на 11-е число законодательный корпус и сенат, заседания которых были отсрочены вскоре после объявления войны. Пришедшие в Париж известия о поражениях 6 августа заставили ускорить созыв палат перенесением срока с 11 на 9 августа. В столице Франции началось революционное брожение. В законодательном корпусе, собравшемся 9-го числа, произносились резкие речи против правительства и самого Наполеона III. Императрица поспешила дать отставку министерству, поставив во главе нового кабинета генерала Паликао, который предпринял разные меры для увеличения армии и издал распоряжение об удалении из Парижа и провинций всех немцев. В главной квартире французской армии, в Меце, царил смущение и от одного плана переходили к другому.

¹ К северу от Страсбурга (см. карту).

² Между Вейсенбургом и Страсбургом.

Сам Наполеон III под влиянием неблагоприятного настроения не только в народе, но и в войске сложил с себя 12 августа главную команду, поручив ее маршалу Базену, который должен был переправить ее через Мозель и ввести ее в западном направлении через Верден к Шалону.

Победы 4 и 6 августа позволили армии кронпринца тоже двинуться к западу через проходы Вогезских гор и только часть ее была оставлена для наблюдения за Страсбургом. 12 августа передовые отряды немцев были уже в Нанси и Люневиле, тогда как армия принца Фридриха-Карла перешла через Мозель немного южнее Меца, а главная королевская квартира расположилась в Понт-а-Мусоне, на полпути между Мецем и Нанси. Положение французской армии было критическим: приходилось быстро отступать, а для отступления не было ничего подготовлено; переправа через Мозель шла медленно и не успела она закончиться, как пришлось вступить в битву, которой хотели избежать и за которой последовали новые: это были страшно кровопролитные битвы при Коломбе-Нуйльи (14 августа), Вюнвиль-Марс-ла-Туре (16 августа) и Сент Прива-Гравелотте (18 августа) — все к западу от Меца, — битвы, после которых армия Мак-Магона уже не могла отступить к Шалону, а должна была запереться в Меце. Немцам после этого ничего не стоило окружить Мак-Магона в этой крепости, ровно через месяц после объявления войны и две недели после начала военных действий (19 августа).

Еще до этого момента во всей Европе смотрели на поражение Франции, как на совершенно непоправимое бедствие для французов. Переговоры о заключении союзов сделались дальше невозможными. Италия, еще раньше договорившаяся с Австрией насчет вооруженного нейтралитета, теперь заключила договор с Англией, который обязывал оба эти государства соблюдать строжайший нейтралитет. В это же самое время Эльзас был совершенно оставлен, Страсбург был в осаде, и вот теперь лучшие военные силы были заперты немцами в Меце. Первая и третья германские армии остались стеречь эту крепость, а вторая направилась к Шалону, тогда как четвертая осталась на Маасе с целью задерживать французские подкрепления. Между тем Паликао предписал Мак-Магону с оставшимся у него войском двинуться на Тионвиль, куда должен был пробиться и Базен, запертый в Меце: это было отчаянное предприятие в интересах спасения династии. Мак-Магон видел всю рискованность этого плана и прямо его не одобрял, но исполнил данное ему приказание. Успех был бы еще, пожалуй, возможен при большой быстроте, но, как и в других случаях, операция совершалась медленно. Немцы успели загородить французам путь к Мецу и даже отеснить их к северу одновременно с тем, как третья армия обошла их с севера. Последние два дня августа ознаменовались битвами, после которых 1 сентября Мак-Магон вынужден был дать сражение при Седане¹.

¹ На границе с Бельгией, к северо-западу от Меца и к северо-востоку от Шалона. Об этом эпизоде *Wimpffen*. La bataille de Sedan. Les véritables coupables. Hist. compl. politique et militaire (2-е изд. 1887 г.).

Здесь и произошла катастрофа 2 сентября. Французская армия под Седаном оказалась окруженной неприятелем со всех сторон. И прусский король, и французский император находились при своих войсках. Когда в этом сражении Мак-Магон был ранен, то команду взял на себя старший в чине генерал Дюкро, который уже принял решение так или иначе выбиться из ужасного положения, но едва успел он сделать кое-какие распоряжения, как должен был уступить начальствование генералу Вимпфену, только накануне приехавшему в армию и имевшему приказ военного министра, который его назначал преемником Мак-Магона. Он и слышать не хотел об уходе и решил продолжать битву, только облегчив немцам их задачу — окончательно окружить французов. Французские солдаты сами стали спасаться бегством в седанскую крепость, которую немцы начали обстреливать, тем самым вызвав в ней пожар. Тогда в Седане был выкинут белый флаг, пушки с обеих сторон замолчали, и Вильгельм I послал французскому военачальнику требование о сдаче и армии, и крепости. В городе посланный прусским королем офицер был прямо приведен к Наполеону III, который направил его к Вимпфену по вопросу о капитуляции, а сам послал с одним из своих генералов к Вильгельму I краткое, наскоро написанное письмо следующего содержания: «Государь мой брат! Так как мне не было дано умереть среди моих войск, то мне не остается более ничего, как передать мою шпагу в руки вашего величества. Добрый брат Наполеон». В главной квартире прусского короля были несказанно удивлены, узнав, что Наполеон III оказался в Седане. В своем ему ответе прусский король выразил сожаление по поводу обстоятельств, среди которых им приходится встретиться, и, принимая шпагу Наполеона, просил его уполномочить какого-либо офицера для переговоров о капитуляции армии, «которая столь храбро сражалась под вашим начальством», объявив, что со своей стороны для этой цели он назначает генерала Мольтке. В тот же день поздно вечером произошла встреча уполномоченного Наполеоном III Вимпфена с Мольтке и Бисмарком. Переговоры шли до часа ночи. Немецкие требования были такие: вся армия сдается в плен, военный материал и крепость переходят в руки немцев, офицеры отпускаются на свободу под условием честного слова не сражаться против Германии. В девять часов утра Вимпфен был обязан дать положительный ответ, иначе должны были немедленно возобновиться военные действия. Вимпфен возвратился в крепость и созвал военный совет, который 30 голосами против двух признал дальнейшее сопротивление немислимим. Наполеон III даже не стал ждать окончания переговоров о капитуляции и, чувствуя себя не в безопасности среди своего же войска, рано утром уехал из Седана разыскивать прусского короля с целью просить о смягчении условий капитуляции. Однако ему пришлось встретиться не с Вильгельмом I, а с Бисмарком и Мольтке. С прусской стороны торопили Вимпфена с окончанием дела

о капитуляции, а на просьбу Наполеона III о свидании с Вильгельмом I был дан ответ, что прежде должна быть подписана капитуляция. Когда состоялось ее подписание, произошло свидание, о котором и просил Наполеон III. На нем речь шла о причинах войны. Пленный император оправдывался: сам он войны не желал, начать ее заставило общественное мнение Франции, — на что получил такой суровый ответ: «В этом я уверен; ваше величество вели войну, чтобы дать удовлетворение общественному мнению, желавшему войны, но это общественное мнение, стремившееся к войне, было создано вашими же министрами». Местопребыванием Наполеона III прусский король назначил замок Вильгельмстее около Касселя, где пленник и должен был оставаться до заключения мира.

В Седане капитулировала целая армия в 86 тыс. человек, из которых только тысячи три спаслись бегством в соседнюю Бельгию; из 83 тыс., пошедших в немецкий плен, шестая часть состояла из раненых; в этот счет не идет около 20 тыс. взятых в плен раньше. Из трех тысяч капитулировавших офицеров лишь немногие воспользовались свободой под условием честного слова.

В то самое время, как разыгрывалась седанская катастрофа, плохо шли и дела армии Базена, которая 31 августа сделала было попытку выйти из Меца. В этот и следующие дни при деревне Нуасвиле шла горячая битва, продолжавшаяся 30 часов, сначала выгодная для французов, потом для немцев, когда к ним подошли подкрепления. Армия Базена окончательно была заперта в Меце¹.

В Париже после назначения министром Паликао правительство продолжало держаться успокоительной политики официальной лжи: под Мецем Базен одерживал победу за победой; пруссаки уже потеряли двести тысяч человек; в Германии страшная нужда; в самом Берлине перед домом Бисмарка толпа кричала, прося хлеба. Газеты помогали распространению этих выдумок, а цель была ясна: нужно было помочь государственному займу в 700 миллионов франков. На самом деле правительство было в совершенной растерянности, хотя и принимало меры для снабжения Парижа съестными припасами и для его обороны на случай осады. Когда стали доходить слухи о поражениях, газеты начали пугать своих читателей сообщениями о варварской дикости пруссаков. Боязнь прусских шпионов приняла характер настоящего психоза. Состоятельные семейства спешили оставить город. Еще 30 и 31 августа газеты продолжали, однако, рассказывать небылицы о поражениях пруссаков, но 3 сентября правительству пришлось уже официально оповестить народ о седанской катастрофе, хотя и с похвалой, что в пять дней у Франции будет полмиллиона хороших солдат. В ночь на 4 сентября были созваны в заседания законодательный корпус и сенат. Паликао подтвердил известие о капитуляции Седана

¹ *Bazaine. Épisodes de la guerre de 1870 et le blocus de Metz (1883); Hérisson. La légende de Metz; Andlau. Metz, combats et capitulation.*

и предложил отсрочить совещание, так как правительство еще не приняло никакого решения, но среди поднявшегося шума Жюль Фавр сделал предложение о низложении императора и его династии. Когда депутаты разошлись, Паликао окружил здание законодательного корпуса военным отрядом, заняв солдатами и прилегающие улицы: он еще думал подобными мерами спасти империю. С утра, однако, 4 сентября толпы народа ходили по улицам, требуя низложения Наполеона. В середине дня народ наполнил залы законодательного корпуса, вследствие чего начавшееся заседание должно было прекратиться. Парижские депутаты собрались тогда в ратуше, где и провозгласили республику, образовав при этом правительство национальной обороны¹. Председателем его был генерал Трошю; внешние дела были поручены Жюлю Фавру; внутренние взял на себя Гамбетта; Кремье² и Пикар разделили между собой юстицию и финансы; культ достался Симону; в состав правительства без особых ролей входили еще Араго³, Ферри и только что освободившийся из тюрьмы журналист Рошфор. Императрица Евгения с большим трудом спаслась бегством в Англию. Одним из следствий падения второй империи было вступление итальянского войска в Рим 20 сентября 1870 г.

После седанской катастрофы и революции 4 сентября в Европе ожидали, что война должна была закончиться, но она затянулась еще на целые месяцы. Правительство национальной обороны не прочь было заключить мир, хотя бы пришлось при этом принести огромные денежные жертвы, но со стороны немцев было предъявлено требование возвратить Германии Эльзас и, по крайней мере, немецкую часть Лотарингии. На это правительство национальной обороны не соглашалось, гордо заявив: «Ни одной пяди нашей земли, ни одного камня из наших крепостей». Война продолжалась, но без регулярной армии она не могла идти успешно. После Седана ничто не могло остановить движения третьей и четвертой германских армий на Париж, оставивших вторую армию осаждать Мец. Через неделю после провозглашения республики правительство национальной обороны отправило Тьера к иностранным дворам искать помощи (12 сентября), а еще через неделю (19 сентября) немцы осадили Париж⁴, после чего тоже через неделю (27 сентября) произошла капитуляция Страсбурга. Мец после этого продолжал держаться целый месяц, но, в конце концов, 27 октября Базен, который

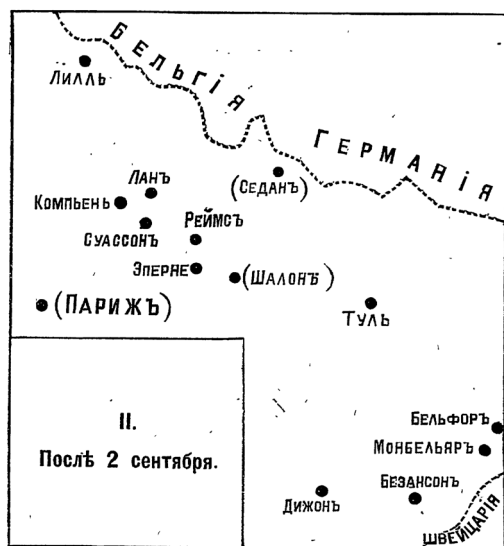
¹ Favre J. Le gouvernement de la défense nationale; Valfrey. Histoire de la diplomatie du gouvernement de la défense nationale.

² Кремье был уже во временном правительстве 1848 г.

³ Араго тоже был членом временного правительства 1848 г.

⁴ Trochu. La politique et le siège de Paris (1872); Sarcey F. Le siège de Paris (1871); Quinet E. Le siège de Paris et la défense nationale (1871); Ducrot. La défense de Paris (1875–1878); Heylli. Journal du siège de Paris (1874); Jesierski L. Combats et batailles du siège de Paris; De Meffray. Les fautes de la défense de Paris (1871); Wey F. Chronique du siège de Paris (1871); Thénod. Paris et ses fortifications (1880); Freycinet Ch. de. La guerre en province pendant le siège de Paris (1872).

ради сохранения армии не делал попыток прорваться из осажденной крепости, вынужден был в результате голода сдаться со всей армией, в которой числилось 173 тыс. человек, между ними три маршала, более пятидесяти генералов, около шести тысяч офицеров. Таким образом, обе французские армии, выступившие в июле против Германии, были в плену. Оба прусских принца были произведены в фельдмаршалы, Мольтке получил графский титул, Германия ликовала, во Франции же были убеждены, что капитуляция Меца была делом измены Базена: так отозвался об этом факте в одной прокламации и член правительства, министр внутренних дел и военный, Гамбетта¹. За капитуляцией Меца пали одна за другой и другие лотарингские крепости: Верден, Тьонвиль и др., причем в руки немцев доставались все военные припасы. С другой стороны, падение Меца освобождало громадную военную силу, которая могла быть теперь отправлена на подкрепление войск, осаждавших Париж. Переговоры о перемирии, которые в конце октября поручили вести Тьеру, ни к чему не привели.

В дальнейшем ходе войны 1870–1871 гг. особого внимания заслуживают только осада Парижа и усилия правительства национальной обороны создать новую военную силу, которая отразила бы иноплеменное нашествие.

¹ Вопрос об измене Базена породил целую литературу. Одной из новейших работ по этому вопросу является *Peuron E. Bazaine fut-il un traître?* (1904). Впоследствии он судился и процесс его был издан. Приговоренный к заключению, он через некоторое время бежал. *Marchi M. La vérité sur l'invasion de l'ex-maréchal Bazaine* (1883; автор был директором дома заключения на острове святой Маргариты).

К Парижу две немецкие армии под начальством наследных принцев прусского и саксонского двинулись немедленно после Седана, имея постоянно впереди себя кавалерские разьезды, которые нередко в лесах и деревнях обстреливались или подвергались нападениям со стороны вольных стрелков (*francs tireurs*), что вызывало со стороны армии суровые репрессии по отношению к местному населению. По дороге были взяты Лан и Суассон, по более северной линии — Компьен, по более южной — Реймс и Эперне. Французы думали задержать это движение, разрушая перед Парижем все искусственные сооружения на шоссейных и железных дорогах, ведущих к этому городу, и опустошая всю находившуюся на пути местность, чтобы ничего не досталось пруссакам. Все, что только можно было свезти в Париж для снабжения его съестными припасами, было в него свезено, и одновременно стягивались туда, какие только уцелели, военные силы с национальной гвардией, матросами, жандармами, таможенной стражей, пожарными. В общем, набралось до 300 тыс. человек, вдвое больше, чем у шедших осаждать Париж немцев, но, в сущности, настоящих солдат было тысяч шестьдесят пехоты да тысяч пять конницы. Зато в избытке были в Париже всякие чисто военные запасы, а чего не хватало, то изготовлялось на многочисленных заводах и фабриках города. Париж был хорошо укреплен рвом и валом, окружавшим город, и целым рядом фортов на известном расстоянии от города. Эти укрепления были построены еще при Людовике-Филиппе по инициативе Тьера ввиду грозившей в 1840 г. войны с немцами. Известно, что тогда дело не обошлось без страстной оппозиции в палате депутатов и что при постройке дорого обошедшихся фортификаций многие очень нажились — инженеры, подрядчики, поставщики материалов и т. п. Теперь фортификациигодились. Вал и ров, окружающие Париж, имеют около 34 верст в длину (36 километров), отдельных фортов было пятнадцать, верстах в двух с половиной один от другого, но тоже частью с промежуточными укреплениями. Линия фортов составляла около 66 верст (70 километров). Самым сильным фортом был к западу от Парижа Мон-Валерьен, на высоте около 150 саженей¹ над уровнем Сены, сам по себе представлявший почти неприступную крепость.

Париж заключал в себе более двух миллионов жителей. Задача запастись провиантом для прокормления такого населения была, конечно, не из легких, но трудной была и задача осаждающих — так окружить город с его фортами, чтобы совершенно отрезать его от всякого сообщения с остальным миром. 19 сентября, ровно через два месяца после объявления Францией войны, через две с половиной недели после Седана, Париж подвергся осаде. Сначала главная квартира прусского короля поместилась в одном принадлежавшем Ротшильду замке, но 5 октября была перенесена

¹ Русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер. — *Прим. ред.*

в Версаль, знаменитую резиденцию последних трех королей старой монархии.

Обложение Парижа немецкими войсками вызвало в его населении страшное возбуждение, о котором, как и вообще о настроении парижан в дни осады, нам придется говорить в другом месте¹. Правительство национальной обороны послало к Бисмарку одного из своих членов, Жюля Фавра, для переговоров о перемирии, но не могло принять немецких условий, которые, между прочим, заключались в том, чтобы были сданы осажденные Туль и Страсбург, тогда еще державшиеся², и один из парижских фортов. Осада началась. Парижский гарнизон не раз делал вылазки, но немцы постоянно их отбивали. Во время одной из таких стычек, при нападении немцев на Сен-Клу, французы разгромили из Мон-Валерьяна эту любимую летнюю резиденцию Наполеона III. Новая попытка, сделанная Тьером в конце октября, заключить перемирие кончилась неудачей вследствие несогласия немцев на то, чтобы во время перемирия Париж мог запастись провиантом. В осажденном городе уже к этому времени цены на съестные припасы страшно поднялись. Чем сильнее, однако, давала себя чувствовать нужда, тем решительнее хотели парижане защищаться до конца, тем более, что получавшиеся с почтовыми голубями известия вселяли в население города надежду на скорую выручку сформировавшимися в стране военными силами.

Эти надежды оказались, как известно, тщетными. Мы сейчас еще увидим, что французам удалось собрать новые войска, но что и они терпели поражение за поражением. Почти весь ноябрь прошел без каких-либо новых попыток со стороны парижан; лишь 30-го числа этого месяца и в первые дни декабря была сделана попытка вылазки с целью пробиться на соединение с так называемой луарской армией, но снова окончилась неудачей, как и попытка 21 декабря пробиться для соединения с другой, так называемой северной армией. Через несколько дней (27-го числа) после сильной бомбардировки с немецкой стороны французы были вынуждены очистить один из своих фортов (Монт-Аврон), а 5 января 1870 г. началась бомбардировка самого Парижа: раньше этого у немцев не было под Парижем тяжелой осадной артиллерии. Ко всем бедствиям осажденных от холода и голода прибавилось это новое, — непосредственно грозившее жизни не только на улицах, но и в домах, — бедствие, продолжавшееся три недели (5–26 января). Парижане мужественно переносили осаду и бомбардировку своего города, работая, как кто только мог, для его защиты, питаясь лошадиным мясом, иногда даже крысами, оставляя свои улицы по ночам в темноте, прекратив всякие общественные увеселения. Они не

¹ См. ниже, в гл. V.

² Они были взяты очень скоро после этого, а именно Туль 23 сентября, а Страсбург 27 сентября.

хотели расставаться с надеждой, что, в конце концов, свои придут на выручку, что наконец и весь цивилизованный мир не вытерпит таких ужасов и в пользу Франции состоится иностранное вмешательство. И после начала бомбардировки была сделана еще попытка массового выступления на соединение с северной армией. Это было 19 января, через две недели после начала бомбардировки, когда в вылазке, — опять окончившейся неудачей, — участвовало сто тысяч человек. Стоявший во главе парижского гарнизона генерал Трошю напрасно после этого поражения просил у немцев перемирия: оно не было дано, и 23 января Жюль Фавр отправился в Версаль вести переговоры о капитуляции. Бомбардировка прекратилась 26-го числа, а 28-го Бисмарком и Жюлем Фавром был подписан акт капитуляции с перемирием на три недели. Все внешние форты должны были быть переданы немцам, парижское войско должно было выдать оружие и остаться в городе в качестве военнопленных, город должен был заплатить двести миллионов франков контрибуции (но получил право ввозить съестные припасы) и в течение двух недель должно было быть собрано в Бордо национальное собрание. Так окончилась небывалая до того времени осада гигантской крепости с двухмиллионным населением, продолжавшаяся четыре с половиной месяца, или, точнее говоря, 19 недель без одного дня (132 дня). За десять дней до капитуляции Парижа, именно 18 января 1871 г., в старой резиденции французских королей, где была главная квартира германской армии, состоялось торжественное провозглашение прусского короля германским императором¹.

В то время, как происходила осада Парижа, война в провинции шла своим чередом. Уже упоминалось нами раньше о падении за это время Страсбурга, Меца и некоторых других пунктов. Наиболее геройское сопротивление оказывала немцам крепость Бельфор². Из перемирия, заключенного 28 января, был, по настоянию Жюля Фавра, исключен юго-восточный театр войны, где именно находилась эта крепость, но 16 февраля и Бельфор вынужден был капитулировать. Впрочем, военные действия, в сущности, прекратились здесь раньше, после того как южнее Бельфора у Понтарлье, на самой границе Швейцарии (к западу от Невшательского озера), 1 февраля обойденная немцами с юга французская армия должна была искать спасения на швейцарской территории. Потеря кампании на юго-восточном театре войны была последним важным событием войны 1870—1871 гг. Когда пал Бельфор, в Бордо (с 12 февраля) уже заседало французское национальное собрание, которое было созвано для заключения мира.

¹ См. ниже, в гл. IV.

² В юго-западном направлении от Страсбурга, прямо на запад от Базеля.

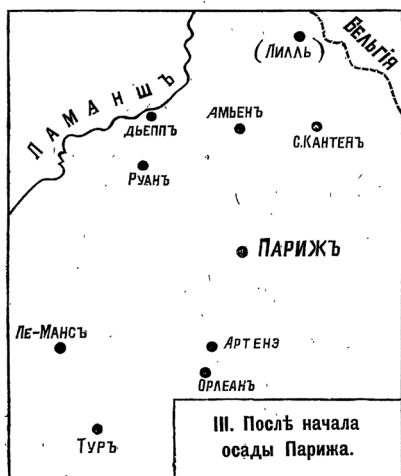
Перейдем теперь к рассмотрению того, что же делали за все время осады Парижа правительство народной обороны и само население Франции.

Перед началом осады Парижа трое из членов правительства оставили Париж, чтобы из Тура организовать национальную оборону¹. Положение страны было отчаянное, и к внешней войне присоединялись опасные движения внутри — радикальное на юге, в долине Роны от Лиона до Марселя, реакционное под знаменем Бурбонов в Вандее и Бретани. Турское правительство действовало довольно вяло, пока к нему не присоединился, в начале октября, назначенный на должность военного министра член правительства Леон Гамбетта. До этого времени он был известен, как талантливый парижский адвокат, прославившийся в 1868 г. речью в одном политическом процессе, в которой он решил выразить порицание государственному перевороту 2 декабря, в особенности же явно республиканской программой, с какою он выступил на выборах 1869 г.² Человек необычайно энергичный и решительный, Гамбетта в самом начале осады Парижа вылетел из него на воздушном шаре и благополучно добрался до Тура, где совершенно по-диктаторски стал всем распоряжаться. Его красноречивые и самоуверенные прокламации поднимали народный дух призывами к патриотизму и перспективами будущих побед. Гамбетта, кроме того, оказался первоклассным организатором всеобщего ополчения (*levée en masse*), инициативу которого он взял на себя³. Из остатков регулярной армии, из моряков, из национальных гвардейцев, из ополченцев, в которые должны были идти все мужчины от 21 до 40 лет, с оружием, купленным в Англии, он снарядил четыре армии: одну на севере у Лилля, на границе с Бельгией, другую на Луаре, третью у Безансона, к юго-западу от Бельфора, недалеко от швейцарской границы, и четвертую на юго-западе от Парижа у Ле-Манса (*Le Mans*). В этих четырех армиях насчитывали без малого шестьсот тысяч человек при 14 тыс. орудий, но войско это приходилось еще обучать, чтобы оно могло сделаться годным для боя. Гамбетта мечтал о партизанской войне. Между тем немцы разбивали эти армии по частям, что не мешало Гамбетте прославлять каждый маленький успех как победу и тем поддерживать воинственное настроение в нации. Самым важным было то, что война превратилась в народную, из войны между Наполеоном III и Вильгельмом I в войну между двумя нациями, между французами и немцами, сопровождавшуюся жестокостями с обеих сторон и создавшую взаимное озлобление между ними и на будущее время. Театр войны расширился.

¹ *Rivière A.* Trois mois de dictature en province. Le gouvernement de la défense nationale à Tours (1871).

² Об этом ниже, в гл. VI.

³ *Goltz C. von der.* Gambetta et ses armées (1877).

Двинувшаяся было на выручку Парижа от Орлеана луарская армия 10 октября потерпела поражение при Артенэ и после сражения 11 октября под самым Орлеаном была отброшена за Луару, а Орлеан был занят немцами. Через месяц французы снова заняли Орлеан (9 ноября); это вселило в Гамбетту надежду, что удастся заставить немцев снять осаду с Парижа, но 5 декабря Орлеан был опять в руках немцев. Генералов, терпевших поражения, Гамбетта немедленно сменял, но это не помогало делу. От Орлеана немцы направили свои силы к юго-западу и к западу, 21 декабря взяли Тур, а 12 января Ле-Манс. Везде немцы имели большую добычу и брали в плен массу солдат (в Орлеане 10 тыс. человек, в Ле-Мансе 20 тыс.). Луарская и западная армии были почти уничтожены. Столь же несчастна была и северная армия, которая не могла помешать немцам занять последовательно Амьен (28 ноября), столицу Нормандии Руан (5 декабря), Эвре (9 декабря), причем немецкие драгуны доезжали даже до приморского города Дьеппа. После ряда битв, не благоприятных для французов, и северная армия понесла решительное поражение при Сен-Кантене, где одних пленных немцы взяли 12 тыс. (19 января).

Дела четвертой армии, центром которой был Безансон, шли также плохо. На этом театре войны французы получили помощь от Гарибальди. Герой освобождения и объединения Италии, старый и больной, еще в сентябре пришел на помощь Франции, организовав иностранный легион в 12 тыс. человек, в котором было много его старых боевых товарищей, немало и французов, равно как представителей других национальностей, но это предприятие не принесло французам никакой существенной пользы. Между тем на этот театр войны Гамбетта возлагал особенно большие надежды. На помощь четвертой армии еще ранее окончательного поражения на Луаре была отделена часть тамошней армии, чтобы выручить оса-

давшийся в то время Бельфор и даже напасть на Баден, Вюртемберг и Баварию. Но при Монбельяре (к югу от Бельфора) 15–17 января произошла битва, которая заставила французов вернуться в Безансон, вслед за чем, как мы уже видели, 1 февраля, теснимая немцами и потеряв одними пленными до 15 тыс. человек, эта армия перешла в Швейцарию, где должна была подвергнуться разоружению. В этот же день немцами был взят Дижон, около которого у них, главным образом, и происходили битвы с гарибальдийцами. Сам Гарибальди со своими сыновьями спасся бегством.

С заключением перемирия и занятием немцами парижских фортов (29 января) война была кончена, если не считать события на юго-восточном театре войны. Продолжительность ее исчисляется 180 днями собственно военных действий. В ней насчитывают более полутора ста крупных и мелких стычек, двадцать больших сражений, 26 взятых крепостей, семь с половиной тысяч отнятых немцами у французов орудий. За эти 180 дней более 800 тыс. французов вышло из строя, из них одни убитыми и ранеными, другие уведенными в плен в Германию, третьи обезоруженными в Париже, четвертые перешедшими на швейцарскую территорию. Немцы потеряли в этой войне до 132 тыс. человек¹.

Гамбетта пробовал было сопротивляться заключению мира и в гневной прокламации от 31 января зывал к патриотизму французов, набрасывая вместе с тем тень на правительство, но скоро он увидел всю бесполезность сопротивления. В первых числах февраля произошли выборы в национальное собрание, между прочим, и в областях, занятых немцами, которые несколько не мешали свободе выборов, и 12 февраля в Бордо открыло свои заседания национальное собрание, перед которым временное правительство сложило свои полномочия. Главой исполнительной власти был избран Тьер, и была образована 12-членная комиссия, которая должна была помогать ему при заключении мира. О составе и настроении этого собрания речь будет еще впереди, в иной связи, а здесь мы ограничимся лишь историей самого заключения мира. На предварительные переговоры потребовалось немало времени, и сначала срок перемирия был продлен до 6 марта. Бисмарк требовал первоначально, чтобы Франция уступила весь Эльзас с Бельфором и часть Лотарингии и уплатила шесть миллиардов контрибуции, но Тьер выторговал у немцев сохранение Бельфора за Францией и скидку одного миллиарда контрибуции, причем Вильгельм I отказался от вступления немецких войск в Париж, считавшегося ценой уступки Бельфора, но в Елисейских Полях немцы все-таки побывали. Прелиминарный договор состоялся 26 февраля в Версале, 1 марта был принят национальным собранием (большинством — 546 голосов против

¹ Общую стоимость войны 1870–1871 гг. вычисляют для Франции в 15 360 673 500 франков. См.: *Hanotaux G. Hist. de la France contemporaine*, I, 305–306 на основании книги *Amagat. La gestion conservatrice et la gestion républicaine*.

107), а 2-го числа утвержден Вильгельмом I. Окончательный мир был заключен только 20 мая во Франкфурте-на-Майне¹. Наиболее существенные условия его были следующие:

1) Франция уступала Германии Эльзас за исключением Бельфора и немецкую Лотарингию с Мецем и Тионвилем, составлявшие три департамента с площадью в 14 508 кв. километров и населением в 1 580 000 душ, среди которых добрую треть этой цифры составляли французы². О народном голосовании населения, как это было при переходе Савойи и Ниццы к Франции или при объединении Италии, не могло быть и речи. Дело в том, что одним договором 1866 г. за населением северного Шлезвига было признано право высказаться свободным голосованием, не желает ли оно быть присоединенным к Дании, но Пруссия и не подумала исполнить это условие: где же было думать, чтобы у эльзасцев и лотарингцев стали спрашивать об их согласии или несогласии на присоединение к Германии? Жителям Эльзас-Лотарингии было только предоставлено право делать выбор между тем или другим подданством, на что был дан известный срок³, но когда число давших предпочтение французскому подданству превысило 10% населения⁴, было объявлено, что выбор французского подданства обязательно влечет за собой переселение во Францию⁵, и после этого правительство стало считать германскими подданными всех оставшихся на родине.

2) Кроме территориальной уступки, Франция по франкфуртскому миру обязывалась уплатить Германии вознаграждение за военные издержки в количестве 5 млрд франков (2175 млн рублей по теперешнему курсу) с условием, чтобы первый миллиард был выплачен еще в течение 1871 г., а остальные четыре — в три года⁶.

3) Непосредственно по ратификации договора национальным собранием немецкие войска должны были очистить южные форты Парижа и левый берег Сены, департаменты же между правым берегом Сены и восточной границей Франции должны были очищаться от немецких войск по мере уплаты контрибуции.

¹ Valfrey. Histoire du traité de Frankfort.

² По языку Эльзас имел преимущественно немецкое население: по данным германской переписи 1880 г., из 855 общин по-французски говорили здесь только в 44 общинах, т. е. приблизительно в одной двадцатой части, но в Лотарингии на 370 общин, говоривших по-немецки, приходился 341 говоривший по-французски. В это время были разные планы будущего положения Эльзас-Лотарингии, например, нейтрализация этой области, образование даже из нее княжества для Бисмарка и пр. *Gasparin A. de. La république neutre d'Alsace* (1871); *Card R. de. L'Alsace-Lorraine et le projet de neutralisation* («Rev. pol. et parlem.» за 1895 г.).

³ Срок этот был до 1 октября 1872 г.

⁴ За французское подданство высказалось 160 тыс. человек.

⁵ Выселилось из указанных 160 тыс. менее трети, именно лишь 50 тыс.

⁶ Уплата должна была быть произведена золотом или равноценными золоту прусскими, английскими, бельгийскими и т. п. бумагами.

4) Военнопленные освобождались немедленно¹.

5) Управление в оккупированных немцами департаментах должно было быть передано французским должностным лицам, но в зависимости от германского военного начальства.

¹ Их было в этот момент в Германии более 400 тыс. человек. О том, какую роль сыграли возвратившиеся из германского плена солдаты, см. ниже, в гл. V.

IV. Политическое преобладание Германии и усиление милитаризма¹

Важное значение франко-германской войны в истории Европы. — Случаи преобладания отдельных государств в прежние времена. — Переход преобладания от Франции к Пруссии и падение империи во Франции. — Объединение Германии под прусской гегемонией. — Уничтожение светской власти папы и окончательное объединение Италии. — Прекращение нейтральности Черного моря. — Идея реванша во Франции. — Страх мелких государств перед завоевательной политикой Германии. — Эпоха «союза трех императоров». — Опасность новой войны между Францией и Германией в 1875 г. — Усиление милитаризма с эпохи национальных войн и особенно после войны 1870—1871 гг. — Рост военных сил и расходов на военные нужды в последние десятилетия XIX в. — Влияние милитаризма на народную жизнь. — Милитаризм и капиталистический строй

Франко-германская война с ее столь различным исходом для обеих стран получила весьма важное значение в истории не только самих Франции и Германии, но и вообще всей Европы, для которой не могли пройти бесследно ни разгром Франции, ни объединение Германии в империю под главенством Пруссии. Прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий 1871 г., мы должны остановиться на рассмотрении тех политических следствий, которые имела столь необычайная война, какой следует признать войну 1870—1871 гг.

Первым ее следствием нужно считать переход к Германии политического преобладания в Европе.

С самого начала образования западноевропейских наций по временам то одно, то другое государство играло преобладающую роль среди своих соседей. С X до середины XIII в. Германия, сохранившая еще некоторое

¹ Кроме общих трудов по истории Западной Европы, где только идет речь о внешней политике в первой половине семидесятых годов XIX в. (см., например, в XII т. Lavis et Rambaud первую половину главы XIII о европейской политике от 1871 по 1878 г.), и соответственных отделов в истории отдельных стран, см. особенно указывавшееся и в предыдущих томах соч. Debidour'a, «Histoire diplomatique de l'Europe», во втором томе которого (1891) этому времени посвящена глава XII (стр. 445—476) с названием «Les trois empereurs». Кроме того, см.: Müller W. Politische Geschichte der Gegenwart (за 1871—1875 гг.) или Daniel. L'année politique (для того же периода); Hippeau. Histoire diplomatique de la troisième république; Sorel A. La Prusse et les deux empires ("Rev. des deux mondes"); Szemere N. v. Ueber den Dreibund (1904); Klaczko J. Deux chanceliers: le prince Gortschakoff et le prince Bismarck; Dechamps. Le prince Bismarck et l'entrevue des trois empereurs (1872). Кое-что будет еще названо ниже. Что касается до милитаризма, о котором идет речь в настоящей главе, то соответственная литература тоже приводится ниже. В указываемом там труде И. Блюха отмечаем здесь только т. V, с. 229—327 («Объединение Германии; возникшие из него опасности и союзы»).

единство при раздробленности, царившей во Франции и в Италии, была таким первенствующим государством, которое недаром же считалось продолжением Римской империи. С падением в середине XIII в. Гогенштауфенов и началом развития в Германии мелкoderжавия роль ее кончилась, и в исходе Средних веков на Западе не было ни одной нации, которая могла бы занять первенствующее положение в Европе. Блеск Священной Римской империи германской нации в первой половине XVI в., при Карле V, был уже не собственный, а заимствованный, ибо этим блеском империя была обязана тому, что ее корона покоилась на голове испанского короля, обладавшего и другими еще коронами. Во всяком случае, «всемирная монархия» Карла V не была национальным государством, и если в XVI в. какая-либо страна могла претендовать на известное преобладание, то это была Испания, даже еще в царствование Филиппа II. В XVII в. Испания была уже в упадке, Германия, обессиленная Тридцатилетней войной, тоже, и при Людовике XIV первенствующим государством Запады сделалась Франция, король которой положительно задавал тон всем остальным государям Западной Европы. Людовики XV и XVI не сумели удержать Францию на достигнутой ею высоте, и во второй половине XVIII в. видное место в политической системе заняла на Западе Пруссия, но положение Фридриха II все-таки не может идти в сравнение с положением ни Карла V, ни Людовика XIV. Только войны и революции империи снова выдвинули на первый план Францию, которой при Наполеоне I принадлежала настоящая гегемония на всем континенте, едва умеряемая некоторым противовесом России. Исход борьбы с Наполеоном I дал на некоторое время политическое преобладание России, которая не могла его удержать по слабости своего экономического и культурного развития, без которого сама гегемония бывает случайной и эфемерной. Благодаря особым условиям в первой половине XIX в. Россия пользовалась могуществом на Западе, как чисто консервативная сила, в которой нуждались правительства и которой боялись народы. Особенно такую роль могла играть Россия в конце царствования Николая I, одна на континенте остававшаяся спокойной в бурном сорок восьмом году, Россия, спасшая в 1849 г. Австрию, в 1850 г. смирившая перед нею Пруссию. Крымская война нанесла страшный удар нашему внешнему могуществу, и преобладание в Европе в третий раз перешло к Франции, где Наполеон III явился истинным преемником и Людовика XIV, и своего дяди. Пятидесятые годы, особенно вторая их половина, и шестидесятые годы, в частности первая их половина, были эпохой политического преобладания Франции, которое, однако, во второй же половине шестидесятых годов стало уже клониться к упадку.

Именно с самой середины шестидесятых годов стало намечаться опасное для французского преобладания соперничество Пруссии. Известны успехи ее внешней политики в 1864 и особенно в 1866 г., причем этими

успехами она была обязана не только силе своего оружия, но и ловкости своей дипломатии, бывшей, в сущности, дипломатией Бисмарка. В середине шестидесятых годов звезда Наполеона III стала склоняться к закату, и восходила новая звезда, звезда Бисмарка; Франция утрачивала руководящую роль в политике, и эта роль переходила к Пруссии. Война 1870—1871 гг. должна была решить вопрос: Пруссия ли, успевшая уже стать во главе половины прежней Германии, Франция ли будет в дальнейшем задавать тон Европе, и вопрос этот был уже решен в Седане 2 сентября 1870 г., за чем следовали капитуляция Парижа и Франкфуртский мир. Вторая французская империя пала, и прежняя политика Франции, исходившая из династических соображений, должна была замениться другой, а главное — Франция была обессилена, унижена и на долгое время была лишена возможности играть какую бы то ни было роль в международных отношениях. Первенство перешло к Германии.

Вторым важным результатом войны было завершение объединения Германии под гегемонией Пруссии. Австрия была выбита из той позиции, какую она занимала в Германии, и исключена из самого состава последней еще в 1866 г., но австрийские государственные люди в конце шестидесятых годов еще не теряли надежды повернуть колесо истории в другую сторону. Австрийской политикой в 1867 г. заправлял граф Бейст, ненавистник Пруссии, мечтавший возратить монархии Габсбургов ее прежнее положение в Германии, и он, хотя и относился недоверчиво к самому французскому императору, был сторонником неудавшегося франко-австрийского союза, о котором поговаривали по поводу свидания Франца-Иосифа и Наполеона III в 1867 г. в Зальцбурге, где присутствовал и Бейст. На этом свидании оба государя «нравственно» обязались друг перед другом не допускать дальнейшего объединения Германии. Бейст хлопотал и о привлечении к антипрусскому союзу также Италии, в самой Австрии поощряя антипруссские манифестации и враждебную замыслам Бисмарка прессу. С разгромом Франции австрийское правительство должно было оставить всякие надежды на переделку того, что было результатом войны 1866 г. и так блестяще было закреплено победами 1870—1871 гг. Мало того, Австрия вошла в политическую комбинацию, известную под названием «союза трех императоров», в котором доминирующую роль играл новый император объединенной Германии¹.

Так окончился давнишний спор между двумя немецкими династиями, Габсбургами и Гогенцоллернами, и между их государствами, Австрией и Пруссией, о том, кому стоять во главе Германии. Начало этому соперничеству было положено еще в конце XVIII в., при Иосифе II и Фридрихе II, в эпоху знаменитого фюрстенбунда. Уже тогда Мирабо советовал немцам

¹ См. ниже.

стоять за молодую Пруссию, а не за старую Австрию. Он как бы предвидел ту национально-германскую роль, которую Пруссия потом сыграла в войне за освобождение Германии от Наполеона I, занявшись внутренними преобразованиями и став во главе народного движения. На Венском конгрессе председательство в Германском союзе было передано Австрии, которая потом знала только одну политику репрессий, тогда как Пруссия заключением таможенного союза, мало-помалу охватившего всю Германию, кроме Австрии, совершила экономическое объединение Германии, подготовившее собой и политическое единство. Во время революции 1848 г. уже прямо образовались по вопросу об объединении Германии велико-немецкая и мало-немецкая партии¹, и франкфуртский парламент в конституции 1849 г. разрешил вопрос в пользу второй, т. е. в пользу Пруссии. Прусский король отверг тогда предложенную ему императорскую корону, но это не помешало ему в скором же времени наметить для своего государства такую политику, которая должна была создать для Пруссии особое положение в Германии. В 1850 г. Австрия, однако, расстроила план Пруссии образовать в Германии свою особую унию под ее, Пруссии, гегемонией, и под давлением со стороны России Фридрих-Вильгельм IV должен был смириться перед Австрией. Соперничество Австрии и Пруссии в 1849—1850 гг. приняло такой характер, что Наполеон III, тогда еще президент республики, предполагал втравить Пруссию, заключив с ней союз, в войну с Австрией, чтобы самому осуществить свою мечту о рейнской границе.

Мы видели уже, что как раз боязнь агрессивной политики Наполеона III и ставила перед немцами вопрос об объединении на чисто практическую почву. Когда под влиянием итальянской войны 1859 г. в Германии снова был поднят вопрос об объединении, в ней немедленно разгорелась полемика между велико-немецкой и мало-немецкой партиями, а когда сами правительства начали переговоры о формах возможного объединения, то Австрия и Пруссия всегда оказывались в противоположных лагерьях, пока война 1866 г., причины которой лежали и в несогласиях по вопросу об объединении, не решила спор в пользу Пруссии. Однако, как мы только что видели, лишь исход войны 1870—1871 гг. заставил Австрию окончательно примириться с фактом объединения Германии под прусской гегемонией.

Кроме Австрии, помехой объединению Германии под гегемонией Пруссии была и Франция. Австро-прусская распря вообще была на руку Наполеону III: в 1866 г. он полагал, что обе стороны одна другую лишь обессилят, а это даст ему возможность в надлежащую минуту выступить вершителем судеб. В своих планах он расчленял Германию на Австрию,

¹ См. выше.

Пруссию с Северо-германским союзом, южную Германию, не зависимую от обеих, и левый берег Рейна, и он был очень недоволен тем, как дело кончилось. Тем не менее дипломатическое вмешательство Наполеона III в 1866 г. помешало Пруссии извлечь из своей победы над Австрией все выгоды, какие только было можно. После 1866 г. в Германии смотрели на политику Наполеона III, как на главную помеху к германскому единству: Седан эту помеху устранил.

Войну 1870—1871 гг. Пруссия вела в полном единении с Северогерманским союзом и в союзе с южногерманскими государствами, с которыми она еще раньше заключила тайные договоры против Франции. Наполеон III, особенно хлопотавший о том, чтобы прусская гегемония не простиралась южнее линии Майна, желал, чтобы Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт образовали особенный Южно-германский союз по образцу северного, но объявлением войны Пруссии только содействовал слиянию Севера и Юга.

Германская армия в войне 1870—1871 гг. состояла из контингентов всех частей Германии, и общие победы, общая слава только больше сплачивали в сознании немцев их национальное единство.

Между 1866 и 1870 гг. южногерманские правительства, связанные с Пруссией союзными договорами, в сущности, колебались между двумя политическими направлениями, из которых одно было за вступление в общегерманский союз (оно было сильно в Бадене), а другое, наоборот, защищало местную независимость (особенно в Баварии). Но у этих государств с Пруссией была и другая связь: все они были членами таможенного союза, и Бисмарк именно с этой стороны привлек их к участию в общих делах. Еще в июле 1867 г. он заключил с ними договор, в силу которого южногерманские государства должны были участвовать в совместном рассмотрении дел, касающихся таможенного союза. Для этого между 1867 и 1870 гг. три раза (первый раз в 1868 г.) созывался так называемый таможенный парламент, бывший, в сущности, своего рода рейхстагом, дополненным представителями от южногерманских государств. Большинство членов таможенного парламента, выбранных и здесь всеобщей подачей голосов, было против дальнейшего объединения, но война с Францией склонила правительства названных государств к вступлению в общий союз. Сами государи выразили желание примкнуть к остальным государствам, уже находившимся под гегемонией Пруссии; баварский король прямо предложил восстановить для Германии ее старое историческое наименование империей (Reich), а для общего главы ее — старый же титул императора (Kaiser), выговорив, однако, для своего королевства кое-какие привилегии (особая почта, своя военная форма). Собственно, переговоры о восстановлении империи велись еще с сентября прусским государственным деятелем Дельбрюком, и в этом смысле были заключены отдельные

договоры с Баденом и Гессеном 15 ноября, с Баварией 23-го и с Вюртембергом 25-го, но прежде чем они могли бы быть утверждены северогерманским рейхстагом и соответственными южногерманскими ландтагами, стоявший за единство великий герцог баденский Фридрих склонил баварского короля Людвига II обратиться ко всем немецким государям с предложением дать председателю союза титул германского императора (4 декабря). Между тем собранный на 24 ноября северогерманский рейхстаг принял переданные на его рассмотрение договоры с новыми титулами для Германии и ее общего главы и послал к Вильгельму I делегации с изъявлением желания нации. Во главе этой делегации стоял тот самый Симсон, который за двадцать два года перед тем, 3 апреля 1849 г., уже предлагал от имени франкфуртского парламента корону старшему брату Вильгельма I, Фридриху-Вильгельму IV. На этот раз отказа не было: императорская корона подносилась прусскому королю с согласия остальных немецких государей, и о ней уже нельзя было говорить, как о «кушанье, приготовленном из грязи и глины» или как об «ошейнике, который сделает из правителя миллионов людей простого раба революции». Представление делегации Вильгельму I состоялось 18 декабря, а ровно через месяц, 18 января, в сто семидесятую годовщину возложения курфюрстом бранденбургским Фридрихом III на свою голову прусской королевской короны, в большой зеркальной зале версальского дворца состоялось в присутствии германских государей, военачальников и депутатов торжественное принятие Вильгельмом I императорского титула. Через два месяца, 21 марта, состоялось и открытие первого общегерманского рейхстага¹.

Франция в конце шестидесятых годов была помехой окончательного объединения не только Германии, но и Италии.

Объединение Италии произошло при деятельной поддержке со стороны Наполеона III, но, помогая Сардинии в 1859 г., он вовсе не имел в виду того оборота, который приняли дела в 1860 г. Сам он думал не о едином итальянском королевстве, а о федерации под почетным председательством папы. Менее всего Наполеон III мог бы добровольно согласиться на лишение папы светской власти, он, который содействовал ее восстановлению в 1849 г. и оберегал ее французским гарнизоном. Если он и согласился на объединение Италии так, как оно произошло, то лишь опасаясь республиканского движения, которое могло бы взять верх, если бы Виктор-Эммануил не был представителем монархического принципа. Когда в 1862 г. Гарибальди задумал совершить завоевательный поход на Рим, Наполеон III послал туда свежие войска для подкрепления стоявшего там французского гарнизона. В 1864 г. Франция и Италия заключили между собой конвенцию, в силу которой первая обещала вывести свои войска из Рима,

¹ Дальнейшая история Германии ниже, в гл. VII.

если итальянское правительство возьмет на себя охрану светской власти папы в Риме. Через два года Наполеон III помог Италии приобрести Венецианскую область и исполнил обещание относительно вывода из Рима французского гарнизона, но когда в 1867 г. Гарибальди сделал новую попытку овладеть Римом, Наполеон III не согласился на просьбу итальянского правительства защищать папу своими войсками, а послал в Церковную область французское войско, разбившее Гарибальди при Ментане. Во французском законодательном корпусе даже оппозиция была за сохранение светской власти папы, правительство же прямо заявляло, что Франция «никогда, никогда и никогда» не допустит Италию завладеть Римом. Французский гарнизон остался снова в Чивитта-Веккии охранять папские владения. Когда на другой день после провозглашения ватиканским собором папской непогрешимости была Наполеоном III объявлена война Пруссии, Италия лишь потому не была на стороне Франции, что ее император ни за что не соглашался допустить присоединение Рима к национальному королевству итальянцев. Вскоре, однако, французы оставили Чивитта-Веккию, чтобы отправиться на родину, где было так много дел, но едва только пришло в Италию известие о падении империи, Виктор-Эммануил объявил о прекращении конвенции 1864 г. и отправил к римской границе обсервационный корпус, обратившись к папе Пию IX с предложением ограничиться обладанием правобережной частью Рима с Ватиканом. Отказ Пия IX принять это условие имел результатом вступление войска Виктора-Эммануила II в Папскую область и занятие им самого Рима 20 сентября 1870 г. Так произошло окончательное объединение Италии и окончилась светская власть папы, державшаяся за последние двадцать лет только вследствие поддержки со стороны Франции¹.

Падение империи Наполеона III имело результатом отмену не одной только конвенции 1864 г. с итальянским королевством относительно Рима. К числу политических триумфов Наполеона III относится Парижский трактат 1856 г., в котором подводились итоги Восточной войны 1853—1856 гг., а одной из его статей Черное море объявлялось нейтральным и ни одно государство не могло содержать на нем ни военного флота, ни арсеналов. Эта статья была направлена против России в защиту Турции, которую Наполеон взял под свое покровительство, и Россия была вынуждена подчиниться этому условию. Через четыре дня после падения Меца русское правительство оповестило другие державы о том, что более не считает себя связанным трактатом 1856 г. и потому возвращает себе полную свободу действия на Черном море. Правда, Англия и Австрия протестовали против этого, да и прусский король был, по-видимому, этим недоволен; из-за вопроса о силе трактата 1856 г. Англия при благоприятных условиях даже

¹ История Италии после присоединения Рима ниже, в гл. X, история папства — в гл. XX.

объявила бы войну, но дело уладилось мирно на конференции в Лондоне в январе 1871 г., предложенной Бисмарком. России пришлось согласиться в принципе, что никто не имеет права отказываться от соблюдения международных трактатов, но тем не менее на лондонской конференции был составлен новый трактат, признававший свободу действий России на Черном море (13 марта 1871 г.). Турция примирилась с таким исходом пересмотра вопроса о Черном море и, лишенная в лице Наполеона III защитника и покровителя, подпала после этого под влияние России.

Все крупные международные вопросы, по-видимому, были решены и новых на политическом горизонте не было видно: Германия объединилась, Австрия окончательно примирилась с новым положением дел, Италия заняла Рим, Россия получила право завести флот на Черном море. Но одна опасность для общего мира все-таки еще оставалась: это был эльзас-лотарингский вопрос, это было стремление французов к отмщению, идея так называемого реванша. Жители отторгнутой от Франции области были противниками присоединения к Германии; это признавало и само правительство, заявившее устами Бисмарка, что его задача преодолеть враждебное к Германии настроение посредством терпения. Превращенная в имперскую область (Reichsland), Эльзас-Лотарингия¹ находилась в непосредственном управлении Бисмарка, как имперского канцлера, и с самого же начала нового порядка вещей в крае начались конфликты жителей с властями. Правительство начало германизировать присоединенную область. Все чиновники были немцы, немецкий язык делался языком администрации, судов, школы, железных дорог, даже вывесок над частными торговыми и промышленными заведениями. Всякого рода оказательство французских симпатий строго каралось штрафами и тюрьмой, были ли то флаги с национальными цветами Франции, французские песни или речи и газетные статьи с французским направлением. Всему французскому либо напоминающему Францию была объявлена война, парижские газеты не допускались в край. Споры шли и по поводу объявления отдельными лицами желания быть французскими подданными. Введение в Эльзас-Лотарингии германской всеобщей воинской повинности, — что произошло в 1872 г., — заставило значительную часть молодежи уклониться от военной службы уходом во Францию, где беглецы поступали в иностранный легион, расплачиваться за что перед властями приходилось их семьям. Тяготение эльзасцев и лотарингцев к Франции сильно раздражало немцев, и особенно неприятно подействовало на них то, что, когда в 1874 г. им было в первый раз предоставлено выбрать депутатов в рейхстаг, население послало всех полагавшихся на область пятнадцать человек, явившихся в рейхстаг только для заявления протеста против присоединения, с требо-

¹ Литература по Эльзас-Лотарингии частью указана выше, частью указывается ниже (в гл. VII).

ванием самому населению предоставить право решить свою участь. Во Франции внимательно следили за тем, что делалось в трех отторгнутых департаментах, и вопрос о возвращении Эльзас-Лотарингии в лоно французского отечества сделался одной из самых популярных политических тем во Франции. Франкфуртский трактат, присоединивший 1,5 млн французских граждан к чужому государству без их на то согласия, рассматривался с этой точки зрения как незаконный. «Реванш» именно в том и должен был, главным образом, заключаться, чтобы, собравшись с силами, поколотить пруссаков и отнять у них область, которую они неправильно захватили. Более экспансивные люди заявляли это во всеуслышание, но другие в данном отношении следовали совету Гамбетты «думать об этом непрерывно, но никогда об этом не говорить». Толки о французском реванше беспокоили немцев и давали германскому правительству поводы говорить о необходимости охраны европейского мира против возможного его нарушения со стороны французов. Везде в Европе этому верили, и вопрос о французском реванше долгое время поддерживал тревогу у всех, кто только был против какой бы то ни было новой войны.

Боялись, впрочем, не одной Франции, которая когда-нибудь зажжет пожар войны, боялись еще и Германии, которой приписывались и дальнейшие завоевательные планы. Бисмарк, «железный канцлер», как особенно любили его называть, подобно Наполеону III, этому, в свое время, «тюильрийскому сфинксу», сделался каким-то пугалом Европы, и везде видели его руку, его интригу. Ожидали, что Пруссия, одержав победы в войнах на три фронта, на севере, на юге и на западе, не оставит в покое и соседа своего на четвертом, восточном фронте, Россию. Но особенно вероятным казалось, что объединенная Германия, заняв, благодаря своим победам, первенствующее положение в Европе, будет продолжать увеличивать свои владения за счет малых стран. Предполагали именно, что у немцев есть план овладеть Голландией с ее богатыми колониями. В Бельгии и Люксембурге тоже тревожились за свою судьбу, а также считалось возможным, что национальное объединение Германии потребует присоединения к ней еще немецких частей Австрии и Швейцарии, равно как остзейских губерний России. Официальные заявления германского императора о том, что, достигнув единства, Германия в полном обладании своих сил будет стоять на страже общего мира, принимались за простой отвод глаз от истинных целей политики железного канцлера. Не верили этим заявлениям и во Франции, где боялись, что Бисмарк еще раз нападет на французов, чтобы не дать им собраться с силами для реванша за 1870—1871 гг.

Опасения оказались, однако, напрасными, и мир не был нарушен. В первые годы после основания новой империи оплотом его считалась, да и на самом деле была международная комбинация, которая получила название «союза трех императоров» (*Dreikaiserbund*), хотя, собственно гово-

ря, тогда не было заключено никакого союзного договора. «Союз трех императоров» — это было сближение государей Германии, Австрии и России, имевшее уже свои прецеденты в более ранние времена. В первый раз Россию, Пруссию и Австрию сблизило между собой участие в дележах Польши во второй половине XVIII в., и польский вопрос на долгое время оставался цементом, связывавшим воедино эти три государства. Потом их сблизила между собой последняя борьба с Наполеоном I, по окончании которой три монарха заключили между собой знаменитый Священный союз, сделавшийся в скором времени оплотом общеевропейской реакции. Правда, к концу двадцатых годов союз этот стал расшатываться, и намечалась комбинация Россия-Франция-Англия, но июльская революция снова сблизила между собой государей России, Австрии и Пруссии для борьбы с революционными движениями: эти три великие державы были абсолютными монархиями, тогда как две другие, Англия и Франция, конституционными, что тоже придавало некоторое общее направление их политике. В середине XIX в. Россия спасла Австрию от венгерской революции и от прусских планов относительно Германии, и это тоже содействовало укреплению связей между Россией и Австрией, прусское же правительство вполне подчинилось русскому влиянию. Восточная война, однако, ослабила эти узы. Австрия, как известно, «поразила мир своей неблагодарностью», присоединившись к врагам России, да и Пруссия вела себя не совсем корректно. Во время польского восстания 1863 г., по отношению к которому Пруссия держала себя вполне на стороне России, Австрия была на стороне Франции и Англии, заступавшихся за Польшу. Польское восстание 1863 г. сблизило Россию и Пруссию, и русский государь оставался верным другом прусского короля во время войн 1866 и 1870 гг. После побед Пруссии и образования ею Германской империи Австрия, которая до того времени действовала во враждебном направлении по отношению и к Пруссии, и к России, начала искать сближения с новой империей, а через нее стала в более близкие отношения и к России. В течение 1871 г. австрийское правительство не раз старалось показать, что его отношение к Германии наилучшее. Австрийский министр, граф Бейст, еще недавний пруссофоб, заявил австро-венгерским делегациям, что монархия находится в дружбе с Германией и Италией, а вскоре затем поехал на свидание с Бисмарком, состоявшееся в Гаштейне, после чего и оба государя сами встретились в Зальцбурге. Бейст, впрочем, недолго оставался министром иностранных дел; он в конце 1871 г. был заменен мадьяром Андраши, уже иначе относившимся к Германии, чем его предшественник. Эта перемена была не только симптомом нового настроения в австрийском правительстве, но и фактором начавшегося сближения между Германией и Австрией, которое потом завершилось самым тесным союзом между ними, причем направляющая роль осталась за Германией.

Тогда же, в конце 1871 г., германские победители приезжали в Санкт-Петербург, где Вильгельм I встретил самый сердечный прием со стороны Александра II, торжественно провозгласившего, что давнишняя и испытанная дружба обоих государей является наилучшим обеспечением мира и порядка в Европе. Ответные визиты русского и австрийского императоров в Берлин состоялись одновременно в начале сентября (от 5 до 12) 1872 г. Это свидание трех императоров, давшее повод говорить о союзе между ними, было принято общественным мнением Европы за доказательство того, что наиболее могущественные державы континента признают новую империю, видят в ее существовании лучший залог мира и потому отнюдь не намерены поощрять французские мечты о реванше. Ряд новых свиданий между монархами в следующих годах поддерживал создавшееся в 1871—1872 гг. настроение и идею о существовании союза трех императоров. В 1873 г. и Виктор-Эммануил приезжал в Вену и Берлин, что вызвало ответные визиты обоих императоров, посетивших, однако, итальянского короля не в Риме — из вежливости по отношению к лишенному светской власти Пию IX.

Несмотря на все эти свидания и уверения в прочности мира, тревога по поводу возможности новой войны не улеглась. Одним из показателей такого настроения были возникшие весной 1875 г. слухи о близости новой войны между Германией и Францией, около которых образовалась целая легенда и произошли споры на тему, в чем же заключалась истина. Наиболее несомненное в этой истории сводится к следующему¹. Во Франции в 1875 г. был издан новый закон о кадрах армии, в чем Мольтке усмотрел приготовление к войне в недалеком же будущем; тогда германский посол при республике, Гогенлоэ, по поручению своего правительства обратился

¹ Об этом эпизоде в книге С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование» (1903), т. II, с. 107 и след., имеются интересные подробности. Автор стоит на той точке зрения, что «опасения французского правительства не были вполне лишены основания», в чем убедились и в Санкт-Петербурге, когда Радовиц стал зондировать русское правительство насчет его отношения к новой войне с Францией. Между прочим, русское правительство сделало шаги, чтобы привлечь на свою сторону и английское правительство. Бисмарк в разговоре с Александром II свалил вину тревоги на Мольтке и на военную партию. С. Татищев пользовался обширными извлечениями из переписки герцога Деказа с генералом Лефлю, опубликованными последним в «Le Figaro» за 1887 г. под заглавием «L'empereur Alexandre II et la France en 1875». Самый подробный рассказ на тему военной опасности 1875 г. мы находим в III томе «Histoire de la France contemporaine» (1908) Ганото, где он занимает около 60 страниц (234—294). Автор оспаривает все объяснения Бисмарка, желавшего во всей этой истории представить себя более снега и безобидной жертвой интриги, и настаивает, что если Бисмарк и не хотел войны, то, по крайней мере, стремился к тому, чтобы ему приписывали такое желание. Это вполне соответствует его постоянной политике застрашивания по отношению к Франции, но о ближайшей цели всего неудавшегося маневра можно только строить догадки. Во французской литературе см. еще: *duc de Broglie. La mission de M. Gontaut-Biron à Berlin; Schérer. L'alarme de 1875* (в «Revue politique et littéraire» за 1887 г.). См. также: *Balder. Die Wahrheit über Bismarck* (1892). Германские историки неохотно распространяются об эпизоде. Некоторые немецкие книги, написанные в «патриотическом» духе, даже, так сказать, смазывают все это происшествие. *Stacke L. Neueste Geschichte* (1908), с. 472.

к французскому министру иностранных дел с просьбой принять к сведению, что в Берлине французские вооружения почитаются за угрожающее действие. Министр Деказ ответил, что «к сведению» он этого не принимает, потому что опасения германского правительства неосновательны. Между тем возбуждение этого вопроса сделалось известным прессе¹, которая стала обсуждать и шансы войны, и планы пруссаков относительно новых миллиардов. С другой стороны, заговорили дипломаты. Деказ рассказывал, что произошло, русскому послу Орлову, французский посол в Санкт-Петербурге, Леффло, — канцлеру Горчакову и даже самому русскому императору. С русской стороны французским дипломатам были даны самые успокоительные заверения, а Александр II даже сказал, что сам поедет в Берлин и что достаточно будет его слова для сохранения мира. Он действительно съездил в Берлин, после чего о войне говорить перестали. Заинтересованным сторонам оставалось только объяснить, в чем же было дело. Вильгельм I и особенно Бисмарк старались уверить, что никаких планов насчет войны с Францией у них не было, что все это одна выдумка. Вильгельм I в разговоре с французским послом объяснял происхождение ложных слухов из биржевых кругов, а французскому военному атташе заметил: «Нас хотели посорить». Бисмарк даже разъяснил, кто же это затеял интригу, — и указал на русского канцлера, своего недруга: он-де воспользовался и поездкой специального посланца (Радовица) с особым поручением к Александру II, и остававшимся всякому другому неизвестным намерением русского императора посетить Берлин, чтобы сочинить сплетню, будто германский император посылал спросить Александра II, как бы он отнесся к новой войне Германии с Францией, и будто русский император поспешил приехать в Берлин лишь с целью помешать этой войне. Большая часть дипломатов в то время не поверила объяснению, данному Бисмарком слухам о войне, и думала, что дело было именно так, как намекал на это Горчаков и как открыто рассказывал французский посол при прусском дворе Гонтон-Бирон, которого Бисмарк причислял тоже к своим недругам и обвинял в интриганстве. Чтобы придать больше силы своим заверениям, имперский канцлер выразился так, что подобного рода предприятие, как война с Францией, была бы «колоссальной глупостью». Во всяком случае, мир не был нарушен, и только в 1876 г. явились первые признаки крупных международных осложнений, но на этот раз уже на Востоке².

Политическое преобладание Германии, признанное открыто двумя другими империями, сопровождалось ростом милитаризма. Если этот рост был вообще результатом более воинственной, сравнительно с преж-

¹ Началось с появления в берлинской газете «Die Post» статьи под заглавием «Der Krieg im Sicht» (соответственно «Почта», «Скрытая война» (нем.). — *Прим. ред.*).

² См. ниже, гл. XII.

ним временем, политики пятидесятых и шестидесятых годов, то в особенности содействовала росту милитаризма война 1870—1871 гг.

За словом «милитаризм» в последнее время признается значение такого направления политики, при котором если не все, то очень многие отправления государственной жизни подчиняются, даже в мирное время, стремлению к военному преобладанию или, по крайней мере, к военному могуществу¹. Как отдельные государства, так и отдельные эпохи имеют далеко не одинаковое значение в развитии милитаризма. Например, Англия, сравнительно с континентальными странами, благодаря своему островному положению всегда могла обходиться без большой армии, и наоборот, Пруссия все свое величие основала на военном направлении своего правительства, сделавшемся своего рода династической традицией. Рассматривая с точки зрения милитаризма историю XIX в., мы можем сказать, что начало этого века, наполеоновское военное время, было эпохой значительного развития милитаризма, но к середине столетия он стал несколько ослабевать, и, наоборот, в последние десятилетия XIX в. снова происходит его усиление.

Высчитано, например, что в эпоху наибольшего могущества Наполеона I, в 1810 г., в состав европейских армий, кроме турецкой, входило 2 221 000 человек, перед основанием второй империи, в 1851 г. эта численность войск несколько понизилась — до 2 195 000, но потом стала возрастать, достигши к концу восьмидесятых годов без малого трех миллионов (в 1889 г. 2 957 000). По отдельным странам особенный прирост замечается в Германии, где трем указанным датам соответствуют цифры 160 млн, 346 и 492, в Италии, где аналогичный ряд цифр будет 75 м., 142 и 255, в России с соответственными цифрами 558 м., 644 и 800 и т. д. В других государствах произошло понижение численности войск (в Австрии и в Англии с колониями), а во Франции сначала произошло некоторое понижение (с 570 м. в 1810 г. до 365 м. в 1851), потом, в эпоху второй империи и при третьей республике, снова повышение почти до прежней цифры времен первой империи (до 555 м.)². Специалисты по вопросу о милитаризме находят, что

¹ Громадный материал — в известном шеститомном (с атласом) труде И. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (1898). Во втором томе см. между прочим о численности европейских армий, в третьем сравнение флотов, участвовавших в прежних войнах, с современными, в четвертом об отношении военного бремени к народным доходам, в пятом о протестах против милитаризма; в шестом даются общие выводы. *Wiede*. Der Militarismus (1877); *Schäffle*. Der nächste Krieg in Zahlen (1887; 2-е изд.); *Steinmetz*. Philosophie des Krieges (1907); *Ferrero G.* Le militarisme et la société moderne (франц. пер. с ит. 1899; рус. пер. 1900); *Фишер Ф.* Милитаризм (1903); *В. В.* Милитаризм и капитализм («Русская мысль» за 1887 г.); *Мануилов А.* Милитаризм и капитализм («Юридический вестник» за 1890 г.); *Греков А.* Правовое положение армии в государстве. Опыт исследования правовых оснований жизни армии в главнейших государствах современной Европы (1908).

² В двух последних предложениях автор, используя слово «миллион», возможно, вольно оперировал русскими эквивалентами французских слов *mille* («тысяча») и *million* («миллион»). Соответственно сокращение «м.» следует понимать здесь как «т.», т. е. «тысяча». Указан-

исходным пунктом непрерывного возрастания вооруженных сил в Европе нужно считать еще начало шестидесятых годов, когда началась реформа армии в Пруссии, бывшая, так сказать, первым толчком к тому, что и другие государства стали усиленно вооружаться. После победы Пруссии над Австрией в 1866 г. и во Франции была предпринята военная реформа, план которой был выработан маршалом Шелем и которая была принята законодательным корпусом. По этой реформе предполагалось довести численность французской армии в военное время до 800 тыс. человек, кроме полумиллиона подвижной национальной гвардии. На осуществление этой реформы, по тогдашнему расчету, требовалось девять лет, и, следовательно, преобразование армии могло бы по этому плану завершиться только в 1877 г. Германия не дала осуществиться этой реформе: в 1870 г., когда Наполеон III располагал едва полумиллионом войска (с национальной гвардией), Германия в июле и августе уже могла призвать для полевой и гарнизонной службы чуть не миллион двести тысяч человек, а в конце войны, именно в феврале 1871 г., под ружьем было немецких солдат уже миллион триста пятьдесят тысяч, из которых более 900 тыс. находилось в действующей армии. Этот численный перевес сам по себе был одной из причин победы немцев над французами, почему во всех государствах за немногими исключениями стали хлопотать об умножении военных сил, с каковой целью, между прочим, начали перенимать у Пруссии ее систему всеобщей личной воинской повинности, как это почти в одно время было сделано во Франции (1872) и у нас (1874). В самой Германии прусский закон был в 1874 г. распространен на все государства, входящие в состав империи, причем было принято, чтобы число нижних чинов в мирное время составляло 1% всего имперского населения. За пятнадцать лет, отделяющих 1874 г. от года австро-итальянской войны 1859 г., численность вооруженных сил Австрии, Англии, Германии, России, Турции и Франции поднялась на 26%, а именно с 2 590 000 до 3 266 000; если же мы сделаем сравнение между цифрами для Германии в 1859 и 1874 г., то получим возрастание в 55%, т. е. более, нежели в полтора раза. Еще красноречивее говорят цифры для военного времени. В перечисленных шести государствах численность армии на военном положении определялась в 1859 г. 4 426 000 человек, что для цифры мирного времени составляло превышение в 71%, тогда как в 1874 г. разница между мирным и военным составом доходила уже до 90%, т. е. состав армии в военное время превышал состав по мирному положению почти вдвое: цифра 1874 г. составляет 6 272 000. И опять впереди всех, в данном случае, шла

ная Н. Кареевым примерная численность русской императорской армии в 1810, 1851, 1889 гг. совпадает с ее примерным количеством (в тысячах человек), приводившимся в различных авторитетных источниках. См.: «По штатам мирного времени на 1(13) ноября 1876 г. численность армии определялась в 722 123 человека, запаса — 752 305 человек» (Русско-турецкая война 1877—1878 / Под ред. И. И. Ростунова. М.: Воениздат, 1977. С. 37). — *Прим. ред.*

Германия, Франция же занимала только второе место: общее число возрастания германской армии выражается 60%, французской — 54%. После 1874 г. численность войск как мирного, так и военного состава возрастала постоянно. Если к старым пяти великим державам и Турции прибавить еще Италию и принять цифры 1874 г. за 100, то через десять лет увеличение мирного состава выразится семью процентами, а состава по военному положению тринадцатью. Еще на семь процентов повысилась цифра мирного состава в следующие уже семь лет (к 1891 г.), цифра же состава по военному времени превысила цифру 1874 г. почти вдвое (на 99%). Для 1874, 1884 и 1891 гг. сделано еще вычисление, сколько приходилось солдат на каждую тысячу населения в названных семи государствах с придачей Испании, Румынии и Сербии. Оказывается, что цифры армии в мирное время составляют без малого 9% (именно 8,9; 8,6; 8,7), тогда как по штатам военного времени это будут для 1874 г. — 27, для 1884 г. — 28,1 и для 1891 уже 46,3. Таким образом, в 1874 г. и даже в 1884 г. штаты военного времени превосходили штаты мирного времени раза в три, тогда как в 1891 г. эта разница уже определяется в пять с лишком раз. Дело в том, что государственными бюджетам сделалось не под силу увеличивать численность армии в мирное время наравне с общим ростом того количества солдат, которое могло бы быть взято под ружье в случае войны, так как содержание мирного состава в конце XIX в. и без того поглощало, в среднем, около 28% государственных бюджетов, не говоря уже о том, что постоянное содержание под ружьем столь громадного количества людей отражалось бы крайне неблагоприятно на всем ходе народного хозяйства. Самому милитаризму приходится, конечно, считаться с чисто экономическими соображениями, что и заставляет правительства увеличивать обученный военному делу резерв путем постепенного увеличения контингента новобранцев и сокращения срока фактического нахождения их в армии. Вот чем объясняется более быстрое и прогрессивное возрастание штатов военного времени сравнительно с составом по мирному положению. Опять и в данном отношении впереди других государств шла Германия, в которой разница между цифрами 1874 и 1891 г. выражается не 99% (средний процент для всех стран), а 127%, т. е., другими словами, германская армия на случай войны за семнадцать только лет увеличилась более, чем в 2¼ раза. И здесь, впрочем, непосредственно за Германией идет Франция с увеличением цифры на 118%. Вследствие такого роста военных сил одна Германия в конце XIX в. могла бы выставить в качестве первой стратегической линии на войне до 1 278 000, общий же итог всей вооруженной силы Германской империи, в состав которой входили люди двадцати четырех годов призывов, определялся приблизительно в 4 300 000 человек¹.

¹ Нельзя не отметить, что военная статистика вполне точными цифрами не обладает, о причинах чего см. в труде Блюха, т. II, с. 10 и 19. Прибавим, что в конце XIX в. на каждую

Следует также отметить и тот факт, что увеличение численности пехоты, кавалерии и артиллерии шло далеко не равномерно. В составе армий главнейших европейских государств цифры кавалерии в 1859 и 1874 г. были одинаковы, увеличение в пехоте выразилось 24%, а увеличение артиллерии — 88%. Равным образом и при сравнении состава армии в 1874 и 1891 гг. наблюдается почти полная неизменность по отношению к кавалерии (даже понижение на 1%), тогда как в пехоте и в артиллерии снова обнаруживается рост на 54% и 38%. Еще более яркую картину общего возрастания вооруженных сил могли бы нам представить цифровые данные относительно военных запасов, т. е. складов оружия, снарядов, обмундирования, провианта и т. п., но эти цифры хранятся правительствами в величайшей тайне. Постоянные усовершенствования в ружьях, пушках и т. п. за все это время особенно заставляли правительства тратить много денег: рост артиллерии, отмеченный выше, в этом отношении заслуживает особого внимания.

Кроме сухопутных военных сил, государства обладают еще и морскими военными силами, и вот в европейских флотах за последние десятилетия XIX в. мы замечаем тоже большие перемены как в смысле увеличения численности военных судов, так и в смысле усовершенствований чисто технического свойства. Громадные броненосцы, которые считаются могущими совершать то, для чего раньше были нужны целые эскадры, с одной стороны, и едва заметные в морских волнах, но в высшей степени опасные миноносцы, совсем изменившие все условия морской войны, с другой, поглотили за последние десятилетия громадные суммы денег. Нам об этом придется еще говорить по поводу истории отдельных стран¹, здесь же упомянем, что все артиллерийские, судостроительные и т. п. усовершенствования потребовали соответственных изменений в устройстве крепостей, в организации береговой обороны и т. д. Отдельные нации оказываются соперничающими между собой, как бы одной превзойти другую разрушительностью и истребительностью своих средств и способов ведения войны. Не довольствуясь войной на суше и на воде, военные изобре-

сотню солдат под знаменами в Германии числилось в запасе 436 человек, в России и Австро-Венгрии по 349 и 345, во Франции 294.

¹ Мы подробнее остановимся, например, на превращении Германии в морскую державу. Для общей иллюстрации приведем цифры трат Англии и Франции в миллионах франков за период в двадцать лет от 1873 до 1893 г., разделив все это время на четыре пятилетних периода.

Годы	Англия	Франция
1873—1877	184	117
1878—1882	223	178
1883—1887	329	181
1888—1892	596	283

Из этой таблички видно, что в Англии увеличение было более, нежели в три раза, во Франции — почти в два с половиной раза. Оба правительства, требуя новых кредитов, ссылались на рост военного флота соседнего государства.

татели мечтают в настоящее время о целых воздушных флотилиях так называемых «дирижаблей».

При оценке общего значения роста милитаризма нужно принять еще в расчет, что этот рост совершался с приблизительно одинаковой быстротой и приблизительно же в почти одинаковых размерах в странах далеко не одинакового культурного уровня и экономического преуспевания. Этим развитие милитаризма резко отличается от эволюции производительных сил, которая совершалась далеко не с одним и тем же темпом и не в одинаковых размерах в странах различного экономического и культурного развития. Более бедные и менее образованные страны вынуждались тратить на свои вооружения такие деньги, которые даже в более богатых и просвещенных странах давали-таки себя знать плательщикам налогов¹. С семидесятых годов происходил в Европе непрерывный рост издержек на содержание сухопутных и морских сил. В 1874 г. шесть великих держав расходовали на это, все вместе, 773 млн рублей; в 1884 г. — 906 млн; в 1891-м — 1132 млн; в 1896—1193 млн; причем на каждую тысячу человек приходилось в 1874 г. по 2881 рублей военных расходов, а в 1896-м — уже 3908 рублей; это представляет собой повышение в 54%, т. е. более чем в полтора раза. В 1874 г. на одного жителя шести великих держав падало военных расходов 2 рубля 88 копеек, в 1896 г. — уже почти 4 рубля. Следует еще отметить, что в первые десять лет взятого периода (1874—1884) возрастание выразилось в виде 17%, а в следующие только семь лет (1885—1891) — уже в виде 29%. Обращаясь к отдельным странам, мы и здесь видим, что впереди всех шла Германия, в которой военные расходы с 1874 г. к 1896 г. увеличились на 79%, и что близко к этому стоит увеличение в России (75%), в то время как Англия и Франция увеличили свои военные расходы лишь на 47 и 43%, а Италия и Австрия — на 27 и 21%. Несколько иное отношение получается для периода времени между 1874 и 1891 гг., когда за Германией первое место в увеличении военного бюджета занимала Италия, которой для периода 1874—1884 гг. в спешности вооружений приходится отвести даже первое место. В цифрах трат на военное дело в Германии и Франции обнаруживается явление, похожее на бег наперегонки: сначала Франция больше тратила, нежели Германия (в 1874 г. на 43 млн рублей; в 1884 г. на 59 млн рублей), потом Германия больше Франции (в 1891 г. на 16 млн рублей), затем опять Франция (в 1896 г. на 18 млн рублей). В соответствии с общим ростом бюджетов за 22 года между 1874 и 1891 г. на каждого жителя стало падать военных расходов в Германии на 42% больше, во Франции — на 35%. Военная статистика, кроме того, свидетельствует, что и содержание каждого отдельного солдата становится все дороже. В среднем в шести великих державах содержание одного солдата обходилось в год в 1874 г. в 254 рубля, а в 1896 г. — уже в 338 рублей.

¹ Это относится, например, к Италии в эпоху ее присоединения к Тройственному союзу, о чем см. ниже, в гл. XVIII.

В погоне за военным могуществом другие нужды удовлетворяются, конечно, не в той мере, как это следовало бы, особенно в государствах сравнительно отсталых. В 1896 г. Австрия при военном бюджете в 150 млн гульденов на народное образование тратила только 33 млн, т. е. в 4,5 раза меньше, чем на вооружения, а для Италии в том же году соответственные цифры были 325 млн лир и 41 млн лир, одна превосходящая другую в восемь раз¹. Вообще этот рост милитаризма и приносимого им вреда для культурного и экономического преуспеяния народов можно было бы иллюстрировать многими другими цифрами, но и приведенного довольно для общей характеристики предмета.

Мы уже упоминали, что в начале семидесятых годов под влиянием победы Пруссии над Францией в отдельных государствах Западной Европы стала вводиться всеобщая воинская повинность по прусскому образцу: кроме Франции, России, германских государств, ее приняла также и Италия (1875 г.), а Австрия, в которой уже прежде была всеобщая воинская повинность (с 1848 г.), еще раньше, под влиянием поражения в 1866 г. сделала ее личной, устранив допускавшееся раньше замещение. Это распространение всеобщей воинской повинности совпало со временем наибольшего увлечения применениями дарвинизма к вопросам, касающимся общественной жизни человека, и тогда многие ученые указывали на то, что всеобщая воинская повинность, берущая в казармы лучшую, самую здоровую и крепкую молодежь, оставляет дома более хилых и болезненных и тем производит искусственный подбор в ее пользу, предоставляя ей большую возможность обзаводиться в молодых годах семьей и оставлять более многочисленное потомство. В этом смысле во всеобщей воинской повинности готовы были видеть фактор ухудшения расы. Защитники системы ссылались на ее демократизм и на то, что служба в армии может быть и хорошей школой для народа², но и по этому вопросу оценка всеобщей воинской повинности была разная, потому что то, что для одних имело значение школы, в которой приобретается известный закал, известная дисциплина, для других казалось школой сервилизма и шовинизма со всеми пороками, развивающимися в казарменной обстановке. Во всяком случае, как милитаризм, так и казарменное воспитание молодых поколений главных своих противников находили в радикально и социалистически настроенных кругах, тогда как круги, настроенные более консервативно и гвернаментально³, везде и всегда отстаивали необходимость больших, хорошо дисциплинированных армий и той военной школы, ко-

¹ Цифры для 1897 г. в рублях во Франции 216 и 44 млн, в Германии 162 и 30 млн и т. п.

² Иногда соображения такого рода встречаются там, где их и не ожидаешь. Ср.: Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений России (1908), стр. 197.

³ То есть поддерживающих политику правительства (от *фр.* *gouvernemental* — «правительственный»). — *Прим. ред.*

тую народная молодежь получает в воинской службе. Одна из причин, которая содействовала развитию милитаризма, заключалась в настроении имущих и консервативных классов, вызывавшемся социалистической пропагандой. Кроме внешнего врага, был еще враг внутренний, против которого тоже была нужна вооруженная сила, как опора установленного порядка, всего того, на чем он зиждется, так и того, что им обуславливается. Это настроение действовало в одном направлении с побуждениями, вытекавшими из опасений за национальную неприкосновенность и из международной розни, которая сделалась особенно сильной между немцами и французами после событий 1870—1871 гг. После этого, правда, мир не нарушался в Западной Европе, но это был вооруженный мир, до крайности напрягавший платежные силы населения ради все больших и больших вооружений.

Была и еще одна сила, поддерживавшая милитаризм и содействовавшая его безостановочному развитию, сила, не сразу понятая в этом своем значении. Лишь с течением времени стала обнаруживаться не подлежащая в данную минуту сомнению связь милитаризма с капитализмом¹.

Рассматривая вопрос о милитаризме с точки зрения соответствия его или несоответствия классовым интересам общества, мы должны иметь в виду, что большая армия является не только оплотом установленного порядка, защищать который входит в интересы известных общественных слоев, но и одним из условий, которое, вместе с сильно развитой бюрократией, помогает правящим классам пристраивать своих членов к материально и притом прочно обеспечивающей государственной службе, в данном случае в офицерских чинах. Занятие в армии офицерских мест, бывшее раньше чисто дворянской привилегией и фактически во многих местах сохраняющее это значение до сих пор, сделалось с установлением равноправности одним из обычных явлений и в буржуазной среде, как мы это видим, например, во Франции². Но не этот факт собираемся мы выдвинуть здесь на первый план, а тот, что милитаризм во многих отношениях дает пищу современному капиталистическому производству. Не нужно именно забывать, что существуют целые обширные производства с крупными денежными оборотами и многими тысячами рабочих, которые обязаны своим происхождением нуждам военного дела. Государства тратят громадные средства на вооружение и обмундирование армии, тем самым поддерживая массу фабрик и заводов, которые иначе не могли бы сущест-

¹ Одним из первых, а в русской литературе первым обратил внимание на эту связь В. В. (В. Воронцов) в статье, названной выше, имевший полное право в последнее время отметить, что высказанный им взгляд теперь «начинает усваиваться и западноевропейскими экономистами». В. В. Производство и потребление в капиталистическом обществе (1907), с. 47 и след., где автор приводит аналогичные соображения Геркнера, Шиппеля и Лафарга. Более подробную, чем у В. В., цитату из одной статьи Лафарга мы делаем ниже.

² См. ниже, в гл. XVI.

водить, так что благодаря милитаризму не только расширяется производство предметов, необходимых и в мирном быту (например, сукна, холста и т. п.), но и прямо создаются такие отрасли производства, по отношению к которым государство является единственным заказчиком, например, во всем, что связано с постройкой и оборудованием военных судов, с артиллерией и проч. и проч. Некоторые заводы, работающие на удовлетворение военных надобностей, достигли даже настоящего социального могущества, как знаменитая сталелитейная фирма Круппа близ Эссена в прусской Рейнской области. В начале шестидесятых годов второй ее владелец, Альфред Крупп, сделал одно очень важное изобретение в пушечном деле, которое весьма скоро прославил его имя и доставило ему массу заказов из разных государств. Вычисляют, что незадолго до своей смерти в 1887 г. Крупп мог уже похвастаться, что на его заводе было изготовлено по заказу тридцати четырех государств более двухсот тысяч орудий. Как расширялось производство крупновской стали, можно видеть из того, что исключительно для своих надобностей фирма к последним годам XIX в. владела четырьмя каменноугольными участками и более, нежели 400 железными рудниками, между прочим, в Испании, откуда железную руду в Германию стали привозить особые, нарочно к этому приспособленные пароходы. В указанное время в копиях и рудниках фирма занимала около восьми тысяч рабочих, в самом же заводе около одиннадцати тысяч, в общем, без малого двадцать тысяч. Правда, Крупп выделяет и массу вещей, необходимых в железнодорожном и пароходном деле, но главная сила фирмы зиждется на изготавливаемых ею пушках, что и дало владельцу право на прозвище «пушечного короля».

Современный капитализм отличается тенденцией производства выходить из границ, ставимых ему условиями рынка, вследствие чего нередко возникает перепроизводство тех или других продуктов, остающихся непотребленными. Они, однако, необходимо должны быть потреблены, причем одним из средств для этого является обращение их на дальнейшее производство, поскольку неупотребление тех или других вещей имеет почти такое же значение, как полное уничтожение потраченного на их производство капитала. Непотребленные доходы, естественно, ищут выгодного помещения в той же самой промышленности, которая их создает. Покупательные средства общества обыкновенно отстают в своем росте от развития промышленности, и потому свободные избыточные капиталы пристраиваются их обладателями нередко за границами страны, в более бедных странах, нуждающихся в капиталах, если только дело не идет о приобретении внешних рынков для вывоза продуктов собственной промышленности. Милитаризм стоит в тесной связи и с этим последним явлением — при соперничестве и борьбе между европейскими государствами из-за внешних рынков и колоний, о чем у нас говорится в другом

месте¹. Расходы на военное дело сами по себе тоже играют роль своего рода регулятора, устанавливающего известное равновесие между производством и потреблением, так как изготовление всего того, что нужно для сухопутной армии и военного флота, поглощает в большой мере и избыточные капиталы, и избыточную рабочую силу капиталистического строя. Если принять еще в расчет, что в военном деле за последние десятилетия XIX в. было произведено множество технических усовершенствований, заставлявших перевооружать по новому военные силы отдельных государств, то мы поймем, почему в деле указанного поглощения избыточных капиталов и рабочих рук можно поставить в одном ряду с вывозом капиталов, продуктов промышленности в чужие страны или в колонии и удовлетворение требований своего военного ведомства. Отсюда «корни милитаризма глубоко проникают в почву современного промышленного строя»². С двадцатых годов XIX в. в Западной Европе любили противопоставлять один другому военный и промышленный типы общества — точка зрения, с которой мы встречаемся у сен-симонистов, у Огюста Конта, позднее у Спенсера, — и вот как бы в опровержение формулы, по которой индустриальным строем сменяется и вытесняется строй милитарный, мы к концу XIX в., наоборот, наблюдаем, как сам милитаризм питает индустрию и как потребности последней, в свою очередь, создают условия, нужные для процветания милитаризма. Новейшие успехи военной техники даже прямо являются причиной почти безостановочного роста расходов на армию и флот в невоенное время и соответственно с этим громадного развития производств, удовлетворяющих потребности государства в большой, хорошо вооруженной и снабженной всем необходимым военной силе. Конечно, в народном хозяйстве каждой страны все эти военные расходы представляют собой настоящую непроизводительную трату, но как раз само это обстоятельство, до известной степени, выводит капиталистический строй из тех затруднений, которые создаются, с одной стороны, промышленным перепроизводством, с другой — переполнением рабочего рынка свободными руками. Ведь и то нужно принимать в расчет для всестороннего понимания взаимных отношений милитаризма и капитализма, что хотя и не очень продолжительная военная служба, но очень большого количества рабочей молодежи охраняет рынок труда от излишнего переполнения его людьми, ищущими и не находящими заработка, как, с другой стороны, займы, к каким прибегают правительства для усиления своей боевой готовности, немало способствуют более или менее выгодно помещению капиталов, которые иначе не находили бы себе применения. Между, несомненно, мирными стремлениями индустриального строя общества и указанной связью современных милитаризма и капитализма,

¹ См ниже, в главе XIV.

² Слова г. В. В. на с. 46 указанной выше его книжки.

несомненно, существует вопиющее противоречие, но связь эта так крепка, что давление экономических условий, благоприятных для милитаризма, оказывается более могущественным, нежели миролюбие самого индустриального строя, и что если бы в один прекрасный день правительства сразу вздумали разоружиться, это вызвало бы страшное экономическое потрясение¹. Такова одна из ненормальностей современной социальной культуры, получившая особенно большое развитие после военных побед Пруссии в 1866 и 1870—1871 гг.

¹ В своей полемической против Жореса лекции «L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire» известный французский марксист Paul Lafargue, отмечая отвращение буржуазии к военщине (la bourgeoisie a horreur du militarisme; elle déteste les traîneurs de sabre и т. д.) и ее заботы об упрочении мира (основание «Международной лиги мира»), говорит далее, что «экономические явления, более сильные, чем воля отдельных буржуа, не хотят осуществления их идеала. Теперь содержат постоянные армии не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы содействовать (faire marcher) промышленности и торговле. Если бы во Франции, как и в Германии, в Италии, в России, распустили войска, этим разорили бы все отрасли промышленности, которые живут армией, и выбросили бы на рынок труда три или четыре сотни тысяч людей, здоровых и молодых; это было бы равносильно общей остановке работ, это было бы социальной революцией». «Если случайно, — продолжает он, — жалкая буржуазия разделяет разумный идеал, который она стремится осуществлять с тех пор, как сама достигла социального господства, то экономические силы, ей же самой пущенные в ход, препятствуют осуществлению их идеала (à ce qu'elle la fasse passer dans les faits) и доказывают ей, что она вовсе не госпожа своих собственных судеб, но что она подчинена действию сил экономического мира», с. 33—34. (О статье Жореса, против которого написана статья Лафарга, см. в моих «Старых и новых этюдах об экономическом материализме», с. 301).

V. Разгром Парижской коммуны и распадение Интернационала¹

Революционные традиции парижского населения. — Общественное настроение в Париже в конце империи. — Провозглашение республики во Франции. — Внутренние волнения в Париже во время осады. — Созыв национального

¹ О Парижской коммуне было писано очень много, начиная с 1871 г., когда она была усмирена, и до наших дней, а за последнее время многое о коммуне было и переведено по-русски. Приводим названия более известных или более доступных книг и брошюр, предостерегая, что очень редкие из них написаны с историческим беспристрастием, так как большей частью это или обвинительные акты, или апологии. *Jeziński L.* Entrée de l'armée dans Paris. Bataille des sept jours: 21 à 28 mai 1871 (1871); *Lefrançais.* Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871 (1871); *Molinari G. de.* Les clubs rouges pendant le siège de Paris (1871); *Mendès.* 73 journées de la commune (1871); *Moriac.* Paris sous la commune (1871). В 1871 г., кроме того, вышли истории коммуны де Монтьер, vic. de Beaumont-Vassy, G. Noblet, A. Rastoul (L'Eglise sous la commune) и др. После 1871 г. появились новые и новые сочинения: *Villetard.* L'insurrection du 18 mars (1872); *X.* Les francs-maçons et la commune (1872); *Claretie J.* Histoire de la révolution de 1870—1871; *Camp M. du.* Les convulsions de Paris; *Fiaux L.* Histoire de la guerre civile de 1871 (1879); *Pelletan C.* La semaine sanglante (1880); *Costa G. du.* La commune vue (1904—1905); *Vuil-laume.* Mes cahiers rouges (1908). В немецкой литературе см.: *Mehring Fr.* Die Pariser Kommune (в «Preuss. Jahrbücher» за 1879); *Wittig L.* Die Kommune von Paris (1872); *Beckér B.* Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871 (1879); *Lauser W.* Über die Pariser Kommune (1878). *Meerheimb Von.* Geschichte der Pariser Kommune (1880) и др. Среди перечисленных изданий о коммуне не названы те, которые переведены по-русски, каковы: *Ланжолле, Корье.* История революции 18 марта (1872); *Маркс К.* Гражданская война во Франции. С предисловием Энгельса (женевское издание 1893 г., а с 1905 г. и несколько изданий в России); *Лиссагаре.* История коммуны 1871 г. (несколько изданий 1905 г. и др. годов) или брошюры: *Арну.* Народная история Парижской коммуны (без обозначения года; в подлиннике она названа «populaire et parlementaire»); *Бакс Б.* Парижская коммуна 1870—1871 гг. (1905; перев. с англ.); *Геррон.* От революции к революции. Уроки Парижской коммуны 1871 г. (1906); *Мишель Л.* Коммуна (1907); *Эрнест.* Парижская коммуна. К сожалению, многие из этих брошюр переведены плохо или снабжены довольно странными примечаниями, превращающими, например, самого заурядного английского городского (констебля, притом из «Punch'a») в «высшего государственного сановника» (в брошюре Бакса). Русскими о коммуне было написано немного, но зато такими людьми, как Лавров, Бакунин, Кропоткин и т. п.; брошюры двух последних появились в России в 1906 г. Непосредственно после самой коммуны о ней написал (1871) Э. Ватсон под заглавием «Эпилог франко-прусской войны. Очерк истории Парижской коммуны 1871 г.», но его работа вызвала тогда против себя нарекания за свое отрицательное отношение ко многим сторонам истории коммуны. Одной из новейших историй коммуны является вторая половина (с. 249—497) тома XII издаваемой под редакцией Jaures'a «Histoire Socialiste» (без даты), составленная Louis Dubreuilh'ем и вышедшая в 1908 г. по-русски отдельной книгой. В ней собран большой материал, но написана она крайне пристрастно и ненаучно, в совершенно бездоказательных утверждениях, например, о том, что если бы 31 октября 1870 г. дали пролетариату завладеть ратушей, то пруссаки были бы с позором изгнаны из Франции; о лицах, боровшихся против коммуны, говорится часто в бранных выражениях. Конечно, можно найти очерки коммуны и в общих историях третьей республики (например, в I т. *Hanotaux.* Histoire de la France contemporaine. С. 149—211; довольно беспристрастно). См. также книгу Debidour'a об отношении церкви к государству при третьей республике, о чем ниже.

собрания. — Непосредственные причины парижского восстания 1871 г. — Организация коммуны. — Отсутствие общей программы у ее главарей. — Наиболее популярные лозунги коммунаров. — Главные вожди коммуны и их деятельность. — Взаимное ожесточение Парижа и Версаля. — Отражения парижского движения в провинциальных городах. — Междоусобная война и взятие Парижа версальцами. — Расправа с коммунарами. — Отзывы некоторых историков о коммуне. — Влияние коммуны на усиление реакционного настроения. — Участие в ней Интернационала. — Отношение его к войне 1870—1871 гг. — Прекращение конгрессов Интернационала в 1870—1871 гг. — Постепенное разложение Интернационала под влиянием событий 1870—1871 гг. и правительственных репрессий и вследствие внутренних раздоров. — Самоупразднение Интернационала в 1876 г. — Позднейшие международные съезды социалистов

Перейдем теперь к истории отдельных стран в первое, главным образом, десятилетие после франко-германской войны и начнем этот обзор с Франции, в которой семидесятые годы XIX в. были преимущественно борьбой за утверждение республики, но прежде, чем дать общий очерк истории этой борьбы, мы остановимся на одном эпизоде французской истории 1871 г., имеющем особенно важное значение, между прочим, и в судьбах вообще социального движения последней трети XIX в.

Речь будет идти именно о парижском восстании тотчас же по окончании войны и о влиянии как подавления этого восстания, так и вообще событий 1870—1871 гг. на то международное направление, какое в шестидесятых годах было принято социализмом.

Парижская коммуна 1871 г. является одним из наиболее трагических эпизодов в столь богатом историческими событиями прошлом столицы Франции. По той роли, которую Париж играл в истории Новейшего времени, с этим городом не может сравняться ни одна другая европейская столица, да и во всемирной истории мало таких городов, как Париж, — Афины, Рим древний и средневековой — и только. У этого мирового города было богатое прошлое. Историки коммуны 1871 г. в виде одного из ранних антецедентов¹ вспоминают о временах Этьена Марселя, старшины купеческого сословия Парижа в середине XIV в., когда под предводительством этого замечательного человека парижская буржуазия думала управлять судьбами всей Франции². Другое аналогичное выступление Парижа было во второй половине XVI в., когда городом овладела революционная католическая демократия, которая создала организацию, тоже стремившуюся управлять всей Францией. Вспомним и ту роль, какую играл Париж в смутах фронды в середине XVII в. Перенесение Людовиком XIV королевской резиденции из беспокойного Парижа в нарочно созданный для

¹ Антецедент — предшествующее, бывшее в прошлой жизни. — *Прим. ред.*

² См. т. I, гл. VI.

двора Версаль не лишило старую Лютецию значения центра всей культурной и политической жизни Франции, подобного которому не было ни в какой еще стране. Это показала, между прочим, Французская революция, прежде всего, бывшая революцией именно парижской. Июльский переворот 1830 г. и февральский переворот 1848 г. были тоже событиями преимущественно парижскими, потому что остальная Франция только повиновалась велениям, шедшим из центра. В эпоху первой революции Париж даже прямо управлял Францией. В годы наиболее обостренной борьбы со старым порядком, с момента низвержения монархии парижским восстанием 10 августа 1792 г., когда вскоре затем приходилось напрягать все усилия для борьбы с коалицией европейских держав, Парижская коммуна, общинный совет города Парижа, даже приобрела власть над всей Францией, организовав временное правительство, подчинив своему влиянию национальный конвент, сделавшись через него чуть не господином всей страны, в то самое время, как один из парижских клубов, якобинский, разбросал по всей территории свои филиальные отделения, исполнявшие веления своего центрального органа. В 1793 г. такое исключительное положение в республике одного населенного места получило и своего рода идеологическое оправдание в самой теории народовластия. За гражданами Парижа признавалось значение естественных представителей всех 83 департаментов Франции, имеющих действовать за весь народ. Граждане Парижа — это был по преимуществу тот народ, который диктовал свою волю собраниям, насилуя их свободу, и совершал революции, считая своей миссией думать и действовать за всю страну, когда ее нужно было спасти от тех или других врагов. Многое из того, что делал Париж в 1792—1794 гг., в памяти потомства приняло размеры героической легенды, переходившей по традиции от одного поколения к другому. Июльская революция показала, что Париж снова может играть такую же роль, и в тридцатых годах опять стали делаться революционные попытки с целью низвержения парижским населением монархии и основания республики. Тридцатые и сороковые годы были эпохой возобновления во Франции традиций первой революции и притом преимущественно в якобинской их окраске, которая, как известно, даже наложила свою печать на деятельность республиканцев 1848 г. Низвергнув июльский трон, парижское население, как и в первую революцию, захотело более непосредственно и более деятельно оказывать влияние на дела и в этом направлении совершило несколько инсurreкций¹, подавленных и жестоко наказанных имущими классами общества, за которыми стояла вся остальная Франция². Июньские дни 1848 г. и декабрьские 1851 г. лишили Париж значительной части его населения, отличавшейся большей сознательностью и энергией, но к 1870 г.

¹ То есть вооруженных восстаний (от лат. *insurrection*). — *Прим. ред.*

² См. т. V, гл. XX.

выросло новое поколение парижан, в котором чуть не с самого начала шестидесятых годов снова нарастало революционное настроение. Социализм, похороненный было правительством Наполеона III, снова, как мы видели, стал вербовать себе сторонников в рабочем классе столицы и других больших городов. К 1870 г. Париж уже был не тот, каким мы его видим в 1850 и даже в 1860 гг.

В конце империи, накануне ее разгрома пруссаками, интеллигентный и рабочий Париж находился в сильном брожении, все более и более принимавшем враждебный для империи характер¹. С середины шестидесятых годов полиция следила за подозрительными связями, устанавливавшимися между радикальными студентами и более развитыми рабочими; были аресты и судебные процессы, между прочим, по поводу какой-то «революционной коммуны французских рабочих» (1867). Некто Корбон, хорошо знавший рабочее население столицы, в своем вышедшем в свет в 1863 г. «*Le secret du peuple de Paris*»² характеризовал наиболее развитую часть парижского пролетариата, как интересующую общими идеями и демократическими реформами, заменившую религиозные верования социальными идеалами и отличающуюся космополитическим духом. В беспорядках, происходивших в начале 1870 г., в числе других и по поводу похорон убитого императорским кузеном Пьером Бонапартом журналиста Нуара и оправдания убийцы судом, рабочие принимали деятельное участие, и только большое количество полиции и войска помешало одной из этих манифестаций сделаться началом целого восстания. Сначала плебисцит, потом объявление войны и дурные вести с границы все время поддерживали в Париже крайнее возбуждение населения, усилившееся взрывами патриотизма, то нездорового, шовинистического, с криками: «à Berlin!», то как понятного чувства любви к отечеству, находящемуся в опасности.

Провозглашение республики после седанской катастрофы было делом населения Парижа, предупредившего официальное низложение Наполеона III и его династии законодательным корпусом³. С первых же дней сентября 1870 г. в рабочих кругах началась агитация со стороны республиканцев разных оттенков, стали созываться митинги, открылись клубы, заговорила демократическая пресса. Уже вечером 4 сентября к только что образовавшемуся временному правительству явились делегаты от рабочих организаций, среди них и от парижской секции Интернационала, чтобы высказать такие пожелания, как немедленное избрание муниципальных советов для формирования и вооружения национальной гвардии, передача им функций префектуры полиции, которая должна была быть уничтожена, назначение на все городские должности путем выборов, установ-

¹ См. в следующей главе.

² «Тайна парижского народа» (фр.). — Прим. ред.

³ См. в следующей главе.

ление свободы печати, собраний и союзов, отмена всех состоявшихся по политическим делам приговоров с прекращением всех начатых уже преследований и отмена бюджета култов. Правительство через Гамбетту ограничилось неопределенными обещаниями, а 5 сентября собственной властью назначило мэров и их товарищей во всех двадцати округах, на которые делилась столица Франции. Рабочие остались крайне недовольны неисполнением одного из условий, на каких они только и соглашались поддерживать новую власть, и немедленно организовали «Центральный республиканский комитет двадцати округов», объединявший местные наблюдательные республиканские комитеты, выбранные прямой подачей голосов в отдельных округах. 13 и 14 сентября эта организация выработала декларацию с изложением резолюций народных собраний, предложенных правительству для декретирования их в видах «спасения отечества и установления настоящего республиканского строя на началах постоянного содействия индивидуальной инициативы и общественной солидарности». Среди предлагавшихся мер особое место занимали требование поголовного вооружения с предоставлением национальной гвардии самой выбирать своих начальников, экспроприация с последующим вознаграждением собственников всех предметов первой необходимости и особенно съестных припасов, правильное распределение последних между всеми жителями столицы и обеспечение за каждым жителем и его семьей жилища (квартиры). Эти пункты не потребуют дальнейших объяснений, если мы только вспомним, что после Седана немцы немедленно двинулись на Париж и что в середине сентября началась его осада. Таким образом, уже в начале осады Парижа между «правительством национальной обороны» и населением осажденного города не было солидарности. В дальнейшем пропасть между ними только росла, и две разные республики стояли одна против другой.

Мы уже видели, как трудно было жить в осажденном городе в течение целых месяцев, в холодную зиму, с ограниченным количеством съестных припасов, при начавшейся под конец бомбардировке, при постоянных неудачах попыток отразить врага. То напряжение, в каком находились нервы парижан за все это время, объясняет многое в том, что потом произошло. Громадный город продолжал жить своей жизнью, работал, веселился и усиленно занимался политикой. Продолжали происходить народные собрания, действовали радикальные клубы, гремела революционная и в то же время патриотическая печать, обсуждались действия правительства, а главное — критиковались, порицались, вызывали даже негодование. Население рвалось в бой с врагом, но стоявший во главе вооруженных сил столицы генерал Трошю, поддерживавший дух населения красивыми патриотическими фразами своих прокламаций, на самом деле всем своим поведением возбуждал против себя недовольство парижан. Он, в сущно-

сти, не верил в возможность что-либо сделать при помощи национальной гвардии, а если под стенами Парижа и происходили сражения, то больше ради одного удовлетворения народного желания, но далеко не такие, какие были желательны народу. Другим пунктом неудовольствия парижан на правительство было то, что оно медлило с муниципальными выборами. В то время, как часть прессы доказывала необходимость всем сплотиться вокруг правительства для отражения внешнего врага («прежде всего пруссаки!»), другая, особенно комитеты и клубы, агитировала против этого правительства, на него указывая, как на более опасного еще врага, чуть не соучастника самих немцев, только мешающего настоящей защите и спасению отечества. В Париже зимой с 1870 на 1871 г. повторялось многое из того, что за восемьдесят лет перед тем он переживал, когда в нем тоже подозрительные предположения об измене давали окраску народному настроению и приводили к целому ряду таких поступков, каким не могло бы быть места при более спокойном положении дел. Известие о капитуляции Меца поселило в жителях столицы подозрение, что «изменники» сдадут и их город. Еще до потери Меца, именно в первой половине октября (8-го числа) была сделана недовольными попытка силой низвергнуть правительство и передать власть в другие, считавшиеся более надежными руки, — повторение того, что было и в 1848 г., — но из этого ничего не вышло, кроме простой, хотя и весьма симптоматической демонстрации. 31 октября попытка была повторена и имела уже более серьезное значение. Часть национальной гвардии, поддержанная громадной толпой, овладела ратушей, бывшей местопребыванием правительства, и начались выборы записками новых представителей власти, причем голоса подавались за наиболее популярные имена, каковы Виктор Гюго, Ледрю Роллен, Распайль, Бланки, Делеклюз, Феликс Пиа, имена старых республиканских знаменитостей. Некоторые из выбранных, например, Бланки, тотчас же вошли в свою новую роль, но Трошю ночью опять занял ратушу и предложил заседавшим в ней удалиться. Выговорено было при этом обещание никого не преследовать и в самое близкое время назначить муниципальные выборы. Первое обещание было нарушено: было арестовано около сорока зачинщиков предприятия, а вместо исполнения второго был устроен (3 ноября) плебисцит, по которому за сохранение правительства национальной обороны было подано 320 тыс. с лишком голосов, против — только 54 тыс. Возбуждение парижан особенно усилилось, когда узнали, что Тьер советует заключить мир. Уже приезд Тьера в город, с разрешения Бисмарка, для переговоров о перемирии, совпавший по времени со сдачей Меца, усилил раздражение, вызванное последней, а тут и слухи о самом мире, когда Париж еще в осаде! Слухи о предстоящей капитуляции вызвали третью инсurreкционную попытку, состоявшуюся 22 января, но, как и прежние, окончившуюся неудачей. Через два дня последовала и сама капитуляция.

Затем произошли выборы в национальное собрание и открытие его заседаний в Бордо (12 февраля). Париж был страшно взволнован известиями об условиях мира с немцами и о совершенно нереспубликанском составе бордосского собрания. Сделанный главой исполнительной власти, Тьер был главным сторонником того мира, который Парижем отвергался, собрание уже заявляло, что республику оно не считает окончательной формой правления Франции, а своим решением (10 марта) перенести заседания не в Париж, а в Версаль, по-видимому, пожелало его лишь «декапитализировать», лишить значения столицы¹. Были еще и другие причины неудовольствия. Во время осады платежи по найму квартир и торговым обязательствам были отсрочены: теперь у национального собрания просили продления сроков, пока дела не войдут в обычную колею, но собрание отказало, и в четыре дня в середине марта было предъявлено полтораста тысяч взысканий. С другой стороны, со времени осады парижские рабочие вынуждены были жить на жалованье в тридцать су (полтора франка) в день, платившееся за службу в национальной гвардии. Несмотря на безработицу, национальное собрание решило отнять у населения эту субсидию. Брожение росло, а тут еще парижский губернатор Винуа на основании осадного положения закрыл оппозиционные газеты, и военный суд приговорил к смертной казни вождей движения 31 октября, успевших, впрочем, скрыться.

В сущности, парижские движения 8 и 31 октября и 22 января имели одну и ту же цель — передать власть Парижской коммуне, как это было при первой республике: она одна, эта commune, только и могла бы, как думали ее сторонники, спасти Францию от внешнего врага, вырвав власть из рук «предателей». Теперь этой же самой коммуне, от мысли о которой вожди народного движения в Париже не хотели отказаться, ставилась и другая задача — спасти республику от не менее опасного внутреннего врага. Парижское население было вооружено и хотело оставаться вооруженным, чтобы отстаивать свою свободу и республиканский строй всей Франции. Наиболее рьяные патриоты думали, что Париж мог бы даже возобновить войну с немцами и с силами свободных от nepřиятельской оккупации департаментов прогнать пруссаков назад, за Рейн, в Германию. Со своей стороны, правительство желало разоружить население Парижа. Через месяц после капитуляции, в годовщину февральской революции, национальная гвардия устроила грандиозную манифестацию с протестом против разоружения и с угрозой сопротивляться ему силой, что и должен был торжественно засвидетельствовать «Центральный комитет» гвардии. В это время прежний такой же комитет после открытия национального собрания сам собой закрылся, и многие бывшие его члены уехали в Бордо.

¹ Обо всем предыдущем подробнее в следующей главе.

Новый комитет стал теперь руководить движением и между прочим готовиться к тому, чтобы силой помешать немцам вступить по условиям мира в некоторые части Парижа; от этого его отговорили социалисты. Пруссакки беспрепятственно вошли в как бы вымершие западные кварталы города и удалились, пробыв в них всего 62 часа. Накануне вступления немцев национальная гвардия вывезла из той части города, в которую они могли войти, 400 забытых там пушек. Она считала их своими, потому что они были сооружены самим населением Парижа на подписные деньги и на отдельных орудиях были пометки принадлежности их таким-то и таким-то батальонам. Все они, руками самих «насьональ-гардов», при помощи женщин и даже детей, были увезены на высоты Бельвилля и Монмартра, двух рабочих кварталов Парижа.

Это было в первых числах марта. Одновременно вырабатывался «Устав республиканской федерации национальной гвардии». Между тем Тьер предписал забрать монмартрские и бельвилльские орудия, и в ночь с 17 на 18 марта это приказание должно было быть приведено в исполнение. Комментарием к такому распоряжению была правительственная прокламация к жителям Парижа, где указывалось на необходимость восстановления порядка. На Монмартре толпа отбила пушки у захвативших их солдат, позволивших себя при этом даже обезоружить и побратавшихся с гражданами, причем они расстреляли своего начальника и еще одного генерала (Леконта и Томá). В Бельвилле правительственный отряд прямо вынужден был отступить перед сильным народным сопротивлением.

Неудача разоружения Парижа заставила Тьера покинуть город и предложить то же самое сделать министрам, крупным чиновникам, генералам. Париж был во власти восстания, но оно с самого же начала оказалось без всякой организации, без общего плана действий, без доминирующей идеи. Поручив высшее военное начальство некоему Люлье, 19 марта «Центральный комитет» обратился к национальной гвардии Парижа с воззванием, где говорил, что, «изгнав правительство, изменявшее гражданам», он считает себя «исполнившим данное ему поручение и потому возвращает свои полномочия избирателям для совершения новых выборов». Выбор Люлье был крайне неудачен, а самоотречение было не по времени. Так как списки избирателей находились в руках мэров двадцати округов Парижа, то выборы без их участия состояться не могли и с мэрами пришлось вступить в переговоры. Сами мэры, получившие от правительства полномочие управлять, вместе с парижскими депутатами, оставленной всеми другими властями столицей тоже нашли нужным начать переговоры с вождями восстания; они даже хотели выступить посредниками-примирителями между обеими сторонами, но эта роль им плохо удавалась, как и действовавшим заодно с ними парижским депутатам. Среди последних особой неуступчивостью отличался Луи Блан, говоривший, что с мятежниками не

может быть никаких соглашений. Эти переговоры с мэрами и депутатами продолжались, в общем, добрую неделю. И «Центральный комитет», продолжавший функционировать, и мэры с депутатами, и представители объединенной прессы, обращались с воззваниями к населению, причем пресса и мэры высказывались против восстания, и их поддерживала группа «друзей порядка», агитировавшая в народе. При таком положении дел обращения к народу получали характер полемики, что можно сказать также о воззваниях, шедших от правительства и национального собрания, и об ответах на них со стороны «Центрального комитета». Когда одна из манифестаций «друзей порядка» была рассеяна двумя ружейными залпами со стороны «федералистов» и при этом были убитые и раненые, из Парижа началась эмиграция крупной буржуазии и других общественных элементов, считавших небезопасным оставаться в городе. Отношения между «Центральным комитетом» и мэрами обострились до того, что можно было опасаться и вооруженного столкновения между приверженцами обеих этих сторон. Только в самом конце марта состоялись наконец выборы. Из 485,5 тыс. значившихся в списках избирателей (списки были составлены в мае 1870 г.) к урнам явилось около 230 тыс., т. е. меньше половины, но нужно иметь в виду, что и до осады, и после осады из Парижа уехало множество народа, от 60 до 100 тыс. человек. Списки кандидатов были предложены и мэрами, и разными народными организациями, и прошли в коммуну люди из разных партий. Состав получился, в общем, довольно пестрый: здесь были и рекомендованные мэрами сторонники Тьера, и будущие гамбеттисты, но все они были в меньшинстве (15 и 6), большинство же состояло из революционеров и социалистов, человек 17 из Интернационала, 8 бланкистов (но сам Бланки, выбранный тоже, сидел в тюрьме), остальные без определенных партийных квалификаций. Впоследствии неревolutionные члены коммуны отстали от нее, что придало ей более однородный характер в смысле темперамента, но по-прежнему это революционное правительство из нескольких десятков лиц было объединено лишь своей ненавистью к версальскому правительству и собранию. Они делились на группы или стояли отдельными единицами, различно понимавшими саму идею коммуны, хотевшими далеко не одинаковых вещей.

У одних большим сочувствием пользовалась мысль превращения Парижа и всего департамента Сены в независимую республику, если национальное собрание захочет окончательно декапитализировать Париж. Это было, однако, только крайним выражением особенно всем дорогого лозунга предоставления Парижу широкой муниципальной автономии, важной и по собственному своему значению и как гарантия против введения какой бы то ни было другой государственной формы, а не демократической республики. Эта автономная коммуна понималась некоторыми, как одна из множества других свободных общин Франции, связанных в одно

целое федерацией. «Париж не хочет царствовать, — стояло в одном из заявлений коммуны, — он хочет быть свободным», но это не мешало другим членам той же коммуны думать — точка зрения якобинцев и бланкистов, — что Франция нуждается в диктатуре, подобной якобинской 1793 г., и с такой точки зрения многие находили правильным, чтобы ввиду реакционного поведения версальского правительства коммуна переступила границы своих нормальных прав. Федералисты, допуская в известных пределах подчинение общему республиканскому правительству всей Франции, выговаривали, однако, для Парижа право совершать путем местного законодательства самые широкие социальные реформы, хотя было бы ошибочно думать, что все члены коммуны были социалистами. Если даже не брать в расчет тех, которые, не задаваясь никакими определенными планами государственного устройства, примкнули к движению ради его национально-патриотической цели, а в иных случаях и просто по страсти к приключениям, в коммуне было немало простых политических радикалов, вовсе не думавших видеть в ней проявление «борьбы между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством». Сами социалисты в составе коммуны имели в своих рядах, кроме членов Интернационала, разделявших идеи «Коммунистического манифеста» 1848 г., и мутуалистов, и даже фурьеристов. Историки коммуны, — некоторые из коих вышли сами из ее рядов, — отмечают это разногласие в ее понимании, только каждый, ставя со своей точки зрения в центр своего изображения то или другое из частичных ее пониманий: коммуна 1871 г. действительно легко поддается разным толкованиям. Какое бы место, впрочем, мы ни отводили в общей перспективе отдельным требованиям вождей коммуны, некоторые ее лозунги были особенно популярны среди ее рядовых защитников, прежде всего лозунги социальной реформы вроде восьмичасового рабочего дня, передачи рабочим ассоциациям разных работ по городскому благоустройству, денежных субсидий кооперациям и т. п. Популярны были также лозунги отделения церкви от государства и замены постоянной армии народной милицией с действительно всеобщим отбыванием воинской повинности и с правом подчиненных выбирать свое начальство.

Как-никак, большинство было на стороне централистического течения, федералистическое же представлялось меньшинством, но это большинство не сумело ни организовать действительную власть в самом общинном совете, ни устранить конкуренцию с ним Центрального комитета национальной гвардии с советами легионов, представлявшими его в каждом округе. Коммуна должна была взять на себя продовольствие населения, заведование всем сложным городским хозяйством, управление всеми делами громадной столицы. Низший служебный персонал разных категорий остался, большей частью, на своих местах, средний и особенно выс-

ший исчезли, и технически сведущих людей с надлежащей практической подготовкой и опытом не было. Историки коммуны, сочувственно к ней относящиеся, отмечают, что тогдашний пролетариат не был достаточно развит и образован, чтобы из его среды можно было брать людей на сделавшиеся вакантными места, кроме самых редких исключений. Знающих, способных, дельных кандидатов для многих важных и ответственных должностей не было. Коммуна вела войну с версальцами, но ее генералы были плохи, а в офицерах ощущался недостаток. Люлье, какими-то судьбами попавший в военачальники, оказался ниже всякой критики. Предпринятое 3 апреля движение тремя колоннами на Версаль было отражено регулярными войсками, и коммуна от наступления вынуждена была перейти к обороне, тем более, что силы версальцев росли по мере того, как из Германии тысячами возвращались военнопленные, которых, как известно, было страшно много. Поражение, испытанное «федератами», как звали они себя сами, — «коммунарами», как звали их враги, — отшатнуло от коммуны мелкую буржуазию, которая потому стала относиться ко всему предприятию враждебно. В течение почти всего апреля военной частью заправлял делегат коммуны в военном министерстве Кюзере¹, участвовавший в 1848 г. молодым поручиком в июньском усмирении рабочих, потом в Крымской кампании и наконец в войне Севера с Югом в Северо-Американских Соединенных Штатах и теперь бывший готовым служить кому угодно, под условием поручения ему главного командования. Он безуспешно предлагал свои услуги и правительству национальной обороны, и оппозиции в Лионе и Марселе, считая себя крупным стратегом. Подобно другим начальникам отдельных ведомств, он держал себя совершенно независимо от коммуны, оказавшись, однако, неспособным водворить дисциплину среди своих подчиненных, и несомненная личная храбрость не искупала в нем отсутствие понимания положения и распорядительности. Его, в конце концов, отставили и даже посадили в тюрьму по обвинению в измене, в сущности, неосновательному. Версальцы между тем начали бомбардировать Париж, как пруссаки несколькими месяцами раньше. Во главе регулярной армии был поставлен маршал Мак-Магон, распоряжавшийся уже весьма значительной силой, в которой искусственно раздувалась ненависть к «сброду мерзавцев, стремящихся на развалинах несчастного отечества дать восторжествовать лени, разврату, грабежу и убийству». Только что вернувшиеся из плена солдаты были озлоблены против Парижа, что вот-де их опять заставляют переживать все тяготы войны. После захвата версальцами форта Исси, — за что Кюзере и попал в тюрьму, — коммуна организовала «комитет общественного спасения», совсем как в 1793 г., с самыми широкими полномочиями. В это вре-

¹ Существуют «Мемуары» Cluzeret в трех томах.

мя во главе военного дела мы видим уже новое лицо — Росселя, бежавшего из немецкого плена инженерного офицера. Он примкнул к восстанию 18 марта, приписав ему в своем понимании чисто национальный характер, т. е. думая, что это — возобновление войны с немцами. Человек способный, но крайне надменный, он, как и его предшественник, полагал, что армия должна быть лишь слепо повинующимся орудием, чем вооружил против себя национальную гвардию. В «комитете общественного спасения» он тоже встретился с неприязнью: здесь боялись военной диктатуры и приписывали Росселю честолюбивые замыслы. Дело доходило до того, что Россель однажды имел намерение расстрелять враждебных ему делегатов Центрального комитета, кончив, впрочем, лишь напечатанием в газетах мотивированного отказа от должности, бывшего целым обвинительным актом против коммуны, против «комитета общественного спасения», Центрального комитета и т. п. Разгневанная коммуна приказала арестовать Росселя, но он бежал, хотя только для того, чтобы попасться в руки версальцев и быть потом приговоренным военным судом к смертной казни. В преемники ему коммуна назначила Делеклюза, старого якобинца без всяких военных знаний. Он докончил дезорганизацией защиты Парижа, пришедши к тому выводу, что «милитаризма довольно», «не нужно никакого главного штаба», «место самому народу», чем распылил защиту, превратив ее в чисто партизанскую войну. Впрочем, ему пришлось действовать в последние десять дней существования коммуны. В качестве талантливых военных прославились только два поляка: Домбровский и Врублевский, офицеры, принимавшие участие в восстании 1863 г.

В других ведомствах коммуна тоже иногда была не особенно счастлива по отношению к выбору начальников. Отдельные отрасли управления были поручены особым делегатам, и многие вели дела очень хорошо, но все зависело от личности начальника, потому что каждое ведомство сделалось при коммуне фактически независимым от какой бы то ни было высшей власти, объединяющей и направляющей, и это немало также вредило делу. Префектура полиции была вверена Риго, который то и дело запрещал газеты, производил обыски и аресты, открывал заговоры, не обращая ни малейшего внимания на увещания своих товарищей, в конце концов, однако, заставивших его променять пост начальника полиции на должность прокурора коммуны, в каковой он потом усиленно подражал деятелям первой революции (Шометту). Прото, бывший, так сказать, министром юстиции при коммуне, жаловался, что Риго часто вторгается в область его компетенции, но и сам он очень мало церемонился с индивидуальной свободой. Если в некоторых отраслях управления были вполне достойные люди, добросовестные, работающие и умелые, то они были потеряны для деятельности самой коммуны. В хороших руках были почта, монетный двор, городские сборы (*octrois*), интендантство и т. п., равно как народное

образование (Вальян), «труд и обмен» (Франкель), общественные службы и продовольствие (при Виаре) и финансы (Журд). Вопрос о финансах, конечно, был одним из самых важных для самого существования коммуны, и в лице своего «министра финансов», бывшего прежде бухгалтером, Журда, она имела недюжинную личность, сумевшую прекрасно вести свое дело¹. Несмотря на то, что через его руки проходили целые миллионы франков, он ограничивался ради экономии, которую соблюдал во всем, столь скудным жалованьем, что его жена сама занималась стиркой домашнего белья, а малолетний сын учился в школе для бедных. Коммуна отказалась от захвата французского банка, потому что это могло бы повредить его кредиту, обесценить его билеты и произвести такой кризис, что против Парижа вооружился бы весь свет, а сам Париж — против коммуны, как доказывал делегат коммуны в банке. Коммуне ежедневно нужны были громадные суммы денег для прокорма массы безработных и уплаты жалования национальной гвардии, а также на военные расходы. Когда Журд израсходовал все суммы, какие нашел в кассах государства и города, он стал получать от директоров банка ежедневно по 400 тыс. франков, поручив самому банку принимать в свои кассы городские поступления. Был у коммуны еще один видный деятель в лице Паскаля Груссе, в ведении которого находились внешние сношения. Все его усилия вступить в сношения с дворами и дипломатами иностранных держав не привели ни к чему, потому что на его заявления не получалось никаких ответов. Иностранные державы, как, собственно говоря, и следовало ожидать, признавали правительство Тьера, а коммуну просто игнорировали. Сношения Груссе с провинцией также налаживались плохо: у него не было для этого ни правильных органов, ни средств, да и слишком большое недоверие царило в провинции к Парижу.

Сочувствие Парижской коммуне в провинциальных городах было лишь небольшим рядом исключений: места, где происходило сочувственное Парижу движение, все наперечет. Первым приветствовал коммуну Лион, который сам за сорок лет перед тем несколько дней был во власти рабочих. 21 марта он провозгласил коммуну и у себя, но 24-го числа она была уже подавлена, и вожди ее спаслись бегством в Швейцарию. Повторение попытки в апреле было тоже неудачным. В Крезе и Сент-Этьене войска равным образом быстро справились с аналогичным движением. Сильное движение было и в Тулузе. Здесь была провозглашена коммуна, но ее противникам удалось не допустить дальнейшего развития инсurreкции. Нарбонна также восстала (23 марта); тут явилась даже мысль о привлечении к восстанию соседних городов, но через неделю коммуне и в этом городе пришел конец (2 апреля). Наконец, в то же время (23 марта) прои-

¹ *Jourde Fr. Souvenirs d'un membre de la commune (1877).*

зошло коммунальное движение и в Марселе, но 5 апреля и сюда вошли правительственные войска, в один день с падением пролетариата Лиможа, восставшего только накануне. Остальные города Франции и, в особенности, деревни оставались спокойными. Объясняя причины равнодушия Франции к Парижу, некоторые полагают, что, между прочим, тут действовало и такое обстоятельство: во главе парижского движения не было громких имен, известных всей стране, вроде Виктора Гюго, Луи Блана, Гарибальди и т. п. В Тулузе противники коммуны прямо сумели отвлечь многих от движения указанием на то, что Грев и Луи Блан не на стороне Парижа. Разрозненное коммунальное движение в провинции 5 апреля везде уже было подавлено¹, но коммуна в самом Париже держалась еще полтора месяца.

Но дела в ней шли все хуже и хуже. Здесь ссорились между собой и отдельные вожди, и целые группы, комитеты. Единства управления не было. Делегаты постоянно превышали свою власть, подчиненные не повиновались своим начальникам. По внешности все обстояло как бы вполне благополучно: в городе царствовал порядок; подозрительные люди посылались работать на фортификациях, а в разных местах, на площадях и на улицах, красовалась надпись: «смерть ворам!» Были приняты также меры против публичного пьянства и разврата, против азартных игр. Скоро, однако, последовала ужасная развязка.

С каждым днем, с самого 18 марта, только шире и глубже становилась пропасть между враждующими сторонами, между Парижем и Версалем. В попытках примирить обе стороны недостатка не было. Роль примирителей брали на себя радикальные депутаты Клемансо, Флоке, Локруа, которые даже сложили с себя свои депутатские полномочия, чтобы быть более самостоятельными, независимыми и свободными в своем предприятии. Брал на себя такую же задачу и старый фурыерист Виктор Консидеран. Хлопотали об устройстве примирения и целые общественные организации и группы, как «национальный союз синдикальных палат», «республиканский союз прав Парижа», группа республиканского согласия, масонские ложи и т. п. Общий тон их заявлений и воззваний заключался в проповеди уступчивости с обеих сторон: прежде всего, национальное собрание должно было провозгласить республику и широкое муниципальное самоопределение и самоуправление Парижа, а коммуна должна была в надежде удовлетворения главных ее желаний от неважных отказаться и, прекратив сопротивление, спокойно ждать результатов работы собрания². Ни та, ни другая стороны, однако, не шли на какие бы то ни было

¹ В конце апреля муниципальные выборы дали в больших городах самые благоприятные для республики результаты, и новые муниципалитеты собирались созвать в Бордо в первой половине мая конгресс, который должен был вмешаться в борьбу Парижа и Версаля, но правительство его запретило.

² Такова же была точка зрения республиканских муниципалитетов.

уступки. Только один раз, за месяц до падения коммуны, удалось достигнуть перемирия на несколько часов, главным образом, для жителей городка Нейллы, которые страшно страдали от бомбардировки и потому должны были удалиться со своих насиженных мест. В собрании господствовали монархисты, а среди республиканцев даже такие лица, как Луи Блан, Эдгар Кине, будущая знаменитость Бриссон и др. не шли навстречу желаниям примирителей. С другой стороны, власть и влияние в коммуне все более и более переходили к самым крайним элементам вроде Феликса Пиа, потому что более умеренные и сдержанные постепенно покидали коммуну, как это случилось, например, с Ранком, старым непримиримым борцом против империи, обвинявшимся дважды в покушениях на Наполеона III, неоднократно сидевшим в тюрьмах, бывшим в ссылке, а после падения империи ставшим одним из членов правительства национальной обороны. Сделавшись членом коммуны, он употреблял все усилия, чтобы удерживать ее главарей и защитников от излишеств (хотя, заметим кстати, впоследствии это не спасло его от приговора к смертной казни, от которой он спасся только бегством). Расстрел коммунарами в самом начале двух генералов, — хорошо неизвестно по чьей инициативе и при каких обстоятельствах, — сильно повредил Парижу, потому что в Версале за это убийство требовали мщения, репрессалий. Когда начались военные действия, версальцы стали расстреливать тех из попадавших в плен инсургентов, в которых узнавали или только подозревали дезертиров, а не то, вообще не разбирая лиц, и «насьональ-гардов». Известие об этом со стороны коммуны вызвало декрет 5 апреля о заложниках: всякое лицо, уличенное в общении с версальским правительством (военнопленные тоже), подлежало взятию под стражу и суду присяжных, обвинительный вердикт которых делал задержанного заложником парижского народа, и каждая казнь, совершенная версальцами, должна была вызывать казнь тройного числа заложников по жребии между ними. Такими заложниками сразу же были сделаны, в количестве человек сорока, большей частью духовные лица¹, между ними парижский архиепископ Дарбуа, и много иезуитов, вне этой категории один судья, один финансист и т. п. Тьеру было сначала предложено обменять некоторых из этих заложников на Бланки, арестованного 19 марта вне Парижа; сам архиепископ по этому случаю около трех раз писал Тьеру, и в дело даже негласно вмешивались папский нунций и американский посланник, но Тьер в согласии со всеми министрами отказал, «потому что вступить в соглашение с бунтовщиками значило бы

¹ Об отношении коммуны к католической церкви см.: *Debidour A. L'église catholique et l'état sous la troisième république* (1906), I, 32 и след. Направление коммуны было, конечно, антиклерикальным, но вожди ее «не были ни преследователями, ни фанатиками», а некоторые из них были искренними католиками и даже не скрывали этого. В деле кровавого подавления коммуны не последнюю роль играли религиозные страсти.

признать их воюющей стороной». Дарбуа и другие заложники, таким образом, остались в плену у коммуны. Когда коммуна организовала свой «комитет общественного спасения», некоторые ее деятели прямо говорили о необходимости «иметь мужество, когда надо, рубить головы изменникам», т. е. уже слышались отголоски старого революционного террора. 16 мая, для ознаменования разрыва с прошлым, коммуна велела разрушить на Вандомской площади победную колонну со статуей Наполеона I, как «памятник варварства» и «символ грубой силы и ложной славы».

Наступило 21 мая. Это был воскресный день, и в тюильрийском саду давался грандиозный концерт в пользу вдов и сирот, оставленных без средств борцами за коммуну, когда измена открыла версальцам вход в Париж. В центре города сначала ничего не знали об этом, но скоро убедились, что правительственное войско заняло уже часть Парижа. Это и было началом «майской кровавой недели», в течение которой шла непрерывная битва на улицах столицы Франции между двумя ожесточенными до последней степени друг против друга армиями. Коммунары теперь отступали, с яростью защищаясь, строя баррикады и зажигая для задержки наступления версальцев великолепные общественные здания и частные дома, загоравшиеся, впрочем, и от бомб версальцев. (Многие думают еще, что некоторые помещения правительственных учреждений были подожжены верными слугами империи, желавшими истребить компрометирующие ее документы.) Сгорели Тюильрийский дворец, ратуша и т.п.¹. Офицеры и солдаты обнаруживали зверскую жестокость, расстреливая военнопленных, причем от этой судьбы не спасали ни возраст, ни пол защитников Парижа: расстреливались женщины², расстреливались дети. Со своей стороны, отдельные члены совета коммуны, теперь распавшегося, распорядились, чтобы были расстреляны заложники и в их числе архиепископ Дарбуа. В битве пали многие видные деятели коммуны, как то: Делеклюз, Домбровский и др. Окончился разгром Парижа, в отдельные кварталы которого правительственное войско вступило только после отчаянной защиты парижан на баррикадах, около полудня 28 мая, тоже в воскресенье. Было объявлено осадное положение, и столица Франции была отдана всецело в распоряжение военной власти.

Точных цифр убитых в Париже в майскую неделю нет, но некоторое понятие о ней дают показания МакМагона о 14 тыс., цифра в 17 тыс. решений для погребения на городских кладбищах и т. п., но многие были

¹ «Les horreurs de la commune ne précédèrent pas ces égorgements, mais au contraire, les suivirent et en furent la conséquence». *Debidour A.* L'église et l'état en France sous la troisième république (1906), I, 46. Автор доказывает это сопоставлением дат («les dates sont ici précieuses à retenir avec précision»).

² Среди защитниц Парижа особенно прославилась Луиза Мишель, спасаясь, впрочем, от расправы версальцев и только приговоренная к ссылке.

зарыты на местах расстрелов, по дороге из Парижа в Версаль, куда вели пленников и — расстреливали. Таких расстрелов без суда и после подавления восстания было немало. Особенной кровожадностью своей в умерщвлении безоружных стяжал недобрую славу генерал Галлифе. Было взято в плен и арестовано в ближайшие два месяца, по меньшей мере, сорок пять тысяч человек, среди которых были сотни женщин и детей. С августа началась и военно-судебная расправа с приговорами к смертной казни, к каторге, к ссылке в Новую Каледонию, к тюрьме. Риго был расстрелян без суда, Россель по суду, Журд сослан в Новую Каледонию. Смертных приговоров было вынесено более двухсот, общее число приговоренных к наказаниям около 13 тыс.¹ Масса коммунаров спаслась бегством за границу, но и тут правительство хотело их преследовать на основании законов о выдаче преступников². Большая часть иностранных правительств, однако, отказалась удовлетворить желание победителей. Особенно исполнен достоинства был ответ тогдашнего английского премьера, Гладстона. На колебавшееся бельгийское правительство, по-видимому, действовало общественное мнение и громкий протест Виктора Гюго.

Для ожесточения, с которым победители 1871 г. преследовали побежденных, разные писатели приводили разные объяснения. Позднейшие защитники коммуны видели в проявлениях беспощадной жестокости победителей, главным образом, удовлетворение чувства мести со стороны имущих классов за социалистические стремления коммуны, ничем не сдерживаемый разгул именно классовой мстительности, которая не останавливалась даже перед вступлением в заговор с неприятелями-немцами, лишь бы доконать ненавистную коммуну³. Другое объяснение дают историки, хотя и осудившие варварскую репрессию, но вместе с тем не одобрявшие и коммуну. «Когда, — говорит новейший историк “современной Франции”, — часть нации восстает против самой нации и притом в присутствии иностранцев, неслыханная ярость овладевает всем общественным телом. Оно боится погибнуть. Оно отбивается от угрожающей ему опасности. Оно наносит удары отделяющимся от него частям. Оно наносит удары самому себе и в своем ослеплении покрывает себя ранами. И гневу его не скоро приходит конец»⁴.

¹ В ссылку пошли Паскаль Груссе, Журд, Рошфор, Луиза Мишель и др.

² Спаслись бегством Ранк, Феликс Пиа, Валлес, Кюзере и др.

³ Ср. у Маркса, в «Гражданской войне во Франции», о «плантаторском заговоре покорить Париж помощью занятия его прусскими войсками» (с. 40 женеv. изд. 1893 г.) или «заговоре господствующего класса с целью подавления революции помощью гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя» (с. 52) и т. п.

⁴ *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine* (1904), т. I, с. 213. Автор изображает все ужасы усмирения коммуны, утверждая, что Париж потерял 80 тыс. своих граждан, «После героизма и страданий осады Париж не заслуживал столь жестокой судьбы», говорит он при этом.

О Парижской коммуне создалось немало легенд, одна из которых упорно смешивает «коммуну» с «коммунизмом» и поэтому не делает различия между терминами «коммуналисты», «коммунары» и «коммунисты», все же коммунары были бездельники, не хотевшие работать, грабители и разбойники¹. Конечно, среди коммунаров были и так называемые подонки общества, преступные элементы, но официальный отчет о коммуне, вышедший в свет в 1875 г., среди 45 тыс. арестованных и 13 тыс. осужденных отметил лишь менее двух с половиной тысяч человек с прежней судимостью. Впрочем, подобные элементы всегда пристают к народным движениям, принося им, конечно, только вред.

Не так просто решается вопрос об отношении коммуны к социалистическому движению (к «коммунизму»), о чем говорят и противники, и сторонники социализма. В коммуне участвовали не одни социалисты, откуда возможность, представившаяся разным историкам, по-своему понимать, в чем же заключалась истинная сущность коммуны. Сами социалистические писатели, стремящиеся связать коммуну с социализмом, должны признавать, что дело здесь не в одном социализме. «Разнообразные толкования, — говорит Маркс, — которым подверглась коммуна, разнообразные интересы, которые она выражала собой, доказывают, что она была весьма растяжимой государственной формой, тогда как все прежние формы страдали узостью». По мнению Маркса, «тайна коммуны заключается в том, что она по самому существу своему была правительством рабочего сословия, результатом борьбы между сословием производителей и сословием присвоителей, давно искомой политической формой, под которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда. Вне этого последнего условия, — продолжает он, — коммунальное устройство немыслимо, вне его оно пустой призрак. Политическое господство производителей не может существовать рядом с вековечным социальным рабством их. Поэтому коммуна должна была служить рычагом для ниспровержения экономических основ, на которых зиждется кастовое устройство, а следовательно, и кастовое государство»². — «Это, — говорит еще Маркс, — была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе, признан массой парижского третьего сословия — мелкими торговцами, ремесленниками, купцами, всеми ими, за

¹ Вот образчики отзывов о коммуне: «Das Ziel dieser Kommune war der Kommunismus». *Egelhaaf G.* Geschichte der neuesten Zeit (1908), с. 70. «Der dortige Pöbel hatte während der letzten Monate seine Macht und die Obnmacht der Regierung kennen gelernt und im Grunde bei... reichlichem Phrasen- und Alkoholgenuss ziemlich gute Tage gehabt (это во время осады-то!). Jetzt sollte die regelmässige Arbeit, das Miete- und Steuerzahlen wieder beginnen» и т. д. *Jäger O.* Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts (1904), II, 109. Такие отзывы только показывают, насколько поверхностно судили их авторы о коммуне.

² *Маркс К.* Гражданская война во Франции. С. 30 (по женеv. изд. 1893 г.).

исключением одних богатых капиталистов»¹. Маркс считает «великой социальной реформой коммуны» уже одно «устройство ее самой, как воплощения идеи рабочего сословия», отмечая при этом, что «единичные меры, предпринимавшиеся ею, могли только обозначить направление, которому естественно следует правительство народа посредством самого народа»². Таким образом, Маркс в своих суждениях о коммуне особенно напирал на то, что она была правительством рабочих и что, как таковое, она могла действовать только в известном направлении, и, оценивая ее с этой точки зрения, он гораздо больше говорит о том, чем она должна была быть по своей идее, понятой так, как ее понимает сам Маркс, и что ею могло бы быть сделано, нежели о том, чем, в сущности, была, на самом деле, ее история. Коммуна была опытом диктатуры пролетариата, как это прямо заявляет Энгельс в предисловии к «Гражданской войне во Франции» Маркса, из которой только что приведено нами несколько строк. Маркс и Энгельс вообще видят в коммуне более прообраз будущего социального строя, чем возрождение каких-либо прежних порядков и идей³, но сам же Маркс должен был признать, что коммуна не была только одним этим. «Во всякой революции, — писал он еще, — бок о бок с ее истинными представителями⁴ выдвигаются люди другого чекана. Это или герои прошлых революций, сросшиеся с ними, не понимающие смысла настоящего движения, но пользующиеся большим влиянием на народ по своему гражданскому мужеству и личному характеру или просто по традиции; или же пустые крикуны, повторяющие из году в год одни и те же стереотипные нападки на существующее правительство и снискивающие себе этим славу революционеров высшей пробы. Такие люди, — прибавляет Маркс, — всплыли наружу и после 18 марта; в некоторых случаях они играли даже первенствующую роль и, насколько это от них зависело, тормозили, как прежде, развитие всякой революции»⁵.

То, что Маркс принимает за постороннюю примесь к сути дела, заключающейся в социализме, другие историки, наоборот, готовы выдвинуть на первый план. Самый основательный и авторитетный историк Третьей республики во Франции, Ганото, главными группами, принимавшими участие в коммуне, признает бланкистов, которые не были «ни коммунистами, ни сепаратистами, ни социалистами», потом якобинцев, наконец, социалистов разных толков, среди которых особую роль играли сторонники Интернационала⁶. «И вот, — говорит он, — эти элементы, сначала разрозненные и даже недоверчивые одни к другим, объединяются борьбой, не

¹ Маркс К. Гражданская война во Франции. С. 32.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 28—29.

⁴ Для Маркса истинными представителями были только члены Интернационала.

⁵ Маркс К. Гражданская война во Франции. С. 38.

⁶ Ганото полагает, что последних было 70—80 тыс.

заботясь о теории их общего действия. Мало-помалу, однако, большая часть, с более или менее ясным разумением, с более или менее пылким убеждением, присоединилась к идее, которая, некоторым образом, вырабатывалась по мере хода событий и которая сделалась программой восстания и лозунгом для потомства» (*le mot d'ordre posthume*). Эту идею Ганото определяет словом «коммунализм», видя в ней не что иное, как вывод из политической теории Руссо, бывшей, в сущности, лишь «швейцарским пониманием политической организации общества», «исходящей из общины и приводящей к федерации». Коммуна прибавила, впрочем, к этой основной идее другую — идею социальной революции: Франция должна была превратиться в подобие Швейцарии, но «Швейцарии социализованной». Историк при этом оговаривается еще, что такая идея явилась довольно поздно и получила более определенную формулировку только впоследствии, когда у изгнанников коммуны было довольно досуга для того, чтобы изложить свою доктрину; во время самой коммуны это было скорее инстинктивное стремление, нежели ясная мысль. В народной массе все происходило еще более стихийно, и для нее теории вождей, вследствие своей абстрактности и сложности, были даже очень мало и понятны¹.

О сложности, разнородности составных элементов движения и противоречивости главных его течений говорит и Дюбрейль, автор новейшей истории Парижской коммуны, входящей в большую жоресовскую «*Histoire socialiste*»². Он везде подчеркивает, что «коммуна при своем возникновении явилась движением поразительно спутанным и смутным» и что «ее бурное течение было прорезано различными и сложными потоками», вследствие чего она и «дает возможность охарактеризовать себя очень различно и иной раз очень противоречиво». Правда, сам Дюбрейль выдвигает на первый план то, что коммуна «была пролетарской, следовательно, социалистической, потому что, — аргументирует он, — пролетариат, раз движущийся, может действовать и бороться только ради социалистической цели», и что поэтому она «была первым генеральным сражением труда с капиталом», но в то же самое время он называет ее республиканизм лишь «бессознательным социализмом». По всей книге Дюбрейля разбросаны обобщающие замечания о том, что в парижском пролетариате отсутствовало ясное самосознание и не было практической подготовки, в форме профессиональных и кооперативных учреждений, откуда им и объясняется неудача движения. «Пролетариат, — говорит он в одном месте, — был

¹ *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine* (1904), т. I, с. 158 и след. Любопытно, что Hanotaux, деля членов правительства коммуны на людей дела, якобинцев, и на теоретиков, социалистов, считает последних относительно умеренными (с. 185). Якобинцы все старались подражать деятелям первой революции (с. 186, 187, 190 и др.).

² Составляет XII том этой коллекции и вышла в свет в русском переводе (Н. С. Тютчева) в 1908 г. Ср. библиографическое указание выше.

еще недостаточно образован и сформирован, еще чересчур был во власти невежества и бессознательности... и только что начинал кое-где создавать из своей среды автономные организмы». «Сами рабочие, — читаем в другом месте, — в массе с трудом способны были усвоить самую возможность функционирования общества на иных началах, чем традиционные». Не раз Дюбрейль указывает еще, что в заявлениях и распоряжениях коммуны было очень мало социалистического. Проявись в действиях комиссии труда и обмена действительно социалистическая идея, она, не нашедши поддержки в малоразвитом пролетариате, только бросила бы, ко вреду для всего движения, мелкую буржуазию в объятия реакции. Поэтому, «в сущности, коммуна не оставила ничего такого, что давало бы невежде или доктринеру сказать: коммуна была социалистическая, доказательством служат такой-то декрет, такие-то соображения, такие-то утверждения, в которых я нахожу обычные формулы и афоризмы социализма».

Как в свое время террор 1793 г., а полстолетия спустя красное знамя 1848 г. вызвали резкую реакцию и в таких общественных кругах, которые были либеральны и прогрессивны и даже разделяли идеи, родственные требованиям, их испугавшим, так и коммуна 1871 г. немало содействовала развитию реакционного настроения против демократии и социализма не только во Франции, но и в остальной Европе. Пресса всех стран — и не одни лишь консервативные, но в большинстве и прогрессивные органы — осудила коммуны, хотя только одна часть прессы одобрила и расправу французского правительства с коммунарами: в излишествах, жестокостях и сумасбродных действиях участников движения видели, с разными только оттенками в освещении всего предмета, аргументы против известных политических и социальных идей. Особенно все происшедшее ставилось в вину Интернационалу, об отношении которого к коммуне речь будет идти еще дальше, но и вообще идеи свободы и равенства стали казаться заключающими в себе большую опасность для общественного порядка и благополучия. И во Франции реакция, с которой республиканской партии пришлось в семидесятых годах вести такую упорную борьбу¹, много силы приобрела вследствие не только поражения коммуны, но и из самого факта ее существования, так как это движение многих напугало и отвратило от себя всем тем, что в нем было нездорового, неразумного, а порой и преступного. В этом смысле ссылки на коммуны часто стали употребляться в виде аргументов против прогрессивных реформ. Реакция коснулась и самой республиканской партии, вызвав в особенно впечатлительных и гибких натурах известное раздумье, которое не всегда было застраховано от поворотов политической мысли вправо и притом дальше, чем к тому давал основание пережитый исторический опыт. Быть может,

¹ См. в след. главе.

в возникновении политического оппортунизма самой значительной фракции республиканской партии, принимавшего вид прямой измены принципам, не последнюю роль играла пережитая история коммуны.

В виде иллюстрации влияния коммуны на поправление политической мысли достаточно указать на поворот, который под этим влиянием совершился в 1871 г. в деятельности одного из замечательнейших французских писателей XIX в. Ипполита Тэна¹.

Годы университетского учения Тэна совпали с эпохой второй республики, — он поступил в Высшую нормальную школу в 1848 г., — когда во Франции, между прочим, совершалась реакция против царившей до того времени в высшем преподавании эклектической философии Кузена с ее ненаучными элементами и в гуманитарные дисциплины проникал научный дух, складывавшийся под влиянием естественно-исторического реализма и философского позитивизма, враждебных всякому романтизму и метафизике. Свое миросозерцание Тэн выразил в вышедшей в 1857 г. книге «Французские философы XIX в.», представляющей собой своего рода бунт против официально-школьной философии, а в 1864 г. в «Английском позитивизме» он высказал сочувствие английской школе, нашедшей выражение в знаменитой «Логике» Джона Стюарта Милля. Около этого же времени Тэн познакомился с позитивизмом Конта и так им увлекся, что рекомендовал его изучение каждому, любящему философию и науку. Это тоже шло вразрез с традициями высшей школы во Франции, еще, так сказать, подмороженными второй империей. Свои новаторские, необычные для официальной науки взгляды Тэн изложил в диссертации об ощущениях, которая не была пропущена словесным факультетом Сорбонны; ему пришлось написать другую на более безобидную тему — о баснях Лафонтена. Возможность занять кафедру, однако, для Тэна оставалась закрытой, и он занялся литературной деятельностью, мало-помалу доставившей ему большую известность, а вместе с нею и влияние на молодежь, среди которой в это время складывались сильные

¹ О Тэне существует большая литература, в которой отметим: *Margerie A. de*. Н. Тэне (1894); *Biré E.* Н. Тэне (1894); *Monod G.* *Maîtres de l'histoire* (1894); *Barzelotti I.* Тэне (1895; по-итал.); *Lacombe P.* Тэне историк и философ; *Giraud.* *Essai sur Taine, son oeuvre et son influence* (1901); *Aulard A.* Тэне, историк де ла револушн францайз (1907). Об этой книге см. мою статью в «Русском богатстве» за 1908 г. Олар повторил свои главные выводы в статье, нарочно написанной для «Современного мира» (за 1908 г.), где рассказывает о нападках, каким за эту книгу подвергся со стороны консервативной прессы. В России о Тэне больше всего писал проф. Герье, ряд статей которого печатался в «Вестнике Европы» за 1878 г. (кн. IV, V, IX и XII), за 1889 г. (кн. IX), за 1890 г. (кн. I и II), за 1894 г. (кн. IX, X, XI и XII) и 1895 г. (кн. VI и VII) и который, сверх того, посвятил Тэну большую статью в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона. Кроме того, по-русски есть о Тэне еще несколько статей. Одна из них была тотчас же по выходе в свет первого тома его «Революции» написана П. Лавровым (без подписи) в журнале «Дело». Кроме того, см.: *Арсеньев К.* Новый историк современной Франции. И. Тэн («Вестник Европы» за 1891 г., январь и февраль); *Он же.* И. Тэн (там же за 1893 г., апрель); *Иванов И.* Тэн («Русское богатство» за 1901 г.); *Гримм Э.* Политические воззрения Тэна (1908).

течения в антиклерикальном и позитивистическом духе¹. В эти годы Тэн занимался вопросами философии и психологии, литературы и искусства как теоретически, так и исторически, стараясь везде проводить строго научный метод, как он сам его понимал. В 1870 г. он, уже очень известный и влиятельный тогда писатель, издал свой большой общий труд по психологии «*De l'intelligence*»², за которым должен был последовать другой — о воле, но события 1870—1871 гг. направили его деятельность совсем в другую сторону.

Нужно еще заметить, что сначала, в пятидесятых годах, Тэн попробовал было заняться средним преподаванием в провинции, но его вольномыслие сделало продолжение его деятельности в средней школе, в которой господствовали клерикальные влияния, совершенно невыносимым. Только в 1863 г. удалось ему возвратиться к преподаванию; да и то не в Сорбонне, куда его не могли допустить, а в Школе изящных искусств. Занимаясь своими любимыми науками, касающимися психической природы человека и ее проявлений в истории духовной культуры, Тэн очень мало интересовался другой стороной жизни, той, которую составляет предмет наук политических, юридических и экономических, вообще вопросами социологии. Если за ним и упрочилась репутация «либерала» и оппозиционно настроенного ученого, то это имело отношение к его философскому вольномыслию, а не к политической его неблагонамеренности. Впрочем, при Наполеоне III довольно было и этого, чтобы попасть в категорию подозрительных людей. Натура Тэна — глубоко аполитическая, и даже события 1848 г., когда ему было всего двадцать лет, не бросили его в круговорот политической жизни. После декабрьского переворота 1851 г. он, однако, тогда преподаватель в одном из провинциальных лицеев, имел гражданское мужество отказаться от потребованного у него, вместе с другими, письменного одобрения этому перевороту³. Ко второй империи у Тэна было всегда отрицательное отношение, главным образом, за ее связь с клерикализмом, этим исконным врагом всякой духовной свободы.

Не подлежит, конечно, сомнению, что Тэн уже тогда не был, в сущности, демократом, хотя столь же несомненно, что только коммуна бросила его в ряды людей, у которых под ее влиянием образовалось особенно реакционное направление.

Во время коммуны Тэн, живший в дни осады Парижа в провинции, читал свои лекции в Школе изящных искусств, приезжая в нее еженедельно из Орсэ, где у него была дача. Тогдашняя переписка Тэна свидетельствует о том, что коммуна сразу нашла в нем непримиримого врага. С тем, что делалось в Париже, он ознакомлялся только по консервативным газе-

¹ Ср. ниже, в гл. VI.

² Русский перевод Н. Страхова называется «Об уме и познании».

³ Позднее, когда плебисцит одобрил узурпацию, Тэн ему подчинился и присягнул новому властелину Франции.

там и сам не скупился на резкие о ней отзывы и даже на прямую брань, но он все-таки ездил в Париж для чтения лекций и отмечал, что в городе все спокойно. Конечно, он не мог быть не удручен братоубийственной борьбой, как и внешним унижением Франции, но к этому прибавилось и крайнее озлобление к демократии. Коммуна именно превратила мирного вольнодумца в «воинствующего консерватора»¹, которому клерикалы потом простили многие прежние его грехи; она же отвлекла его от прежних его психологических тем и сделала историком Французской революции, движения по преимуществу политического и социального. В тот самый день, в начале апреля 1871 г., когда ход событий сделал невозможным продолжение его лекций, он уже писал жене, что намерен написать книгу о современной Франции. Впоследствии это намерение сделалось известным и публике, как намерение временно оставить свои прежние темы для новой и дотоле чуждой области политики. Еще ранее в интимной переписке Тэн скептически отзывался о возможности и пригодности республики во Франции, теперь же, после коммуны, он то и дело пророчил скорое падение республики вследствие ли новых усобиц или вследствие временного торжества демагогов, после чего должны были победить бонапартисты и была бы восстановлена империя. В 1875 г. вышел в свет первый том капитального труда Тэна «Происхождение современной Франции», труда, в котором с крупными достоинствами перемешаны крупные недостатки, позволяющие называть его в известном смысле большим политическим памфлетом. Уже этот первый том, крайне отрицательно относящийся к старому порядку и тем самым как бы оправдывавший в глазах читателя необходимость революции, заключал в себе указание на то, как будет изображена революция в следующем томе². «Таким-то образом, — писал он на заключительной странице «Старого порядка», — несколько тысяч говорун-нов спустили с цепи несколько миллионов дикарей, и политика кофейен имеет своим истолкователем и исполнителем уличное сборище. С одной стороны, грубая сила поступает на службу радикального учения, с другой — радикальное учение отдает себя на служение грубой силе. И вот, в разложившейся Франции оказываются налицо только эти две власти на развалинах всего остального»³. Известно, как отрицательно отнесся Тэн, в общем, не только к демократии, но и к философии XVIII в., действие которой он сравнивал с действием скверной водки на мозг душевнобольных и которая притом не соответствовала его преклонению перед научным духом. Особенно раздражало Тэна то, что некоторые теоретические формулы, которым он лично придавал большое значение, служили в руках лиц,

¹ Выражение А. Aulard'a.

² Тэн предполагал посвятить революции один том, но эта часть труда разрослась в целых три тома.

³ Цитирую по русскому переводу в изд. 1880 г., с. 519.

каким он не мог симпатизировать, для выводов, находивших в нем самом резкое осуждение. Преклонение перед идеалом научности заставляло его обещать, что к своей теме — изобразить происхождение новой Франции из старой через революцию — он отнесется с тем же объективизмом, с каким натуралист изучает превращения насекомого, но на деле он не сумел удержаться на этой высоте и написал труд односторонний и пристрастный, сильно вооруживший против Тэна передовые круги общества и, наоборот, встреченный приветствиями консерваторов и реакционеров, примиривший их с Тэном. Когда вышел в 1878 г. второй том его «*Origines...*», посвященный революции, и в то же время кандидатура Тэна была поставлена во французскую академию при другом кандидате, в лице республиканского историка Франции Анри Мартена, то вопрос о его избрании, пока оно не состоялось, страшно волновал разделившееся общественное мнение страны, чему немало способствовали газеты, придавшие академическим выборам значение политического вопроса. Многие готовы были видеть в Тэне чуть не явного бонапартиста, пока выход в свет в 1887 г. пятого тома его труда не показал, что к наполеоновскому режиму Тэн отнесся столь же отрицательно, как и к революции. Между тем книга Тэна на долгое время задала тон суждениям о Французской революции и в этом отношении сыграла такую же роль, какая в конце XVII в. была сыграна «Размышлениями» Берка: не даром и сам Тэн находился под довольно сильным влиянием этого английского критика революции. Не будь коммуны и вообще событий 1870—1871 гг., Тэн, по всей вероятности, не взялся бы за несвойственную всем его вкусам политическую тему, а если бы и взялся, то написал бы не такую книгу. С Тэном, несомненно, произошла в 1871 г. крупная перемена, которую нужно брать в связи с другими аналогичными переменами. Поколение, действовавшее в шестидесятых годах, верило больше всего в науку и в прочную, хотя и медленную победу истины, но события шли слишком вразрез с этой верой, так что многие усомнились в правильности прежних своих верований. Из писательского лагеря стали раздаваться голоса против всеобщего избирательного права, которое, например, такой писатель, как Флобер, не постеснялся назвать «позором (*la honte*) человеческого рода». О «банкротстве науки» заговорили во Франции, правда, много позже¹, но банкротство демократических принципов объявлялось не подлежащим никакому сомнению; такие люди, как Ренан, как Тэн, как Флобер и другие, стали полагать единственное средство спасения Франции в установлении политического руководства средних классов: народ невежествен и груб, нельзя поэтому вручать ему интересы отечества и цивилизации, доказательством чего для них служила история коммуны.

¹ См. ниже, в гл. XXIV.

Говоря о том влиянии, какое эпизод Парижской коммуны 1871 г. оказал на историю эпохи, нельзя, наконец, не остановиться еще на значении этого эпизода в истории социализма вообще и «Международного общества рабочих» в частности.

Прежде, однако, скажем еще несколько слов об отношении Интернационала к войне 1870—1871 гг. Едва только в воздухе летом 1870 г. запахло порохом, вожди Интернационала во Франции поспешили обратиться к рабочим всех стран с манифестом, в котором назвали войну безрассудством и преступлением, могущим только содействовать усилению деспотизма в обеих странах. В Германии среди приверженцев Интернационала произошло разделение: в то время, как одни приглашали «германских рабочих, как немцев», дать французам отпор, другие, наоборот, проводили в сознание рабочих ту точку зрения, что пролетариату нет никакого дела до этой войны. 23 июля генеральный совет в Лондоне выпустил прокламацию, признававшую войну со стороны Германии строго оборонительной, но указывавшую вместе с тем на то, что если война будет направлена против самой французской нации, то для немецких рабочих одинаково гибельные последствия будут и в случае победы, и в случае поражения Германии. Как среди немецких рабочих, так и среди их вождей в рейхстаге тогдашнего Северогерманского союза произошло разделение: будущие вожди социал-демократии, Бебель и Либкнехт, не приняли участия в вотировании военного займа, но другие (Швейцер и Газенклевер) подали свои голоса за заем из опасения, что победа Наполеона III будет губельна для дела французского пролетариата, для свободы всей Европы и для самого объединения Германии. В других странах, особенно в Бельгии, члены Интернационала резко протестовали против начавшейся войны. После седанской катастрофы брауншвейгский комитет в Германии издал написанное Марксом воззвание к немецким рабочим против превращения войны в завоевательную, за что члены этого комитета и многие другие сторонники Маркса, отчасти распространявшие воззвание, отчасти заранее протестовавшие против отторжения от Франции Эльзаса и Лотарингии¹, были арестованы и рассажены по тюрьмам, после чего подверглись еще и разным судебным приговорам «за принадлежность к союзу, имеющему противные законам цели». В то самое время, как лондонский генеральный совет рекомендовал добиваться заключения почетного для французской республики мира, из швейцарской фракции Интернационала, стоявшей в оппозиции к генеральному совету, вышло другое воззвание, говорившее о необходимости ополчиться на защиту Франции, «которая теперь сделалась оплотом свободы во всей Европе» против милитаризма, деспотизма и реакции, воплощенных в Пруссии. Швейцарские власти конфисковали

¹ Против присоединения к Германии этих провинций высказался и генеральный совет Интернационала.

это воззвание, как нарушавшее нейтралитет страны, но оно, конечно, попало во Францию и распространялось там газетами и в форме уличных плакатов. Таким образом, не только по другим вопросам, но и по вопросу о войне в Интернационале происходил серьезный раскол. Приверженцы лондонской точки зрения старались всячески отмежеваться от «буржуазной» республики 4 сентября и порицали авторов швейцарского воззвания за то, что они буржуазии оказывают поддержку. Последняя была, нужно заметить, не на словах только. Например, Бакунин даже поехал во Францию, но, конечно, не для содействия правительству 4 сентября: он появился было в Лионе для организации революции и вынужден был оттуда бежать в Женеву, когда в захваченную им и его сторонниками мэрию явилась национальная гвардия¹. Вообще во время войны Бакунин необычайно развил свою революционную агитацию, стоя на той точке зрения, что нужно спасать Францию (в Лионе был основан особый «центральный комитет для спасения Франции») и одновременно с этим приступить к фактической отмене в ней государства. После неудачи в Лионе и подобной же неудачи в Марселе он временно занялся литературной деятельностью, плодом которой была его изданная в 1871 г. в Женеве «Кнута-германская империя и социальная революция», но едва только вспыхнуло в Париже восстание 18 марта 1871 г., как Бакунин опять обратился к практической агитации, имевшей целью организовать в провинциях защиту коммуны. Он был горячим приверженцем коммуны, выдвигая в ней на первый план ее антигосударственный характер, который отличал в его глазах стремления социалистов-революционеров, желающих уничтожить государство, от стремлений социалистов-коммунистов, организующих силы пролетариата для захвата государственной власти². Эту защиту коммуны он вел параллельно с обвинением вождей Интернационала в том, что они воспользовались войной для укрепления своей власти путем уничтожения конгрессов союза и для устранения всякой оппозиции в его среде. Маркса и его сторонников он резко обвинял в тщеславии, властолюбии и интриганстве. К Марксу он давно уже, как мы знаем, стоял во враждебных отношениях: война 1870—1871 гг. и коммуна только создали новый материал для взаимных между ними неудовольствий. Как раз весной и летом 1870 г. среди секции Интернационала в романской Швейцарии уже шла отчаянная борьба между двумя его направлениями, и Бакунин был даже исключен со своими приверженцами из старой романской секции.

Какую же, спросим теперь, роль играл Интернационал в истории коммуны? Мы уже отметили, что все, что происходило в Париже с самого возникновения агитации, приведшей к коммуне, до полного разгрома

¹ Маркс впоследствии иронизировал по поводу этого эпизода.

² После подавления коммуны Бакунин летом 1871 г. написал «Парижскую коммуну и понятие о государстве», увидевшую свет в печати лишь после его смерти.

последней, общественным мнением всех стран ставилось в вину Интернационалу: сами преследования, которым он подвергался, мотивировались, между прочим, его первенствующей ролью в событиях коммуны. Историческая литература об Интернационале и о коммуне не подтверждает этого взгляда, и это особенно важно, тем более, что инициатива и руководящая роль Интернационала отрицаются такими писателями, которые относятся с одинаковым сочувствием и к «Международному обществу рабочих», и к парижскому восстанию 18 марта. При всей пристрастности таких писателей, как Иекк или Дюбрейль, в данном вопросе они совершенно объективны, потому что основываются на положительных фактах, говорящих, что не Интернационал создал и организовал коммуну и что, когда она создалась, он ни в каком случае не играл в ней первенствующей и руководящей роли¹. Генеральный совет еще в начале сентября 1870 г. писал в своем воззвании, что «малейшая попытка низвержения существующего правительства во время такого страшного кризиса, какой обрушился на Францию, была бы отчаянным безрассудством» и что французским рабочим приходится «исполнять свои гражданские обязанности», хотя и рекомендовалось вместе с тем использовать республиканский строй, водворившийся во Франции, в своих классовых целях. В согласии с этой директивой и держали себя парижские члены Интернационала. Несомненно, однако, что они в то же время всегда стремились к тому, чтобы оказывать влияние на действия как первоначального Центрального комитета, так и самой коммуны, все в большем количестве проникая в состав ее вожаков. До самого конца коммуны парижская секция Интернационала продолжала оставаться совершенно независимой от коммуны организацией. В ней был свой самостоятельный федеральный совет парижских секций, сносившихся с коммуной, как самостоятельное учреждение, хотя, в общем, и солидарное с ней. Лондонский генеральный совет тоже под-

¹ Говоря об образовании, еще во время осады Парижа немцами, Центрального комитета 20 округов, историк Интернационала Иекк отмечает, что «рабочие, особенно же члены Интернационала почти совсем не были представлены в нем»... «Уже перечень имен лиц, стоявших на первом плане, — говорит он еще, — показывает, что участие Интернационала во всех этих мятежах было крайне незначительно» (с. 127 рус. пер.). Члены Интернационала, находившиеся в числе избранных и неутвержденных мэров, «ни разу не фигурировали со своими подписями под мятежными воззваниями»... «Интернационал имел решительных противников среди коммунаров», и «члены Интернационала всегда составляли меньшинство в коммуне» (стр. 128)... «Из бесчисленных фактов, — читаем мы еще у Иекка, — из более или менее официальных манифестаций явствует, что члены Интернационала еще до провозглашения коммуны организовались в особую партию, что они не отождествляли себя с коммуной, и что коммуна смотрела на них, как на партию, которая хотя и поддерживает ее, но, в сущности, стоит вне ее» (стр. 135). В семидесятых годах была большая уверенность в теснейшей связи Интернационала с коммуной, хотя и тогда многие факты говорили против общераспространенного мнения. Ср. Э. Ватсон, стр. 4, 14 и др. Лица, убежденные в том, что Интернационал играл первую роль, ссылались на его будто бы «значительные денежные средства», по поводу чего см. выше.

держивал коммуны в ее борьбе с версальцами и указывал, что место каждого французского члена Интернационала на стороне Парижа, защищающего свободу. Только к концу коммуны сколько-нибудь значительным сделалось, среди ее заправил, число членов Интернационала, но все-таки они не составляли большинства и далеко не всегда пользовались влиянием¹. После падения коммуны в Париже произошли собрания членов Интернационала, на которых последние слагали с себя ответственность за поджоги², но это не спасло Интернационал от издания во Франции запрещающего его закона, который сделал совершенно невозможным дальнейшее его существование в этой стране в прежней форме.

Коммуна вообще создала своего рода перелом в истории самого Интернационала. Хотя он в своих заявлениях, как мы видели, все более и более становился на точку зрения политической борьбы, на деле эта точка зрения имела чисто теоретический характер, практически же в деятельности Интернационала на первом плане стояла борьба экономическая. Уже конституционные изменения 1867 г. в Англии и в Германии, как мы знаем, открывали в обеих странах для рабочих возможность политической борьбы, и в том же направлении должно было оказать свое влияние превращение Франции в 1870 г. в республику. Все это не могло не отразиться на общей позиции Интернационала, хотя, с другой стороны, сами условия политической борьбы в разных странах были далеко не одинаковыми, и тут уже нельзя было устанавливать тех общих директив, какие были мыслимы в вопросах борьбы капитала и труда. Это было одно, что вносило своего рода дифференциацию в компактную массу Интернационала; другим было обострение национальной вражды благодаря войне, благодаря страху перед немцами, но в том же направлении действовали и до войны еще начавшиеся прения в Интернационале между представителями отдельных наций. Бакунин не мог бы увлечь за собой своих романских при-

¹ «Члены Интернационала в Париже отнюдь не одобряли деятельности “комитета общественного спасения”... Насколько можно проследить личную деятельность членов Интернационала, они не позволяли себе ни одного насильственного действия, хотя положение вещей оправдывало всякие насилия. Несмотря на такое поведение своих членов, Интернационал, не колеблясь ни минуты, объявлял свою солидарность с коммуной». *Иекк*. С. 150.

² Маркс в своей «Гражданской войне во Франции», написанной вслед за разгромом коммуны, так определял отношение Интернационала к коммуне: «Европейские правительства завопили на весь мир, что главной причиной этого страшного бедствия является Международная ассоциация рабочих, т. е. международная контр-организация труда против всемирного заговора капитала... Полицейского цвета уму буржуа Международная ассоциация рабочих представляется чем-то вроде тайного заговора, центральное управление которого время от времени производит в разных странах восстания. Но на деле наша ассоциация представляет собой только международный союз, соединяющий в себе наиболее развитых рабочих всех стран цивилизованного мира. Где бы ни было, под каким бы видом и при каких обстоятельствах ни проявлялась сословная борьба, совершенно понятно, что члены нашей ассоциации всегда будут стоять впереди» (с. 54–55 жев. изд. 1893 г.). В заключение Маркс назвал «Париж рабочих с его коммуной» «славным предвестником нового Мира».

верженцев, если бы в самой психологии не рас, конечно, а данных общественных настроений отдельных наций не было условий для возникновения схизмы. Разгром Франции и возвеличение Германии со всеми их политическими и экономическими последствиями тоже создавали новые условия для существования Интернационала. Уже в самом начале французских поражений Маркс предсказывал, что отныне на континенте центром рабочего движения будет Германия, а не Франция, и вместе с тем выражал опасение относительно усиления политического консерватизма и международной роли России. В Англии, на которую он прежде возлагал все свои надежды, он теперь вполне разочаровался, так как тамошние рабочие оказались недостаточно настроенными в пользу политической борьбы и революции. Коммуна, с другой стороны, обнаружила слабость рабочих во Франции и вместе с тем послужила поводом для усиления репрессивных мер против Интернационала, начавшихся еще до войны: ведь только революция 4 сентября сократила сроки тюремного заключения для многих французских членов Интернационала, подвергшихся полицейским и судебным преследованиям. Отсюда и начинается новый период в истории Интернационала, период его умирания.

Далеко не все коммунары были расстреляны или сосланы, но многим и даже очень многим удалось бежать, притом не без помощи Интернационала. Один поток эмиграции направился в Лондон, другой — в Женеву, две столицы Интернационала. С этими беглецами, жившими на чужбине впроголодь, без настоящего дела, в своего рода моральной тесноте, случилось то, что обыкновенно происходит в подобных условиях: теоретические разногласия превратились в партийные перекоры, которые, в свою очередь, приняли характер чисто личных и кружковых дрязг. В Женеве для этого и почва была достаточно подготовлена происходившими в ней уже раньше несогласиями местных членов Интернационала. В Лондоне вспыхнула настоящая ссора между генеральным советом и французской секцией, повод для которой восходит еще к 1868 г. В этом году на публичном митинге французских членов в Лондоне будущий член коммуны Феликс Пиа предложил приговорить Наполеона III к смерти, но генеральный совет тогда же заявил, что Пиа не состоит членом Интернационала. Это обидело французскую секцию в Лондоне, и она ушла из Интернационала, заявив протест против него, как чисто антиреволюционного союза. После поражения коммуны из ее беглецов генеральный совет набрал новую французскую секцию в Лондоне, которая, однако, очень скоро изменила генеральному совету, а рядом с ней образовалась еще другая секция, не принятая с самого начала в состав Интернационала генеральным советом, между прочим, за ее связи со схизматическим жевевским союзом. Одновременно с этим по разным причинам стали отпадать от Интернационала отдельные деятели английского тред-юнионизма, между прочим, Оджер, подпись которого, нужно заметить, сто-

яла первой под документом 1864 г., так как он был председателем тогдашнего комитета. Мало того, от участия в Интернационале стали отказываться и целые тред-юнионы. Известную роль в этом уходе из международного общения рабочих в Англии сыграло объявление Интернационалом своей солидарности с коммуной, по поводу которого в газетах происходила сильная полемика¹. Впрочем, одни организации отстаивали, другие, напротив, приставали благодаря тому, что в 1871 г. в Англии происходили стачки рабочих, находившие поддержку в Интернационале.

Яблоком раздоров послужил также вопрос о созыве конгресса. Мы видели, что война сделала невозможным очередной конгресс 1870 г., да и условия, наступившие вслед за окончанием войны, благодаря коммуне, были признаны генеральным советом крайне неблагоприятными. Реакция и репрессии были в полном разгаре, и созывать конгресс значило бы подводить многих под опасность преследований со стороны властей. Поэтому было решено сначала ограничиться частной конференцией, как это было и в 1865 г. Мы видели, однако, что оттяжка в созыве конгресса послужила для Бакунина поводом обвинить Маркса и К^о в превышении власти; это обвинение поддерживала и юрская федерация. Бакунинская агитация имела некоторый успех и создала немало затруднений генеральному совету. На последний велась атака также со стороны вновь возникавших эмигрантских секций, стремившихся к тому, чтобы тоже иметь своих представителей в генеральном совете, к удовлетворению чего совет не обнаруживал большой охоты. Все это сопровождалось страстной полемикой, взаимными обвинениями сторон и даже взаимными оскорблениями на словах. Лондонской конференции пришлось напоминать членам Интернационала о принятых уже раньше его организации задачах, обо всем его поведении, рекомендуя одинаково участие и в экономической и политической борьбе и предписывая отнюдь не пользоваться при этом тайными обществами². Особенно указано было конференцией на необходимость основания особой рабочей политической партии, совершенно независимой от каких бы то ни было старых партий, существующих среди имущих классов. Все эти решения только подлили масла в огонь. Отколовшаяся юрская федерация теперь окончательно организовалась и объявила открытую войну, а ее агитация нашла сочувственные отклики и во Франции, и в Бельгии, и в Италии, и в Испании. В последних двух странах против Интернационала принимались суровые меры, вплоть до насильственного подавления всех проявлений союза. Члены ис-

¹ Взгляд генерального совета был опубликован в брошюре «Гражданская война во Франции», разосланной, между прочим, и наиболее видным членам парламента. На нее страшно напали газеты, и некоторые требовали возбуждения против нее судебного преследования, после чего Маркс назвал себя как ее автора.

² В это время Интернационал открыто обвинялся в прикосновенности к знаменитому «Нечаевскому делу» в России. Генеральный совет был уполномочен конференцией формально заявить, что с заговором Нечаева Интернационал не имеет ничего общего.

панского федерального совета сочли себя вынужденными спастись бегством в Португалии, но одновременно с этим и в Испании, и в Италии создавались бакунинские организации, которые должны были составить новый Интернационал. Эти потери Интернационала в романских странах плохо возмещались некоторыми успехами в германских, например, в Дании.

Наконец, в 1872 г. генеральный совет нашел возможным собрать конгресс в Гааге, которому, в сущности, предстояло решить борьбу между двумя направлениями, во главе которых стояли Маркс и Бакунин. Юрская федерация сначала протестовала против выбора места съезда, но потом решила в нем участвовать, дав своим делегатам инструкцию — добиваться уничтожения генерального совета, голосовать вообще заодно с испанцами, итальянцами и другими сторонниками антиавторитарного, федералистического направления и, если бы восторжествовал генеральный совет, покинуть заседания. Гаагский конгресс в сентябре 1872 г. был первым, в котором Маркс принимал личное участие, и кроме того, конгресс этот оказался наиболее международным сравнительно со всеми бывшими до тех пор¹. Уже при проверке полномочий произошли сильные пререкания между сторонниками обоих лагерей. Единодушие проявилось только при восхвалении революции и коммуны да при осуждении реакции и ее деятелей в лице Бисмарка и Бейста, равно как Жюля Фавра и даже Гладстона. Затем пошла разногласия. Маркс прямо отстаивал необходимость расширения полномочий центрального органа до права закрытия отдельных секций: у генерального совета нет ни оружия, ни войска, ни полиции и авторитет его чисто моральный, говорил Маркс, сторонники же его сравнивали совет с генеральным штабом, без которого не может обойтись такая большая армия, как Интернационал. Победа была на их стороне, но противники не ушли, как это им было предписано доверителями. Немедленно за этим друг Маркса Энгельс предложил конгрессу перенести генеральный совет в Нью-Йорк, по крайней мере, на один год. Это, бывшее для большинства совершенно неожиданным, предложение тоже нашло с его стороны согласие, но следующий конгресс было решено созвать, конечно, в Европе — в Швейцарии. Основной принцип о необходимости соединения экономической и политической деятельности был также принят большинством, состоявшим, главным образом, из немцев, французов и англичан. Оппоненту говорили о необходимости уничтожения государства и приравнивали всякую политическую деятельность к предосудительным компромиссам между правительствами и парламентами, но им возражали, между прочим, ссылкой на то, что если бы французские рабочие уже перед 4 сентября составляли политическую партию, то дело во Франции пошло бы иначе. Особенно бурные сцены произошли тогда, когда комиссия, за-

¹ Представлены были немцы, французы, бельгийцы, швейцарцы, голландцы, англичане, ирландцы, испанцы, венгерцы, поляки, американцы, австралийцы.

нявшаяся вопросом о бакунинском союзе, предложила исключить из Интернационала как самого инициатора, так и его помощников и вообще всех содействовавших этой дезорганизации Интернационала. Баллотировка дала для Бакунина и других, названных поименно, лиц результат неблагоприятный: знаменитый агитатор был из союза исключен, а с ним и некоторые его сторонники.

В удалении Бакунина и в давно решенном, в сущности, перенесении генерального совета в Нью-Йорк руководители Интернационала видели средство спасения от полного падения. В самом генеральном совете не было согласия, например, и по вопросу о Бакунине, и только после санкции, данной конгрессом его удалению, Маркс решился опубликовать все собранные против Бакунина разоблачения. Английские члены генерального совета казались вообще ненадежными Марксу: перенесение этого учреждения в Нью-Йорк было благовидным способом раскассирования его состава. Правда, и сам Маркс, оставшийся жить в Лондоне, должен был выйти из совета, но и в этом была своя для Маркса выгода — показать, что дело не в его личном властолюбии. Как-никак, все-таки это был *coup d'état*¹, следствием которого не мог предвидеть и сам его инициатор. В числе следствий оказался, например, упадок деятельности английского федерального совета Интернационала, привыкшего быть в постоянном общении с центральным органом ассоциации, хотя и в этом совете уже раньше обнаруживались тенденции, на которые Маркс смотрел, как на двусмысленное заигрывание с неприятелем. Во всяком случае, недовольство среди англичан было сильное; со стороны некоторых деятелей Интернационала в Англии стали высказываться прямые обвинения такого рода, что на гаагском конгрессе не все было чисто. Заходила даже речь о том, чтобы предложить лондонскому федеральному совету исключение самого Маркса из Интернационала. Внутренние дразги лондонской секции перешли в печать, что заставило и Маркса с Энгельсом напасть на своих недругов. *Coup d'état* на гаагском конгрессе решительно отколол от Интернационала всех бланкистов, обвинявших генеральный совет в трусливом бегстве в Америку, чтобы увильнуть от своей обязанности делать революцию в Европе. Юрцы с испанцами и итальянцами устроили свой конгресс (в Сент-Имье), на котором осудили все гаагские постановления и объявили основание «Нового Интернационала». Вслед за этим состоялся в Кордове испанский конгресс, тоже отвергший гаагские постановления и присоединившийся к новой, «антиавторитарной» организации. Произошло, наконец, отпадение и бельгийской федерации, не захотевшей признать, впрочем, и новый генеральный совет, созданный в силу решения антиавторитаристов. Все это не могло не отозваться на английском отделе Интернационала, часть которого устроила в Лондоне в начале 1873 г.

¹ Государственный (политический) переворот (*фр.*). — *Прим. ред.*

съезд для протеста против гаагского конгресса и прежнего генерального совета.

Такой оборот дел был уже полным расколом. Легальный генеральный совет объявил юрскую федерацию распущенной, испанскую, бельгийскую и часть английской — исключенными, а итальянскую, которая тоже фигурировала в числе протестующих, никогда не существовавшей. Верными ассоциации, т. е. признавшими гаагские резолюции и законность только того конгресса, который должен был собраться в Швейцарии, оставались, впрочем, члены большей части стран, т. е. Франции, Германии, Австро-Венгрии, Дании, Голландии, Португалии и Соединенных Штатов Северной Америки. Сецессионистам¹, желавшим создать новый союз, не только это не удалось, но не удалось и удержать единство отдельных федераций: от них стали отпадать отдельные секции, которые сами потом дробились на более мелкие группы, стоявшие особняком одни от других.

Впрочем, единство и среди оставшихся верными Интернационалу национальных федераций оказалось очень непрочным. В английской, как мы видели, уже в начале 1873 г. произошел раскол, но все еще существовала и верная старому Интернационалу секция, пока и она не заглохла, после чего английский тред-юнионизм вернулся к своим старым традициям². В других странах стали образовываться — и прежде всего в Германии³ — свои местные, национальные рабочие партии, унаследовавшие от Интернационала идею политической деятельности в форме партийной рабочей организации, резко отграничивавшей себя от всех других партий, как «буржуазных». Эту новую эволюцию можно было уже отметить на жевенском конгрессе Интернационала в 1873 г., отчет которому от имени генерального совета по-прежнему звучал бодро и утешал участников тем, что союзу остались верными наиболее прогрессивные страны с сильным рабочим движением, позволявшим тамошней социал-демократии, не отказываясь от работы в профессиональных организациях, превращаться в политические партии, тогда как в отколовшихся странах рабочие обрекли себя на политическое бессилие. В этих обстоятельствах, в осознанной рабочими разных стран и их вождями необходимости борьбы при помощи национальных политических партий и заключалась причина того, что вслед за великим расколом 1872 г. произошло, кроме сектантского дробления отколовшихся, и распадение «единой вселенской церкви социализма» на отдельные национальные церкви, в большей или меньшей чистоте сохранявшие общее учение. В 1876 г. Интернационал и формально признал себя упраздненным.

«Международное общество рабочих», таким образом, просуществовало всего двенадцать лет (1864—1876), период времени, который войной 1870—

¹ От *лат.* *secession* — отпадение, уход, отступничество. — *Прим. ред.*

² См. об этом ниже, в гл. IX.

³ См. ниже, гл. VIII.

1871 г. и коммуной делится на две неравные части. Зародыши раскола были созданы еще отношениями конца шестидесятых годов, и тогда же стала намечаться будущая форма национальных рабочих партий под знаменем социализма, тогда же как предприняты были и правительственные гонения на Интернационал. После коммуны все это обострилось, и процесс разложения пошел довольно быстро. Самоупразднение Интернационала в 1876 г. было только похоронами того, что уже раньше было трупом. Какие были результаты его существования? Он исчез, говорят одни (например, Сеньобос), не дав решительно никаких положительных результатов: основанный для достижения социальных преобразований путем международного соглашения, он только напугал правительства и общество, став вместе с тем последним опытом устройства международной партии революции. Это совершенно верно, что попытка образования международной партийной организации окончилась неудачей, т. е. дала отрицательные результаты, но, с другой стороны, через большее или меньшее участие в Интернационале прошли социалистические кружки, организации и партии отдельных стран и из этого общения вынесли весьма многое для последующего развития социализма в этих странах. Как единое целое, Интернационал распался, но распался не бесследно, а на целый, если можно так выразиться, ряд национальных «Интернационалов», беря последнее выражение для обозначения не международной, а той идеи, которая составляла сущность Интернационала, когда он ставил задачу образования независимых рабочих партий для самостоятельного участия в политической борьбе. Само образование таких партий делало единый и централизованный Интернационал даже невозможным, хотя самостоятельность национального развития в социализме не устранила возможности и в следующем историческом периоде международных съездов и без объединяющей их организации.

В сущности, с прекращением Интернационала не исчезли совсем попытки снова наладить какое-либо правильное общение между социалистами разных стран. Их было несколько, большей частью неудачных, и только в 1889 г. во время всемирной выставки в столетний юбилей Французской революции, в день национального праздника, 14 июля в память разрушения Бастилии собрался в Париже «международный социалистический рабочий конгресс», на котором были представлены рабочие организации двадцати государств. Таким образом, между последним женевским конгрессом Интернационала в 1873 г. и первым международным социалистическим съездом ближайшего времени протекло тринадцать лет большего или меньшего отчуждения между собой социалистов отдельных стран. Впрочем, об этом периоде речь будет еще впереди¹.

¹ См. ниже, в гл. XXIII.

VI. Борьба за утверждение республики во Франции¹

Судьбы республиканской идеи во Франции. — Причины неудачи первой и второй республик. — Деятельность республиканских партий во Франции при монархических правительствах. — Возрождение республиканизма во Франции перед войной 1870—1871 гг. — Объявление третьей республики 4 сентября 1870 г. — Главные задачи республиканской партии после сентябрьского переворота. — Состав версальского национального собрания. — Общий характер его деятельности. — Правление Тьера и агитационная роль Гамбетты. — Правление монархических партий и попытка монархической реставрации. — Септенат и политика нравственного порядка. — Конституция 1875 г. — Состав палаты депутатов и сената, выбранных в 1876 г. — Борьба президента с республиканцами. — Конфликт 1877 г. — Переход власти к республиканцам. — Общий характер третьей французской республики

4 сентября 1871 г. Франция в третий раз становилась республикой, но на первых порах эта третья республика казалась крайне непрочной², тем

¹ Вкратце история третьей республики была мной уже изложена в «Политической истории Франции в XIX в.» (1902; конец VI главы и глава VII); для настоящей главы, равно как для главы XVI, это изложение служит общей канвой. Общими обработками истории третьей республики во Франции являются: *Zévort E. Histoire de la troisième république* (1896 и след.); *Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine. 1871—1900* (труда Ганото, выходящего в свет с 1904 г., появилось пока три тома, в которых изложение доведено до 16 мая 1877 г.). Это самый осведомленный труд, о котором см. статью (по поводу III тома) Э. Гримма «Из истории первых лет третьей французской республики» («Русская мысль» за 1907 г.); *Leblond M.A. La société française sous la troisième république* (1905); *Coubertin P. de. L'évolution française sous la troisième république*; *Bloch. Le régime parlementaire en France sous la troisième république* (1905). На русском языке есть довольно полный очерк, это книга Инсарова «Современная Франция. История третьей республики» (1900). Для более позднего периода, о котором у нас идет речь в гл. XVI, см.: *Кудрин Н.Е. (Н. С. Русанов). Очерки современной Франции* (1903). Что касается до истории республиканской идеи и партии во Франции раньше установления третьей республики, то кроме устарелого сочинения Thureau-Dangin'a, притом касающегося более раннего времени, новейшими трудами являются: *Weil G. Histoire du parti républicain en France avant 1870*, книга, существующая и в русском переводе (1906); *Buisson F. La politique radicale. Etude sur les doctrines du parti radical et radical socialiste* (1908); *Tchernoff J. Histoire du parti républicain sous le gouvernement de juillet* (1902); *Он же. Associations et société secrètes sous la deuxième république* (1905); *Он же. Le parti républicain sous l'ancien régime* (1906). См. также: *Жика. Либеральная партия во Франции, ее принцип и развитие* («Слово» за 1878 г.). Кроме того, существует обширная литература об отдельных эпизодах, деятелях и т. п., указываемая ниже в соответственных местах. Здесь отметим только сочинения, касающиеся начала установления третьей республики: *Littre. De l'établissement de la troisième république*; *Marcère M. L'assemblée nationale de 1871* (1907); *Pelletan. Le 4 septembre devant l'enquête* (1874); *Andreoli. Le gouvernement du 4 septembre* (1871); *Denis S. Histoire contemporaine: La chute de l'empire: le gouvernement de la défense nationale, l'assemblée nationale* (1897—1903); *Реклю Э. Современные политические деятели* (1876).

² Отражение этой неопределенности политического положения Франции в первой половине семидесятых годов мы видим, — например, в русской литературе, — в статье проф.

более что до самого 1875 г. Франция оставалась государством без конституции. Сама эта конституция была принята лишь при таких обстоятельствах, когда сделалась совершенно очевидной невозможность во Франции той монархической реставрации, о которой хлопотали с самого 1871 г. консервативные элементы французского общества. Зато, с другой стороны, в этот третий раз республиканская форма во Франции оказалась более прочной, чем не только в первый и во второй разы, но и по сравнению с конституционной монархией Бурбонов и Орлеанов (1814—1848) и с империей Наполеона III (1852—1870).

Республиканская идея имеет во Франции длинную историю, качественно распадающуюся на периоды торжества и бессилия. Возникновение ее относится к эпохе Великой Французской революции и притом не к первому ее периоду, когда была сделана попытка превращения Франции в конституционную монархию, а уже после того, как старая династия показала нации, что между ней, династией, и свободной конституцией не может быть ничего общего¹, хотя, с другой стороны, еще до крушения, в 1792 г., монархической конституции 1791 г. во Франции большой популярностью пользовалась — республиканская по самому существу своему — идея народовластия, да и сама конституция 1791 г., как известно, лишь по форме была монархической, по существу же республиканской. На деле Франция в эпоху крушения старого порядка и перехода в новую форму политического и социального бытия была страной глубоко монархической, и лишь ошибки, чтобы не сказать преступления, представителей старой власти толкнули нацию на путь республиканского развития. Первая республика во Франции была созданием исключительных обстоятельств, переживавшихся страной, против которой начали войну другие державы и которой изменяло, в союзе с внешними врагами, ее собственное правительство. Можно даже сказать, что это была республика без республиканцев. Представители прежних привилегированных сословий были врагами революции, приведшей к республике, и отождествляли свое дело с делом монархии, которая, главным образом, и погубила-то себя союзом своим не только с внешними врагами, но и с защитниками старого порядка. В буржуазии, наиболее выигравшей от революции, равным образом очень были сильны монархические традиции, а главным было то, что когда республика стала принимать слишком демократический характер, в буржуазии стала усиливаться роялистическая реакция, против которой само существование республики приходилось отстаивать уже прямо воен-

Герье «Республика или монархия установится во Франции?», помещенной в т. III «Сборника государственных знаний» под ред. В. И. Безобразова (1875 г.).

¹ В настоящее время лучший труд для истории возникновения республиканской идеи во Франции, несомненно, «Политическая история Французской революции» Олара.

ной силой¹. Нечего говорить, что еще менее могла пустить корни идея республики в крестьянской массе, волновавшейся не столько по политическим, сколько по социальным причинам и успокоившейся после того, как конвент летом 1793 г. окончательно ликвидировал последние остатки феодализма. Если и был во Франции конца XVIII в. общественный класс, некоторое время поддерживавший республику, то это были низшие слои городского населения, мелкая буржуазия и пролетариат, но и здесь скоро началась реакция — реакция разочарования, когда оказалось, что республика не осуществила возлагавшихся на нее надежд. Убежденные и деятельные республиканцы в эпоху первой революции составляли, по сравнению с многомиллионным населением страны, лишь незначительную горсточку, в которой притом не было единства и отсутствовали настроения и навыки политической свободы. Еще более требования и условия свободы понимались жирондистами, но они были побеждены и истреблены якобинцами, среди которых вслед за этой победой началось дальнейшее самоистребление. С другой стороны, в этой борьбе победителями оказывались люди, которые менее всего обнаруживали склонности к тому, чтобы править государством, осуществляя всей своей политикой принципы свободы. Якобинский режим был не республикой, а революционной диктатурой, которая тем более пользовалась успехом, что соответствовала старому, привычному отношению населения к центральной власти и, кроме того, оправдывала себя необходимостью сосредоточения всех сил страны в руках единой власти для более деятельной и действительной обороны Франции от иноземного врага. Якобинская диктатура не могла создать свободного политического строя: она лишь подготовила наступление другой диктатуры, диктатуры военно-цезаристской, нашедшей потом опору во всех элементах общества, которые по тем или другим причинам были недовольны якобинской республикой². Наконец, не нужно забывать и того, что главным орудием революционной диктатуры якобинцев был возведенный в систему террор: и это тоже немало содействовало дискредитированию самого имени республики в последние годы XVIII и первые годы XIX в., да и долгое время спустя.

Таковы были, в общих чертах, причины непрочности первой республики во Франции. После переворота 18 брюмера Франция только по имени оставалась республикой, ибо ее первый консул, будущий император, в сущности, уже был монархом. Приблизительно таковы же были причины непрочности и второй республики. Во Франции в середине XIX в. продолжали еще существовать влиятельные и сильные численностью общественные классы, проникнутые монархическими традициями

¹ Здесь имеются в виду преимущественно события 13 вандемьера и 18 фрюктидора.

² См. о якобинском режиме и о реакции, приведшей к падению республики, т. III, последние четыре главы.

и усматривавшие в республике прямую опасность для их интересов. Этими классами были землевладельческое дворянство и католическое духовенство, господствовавшие в эпоху Реставрации и оттертые от власти июльской революцией, которая выдвинула на первый план в политической жизни крупную буржуазию. После февральской революции эти два класса стали снова играть роль, и в одном, консервативно-монархическом, лагере очутилось тогда и крестьянство, напуганное толками о социальных требованиях городских рабочих и недовольное повышением налогов. Наиболее влиятельный класс времен июльской монархии, крупная буржуазия, равным образом, далеко не была республиканской: сама февральская революция, низвергшая июльский трон и провозгласившая республику, была, как революция глубоко демократическая, направлена против этого класса, и если даже он мог помириться с заменой монархии республикой, то его страшили, — как это было и в конце XVIII в., — требования демократии и, в особенности, красный призрак социализма, под знамя которого стали в 1848 г. городские рабочие¹. В середине XIX в. классовая борьба приняла прямо и более острый, и более явный характер, чем в исходе предыдущего столетия. Антидемократическая реакция получила в эпоху второй республики резко антиреспубликанский оттенок, и «второе декабря» Наполеона III имело корни своего происхождения — и своего успеха вместе с тем — в таких же социальных условиях, какие создали как саму возможность, так и благоприятный исход «восемнадцатого брюмера» Наполеона I.

К этим указаниям на общие причины неудачи двух первых республик во Франции нам здесь необходимо было обратиться ввиду того, что и при основании третьей республики в стране существовали и проявляли свои классовые особенности те же самые социальные элементы, т. е. крайне реакционно настроенные крупные землевладельцы и духовенство, консервативное крестьянство, испуганная буржуазия и городская демократия, желавшая, чтобы новая форма правления дала ей и большее значение в государстве, и возможность улучшения ее материального быта. Другими словами, третьей республике во Франции приходилось преодолевать те же препятствия, которые стояли на пути осуществления республиканской идеи в конце XVIII и в середине XIX в. В обоих последних случаях, конечно, многое в судьбе республиканских попыток объясняется и тем, что собой представляли и как себя вели, к чему стремились и как действовали люди, желавшие введения в своем отечестве республиканского строя: их численность, степень их сознательности, настойчивости, организованности, умелости и т. п. играли не последнюю роль в истории всех попыток установления во Франции республики.

¹ Т. V. Гл. XX и XXIV.

Каждый раз крушение республики, т. е. и перед первой империей, и перед второй, сопровождалось полным разгромом республиканских партий и ослаблением самих республиканских симпатий и тенденций в обществе. Вторая республика сделалась возможной после первой только через полстолетия, третья — после второй через без малого два десятилетия. Промежутки были наполнены царствованиями пяти государей, конечно, всячески боровшихся со всем, что только сколько-нибудь напоминало республику. Правительственной репрессии соответствовала и шла рядом с ней и общественная реакция против республиканизма. Очень долгое время воспоминание о терроре определяло собой взгляды весьма многих на Французскую революцию, на первую республику. Режим Наполеона I был крайне неблагоприятен для каких бы то ни было проявлений стремления к политической свободе. При падении первой империи никто не думал о восстановлении республики, и даже те старые республиканцы, которые уцелели до этого времени, не изменив своим убеждениям, относились к симпатичному для них политическому строю совершенно платонически, считая более целесообразным вместе с конституционалистами поддерживать хартию 1814 г.¹ Эпоха Реставрации была крайне враждебно настроена по отношению к республиканцам, и знаменитая «бесподобная палата» прямо осудила всех бывших членов конвента на изгнание, как «цареубийц». Сами либералы эпохи Реставрации далеко не были ни демократами, ни республиканцами. Правда, отдельные лица в их среде, вроде Лафайета или Дестю-де-Траси, слыли за республиканцев, но они лишь в принципе признавали этот образ правления, думая на деле, что осуществление его возможно лишь в очень отдаленном будущем. Если где в первые годы Реставрации можно было встретить людей, веривших в более близкую возможность республики, то это была среда учащейся молодежи. Из этой среды выходили, главным образом, члены многочисленных тайных обществ, мечтавших о насильственном низвержении Бурбонов в первое десятилетие Реставрации, но в этих организациях более видную роль играли наполеонисты и орлеанисты, думавшие лишь о перемене династии. Когда с 1824 г. политическая оппозиция правительству Бурбонов бросила путь заговоров, как не ведущий к цели, республиканское направление скоро как бы совсем исчезло во Франции, и лишь к самому концу Реставрации началась теоретическая разработка и литературная пропаганда республиканских идей.

Во всяком случае, однако, в 1830 г., когда вспыхнула июльская революция, республиканцы представляли собой силу слишком незначительную, чтобы направить ход событий в желательную сторону. Они ограничились составлением особого манифеста, требовавшего созыва учредительного

¹ Подробности для дальнейшего см. в кн.: *Вейль Ж.* История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. (русский перевод 1906 г.).

собрания, но не имели в распоряжении никаких средств осуществить свою программу, на которую потом и ссылались, как на важный политический документ, сторонники республики в эпоху июльской монархии. После того, как сам Лафайет высказался за сохранение монархии, они не решились настаивать на своем и примирились с совершившимся фактом воцарения Людовика-Филиппа. Но это примирение было только временным, и эпоха июльской монархии, на самом деле, была временем расцвета в сознании французской интеллигенции республиканских идей. Новое, постепенно нараставшее настроение имело преимущественно романтический и патриотический характер: это были идеализация республики, как осуществления гражданской доблести, и преклонение перед конвентом, спасшим Францию от иноземного нашествия и создавшим ее военную славу. Великая Французская революция в свой республиканский период сделалась для молодых поколений источником вдохновения и поучения. В низвержении Карла X видели победу народовластия над легитимностью, а то обстоятельство, что этой победой Франция была обязана «святой черни», поднимало в глазах республиканцев народную массу, настраивало ее демократически, толкало ее на путь пропаганды республики среди рабочих и приводило к мысли, что одной из целей республики должно быть улучшение положения народа. Здесь не место давать общую характеристику демократических стремлений и движений во Франции во времена Июльской монархии¹ и следует только отметить, что в эту эпоху стали все более и более интересоваться Французской революцией, что в ее понимании прежняя «буржуазная» точка зрения Тьера и Минье заменилась демократической — у Бюшеза, у Мишле, у Луи Блана и др., что республиканизм начал все более и более проникаться социальным духом² и что сама Французская революция получала теперь социалистическое истолкование (у Бюшеза и Луи Блана), хотя, с другой стороны, рядом с социальными демократами оставалось еще немало и демократов чисто политических. На первых порах республиканцы начала тридцатых годов, по примеру всей вообще оппозиции второй половины двадцатых годов, следовали совету своих старых вождей ограничиваться одной легальной пропагандой демократических идей, не устраивая никаких заговоров, не предпринимая никаких восстаний, но очень скоро они начали переходить к настоящей революционной деятельности, вдохновляясь историческими примерами 14 июля 1789 г. или 10 августа 1792, равно как свежим примером трех июльских дней, низвергнувших с престола легитимную династию. На помощь к молодым республиканцам, большей частью из студенческой и рабочей среды (из последней, впрочем не сразу, а позднее) явились разные конспираторы предыдущей эпохи, и во Франции снова началась полоса тайных

¹ Т. V. Гл. XIII и XIV.

² Т. V. Гл. IX и XIII.

обществ, заговоров, покушений и восстаний. Хотя в начале тридцатых годов республиканскую партию составляли лишь несколько сот очень молодых людей, без средств и прочной организации, однако решительность и смелость ее выступлений заставили и власти, и правящие классы обратить на деятельность этой молодежи серьезное внимание, как на нечто весьма опасное. Против революционеров был предпринят ряд процессов, во время которых скамья подсудимых превращалась в политическую трибуну для пропаганды программы партии, несмотря на то, что это только ухудшало положение подсудимых и увеличивало сроки тюремных заключений. Другим способом распространять в обществе свои идеи были для республиканцев, разумеется, также брошюры и газеты, нередко подпольные. Постоянные ссылки демократов на 1793 г. пугали более мирно настроенные общественные элементы, но легитимисты и бонапартисты были не прочь помогать революционерам в расчете на то, что новый переворот, в конце концов, послужит только прелюдией к восстановлению легитимной монархии или империи. По мере того, как демократическое движение усиливалось, правительство относилось к нему все строже и строже: республиканцев сажали в тюрьмы, и многие из них, чтобы избавиться от тюрьмы, эмигрировали за границу в Бельгию, в Англию, в Швейцарию. Только после разгрома республиканцев за неудачной попыткой восстания, сделанной в 1839 г., — восстания, в котором уже играли видную роль революционеры из парижских рабочих, партия оставила путь конспираций и инсurreкций и занялась мирной пропагандой своих идей в периодической прессе. К этому же времени и в палате депутатов образовалась небольшая демократическая группа, впрочем, не очень-то верившая в скорую осуществимость республики. Вообще после целого ряда неудач, которые пришлось претерпеть партии, многие ее члены готовы были примириться с монархией, лишь бы она только изменила свою политику, а среди непримиримых республиканцев было вообще сильно мнение, что не следует соединяться с другими оппозиционными элементами для достижения общих целей, чем эти люди сами обрекали себя на бездеятельность. Мало того: когда готовились события, приведшие к февральской революции, вожди республиканцев делали усилия с целью предотвращения взрыва, так что переворот, кончившийся провозглашением республики, не только не был прямо подготовлен революционерами, но даже поразил их своей неожиданностью, когда же дело началось и остановить его оказалось невозможным, они не без тревоги смотрели на то, что из этого выйдет.

Февральская революция действительно застала республиканцев врасплох, и среди них не могло даже образоваться вполне внутренне солидарное, однородное временное правительство. Партии (или, вернее, партиям), стремившейся к установлению республики, не удалось создать

прочное государственное устройство на основе народовластия как вследствие и разного понимания самими республиканцами целей нового строя, и многих допущенных ими тактических ошибок, так и недоверия или враждебного отношения к республике со стороны многочисленных и влиятельных элементов общества. Одна из отрицательных черт республиканизма 1848—1852 г. заключается в его своеобразном доктринерстве, заставлявшем многих и притом не последних деятелей этой эпохи прямо подражать монтаньярам¹ 1793 г. Созданием конституции 1848 г. сами республиканцы вырыли могилу для нового строя, и когда в декабре 1848 г. в президенты республики был выбран будущий Наполеон III, возглас «Да здравствует республика!» получил снова чуть не мятежное значение, во всяком случае, оппозиционный смысл. Если июньские дни 1848 г. были разгромом социализма и пролетариата, то в июне следующего года были разгромлены и сами вожди республиканской партии: одни из них были рассажены по тюрьмам, другие, кто куда успел, бежали в Бельгию и в Англию², а «второе декабря» и окончательно добило партию, члены которой одни только и решились оказать сопротивление узурпации власти президентом республики. Что пропаганда этой партией республиканской идеи все-таки успела до некоторой степени расположить в пользу республики даже некоторую часть деревенского населения, доказывается несколькими восстаниями в департаментах против государственного переворота 2 декабря.

В 1848—1852 гг. целая масса французских республиканцев и между ними наиболее видные вожди бежали или самим правительством были высланы за границу, и многие из них впоследствии, когда Наполеон III объявил амнистию, не захотели возвратиться на родину, пока в нее не вернулась свобода, и продолжая на чужбине вести борьбу с узурпатором путем печатного слова. Республиканцев, оставшихся на родине, правительство донимало полицейским надзором и обысками, высылками и ссылками, арестами и тюрьмой. Высказываться в печати республиканцам было почти совершенно невыносимо. Профессора и учителя, отказывавшиеся принести присягу Наполеону III, лишались своих мест. Особенному правительственному надзору были подчинены студенты и рабочие, среди которых наиболее распространялись республиканские взгляды: с этой стороны постоянно опасались всяких республиканских манифестаций. Торжеству цезаризма отчасти содействовала сама демократическая оппозиция, решившая следовать политике воздержания от голосования на выборах в за-

¹ Название мелкобуржуазной партии «монтаньяры» (montagnards) происходило от французского слова *montagne* — «гора». «Партией Горы» назывались их предшественники — революционно-демократическая группа депутатов в конвенте во время Великой французской революции 1789—1794 гг., занимавшая верхние скамьи в зале заседаний. — *Прим. ред.*

² Речь идет о попытке 13 июня 1849 г.

конодательный корпус. Лишь к концу пятидесятых годов эта тактика самоустранения, грозившая партии перспективой полного забвения страной, была оставлена, но и не сразу был решен вопрос, могут ли республиканцы, выбранные в законодательный корпус, в нем заседать: от них потребовали бы присяги на верность императору, а потому не лучше было бы явиться лишь для того, чтобы торжественно мотивировать свой отказ от принесения присяги? Когда вождями партии последнее было отвергнуто, в законодательном корпусе образовалась знаменитая «пятерка» (*les cinq*) республиканских депутатов — группа, в состав которой входили Жюль Фавр, Эмиль Оливье, Пикар, Даримон и Энон. Вся задача «пятерых», как сами они ее понимали, заключалась единственно в том, чтобы выяснять неудобстваличной власти и обнаруживать отдельные злоупотребления, не делая резких нападков на империю, которые были бы и невозможными в собрании, наполненном раболепными бонапартистами. Мало-помалу, особенно после того, как амнистия 1859 г. вернула из-за границы многих республиканцев, морально поддерживавших депутатов своей партии, значение «пятерых» стало основываться на том, что эта группа сделалась для нации единственной выразительницей независимого мнения среди собрания, состоявшего из креатур власти.

К началу шестидесятых годов, как известно, во Франции началось некоторое ослабление политического гнета. Около этого времени вступало в общественную жизнь новое поколение республиканцев, большей частью молодые адвокаты, группировавшиеся сначала вокруг некоторых членов «пятерки», потом образовавшие свой собственный кружок, в состав которого входили будущие знаменитости партии Флоке, Гамбетта¹, Ферри². Перебиваясь мелкими делами в судах и разной литературной работой, они очень ревностно посещали заседания законодательного корпуса и даже сделались известными публике, как «слушатели законодательного корпуса», по кличке, им данной некоторыми газетами, Гамбетта же сверх того прославился еще в роли талантливого и горячего спорщика, собиравшего около себя всегда большую толпу в посещаемой им кофейне (*café Procope*).

¹ О Гамбетте см. анонимную книгу, касающуюся 1869—1871 гг. (1879), и книги Laffitte (1879), A. Barbou (1879), Jos. Reinach (1887), Bertol-Graivil et Plantié (1883), Desmarests (1882), Depasse, H. Thurat (1883) и др. *Sirven*. Gambetta et Chambord (1883). Для понимания политики Гамбетты и его партии дает много книга Nanotaux «Hist. de la France contemporaine»: «sur Gambetta, — говорит он сам в предисловии ко второму тому (с. VII), — et sur le parti qu'il dirigeait j'ai obtenu ou recueilli des renseignements confidentiels ou traditionnels. Le premier, peut-être, j'ai tenté un exposé de la doctrine et du système». Кое-что о Гамбетте можно указать и в русской литературе: Николадзе Н. Луи Блан и Гамбетта («Отечественные записки» за 1883 г., январь). Утин Е. Гамбетта («Вестник Европы» за 1892 г., ноябрь и декабрь); Тарле Е. Гамбетта и его место в истории третьей французской республики («Мир Божий» за 1901 г., октябрь и ноябрь). Издания речей Гамбетты: *Gambetta L. Discours et plaidoyers* (1881 и след.). *Discours et plaidoyers choisis* (в одном томике). Ср. также отмеченную выше кн. von der Golts'a.

² *Ram baud A.* Jules Ferry, 1832—1893.

В то же время другие молодые люди, большей частью еще студенты, также будущие знаменитости республиканской партии (например, Клемансо) пописывали в эфемерных газетках, издававшихся республиканскими деятелями без разрешения, как чисто литературные, но очень скоро превращавшихся в политические и вызывавших против себя репрессии. Некоторые из их памфлетов имели большой успех даже при малых литературных достоинствах, если только чем-нибудь задевали империю, хотя бы и индифферентно только. Между этой молодежью были представители и крайних мнений, мечтавшие о тайных обществах, заговорах и восстаниях, вроде газетного корректора Ранка, рано прославившегося бегством из одной тюрьмы. Из той же среды молодых писателей вышел и будущий деятель коммуны Жюль Валлес¹, нападавший на оппозицию законодательного корпуса за ее умеренность. Политическое настроение молодых республиканцев шестидесятых годов характеризует немало и тот интерес, с каким они предавались изучению Французской революции, интерес, переходивший чуть не в культ отдельных ее деятелей: так, Гамбетта восторгался Дантоном, тогда как другие (например, Гамель) преклонялись перед якобинцами и их вождями Робеспьером и Сен-Жюстом²; большим поклонником монтаньяров был и Флоке. Революция вообще была в глазах республиканцев той эпохой, к которой нужно постоянно обращаться с целью поучения и вдохновения. Изучением ее истории утешал себя в изгнании Луи Блан, в 1862 г. окончивший свой труд, первый том которого вышел в свет в 1847 г. В нем он оставался верен якобинской традиции, оживлению которой перед 1848 г. немало содействовал началом своего труда, тогда как, наоборот, жестокими критиками якобинизма выступили Токвиль и Кинэ.

Со старыми и молодыми республиканцами повторилась вечная история «отцов» и «детей», история взаимного непонимания, на этот раз принявшего даже особенно крупные размеры. Республиканцы сорок восьмого года были спиритуалистами и идеалистами, верили в существование Бога и в бессмертие души, в прекрасные качества человеческой природы, в бескорыстную любовь к свободе, тогда как на республиканцах шестидесятых годов уже сказывалось влияние более новой, по существу своему реалистической философии позитивизма, материализма и агностицизма, причем и взгляд на человеческую природу был у них менее возвышенный, но зато более трезвый³. На Гамбетте, в частности, весьма заметно влияние Конта и Литтре⁴; даже свой взгляд на Дантона, как на главную творческую

¹ Ср.: *Richepin J. Étapes d'un refractaire* (1872).

² Из той же группы вышел и Шассен, автор книги «*Le génie de la révolution*».

³ Об этом умственном перевороте середины XIX в. вообще см. т. V.

⁴ Нанотaux (II, 53) о нем говорит: «sa tendance est positiviste» etc... «Il croit fortement à l'avenir philosophique, moral et même religieux de la science». Он называет его «современником Ренана и Тэна» и говорит, что он прислушивался к идеям Ламарка и Дарвина. У Ганото был

силу конвента, он заимствовал у этих писателей. Кроме французских мыслителей реалистического направления, молодые республиканцы читали в переводах и Дарвина, и Фохта, и Бюхнера, и Молешота. Старшее поколение огорчалось новым направлением молодежи, в свою очередь, считавшей стариков отсталыми. Менее было разногласий между двумя поколениями в области теоретической политики, в частности же, некоторые молодые особенно восприняли идеи таких стариков, как вечный заговорщик Бланки. Нельзя также не отметить здесь сильного влияния, оказанного на Гамбетту Прудоном, который, как думают, наиболее содействовал отдалению Гамбетты от модного в то время среди республиканской молодежи якобинизма. Зато старые и молодые решительно расходились между собой по главному вопросу практической политики. Наиболее строгие представители идей 1848 г. были ярыми противниками поведения «пятерых», слишком почтительного по отношению к правительству, но молодые обнаруживали в этом вопросе большую покладистость, бывшую предвестницей будущего оппортунизма. Более молодые еще поколения в студенчестве высших школ тоже проникались в шестидесятых годах оппозиционным республиканизмом, находившим нередко внешнее выражение в разных демонстрациях, враждебных империи, когда, например, даже гимназисты (lucéens) устроили овацию сыну генерала Кавеньяка, отказавшемуся принять из рук императорского принца награду на общей раздаче кончившим курс ученикам. О том, что среди рабочих в шестидесятых годах сильно были распространены республиканские и социалистические воззрения, уже было сказано в другом месте.

Оппозиционное настроение вообще постепенно усиливалось в шестидесятых годах, кроме Парижа, и в других больших городах. На выборах 1863 г. все депутаты столицы, кроме одного Тьера, оказались принадлежащими к республиканской партии: были переизбраны четверо прежних (все, кроме Энона) и четверо новых, да сверх того во всех больших городах и почти во всех городах с населением не менее 40 тысяч большинство оказалось за оппозицией, хотя и не всегда республиканской. Из новых парижских депутатов в 1863 г. особенно выдвинулся Жюль Симон¹, расставшийся с профессорской кафедрой в Сорбонне из-за отказа присягнуть империи. В законодательный корпус попали даже члены временного правительства 1848 г. Мари, Гарнье-Пажес и Карно (последние два по дополнительным выборам 1864 г.). К этому времени относится и выработка республиканцами программных требований партии, причем, сравнительно с эпохой Июльской монархии, когда демократы были вместе с тем и ярыми централистами, новое течение политической мысли приводило к тре-

в руках экземпляр книги Эспинаса об обществах животных, «*minutieusement annoté de la main de Gambetta*».

¹ *Séché L. Jules Simon, sa vie et son oeuvre* (1887).

бованию децентрализации. В конце шестидесятых годов само правительство, как мы знаем, пришло к осознанию необходимости либеральных реформ, прежде всего дав облегчение печати и дозволив публичные собрания. Республиканцы разных оттенков тотчас же воспользовались новым законом о печати, основав ряд периодических изданий для пропаганды и защиты своих программ. В этом республиканизме конца шестидесятых годов было два оттенка: осторожно-умеренный с очень слабым интересом к вопросам социального характера и революционный с социалистическими, хотя и очень неопределенными стремлениями. Политическая сатира в эти же годы приобрела такого видного представителя, каким был издатель «Фонаря» Рошфор¹. Вместе с тем начались общественные манифестации, главным предметом которых было осуждение переворота 2 декабря. Еще в 1865 г. Пикар в заседании законодательного корпуса решился крикнуть, что «второе декабря преступно»; через три-четыре года протесты против государственного переворота делаются явлением довольно обычным. Один из таких протестов представляла собой замечательная речь Гамбетты на затеянном правительством процессе по поводу открытия подписки на памятник депутату Бодену, бывшему одной из жертв государственного переворота 2 декабря. Оратор поставил вопрос, дозвоительно ли под предлогом общественной безопасности нарушать законы и наказывать их защитников, и дал блестящую характеристику государственного переворота, который совершили-де люди без чести и совести, обремененные долгами и преступлениями. Речь произвела сенсацию, но Гамбетта скоро заставил говорить о себе и другим своим выступлением. Республиканцы с особой энергией готовились к законодательным выборам 1869 г. и, где только могли, выставляли свои кандидатуры. Революционная фракция, недовольная тактикой парижских депутатов, всячески старалась дискредитировать таких деятелей, как Жюль Фавр, Гарнье-Пажес, Карно, Мари и др., требуя, чтобы народ послал на их места настоящих демократов, а не этих «буржуазных либералов», вступающих в коалицию с монархистами. И среди умеренных республиканцев молодой генерации нашлось несколько человек, бывших не прочь занять места прежних республиканских представителей Парижа. К числу таких молодых деятелей принадлежал, между прочим, и Гамбетта, выставивший свою кандидатуру в Бельвилльском округе Парижа против кандидатуры старой республиканской знаменитости, Карно, который оказался вынужденным уступить место своему более удачливому сопернику. Постановка кандидатуры Гамбетты сопровождалась выработкой подробной республиканской программы, получившей название бельвилльской. Программа эта отличалась большим радикализмом, и главными ее пунктами были широкое применение

¹ Ср.: *Кин Н.* Анри Рошфор и его «Фонарь» («Отечественные записки» за 1868 г.).

всенародного голосования, уничтожение сената, отделение церкви от государства, уничтожение постоянной армии, установление всяких свобод — личности, слова, печати, собраний, союзов, введение всеобщего, обязательного, дарового и чисто светского начального образования, да кроме того, в программе глухо упоминалось и о «социальной задаче», решение которой программа «почти целиком» подчиняла, однако, политическим преобразованиям. В законодательном корпусе Гамбетта, а из новичков с ним и Ферри, победивший на выборах одного из старых республиканских депутатов, проявили большую сдержанность и шли за более опытными товарищами прежних призывов. Под влиянием роста оппозиции Наполеон III, как известно, начал в первых числах января 1870 г. эру либеральной империи, образовав министерство Оливье. Некоторые пророчили, что после новых выборов (т. е. в 1876 г.) Франция, пожалуй, будет видеть министрами Жюль Фавра и Пикара. К новому министерству Гамбетта даже обратился с таким заявлением: «Вы — тот мост, по которому мы переходим от республики 1848 г. к будущей республике». И Париж, и провинции пришли в движение. Начались враждебные империи уличные демонстрации, заговоры, попытки восстания, за которыми следовали всякие репрессии, аресты и политические процессы. В это-то тревожное время правительство и предложило свой знаменитый плебисцит, к которому республиканцы отнеслись крайне отрицательно. Сама идея обращения к народу оспаривалась ими с трибуны, Гамбетта же доказывал, что необходимым последствием плебисцита была бы только республика. По вопросу о том, как голосовать при плебисците, мнения республиканцев разделились: одни советовали подавать пустые бюллетени, другие стояли за подачу отрицательных ответов, но о значительности оппозиции свидетельствует то обстоятельство, что отрицательных голосов было подано более полутора миллионов при одной сотне тысяч с лишком пустых. Эти оппозиционные бюллетени подавались в городах, в которых именно таких бюллетеней иногда было большинство. Так как силу республиканской оппозиции составляли городские рабочие, в значительном количестве принадлежавшие к Интернационалу, — который в одной прокламации приглашал рабочих к спокойствию, предсказывая о близком и неизбежном падении империи, — то правительство и решило расправиться с этой рабочей организацией. На процессе вожаков Интернационала в июне 1870 г. подсудимые, как один человек, говорили о своем республиканизме.

Одним словом, в 1870 г. республиканская партия во Франции переходила в наступление, но, конечно, трудно сказать, чем окончилась бы ее борьба с империей, если бы Наполеон III не начал злополучной для себя войны с Пруссией. В памятных заседаниях законодательного корпуса, решавших вопрос о войне, республиканцы (в их числе Гамбетта и Жюль Фавр) тщетно пытались внести спокойствие и осмотрительность в дебаты:

их прямо не хотели слушать составлявшие большинство собрания приверженцы империи. Известия о поражениях французской армии, приходившие в Париж, ставили перед республиканской левой вопрос о низвержении империи вотумом самого законодательного корпуса, между тем как революционные элементы парижского населения стремились произвести то же самое посредством восстания, неудачная попытка которого и была совершена 14 августа Бланки. Еще несколькими днями раньше (9 августа) Жюлем Фавром было сделано предложение образовать из членов законодательного корпуса исполнительную комиссию с самыми широкими полномочиями. Предложение было отвергнуто большинством собрания, но само внесение его на обсуждение последнего показывало, что с правительством не церемонились. Впрочем, республиканцы сами пока еще не стремились к власти и намечали в члены комиссии не-республиканцев. Когда в Париж пришло известие о Седане, они решили отменить регентство императрицы и вручить исполнительную власть старику Тьеру. Последний после некоторых переговоров с вождями республиканцев согласился на это предложение под условием выбора особой комиссии, в состав которой вошел бы и он, но бонапартистское большинство законодательного корпуса сначала отложило решение вопроса до следующего заседания, да и потом все еще продолжало колебаться. Между тем уже 3 сентября толпа народа перед зданием законодательного корпуса кричала: «Да здравствует республика!», и вечером того же числа начинались было в двух местах города уличные беспорядки. На другой день, 4 сентября, толпа перед собранием и публика в нем самом уже настойчиво требовали низложения империи и объявления республики. Пока депутаты никак не разрешали поставленного им республиканцами вопроса, народ проник в саму залу заседаний, после чего вожди левой сами, наконец, провозгласили низложение Наполеона III и отправились в ратушу объявить введение республиканского правления. Они перед этим не только не думали о том, чтобы взять на себя бремя правления, но даже и объявления республики хотели достигнуть вотумом представителей народа, а не революционным выступлением самого народа, — в каковом смысле и обращался к толпе пользовавшийся уже в это время большой популярностью Гамбетта, — но нерешительность других партий в законодательном корпусе дала совершиться низложению империи уличной толпой. Дальнейший вопрос заключался в том, какая республика должна была установиться во Франции, та ли, которая была в мыслях Гамбетты и Жюля Фавра, или та, к которой стремились такие деятели республиканской партии, как Бланки или Делеклюз, — вопрос, аналогичный тому вопросу также о двух республиках, который поставило перед Францией 24 февраля 1848 г.

Революция 4 сентября 1870 г. была повторением революций 10 августа 1792 г. и 24 февраля 1848 г.: империя Наполеона III была низвергнута вы-

ступлением парижского населения, как были такими же выступлениями народа низвергнуты монархии Людовика XVI и Людовика-Филиппа, как 30 июля была еще низвергнута и монархия Карла X — только в пользу не республики, а другой династии. Франция, привыкшая повиноваться Парижу, и на этот раз последовала его примеру: нигде никто не выступил на защиту Наполеона III или его сына. Не нужно, однако, думать, что в 1870 г. республиканцы существовали только в одном Париже. Несмотря на все репрессии со стороны властей, к концу шестидесятых годов республика имела уже немало сторонников в других больших городах. Их было довольно много в Лионе, где, кроме того, с 1865 г. существовала среди рабочих секция Интернационала. Лионские республиканцы относились, правда, к этой секции неблагосклонно, будучи недовольны, что от них, благодаря ей, ускользает влияние на рабочих, и опасаясь, что ее социалистический характер только будет отпугивать буржуазию от республики. Движение в Лионе было настолько значительно, что в начале сентября 1870 г. парижские республиканцы боялись, как бы Лион не опередил Париж в провозглашении республики. В Марселе тоже существовала республиканская партия, в которой даже с большим, чем в Лионе, единодушием участвовали и буржуазия, и рабочие. К числу центров республиканского движения принадлежал и Бордо. На успехи республиканской идеи в провинции указывали как законодательные выборы 1869 г., так и более полутора миллиона «нет» при плебисците 1870 г. Замечательно, между прочим, что в больших центрах в 1869 г. более старым республиканцам и вообще прежним депутатам предпочли более молодых и новых. Так, в Марселе вместо Мари был выбран благодаря союзу республиканцев и рабочих Гамбетта, а в Лионе Жюль Фавра сменил Распайль, как в Бордо выбрали Жюль Симона. Только в деревнях дело обстояло для республиканцев хуже: здесь неизменно проходили официальные кандидаты, да и семь миллионов с лишком плебисцитных «да» в значительной мере были деревенского происхождения. Единственным исключением, только подтверждавшим именно своей исключительностью общее правило, было избрание в 1868 г. на дополнительных выборах в одном чисто сельском округе старого республиканца Жюль Греви, одного из будущих президентов Третьей республики, — случай, возбудивший много толков и заставивший некоторых республиканцев серьезно подумать о возобновлении пропаганды в деревнях, какая не без успеха уже велась в 1850—1851 гг.¹ Политическое брожение в Париже в первых месяцах 1870 г., равным образом, не осталось без отзыва в некоторых городах, каковы Марсель, Монтобан и др.

¹ Эту идею особенно развивал Эжен Тэно, автор книг «Провинция в декабре 1851 г.» и «Париж в декабре 1851 г.». Появление последней в 1868 г. произвело сильную сенсацию в обществе и немало содействовало нарастанию республиканского настроения.

Переворот 4 сентября поставил у власти наиболее видных представителей республиканской партии. Правительство национальной обороны образовали именно такие люди, как Араго, Кремье, Жюль Ферри, Жюль Фавр, Гамбетта, Гарнье-Пажес, Пикар, Жюль Симон, Рошфор (примкнувший позднее) и др., — все или старые республиканские имена 1848 г., или новые знаменитости вроде Гамбетты и Рошфора. В другой связи уже было сказано, как справилось это временное правительство с той задачей, от которой оно получило свое название «национальной обороны». Наследство, оставленное второй империей третьей республике, заключалось не в одной легкомысленно начатой войне, с первых же дней принявшей для Франции несчастный оборот. Режим Наполеона III не только довел нацию до внешней катастрофы 1870—1871 гг., но и страшно ее деморализировал общим направлением внутренней политики, подавлением свободы, развитием угодничества, шкурного страха и шпионства, покровительством клерикализму и милитаризму, возбуждением в обществе шовинизма, разжиганием во всех его слоях страсти к легкой наживе и к удовольствиям самого низменного свойства. Кроме того, вторая империя оставила в наследство третьей республике весь свой служебный персонал, воспитанный не для управления свободной нацией, целую систему официальной лжи, подтасовок общественного мнения или давлений на его выражения, административного произвола, продажности и казнокрадства. Республиканской партии, дотоле гонимой и преследуемой, но заключавшей в себе лучшие, в умственном и нравственном отношениях, элементы французского общества, предстояла трудная задача не только дать своему отечеству новое государственное устройство, основанное на началах свободы и равенства, при сильном противодействии со стороны консервативных и реакционных слоев общества и неразвитости и косности большинства населения, но и перевоспитать нацию, сжившуюся с целым рядом традиционных предрассудков и деморализованную лживым и порочным режимом империи. Падение империи не было еще победой республики, а только чуть еще не началом борьбы за республику. Реакционные силы Франции в союзе с пышно расцветшими при Наполеоне III шовинизмом, милитаризмом и клерикализмом не раз при третьей республике, как известно, делали попытки повернуть на старое то путем интриги, то путем насилия, и нам в настоящей главе, преимущественно, — как, впрочем, и в другой главе (XVI), посвященной истории третьей республики в этом томе, — придется еще рассказывать отдельные эпизоды борьбы за утверждение во Франции республики.

Главным вопросом выборов в национальное собрание, происходивших, как известно, еще до заключения мира с немцами, именно в 1871 г., был вопрос о том, продолжать ли войну (мнение Гамбетты) или заключить мир (мнение Тьера). Мы уже видели, что в стране возобладавало второе мне-

ние и что вообще состав собрания получился весьма консервативный, так как из 730 членов около 400 были монархисты, большей частью орлеанисты с очень значительной примесью легитимистов. Другими словами, в 1871 г. повторилось то же самое, что было и в 1848 г., когда выборы в законодательное собрание на 250, круглым счетом, республиканцев дали 500 монархистов. В обоих случаях повторялось, в сущности, то, что уже было и во времена первой республики, при действии конституции III г., когда законодательные выборы приводили в оба представительных совета роялистов, не скрывавших своего намерения восстановить монархию, и когда республика была на время спасена только нарушением конституции. Во всех трех случаях республиканцам предстояло иметь дело с собраниями, в которых большинство принадлежало не им, что для республики не могло быть хорошим предзнаменованием. В республиканских кругах и в городском населении национальное собрание, открывшее свои заседания в Бордо 12 февраля 1871 г., получило презрительную кличку «деревенщины» (*assemblée des ruraux*), и сразу же между ним и республикански настроенным населением Парижа произошел конфликт, окончившийся так печально для столицы Франции. История коммуны 1871 г. уже была рассказана в другом месте; здесь только остается отметить, что результатом парижского восстания 1871 г. было такое же усиление реакции, какое последовало в 1848 г. за достопамятными июньскими днями. Энергия, проявленная при подавлении коммуны Тьером, — которого с самого же начала собрание сделало главой исполнительной власти, — заставила консервативно настроенное большинство особенно поддерживать этого испытанного политического деятеля и принять 31 августа предложение его сторонников объявить собрание имеющим право выработать для Франции конституцию и временно дать самому Тьеру титул президента французской республики. Между тем в национальном собрании, еще в марте перенесшем свои заседания в Версаль, сформировались партии, числом семь. Крайнюю правую составляли легитимисты, правую — умеренные роялисты, правый центр — либеральные орлеанисты, сторонники парламентского правления. Трем правым соответствовали три левые, из которых одна была крайней, другая просто левой, республиканской, третья левым центром. Седьмую партию составляли бонапартисты. Весь вопрос при таком составе собрания заключался в том, будут ли все правые действовать солидарно против всех левых или же, наоборот, в союзе будут находиться оба центра против крайних как на правой, так и на левой стороне. Вторая комбинация была для республики более выгодной; она-то именно и состоялась, ибо оба центра расходились между собой только по вопросу о верховной власти, одинаково стремясь к парламентскому правлению с преобладанием буржуазии и в известном союзе с духовенством. К этому направлению принадлежал и сам президент республики, Тьер. Благодаря союзу наиболее умеренных

монархистов с наиболее умеренными республиканцами прошло и превращение национального собрания в учредительное, несмотря на все протесты левой, доказывавшей, что собрание на это не имеет ни малейшего права и что для собрания, которое выработало бы конституцию, нужно было произвести новые выборы. Этому же союзу Тьер был обязан своим титулом президента республики. Опираясь на указанное большинство, Тьер заключил свои займы (один в 1871 г., другой в 1872 г.) в пять миллиардов франков для уплаты контрибуции немцам, что к его популярности, как «восстановителя порядка», прибавило популярность как «освободителя территории»¹. С ним же, этим большинством, Тьер провел и реорганизацию армии по прусскому образцу (1872). Орлеанистские симпатии обоих центров и самого Тьера выразились в дозволении принцам Орлеанского дома вернуться во Францию и в возвращении им их имений². В департаментском управлении собрание ввело децентрализацию, расширив власть генеральных советов, дав им при этом по две сессии в год, разрешив публичность их заседаний и учредив особые выборные департаментские комиссии для ведения текущих дел в промежутки между сессиями: это было выполнением одного из требований оппозиции в последние годы империи, а для Тьера сильным отступлением от прежнего его преклонения перед наполеоновской централизацией. Другие требования республиканской партии не встречали сочувствия в большинстве собрания. Так, было отвергнуто предложение ввести подходящий налог, в котором Тьер усмотрел «скрытый социализм», и для увеличения государственных доходов было установлено высокое обложение нужного для промышленности сырья³ и введены были новые налоги (на клубы и бильярды, на железнодорожные билеты и всякого рода квитанции, на бумагу и зажигательные спички). От общей финансовой реформы собрание упорно воздерживалось. Искренним сторонникам республики в установившемся порядке не нравилось, что правительство при союзе обоих центров составлялось из орлеанистов, тем более что правительство в борьбе с радикальной оппозицией широко пользовалось полномочиями, которые ему давало объявление собранием, после усмирения коммуны, усиленной охраны в городах: между прочим, в силу этого положения правительство по простому своему

¹ Ср. выше, где говорится об условии очищения французской территории от германских войск.

² Изгнание и конфискация состоялись в 1848 г.

³ Наполеон III был убежденным сторонником начал свободной торговли и проводил их в жизнь, когда встречал протекционистскую оппозицию в законодательном корпусе, простыми указами исполнительной власти. В 1850 г. он заключил сделавшийся знаменитым торговый договор с Англией, а в 1861 г. отменил пошлины на привозное сырье. С правления Тьера начинается во Франции возвращение к протекционистской политике. Ср. указанную в следующей сноске работу В. Franke. Из-за несогласия собрания с предложением Тьера последний подавал в отставку, подробности о чем у Namotaux, I, 382 и след.

усмотрению могло запрещать неприятные ему газеты, что сильно стесняло агитационную деятельность республиканцев.

Бывали, однако, случаи в президентство Тьера, когда правый центр отказывал ему в поддержке, тем самым подчеркивая свое для него значение. Так, например, он в соединении с другими правыми отклонил школьную реформу, предложенную Жюлем Симоном, и помешал задуманному было закону о свободе печати. Время от времени правый центр выражал свое неудовольствие по поводу того, что Тьер, на его взгляд, слишком мирволил радикалам и хотел упрочить республику, которая, как настаивала эта партия, имела лишь временный характер. В конце концов, правый центр стал отставать от своего союза с левым центром. В 1871 и 1872 г. председателем собрания постоянно выбирали старого республиканца Греви, но в 1873 г. председателем сделан был монархист Бюффе, член правого центра. В мае того же года коалиция монархистов заставила и самого Тьера подать в отставку.

Тьер стоял во главе исполнительной власти два года и три месяца. Когда он взял власть в свои руки, он уже был 74-летним стариком с богатым политическим прошлым¹. Начав свою карьеру еще в эпоху Реставрации в качестве либерального журналиста и прославившись в двадцатых годах, как автор одной из первых настоящих историй Французской революции, он сыграл, как известно, видную роль в июльской революции в качестве одного из наиболее деятельных и влиятельных сторонников орлеанской кандидатуры. Сделавшись вскоре затем членом палаты депутатов, он не раз, при частой смене министерств, становился сам министром то внутренних дел, то торговли и общественных работ, то иностранных дел, всегда стараясь дружить с либералами, хотя и отшатывая от себя многих из прежних своих политических друзей своим строгим отношением к демократам. Во вторую половину царствования Людовика-Филиппа Тьер находился постоянно в оппозиции, и лозунгом его было знаменитое «король царствует, но не управляет», т. е. принцип монархии парламентарной. Его политическое мирозерцание в тридцатых и сороковых годах сводилось к необходимости сочетания свободы и порядка, последнего в смысле не-

¹ Литература о Тьере: *Richardet*. Histoire de la présidence de M. Thiers (1875); *Eggenschuiler*. Thiers's Leben und Werke (1877); *Mazade Ch. de*. Monsieur Thiers, cinquante années d'histoire contemporaine (1884); *Simon J.* Le gouvernement de M. Thiers (1878); *Он же*. Thiers, Guizot, Rémusat (1885); *Rémusat*. Thiers (1889); *Zévort*. Thiers (1892); *Он же*. La présidence de M. Thiers (1896); *Levrier A.* La chute de M. Thiers (1873). В русской литературе отметим: *Утин Е.* Конституционализм и А. Тьер («Вестник Европы» за 1880 и 1881 гг.). Для истории освобождения территории и финансовых операций Тьера, равно как для его экономической политики: *Doniol H.* La libération du territoire; *Mathieu-Bodet*. Les finances françaises de 1870—1878 (автор был сам министром финансов); *Amagat*. Les emprunts et les impôts de la rangon de 1871; *Franke B.* Der Ausbau des heutigen. Schutzzollsystems in Frankreich (в 22 т. «Staats- und socialwis. Forschungen», von Schmoller, 1903).

изменности известного уклада жизни, в социальном же отношении он был плотью от плоти и костью от кости тогдашнего правящего класса, буржуазии. Лучше всего, думал он, сочетание свободы и порядка обеспечивается конституционной монархией с парламентским правлением, как в Англии, и если он оправдывал июльскую революцию, как обеспечившую за Францией такое устройство, то в то же время вооружался против революционного духа, толкавшего часть французского общества за пределы того, что сам он считал единственно правильным в политике. Целью его было создать во Франции политику, не чуждую консерватизма, но под условием ее проведения либеральными силами: это, по его мнению, только и могло бы примирить с существующим людей, не вполне им довольных ввиду новых требований жизни. За три недели до февральской революции он открыто заявлял, что, будучи сторонником принципов революции 1789 г., он желал бы, чтобы «правительство революции оставалось в руках людей умеренных». Будучи министром, Тьер сурово расправлялся с тогдашними республиканцами, а когда во Франции получили особый ход социалистические и коммунистические идеи, он выступил на защиту собственности в специально посвященном ей сочинении. Отличаясь характером более гибким, чем тот, каким обладал его соперник Гизо, он вообще был очень склонен к уступкам, к компромиссам, к тому, что позднее было названо оппортунизмом: если бы, полагают многие, не Гизо, а Тьер стоял во главе министерства во вторую половину царствования Людовика-Филиппа, то буржуазная монархия, вероятно, не так скоро пала бы под натиском надвигавшейся демократии, но когда Людовик-Филипп позвал Тьера составить министерство, в ночь на 24 февраля, было уже слишком поздно. В февральской революции Тьер уже не играл никакой роли, но зато мы его видим в законодательном собрании 1848 г. в числе оппозиционных депутатов, хотя и не без его содействия прошел знаменитый закон клерикала Фаллу, отдавший учебное дело во Франции в руки духовенства, и состоялось ограничение избирательных прав рабочих, которых Тьер в своей речи неосторожно обозвал «низкой чернью». Он был затем в числе арестованных 2 декабря депутатов и вместе с другими подвергся высылке за границу. Когда реакция стала ослабевать, Тьер, вернувшийся на родину, стал снова играть политическую роль в первых рядах орлеанистской оппозиции, даже прямо как ее вождь, громко заговоривший в законодательном корпусе о «необходимых свободах», попираемых правительством. Республиканские депутаты шестидесятих годов находились в дружелюбных отношениях к Тьеру, к советам которого даже прислушивались, ценя его политический опыт. Но старый парламентский деятель бессилён был что-либо сделать. Во время дебатов о войне с Пруссией он напрасно вместе с республиканцами взывал к благоразумию и сдержанности: его протест остался гласом вопиющего в пустыне. Когда 3 сентября империя зашаталась в самых своих основаниях, взоры рес-

публиканцев, как мы видели, остановились на Тьере, как на возможном правителе страны, а избрание его в национальное собрание сразу в двадцати департаментах само собой намечало его на пост главы государства.

Таково было прошлое первого президента третьей республики. После 4 сентября Тьер сразу понял, что при тогдашних обстоятельствах объединить интересы консервативной буржуазии, при существовании трех соперничавших между собой во Франции монархических партий, могла бы только республика, но для того, чтобы исполнить эту задачу, сама республика должна была быть консервативной. В этом заключалась главная политическая идея старого орлеаниста, и, конечно, его республика была враждебна не только республике крайней левой, но и более умеренной гамбеттовской республике новых общественных слоев. За то, что Гамбетта, как увидим, агитировал в пользу роспуска собрания, «не считающегося с настроением верховного народа», и основания настоящей «республиканской» республики, Тьер крайне был недоволен его поведением, назвав его еще во время выборов в национальное собрание «буйным сумасшедшим». «Республика будет консервативной или ее вовсе не будет», — таков был высказанный им взгляд на положение дел в стране¹. Понятно, что в лице Тьера коммуна могла встретить только самого беспощадного врага, нисколько не изменившего своего отношения к революционерам-демократам, какое проявилось у него еще за сорок лет перед тем².

И личный характер Тьера как нельзя более соответствовал той роли, которую его заставила играть историческая судьба в начале семидесятых годов. Тьер, обладавший изумительной работоспособностью, был как бы создан для кипучей деятельности, в которой приходится постоянно быть начеку, преодолевать препятствия, обходить затруднения, улаживать споры. Особенно бросались в глаза его умение оставаться со всеми в хороших отношениях и примирять несходные воззрения, несмотря на то, что редко кому он внушал личное к себе расположение. Как в былые времена его сильно недолгоблывал Людовик-Филипп, так теперь его не очень жаловали многие, которым пришлось с ним работать, но все-таки ему подчинялись, иногда и против своей воли. Нечего говорить, что среди радикалов к нему чувствовали настоящую ненависть. Главным мотивом всей его деятельности не без основания общественное мнение считало страшное че-

¹ В национальном собрании Тьер высказался за республику в заседании 27 марта. «Есть, — сказал он, — враги порядка, утверждающие, будто мы хотим низвергнуть республику. Я формально их опровергаю. Они лгут Франции... Я не разрушу форму правления, которой я теперь пользуюсь для восстановления порядка». Но к этому он прибавил: «Когда все будет восстановлено, страна будет свободно выбирать, как ей будет угодно, то, что касается ее будущих судеб». Гораздо решительнее высказался Тьер за республику в заседании 26 декабря 1871 г.

² Отсюда — страшное ожесточение, с каким говорят о Тьере некоторые историки коммуны. В I т. труда Напотаух много выписок из показаний Тьера перед следственной комиссией о его поведении с 18 марта.

столюбие, переходившее иногда даже в мелочное тщеславие. Виктор Гюго прямо говорил о «маленьком и узеньком сердце Тьера», вызывавшем к себе в знаменитом поэте смесь «отвращения, удивления и презрения», что не мешало ему признавать в Тьере и большой государственный ум, и крупные дарования оратора¹. Не умея ни в ком возбудить настоящей дружбы, он имел многочисленных сторонников и поклонников по расчету. Что касается до политических убеждений Тьера, то у него были только известные симпатии — именно к орлеанизму, но они не мешали ему быть совершенно беспартийным, по крайней мере, в том смысле, что, не будучи республиканцем, он не боялся республики и, увидев ее неизбежность, сам же стал содействовать ее проведению в жизнь. К его политическим взглядам можно применить то, что он ответил однажды на вопрос о том, каково его отношение к Господу Богу: «На этот счет, — сказал он смеясь, — мы сойдемся, так как я ни на стороне двора, ни в оппозиции»².

Отличаясь большой настойчивостью, Тьер умел во время своего президентства иногда прямо навязывать свою волю собранию. Все партии более или менее чувствовали его необходимость, как сам он чувствовал неизбежность республики. В собрании ценили его практический ум и деловую опытность, его непреклонную энергию и неизменный патриотизм, его разнообразные и прочные связи в мирах дипломатическом, финансовом, военном, его заслуги в переговорах относительно мира и освобождения территории, и ему нередко уступали, когда он чего-нибудь настойчиво требовал. Он даже сознательно пользовался мнением о нем собрания, как о человеке, без которого оно не знало бы, что делать и как быть: если случалось, что собрание было против его предложения, ему стоило только пригрозить выходом в отставку, и перед ним смирялись. Так, например, поступил он, когда встретил оппозицию своему плану насчет высокого обложения сырья. Отличаясь, с другой стороны, большой гибкостью характера, он умел, когда нужно, и уступать. Неопределенность положения Франции без общепризнанной и законно утвержденной формы правления крайне его тяготила, а между тем он все более и более убеждался в том, что республика — такой образ правления, который наименее разделяет французов, и что попытка введения всякой другой политической формы не могла бы обойтись без новой революции. Выбранная по его настоянию

¹ Собрание парламентских речей Тьера в 15 томах с указателем, содержащимся в 16-м томе, вышло в свет уже после его смерти, в 1879—1884 гг.

² Тьер вообще отличался находчивостью и остроумием. Однажды, в старые годы, Людовик-Филипп по поводу отказа Тьера войти в одну министерскую комбинацию заметил ему иронически: «Вы, кажется, хотите меня уверить, будто не очень-то дорожите портфелем». — «Государь, — возразил Тьер, — каждый раз, когда вы, ваше величество, мне говорили, что только с болью в сердце приняла бремя короны, я всегда этому верил». Много подобных черточек собрано в книге Napotaux, в первом томе которой (стр. 42 и след.) можно найти и более подробную общую характеристику Тьера.

для выработки конституции комиссия тридцати, большинство членов которой оказалось состоящим из монархистов, отложив дело в долгий ящик, поспешила предложить собранию одну меру, которая умаляла роль самого Тьера в собрании. Дело в том, что Тьер любил лично посещать заседания народного представительства и участвовать в обсуждении им особенно важных вопросов, пользуясь этим для убеждения депутатов в правильности правительственных предложений и требований. Комиссия осудила такой порядок; по ее предложению собрание даже приняло за правило, чтобы впредь глава исполнительной власти обращался к национальному собранию лишь в форме посланий, с тем еще условием, чтобы каждый раз по прочтении президентского послания заседание закрывалось. Тьер не настаивал на сохранении прежнего порядка, хотя и протестовал против нового. Уступка, однако, не предотвратила вскоре затем и последовавшей отставки Тьера. Успехи радикальной агитации, которые монархистами ставились в вину «слабости» Тьера, тревожили и самого его, полагавшего, что затянувшееся на слишком долгий и неопределенный срок временное положение создает условия, только благоприятствующие революционной пропаганде. Поэтому правительство поторопилось внести в собрание проект конституции, на что собрание 360 голосами против 344 ответило 24 мая 1873 г. переходом к очередным делам, предлагавшим президенту республики «дать в управлении более силы консервативной политике». Ответом на это со стороны Тьера был выход в отставку, хотя он мог бы только ограничиться сменой министерства. Мотивом его выхода в отставку было то, что для себя лично он не видел более возможности управлять с враждебным ему большинством¹.

Отставка Тьера выдавала республику ее врагам, потому что теперь, вместо союза двух центров, стал действовать союз всех трех партий монархического большинства палаты. В это время признанным вождем в борьбе за республику с ее врагами, на долгое время захватившими власть в свои руки, сделался Леон Гамбетта, уже раньше стоявший во главе оппозиции против недостаточно республиканской политики Тьера.

Выше уже не раз называлось имя этого крупного политического деятеля первого десятилетия третьей республики. Мы видели, что он начал свою политическую деятельность лишь в шестидесятих годах в рядах молодого поколения республиканцев (Гамбетта родился в 1838 г. и в момент провозглашения республики ему было только 32 года) — поколения, воспитывавшегося совсем в другой обстановке и под иными умственными влияниями, нежели старые республиканцы, деятели 1848 г. Очень рано начав интересоваться политикой, он в то же время довольно быстро стал весьма заметной личностью среди литературной и учащейся молодежи Ла-

¹ О «24 мая» см. в конце I т. труда Hanotaux.

тинского квартала, пока его резкие оппозиционные выступления конца шестидесятых годов не сделали его известностью всего Парижа, а роль во время войны — знаменитостью во всей Франции, в Европе, в целом свете. Выборы 1869 г. открыли Гамбетте двери в законодательный корпус, причем в бельвилльской программе он формулировал главные требования республиканской партии, в которой занимал уже настолько важное место, что имя его вошло и в список членов правительства национальной обороны; в этом правительстве Гамбетте, как известно, досталось заведование внутренними делами. Не пожелав оставаться в осажденном немцами Париже, он вылетел из него на воздушном шаре и в Туре проявил необычайную энергию в деле организации военных сил для продолжения борьбы с победоносными германскими армиями. Как мы уже видели, после капитуляции Парижа Гамбетта продолжал настаивать на необходимости продолжения войны до последней крайности (*gueerre outrance*) — против мнения Тьера, стоявшего за скорейшее заключение мира. Он тогда вышел из состава правительства, а потом вместе с другими республиканцами протестовал против мирного договора и даже сложил свои депутатские полномочия, вернувшись в собрание только после коммуны, в нем он сделался вождем республиканской левой. Своей задачей Гамбетта поставил теперь добиваться настоящей, а не поддельной, истинно «республиканской республики», наступление которой знаменовало бы собой переход власти к новым общественным слоям. Основав газету «Французская республика», ставшую главным органом его приверженцев, Гамбетта, имя которого гремело по всей стране, в годы президентства Тьера разъезжал по разным местам Франции, произнося пламенные речи о необходимости роспуска национального собрания и введения прочной республиканской конституции. Тьер с возраставшим неудовольствием относился к этой агитационной деятельности и в ее «буйном безумии» готов был даже видеть опасный для государства бунт против власти.

Силу Гамбетты, кроме его большого ума и замечательного красноречия, твердой воли и смелой решительности, пламенного патриотизма и непоколебимой веры в республику, составляла еще его личная обаятельность, снискавшая ему расположение и преданность всех, кому приходилось его видеть и слышать или вступать с ним в более близкие отношения. В этом смысле он был одной породы с Мирабо, по крайней мере, во многом его напоминал — из породы настоящих народных трибунов. Гамбетту в тяжелую годину вражеского нашествия воодушевляло предание о славном национальном подвиге народной массы в 1792 и 1793 г., и он, веря в возможность повторения того же самого в 1870—1871 гг., сумел и другим внушить свою веру в возможность победы. Трибун оказался притом превосходным организатором, человеком из одной категории с Дантоном или Карно, сумев найти средства и на них создать войска, которые, по крайней

мере, спасли честь Франции. В то же время это была натура властная, недаром же Гамбетту называли «турским диктатором»: он даже стремился сам распоряжаться военными действиями и, чтобы война продолжалась, думал особым декретом устранить всех сторонников мира от решения вопроса о войне. В эпоху правления монархических партий, начавшегося после отставки Тьера, руководящая роль в борьбе за республику весьма естественно выпала на долю Гамбетты.

Главная беда французских монархистов в начале третьей республики заключалась в том, что на один и тот же трон у них было три кандидата: у бонапартистов Наполеон III, а после его смерти (в Чизльгерсте, в Англии, в 1873 г.) императорский принц Людовик-Наполеон, у легитимистов внук Карла X, граф Шамбор, представитель старшей линии Бурбонов, у орлеанистов граф Парижский, внук Людовика-Филиппа, наследник прав младшей линии, и ни одна из этих трех династических партий не хотела поступиться своим кандидатом в пользу кого-либо из них. В этом было, конечно, спасение республики, к которой, таким образом, по мере того, как время шло, население постепенно привыкало. Монархисты, впрочем, сумели столковаться относительно преемника Тьеру и выбрали в президенты, при воздержании левой, маршала Мак-Магона¹, «славного седанского побежденного» и умирителя коммуны, пользовавшегося расположением клерикалов и светских реакционеров. Его министерство, которое смотрело на себя как на «правительство борьбы», имевшее задачей водворить «нравственный порядок» (*ordre moral*), состояло из орлеанистов, легитимистов и бонапартистов под председательством орлеаниста, герцога де Бройля (*de Broglie*).

Президентство Мак-Магона продолжалось пять лет и восемь месяцев (24 мая 1873 г. — 30 января 1879 г.), представляя собой важный момент в истории борьбы за утверждение республики во Франции. Со стороны нового правительства было сделано прямое нападение на республику, которой оно решило было не давать утвердиться законным образом. Поэтому в правительственных актах всячески избегали слова «республика», а из мэрии были убраны все бюсты, ее изображавшие. Далее, правительство предприняло чистку служебного персонала республики от республиканцев, начав увольнять префектов и субпрефектов, мировых судей, прокуроров и т. п. из республиканцев и отдавать их места сторонникам реакции, большей частью бывшим бонапартистским чиновникам. Агентам центральной власти на местах было предписано содействовать избранию монархических кандидатов, т. е. оказывать давление на выборы. Были, кроме того, приняты меры против радикальной пропаганды путем закрытия газет, наложения на них штрафов, запрещения уличной продажи и репрес-

¹ *De Marcère*. Le seize Mai et la tin du septennat; *Prévillé X. de*. Le glorieux soldat, le maréchal de Mac-Mahon; *Daudet E.* Souvenirs de la présidence du maréchal de Mac-Magon.

сий против ресторанов, где была бы обнаружена агитация. Стесняя всячески деятельность республиканцев, министерство поощряло, наоборот, различные клерикальные манифестации и вообще агитационную деятельность духовенства. В это время с благословения правительства происходили съезды высшего духовенства, обсуждавшие меры для насаждения в нации католического благочестия; такими мерами являлись назначение в полки священников, которые должны были наставлять солдат в духе самого строгого католицизма, запрещение гражданских похорон, служивших соблазном для верных сынов церкви, усиление духовного влияния в школах. Притязания духовенства находили вообще постоянную поддержку и в собрании, и в правительстве, благодаря чему католическая партия добилась издания закона, разрешавшего открытие свободных средних школ и даже университетов, чем духовенство не замедлило воспользоваться для того, чтобы начать открывать свои школы, где воспитывались бы только послушные чада единоспасающей церкви. Духовным не возбранялось, наконец, устраивать разные процессии и коллективные, целыми толпами, хождения на богомолье¹, получавшие характер демонстраций в пользу восстановления папской власти в Риме и монархии во Франции. Такой же реакционно-политический характер принял в это время культ Святого Сердца (*Sacré-Cœur*), в честь которого решено было построить на Монмартре, господствующем над всем Парижем, громадный храм. И место для него было выбрано там, где, по преданию, Игнатий Лойола навербовал первых своих последователей; для отчуждения земли под эту постройку понадобился специальный закон, который без затруднений был вотирован национальным собранием.

Таково было общее направление политики монархического большинства после отставки Тьера. В политических кругах начали вместе с тем серьезно говорить о монархической реставрации, которая должна была быть совершена совокупными силами легитимистов и орлеанистов². Для этого должно было произойти слияние (*fusion*) обеих партий в одну на условии отдачи французской короны графу Шамбору, как единственному законному преемнику старшей линии Бурбонов, с тем, чтобы наследником будущего «Генриха V» был граф Парижский, глава младшей линии. Первому из них, проживавшему во Фросдорфе (в Австрии, недалеко от

¹ Besson. L'année des pèlerinages. 1872—1873 (1874); Parfait P. Le dossier des pèlerinages (1877).

² Daudet E. La vérité sur l'essai de restauration; Chesnelong. La campagne monarchique d'octobre 1873; Rouquette A. Paray-le-Monial. Compte rendu du pèlerinage du 20 juin 1873 (1873); Dufeille E. Réflexions d'un monarchiste; Castellane M. de. Dernier essai de restauration monarchique («Nouvelle Revue» за 1895 г.); Dreux-Brézé M. de. Notes et souvenirs pour servir à l'histoire du parti royaliste. 1872—1873 (1895). Для гр. Шамбора см.: Chambord C. de. Manifestes et programmes politiques (1873); Pesquidoux D. de. Le comte de Chambord; Pène H. de. Henri de France; Saint-Albin. Histoire de Henri V. Для орлеанских принцев: Comte d'Haussonville. Le comte de Paris; Marquis de Flers. Le comte de Paris; Daudet E. Le duc d'Aumale.

Вены), шел в это время шестой десяток (род. в 1820 г.), а второй был моложе его на восемнадцать лет, так что, по всем вероятностям, можно было ожидать, что он переживет «короля» и будет царствовать, как его законный преемник. Главы обеих династий согласились на эту комбинацию, и в августе 1873 г. граф Парижский сделал официальный визит графу Шамбору, признав в нем при этом своего законного монарха. Все остальное казалось легко достижимым. Сторонники монархической реставрации на условии слияния и без бонапартистов составляли большинство в национальном собрании, так что оставалось только войти в соглашение с «королем» относительно подробностей восстановления во Франции королевской власти. Выбранная для этого во время парламентской вакансии комиссия пришла к тому выводу, что национальное собрание не выберет Генриха V, а только объявит, что он приглашается занять французский престол в силу своего наследственного права, как глава законной национальной династии Франции. Восстановленная монархия должна была быть конституционной, но конституция — отнюдь не навязанной королем собранием, но король должен был сам ее предложить собранию, которое подвергло бы ее голосованию, после чего ей была бы дана королевская санкция. (Сама конституция предполагалась в духе хартии 1814 г.) Дело реставрации шло гладко, и монархисты готовились уже к встрече короля в Париже, когда из-за одного только второстепенного пункта возникло разногласие, разрушившее всю наладившуюся уже махинацию. Какое знамя должно было быть у реставрированной монархии: старое ли белое знамя Бурбонов или трехцветное знамя Орлеанов, бывшее, в сущности, знаменем революции, знаменем всех трех республик и обеих узурпаторских империй? Графу Шамбору предлагали, — по крайней мере, временно, впредь до возможного в будущем пересмотра вопроса вместе с народным представительством, — согласиться на принятие трехцветного знамени, потому что не только орлеанисты, но и многие легитимисты понимали, какую недобрую память оставило по себе в народе белое знамя, этот символ старого порядка, напоминавший и о временах Реставрации; даже Мак-Магон заметил, что стоит только отказаться от трехцветного знамени, и «шаспо¹ сами собой начнут стрелять». Был ли то лишь благовидный предлог со стороны уже немолодого и болезненного принца для отказа от риска царствовать в мятежной Франции, вместо того, чтобы оставаться в своем спокойном убежище, или тут, действительно, была фанатическая верность принципу, только граф Шамбор наотрез отказался изменить белому знамени, о чем торжественно и объявил в послании на имя своих приверженцев осенью

¹ Имеется в виду винтовка, названная по имени ее изобретателя Антуана Альфонса Шаспо (Chassepot) (1833–1905). — *Прим. ред.*

того же 1873 г.¹ Несмотря на это, легитимисты все еще надеялись добиться в собрании постановления о возвращении короля (который в ноябре даже сам приезжал в Версаль), но орлеанистский правый центр, недовольный упрямством претендента, отказался от столь многообещающей комбинации и для продления *status quo*², столь выгодного для консервативных интересов, решил, к неудовольствию легитимистов, предложить установить десятилетний срок для президентских полномочий Мак-Магона. Левый центр, схватившийся за эту мысль, чтобы предотвратить все еще считавшуюся не невозможной реставрацию, не стал этому перечить, предложив только сокращение указанного срока до пяти лет. Результатом был компромисс в виде так называемого «септенната», т. е. семилетнего срока, вошедшего потом и в ныне действующую конституцию Французской республики. Таким образом, попытка монархической реставрации, как это, впрочем, и предсказывал, например, Тьер, окончилась неудачей, и республика, действительно, оказалась формой, наименее разделявшей французов, но эта упрочившаяся республика в то же время оказывалась гораздо более консервативной, чем то допускал сам Тьер. Иной и не могла быть республика, так сказать, поневоле, и в руках монархических партий. Септеннат, по их мысли, должен был до поры до времени поддерживать эту не-республиканскую республику во избежание другой республики, которая отняла бы у них власть, как и умеренные республиканцы тоже видели в септеннате своего рода гарантию — против Реставрации.

Септеннат, как мы только что видели, был результатом соглашения двух центров, боявшихся отчасти разных вещей, отчасти одного и того же. В данный момент правый центр имел против себя легитимистов, которые скоро стали и в других случаях голосовать против орлеанистов. Когда, например, орлеанисты задумали изменить избирательный закон повышением срока жительства на одном месте для пользования избирательным правом до трех лет, крайняя правая, везде подозрительно усматривавшая подвохи в целях орлеанистской реставрации, голосовала вместе с левыми и тем содействовала провалу предложения, что даже повлекло за собой падение министерства, стоявшего на стороне орлеанистов (в мае 1874 г.). Предметом разногласия между легитимистами и орлеанистами было также и понимание самой природы септенната. Легитимисты видели в последнем лишь срок нахождения во власти, лично установленный для Мак-Магона, который мог бы в любое время и отказаться от своих полномочий в пользу законного короля, тогда как орлеанисты защищали независи-

¹ Пий IX, недовольный провалом дела, с досадой сказал: «Et tout ça pour oune serviette!» («Каждый радуется за свое полотенце!») (фр.). — *Прим. ред.*) Nanotaux, II, 226 прим. Вообще об этом эпизоде монархической реставрации масса интересных подробностей у названного историка, посвятившего ему во втором томе своего труда около двухсот страниц (107–310).

² «Существующее положение» (лат.). — *Прим. ред.*

мость септенната от личности тогдашнего президента, доказывая, что это — совершенно безличное учреждение и что потому в течение семи лет никаких перемен в политическом устройстве Франции быть не может; их сокровенной мыслью считали избрание в будущем одного из принцев Орлеанского дома, герцога Омальского, в президенты, и легитимисты этого допустить не могли.

Раздоры в монархическом лагере на первых порах были только на руку бонапартистам¹; лишь позднее и республика извлекла из этого раскола некоторую для себя выгоду. Министерство, в котором преобладало орлеанистское течение, уступило места новому кабинету (Сиссэ), тоже, как и первое, состоявшему из представителей трех монархических партий, но уже с перевесом бонапартистов, к которым лично у Мак-Магона было несомненное тяготение и которые на выборах после мая 1873 г. выступали единственными имевшими частичный успех конкурентами республиканцев. Неудача фузионистской реставрации вообще окрылила надежды приверженцев империи; они даже устроили особый «комитет воззвания к народу» для пропаганды идеи восстановления империи, причем некоторые министры вошли в секретные сношения с этим бонапартистским комитетом. Продолжавшее идти своим чередом укрепление «нравственного порядка» давало министерству широкую возможность пользоваться своей властью в специальных интересах одной партии, но возрождение бонапартизма, покровительствуемое правительством в интересах «нравственного порядка», стало тревожить наиболее либеральных членов правого центра, ненавидевших империю. Результатом было их соглашение с левыми относительно требования поставить наконец на очередь постоянно откладывавшийся вопрос о государственном устройстве Франции. Левые внесли свой проект, но он, конечно, не прошел. Вопрос о форме правления был решен только тогда, когда от правого центра отделилась небольшая группа и голосовала с левыми за одну поправку, предложенную Валлоном и присваивавшую главе правительства титул президента республики, дав левым перевес, выразившийся, однако, только одним голосом: именно за было подано 353 голоса, против — 352 (30 января 1875 г.²). Другие

¹ *Richard J.* Le bonapartisme sous la république (1883); *Fisher H.A.L.* Bonapartism (1908). Для претendente бонапартистов: *C-te d'Hérison*. Le prince impérial; *Martinet A.* То же заглавие.

² Сущность дела заключалась вот в чем. В первом же параграфе проекта конституции говорилось о двух палатах без всякого упоминания о республике и о ее исполнительной власти, установленной законом о септеннате. Пять-шесть депутатов, руководимых Тьером, в том числе Лабуле, предложили поправку, заключавшуюся в словах: «правительство республики состоит» и т. д., но эта поправка 29 января была отвергнута 359 голосами против 336. Тогда Валлон предлагает свою поправку со словами: «президент республики» и с упоминанием о возможности его переизбрания после семилетнего срока, — поправку, в сущности являвшуюся дополнением к параграфу об организации законодательной власти. Собрание передало эту поправку в комиссию тридцати, составлявшую проект конституции, но комиссия ее отвергла, о чем и объявила в заседании 30 января. Когда Валлон стал с трибуны ее защищать,

пункты вотируемой в 1875 г. конституции были тоже следствием иногда чисто случайных соглашений между отдельными партиями собрания. Вследствие этого французская конституция, действующая и ныне, не похожа на все прежние конституции, из которых каждая представляла собой единый и цельный законодательный акт.

В самом деле, то, что называется конституцией третьей республики, состоит из целого ряда законов, начиная двумя актами 1871 и 1873 гг. о правах президента, изданными при Тьере, и актом 1873-го же года о септеннате, изданном при Мак-Магоне, и кончая собственно законами 1875 г.: 1) об организации сената, 2) об организации общественных властей, 3) о взаимных их между собой отношениях, 4) о выборах сенаторов и депутатов и 5) о государственном совете¹. Другими словами, республиканская конституция Франции создавалась по частям, под давлением временных обстоятельств, в силу случайных соглашений разных групп народ-

в зале стоял шум разговоров, оратора никто сначала не слушал, потом его постоянно прерывали. Едва кончилась его речь, как правые предложили поправку к поправке, заключавшую в себе указание на возможность пересмотра конституционных законов по истечении срока полномочий маршала Мак-Магона, но комиссия тридцати отвергла и это дополнение. Правые настаивали на том, чтобы их предложение голосовалось нераздельно с предложением Валлона, но собрание решило голосовать каждое само по себе, притом сначала более позднее. Поправка правых провалилась 522 голосами против 129. Затем дошла очередь до поправки Валлона, которая и была принята только одним лишним голосом! Вопрос был решен перемещением нескольких голосов из центра сравнительно с голосованием поправки Лабуле. Валлона прозвали после этого «отцом республики». Валлон был профессором истории, написавшим известные сочинения по истории рабства в древности (1847), о Жанне д'Арк (1860), о Людовике Святом (1875), а позднее, главным образом в восьмидесятих годах, большие труды по Французской революции, о которых см. в моей статье «Новейшие работы по истории Французской революции», в I т. «Исторического обозрения». Это — труды в духе Тэна. Успех 30 января так окрылил Валлона, что и некоторые другие важные статьи конституции принадлежат ему. Что касается Лабуле, то он еще в 1872 г. издал «Esquisse d'une constitution républicaine». Это тоже был ученый-историк и публицист, биографию которого написал Валлон. Некоторые сочинения Лабуле были переведены по-русски и даже пользовались большой известностью («История Соединенных Штатов», «Государство и его пределы», в особенности его знаменитые памфлеты «Париж в Америке» и «Принц-собачка», направленные против Наполеона III). Лабуле особенно настаивал на двухпалатной системе.

¹ Текст французской конституции 1875 г. можно найти, кроме сборников, указанных в т. III, и в русском переводе во II т. Гессена и Нольде (с. 535 и след.). Кроме того, см. второй том книги Esmein'a, указанной выше, а также: *Blanc L.* Histoire de la constitution du 25 février 1875; *Devin A.* Commentaire de la constitution du 25 février 1875 (1875); *Pierre E.* Lois constitutionnelles de la république française (1885); *Lebon A.* Das Staatsrecht der französischen Republik (1886; в коллекции Marquardsen'a); *De la Bigne de Villeneuve.* Éléments du droit constitutionnel français (1892); *Carrier C.F.A.* Constitutional and organic laws of France. 1875—1889 (1893); *Brie.* Die gegenwärtige Verfassung Frankreichs (1893); *Градовский А.* Парламентаризм во Франции (Собрание сочинений, III); *Дерюжинский В.* Конституция третьей республики (в сборнике «Из истории политической свободы», 1906); *Он же.* Верхняя палата во Франции (там же). В III томе не раз уже называвшегося труда Hanotaux отведено очень много места конституции 1875 г.; см. особенно главы III («La république fondée» 4), где рассказывается история принятия конституции собранием, и V («Théorie de la constitution»), а в V главе преимущественно § IV.

ного представительства, без единой определенной и ясной идеи. Совершенно так же, без общего плана, вносились в нее и позднейшие частичные изменения под влиянием преходящих условий и в силу минутных комбинаций. Это — конституция чисто компромиссного характера: главная ее характеристика заключается в том, что ее признать и оформить республику вынуждено было собрание, в котором большинство составляли монархисты. В сущности, конституция 1875 г. поэтому и превращала Францию в некоторое подобие парламентарной монархии с президентом, вместо короля, во главе.

По конституции 1875 г. законодательная власть «осуществляется во Франции» двумя собраниями: «палатой депутатов и сенатом», из которых первое «избирается всеобщим голосованием на основах, определенных особым избирательным законом», а «состав, способ избрания и полномочия» второго тоже устанавливались особым законом. Что касается президента республики, то он «избирается абсолютным большинством голосов сената и палаты депутатов, соединенных в национальное собрание». Избрание совершается, как сказано, на семь лет, причем конституцией признается право переизбрания. «Президент республики, — гласит далее закон 25 февраля 1875 г., — обладает законодательной инициативой наравне с членами обеих палат». Он обнародывает вотируемые обеими палатами законы, наблюдает за их исполнением, «обладает правом помилования» (без права амнистии), «располагает вооруженной силой», назначает на все должности, но «каждый акт президента республики должен быть контрасигнован министром». Кроме того, президенту республики было предоставлено «право, с надлежащего согласия сената, распускать палату депутатов и до истечения законного срока ее полномочий», но с назначением трехмесячного срока для новых выборов¹. «Министры, — говорится еще в этом законе, — несут солидарную ответственность перед палатами за общее направление политики правительства и индивидуальную — за их личные действия. Президент республики ответствен только в случае государственной измены»². При освобождении поста президента республики по какой бы то ни было причине «обе палаты в соединенном заседании приступают немедленно к избранию» его преемника, а «в промежутке исполнительная власть возлагается на совет министров». Если обе палаты, «по своей инициативе или по предложению президента республики», придут к признанию необходимости пересмотра конституционных законов, они, чтобы совершить этот пересмотр, «соединяются в национальное собра-

¹ Конституционный закон 13—14 августа 1884 г. сократил этот срок до двух месяцев и установил десятидневный срок для созыва самой палаты по окончании избирательной процедуры. Отметим, что у Гессена и Нольде конституция 1875 г. дается в ее теперешнем (измененном) виде.

² *Perrin F. De la responsabilité pénale du chef de l'état et des ministres en France (1900).*

ние», которое и «решает вопрос абсолютным большинством голосов». Однако при этом была сделана оговорка, в силу которой в президентство маршала Мак-Магона пересмотр был возможен только по предложению самого президента республики¹. Наконец, последней статьёй этого конституционного закона местопребыванием исполнительной власти и обеих палат назначался Версаль.

Таково короткое (всего в 9 параграфов) содержание закона об отношении общественных властей. Другим законом, принятым днем раньше, определялась организация сената. Первые семь параграфов этого закона действовали только до 1884 г., когда была произведена реформа этого учреждения². По закону 1875 г. сенат должен был состоять из трехсот членов, из которых двести двадцать пять выбирались департаментами и колониями (от пяти до одного), а семьдесят пять — национальным собранием. Возраст сенаторов определялся *minimum* в сорок лет. Коллегия, избиравшая сенаторов в департаментах и колониях, должна была состоять из местных депутатов, членов генерального совета и советов окружных и делегатов, выбранных по одному каждым муниципальным советом из избирателей общины. Таким образом, устанавливалась совершенно особая коллегия, в которой значительный перевес получали голоса мелких общин, посылавших по одному делегату наравне с крупными; этим обеспечивался более консервативный состав коллегии. Двести двадцать пять сенаторов избирались на девять лет, с обновлением всего состава в каждые три года по очереди, а до ее установления — по жребию. Семьдесят пять сенаторов, избранных национальным собранием, пользовались привилегией несменяемости, с тем условием, чтобы в случае открывшейся вакансии сенат уже сам замещал освободившееся место. Впоследствии, повторяем, весь этот порядок был изменен, и из закона о сенате остались действующими до конца XIX — начала XX в. только две статьи: 1) о равноправности сената с палатой депутатов в законодательстве³ и 2) о возможности обращать сенат «в судебную палату для суда над президентом республики или над министрами, а также для разбора дел о посягательствах на безопасность государства».

Оба изложенных закона были приняты 24 и 25 февраля 1875 г., а 16 июля того же года был принят еще один конституционный закон о взаимных отношениях общественных властей. Им, прежде всего, определялся ежегодный срок собрания обеих палат (второй вторник января), если только президент республики не созовет их раньше, причем устанавливалось, что

¹ Позднее (в 1884 г.) эта оговорка была заменена другой: «республиканская форма правления не может быть предметом предложения о пересмотре». В состав теперешней статьи этого закона входит еще задержание избирать в президенты республики членов фамилий, царствовавших во Франции.

² См. ниже, в гл. XVI.

³ Оговорка: «однако все финансовые законы должны быть сначала представлены палате депутатов и ею вотируются».

сессии обеих палат должны и начинаться, и кончаться одновременно и продолжаться не меньше пяти месяцев в году. Президенту республики было предоставлено право созыва палат и в чрезвычайные сессии по собственной инициативе, но, кроме того, ему вменяется в обязанность созыв палат, если этого потребует большинство их членов. Отсрочка заседаний тоже составляет право президента республики, не более, однако, как на один месяц, и не более двух раз в одну сессию. «Президент республики сносится с палатами посредством посланий, которые прочитываются с трибуны министром». Для обнародования президентом республики законов были установлены сроки (месячный для большей части законов и трехдневный для неотложных), но в течение данного срока «президент республики может в мотивированном послании требовать от обеих палат нового обсуждения, в котором ему не может быть отказано». За президентом республики закон признает право заключать и ратифицировать договоры¹ с осведомлением о них палат, «лишь только интересы и безопасность государства позволяют это», но «президент республики не может объявить войну без предварительного согласия обеих палат». Предание суду президента республики или министров составляет прерогативу палаты депутатов, судебной же палатой является сенат, который, сверх того, «может быть обращен президентом республики в верховный суд для суда над каждым, кто будет обвинен в покушении против безопасности государства». Остальные статьи закона имеют обычный характер.

Пропускаем органический закон 2 августа 1875 г. об избрании сенаторов, как слишком специальный, и останавливаемся еще на органическом законе 30 ноября 1875 г. об избрании депутатов. Для характеристики общей, так сказать, разбросанности ныне действующей во Франции конституции весьма показательно, что этот важный закон в первом же своем параграфе ссылается на другой закон, который носит заголовок «Закона о муниципальном электорате»². «Депутаты, — так гласит само начало рассматриваемого органического закона, — избираются избирателями, внесенными: 1) в списки, составленные согласно предписаниям закона 7 июля 1874 г., и 2) в дополнительные списки, в которые вносятся жительствующие в коммуне в течение шести месяцев». Чтобы понять, в чем дело, нужно сам закон о муниципальном электорате дочитать до параграфа пятого после четырех длинных статей, касающихся составления списков, а по параграфу 5 «вписываются в списки муниципальных избирателей все граждане, достигшие 21 года, пользующиеся своими гражданскими и политическими правами и не подходящие ни под один случай неправоеспособности, предусмотрен-

¹ За исключением договоров о мире, торговле и т. п.

² *Hélie F. A. Les constitutions de la France* (1875). С. 1400—1402. Это прекрасное издание, на которое мы ссылались и в других томах «Истории Западной Европы», важно по своим обширным комментариям к текстам.

ный законом», причем целый ряд пунктов определяет условия оседлости, требуемые для избирателей. В сущности, закон 30 ноября 1875 г. только подтверждал, не давая самого названия, принцип всеобщего избирательного права для совершеннолетних мужчин, проживших в той или другой коммуне, по крайней мере, полгода, с различием среди них таких, которые пользуются правом подачи голоса и в муниципальных, и в общегосударственных выборах, и таких, которым принадлежит только это последнее право: при обычном способе составления конституций это могло бы быть высказано ясно и определенно и не нуждалось бы в особом разъяснении смысла статьи. Из других параграфов отметим те, в которых устанавливается свобода избирательной агитации, определяется возраст для избираемых (не моложе 25 лет), не требуется переизбрания для депутатов, сделанных «министрами или младшими государственными секретарями», запрещаются всякие императивные мандаты, порядок выборов вводится индивидуальный, а не по спискам из нескольких лиц¹, сроком же, на который депутаты избираются, признается период в четыре года, с обновлением палаты каждый раз в полном составе, вводится система перебаллотировок и т. п.

Создав для Франции новые учреждения, национальное собрание разошлось в конце 1875 г., назначив предварительно своих 75 несменяемых членов в сенат, из которых большинство (58) оказалось республиканским. Выборы остальных 225 сенаторов, наоборот, благодаря, главным образом, делегатам сельских общин дали консервативное большинство, не настолько, однако, сильное, чтобы в общем составе сената получился значительный перевес монархистов над республиканцами: и тех, и других было почти поровну, первых 151 человек, вторых 149. Гораздо более благоприятными для республиканцев оказались выборы в палату депутатов, куда их вошло около 360 против только 170 монархистов.

Партийные группы в новом собрании были, в общем, те же, что и в старом; изменились только численные отношения. В большинстве, бывшем теперь республиканским, самую значительную группу составляла республиканская левая, в консервативном же меньшинстве усилилась, сравнительно с прежним, фракция «воззвания к народу», рост которой начался еще в национальном собрании, но зато крайняя правая уже совсем исчезла. При новом составе народного представительства, конечно, должен был начаться пересмотр недавнего реакционного законодательства, и палата постепенно восстановила свободу печати, разрешила уличную продажу

¹ «Les membres de la chambre des députés sont élus au scrutin individuel» (§ 14), что у Гесена и Нольде переведено не совсем ловко: «члены палаты депутатов избираются поименным голосованием», ибо последнее выражение может значить нечто другое. Во Франции системе «scrutin d'arrondissement», когда в каждом округе выбирается один депутат, противопоставляются выборы по списку (scrutin de liste), когда баллотируется один общий список для целого департамента.

газет, отменила жалование полковым священникам и т. п. Вместе с этим она предприняла очистку администрации от реакционных элементов. И в своей собственной среде палата систематически отказывала, при проверке полномочий, в утверждении тем депутатам, которые были обязаны своим избранием правительственному давлению или проискам духовенства. Понятно, что при республиканском большинстве уже не было возможности оставаться прежнему министерству, вследствие чего в марте 1876 г. Мак-Магон был вынужден назначить новое министерство из членов левого центра с Дюфором¹ во главе, которого в конце того же года сменил Жюль Симон. От принципа однородности парламентарного министерства маршал, однако, отступил, оставив три портфеля (войско, флот и иностранные дела) в руках лиц, не принадлежавших к большинству палаты. От своего республиканского министерства большинство потребовало удаления чиновников резко антиреспубликанского направления, которых было назначено особенно много в эпоху утверждения «нравственного порядка»; министерство начало тогда предложенную ему очистку, хотя последняя пошла не так быстро и совершалась при этом не так полно, как того хотели наиболее рьяные республиканцы палаты. Главного своего врага республиканское большинство видело в духовенстве², что и было сформулировано Гамбеттой в одной короткой фразе, им однажды произнесенной: «клерикализм — вот кто враг!» («le cléricalisme, c'est l'ennemi!»).

Клерикалы между тем продолжали свою прежнюю агитацию, настаивая на том, чтобы Франция принялась за восстановление светской власти папы, и это очень дурно влияло на международное положение Франции. Из разных мест страны в палату даже посылались петиции об оказании помощи «ватиканскому узнику», которые находили здесь поддержку у реакционеров, но левые группы самым решительным образом высказались против подобных манифестаций. Республиканское министерство хорошо понимало, что враг-клерикализм вообще будет всегда силен, пока народное образование будет находиться в руках католического клира, почему и поспешило выработать законопроекты о введении светского начального образования и об отнятии у «свободных» католических университетов права, признанного за ними предыдущим собранием, раздавать ученые степени. Духовенство было крайне встревожено антиклерикальным направлением палаты и министерства; вместе со своими приверженцами, светскими клерикалами, оно настойчиво действовало в близких к президенту республики кругах, чтобы добиться от него защиты консервативных интересов. Старый слуга империи, сам ревностный католик, окруженный

¹ Об этом деятеле соч. P. Moulin'a (1879), G. Picot (1883) и др.

² Для истории церкви и духовенства во Франции при третьей республике см.: *Bourgain. L'église et l'état en France au XIX siècle* (1901); *Debidor A. L'église catholique et l'état sous la troisième république* (1906); т. I от 1870 до 1889 г. и т. II от 1889 до 1906 г.; *Brisson H. La congrégation* (1902).

однородной средой, Мак-Магон совершенно не годился для роли *sui generis*¹ конституционного монарха, которую должен был, собственно говоря, играть по конституции 1875 г., да и в 1873 г., когда его, после отставки Тьера, выбирали на первый пост в республике, тоже не имели в виду посадить на президентское место человека, который разыгрывал бы такую роль. Маршал был ставленником монархистов, находивших, что Тьер только укрепляет положение республики и недостаточно притом сдерживает радикалов, и нуждавшихся в человеке, способном быть не только орудием реакции, но при благоприятных обстоятельствах и монархической реставрации. Мак-Магон совершенно не соответствовал новой палате, а между тем семилетний срок его полномочий истекал еще не скоро, и он оставался на своем посту. Вынужденный назначить республиканское министерство, президент нередко обращался за советами к прежним министрам, врагам республики и друзьям клерикалов. В их глазах единственной опорой «нравственного порядка» оставался сенат, но будущий состав его зависел от муниципальных выборов, которые при республиканском министерстве могли дать неблагоприятные для консервативных интересов результаты. И вот ближайшие советники маршала внушили ему необходимость действовать.

Удар республике был нанесен реакционерами 16 мая 1877 г.², случайно в годовщину другого «шестнадцатого мая» (*le seize mai*), того именно дня, когда Карл X в 1830 г. распустил оппозиционную палату и назначил новые выборы, давшие палату июльской революции, — совпадение, на которое особенно охотно ссылались в своей полемике против маршала республиканские публицисты³. Между обоими «шестнадцатыми мая», действительно, было сходство: оба раза это были своего рода *coups d'état*, направленные против национальной свободы. В указанный день 1877 г., по состоявшемуся соглашению с консерваторами палаты депутатов и сената, появилось в официальном органе правительства письмо президента республики к председателю совета министров, — каковым тогда был Жюль Симон, — с упреками по поводу его политики и с указанием на то, что если президент республики по конституции и не ответствен, подобно минист-

¹ «В своем роде; своеобразный» (*лат.*). — *Прим. ред.*

² М. Marcère, автор истории национального собрания 1871 г. (см. выше), сам бывший министром внутренних дел в кабинетах Дюфора и Ваддингтона (см. ниже), предпринял в 1908 г. «*Histoire de la république de 1876 à 1879*», в первой, вышедшей в свет части которой изложение доводится до 25 июня 1879 г. Раньше он издал «*Le seize mai et la fin du septennat*». «Шестнадцатым мая» кончается III т. книги Nanotaux, называющего его (на с. 724) «*la crise fatale de l'interprétation de la constitution de 1875*», которая «*avait prétendu combiner la république et la monarchie*» («роковой надлом в толковании конституции 1875 года», которая «установила мнимую комбинацию республики и монархии» (*фр.*). — *Прим. ред.*).

³ Одним из видных газетных борцов был старый публицист Эмиль де Жерарден, который еще в 1874 г. приобрел газету «*La France*» для борьбы с реакцией.

рам, перед народным представительством, это еще не мешает ему чувствовать другую, еще более важную ответственность свою — перед всей Францией: Жюлю Симону и его товарищам ставилось здесь в вину, в существе дела, то же самое, в чем обвиняли и Тьера его монархические противники. Министерство поступило так, как при таких обстоятельствах только и могло поступить, т. е. вышло в отставку, и его место заняло новое, получившее название «министерства 16 мая» или «министерства нравственного порядка». Составлено оно было из орлеанистов и бонапартистов; во главе его стоял герцог де Бройль¹, орлеанист, уже раньше занимавший такой же пост, внутренние дела были отданы в распоряжение бонапартиста Фурту. Опорой нового правительства, кроме самого главы государства, было консервативное большинство сената с соответственным ему меньшинством палаты депутатов: сенат, с согласия которого президент республики по конституции только и мог распустить палату депутатов, должен был помочь ему в этом деле, а консервативное меньшинство палаты — всячески содействовать и со своей стороны успеху предприятия. Сущность последнего заключалась в том, чтобы новые выборы дали правительству, как сказали бы в другом месте и в другое время, законопослушную палату, к чему стремился и Карл X, распустив 16 мая 1830 г. либеральную палату. Как тогда в ход было пушено, кроме административного давления на избирателей, и личное обращение короля к нации, так и теперь и администрации было дано поручение относительно хорошего исхода выборов, и сам глава государства стремился использовать свое высокое положение в качестве фактора успешной избирательной кампании. Все меры были приняты, чтобы предприятие действительно увенчалось успехом. Для этого, как-никак, нужно было время: чтобы продлить срок своего пребывания у власти, министерство Бройля-Фурту распорядилось с роспуском палаты и новыми выборами так, что в его распоряжении оказалось целых пять месяцев², в течение которых оно могло заняться подготовкой выборов и вообще тем, что, с его точки зрения, вело к оздоровлению Франции. Началась очистка администрации от неблагонадежных элементов, замена республиканских префектов, суб-префектов и мэров консервативными, преимущественно бонапартистскими; были выставлены официальные кандидатуры с личной, так сказать, рекомендацией президента республики, который даже обратился к нации с посланием, порицавшим республиканскую оппозицию и возвещавшим, что он, маршал, во всяком случае оружия не сложит;

¹ De Broglie, но французы произносят эту фамилию итальянского происхождения (Broglia) не де Брольи, а де Бро́иль. Он был довольно известным историком, особенно много написавшим после своей отставки. О нем см.: *Fagniez. Le duc de Broglie* (1902).

² Сначала министерство отсрочило заседания палаты депутатов до 16 июня, потом 22 июня получило от сената согласие на роспуск, после чего выждало истечения законного трехмесячного срока (ср. выше), только 22 сентября объявило выборы на 14 октября, что и составило указанные пять месяцев.

республиканские собрания и пресса всевозможными способами стеснялись; закрывались трактирные заведения, где велась оппозиционная агитация, и привлекались к судебной ответственности особенно неприятные правительству лица (между прочим, Гамбетта), тем более, что не было недостатка в случаях оскорбления президента; духовенство проповедовало в церквях на политические темы, ругало республиканцев и убеждало подавать голоса за кандидатов маршала.

Опасность, грозившая республике, заставила республиканцев объединиться и удвоить энергию в борьбе с реакцией. В распушенной палате их было 363, и как лозунгом либералов в 1830 г. было вернуть в палату всех 221 депутата, вотировавших оппозиционный адрес Карлу X, так и теперь все «триста шестьдесят три» («les 363») должны были опять занять свои места в палате депутатов. Они выступили на выборах все кандидатами одной партии, с общей программой защиты республики против коалиции монархических партий, защиты народовластия против личного правления президента и охраны мира против сторонников восстановления Францией светской власти папы, которое не могло бы совершиться без войны с Италией. Одним из наиболее горячих и энергичных противников режима 16 мая был Гамбетта, заявивший в одной из своих многочисленных агитационных речей¹, что когда Франция выскажет свою волю, тогда нужно будет «se soumettre ou se démettre» (или подчиниться, или уйти). Как раз в это время, незадолго до выборов, республиканская партия лишилась того, кому общественное мнение отводило в ней первое место, лишилась Тьера, скончавшегося восьмидесятилетним старцем в начале осени 1877 г. Париж устроил ему грандиозные похороны с характером явной политической демонстрации, а опроставшееся место главы республиканцев и в общественном мнении, и фактически занял Гамбетта. Так как на этот раз опасность республике грозила со стороны бонапартизма, то республиканская пресса усиленно напоминала своим читателям о «преступлении 2 декабря» и о «позоре Седана». В это время Виктор Гюго возобновил литературную борьбу с империей, издав свою «Историю одного преступления», а старый публицист еще конца сороковых годов, Эмиль де Жирарден, в небольшом «Dossier de la guerre de 1870»² представил целый обвинительный акт против позорного легкомыслия, с каким в 1870 г. империя поставила на карту благосостояние и величие Франции. С другой стороны, газеты напоминали Мак-Магону судьбу предприятия Карла X.

В общем, население оставалось сдержанным во время этого кризиса, чтобы не подавать повода к репрессиям, хотя настроение большинства и выражалось в таких словах и поступках, в которых нельзя было не усма-

¹ Речь в Лилле 15 августа 1877 г. (в «Discours et plaidoyers choisis», с. 238–259), к которой мы еще возвратимся в главе XVI.

² «Досье войны 1870 года» (фр.). — Прим. ред.

тривать оскорбление главы государства. В некоторых местах к правительственным сообщениям, приклеивавшимся на углах улиц, на ночь ставили часовых (или на ночь их снимали), чтобы на них не появлялись ругательные надписи или их не забрасывали грязью и навозом. Такой судьбе подвергалось и воззвание Мак-Магона к нации, в котором он говорил, что, «исполняя свою миссию», он готов «идти до конца». Правительство особенно рассчитывало на то, что резко антиклерикальный характер республиканской партии погонит добрых католиков к урнам для подачи голосов за консервативных кандидатов, но это соображение его обмануло. С другой стороны, даже среди довольно консервативно настроенной части буржуазии весьма многие не забывали слов Тьера, что всякая попытка монархической реставрации неминуемо вызовет новую революцию; этого отчасти не мог не понимать даже сам Мак-Магон, который, как известно, все-таки «до конца» не пошел. Выборы, состоявшиеся 14 октября, с последовавшими перебаллотировками были полным провалом всего предприятия 16 мая. Большая часть республиканских депутатов (335 из 363) была переизбрана, а когда были произведены дополнительные выборы вследствие кассации ряда избраний, как незаконных, общее число республиканских депутатов выросло до 394, соответственно с чем сильно понизилась численность монархистов, среди которых, однако, на этот раз бонапартисты составляли очень значительную группу. Победа республиканцев была полная; значение ее было усилено тем, что в скором времени частичные выборы в сенат и в этом учреждении доставили левым (174) перевес над правыми¹.

Франция высказала свою волю, но Мак-Магон и не думал *se soumettre* ou *se démettre*, как того требовал Гамбетта, и решил оставаться («j'y suis, j'y reste»²), чтобы до конца исполнить то, что называл своей миссией. Министерство Бройля-Фурту, побитое на выборах, вышло в отставку, но Мак-Магон для составления нового министерства обратился не к лидерам большинства, а к консерваторам, взяв их только вне обоих представительных учреждений. С этим «деловым» кабинетом, во главе которого стоял Рошбуэ, палата, однако, отказалась входить в какие бы то ни было сношения, грозя вместе с тем и оставлением без утверждения бюджета на 1878 г. Перед Мак-Магоном открывалось четыре исхода: во-первых, уйти самому, но его политические друзья убеждали остаться; во-вторых, еще раз распустить палату, но на это нужно было согласие сената, расчет на которое был плох³; в-третьих, произвести государственный переворот, к чему маршала усиленно приглашали реакционеры, но у него на это не хватило решимости и храбрости; наконец, подчиниться, т. е. дать отставку отвергнутому

¹ Осенние выборы в генеральные советы дали около 800 республиканцев и только 600 монархистов.

² «Я есть, я остаюсь» (фр.). — Прим. ред.

³ Это было еще до обновления его состава.

палатой министерству и составить новое, которое было бы для нее приемлемо. Мак-Магон пошел по этому четвертому, конституционному пути, что произошло ровно через два месяца после октябрьских выборов, в самом конце 1877 г. (14 декабря), когда было назначено министерство Дюфора, подобранное из членов левого центра. Оно тотчас же занялось возвращением на прежние места чиновников, лишившихся своих должностей после 16 мая; это крайне не понравилось маршалу. Между ним и республиканским министерством начались несогласия, которые привели к выходу самого президента в отставку в самом начале 1879 г.¹

Победе республики в серьезном кризисе 1877 г. много способствовало единение, царившее среди республиканцев, которые составляли как бы одну партию в борьбе также с одной партией, объединявшейся общими реакционными стремлениями. В это трудное для республики время наибольшая заслуга в деле успешной борьбы за нее среди отдельных деятелей по всем правам принадлежит Гамбетте, который в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов и был наиболее популярным политическим деятелем Франции. Впрочем, за эти годы сам Гамбетта испытал некоторую эволюцию в сторону большей умеренности требований и большей сдержанности в удовлетворении назревших потребностей. Человек, который возражал на заявление Тьера о возможности во Франции только консервативной республики, словами: «если это консервативная республика, то она и не республика вовсе», стал с течением времени определять истинную, государственную мудрость, как умеренность. В тяжелые минуты борьбы с реакцией, когда ему не раз приходилось убеждаться, что не так-то легко осуществлять на практике теоретические принципы, он приглашал своих единомышленников быть более терпеливыми, и в 1878 г., когда власть уже была в руках республиканцев, он настаивал на том, чтобы решать вопросы по сериям, а не сразу. Единство действий против реакции в 1877 г. требовало примирения противоречий, а желание иметь на своей стороне побольше общественных сил заставляло подальше прятать слишком острые углы республиканской программы, дабы не отпугивать колеблющихся от нового государственного строя. Ради успеха самой республики Гамбетта стал умерять ее требования и рекомендовал для упрочения власти за настоящими республиканцами действовать так, чтобы из них можно было составить министерство, потому что, находил он, «год власти плодотворнее, нежели целый десяток лет самой героической оппозиции». Со многим из того, что прежде им отрицалось, он теперь примирялся. Например, сначала он решительнейшим образом высказался против существования сената, а потом уже с сочувствием выражался об этом учреждении, называя его «верховным советом общин Франции». Этой новой

¹ В 1878 г. в Париже была всемирная выставка, сильно отвлекавшая общественное внимание от политических вопросов.

эволюцией своих политических идей он поселял в широких кругах французской буржуазии убеждение, что республика может быть и не столь страшной, как ее расписывали монархисты или изображали наиболее крайние из самих же левых, и это не только немало обезоруживало врагов республики, но и создавало для самого Гамбетты положение «сокровенного владыки» Франции. Те республиканцы, которые не одобряли такой поворот направо в заявлениях и действиях Гамбетты, смотрели на новое его направление, как на измену принципам ради невысокой в моральном отношении и небезопасной в политическом тактики приспособления к обстоятельствам, окрестив эту тактику именем «оппортунизма» и распространив название «оппортунистов» на всех приверженцев Гамбетты. Единодушие, державшееся в республиканской партии, когда ей приходилось напрячь все силы на отстаивание республики, должно было уступить место различию мнений и прямой борьбе с переходом власти к республиканцам. Первым стал отделяться от единения левый центр, из которого Мак-Магон взял своих министров после поражения реакции на октябрьских выборах 1877 г. Среди членов этой партии, имевшей главных своих представителей в сенате, было немало католиков, которые легко вступали в союз с правой этого собрания против антиклерикального направления большинства республиканцев. Старая республиканская левая и крайняя левая, к которой принадлежал Гамбетта, составляли в качестве республиканского союза левую, но левее его возникала еще новая, радикальная партия, вожди которой Клемансо, Гобле и Бриссон впоследствии повели кампанию и против оппортунистов вообще, и в частности против Гамбетты лично.

Отставка Мак-Магона очистила место президента республики для Жюлья Греви¹, старого и испытанного республиканца 1848 г., человека, которому пошел уже шестьдесят шестой год и который потом на своем посту и до истечения семилетнего срока, и будучи вторично выбран президентом, строго следовал системе полного воздержания от личного вмешательства в дела. Это был корректный глава парламентарной монархии, вполне разделявший старый взгляд Тьера, что монарх должен царствовать, а не управлять, но отнюдь не подражавший самому Тьеру, как президенту, стремившемуся, наоборот, лично во все входить и всем руководить. В собрании, выбравшем Греви, за него было подано 563 голоса против 150, что составляло 80% общего числа поданных голосов, а вторичное избрание Греви впоследствии доказывало, что республиканцы считали этот свой выбор удачным. В момент отставки Мак-Магона и выбора Греви министерство продолжало оставаться в руках левого центра, но это более уже не

¹ Греви был еще членом учредительного собрания 1848 г., в котором обратил на себя внимание поправкой к проекту конституции, требовавшей уничтожения должности президента республики.

соответствовало новому положению дел, так как власть должна была перейти к левой. Сначала образовалось министерство Ваддингтона, ученого археолога и по вероисповеданию протестанта (что тоже было своего рода признаком времени). Это министерство провело отмену параграфа конституции, делавшего Версаль местопребыванием законодательных учреждений республики, которые отныне должны были заседать в Париже, и при нем же была первая амнистия приговоренным к наказаниям за участие в коммуне; крайняя левая добивалась полной амнистии, но большинство согласилось на частичную с предоставлением выбора лиц президенту республики. Ваддингтон, однако, не угодил левым тем, что недостаточно очищал администрацию от бонапартистских элементов; к концу 1879 г. у власти уже было новое министерство с Фрейсине во главе, инженером по профессии и тоже, как его предшественник, протестантом по вероисповеданию, сотрудником Гамбетты во время вооружения народа в 1870 г. для борьбы с немцами¹. В этом министерстве под давлением общественного мнения, одним из авторитетных выразителей которого выступил Гамбетта, была принята общая амнистия² и решено было объявить день взятия Бастилии в 1789 г., 14 июля, национальным праздником в знак окончательного торжества республики³. Министром народного просвещения в составе этого кабинета был Жюль Ферри, имя которого нам уже встречалось, между прочим, как члена правительства народной обороны. По сделавшемуся крылатым слову Гамбетты, враг был клерикализм, и против этого врага Жюлем Ферри была начата борьба. Опираясь на левое большинство, он провел законы об исключении из высшего совета народного просвещения всех представителей духовенства и о праве только государственной высшей школы давать ученые степени, но сенат отверг параграф закона, запрещавший членам неразрешенных правительством религиозных конгрегаций управлять учебными заведениями и преподавать в них, т. е. имевший в виду преимущественно иезуитские средние школы. Оппозиция, встреченная министерским предложением со стороны сената, заставила палату предложить правительству привести в действие существующие законы против неразрешенных конгрегаций, которых, нужно заметить, во Франции было тогда не менее пятисот с 22 тыс. членов — целая клерикальная армия. Опираясь на это поручение, министерство в конце марта 1880 г. объявило иезуитский орден и все его учреждения закрытыми во Франции, а другим орденам предложило в трехмесячный срок испросить у правительства разрешение на существование под угрозой также закры-

¹ Фрейсине о войне в провинциях написал сочинение, названное выше.

² См. речь Гамбетты об амнистии в палате 21 июня 1880 г. (*Discours et plaidoyers choisis*, с. 308—302), на которую см. ссылку у нас в гл. XVI.

³ Этот день фактически был ознаменован празднованием еще в 1878 г., в самый разгар всемирной выставки.

тия в случае отказа это сделать. Иезуиты не захотели повиноваться, так что правительству пришлось привести свое постановление в исполнение силой. Последнюю меру провел сам Жюль Ферри, сделавшийся в сентябре того же 1880 г. председателем совета министров. После этого он еще в собрании, избранном в 1876 г., провел законы о свободе собраний и печати, а затем ряд реформ в учебном деле, впервые установив во Франции светское среднее образование для девочек и даровое первоначальное образование для народной массы¹. Страна одобрила новый курс внутренней политики, как это показали выборы 1881 г., пославшие в палату 467 республиканцев и только 90 консерваторов. В сенате после обновления его состава в 1882 г. тоже насчитывалось 205 республиканцев (из них, однако, тридцать ненадежного левого центра) на 95 консерваторов.

Указанием на этот успех, достигнутый во Франции республикой к началу восьмидесятых годов, мы и закончим изложение истории Франции в первое десятилетие после низвержения империи². Итак, больших усилий стоило республиканцам, преодолевая множество препятствий, завоевать Францию. У этой партии была уже старая традиция, не всегда указывавшая ей, однако, верные пути, — стоит вспомнить только якобинизм, — было богатое прошлое, в котором, однако, насчитывалось больше поражений, нежели побед, и к ней принадлежало все, что только было лучшего во французском обществе, цвет национальной интеллигенции. Неудача второй республики повлекла за собой на долгое время разгром республиканской партии: члены ее долгое время томились — и умирали — в тюрьмах и на чужбине, а многие оставшиеся в живых снова увидели родину только через двадцать лет. Во время империи выросло, однако, новое поколение республиканцев, которое с уцелевшими стариками и предприняло завоевание Франции среди крайне неблагоприятных обстоятельств. Выборы в национальное собрание 1871 г. как бы показывали, что Франция не желает республики, и монархическую реставрацию сделало невозможной только то, что на один трон было три претендента, приверженцы которых не могли между собой столкнуться. Сила обстоятельств, таким образом, навязывала Франции республику, но люди, распоряжавшиеся судьбами страны, медлили это признать, все еще рассчитывая на ту или другую реставрацию. По необходимости они, в конце концов, вынуждены были примириться с республикой, но под условием, чтобы это была республика консервативная, какую настоящие республиканцы и за республику-то считать не хотели. Реакционное настроение широких и влиятельных кругов французской нации немало обуславливалось Парижской коммуной, поселившей в имущих классах общества особый страх перед республикой. Популярный и консервативный Тьер пал вследствие того, что недостаточ-

¹ Последнее уже в марте 1882 г.

² Продолжение в гл. XVI.

но, по мнению консерваторов, противодействовал радикализму. Чтобы избежать необходимости признать республику, легитимисты и орлеанисты, ссорившиеся более сорока лет, готовы были даже примириться между собой для того, лишь бы призвать во Францию короля. Когда это не удалось, создали септеннат, под покровом которого должна была совершаться безудержная реакция. Республику пришлось признать, но это прошло только большинством одного голоса. Даже когда нация на новых выборах послала в палату депутатов республиканское большинство, поставленный реакцией президент республики, сам военный и опиравшийся на бонапартистскую армию, на бонапартистских чиновников и на духовенство, упорно оставался на своем посту, считая, что у него есть какая-то «миссия», которую он должен выполнить «до конца», хотя бы и вопреки желанию избирателей. Даже новый государственный переворот во вкусе 18 брюмера и 2 декабря носился в воздухе, а за ним ужасы междоусобия и внешняя война за светскую власть папы. На пути республиканской партии стояло, таким образом, множество препятствий, которые приходилось преодолевать и обходить. Конечно, эта партия пользовалась теперь большей свободой действий, чем при империи, и времена мученичества за идею, игравшего такую роль в прежней истории партии, отошли далеко в прошлое, но помех для ее деятельности создавалось и при республике великое множество, не говоря о тех неблагоприятных условиях, какие представляли собой невежество и косность народных масс, давным давно воспитывавшихся под исключительным влиянием духовенства. Все указанные обстоятельства и условия не утратили своей силы и после перехода власти к республиканской партии. В следующие два десятилетия побежденные элементы общества не раз пытались разрушить республику, пользуясь ошибками стоявшей у власти партии и более или менее искусно направляя в желательную для себя сторону невежество, предрассудки и дурные инстинкты народной массы. Республика, конечно, не могла сразу перевоспитать нацию, и в старых народных привычках реакция всегда могла найти горючий материал для истребления республики. С другой стороны, и самой третьей республике делался справедливый упрек слева, что она слишком равнодушно относилась все время к социальному вопросу. Сам Гамбетта, в котором, так сказать, до самой его смерти воплощалась республиканская идея тогдашней Франции, очень ясно формулировал односторонность своего политического направления, заявив, что можно говорить только о социальных вопросах, ибо «такого целого, которое называют социальным вопросом, в действительности не существует». Дальнейшему изложению истории Франции¹ нам прямо придется предпослать рассмотрение той «буржуазности», упрек в которой третья республика навлекла на

¹ В только что указанной гл. XVI.

себя политикой своего правительства и своих господствующих классов в первое же десятилетие своего существования, когда воспоминания о коммуне были еще особенно ярки и потому могли оказывать и наиболее сильное влияние на общее направление внутренней политики.

VII. Первые годы Германской империи и «культуркампф»¹

¹ Подробная библиография по истории объединения Германии дана в т. V. Отмечаем из нее здесь лишь важнейшее вместе с трудами по истории Германской империи: *Oncken*. Zeitalter des Kaisers Wilhelms I. (1890—1892); *Sybel*. Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. 1893 и след.; *Denis E.* La fondation de l'empire Allemand, 1852—1871 (1906); *Lorenz O.* Kaiser Wilhelm und die Begründung des Reichs, 1866—1871 (1902); *Maurenbrecher W.* Gründung des Deutschen Reiches, 1859 bis 1871 (1892). К этим трудам следует прибавить еще общие обзоры Германии после ее объединения или вообще по XIX в., раньше не называвшиеся: *Schlenter P.* Das XIX Jahrhundert in Deutschlands Entwicklung (1898); *Hinneberg P.* Die allgemeinen Grundlagen der Kultur der Gegenwart (1906); *Stockhausen*. Das deutsche Jahrhundert in Einzelschriften (1901); *Kaufmann G.* Politische Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert (1900); *Lichtenberger H.* L'Allemagne moderne. Son évolution (1908); *Peïx Э.* Современная Германия; *Новгородцев Л.* Германия и ее политическая жизнь (1904); *Иоллос Т.* Письма из Берлина (1904). Особенно важное значение для истории культурной и экономической жизни новейшей Германии принадлежит дополнительным томам (Ergänzungsbände) к «Deutsche Geschichte» von K. Lamprecht с общим заголовком «Zur jüngsten deutschen Vergangenheit» в двух томах, из которых второй издан в виде двух отдельных частей. К названным в т. V монографиям о Вильгельме I и Бисмарке прибавим, кроме того, см.: *Marcks E.* Kaiser Wilhelm I (1899); *Lenz M.* Geschichte Bismarcks (1902; изд. 2); *Matter P.* Bismarck et son temps; *Biermer*. Fürst Bismarck als Volkswirt; *Poschinger*. Fürst Bismarck als Volkswirth (1889—1891; 5 томов); *Brodnitz G.* Bismarcks nationalökonomische Anschauungen (1902); *Бернацкий М.* Общественно-экономические воззрения князя Бисмарка («Образование» за 1905 г.); *Müller W.* Reichskanzler Fürst Bismarck, 1815—1885 (1885); *Andler C.* Le prince de Bismarck (1899); *Benoist G.* Le prince Bismarck. Psychologie de l'homme fort (1900); *Lowe Gh.* Prince Bismarck, historical biography (1885); *Stearns*. The life of prince Otto von Bismarck (1900); *Hahn L.* Fürst Bismarck (1878—1891; пять томов); *Poschinger H.* Fürst Bismarck und die Parlamentarier (1894—1896); *Poschinger H.* Fürst Bismarck und der Bundesrath (1897—1901); *Balder*. Die Wahrheit über Bismarck (1892); *Roëll, Epstein*. Bismarck's Staatsrecht (1903); *Ренненкампф В.* Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка (1890); *Blum*. Das Deutsche Reich zur Zeit Bismarck's (1893); *Busch M.* Bismarck, some secret pages of his history (1898; франц. изд.: «Memoires de Bismarck»); *Иоллос Т.* Из мыслей и воспоминаний кн. Бисмарка (в «Вестнике Европы» за 1899 г.); *Kohl*. Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen (1899); *Bismarck*. Reden und Aussprüche zur deutschen Reichsverfassung. Zusammengestellt von L. Kühlenbeck (1901); *Béhaine L. de*. Léon XIII et le prince de Bismarck. Об устройстве Германской империи см.: *Auerbach L.* Das neue deutsche Reich und seine Verfassung (1871); *Rönne*. Das Verfassungsrecht des Deutschen Reiches (1872); *Wersterkamp J.* Ueber die Reichsverfassung (1873); *Градовский А.* Германская конституция (1876); *Gerber C.F. v.* Grundzüge des deutschen Staatsrechts (1880; 3-е изд.); *Zorn Ph.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches (1880); *Turner S. E.* A sketch of the germanic constitution (1889); *James E. J.* The federal constitution of Germany (1890); *Горенберг*. Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии (1891); *Hünel A.* Deutsches Staatsrecht (1892); *Ruville A.* Das Deutsche Reich ein monarchischer Einheitsstaat (1894); *Laband P.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches (1895); *Bock Ed.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches (1802); *Busch W.* Die Kämpfe urn Reichsverfassung und Kaisertum 1870 bis 1871 (1906). Для правового положения отдельных государств в империи и их конституции укажем на книги: *Kliemke E.* Die staatsrechtliche Natur und Stellung des Bundesrathes (1894); *Binding K.* Die rechtliche Stellung des Kaisers im heutigen deutschen Reiche (1898); *Tophoff H.* Die rechte des deutschen Kaisers (1902); *Ritter P.* Die Sonderrechte der deutschen Staaten und die Reichsverfassung (1899); *Seydel M.* Bayrisches Staatsrecht (1884; 2-е изд. 1896); *Gaupp L.* Staatsrecht des Königreichs Württemberg (1884); *Goz K.* Das Staatsrecht des Königreichs Württemberg (1908); *Rhamm A.* Das Staatsrecht des Herzogtums Braunschweig (1908); *Melle W. von*. Das hamburgische Staatsrecht (1891); *Meyer G.* Die Reichsgründung und das Grossherzogthum Baden (1896); *Bornhack*. Staatsrecht des Grossherzogthums Baden (1908);

Состав Германской империи. — Значение исключения из Германии католической Австрии и объединения Германии под гегемонией протестантской Пруссии. — Имперская конституция 1871 г. — Конституции отдельных составных частей Германии. — Грюндерство и экономический кризис. — Формирование общегерманских партий и «внутренние враги» прусской политики в империи. — Руководящая роль Бисмарка во внутренней политике Германии. — Положение католического духовенства в Пруссии и в империи. — Образование старокаатоличества. — Так называемый «культуркампф». — Сближение Бисмарка с прогрессивными партиями. — Союз правительства с национал-либералами и последовавший затем переход его на сторону консерваторов. — Прекращение «культуркампфа»

Германская империя, образовавшаяся из Северогерманского союза вследствие присоединения к нему четырех южногерманских государств, своими границами далеко не совпадала с границами Германского союза 1815—1866 гг., которые сами, в общем, были границами Священной Римской империи. Сравнивая между собой границы новой империи с границами 1815—1866 гг., мы должны, конечно, прежде всего, отметить исключение из Германии Австрии, или, вернее говоря, тех ее областей, по которым монархия Габсбургов состояла в Германском союзе. Зато в состав империи вошли включенные еще раньше в Северо-германский союз восточные области Прусского королевства и присоединенный к нему в 1866 г. Шлезвиг. Восточные области Пруссии — это, во-первых, «Восточная Пруссия», когда-то герцогство Прусское, образовавшееся из владений Тевтонского ордена; во-вторых, «Западная Пруссия», вошедшая в состав монархии Гогенцоллернов по первому польскому разделу, и, в-третьих, Познань, тоже составлявшая часть Польши, отделенная на Венском конгрессе от Варшавского великого герцогства и присоединенная к Пруссии. Эти три провинции не входили в состав Священной Римской империи германской нации и не были также включены в Германский союз, но по-

Marckwald H. Die Wahlsysteme der deutschen Einzelstaaten («Die neue Zeit» за 1904 г.); *Jacob K.* Bismarck und die Erwerbung Elsass-Lothringens. 1870—1871 (1905); *Mitscher.* Elsass-Lothringen unter deutscher Verwaltung (1875); *Du Prel.* Die deutsche Verwaltung im Elsass (1879); *D'Elstein.* L'Alsace-Lorraine sous la domination allemande; *Schicker A.* Elsass-Lothringen im Reichstag (1873). История германских политических партий (кроме социал-демократии, о которой см. в VIII главе) представлена следующими трудами: *Baumgarten.* Der deutsche Liberalismus (1876); *Peitzig.* Die national-liberale Partei, 1867—1892; *Parisius.* Deutsche politische Parteien (1878); *Grotewold Ghr.* Die Parteien des deutschen Reichstags (1908); *Grambow L.* Die deutsche Freihandelspartei zur Zeit ihrer Blüthe (B 38 т. Conrad's Samml. nat.-oek. und stat. Abhandl., 1903); *Salomon F.* Die deutschen Parteiprogramme (1907; во второй части программы 1871—1900). По истории «культуркампфа»: *Hahn.* Geschichte des Kulturkampfes in Preussen (1881); *Schulte.* Geschichte des Kulturkampfes in Preussen (1883); *Wiermann.* Geschichte des Kulturkampfes (1885); *Majunke.* Geschichte des Kulturkampfes (1876—1888); *Goyau G.* Le protestantisme allemand (1899); *Он же.* Les origines du Kulturkampf («Rev. d.d. mondes» за 1908 г.).

сле распада последнего, когда был основан Северо-германский союз, и они были приняты в состав союза. Из двух герцогств, до 1864 г. принадлежавших датскому королю, одно, именно Гольштейн, и раньше принадлежало Германии, будучи составной частью союза 1815–1866 гг., но другое, Шлезвиг, присоединенное к Пруссии в 1866 г., вместе с нею в 1867 г. вошло в состав Северогерманского союза. Далее, кроме Австрии, были исключены из Германии при ее объединении княжества Люксембург, Лимбург и Лихтенштейн. Великое герцогство Люксембургское, ныне граничащее с Бельгией, Рейнской провинцией Пруссии, Эльзас-Лотарингией и Францией, в 1815 г. было отдано Нидерландскому королевству, но в то же время включено в состав Германского союза, в котором и оставалось до расторжения его в 1866 г.¹ Наполеон III стремился приобрести эту область, но это ему не удалось, и в 1867 г. лондонская конференция нейтрализировала Люксембург. Герцогство Лимбургское тоже принадлежало нидерландскому королю и вместе с Люксембургом в 1866 г. отделилось от Германии. Что касается до маленького княжества Лихтенштейнского, находящегося между Швейцарией и Австрией, то, не соприкасаясь непосредственно с другими германскими государствами, оно осталось вне объединения. Утрата трех этих областей с избытком была возмещена в 1871 г. присоединением к Германии «имперской области» Эльзас-Лотарингии², примыкающей северной своей границей к прусской Рейнской провинции и к баварскому Пфальцу, а восточной к великому герцогству Баденскому.

Если теперь мы обратимся к карте Германской империи, то увидим, что почти вся северная, большая ее часть занята территорией Прусского королевства, составляющей около 65% всей площади Германской империи (при несколько только меньшем процентном отношении населения Пруссии — 61% — к населению всей Германии). Самое большое после Пруссии германское королевство — Баварское — занимает только 14% территории империи, т. е. в четыре с половиной раза меньше Пруссии. Два других королевства, Саксония и Вюртемберг, меньше Пруссии, первое в 23 раза, второе в 18 раз. Из шести великих герцогств только два, Баден и Мекленбург-Шверин, еще могут быть приравнены по своей величине к Саксонскому королевству, но Гессен и Ольденбург, вместе взятые, не-

¹ В 1890 г. вследствие разных законов о престолонаследии в Голландии и Люксембурге последний существует отдельно от Голландии. *Eyschen*. Das Staatsrecht des Gross-Herzogthums Luxemburg (1890; в сборн. Marguadsen'a).

² Французские историки в общих историях эпохи останавливаются подробно на истории Эльзас-Лотарингии, даже выделяя эту область, как самостоятельную страну из остальной Германии. См., например: *Сеньобос*. Политическая история современной Европы (с. 497–501 по пер. изд. в 1897 г.); *Lavisse E.*, *Bambaud A.* Histoire générale, XII, 384–387 и т. п. Отметим, что после войны на эту область предъявляли свои притязания Пруссия, Бавария и Баден, пока законом 3 июня 1871 г. спорная территория по инициативе Бисмарка не была объявлена имперской областью, что, в сущности, отдавало ее в распоряжение той же Пруссии.

сколько меньше саксонской территории, а Саксен-Веймар и Мекленбург-Стрелиц не составляют вместе и половины этой территории. Что касается остальных государств, а именно пяти герцогств¹, семи княжеств² и территорий вольных городов: Гамбурга, Любека и Бремена, то в составе империи каждое из них представляет собой меньше одного процента всей площади Германии, иногда только одну тысячную часть, как это можно сказать о Шаумбург-Липпе, о двух Рейсах и о всех трех вольных городах. Только имперская область Эльзас-Лотарингия по своей величине приближается к Саксонии и Бадену.

Таким образом, Германская империя сохранила остатки бывшего мелководержавия (*Kleinstaaterei*), когда в ней было (еще в XVIII в.) столько же государств, сколько дней в году, но, с другой стороны, сравнительно с 1815–1866 гг. число их сократилось на добрый десяток³. Другая особенность территориального строя Германской империи заключается в чересполосице некоторых владений. Пруссия владеет одной территорией в Южной Германии (Гогенцоллерн, вкрапленный в территорию Вюртемберга); Баварии принадлежит Пфальц, отделенный от нее территориями Гессена и Бадена; сам Гессен перерезан на две части узкой полосой земли, принадлежащей Пруссии (там, где Франкфурт-на-Майне); на юге прусской Рейнской провинции есть небольшая область, принадлежащая Ольденбургу, который сам находится на противоположном конце Северной Германии. (Опускаем другие, менее важные примеры чересполосицы территории.)

В истории объединения Германии нужно различать два процесса: уменьшение числа составляющих государств и установление между ними более тесной связи. Мы уже знаем, что в 1867 г. Северная Германия превратилась из союза государств в союзное государство под гегемонией Пруссии и что в 1871 г. это союзное государство увеличилось присоединением к нему Баварии, Вюртемберга, Бадена, Гессена и Эльзас-Лотарингии. Что касается уменьшения числа германских государств, то оно произошло, главным образом, потому, что Пруссия поглотила Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау и Франкфурт-на-Майне. Рост территории Пруссии на счет соседей представляет собой вообще один из примеров политической интеграции или «собирания земли», но Пруссии все-таки не пришлось поглотить всю Северную Германию, и в прусскую территорию оказываются вкрапленными почти все мелкие государства этой части Гер-

¹ Герцогства: Брауншвейг, Саксен-Мейнинген, С.-Альтенбург, С.-Кобург-Гота и Ангальт.

² Княжества: Шварцбург-Зондерсгаузен и Ш.: Рудольштадт, Вальдек, два Рейса (старшей и младшей линий), Шаумбург-Липпе и Липпе.

³ Исчезли (главным образом в 1866 г.) или вышли из состава Германии королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассельское, герцогство Нассау, великое герцогство Люксембургское, княжество Лихтенштейнское, вольный город Франкфурт-на-Майне и др.

мании. Стоит, в самом деле, только бросить взгляд на карту Пруссии, чтобы в этом убедиться. На севере Ольденбург и Мекленбург одной стороной примыкают к морю, с трех сторон имея границы, общие с Пруссией, которая почти со всех сторон охватывает также территории вольных городов, а на юге окружена прусской же территорией часть Гессена, тогда как в западной половине Пруссии вполне окруженными со всех сторон ее владениями оказываются Вальдек, Липпе, Липпе-Шаумбург, отдельные куски Брауншвейга и Ангальта.

В этой неполной объединенности Германии, т. е. в том, что ее территория разделяется, хотя и весьма неравномерно, между несколькими государствами, сказывается преимущественно уважение к династическим правам царствующих в ней домов. Революция и Наполеон I не считались с этим принципом, но в эпоху Реставрации восторжествовал принцип легитимизма, нашедший поддержку и в местном партикуляризме. Потеря державных прав владельческими домами Ганновера, Кургессена, Нассау и Гессен-Гомбурга была результатом политики, которую сторонники этих домов иначе не называли, как революционной, но, присоединяя эти земли, Вильгельм I оправдывался тем, что благо Пруссии и всей немецкой нации не позволяет возратить государям завоеванных земель их власть. С желанием или нежеланием самих присоединяемых не считались, хотя в прусской палате и возникал вопрос об опросе жителей. Права династий уважались, пока эти династии не становились в слишком резкое противоречие с интересами Пруссии, но когда было можно и нужно, Пруссия не церемонилась с принципом легитимизма. Принцип народного согласия признавался лишь по отношению к таким землям, которые сохраняли своих местных государей.

Преобладание Пруссии в Германии, как самого большого и населенного в ней государства, и соединение в лице прусского короля, кроме местной, и общеимперской еще власти сообщали особый характер новой Германской империи. Германия объединилась без немецких частей Австрии, что умаляло значение национального принципа в этом объединении и ослабляло в объединенной Германии католический элемент населения. Старая Священная Римская империя и Германский союз находились под предводительством католической Австрии, новая Германская империя во главе своей имела протестантскую Пруссию, да и общее число протестантов в империи составляет до 63% при 36% католиков, причем значительную часть католического населения представляют собой не-немцы, а именно поляки и французы (в Эльзас-Лотарингии). Протестантский характер новой империи должен был отразиться и на внешней, и на внутренней ее политике: имперскому правительству и в голову не могло бы прийти защищать светскую власть папы в ущерб объединенной Италии или потворствовать клерикальным притязаниям внутри самой Германии.

Неполнота объединения придала немецкому государственному строю тоже особенный характер.

Германская имперская конституция 1871 г. была, как это уже было сказано в своем месте, не чем иным, как конституцией Северо-германского союза, созданного в 1867 г. Существенное содержание этой конституции было уже изложено выше, но без общей ее характеристики, намеренно оставленной для настоящей главы. Ныне действующая германская конституция превратила прежний союз государств (*Staatenbund*) в союзное государство (*Bundesstaat*). В науке государственного права принято, как известно, различать эти понятия. Союзом государств, — который нужно еще отличать от союза между государствами для временных конкретных целей и без постоянных органов общения, — называется постоянное политическое соединение нескольких государств на «вечные времена» или, по крайней мере, на безгранично долгий срок, главным образом, или, по крайней мере, для целей внешней обороны и общего представительства в международных отношениях, при непрременном существовании некоторого связующего органа, постоянно и правильно действующего, причем каждый член такой конфедерации сохраняет вполне свой суверенитет¹. Такой именно конфедерацией и был Германский союз, созданный в 1815 г. Венским конгрессом и заменивший собой прежнюю Священную Римскую империю германской нации, которая, наоборот, современными государствововедами подводится под тип союзного государства, или федерации. Последние названия даются таким государствам, в которых пользование суверенной государственной властью является разделенным между целым и его частями, так что и целое является само государством, и за отдельными членами сохраняется характер государств, осуществляющих по собственному праву, не контролируемому никакой высшей властью, государственные задачи². Можно сказать, что союзное государство представляет собой переход от союза государств к унитарному государству с широким

¹ «Wenn Staaten ein dauerndes politisches Bündniss, dessen Zweck mindestens in gemeinsamer Vertheidigung besteht, mit ständigen Bundesorgane errichten, so entsteht ein Staatenbund... Nur an der Souveränität der verbündeten Staaten hat der Staatenbund seine Grenze». *Jellinek G.* Die Lehre von der Staatenbildungen (1882), с. 172. Нужно, впрочем, вместе с автором этой книги оговориться, что в учении о союзе государств всегда было много «Unklarheiten, Dunkelheiten und Widersprüche», с. 173.

² «Ein Bundesstaat ist ein Staat, in welchem die souveräne Staatsgewalt die Gesamtheit der in ihrem Herrschaftsbereich auszuübenden Funktionen verfassungsmässig derart verteilt, dass sie nur ein bestimmtes Quantum derselben sich zur eigenen Ausübung vorbehält, den Rest jedoch ohne Kontrolle über die Festsetzung der regelnden Normen, sowie über die Art und Weise der Ausübung selbst, insofern nur die verfassungsmässigen Schranken eingehalten werden, den durch diese verfassungsmässige Zuweisung von selbstständiger staatlicher Macht geschaffenen nichtsoveränen Gliedstaaten überlässt!». *G. Jellinek*, с. 278. Приводим это несколько длинное и, пожалуй, запутанное определение, как содержащее в себе все необходимое для понимания природы союзного государства. Более новые сочинения по этому предмету: *Borel*. Sur la souveraineté et l'état fédératif (1886); *Brunialti A.* Unioni e combinazioni fra gli stati (1891); *Westerkamp*. Staatenbund und Bundesstaat (1892);

местным самоуправлением. Кроме того, как среди союзных государств, так и в каждом отдельном союзном государстве в разное время наблюдаются довольно значительные различия — в смысле большего или меньшего сужения компетенции частей сравнительно с компетенцией целого. Образование союзного государства из союза государств предполагает и большую прочность соединения, и большее количество задач, осуществляемых союзом, и большую сплоченность населения в смысле единства подданства (или гражданства), и наличность общего правительства, обладающего принудительной властью, а потому имеющего в своем распоряжении военную силу и независимые денежные средства, причем рядом с представительством всего народа в союзном государстве должен существовать и центральный орган, представляющий отдельные государства, каковым в Германии является и Bundesrath. История знает немало случаев превращения союзов государств в союзные государства. Наиболее известные из них относятся к истории Соединенных Штатов Северной Америки, существовавших сначала в форме конфедерации, а не федерации, и к истории Швейцарии, которая только в 1848 г. превратилась из «Staatenbund» в «Bundesstaat». Поэтому для теоретического понимания германской конституции, как федерации, материал дают и конституции других аналогичных политических образований. То разделение государственного суверенитета между целым и его частями, о котором было сказано выше, собственно говоря, признается, главным образом, американскими теоретиками государственного права, но большинство германских ученых стоит в этом вопросе на точке зрения неделимости суверенитета, который они приписывают только федеративной власти. Их аргументация сводится к тому, что, как бы прекрасно в союзной конституции ни были разграничены права целого и частей, это никогда не устранит возможности столкновения между федеративной властью и властью отдельных государств, но так как решительницею в подобного рода случаях может быть только власть федеративная, то за отдельными государствами суверенитет и не может быть признан¹. Нас, впрочем, в данном случае интересует не столько юридическая, сколько историческая (или фактическая) характеристика устройства Германской империи, подчиняющего отдельные государства совершенно новой,

Мижурев П. Важнейшие федерации Старого и Нового Света (1907). См. также книгу Горенберга, названную выше (с. 226).

¹ Отсюда их учение о несuverенных государствах. См., например, в цитированном выше сочинении G. Jellinek'a отдел под заглавием «Souveräne und nichtsouveräne Staaten» (с. 36—58) и вообще в немецких трудах по государственному праву. Кроме Jellinek'a, творцом этой теории является еще и Laband. По «вопросу о суверенитете в федеральном государстве» ср. в кн. Л. Дюги «Конституционное право» (1908), с. 187—194, где, между прочим, говорится: «Каково бы ни было понятие, составленное относительно суверенитета, нельзя, сохраняя эту концепцию, основанную на личности государства, создать юридически удовлетворительную конструкцию федерального государства», с. 194.

до 1867–1871 гг. не существовавшей в Германии федеративной власти, если не считать более призрачных, нежели реальных учреждений бывшей Римско-германской империи. Введение конституции 1867–1871 г. было лишь одним из моментов, — конечно, очень важным, — в процессе создания германского единства. Этому политическому моменту предшествовало, как известно, экономическое объединение в форме так называемого таможенного союза, вследствие которого в первой половине XIX в. между отдельными германскими государствами были уничтожены таможенные заставы. В этом союзе было свое центральное учреждение (*Zollparlament*), в котором южногерманские государства участвовали своими делегатами еще до своего включения в состав империи¹. Таможенное объединение, оказавшее сильное влияние на общий подъем экономической жизни, немало, как справедливо утверждают историки Германии середины XIX в., способствовало и объединению политическому. Но и после введения союзно-имперской конституции процессу сплочения Германии в единое целое предстояло совершить несколько этапов. Еще северогерманский рейхстаг, по предложению национал-либералов, принял в принципе постановление об объединении Германии в правовом отношении, т. е. в смысле создания общего материального (гражданского и уголовного) и процессуального права (1869). Вопрос об этом ставился уже в начале XIX в., в эпоху войны за освобождение, но тогда взяли верх решительно партикуляристические стремления, которым историческая школа права постаралась придать и научное обоснование. И на этот раз в Германии партикуляризм был довольно силен. В 1870 г. был принят общий уголовный кодекс, но дальше этого отдельные правительства идти не пожелали, опасаясь, что полное объединение в юридическом отношении подорвет их суверенные права. Из всех германских государей особенно этому противился баварский король Людвиг II, хотя местный ландтаг высказался за объединение, а из партий рейхстага противниками общегерманского права явились представители центра. Только в самом конце 1873 г. союзный совет, со своей стороны, согласился с упомянутым предложением рейхстага, да и то против мнения обоих Мекленбургов и обоих Рейсов, и были созданы комиссии

¹ Из литературы укажем: *Robolsky H.* Der Deutsche Zollverein (1862); *Ditmar W.* То же заглавие (1867); *Festenberg-Pakisch.* Geschichte des Zollvereins mit besonderer Besichtigung der staatlichen Entwicklung Deutschlands (1869); *Roscher W.* Zur Gründungsgeschichte des Zollvereins (1870); *Zimmermann A.* Geschichte der preussisch-deutschen Handelspolitik (1892); *Biermer.* Die deutsche Handelspolitik des XIX Jahrh. (1899); *Lang L.* Hundert Jahre Zollpolitik, 1805–1905 (1908). Общие соображения о влиянии экономического фактора в истории политического объединения Германии можно найти во II гл. первого отдела I т. книги М. И. Фридмана «Современные косвенные налоги на предметы потребления» (1908). Ср. его указание на то, что до сих пор не имеется разработки вопроса о влиянии таможенного союза на образование Германской империи с точки зрения проблемы о взаимных отношениях различных сторон общественной жизни (с. 8, прим.).

для выработки гражданского кодекса, уставов уголовного и гражданского судопроизводства и общей для всей Германии организации судов. Раньше всего были изготовлены оба устава и судоустройство, принятые затем рейхстагом в конце 1876 г., но введение их последовало только 1 октября 1879 г. Высшей судебной инстанцией был сделан имперский суд (Reichsgericht) с местопребыванием в Лейпциге — последнее в смысле уступки партикуляризму против Берлина, в котором притом этот суд мог бы подпасть под влияние придворных сфер (таково было одно из соображений за нестоличный город). Комиссия, вырабатывавшая гражданский кодекс, окончила свою работу только через двадцать с лишком лет¹. Другой объединительной реформой была денежная. В 1873 г. рейхстаг принял золотую валюту (золота пришло много из Франции в виде контрибуции) и счет на марки вместо разнообразия денежных единиц, господствовавшего раньше. Только к 1878 г. исчезли из обращения прежние монеты. Одновременно с этим обращение бумажных денег было поставлено в более тесные границы, и прусский банк превратился в банк имперский. Из-за денежной реформы также велись большие споры между сторонниками строгого имперского единства и партикуляристами: первые хотели, чтобы на новой монете были только общеимперские знаки, партикуляристы были за сохранение местных обозначений, и дело уладилось только на основании компромисса, предложенного членом рейхсрата, известным историком Трейчке, и состоявшего в том, чтобы на крупной серебряной и золотой монете изображались на одной стороне имперский орел, на другой портрет соответственного государя или герб вольного города. Партикуляристическая тенденция выразилась и в том, что Бавария и до сих пор еще имеет почтовые марки не такие, как в остальной Германии.

Не меньше затруднений встретило и создание имперской армии. При заключении, во время основания империи, военных договоров между Пруссией и другими государствами Брауншвейг от этого уклонился, а другие, более крупные государства, выговорили себе разные уступки относительно прав местных государей в военном деле. Баденские войска должны были составлять отдельный корпус; вюртембергский и саксонский короли сохранили право назначения офицеров, но командир саксонского корпуса должен был назначаться императором по представлению короля, а командир корпуса вюртембергского — королем с предварительного согласия императора; за баварским войском была признана самостоятельность под военным верховенством (Milit rhoheit) короля, но прусскому королю, как главному военачальнику союза (Bundesfeldherr), предоставлено было право высшего надзора за соблюдением в Баварии всех общих порядков имперской армии, причем с момента объявления императором мобилизации

¹ Общий гражданский кодекс вошел в жизнь в Германии лишь с 1 января 1900 г. См. ниже, в гл. XV.

и баварский контингент немедленно должен был поступать под высшее командование императора. Военные силы более мелких государств были попросту включены в состав прусской армии. Кроме того, в 1872 г. был принят общий для всей армии военно-уголовный устав, а в следующем году правительство внесло в рейхстаг военный закон, в силу которого в мирное время армия должна была состоять из 401 659 человек. Защищал это предложение Мольтке, доказывая важность армии для воспитания в народе чувства долга («не прусский школьный учитель победил при Кениггреце») и пророча, что Германии еще лет пятьдесят придется защищать свои приобретения, особенно ввиду того, что побежденная Франция уже имеет под знаменами 471 тыс. человек. Рейхстаг не хотел связать себя принятием этого предложения на неопределенное время, и Бисмарк готов был распустить рейхстаг, тем более, что в самой стране росло настроение в пользу принятия закона ввиду предполагаемых французских приготовлений к новой войне. В конце концов, рейхстаг, по предложению главы национал-либералов Беннигсена, пошел на компромисс, согласившись на потребованную правительством цифру, но не до нового законодательного определения («bis zu anderweiliger gesetzlicher Regelung»), а только на семь лет, откуда название этого порядка «септеннатом». Срок «септенната» кончился в 1881 г., но в 1880 г. он был возобновлен, а из-за несогласия на увеличение армии в 1887 г., как мы увидим в своем месте¹, дело доходило до роспуска рейхстага.

Таким образом, германский рейхстаг, созданный конституцией 1867–1871 г., сам явился силой, объединявшей Германию, будучи вместе с тем народным представительством, с которым не могли конкурировать ландтаги отдельных государств, все более и более утрачивающие свое значение по мере того, как рейхстаг все тверже и тверже укрепляется в жизни страны. Мы еще увидим в другом месте², что было предпринято имперским правительством, дабы поставить себя в большую независимость от отдельных государств в финансовом отношении, и в каком смысле это содействовало новому усилению рейхстага на счет ландтагов. Иной характер приобретает в наших глазах рейхстаг, когда мы обращаемся к характеристике отношений между ним и другими имперскими учреждениями. Рейхстагу принадлежит по конституции законодательная инициатива, но это право нейтрализуется правом и союзного совета, и императора не утверждать решений рейхстага, так что, в сущности, самым важным правом последнего является только не соглашаться на предлагаемые правительством налоги. Германский союзный совет (Bundesrath), которому в федеративных республиках соответствуют вторые палаты особого, но все-таки выборного состава, является своего рода продолжением блаженной памяти союзного

¹ В гл. XV.

² В гл. XV.

сейма (Bundestag) времен Германского союза, так как он тоже состоит из чиновников, назначаемых отдельными правительствами и получающих от них определенные инструкции. Даже распределение голосов, принадлежащих отдельным государствам, напоминает нам то, которое было в бундестаге¹. Сделав уступку народным требованиям относительно создания общегерманского парламента, отдельные правительства хотели в то же время оставить за собой побольше власти, сохранив в новом виде старый бундестаг, но вместе с тем они были вынуждены поделиться, — и в гораздо большей степени, нежели с народным представительством, — своими правами с главой всего союза, императором. В сущности, главным победителем из борьбы, приведшей к образованию империи, вышел король Пруссии, на которого конституция и возложила все управление империей. Положение, созданное главе германского союзного государства конституцией 1867—1871 гг., очень напоминает положение, отведенное в государственном строе Пруссии королевской власти конституцией 1850 г.² Германская империя даже не обладает ответственным союзным министерством, так как единственным представителем правительства перед рейхстагом является лишь имперский канцлер. Назначаемый императором, он председательствует в союзном сейме, руководит его делами и скрепляет императорские распоряжения и приказы, «принимая этим актом ответственность на себя», но ответственность чисто нравственную. Учреждения имперского министерства не хотели, между прочим, и сами союзные правительства. Самое большее, что конституция разрешила в указываемом отношении, — это данное имперскому канцлеру право «путем письменного передоверия поставить на свое место всякого другого члена союзного совета». В 1878 г. был издан особый закон о замещательстве имперского канцлера, состоявший в том, что последнему было дозволено замещать себя особыми уполномоченными во всех порученных ему, под его ответственностью, частях управления (за исключением имперского надзора над отдельными государствами) при сохранении, однако, всей ответственности канцлера за ведение дел, так как отдельные правительства в последнем условии видели единственное средство не дать возникнуть учреждению ответственных

¹ Вот почему в § 6 имперской конституции сказано: «Пруссия вместе с прежними голосами Ганновера, Кургессена, Гольштейна, Нассау и Франкфурта имеет 17 голосов»: подчеркиваем эту ссылку на «прежние голоса».

² Вопрос о титуле германского императора был предметом спора. Из двух возможных обозначений: территориального (Kaiser von Deutschland) и национального (Kaiser von Deutschen) более современным был бы второй (ср. во французской истории «roi de France» при старшей линии Бурбонов и «roi des Français» при младшей), но он не мог быть принят, так как не все немцы входили в состав империи, против же первого были другие государи Германии, вследствие чего и остановились на необычном вообще для Запада обозначении при помощи прилагательного «Deutscher», германский. (Но французы, например, говорят «empereur d'Allemagne», а не «empereur allemande»).

имперских министров, опасному для их суверенитета. На основании этого закона был назначен заместитель имперского канцлера в союзном совете и явился целый ряд других уполномоченных. С течением времени, мало-помалу, образовались отдельные имперские ведомства для иностранных и внутренних дел, для финансов и юстиции и т. п. под начальством статс-секретарей в качестве помощников имперского канцлера, выступающих по делам своих ведомств в рейхстаге¹.

Составные части Германской империи сохранили те конституции, какие у них были раньше, очень во многих отношениях между собой не сходные, расхоdivшиеся и с имперской конституцией по разным существенным пунктам². В то время, например, как имперская конституция ввела всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, Пруссия, самое большое королевство в империи, сохранила свою трехклассную систему с двухступенной и открытой подачей голосов. В Мекленбурге даже удержалось чисто средневековое сословное представительство, какое было, например, в Швеции до 1866 г. или в Финляндии до 1905 г.³ Отдельным государствам имперская конституция оставляла еще очень многое, главным образом, в областях вероисповедных дел и народного просвещения, судоустройства и судопроизводства, администрации и финансов и т. п., благодаря чему во всем этом продолжала существовать довольно значительная пестрота учреждений и законов⁴, но жизненная практика и здесь может постепенно урезывать местную самостоятельность.

От устройства, полученного Германией, переходим к партиям, в ней образовавшимся. На этом предмете следует остановиться несколько подробнее, потому что разделение на партии в Германии может считаться

¹ Последним таким имперским ведомством было колониальное, учрежденное в 1907 г. Ср. ниже, в гл. XV.

² Из конституций отдельных государств Германии в I томе сборника Гессена и Нольде помещены баварская, баденская и саксонская.

³ Мекленбургский ландтаг, общий для Мекленбург-Шверина и Мекленбург-Стрелица, представляет собой «корпус рыцарства и земства», состоя из двух палат. В верхней палате заседают главы дворянских фамилий, в нижней — представители сорока восьми городов, но без представительства при этом собственно сельского населения. В этом отношении мекленбургский ландтаг даже не может идти в сравнение со старыми шведским и финляндским сеймами, в которых было отдельное крестьянское сословие. (Заметим, кстати, что в Мекленбурге крестьяне обезземелены.) Сами горожане пользуются избирательными правами только под условием высокого имущественного ценза.

⁴ Эльзас-Лотарингия как «имперская область» продолжает сохранять особое устройство, получив так называемый комитет (Landesausschnss, 1874) и наместника (1879). Земский комитет должен был образоваться из делегатов от трех департаментских (генеральных) советов, по десяти от каждого, с совещательным голосом в вопросах законодательства и бюджета. Позднее (1877 г.) компетенция комитета была расширена: он получил право, аналогичное с правами ландтагов. Когда было учреждено наместничество, то образовался при нем и особый совет из высших должностных лиц и местных нотаблей по правительственному выбору, своего рода верхняя палата. В союзный совет империи были допущены два представителя (от Эльзаса и от Лотарингии), но только с совещательным голосом.

явлением гораздо более сложным, нежели в других государствах, в которых не было такой пестроты отношений, какую представляет собой жизнь новой империи. Сложная вещь — и австрийские партии, но в их образовании главная роль принадлежит национальному моменту, что, в сущности, значительно упрощает дело. В Германской империи, где подавляющее большинство населения принадлежит одной народности, национальные партии (поляки, французы, датчане), наоборот, не играют большой роли.

Современные германские политические партии ведут свое начало из эпохи превращения прежнего союза в теперешнюю империю. Победа Пруссии над Австрией нанесла урон партии прогрессистов, ведущей борьбу с Бисмарком в прусском ландтаге, когда возникла новая национал-либеральная партия, которая усиленно стала поддерживать иностранную политику Пруссии. Это была с самого начала партия, стремившаяся к объединению Германии под прусской гегемонией, но желавшая в самой Пруссии либеральных реформ, партия буржуазии и интеллигенции, думавшая оттеснить на задний план прежние правящие классы Пруссии, т. е. дворянство, духовенство и чиновничество; к ней примкнули однородные элементы и во вновь присоединенных к Пруссии областях: ее вождь в рейхстаге сам был не пруссак, а ганноверец, стоявший и раньше во главе либеральной оппозиции в этом королевстве, именно Беннигсен. В рейхстаге Северо-германского союза она получила большую силу к ущербу прогрессистов. В союзе с отщепенцами от прежней консервативной партии, получившими название «свободных консерваторов» (Freikonservative), они составили большинство, на которое и опиралось правительство Бисмарка.

Справа и слева у этого большинства были, с одной стороны, консерваторы, когда-то поддерживавшие Бисмарка в его борьбе с прусской палатой депутатов, а с другой — ряд оппозиционных партий, каковы прогрессисты и социал-демократы, равно как датчане (из Шлезвига), гвельфы (из Ганновера) и поляки (из Познани), причем гвельфами стали называться приверженцы самостоятельного Ганновера. После присоединения Эльзас-Лотарингии к трем последним оппозиционным группам присоединилась четвертая, состоявшая из французов только что завоеванной области. В других партиях тоже не произошло больших перемен после основания империи сравнительно с непосредственно предшествовавшим временем, если не считать кое-каких переименовок и появления новых оттенков. Старая консервативная партия, образовавшаяся еще в прусской палате, стала называться германско-консервативной (Deutsch-conservative), а «свободные консерваторы» — имперской партией (Reichsparti). Затем шли национал-либералы и прогрессисты, позднее (в 1884 г.) переименовавшиеся в свободомыслящую партию (Freisinnige), когда с ней слилась группа, в 1881 г. отделившаяся от национал-либералов и усвоившая это название. Новыми образованиями были только народная партия (Volkspartei)

и центр. Первая была, пожалуй, тоже не совсем новая партия; только раньше она существовала в Южной Германии, которая не была представлена до 1871 г. в рейхстаге, как партия, бывшая преемницей прежних южногерманских радикалов, да и центр тоже возник из существовавшей раньше в прусской палате, в составе консервативной партии, группы католиков, которую после включения в империю южногерманских католических государств усилили католические депутаты Баварии и Бадена. Она впервые объединилась, в феврале 1871 г., на почве адреса императору о необходимости оказать помощь папе в деле восстановления его светской власти, а название свое получила от места, занятого ею в зале заседаний. Наконец, остались от прежнего времени и стали усиливаться социал-демократы.

Классификация партий германского рейхстага крайне затрудняется отсутствием в их группировке единого руководящего принципа: здесь мы видим объединение и на почве племенной (датчане, поляки и французы), — эти партии всегда были обречены на малочисленность, — и на вероисповедной почве (центр, а также и консервативная партия с протестантским духом), и на почве партикуляристического отрицания империи, но, в сущности, все эти особенности лишь усложняют и затемняют основное разделение по экономическим, классовым интересам¹. Новейший историк политических партий Германии, Гротевольд, имея в виду группировку в начале XX в., дает две схемы главных партий рейхстага по их классовому составу и экономическим стремлениям, здесь мною сливаемые в одну:²

Партии	Их состав	Их экономические стремления
Консервативная	Крупные землевладельцы и дворяне	Высокие покровительственные пошлины для сельскохозяйственных продуктов, патриархальная социальная политика
Имперская	Представители индустриализированного крупного землевладения	То же, с присоединением высоких индустриальных пошлин, малый интерес к социальной политике, но, во всяком случае, интерес лишь к политике патриархальной
Хозяйственный союз ¹	Мелкие землевладельцы, домовладельцы в городах, ремесленники и т. п.	Охранительные пошлины, в особенности по отношению к ремесленным изделиям, и большой интерес к социальной политике

¹ Эта мысль, в которой, конечно, нет ничего нового и необычайного, положена в основу недавно вышедшей (1908 г.) книги «Die Parteien des deutschen Reichstags» von Chr. Grotewold, который принимает за истину, что «die grossen Grundzüge fast aller Problem, die heute das politische Leben erfüllen, auf wirtschaftlichen Motiven beruhen» (с. 3), хотя он же делает важное замечание о том, что «das grosse Gebiet der Socialpolitik, heute unstreitig das wichtigste der gesamten inneren Politik, ist an der Parteibildung sehr wenig theiligt gewesen» (с. 9).

² Wirtschaftliche Vereinigung, группа новейшего (1903 г.) образования, консервативная, но более демократическая и менее гувернаментальная, чем консерваторы.

Национал-либеральная	Представители крупной промышленности и торговли, а также ученые	Разделение на протекционистов и умеренных фритредеров и такое же разделение по отношению к социальной политике
Свободомыслящие	Представители торговли, науки, частью ремесла, мелкого сельского хозяйства, среднего и низшего чиновничества, части рабочих	Принципиальные фритредеры, в последнее время ревностные социал-политики
Социал-демократия	Рабочие	Свободная торговля, защита рабочих интересов, борьба с существующим общественным строем

В эту схему, которую историк принимает лишь с оговорками (ученые, например, есть и консервативные, и социал-демократические), им, кроме четырех «региональных групп», не включен еще центр, лишенный, вследствие своего конфессионального характера, определенной социально-экономической характеристики. Довольно сильно разнообразятся в сорокалетней истории этих партий их отношения к разным частным вопросам внутренней политики и к политике внешней, причем мимоходом стоит отметить известное тяготение правых к России, либералов к Англии, социал-демократов к Франции или отвращение центра к союзу Германии с Италией, «обобравшей» папу. В парламентской истории Германской империи эти партии могут быть разделены на две категории: одну составляют такие, которые всегда были в оппозиции и потому получили в правящих сферах название врагов империи (*reichsfeindliche*), тогда как другую категорию составляют партии, смотря по обстоятельствам, бывшие то на стороне правительства, то против него, в зависимости, в конце концов, от того, какие свои планы в данный момент осуществляло внепартийное или надпартийное правительство. Оно, олицетворяясь в Бисмарке, далеко не всегда шло в одном и том же направлении, а потому имело на своей стороне то одни партии, то другие, откуда получались периоды более прогрессивных и более реакционных течений, но то, что в данном случае можно было бы назвать амплитудой колебаний, никогда не выходило за известные границы, довольно тесные, особенно с левой стороны. Германская конституция не дала народным представителям никаких способов воздействия на правительство, и правительство, — а им по отношению к империи с 1871 по 1890 г. был именно Бисмарк, — направляло внутреннюю политику, всякими вообще способами создавая в рейхстаге в свою пользу большинство из соединения тех или других партий, не бывших принципиально враждебными империи. Такими партиями были консерваторы обоих оттенков (*Deutschkonservative* и *Reichspartei*), национал-либералы и прогрессисты (свободомыслящие) и центр, с которыми Бисмарк посто-

янно вел политическую игру, перетягивая на свою сторону то одну, то другую частичными уступками их политическим требованиям, пока новая политическая конъюнктура не заставляла правительство переменять свои отношения к прежним союзникам и искать новых. В свою очередь, названные партии пользовались подходящими случаями, чтобы или ставить правительство в неудобное положение, или выторговывать у него различные уступки. Сначала главными союзниками Бисмарка были национал-либералы, с которыми он укреплял империю, и главным его противником был центр, да и консерваторы были в оппозиции, но уже в конце семидесятых годов он сблизился с консервативной партией и центром против национал-либералов, впоследствии же, в конце восьмидесятых годов расстроилась коалиция этих двух партий, и Бисмарк стал опираться на «картель» между консерваторами обоих оттенков и национал-либералами. В конце своей карьеры Бисмарк думал опять устроить блок консерваторов и центра против национал-либералов, что и было осуществлено уже его преемником. Временами правительство, когда сталкивалось с правыми, находило поддержку со стороны прогрессистов (свободомыслящих), что же касается народной партии (Völkspartei), то в парламентских комбинациях она не могла играть значительной роли по своей крайней немногочисленности¹: это был, в сущности, ничтожный обломок радикальной партии, разгромленной в 1849 г., что лишило Германию весьма важного звена в градации партий от крайних правых (консерваторов и центра) к крайней левой (социал-демократии).

Так представляется разделение на партии в Германии в общем, но заслуживают не меньшего внимания и подробности, касающиеся отдельных партий. Германские консерваторы стояли на точке зрения монархии Божьей милостью, ставя под охрану этого религиозного принципа не только власть государя, но и сословные привилегии, в силу чего у них процветала безусловная преданность существующему порядку и его слугам, начиная с министров и кончая последними чинами полиции, и не раз прорывалось намерение устранить все, что противоречило их взгляду на государство. Они были и защитниками старого права, противясь всяким новшествам в регулировании гражданских отношений, и более всего хлопотали об интересах сельского хозяйства, как представители крупного землевладения. С течением времени у консерваторов интересы последнего стали даже мало-помалу доминировать над их прежним ультрамонархическим, гувернаментально-бюрократическим и феодальным мирозерцанием, хотя в качестве опоры «трона и алтаря» их партия, конечно, всегда сохраняла старые взгляды. Они откровенно восставали против современной науки и вооружались против ее распространения в народе, особенно в сельском,

¹ В рейхстагах семидесятых годов ее представителей было, большей частью, два-три, в восьмидесятых около 8 (кроме 1887 г., когда не было ни одного), в девяностых около 10.

боясь, что оно будет способно только поселять в нем неуважение к существующему порядку вещей и отрывать от земледелия, манить в города. Сторонники авторитета, который вовсе не есть майоритет («Autorität, nicht Majorität!»), они, в сущности, были не за народное представительство, но мало-помалу с ним примирились, и уже с 1848 г. в Пруссии у них существовала партийная организация. За полстолетия с лишком, протекавшие с тех пор, партия утратила свой романтизм, чтобы стать на более реальную точку аграрного «Союза немецких хозяев» (Bund der Landwirthe). Первую свою программу «монархическо-национальная партия рейхстага», как себя тогда обозначали Deutschkonservativ'ы, составила в 1872 г., потом, в 1876 г., ее переделали и не изменяли до 1892 г., когда на съезде, собиравшемся в зале берлинского Тиволи, они составили ныне действующую программу («Tivoli-Programm») с более сильным подчеркиванием в ней приверженности «христианскому взгляду на жизнь в народе и государстве» и признанию монархии Божьей милостью и с включением в число пунктов программы борьбы с иудейством¹. В шестидесятых годах эта партия отличалась резким старопруссским партикуляризмом, что в 1866 г. заставило отколоться от нее несколько более либеральную группу, называвшую себя сначала свободно-консервативной партией (в прусском ландтаге), потом «свободным консервативным соединением» (в учредительном рейхстаге 1867 г.), позднее «германской имперской партией». Она всегда отличалась известным гуверnementализмом, правёла вместе с правительством и воздерживалась от выработки программы, тем более, что в ней было два крыла, тяготевшие в противоположные стороны «дейчконсервативов» и национал-либералов². Наибольший успех партия имела в конце семидесятых годов, когда на выборах собрала 790 тыс. голосов и имела 56 представителей в рейхстаге.

Что касается национал-либералов, глава которых, Беннигсен, был основателем и председателем знаменитого «Национального союза» 1859 г., то о ее программе и тактике дает понятие целый ряд ее заявлений, начиная с так называемой «Ansprache vom 27 September 1866», опубликованной группой депутатов прусской палаты, которые подавали голоса за индемнитет правительству, завершив конфликт начала шестидесятых годов. Вместе с воззванием Беннигсена от 1859 г. этот документ заключал в себе все принципы будущей национал-либеральной партии, которая и конституировалась в первые же дни учредительного рейхстага 1867 г. из 50 умеренных либералов, руководимых Беннигсеном. К выборам в первый же

¹ Кроме того, в программу включены и новые пункты, но все в старом духе. Об антисемитизме см. в гл. XVI.

² В рейхстаге 1871 г. было человек тридцать, хотевших образовать «liberale Reichspartei», но в следующей легислатуре их было только восемь, и партия распалась. Ее называли еще «превосходительной» (Exzellenzenpartei), ибо в ней было много бывших министров.

рейхстаг национал-либералы опубликовали очень обширную программу¹. В ней, между прочим, заявлялось, что составители ее «никогда не скрывали от себя трудности задачи способствовать свободному развитию как в совместном действии с правительством, которое в течение ряда лет находилось в конституционном конфликте и управляло без законного бюджета, так и с несовершенными конституционными средствами», «но, — продолжала программа, — мы подчинились этой задаче с твердым намерением преодолеть данную трудность упорной и серьезной работой и в убеждении, что величие цели укрепит действенную силу (*Thatkraft*) народа. Ибо, — говорилось далее, — нас воодушевляет и соединяет мысль, что национальное единство не может быть достигнуто и сохраниться без полного удовлетворения либеральных требований народа и что без деятельной и идущей вперед силы национального единства народное стремление к свободе (*Freiheitssinn*) не может быть удовлетворено. Поэтому наш избирательный лозунг таков: германское государство и германская свобода должны быть добыты одновременно одними и теми же средствами». Далее составители указывали на трудность нигде еще не разрешавшейся задачи «согласовать монархическое союзное государство с конституционным правом», так как «устройство Северо-германского союза разрешило эту задачу неполно и неудовлетворительно», но это — только первый шаг, за которым должны последовать другие. С сочувствием, как о достигнутом при помощи национал-либералов результате, программа говорила о всеобщем и т. д. избирательном праве, несмотря на опасности, соединенные с ним вследствие полицейских воздействий на свободу печати, собраний и союзов, плохого состояния народной школы, бюрократического вмешательства в выборы и отсутствия вознаграждения депутатам. Затем шло заявление о необходимости, чтобы «парламентарные функции государства возможно полнее были переданы рейхстагу», вследствие чего прусский ландтаг должен был бы постепенно ограничить свою компетенцию, и к этому национал-либералы и обещали стремиться легальным путем, уважая, впрочем, одинаково права обеих этих парламентских корпораций. Программа находила, что в имперское устройство заимствованы многие недостатки прусской конституции, подлежащие устранению и здесь, и там, каковы неполнота бюджетного права, отсутствие законов о действительной ответственности министров и чиновников и т. п. Перечислялись также реформы, которые следует ввести во вновь присоединенных к Пруссии областях, отнюдь не заменяя в них некоторых лучших порядков устарелыми, прусскими. «Всей Германии должна Пруссия показывать пример в законодательстве и управлении, поскольку то и другое предоставлено отдельным государствам, ибо будущее всего общего отечества зависит от этого приме-

¹ В книге Grotewold'a она занимает более 6 страниц очень мелкой печати.

ра». Отсюда программа выводила требование пересмотра прусской конституции с реформой палаты господ. Главными преобразованиями для Пруссии национал-либералы выставляли изгнание сословного начала (*des ständischen Prinzips*) из общинного, окружного и провинциального устройства и преобразование его на началах равноправия и самоуправления с отменой остатков помещичьей власти (*guts herrliche Ortsobrigkeit und gutherrliche Polizei*) и вообще бюрократических порядков, равно как независимость суда, распространение суда присяжных на политические дела, отмену залогов и налогов для периодической печати и т. д. Программа рекомендовала также при полном желании по-прежнему защищать достоинство и силу отечества, все-таки ограничить военные издержки и сократить срок, в течение которого граждане числятся в составе могущих быть призванными под оружие. Соглашаясь «идти рука об руку только с законоверным правительством» и с ним «изыскивать правильные пути», национал-либеральная партия заявляла, что, по ее глубокому убеждению, «не во все времена можно бороться для одних и тех же целей одними и теми же средствами»: «конечные цели либерализма остаются постоянными, но его требования и пути не отрезаны от жизни и не исчерпываются неизменными (*feste*) формулами. Его внутренняя сущность заключается в том, чтобы следить за знамениями времени и удовлетворять его требования».

Соответственно этой программе национал-либеральная партия в рейхстагах и до 1871, и после 1871 г. развивала блестящую деятельность, сыграв первенствующую роль в создании новых порядков, но впоследствии она не проявила достаточно ни энергии, чтобы укреплять добытое, ни умения следить за знамениями времени и удовлетворять его требования, вопреки обещанию программы. В стране в это время партия была необычайно популярна. Особенно высоко стояло ее влияние в 1874 г., когда на выборах в рейхстаг она собрала без малого 1 400 000 голосов, чуть что не четвертую часть всех поданных голосов (при общей их цифре в 5 200 000) и имела в рейхстаге 152 депутата, т. е. около 3/8 всего его состава, в прусской же палате даже 178 представителей. В ней и тогда, как и после, были два крыла: во главе левого стоял Ласкер¹, во главе правого — Беннигсен, которому Бисмарк даже предлагал министерский портфель, им не принятый ввиду отказа Бисмарка пригласить в министерство еще двух национал-либералов². Во второй половине семидесятых годов значение национал-либералов стало падать, на выборах за них подавалось уже меньше голосов

¹ О нем книга Bamberger'a (1884), сборник Baumbach'a, Rickert'a, Hänel'я и Gneist'a (1884).

² В 1880 г. была сделана попытка, напоминающая попытку «*Excellenzen-Partei*» образовать либеральную группу между имперской партией и национал-либералами, но потерпела неудачу. Во главе стояли Völk и Schauss, что дало повод Рихтеру сострить, дав группе кличку «*schäussliche Völkerschaft*» (отвратительный народец).

(в 1877 г. — 127, в 1878 г. — 98, а в 1881 г. — даже 45 и т. д.). От национал-либералов к тому же отделилось «либеральное единение», иначе сепсессионисты (Ласкер и др.). В 1881 г. партия выработала новую программу. (Еще более новая относится к 1907 г.)

Партия прогрессистов образовалась еще в прусской палате в 1861 г. и впервые разошлась с национал-либералами по вопросу об индемнитете. Ее члены, в числе которых особенной непреклонностью убеждений отличались Евгений Рихтер¹, Вирхов и др., не были никогда многочисленны, равно как и члены народной партии, обнародовавшей свою программу в 1868 г. В этой программе был сильно подчеркнут партикуляристический характер партии (требование права на самоопределение для каждого отдельного племени в составе германского народа) и был выдвинут впервые в бюргерской программе социальный вопрос (требование фабричного законодательства и страхования на случай инвалидности и старости).

Центр² опубликовал первую свою настоящую программу только в конце рассматриваемого периода. Программа 1871 г. была лишена содержания и яркости. В 1878 г. после роспуска рейхстага, отказавшегося вотировать исключительный закон против социалистов³, были назначены новые выборы, во время которых партия центра и составила свою программу, где источником всех зол объявила «современный либерализм», господствующий-де в наше время благодаря поощрению со стороны многих правительственных мероприятий. «Улучшения и исцеления» программа ожидала лишь от сохранения религии в народе, дабы «христиански-верующее настроение было возбуждаемо и поощряемо в воспитании, в обучении, в образовании, в научной деятельности, равно как в законодательстве и в общественной жизни». Объявляя себя защитником прав церкви, центр «для обеспечения государственного и общественного порядка» требовал «неослабного уважения к конституционным правам и свободам и охранения их» с особым упоминанием об «основном характере Германской империи, как союзного государства», причем рекомендовалось сокращение государственных расходов, в особенности на армию и, по возможности,

¹ Евгений Рихтер был одним из главных противников Бисмарка, ненавидевшего его до последней степени за злые против него выходки. О нем см.: *Werder Fr. E. Richter, der Führer der Fortschrittspartei* (1881). Его едкое остроумие создало ему немало недоброжелателей и в других партиях. Poleмические произведения против Рихтера были написаны консерваторм Godel'ем (1893), социал-демократом Mehring'ом и двумя анонимами, одним национал-либералом («Nichts gelernt und Nichts vergessen», 1893) и одним свободомыслящим более правого оттенка («E. Richters Sprengbombe und ihre Wirkung», 1893). Сам Рихтер писал немало. Отметим его «*Politisches ABC — Buch*» (1879 и целый ряд более новых изданий) и переведенную на разные языки (между прочим, и на русский в 1893, 1905 и 1906 гг.), вышедшую в свет в 1891 г. его сатирическую повесть из времен ожидаемого в будущем социалистического общества «*Sozial-demokratische Zukunftsbilder nach Bebel*».

² *Spahn. Das deutsche Zentrum* (1907).

³ См. в следующей главе.

уменьшение налогового бремени. «Справедливые требования рабочего сословия в согласии с общим благом» программа советовала удовлетворить «при помощи надлежащих реформ и законов». Воззвание, заключавшее в себе и несколько пунктов, интересных только для истории выборов 1878 г., кончалось словами: «с Богом, за правду, право и свободу!» Число членов центра, равнявшееся в 1871 г. 63, в 1874 г. поднялось до 91 и на этом приблизительно — и около 100 — держалось потом все время.

Главой партии центра до самой своей смерти в 1891 г. был прежний ганноверский министр юстиции Людвиг Виндгорст¹, рьяный вельф не только в новом смысле приверженности к изгнанному из Ганновера Вельфскому дому, но и в старом смысле партикуляристической оппозиции усилению центральной власти. С этим партикуляризмом неразрывно соединялось в нем ультрамонтанство, в смысле упорного отстаивания прав католической церкви против стремлений современного государства. Трудно даже сказать, что в нем преобладало — партикуляризм или клерикализм, благодаря чему, — обладая притом ораторскими и организаторскими способностями, — он и объединял в предводимой им партии не всегда однородные элементы. В интересах своего дела Виндгорст настаивал на включении в имперскую конституцию шести параграфов прусской конституции, соответствовавших так называемым «основным правам» (*Grundrechten*) германской конституции 1848 г. Это были разные свободы и между ними свобода религиозных обществ. Другим требованием Виндгорста было вмешательство — путем ли дипломатии или войны — Германской империи в пользу восстановления светской власти папы. Оба эти желания Виндгорста были отклонены рейхстагом весной 1871 г. подавляющим большинством голосов. По первому вопросу рейхстаг отказал центру в его желании, пока не будут законом определены взаимные отношения церкви и государства, что осталось совершенно непонятным Виндгорсту, находившему, что вообще государство не имеет права вмешиваться ни в какие распоряжки церкви.

Познакомившись с тем, какое устройство получила Германия в 1871 г. и какие в ней образовались политические партии², остановимся теперь на том государственном человеке, который был одним из творцов империи, ее первым канцлером и главным руководителем ее внутренней политики в первые два десятилетия ее истории, что даже позволяет некоторым немецким историкам Новейшего времени делить последнее на бисмарковский и послебисмарковский периоды³.

¹ О нем соч. J. N. Клопп'а (1898), Ed. Hüsken'a (1907) и др.

² О социал-демократии см. в следующей главе.

³ Так, например, делится на две книги соч. G. Egelhaaf'a: «Die bismarckische Zeit» (1871–1890) и «Die nachbismarckische Zeit».

Как известно, Бисмарк выступил на политическое поприще в конце сороковых годов в рядах ультраконсервативной партии, рьяным защитником абсолютизма и страстным противником демократии, мало того — настоящим пруссаком, не желавшим «потопить, — как он сам выражался, — прусскую монархию в южногерманской безалаберности». Сам Фридрих-Вильгельм IV однажды выразился о нем, как о «красном реакционере». Но его политические мнения обнаруживали способность к известной эволюции, и сторонник сначала тесного единения с Австрией, он скоро убедился в том, что его «отчужденному», Пруссии, нельзя ужиться с Австрией в Германии. В роли представителя Пруссии во франкфуртском союзном сейме и в должностях прусского посла сначала в Санкт-Петербурге, потом в Париже Бисмарк многому научился и многое позабыл из своих воззрений эпохи соединенного ландтага, национального собрания и наступившей затем реакции, оставшись, однако, таким же, как и прежде, монархистом и пруссаком. Человек властный, энергичный и честолюбивый, он вполне овладел своим королем, Вильгельмом I, после того как занял место министра-президента для борьбы с оппозиционной палатой начала шестидесятых годов, и более четверти века, до самой смерти этого государя, держался у власти, нередко прямо навязывая королю свою волю. Его не связывало ни уважение к конституции, которого у него и не было, ни прежнее отвращение к конституционализму, раз из учреждения, хотя бы и революционного происхождения, можно было, ловко им пользуясь, сделать орудие своей политики. Он вообще умел учиться и очень быстро ориентировался в новых понятиях и знаниях, отличаясь вместе с тем способностью не только приспособляться к новым обстоятельствам, но и их приспособлять к своим планам, широко пользуясь всякими дозволенными и недозволенными средствами политической игры и с отдельными лицами, и с целыми партиями, и с иностранными правительствами. Парламентская практика выработала из него политического оратора с грубоватым, но метким остроумием, подчас цинично откровенного, но почти всегда очень сильного. Он, не обинуясь, чуть ни при каждом случае заявлял, что «сила господствует над правом», и его слова о том, что единство Германии может быть создано только «железом и кровью», а не речами и голосованиями, лучше всего характеризуют его политическое миро-созерцание. Успехи, которыми сопровождалась его деятельность, он объяснял правильностью своих взглядов; эти же самые успехи сделали его в глазах немецких либералов из ненавистного реакционера, каким он был в начале своей деятельности, национальным героем. Впоследствии он любил колоть глаза своим политическим оппонентам ссылками на то, что без них и вопреки им он сумел создать единую Германию. Наоборот, более прямолинейные консерваторы готовы были обвинять Бисмарка в потакании революции. В 1866 г. ему стоило немалого труда убедить своего госуда-

ря в необходимости союза с итальянским королем, этим союзником революции, низвергшей нескольких законных монархов. Во время распри с Австрией, приведшей к войне, Бисмарк не остановился перед предложением союзному сейму созвать для рассмотрения спора особое собрание, избранное всеобщим и прямым голосованием германской нации. Прусские реакционеры были крайне недовольны Бисмарком, воспротивившимся их плану воспользоваться победой над Австрией для изменения прусской конституции в более монархическом духе, и он даже теоретически признал, что во время конфликта министерство действовало противозаконно, в каковом смысле и внес в прусскую палату предложение об индемнитете. Мало того, Бисмарк не побоялся ввести в конституцию Северогерманского союза демократическое избирательное право, за что его упрекала и часть буржуазии, усматривавшая в этом опасность союза цезаризма с народными массами против свободы и либерализма. Война 1870—1871 г. и основание германского единства окончательно сделали Бисмарка, возведенного императором в княжеское достоинство в самый день открытия рейхстага 1871 г., национальным героем Германии, а он, в свою очередь, сблизился с национал-либералами в деле внутреннего переустройства Германии, которое, конечно, не могло происходить без ломки массы остатков старины, без нарушения очень многих консервативных интересов. Менее всего Бисмарк годился, конечно, для роли парламентарного министра, но он пользовался рейхстагом и даже был доволен его работой, когда им проводились в жизнь нужные ему, имперскому канцлеру, меры. Против всякого сопротивления со стороны Вильгельма I у него было свое средство, которое всегда помогало, — просьба об отставке, а против неповиновения со стороны рейхстага — роспуск и даже, — как думал Бисмарк о возможном случае крайней необходимости, — уничтожение его, этой «дорогой игрушки, с которой немцы не умеют надлежащим образом обращаться».

Такому человеку, достигшему одновременно громадной популярности в немецкой нации и господствующего положения среди государственных людей всей Европы, конституция 1867—1871 г. и образовавшиеся в стране партии давали полную возможность управлять Германией по своему усмотрению. В его умелых руках союзный совет являлся послушным орудием против демократических и парламентарных стремлений партий рейхстага, самим же рейхстагом он пользовался, как орудием против партикуляризма отдельных правительств. Надежда, какую он возлагал на всеобщее избирательное право в борьбе с либеральной буржуазией, на первых порах его не обманула, тем более, что конституция не давала рейхстагу никакой власти над канцлером. Раздробление народного представительства на партии, из которых ни одна не имела в рейхстаге большинства, позволяло Бисмарку соединять и разъединять их в зависимости от того курса, который в дан-

ный момент принимала его собственная политика. Так было до самой его отставки в 1890 г.

Как ни прочно было положение Бисмарка, благодаря великим делам, им совершенным, при берлинском дворе против него велась интрига. Был такой момент, когда прусские консерваторы даже сделали попытку заменить Бисмарка графом Арнимом, имя которого довольно часто повторялось в газетах семидесятых годов по поводу знаменитого в свое время «арнимовского процесса»¹. В прусском ландтаге, со стороны палаты господ, один из проектов Бисмарка относительно административной реформы встретил сопротивление, заставившее Вильгельма I назначить нескольких (25) новых членов этой палаты².

Что касается до событий внутренней немецкой истории в первое десятилетие существования империи, то это были 1) грюндерская эпопея начала семидесятых годов, 2) так называемый «культуркампф» и 3) усиление социализма.

Мы знаем, какую громадную контрибуцию должна была выплатить Франция Германии по условиям Франкфуртского мира 1871 г. Во вновь основанную империю из побежденной республики потекли целые реки золота. Конечно, из пяти миллиардов франков много было поглощено уплатой государственных долгов, постройкой крепостей и казарм, заказами оружия и военных припасов³, но немало средств было обращено и на оживление промышленных предприятий. Первые годы десятилетия, от-

¹ Те из ныне живущих людей, которые в середине семидесятых годов уже читали в газетах иностранные известия, конечно, припомнят, что был такой процесс и что о нем много писали. Граф Гарри Арним с 1864 г. был сначала прусским, потом северогерманским послом при папском престоле, а затем занимал такой же пост (с 1871 г.) при Французской республике. В 1874 г. он вынужден был покинуть Париж, так как его мнения и об отношении Германии к Франции, и о прусской церковной политике радикальным образом расходились с мнениями Бисмарка. Его преемник (кн. Гогенлоэ) обнаружил в посольском архиве пропажу множества важных документов, что повлекло за собой обвинение Арнима в их утайке. Над ним был наряжен суд, приговоривший его к тюрьме, а потом другой — за уклонение от ареста, лишивший его титула и пенсии. За брошюру, изданную им под заглавием «*Pro nihilo, Vorgeschichte des Arnim-Prozesses*» (1875), в которой Арним разоблачил некоторые дипломатические тайны и нападал на Бисмарка, он был опять привлечен к суду по обвинению в государственной измене, оскорблении величества и имперского канцлера, за что и был приговорен к пятилетнему заключению в смиренном доме. Арним, живший все это время за границей, опубликовал тогда новую брошюру, где изображал себя ни в чем неповинной жертвой интриг Бисмарка. Он так и умер на чужбине (1881). В семидесятых годах это было одно из *causes célèbres* («нашумевшее дело» (*фр.*) — *Прим. ред.*), теперь совсем позабытое. Прибавим, что Арниму, которого прусские консерваторы прочили в преемники Бисмарку, очень сначала покровительствовала императрица Августа. См., между прочим: *Figurey, Corbier. Le procès d'Arnim*.

² Эта реформа окончательно подрывала в Пруссии последние следы вотчинной полиции и юстиции, о сохранении которой в XIX в. после освобождения крестьян см. в т. IV и V.

³ Вот некоторые точные цифры: 120 млн марок в военный запас, 560 млн в инвалидный фонд, 350 млн на крепости и казармы и т. п. Немало было роздано высшим офицерам в виде награды (дотаций) и т. п.

крывающегося провозглашением империи, были для Германии годами грюндерства (*Gründerjahre*), т. е. «основания» различнейших капиталистических предприятий. Немцами в эти годы овладела настоящая лихорадка спекуляций, погоня за легкой наживой, бешеная скачка в запуски в деле сколачивания новых капиталов. За двадцать лет от 1851 до середины 1871 г. в Германии было основано всего двести пять акционерных обществ с капиталом, не превышавшим два с половиной миллиарда марок, т. е. средним числом по десять компаний в год, тогда как в следующие четыре года их было основано до 860 и с капиталом в три с третью миллиарда марок, т. е. более 200 компаний только за год. Основывались банки, железодельные заводы, каменноугольные общества, железнодорожные компании и пр. и пр. Все это великолепие, однако, долго продержаться не могло, начались банкротства, происходило быстрое падение ценностей. Например, в начале 1875 тыс. было высчитано, что ценность акций 550 с лишком компаний, стоивших за два года перед тем шесть миллиардов семьсот семьдесят тысяч марок, понизилась до четырех с половиной миллиардов, т. е. процентов на тридцать. Разумеется, дело не обошлось без крупных злоупотреблений и прямых мошенничеств, в которых разобраться оказывалось очень трудным и следователям, и судьям, если только не было, как говорили, случаев, когда разбираться особенно и не хотели. Во всяком случае, после наступившего для ряда предприятий краха было очень много недовольных, начавших обвинять во всем богатых евреев, тем более, что их немало было среди грюндеров этих лет. С другой стороны, вся эта спекулятивная вакханалия давала обильный материал для социалистической критики буржуазного строя¹. В общем, вся эта история сделала, однако, очень мало для отрезвления немецкой нации от того шовинистического угара, который был произведен беспримерными победами германского оружия над «развращенной» Францией.

Другим эпизодом немецкой истории в первое десятилетие после основания империи является борьба прусского правительства с католической церковью, получившая историческое название «борьбы за культуру» (*Kulturkampf*).

Немецкий «культуркампф» семидесятых годов XIX в. представляет собой один из эпизодов вообще борьбы светского государства с клерикализмом, тем более интересный, что на сей раз борьба разыгралась в связи с провозглашением догмата папской непогрешимости, с отнятием у папы

¹ Об этом эпизоде см.: *Niendorf A.* Die Geheimnisse der herrschenden Wirtschaftspolitik (1875); *Glogau O.* Die Börsen und Gründungsschwindel in Berlin (1876); *Он же.* Der Bankerott des Nationalliberalismus und die Reaction (1877); *Meyer R.* Politische Gründer und die Corruption in Deutschland (1877). Об аналогичном крахе в Вене в те же годы см. ниже в гл. XI. Моралистам по поводу всего этого очень удобно было распространяться на ту тему, что чужое богатство впрок не идет, как это и делалось в то время особенно охотно французскими публицистами. О влиянии краха на развитие антисемитизма см. в главе XV.

светской власти и с агитацией не в одной Германии в пользу восстановления этой власти во вред только что завершившемуся объединению Италии. С другой стороны, эта борьба дала общее направление внутренней политике Бисмарка в первые годы империи, являясь вместе с тем возобновлением борьбы с католическим духовенством, происходившей в Пруссии еще в середине XIX в.

Пруссия в эпоху своего образования была государством чисто протестантским. Бранденбург, зерно будущей большой монархии Гогенцоллернов, принял протестантизм еще в 1539 г., а герцогство Прусское, соединившееся с Бранденбургом в 1618 г., даже обязано было возникновением своим Реформации путем секуляризации орденского владения крестоносцев Тевтонов магистром ордена из Гогенцоллернского княжеского дома. Рано в Пруссии установилась и веротерпимость благодаря тому, что династия и большинство населения стали принадлежать к разным протестантским исповеданиям: династия приняла реформатство, население было лютеранским в эпоху отмены во Франции нантского эдикта, следовательно, в конце XVII в. Пруссия стала даже одним из убежищ, куда бежали французские гугеноты. Наконец, и сама победа протестантизма в Германии в Тридцатилетнюю войну доставила Пруссии новые владения. Расширение гогенцоллернских владений сопровождалось, однако, включением в их состав и территорий, населенных католиками. В царствование Фридриха II и Фридрихов-Вильгельмов II и III, т. е. во второй половине XVIII в. и в начале XIX Пруссия увеличилась Силезией, польскими землями и Рейнской областью с католическими населенными и более уже не была чисто протестантским государством, но зато в ней продолжала действовать прежняя политика веротерпимости. Фридрих II держался ее не только в силу своего религиозного индифферентизма, но и вследствие верного расчета, разрешив, между прочим, иезуитам, когда их орден был уничтожен, остаться в только что присоединенных католических землях, в надежде что иезуиты из благодарности будут содействовать сплочению новых прусских владений с основными областями монархии. В XIX в. в Пруссии были сильны даже прямо католические симпатии, и тем не менее между прусским правительством и католической церковью произошло столкновение.

Поводом был вопрос о смешанных браках. В тридцатых годах католическое духовенство во всех частях Германии стало отличать большой нетерпимостью по отношению к протестантам и очень неохотно разрешало смешанные браки. Между тем во многих местах установился обычай, в силу которого сыновья от смешанных браков следовали религии отца, дочери — религии матери. В коренной Пруссии этот обычай получил силу закона и когда Фридрих-Вильгельм IV задумал распространить его и на прирейнские владения, там он встретил сопротивление со стороны като-

лического духовенства, поддержанного папой, который разрешил венчать с протестантами лишь под условием обязательства протестантской стороны воспитывать будущих детей в католической вере. Прусское правительство отказалось признать силу папского повеления, на сторону которого безусловно стал кельнский архиепископ (Дросте Фишеринг), кроме того, заявивший еще притязание на исключительное право назначать и увольнять профессоров богословского факультета в Бонне. Дело дошло до отрешения кельнского архиепископа от должности и заключения его в крепость (1837 г.). То же потом случилось и с гнезненским архиепископом Дунином в восточной части монархии. Католики стали на сторону своих архипастырей, и между представителями обоих вероисповеданий началась полемика. Для восстановления мира в государстве Фридрих-Вильгельм IV в самом начале своего царствования сделал католикам кое-какие уступки, которые стали толковаться ультрамонтанами в смысле полной победы католической церкви. Король-романтик, вообще сочувственно относившийся к католицизму, даже предпринял достройку кельнского собора, лучшего во всей Германии памятника готической архитектуры. Реакция, наступившая после подавления революции 1848 г., оказалась очень выгодной для католицизма в Пруссии, правительство которой теперь, как и после 1814 г., искало в его представителях союзников для борьбы с духом времени.

В шестидесятых годах положение католицизма в Германии было для него довольно благоприятным, так как у клира была масса верных и послушных духовных чад. Преданность церкви стала подогреваться пропагандой жалости к святому отцу по случаю потери им, сначала в 1860 г., потом в 1870 г. владений и светской власти, в то время как решением ватиканского собора этого же 1870 г. папство было вознесено на недостижимую для смертных высоту «непогрешимости»¹. Отношение верных чад церкви к протестантизму и к его представительнице, Пруссии, было самое недоверчивое. Если в 1866 г. южногерманские государства не вошли в состав образовавшегося под гегемонией Пруссии союза, то немаловажной причиной этого было настроение тамошнего католического населения. Мы уже видели, что в первом рейхстаге образовалась целая партия с ультрамонтанским характером, со стремлениями, во многих отношениях напоминающими нам и притязания французских клерикалов. Ко времени включения в состав Германии Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессен-Дармштата, откуда католический центр должен был получить подкрепление, ватиканский собор поставил на очередь отношение паствы и светских властей к новому догмату.

¹ Так принято у нас переводить термин «*infallibilitas*», значащий, в сущности, не непогрешимость («*impeccabilitas*»), а безошибочность.

Среди немецких католиков нашлись противники догмата. Одним из противников непогрешимости был роттенбургский епископ Гефеле, превосходный знаток церковной истории. Он даже обратился к своему (вюртембергскому) правительству с вопросом, может ли он, в случае надобности, найти в нем защиту и поддержку, но оно ответило ему просьбой оставить такие щекотливые вопросы. Другим противником догмата выступил мюнхенский церковный историк Деллингер, сильно агитировавший против новых притязаний папства еще до начала соборных заседаний.

Кроме того, в Германии нашлось вообще немало католиков, утверждавших, что новый догмат противоречит старому верованию церкви и не имеет силы, так как не был единогласно принят собором. Эти «старокатолики» в сентябре 1871 г. устроили в Мюнхене съезд, где было представлено до 300 общин. Главную роль на нем играл Деллингер, которого еще за полгода перед тем привлекал к ответу мюнхенский архиепископ Шерр; так как Деллингер защищал свою точку зрения и, между прочим, доказывал, что новый догмат противоречит современному государственному строю вообще и баварскому в частности, то и был отлучен от церкви, что, впрочем, не помешало баварскому правительству сохранить за ним профессуру. Образование старокатолицизма не получило, однако, большого политического значения, так как он собрал под свои знамена не более 50 тыс. последователей, что составляло только около трех десятых процента на шестнадцатимиллионное протестантское население страны и так как все старокатолическое движение осталось строго церковным¹. Очень может быть, оно приняло бы и бо́льшие размеры, если бы борьба новой империи с католицизмом не внушала многим опасения прослыть перебежчиками в лагерь власть имущих.

Бо́льшая часть высшего духовенства подчинилась догмату и стала требовать подчинения ему со стороны профессоров и преподавателей богословия и других церковных предметов. Кельнский архиепископ Мельхерс потребовал от профессоров боннского теологического факультета формального письменного удостоверения в таком смысле. Бреславльский архиепископ сместил одного священника, не хотевшего подчиниться догмату; Кременц, епископ эрмандский, стал домогаться, чтобы прусское правительство отрешило от должности нескольких духовных преподавателей и т. п. Этим ставился вопрос, должно ли государство слепо исполнять требования епископов или нет, — вопрос, который в отрицательном смысле и решили как прусский министр культов Мюлер, так и баварский Луц, последний по поводу Деллингера. Одновременно с этим разгорелся спор и о взаимных отношениях светского правительства и католической церкви в ведении низшей народной школы. Церковь считала себя единственно

¹ К нему мы возвратимся ниже, в гл. XX.

правомочной воспитательницей подрастающих поколений, но, например, § 23 прусской конституции рассматривал все школьное дело как чисто государственное¹. Раньше прусское правительство делало большие уступки духовенству в этом деле, но, с усилением в правительственных сферах национализма, в высших сферах стали с неудовольствием смотреть на то, что в Познаньской области, в западнопрусской провинции, в Верхней Силезии католическое духовенство очень уже благоприятствовало в народной школе польшизму (Polenthum). В эпоху Реакции особое католическое отделение (Katholische Abtheilung) в министерстве культов, цель которого была отстаивать права государства по отношению к римской церкви, приобрело характер учреждения, как бы основанного с диаметрально противоположной целью. Бисмарк нашел нужным положить конец этому учреждению, что и сделал в июле 1871 г., объяснив потом в прусской палате депутатов эту меру, уничтожение названной «вероисповедной фракции в чисто политическом собрании», тем, что она была только «мобилизацией против государства». Так дело стояло в протестантской Пруссии, но и в католической Баварии тоже назревал конфликт. Упомянутый министр Луц был даже инициатором внесения в уголовный кодекс особого параграфа против злоупотребления проповеднической кафедрой («Kanzelparagraph»), в каковом смысле баварским министерством было сделано предложение и союзному совету. В рейхстаге оно встретило сильную оппозицию со стороны центра, но значительным большинством было принято (в ноябре 1871 г.): пользование церковной кафедрой в целях нарушения общественного мира стало наказываться тюремным заключением до двух лет. Это был первый закон, посредством которого новая империя, притом по инициативе правительства чисто католической страны, вступала в борьбу с католицизмом.

Вторым подобным законом был внесенный в прусскую палату уже упоминавшимся министром Мюлером, в самом конце 1871 г., закон о школьной инспекции. Проводил его в палате уже не он сам, так как вследствие своего личного благочестия считался недостаточно для этого подходящим, а назначенный на его место в начале 1872 г. более способный и энергичный Фальк², который особенно подчеркивал права государства в школьном деле и, между прочим, право назначать и увольнять учителей, не справляясь с желанием или нежеланием духовенства. При защите закона в палате выступал и сам Бисмарк, указывавший на опасность колонизации немецких детей в названных выше провинциях. Впрочем, главным его аргументом всегда была ссылка на то, что ватиканский собор сделал из духовных лиц «безответственные орудия государя, который в силу своей

¹ «Все общественные и частные образовательные и воспитательные заведения состоят под надзором установленных государством властей».

² Fischer. Adalbert Falk, Preussens einstiger Kulturminister (1900).

непогрешимости располагает властью в гораздо большей степени абсолютной, чем какой бы то ни было монарх в мире». Предложение прошло все стадии, хотя многие консерваторы прусской палаты противились ему, находя, что новый закон умалил бы права и евангелического духовенства. Закон был санкционирован Вильгельмом I в середине марта, и вслед за тем Пий IX запретил немецкому кардиналу Гогенлоэ принять пост германского посланника при папском дворе. Это совсем испортило отношения между Германией и папством; тогда, в середине мая 1872 г., Бисмарк объявил в рейхстаге, что новый догмат делает невозможным для светской власти конкордат с католической церковью без самоунижения государства, на что Германская империя никогда не согласится: «в Каноссу мы не пойдем ни физически, ни духовно» («nach Canossa gehen wir nicht, weder körperlich, noch geistig!»)¹. Резкий поступок папы объясняется тем, что Гогенлоэ на соборе был в числе противников непогрешимости, а сверх того, иезуиты и кардинал ненавидели друг друга: орден имел большую силу у Пия IX, да и в Германии они были главными представителями ультрамонтанства. На последнее их значение в Германии указывали все прогрессивные общественные элементы, а в рейхстаг даже начали во множестве поступать петиции насчет принятия против иезуитов разных мер, на что клерикалы и католики отвечали петициями, восхвалявшими заслуги иезуитов, между прочим, в последних войнах, когда многие из них отличились своей помощью раненым и больным. Рейхстаг, побуждаемый обеими сторонами высказаться по вопросу об иезуитах, обратился к союзному совету с предложением внести на этот счет законопроект: иезуиты никогда-де не были допущены каким-либо законом, а их существование возбуждает сомнение, допустима ли корпорация, безусловно подчиненная иностранному начальству и учащая, что законы государства, отвергнутые церковью, не обязательны для подданных.

Ставился, значит, вопрос, уже разрешавшийся не в пользу иезуитов еще абсолютными правительствами католических государств в середине XVIII в. Союзный совет внес в рейхстаг в июне 1872 г. законопроект, дававший местной полиции право запрещать пребывание в соответственных округах иезуитам и членам родственных им конгрегаций и даже в тех случаях, если дело шло бы о германских гражданах. Центр возражал на это предложение, называя его несправедливым и противным принципам права, но большинство находило его недостаточным и по предложению бывшего баварского министра Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, брата кардинала

¹ Намек на публичное унижение императора Священной Римской империи германской нации Генриха IV, который в 1076 г. на Вормском сейме низложил папу Григория VII и месяц спустя, в свою очередь, был низложен папой на Латеранском соборе. Явившись за прощением к Григорию VII в Каноссу, Генрих IV долго (босой, в снегу, у ворот замка) ожидал аудиенции римского первосвященника. — *Прим. ред.*

и, что замечательно, ревностного католика, приняло большинством двух третей голосов закон, закрывавший доступ на германскую территорию ордену иезуитов и другим подобным орденам и конгрегациям с обязательной ликвидацией в шесть месяцев всех их учреждений и с разрешением отдельным правительствам выселять, в случае надобности, всех иноземных иезуитов, а также ограничивать право свободного местожительства по отношению к иезуитам туземным. Эта суровая мера была приведена в исполнение, и католики и клерикальная пресса увидели в ней «гонение» на церковь, а в иезуитах «мучеников» за веру. Консерваторы прусской палаты, на которых Бисмарк дотоле опирался, тоже стали ему делать оппозицию, отказав правительству в приеме одного законопроекта, касавшегося местного управления, который и был проведен только после того, как король назначил в палату господ два с половиной десятка новых членов или, как это называли, произвел «пэрсшуб» (Pairsschub). Бисмарк даже уступил пост министра-президента более консервативному графу Роону¹, оставив в своем заведовании лишь иностранные дела (в самый первый день нового 1873 г.). Прусские консерваторы настолько разозлились на имперского канцлера, что их старый орган, «Крестовая газета», начал его обвинять в подозрительных связях с финансистами, а лютеранские пасторы называли его потрясателем христианского благочестия в народе.

Фальк, выбранный Бисмарком для борьбы с клерикализмом, оказался министром весьма энергичным и уже в начале января 1873 г. внес в прусскую палату депутатов четыре законодательных предложения касательно 1) ограничения карательной власти духовенства лишь чисто религиозной областью, отнюдь не за дела, совершенные по приказанию государства; 2) допущения к занятию духовных должностей только подданных империи, прошедших курс теологии в одном из германских же университетов или в такой католической семинарии, за которой это право признает министр культов, с передачей надзора за духовными школами государству и предоставлением местным властям права не допускать неподходящих кандидатов к занятию должностей; 3) касательно формальностей при выходе из любого вероисповедания и 4) сохранения дисциплинарной власти духовных начальников над своими подчиненными в Пруссии за одними германскими гражданами, постановки их приговоров под контроль государства и учреждения особого церковного суда для рассмотрения случаев неповиновения духовных лиц законам государства. Необходимость этих мер мотивировалась самозащитой прусского государства против властолюбия католической церкви. Борьба в палате шла горячая, и для проведения этих новых четырех законов, принятых в мае 1873 г., пришлось пересмотреть и отменить параграфы прусской конституции, на противоречии

¹ О нем см. соч. Roop'a-сына (1891), Gossler'a (1879), Immermann'a (1898) и др.

правительственных проектов с которыми настаивали консерваторы. Просьба евангелического Высшего церковного совета, по крайней мере, не распространять действия этих законов на евангелическую церковь не была при этом уважена¹.

Епископы, центр, большинство католиков, решили поступать так, как будто бы этих законов и не существовало вовсе, т. е. оказывать им пассивное сопротивление. Папа Пий IX взял даже по отношению к Вильгельму I весьма высокомерный тон в своем к нему письме, где говорил, что он, папа, имеет некоторым образом власть над всяким крещеным человеком, на что в своем ответном письме Вильгельм I заявил протест. «Я, — писал он, — получил от Бога обязанность охранять уважение к законам, а с вашим заявлением о том, будто каждый принявший крещение принадлежит папе, я согласиться решительно не могу, ибо евангелическая вера, которую я исповедую за моими предками с большинством моих подданных, не позволяет нам в отношениях к Богу признавать никакого другого посредника, кроме Господа нашего Иисуса Христа». Протестанты были весьма довольны ответом своего государя папе и видели в нем руку Бисмарка, как католики, наоборот, восторгались письмом папы. Против последнего были только старокатолики и часть католиков, прозванных «государственными» (*Staatskatholiken*), которые подали Вильгельму I сочувственный адрес. Большинство католического населения осталось верным своему духовному начальству: когда в 1874 г. происходили выборы в рейхстаг, число голосов, поданных за центр, возросло с 700 без малого тысяч, каким оно было в 1871 г., до почти полутора миллионов голосов, т. е. более, нежели удвоилось, что имело своим результатом и увеличение числа депутатов центра в рейхстаге также почти в полтора раза (с 63 до 91). Правда, в этом рейхстаге 1874 г. и либералы имели большое количество членов — 150, или $\frac{3}{8}$ общего числа депутатов.

Борьба с католической церковью получила, как было уже сказано, и особое название «*Kulturkampf*», т. е. борьбы за культуру, за новое европейское просвещение, за светскую цивилизацию против средневековых притязаний реакционного католицизма, — термин, который принадлежит прогрессистскому депутату, знаменитому ученому, берлинскому профессору Вирхову и утвердился даже за целой эпохой в новейшей истории Германии. «*Культуркампф*» велся не только в рейхстаге или в ландтагах отдельных государств, но и в прессе, в народных собраниях, везде со страшным ожесточением, причем главным предметом ненависти со стороны католиков был Бисмарк, на котором, выражаясь русской пословицей, только собак не вешали, — вплоть до обвинений в государственном предательстве.

¹ В них говорилось о независимости церкви, и в теперешних изданиях конституции 1850 г. они значатся отмененными законом 15 июня 1875 г. Ср.: *Гессен и Ольде*. Т. I. С. 392.

В июле 1874 г. один католический ремесленник Кульман сделал под влиянием этого озлобления неудавшееся покушение на его жизнь.

В полемике приняли участие и свободные мыслители, противники исторического христианства, было ли оно римским или евангелическим, все равно: тогда именно знаменитый Фридрих Штраус выпустил в свет наделавшую много в свое время шуму книгу «Старая и новая вера»¹. Развитию католической печати, к которой только в 1874 г. прибавилось около 120 газет, Бисмарк задумал противопоставить нарочно созданную для «культуркампа» правительственную прессу. На это нужны были деньги, и Бисмарк решил обратить на это проценты с 16 млн талеров (= 48 млн марок), предлагавшихся было ганноверскому королю за отказ от притязаний на корону и им отвергнутых. В том употреблении, какое было дано имперским канцлером этому денежному фонду, за последним упрочилось название «рептильного» (Reptilienfonds) в связи с одним более ранним (1869) заявлением Бисмарка в прусской палате: «Я не родился шпионом и шпионство мне противно, но я думаю, что вы должны нас благодарить, когда мы преследуем зловредных гадов (Reptilien) до самых их нор, чтобы знать, что там они делают». Эти слова были сказаны в оправдание употребления денег из «вельфского фонда» на воспособление официозной печати, и вот теперь католическая пресса пустила в ход фразу о пресмыкающихся, гадах, которые за деньги поносят католицизм и его приверженцев. Главные удары католическая пресса наносила самому Бисмарку, с декабря 1873 г. снова сделавшемуся прусским министром-президентом (так как отделение этой должности от имперского канцлерства оказалось сопряженным с большими неудобствами). Ультрамонтаны не одной Германии говорили о нероновском и диоклетиановском преследовании церкви в Пруссии, а между тем впереди были еще новые суровые меры против католицизма.

Германские епископы, повинаясь папе, объявившему «майские» прусские церковные законы недействительными (irritae), и не думали их соблюдать. Высший церковный суд привлек к суду целый ряд епископов, а так как они не платили налагавшихся на них штрафов, то их стали сажать в тюрьмы и смещать, так что в 1877 г. все католические епархии в Пруссии, кроме четырех, не имели архипастырей. В апреле 1875 г. особый закон (Sperrgesetz) отнял у католической церкви все деньги, шедшие ей из государственной казны, пока епископы не подчинятся законам. Параграфы конституции, обеспечивавшие свободу церковных организаций и уже переделанные в 1873 г., были совсем отменены, и в течение шести месяцев были уничтожены все монашеские ордена (с 900 монастырей и 8800 членами), за исключением лишь тех, которые занимались уходом за больны-

¹ См. ниже, гл. XXIV.

ми. Неисполнение духовенством как имперских, так и прусских законов влекло за собой массу приговоров против непослушных священников: их сажали в тюрьмы, отрешали от должности и т. п., а так как новых назначений, требовавших соблюдения майских законов, не производилось, то сотни приходов оставались совсем без пастырей, сотни с недостаточным количеством священников, в общей сложности до тысячи двухсот приходов с населением в два с лишком миллиона душ. Прямым следствием этого было то, что пришлось отнять у духовенства ведение метрик и узаконить гражданский брак, на что Вильгельм I согласился с великим трудом, да и то в надежде, что введение гражданского брака не устранил церковных венчаний. Кроме Пруссии, аналогичный «культуркампф» происходил еще в Бадене и в Гессен-Дармштадте.

«Культуркампф», рассоривший Бисмарка с прусскими консерваторами, сблизил его, до известной степени, с более прогрессивными партиями, из которых национал-либералы оказывали ему поддержку еще с 1866 г. Эта партия даже получила кличку «бисмарковской», так как с ней теперь «железный канцлер» был в союзе и в рейхстаге, и в прусской палате, в соответствии с чем и прежние прусские министры эпохи конфликта были заменены либералами. Мы еще будем¹ иметь случай вернуться к этой эпохе союза Бисмарка с либералами по поводу его экономической политики семидесятых годов, когда он подался в сторону свободной торговли. Всего, однако, чего хотели бы добиться от Бисмарка национал-либералы, им получить от него далеко не удалось: ни учреждения имперского министерства, ни вознаграждения депутатам и т. п. Мало-помалу, впрочем, он начал расходиться со своими союзниками, когда борьба с католическим духовенством стала представляться ему делом менее важным, чем борьба с социализмом, требовавшая от него, с одной стороны, сближения с консерваторами, с другой, вмешательства в экономические отношения, против которого были либералы, тем более, что и другие причины также заставляли его переменить общее направление своей экономической политики. Положим, господство либералов не помешало Бисмарку провести в 1874 г. законы, строго каравшие разных противников правительства в случаях притом довольно неопределенных («каучуковый параграф», прозванный так по растяжимости своего содержания), особенно за выступления в периодической печати, но в союзе с консерваторами (с прусскими юнкерами и с центром) все-таки было легче вести борьбу против опасности слева.

Внутренние перемены, происшедшие в Германии к концу семидесятых годов, вообще способствовали прекращению «культуркампфа». Сам Бисмарк не смотрел на майские законы, как на нечто вечное и неизменное: в его глазах они были лишь боевым средством и временной мерой,

¹ Ниже, в гл. XV.

подобной приему сильнодействующего лекарства для излечения скоропреходящей болезни¹. В прусской палате в 1875 г. он сам указывал на возможность мира с папством, потому что «история знает разных пап — воинственных и миролюбивых, зазорных и смиренных», и «очередь может дойти до более покладистого папы, который согласится позволить и другим жить, как им нравится, и с которым можно будет заключить мир». Такого более уступчивого папу пришлось ждать только три года, когда после смерти несговорчивого Пия IX в феврале 1878 г. был выбран на папский престол большой политик Лев XIII². Извещая германского императора о своем восшествии, новый глава римской церкви выразил надежду, что великодушие императора поможет восстановить прежние добрые отношения между святым престолом и Пруссией. Правда, Вильгельм I отвечал холодно в том смысле, что папе легко повлиять на служителей алтаря, чтобы они повиновались законам, и тогда не о чем будет больше говорить, но, во всяком случае, теперь, по крайней мере, сделались возможными переговоры. На одном придворном празднике в Мюнхене, вскоре после телеграммы Льва XIII к Вильгельму I, баварский граф Гольнштейн, очень близкое к Бисмарку лицо, подошел к папскому нунцию Мазелле и сказал ему: «Монсеньор, нам нужно было бы соединиться и начать борьбу с общим врагом, социализмом». Около этого же времени Фальк, видя по некоторым признакам, что его положение стало колебаться, подавал было в отставку, пока, однако, оставшуюся непринятой. Затем праздновалась в Дрездене серебряная свадьба королевской четы, и от имени папы поздравить ее явился Мазелла, с которым необычайно любезно обошелся зять императора, великий герцог баденский, находившийся под большим влиянием своей тещи, императрицы Августы, очень не одобрявшей «культуркампф» из-за его неблагоприятных последствий для евангелической церкви, а к концу своей жизни и прямо проникавшейся симпатией к католицизму. Затем Мазелла, не без согласия самого Фалька, встретился с Бисмарком в Киссингене, куда в июле 1878 г. канцлер приехал отдохнуть и полечиться после берлинского конгресса, и предложил Бисмарку, по уполномочению со стороны папского статс-секретаря кардинала Франки, отменить все майские законы и возвратить положение католической церкви в Пруссии к тому, каким оно было в начале двадцатых годов XIX в. Бисмарк обошелся с папским нунцием очень любезно, но согласился только на своего рода перемирие — на возвращение некоторых епископов на их места. Этого для курии было, конечно, мало, и новый папский статс-секретарь, кардинал Нина, приказал Мазелле прекратить переговоры. Как раз вслед за тем два

¹ Впоследствии Бисмарк даже решался утверждать, что майские законы ему были навязаны, и вся вина за них была свалена им на Фалька, который будто бы сообщил свои проекты премьеру в одно время, как и другим министрам.

² О нем см. ниже, в гл. XX.

покушения на жизнь Вильгельма I¹ поставили перед Бисмарком на очередь борьбу с социалистической пропагандой. С католической церковью нужно было заключить мир для борьбы с «общим врагом», и первым признаком поворота в другую сторону была отставка Фалька, политику которого по отношению к евангелической церкви не одобряли сам Вильгельм I и его супруга. Преемником Фальку был назначен чистейшей воды консерватор Путткамер (в июле 1879 г.), а одновременно с этим были начаты переговоры в Вене между тамошними германским послом князем Рейсом и папским нунцием Якобини, осенью же и между последним и самим Бисмарком. Обе стороны, однако, не обнаруживали уступчивости; тогда, видя, что с папством не столкнешься, Бисмарк решил по собственному почину успокоить германских католиков ослаблением «культуркампфа». В мае 1880 г. Путткамер внес в прусский ландтаг предложение дать правительству дискреционные полномочия относительно применения или неприменения новых церковных законов, что и было принято при протесте со стороны центра. После этого из 2100 священников, лишенных права преподавать в школах, почти двум третям (1300) отнятое право правительством было возвращено. Это было лишь началом того, что враги Бисмарка готовы были называть отправлением «в Каноссу». В феврале 1882 г. прусским посланником при Ватикане был назначен искусный дипломат Курт фон Шлецер и начал дело примирения. Оно подвигалось с большим трудом: потребовалось издать в Пруссии еще четыре примирительных закона, которые проводил уже преемник Путткамера, сделавшегося министром внутренних дел, Госслер, и на это потребовался целый ряд лет — вплоть до 1887 г. В мае этого последнего года Лев XIII в открытой консистории кардиналов торжественно объявил, что прискорбной борьбе, вредной для церкви, да и для прусского государства бесполезной, *finis positus*². Примеру Пруссии последовали Баден (1880) и Гессен (1887 и 1889 г.). Национал-либералы оценили конец «культуркампфа», как злосчастное поражение государственной власти (проф. Гнейст и др.). Среди прогрессистов заклятый враг Бисмарка Евгений Рихтер выразил взгляд своей партии в указании на то, что все сделано для порабощения немцев через католическую церковь канцлерскому абсолютизму, а Вирхов, не одобрявший многие нелиберальные и противоконституционные приемы борьбы, высказался в том смысле, что если Бисмарк и не пошел прямо «в Каноссу», то все-таки нашел туда обходный путь. Но и клерикалы тоже не ликовали, находя, что не все их желания были удовлетворены и даже нападали на папу, как на изменившего их делу³. Борьба, значит, кончилась вничью. По крайней мере, многое из того, что государственная власть себе присвоила, ей пришлось усту-

¹ См. в следующей главе.

² «Конечное положение» (*лат.*), т. е. «борьбе положен конец». — *Прим. ред.*

³ См. ниже, в гл. XX.

пить, да и папство должно было примириться со многим, что оскорбляло католиков. От «культуркампа» сохранились: отмена католического отделения в прусском министерстве культов, предъявление кандидатов на духовные должности правительству с бóльшим значением, чем простая «визитная карточка церкви государству», «канцель-параграф», гражданский брак, запрещение иезуитских учреждений в империи, недозволение монашеским орденам содержать мужские учебные заведения, государственный надзор за школами. Не удалось государству провести строго национальную образовательную подготовку германского католического клира («культур-экзамен»), ограничить дисциплинарную власть церкви по отношению к духовенству, поставить над ним высший суд по церковным делам и отменить все монашеские ордена. Если Бисмарк и Фальк хотели подчинить церковь государству по образцу англиканизма или галликанизма, то попытка их совершенно провалилась, признаком чего было и то, что немногие духовные, действовавшие в духе «государственного католицизма», — так называемые «Staatspfarrer», — по окончании «культуркампа» не могли оставаться более на своих местах, — так они были непопулярны, — и с 1886 г. доживали свой век где-нибудь вдали от своих прежних приходов на пенсию из государственного казначейства (только в одном диоцезе¹ из церковных сумм). Главной причиной проявленной в конце концов Бисмарком уступчивости было то, что «культуркампф» ослаблял Германскую империю, как он находил, и извне, и внутри — внутри по отношению к социализму, сделавшему в Германии семидесятых годов XIX в. громадные успехи, которые стали тревожить имперского канцлера гораздо больше, чем весь «культуркампф».

¹ Диоцез, епархия (лат. *diocesis*) — церковно-административная территориальная единица в католической, англиканской и некоторых протестантских церквях, во главе которой стоит архиерей (епископ или архиепископ). — *Прим. ред.*

VIII. Успехи социализма в Германии и правительственная борьба с ним¹

Немецкий социализм середины XIX в. — Экономическое развитие Германии и рост пролетариата. — Образование Лассалем рабочей партии в начале шестидесятых годов. — Выход в свет «Капитала» Маркса. — Содержание трудовой теории ценности. — Различие взглядов Лассалю и Маркса и разногласия их последователей. — Учреждение марксистской социал-демократической партии к концу шестидесятых годов. — Борьба имперского правительства с социализмом в первой половине семидесятых годов. — Слияние обеих социалистических партий в единую. — Готская программа 1875 г. — Важное значение этого момента в истории социализма вообще. — Успехи германских социалистов на выборах середины семидесятых годов. — Покушения 1878 г. и исключительный закон против социалистов. — Начало христианско-социальной партии

Возникновение социализма в Германии относится, как известно, к концу тридцатых годов, и первым его теоретиком был Вильгельм Вейт-

¹ Более подробно прошлое социализма в Германии изложено в гл. XVI и XXXI пятого тома. Там же указывается и относящаяся к предмету литература — о социал-демократии, о Марксе, о Лассале и т. п. Упомянутый там труд Fr. Mehring'a «Geschichte der deutschen Sozialdemokratie» доведен теперь до 1903 г. и существует в двух русских переводах, из которых один издан фирмой «Гранат и К», другой — товариществом «Просвещение». Кроме того, см.: *Koigen*. Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland (1901); *Андлер Ш.* Коммунистический манифест и его время (1908); *Kampfmeier*. Gesellschaftsklassen in Deutschland (1896); *Он же*. Die Sozialdemokratie im Lichte der Kulturgeschichte (1907; изд. 3-е); *Прокопович С.* Рабочее движение в Германии (1908); *Bernstein E.* Die Geschichte der Berliner Arbeiterbewegung (1907–1908, рус. пер.); *Müller H.* Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie (1892); *Milhaud G.* La démocratie sociale allemande (1903; рус. пер. 1906); *Рессель Б.* Очерки из истории германской социал-демократической партии. Шесть лекций; Возникновение германской социал-демократии. Юбилейный сборник лейпцигских рабочих в честь сорокалетия со дня основания с-д. партии 23 мая 1863 г. — 23 мая 1903 г. (1906); Возникновение партийной организации германской социал-демократии. Речи Бебеля, Либкнехта, Зингера и др. на партийном съезде в Галле в 1890 г. (1907); *Шмеле*. Социал-демократические профессиональные союзы в Германии (1905); *Каутский К.* Эрфуртская программа (1905); *Он же*. Экономическое учение К. Маркса (1905); *Он же*. К критике теории и практики марксизма (1905); *Marx K.* Theorien über den Mehrwert. Aus dem nachgelassenen Manuskript «Zur Kritik der politischen Ökonomie». Herausgegeben von K. Kautsky (1905; рус. пер. 1906 г.); *Oppenheimer Fr.* Das Grundgesetz der Marx'schen Gesellschaftslehre (1903); *Железнов*. Главные направления в разработке теории заработной платы (1904); *Кулишер И.* Эволюция прибыли с капитала (1908). Т. II. Гл. IV, § 5; *Франк С. Л.* Теория ценности Маркса и ее значение (1904); *Туган-Барановский М.* Теоретические основания марксизма (1906); *Слонимский Л.* Экономическое учение К. Маркса (1902); *Böhm-Baiverk E. v.* Zum Abschluss des Marx'schen Systems; *Boudin L.* The theoretical system of K. Marx in the light of recent criticism (1907; рус. пер. 1908 с 3-го изд.); *Энгельс Ф.* Философия, политическая экономия, социализм. Переворот в науке, произведенный Дюрингом (1904); *Kautsky K.* Fr. Engels, sein Leben, sein Wirken, seine Schriften (брошюра; 2-е изд. 1908); Письма Фердинанда Лассалю к Марксу и Энгельсу (1907).

линг, характернейший утопист и вместе с тем революционер, вербовавший своих сторонников среди пролетариата. Таким образом, немецкий социализм с самого начала стоял уже на боевой позиции и распространялся среди рабочих. Вскоре после выхода в свет главных сочинений Вейтлинга выступил Маркс, как теоретик социализма, поставивший своей задачей устранить из социализма утопические его элементы, внести в него вполне научный дух и теснейшим образом связать его с интересами и стремлениями рабочего класса. Сам социализм был, по его толкованию, не чем иным, как идеологией пролетариата, в противоположность учению экономистов, представляющему собой идеологию буржуазии; сам утопизм он объяснял не чем иным, как недостаточностью развития в пролетариате классового сознания, т. е. сознания своих интересов. К развитию этого сознания приводит лишь крупная промышленность, собирающая в одно место большое количество людей, которые скоро начинают понимать, в чем заключается их общий интерес. История, учил далее Маркс, движется борьбой классов, а прогресс промышленности ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции объединение их посредством ассоциации. Буржуазия, концентрируя производство, производит своих собственных могильщиков, но нужно, чтобы пролетариат сам организовался для свержения господства буржуазии и завоевания политической власти. Предвидя в Германии буржуазную революцию, Маркс думал, что она будет непосредственным прологом к революции рабочей, и при этом находил вредной борьбу с буржуазным либерализмом, пока он не одержал победы над абсолютизмом и феодализмом; наоборот, в своих же собственных интересах пролетариат должен был бы помогать буржуазии в ее борьбе со старым порядком. Этими соображениями Маркс опровергал некоторых своих современников, относившихся свысока к либеральным стремлениям буржуазии и даже говоривших, что из их осуществления ничего, кроме зла для народа, пожалуй, не получится.

До 1848 г. немецкий социализм был только теорией и проявлял себя преимущественно вне Германии, среди эмиграции и рабочих, живших за границей. В 1848 г. немецкие социалисты из интеллигентов и рабочих устремились на родину, где и начали организовываться в общества, устраивать съезды и издавать свои газеты. Известно, что это выступление рабочего класса и предъявление им социальных требований напугало буржуазию, но по мере того, как последняя все более переходила на сторону реакции, в рабочем классе, наоборот, усиливалось революционное настроение. В рабочих кругах уже раздавались голоса о необходимости основания социально-демократической республики, но историки этого движения из социалистов же постоянно отмечают тогдашнюю политическую незрелость рабочих и плохое понимание ими своих классовых интересов и что, в частности, идеи «Коммунистического манифеста» им были очень

малопонятны, хотя издававшаяся Марксом и Энгельсом «Новая Рейнская газета» во второй половине 1848 и первой половине 1849 г. и пользовалась популярностью в массах. После подавления революции сорок восьмого года Маркс и Энгельс старались научным образом, т. е. чисто исторически объяснить возникновение и исход движения, причем пришли к тому выводу, что на скорое возобновление движения рассчитывать нет оснований. По их объяснению, настоящей причиной революции был всемирный торговый кризис 1847 г., а причиной контрреволюции сделалось процветание промышленности, усилившееся в 1850 г. Но по той же теории Маркса-Энгельса развитие промышленности объединяет пролетариат, а это объединение влечет за собой развитие в пролетариате классового самосознания, которое само по себе является лучшей почвой для распространения социализма. Обладая сам, несомненно, революционным темпераментом, Маркс еще в 1848 г. отговаривал своих последователей от заговоров и восстаний. Его учение в эти годы сделалось даже отрицанием всякого революционизма, за которым необходимо скрывается какой-либо утопизм, и сам он, в пятидесятых годах, живя в Лондоне, занимался, главным образом, выработкой своей экономической теории, которая должна была быть научным оправданием требований рабочего движения¹.

Не разделяя историко-философской теории Маркса, или так называемого экономического материализма², ставящего в непосредственную зависимость от экономики все без исключения проявления исторической жизни, мы не можем не признать, что статьи Маркса о событиях 1848—1850 гг. во Франции и в Германии могут считаться образцами реального исследования условий, вызывающих социальные движения и определяющих их судьбу³. Если история сорок восьмого года не оправдала первоначальных надежд Маркса, то одна из причин этого заключалась, как мы только что видели, в недостаточном развитии пролетариата и его классового самосознания, развитие же это могло произойти лишь на почве успехов промышленности в форме крупного производства. И теперь марксистские историки утверждают, что в Германии сорок восьмого года социально-экономическое разделение нации на классы не настолько подвинулось вперед, чтобы классовые противоречия могли особенно ярко выразиться и тем самым получить ясную формулировку в классовом сознании народной массы. Немецкий пролетариат в сорок восьмом году еще не имел собственного знамени и примыкал к тому демократическому движению, во главе которого стремилась стать мелкая буржуазия с входившими в ее состав ремесленниками. В середине XIX в. Германия в экономическом отношении более или менее соответствовала еще только Англии конца XVIII в., и в сороковых

¹ См. ниже, в этой же главе.

² См. мою книгу «Старые и новые этюды об экономическом материализме».

³ В настоящее время эти статьи имеются в русском переводе.

годах рабочее движение имело здесь именно более ремесленный, чем пролетарский характер. Крупная промышленность английского типа в ней едва только начиналась, и только в некоторых местностях уже имела кое-какое прошлое. О слабом развитии фабричного пролетариата, например, в Пруссии середины сороковых годов может свидетельствовать хотя бы то, что число фабричных рабочих едва превышало тогда полумиллионную цифру (около 550 тыс.) на 78 тыс. фабричных предприятий, до которой почти доходила цифра мастеров и самостоятельных ремесленников (свыше 450 тыс.), работало же у них немногим меньше (без малого 400 тыс.) подмастерьев и учеников: в общей сложности фабричные рабочие составляли лишь около 38%, ремесленные — около 62%, сами же ремесленные заведения имели «карликовые» размеры. Нарождавшаяся крупная буржуазия незаметными переходами соединялась с мелкой, а эта последняя почти сливалась с ремесленным сословием. Развитие промышленности долго задерживалось в Германии полицейско-бюрократическим режимом, стеснениями свободы передвижения (паспортной системой), недостаточностью путей сообщения (так как железные дороги стали строиться здесь позднее, чем в Англии и во Франции) и (до окончательного установления таможенного союза) пограничными заставами, стеснявшими торговлю. Хотя движение, которое привело к образованию таможенного союза, и началось еще около 1820 г., однако настоящее его развитие относится только ко второй половине тридцатых и к сороковым годам, да и то многие государства продолжали в это время упорствовать в своем партикуляризме, как, например, Ганновер, примкнувший к союзу только в 1851 г., Ольденбург, три северных вольных города и др. Во всяком случае, в самом начале пятидесятих годов таможенный союз охватывал уже почти всю будущую Германскую империю, что и сказалось на сильном оживлении в этой стране промышленности и торговли в это и следующие десятилетия.

Современная разработка экономической истории Германии в XIX в.¹ позволяет нам с решительностью утверждать, что образование современной капиталистической Германии совершилось в промежуток времени между революционным кризисом 1846—1849 гг. и войной 1870—1871 гг. Именно с пятидесятих годов началось развитие кредитных учреждений (Bank für Handel und Industrie zu Darmstadt 1853 г. и т. п.), которые стали собирать и сосредоточивать денежные средства для организации больших промышленных предприятий или массового транспорта. Безумное «грюндерство» начала семидесятих годов, получившее новую пищу во француз-

¹ См. особенно: *Sombart W.* Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert (1903; большой том, заключающий в себе около 650 страниц и содержащий массу статистических данных; печатается русский перевод текста без цифровых таблиц). Другие сочинения по экономической истории Германии или были указаны выше, или будут названы ниже, в соответственных местах.

ской контрибуции, в сущности, было лишь слишком зарвавшимся продолжением того предпринимательского духа, который стал развиваться в немецкой буржуазии еще за два десятилетия до знаменитого краха¹. Уже пятидесятые годы были временем усиленного развития фабрично-заводской индустрии, горного дела и железнодорожного строительства, причем для всего этого основывались акционерные компании и банки со специальной целью субсидирования разных предприятий. Некоторые отдельные примеры лучше всего могут иллюстрировать этот экономический расцвет. В Баварии с 1839 по 1848 г. было основано лишь шесть акционерных обществ с неполными 4 млн марок, в следующем же десятилетии — сорок четыре компании (в семь с лишком раз больше) и с капиталом более 145 млн (увеличение в тридцать шесть раз с дробью!). В прусской горной промышленности за восемнадцать лет перед 1852 г. было основано всего 14 акционерных компаний с капиталом 30 млн, а в следующий только шестилетний период 1852—1857 гг., значит, вдвое меньше — 59 компаний (в четыре раза больше) с капиталом 70 млн (приблизительно в два с третью раза больше). Цифры иных порядков тоже могут хорошо иллюстрировать рост германской промышленности от сороковых до семидесятых годов. Взять хотя бы, например, паровые машины: в 1840 г. на всю территорию таможенного союза их приходилось едва пятьсот, а в 1873 г. общая сила паровых двигателей превосходила уже миллион лошадиных сил². На этих немногих примерах и останавливаемся пока, так как о промышленном развитии Германии с семидесятых годов придется еще не раз говорить впоследствии. Здесь речь зашла об этом явлении, главным образом, по связи с ним роста индустриального пролетариата, среди которого происходило распространение социализма, тем более, что по росту пролетариата статистика не дает нам точных цифр³. Самое существенное здесь — все-таки имеющиеся у нас указания на постепенный упадок ремесла и рост фабрик. В 1849 г. ремесленники в Пруссии составляли 10% населения, а в 1861 г. уже только 8,8%, что указывает на процесс уменьшения, тогда как за тот же период происходило увеличение общего числа промышленных рабочих. В 1849 г. в Пруссии на каждые 122 жителя приходилось

¹ Ср. то, что говорит Sombart о пятидесятых годах XIX в., когда «die Lust zu erwerben die weitesten Volkskreise erfasste, ...die Spekulation mit einer früher nie gekannten Mächtigkeit die deutsche Geschäftswelt ergriff, und erst recht eigentlich mit dem echten und unverfälschten kapitalistischen Geiste nicht vorübergehend, sondern für alle künftige Zeit erfüllte», — и далее: «In diese politisch ruhigen Jahre fällt die Geburtsstunde des neuen Deutschlands», а также: «Eine rechte Gründerzeit sind also die 1850-er Jahre», с. 91—92. В шестидесятых годах эта деятельность даже несколько ослабела, с. 96.

² Интересные цифры для сравнения середины XIX в. с началом XX столетия собраны еще в кн.: *Lichtenberger H. L'Allemagne modern* (1906), с. 22—26.

³ *Sombart. С.* 329—330. Для 1895 г. Зомбарт для пролетариата принимает цифру 35 млн, или 67,5% всего населения.

10 промышленных рабочих, в 1858 г. — уже на каждые 103 жителя, в 1871 г. — на каждые 93 жителя, т. е. первое отношение соответствует 8%, последнее — 10,75%.

Таким образом, состояние промышленности в Германии в начале шестидесятых годов было уже иное, чем в конце сороковых, и вместе с тем изменилось прежнее отношение между буржуазией и рабочим классом. Сорок восьмой год расколол оппозиционное направление, поставив буржуазию в резко враждебное отношение к пролетариату, и в начале шестидесятых годов, когда вновь началось придавленное реакцией политическое и социальное движение, в Германии не нашлось такого связующего звена между буржуазией и пролетариатом, какими были в свое время в Англии чартизм, во Франции радикализм и в самой Германии в сорок восьмом году республиканизм, решительно и сурово подавленный в 1849 г. Германская либеральная буржуазия начала шестидесятых годов отличалась резко отмеченным антидемократизмом в своих политических взглядах и шаблонным манчестерством во взглядах экономических. Когда образовалась партия прогрессистов, то отказалась внести в свою программу всеобщее избирательное право, — не упомянув в ней и о свободе собраний и союзов, — но зато определенно высказалась в духе учения о государственном невмешательстве. Когда в 1862 г. депутаты лейпцигских рабочих обратились к «Немецкому национальному союзу» с просьбой принимать и рабочих в эту патриотическую организацию, то получили ответ такого рода: рабочие и без того являются «прирожденными почетными членами союза», но действительными членами его быть не могут. В то же время прогрессист Шульце-Делич усиленно доказывал рабочим, что они должны всячески остерегаться помощи со стороны государства, стремиться же лишь к развитию самопомощи устройством разных товариществ, и эта проповедь имела немалый успех. Впрочем, большинство последователей Шульце-Делича состояло из ремесленников и мелких сельских хозяев, а среди рабочих и батраков, которые не в состоянии были делать рекомендаций этой проповедью сбережений, идея взаимопомощи такого успеха не имела. Шульце-Делич даже доказывал еще рабочим, желавшим попасть в члены «Немецкого национального союза», что рабочим выгоднее делать сбережения, чем тратить на членские взносы. Весьма естественно, что при таких отношениях между либеральной буржуазией и рабочими среди последних должна была сделаться весьма популярной мысль об образовании самостоятельной политической рабочей партии.

Выше вскользь уже было упомянуто¹, что такая партия и была организована в 1863 г. Лассалем. Сначала этот знаменитый политический деятель шел до некоторой степени заодно с прогрессистами, но потом стал выска-

¹ В главе II в связи с общей ее темой об оживлении в шестидесятых годах социального движения.

зывать против принципов этой партии, а написанная Лассалем в 1862 г. речь «О сущности конституции» и совсем поссорила с ним прогрессистов. Тогда же Лассаль начал свою агитаторскую деятельность среди рабочих, прочитав в одном берлинском ремесленном союзе реферат «Об особой связи современного исторического движения с идеей рабочего сословия»: это и есть упоминавшаяся выше «Программа рабочих». Основная идея этой работы Лассалья заключалась в том, что после буржуазии наступил черед четвертого сословия, рабочих, в недрах которого зреет новое общество, т. е. общество без привилегий, хотя, с другой стороны, он прибавлял, в отличие от «Коммунистического манифеста», что провозглашение идеи рабочего сословия господствующим принципом общества не должно быть лозунгом разделения и вражды классов общества: напротив, это лозунг примирения и единения. Формальным средством осуществления принципа четвертого сословия Лассаль провозглашал всеобщее избирательное право, объявив вместе с тем, что принцип четвертого сословия имеет глубоко нравственное достоинство, ибо один не находится в противоречии с культурным развитием нации. Четвертое сословие должно смотреть на государство не как на организацию, имеющую исключительной целью лишь обеспечение каждому беспрепятственного пользования своими силами, а как на организацию, задача которой осуществлять солидарность интересов, общность и взаимность в развитии, дабы «соединением индивидуумов доставить им возможность достигать ступеней существования, не достижимых для отдельной личности, делать их способными приобретать сумму просвещения и свободы, не мыслимую для усилий отдельного индивидуума». За эту речь-брошюру Лассаль подвергся судебному преследованию, но во время процесса он произнес речь «Наука и рабочие», сделавшую его имя еще более популярным в рабочих кругах. Лейпцигские рабочие, задумавшие в это время созвать общий рабочий съезд для обсуждения своего положения, обратились к Лассалю с просьбой высказать свой взгляд на это положение, и он ответил печатным открытым письмом, где рекомендовал не идти за прогрессистами, а составить свою особую рабочую партию и не полагаться также на шульце-деличевские сбережения и самопомощь, а добиваться от государства и для себя помощи, какую получают, например, строители железных дорог, ради же этого настаивать на всеобщем избирательном праве. Совет был принят, и в мае 1863 г. было положено начало «Общенемецкому рабочему союзу», который мирно и легально должен был добиваться всеобщего избирательного права и государственной помощи для производительных ассоциаций. Необходимость всеобщего избирательного права Лассаль особенно доказывал в «Воззвании к берлинским рабочим», за которое тоже подвергался судебному преследованию. Союз между тем рос, и когда в 1867 г. в Северо-германском союзе было введено всеобщее избирательное право, представители рабочей партии стали попадать в рейхстаг.

В том же 1867 г. вышел в свет «Капитал» Маркса.

Автор «Коммунистического манифеста» и организатор Интернационала, как мы видели, предался в пятидесятых годах научным трудам в области политической экономии. Плодами этих занятий были два сочинения, вышедшие в свет в 1859 и 1867 г. Первое называлось «Zur Kritik der politischen Ökonomie»; под сильным влиянием его теоретических положений Лассалем в последний год его жизни был написан его главный политико-экономический трактат «Бастия-Шульце из Делича, или капитал и труд»¹. Вторым был первый том «Капитала», появление которого составило целую эпоху в истории научного социализма².

В качестве экономиста-теоретика Маркс, выработавший свой умозрительный метод в гегельянской школе, примкнул не к «исторической школе», которая в своих крайних направлениях проявляла даже вражду к абстрактному методу, употреблявшемуся А. Смитом, Мальтусом и Рикардо. Напротив того, чистой абстрактностью метода в теоретической части своего учения Маркс продолжал именно традицию «классиков» политической экономии. Недаром в предисловии к «Капиталу» он сам говорит, что микроскоп и химические реактивы, которыми пользуется естествознание, в политической экономии должны быть заменены силой абстракции. С отвлеченно-дедуктивным методом Маркс сочетал, однако, и метод историко-индуктивный, благодаря чему дал в своем «Капитале» не только философию капитализма, но вместе с тем и историю перехода Западной Европы (собственно Англии, где ранее всего и полнее, нежели в других странах, совершилась индустриальная революция) от средневековых экономических форм к современному капиталистическому строю³.

Исходным пунктом учения Маркса является понятие ценности, причем он доказывает ту мысль, что между потребительной и меновой ценностями вещи нет никакой непосредственной связи. Отношения, в каких находятся между собой потребительные ценности одного рода (например, пшеница) при обмене их на потребительные ценности другого рода (например, железо), изменяются от условий места и времени. Но две разнородные величины вообще могут быть признаны равноценными лишь под условием равенства каждой из них какой-либо третьей величине, которую Маркс и находит в человеческом труде: меновая ценность вещи, по его выражению, есть только кристаллизованный, застывший труд, т. е. она опре-

¹ Француз Бастия был в это время проповедником полной промышленной свободы и государственного невмешательства.

² В дальнейшем даю в сокращенном виде свое прежнее изложение учения Маркса в «Старых и новых этюдах об экономическом материализме» (1906).

³ Основные идеи того изложения индустриальной революции, которое дается в IV т. «Истории Западной Европы», гл. XXII — XXV.

деляется количеством затраченного труда, в свою очередь, измеряемого количеством времени, употребленного на работу: рабочее время, потребовавшееся на производство вещи, и определяет ее стоимость. Обмен вещей одних на другие при помощи денег совершается потому, что в деньгах как бы происходит кристаллизация ценности вещей, но деньги имеют значение не только общего мерила меновой ценности, а также способа накопления богатства. Маркс строго различает между двумя способами употребления денег, именно между продажей товара за деньги для покупки другого товара, с одной стороны, и покупкой на деньги товара для перепродажи его за деньги же, с другой¹. Капиталом Маркс и называет деньги, необходимые для покупки товара с целью его перепродажи за деньги. Две вещи разные — продать нечто ненужное для покупки чего-либо нужного и купить нечто лишь для перепродажи, ибо, в первом случае, ненужное меняется на нужное, и в этом заключается весьма понятный мотив обмена, тогда как во втором случае двойной обмен денег на товар и товара на деньги получает смысл только тогда, когда при этом получается некоторый плюс, что и наблюдается всякий раз при увеличении с помощью известных операций торгового, промышленного или ссудного капитала. Весь вопрос в том, откуда получается рост денег или прибавочная ценность, раз, собственно говоря, могут обмениваться лишь одни равные ценности. Сам процесс обмена не может быть источником нарастания капитала, но зато прибавка может взяться из перепродаваемого товара, при условии, конечно, чтобы сам товар был способен стать таким источником. Такому условию, по Марксу, удовлетворяет один лишь человеческий труд и именно во всех тех случаях, когда человек, имея право свободно распоряжаться своим трудом, но будучи при этом лишен возможности самостоятельно прилагать его к производству, продает свою рабочую силу, как товар, т. е. делается наемным работником. Покупателем этой силы является капиталист, перепродавший ее потом в тех товарах, которые ею произведены: если он при этом получает барыш, то это значит, что он извлекает из нее нечто лишнее сравнительно с тем, во что ему самому обошлась купленная им сила. Действительная стоимость последней легко определяется количеством рабочего времени, потребного для ее же воспроизведения, т. е. для поддержания жизни работника и его семьи, с каковой целью оно и употребляется для производства известного количества продукта. То, что это стоит, капиталист и уплачивает рабочему по окончании работы, как если бы рабочий отдавал ему свою силу в деле на все время работы. Но капиталисту, кроме этой силы, нужны еще орудия производства, т. е. материал и машины, которые капиталистом тоже покупаются на деньги. Производство состоит не в чем ином, как в поглощении человеческого труда при

¹ В первом случае формула обращения: товар-деньги-товар, а во втором: деньги-товар-деньги.

помощи машин сырыми материалами, результатом же этого поглощения является продукт, на который капиталист имеет право собственности, как лицо, на свои деньги купившее все, что участвовало в создании продукта. Самому капиталисту продукт стоит, сколько он заплатил за рабочее время, вложенное в производство, за сырье и за машины, но продавать продукт за такую цену капиталисту нет смысла: какой бы был тогда толк в промышленных предприятиях? И вот для того, чтобы получить больше заплаченного, капиталист удлиняет рабочее время. Если для выработки средств к существованию рабочего нужно определенное число часов в сутки, то за это-то число часов капиталист и платит, но раз он заставляет рабочего трудиться дольше, то каждый лишний час работы представляет собой уже чистый барыш предпринимателя: все эти лишние часы, по теории Маркса, и приводят к образованию прибавочной ценности. Поэтому при капиталистическом производстве рабочий день состоит из «необходимого рабочего времени», в течение которого вырабатываются продукты, равные по цене заработной плате, и из «прибавочного рабочего времени», идущего на выработку прибыли капиталиста. Соответственно с этим и в капитале нужно различать одну его часть («постоянный капитал»), на которую покупаются сырье и машины, и другую часть («переменный капитал»), служащую для покупки рабочей силы: первая часть по своей стоимости воспроизводится без всякого увеличения в получаемом продукте, другая, наоборот, именно и возрастает путем образования прибавочной ценности. Между капиталом, стремящимся к удлинению рабочего времени, и трудом, имеющим, наоборот, противоположную тенденцию, возникает поэтому борьба.

Далее, прибавочную ценность, вытекающую из удлинения рабочего времени, Маркс называет абсолютной в отличие от относительной, получающей начало в возможности сокращения «необходимого рабочего времени». Отношение между «необходимым» и «прибавочным» рабочим временем может изменяться, и если рабочее время вообще остается прежним, но сокращается необходимая его часть, то тем самым, разумеется, увеличивается часть прибавочная. Сокращение необходимой части возможно лишь под условием возрастания производительности труда, когда на производство вещи требуется меньше времени, нежели прежде, что достигается соединением нескольких сил в одну, разделением труда и введением машин. И соединение нескольких сил в одну, т. е. сотрудничество многих рабочих в одном деле, и разделение труда, и машинное производство предполагают существование капитала, находящегося в руках предпринимателя, откуда и кажется, будто сам капитал обладает производительностью. Кроме того, все сокращающие необходимое рабочее время условия ставят труд в большую зависимость от капитала и совершаются лишь в пользу предпринимателя, потому что несколько не сокращают прибавочного ра-

бочего времени, напротив того, даже содействуют его удлинению¹. Другими словами, при капиталистическом способе производства капитал оказывается распорядителем всей рабочей силы, т. е. и той ее части, которая является необходимой, и той, которая называется прибавочной. Возрастание «переменного капитала» Маркс вообще считает возможным лишь потому, что капитал в состоянии располагать известным количеством чужого неоплаченного труда. В производстве капитал не только воспроизводится, но и растет, так как прибавочная ценность сама каждый раз поступает в капитал и тем самым его увеличивает: она — истинная основа накопления капитала. От этого последнего процесса Маркс отличает процесс концентрации капиталов все в меньшем и меньшем количестве рук с постепенным устранением крупными капиталами мелких и средних, что сопровождается ухудшением для рабочих взаимных отношений между капиталом постоянным и переменным. В конце концов теоретическая точка зрения Маркса та, что источник всякой ценности лежит в труде, и только в труде. В противоположность другим экономистам он отрицал какое бы то ни было участие сил природы в деле создания меновых ценностей (конечно, не в производстве продуктов), и, видя в орудиях производства опять-таки лишь создания человеческого труда, отрицал и за ними всякое самостоятельное значение в том же деле. По теории Маркса выходит, что рабочий работает на себя только часть занятого его трудом времени, другой же частью он создает прибавочную ценность, служащую источником накопления капитала и вместе с тем его усиления в эксплуатации труда.

Изображение процесса накопления капитала еще не объясняет, откуда же взялся первоначальный капитал. Если капитал есть сам результат капиталистического производства, то, чтобы последнее стало возможным, нужен первоначальный капитал, как исходный пункт этого способа производства. В данном вопросе Маркс из теоретика превращается в историка, который описывает нам процесс «первоначального накопления», понимаемый им, как процесс отделения работника от обладания орудиями производства. Именно сущность процесса была понята Марксом в том смысле, что прежний мелкий производитель получал личную свободу (от крепостной зависимости или цехового принуждения), но в то же время лишался обладания средствами производства (землей и разного рода орудиями). Между прочим, Маркс дал в «Капитале» яркую картину обезземеления английского крестьянства, способствовавшего созданию пролетариата. На почве замены мелкого крестьянского хозяйства более крупным фермерским возник сельскохозяйственный капитал, за образованием которого последовало образование и капитала промышленного. Маркс изобразил также и процесс возникновения и развития крупной промышленности,

¹ См. о влиянии введения машин на удлинение рабочего времени в т. IV.

выяснив значение, какое в этом процессе принадлежало введению машинного производства.

Излагая в общих чертах «Капитал» Маркса, нельзя не дополнить его теоретические и исторические взгляды упоминанием о его ожиданиях от капиталистической эволюции в будущем, которые уже довольно ясно были высказаны им в «Коммунистическом манифесте». По достижении капиталистическим способом полного господства должен начаться обратный процесс экспроприации: придет конец и для концентрации капитала в очень немногих руках, и тогда сосредоточение средств производства и обобществление труда сделают невозможным дальнейшее существование капиталистической формы. Ударит именно последний час капиталистической частной собственности, и экспроприированные экспроприируют экспроприировавших¹.

Теоретические и практические взгляды Маркса не сходились со взглядами Лассалья. Между обоими деятелями германского социализма существовали личные дружеские отношения, благодаря свиданиям и переписке² между ними равным образом существовало и известное идейное родство. Оба они начали свои научные занятия с философии, одинаково примкнув к левому гегельянству, с точки зрения которого и рассматривали отвлеченные вопросы знания, одинаково в вопросах практической жизни, обратив, прежде всего, свое внимание на вопросы права и политики, а потом уже на вопросы экономики. Но Лассаль гораздо менее Маркса вникал в самую суть экономической теории, совсем не занимался самостоятельным исследованием научных вопросов в этой области и довольствовался существующими учениями, совсем не проверяя их критически, раз эти учения он считал пригодными для практической борьбы. У прежних экономистов он заимствовал «железный закон рабочей платы», под подавляющим действием которого, по его словам, находилось большинство рабочего класса. Каждый продукт труда, являющийся результатом затраты капитала и труда, разделяется между представителями того и другого так, что, чем меньше получается одним, тем больше остается на долю другого: раз существует известная степень производительности труда, то прибыль капиталиста ничем не может быть уменьшена, как только увеличением рабочей платы,

¹ Мы не касаемся здесь общей социологической теории Маркса, известной под именем экономического материализма, потому что между ней и теорией и историей капитализма нет непосредственной связи: из признания за экономизмом значения единственной основы всего исторического процесса еще вовсе не вытекает то, что Маркс говорит о происхождении и развитии капитализма, а с другой стороны, можно разделять все теоретические и исторические взгляды «Капитала», совсем не принимая учения экономического материализма. См. об этом в указанных выше «Старых и новых этюдах», главы V и VI. Близкого к этому мнения держатся и некоторые другие авторы. См., например: *Ллоуис Л.* Социализм и социальный дарвинизм. С. 17.

² Письма их изданы и в русском переводе, о чем см. выше.

и нет никаких способов повысить прибыль, как путем понижения рабочей платы. Лассаль вполне усвоил эту формулу и вывод из нее, заключающийся в том, что по экономическому закону спроса и предложения в силу конкуренции между рабочими, предлагающими свой труд, средняя рабочая плата не превышает той суммы, которая в каждой стране, по образовавшимся у народа привычкам, необходима для его пропитания и размножения: рабочий получает лишь то, что нужно для его существования, весь же остальной доход от производства составляет прибыль предпринимателя. «Действительное улучшение быта рабочих, — учил Лассаль, — наступит лишь тогда, когда весь доход будет оставаться в их руках, а для этого нужно, чтобы рабочими основывались ассоциации, которые пользовались бы помощью от государства», — идея, заимствованная Лассалем у Луи Блана. Только Луи Блан считал необходимым полное переустройство государства, тогда как Лассаль, — в чем и Маркс с ним не соглашался, — полагал, что возможно достигнуть поставленной цели и в современном государстве. Недаром Лассаль, — чего Маркс тоже не сделал бы, — попытался перетянуть на сторону главных пунктов своей программы самого Бисмарка, которого он старался расположить и в пользу введения всеобщего избирательного права, и в пользу государственного кредита производительным ассоциациям рабочих.

Теоретические разногласия, существовавшие между Марксом и Лассалем, отразились на расколе, возникшем среди германских социалистов. Рядом с рабочей партией, основанной в Пруссии Лассалем, несколько позднее, уже после основания Северо-германского союза, возникла другая рабочая партия в Саксонии, основанная марксистом Либкнехтом¹, который привлек на свою сторону Бебеля, бывшего прежде прогрессистом, последователем Шульце-Делича. Мы уже видели, что нюрнбергский 1868 г. съезд представителей этого второго направления немецкого социализма решил примкнуть к Интернационалу. В этом отношении между лассалеанцами и марксистами тоже было различие: партия Либкнехта-Бебеля представляла собой идеи «Коммунистического манифеста» и «Международного общества рабочих», т. е. стояла за интернациональное «объединение пролетариев всех стран», тогда как другая партия, во главе которой стоял Швейцер, сохраняла приданный ей Лассалем национально-немецкий характер, т. е. ограничивала свою деятельность одной только Германией. Несогласие касалось и политического вопроса. Лассалеанцы признавали демократическую монархию, марксисты настроены были республикански и прямо обвиняли Лассалья в том, что он запродавал себя Бисмарку. Не нравилось марксистам и то, что устав союза, написанный Лассалем, отличался централистско-диктаторским характером. Действительно, Лассаль на-

¹ *Eisner K. Wilhelm Liebknecht, sein Leben, sein Wirken (1900).*

ходил, что для успеха дела организованный им союз должен был быть «молотом в руках одного» и что в нем «должна господствовать одна воля». Наоборот, марксисты оставались верными федералистическому принципу, который был положен Марксом в основу Интернационала вопреки централистическому проекту Мадзини.

Эти несогласия среди германских социалистов совпали с образованием Северо-германского союза, конституция которого, благодаря принятию всеобщего избирательного права, открывала перед рабочими возможность участия в политических выборах. В истории германской социал-демократии это был весьма важный момент, и выходило так, что именно в эпоху национального объединения Германии в ней как раз совершалось социальное распадение, которое было только логическим выводом из борьбы классов, этой как бы сути общественной жизни капиталистического периода в понимании учения, в конце концов принятого германским социализмом. «Первая проба всеобщего избирательного права» и «первые парламентские шаги социал-демократии» в Германии относятся к тому же самому 1867 г., когда появилось в свет «главное сочинение научного коммунизма», т. е. «Капитал» Карла Маркса¹.

Выборы в северогерманский учредительный рейхстаг дали германской рабочей партии первый случай воспользоваться всеобщим избирательным правом для участия в политической борьбе. Избирательная программа партии, установленная в Эрфурте, заключала в себе следующие пункты: «1) Совершенное устранение всякой федерации, всякого союза государств в какой бы то ни было форме. Соединение всех немецких племен в единое, внутренне и органически насквозь сплоченное государственное целое (Staatseinheit), через что немецкий народ только и может достичь славного национального будущего: через единство к свободе (durch Einheit zur Freiheit)! 2) Введение всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов во всем немецком отечестве. Всеобщее вооружение народа. 3) Признание, что созываемому теперь немецкому народному парламенту принадлежит право решающего, а не только совещательного голоса. 4) Разрешение социального вопроса при помощи свободных рабочих ассоциаций на основании принципов Лассаля». Выборы в рейхстаг обнаружили уже, что эта программа объединила около 40 тыс. избирателей, но никто из социалистических кандидатов на выборах не прошел. Выбраны были только члены саксонской народной партии Бебель и Шрапс. В числе неизбранных кандидатов был и Швейцер, который тотчас же занялся реорганизацией «Всеобщего германского

¹ Поставленные в кавычки выражения суть названия двух параграфов гл. III и всей главы IV в четвертой книге «Истории германской социал-демократии» Фр. Меринга (т. II, стр. 279–322 по пер. изд. «Гранат и К»).

рабочего союза»¹, причем из его состава были исключены приверженцы графини Гацфельд², основавшей особый «Лассалевский всеобщий германский союз рабочих». Во время выборов в следующий рейхстаг первая из названных организаций выставила довольно значительное число кандидатов, и на этот раз ей удалось провести самого Швейцера, хотя и при помощи консервативных голосов против прогрессиста, и Рейнеке при поддержке, как раз наоборот, прогрессистов. Прежние два члена народной партии сохранили свои места и приобрели еще двух товарищей, из которых один был Либкнехт, другой — Гец, да прошел еще на выборах лассалеанец Ферстерлинг. Между двумя депутатами, сделавшимися вождями социалистов, Швейцером и Либкнехтом, произошла борьба. Первый из них, став на почву существующих отношений, заявил, что и сам он, и стоящие за ним рабочие по отношению к другим государствам будут на стороне Пруссии, тогда как Либкнехт пророчил, что Северо-германский союз за границей будет находиться в еще большем презрении, нежели сам старый союзный сейм. Далее, Швейцер хотел выступить с предложением о введении фабричной инспекции и принятии разных мер для охраны рабочих, но ему не удалось это сделать, так как не нашлось необходимых пятнадцати желающих дать под этим предложением свои подписи. В числе отказавшихся его подписать был Либкнехт, который оправдывал свой отказ нежеланием поддерживать Северо-германский союз столь важными учреждениями, какие предлагались Швейцером. У саксонской народной партии был свой орган, «Демократический еженедельник», который вел полемику с «Социал-демократом», нападая на Швейцера. Последний, однако, продолжал вести свою линию и, несмотря на разные помехи, в 1868 г. созвал съезд рабочих представителей для организации профессионального движения в своем духе, параллельно с чем Бебель и Либкнехт и на этом поприще агитировали в пользу своих идей.

В сентябре 1868 г. в Нюрнберге собрался съезд рабочей организации, к которой принадлежали Бебель и Либкнехт; на нем было решено примкнуть к Интернационалу — шаг, на который Швейцер не решался, но который имел своим последствием разрыв рабочих союзов с народной партией. Между тем в Лейпциге организация Швейцера была запрещена полицией, что ей, впрочем, не помешало возобновить свою деятельность в Берлине, приспособив свой устав к прусскому закону о союзах, хотя и не избежав того, что в конце того же 1868 г. сам Швейцер был посажен в тюрьму на три месяца. Последнее обстоятельство не утишило взаимного раздражения соперничавших между собой вождей, и на общем собрании германского рабочего союза в Эйзенахе в 1869 г. было решено в этом же

¹ Возможно, основой его послужил «Общенемецкий рабочий союз», созданный Лассалем. — *Прим. ред.*

² О гр. Гацфельд, игравшей большую роль в жизни Лассалья, см. в т. V.

городе и в том же еще году созвать съезд для прекращения раздоров среди германских социал-демократов. Эта цель, однако, не была достигнута: получился как раз диаметрально противоположный результат — раскол «лассалеанцев» (т. е. «Всеобщего германского рабочего союза») и «эйзенахцев» («Союза рабочих ферейнов¹»). Эйзенахцы при этом укрепили за собой название «социал-демократической рабочей партии» и обнародовали свою политическую программу в чисто лассалевском духе.

Целью стремлений партии эйзенахская программа ставила «учреждение свободного народного государства» (Volksstaat), причем каждому члену партии вменялось в обязанность всеми силами стоять за следующие принципы: 1) Современные политические и социальные отношения в высшей степени несправедливы и потому должны быть предметом борьбы с величайшей энергией; 2) Борьба за освобождение трудящихся классов не есть борьба за классовые привилегии и преимущества, но за равные права и равные обязанности и за отмену всякого классового господства; 3) Экономическая зависимость рабочего от капиталиста составляет основание рабства во всякой его форме и потому социал-демократическая партия с отменой современного способа производства (системы найма) добивается посредством работы товариществами (durch genossenschaftliche Arbeit) полного дохода от труда (den vollen Arbeitsertrag) для каждого рабочего; 4) Политическая свобода есть самое необходимое предварительное условие для экономического освобождения трудящихся классов. Социальный вопрос в силу этого неотделим от политического; его разрешение обусловлено последним и возможно только в демократическом государстве; 5) Ввиду того, что политическое и экономическое освобождение рабочего класса возможно лишь под условием ведения им борьбы сообща и в единстве (gemeinsam und einheitlich), социал-демократическая партия дает себе объединенную организацию, которая, однако, для каждого делает возможным оказывать свое влияние на благо целого. Ввиду того, что освобождение труда есть не местная и не национальная, а социальная задача, которая охватывает все страны, где только существует современное (moderne) общество, социал-демократическая партия рассматривает себя, насколько это позволяют законы о союзах, как ветвь Международной ассоциации рабочих, примыкая к ее стремлениям».

В дальнейшем программа перечисляла «ближайшие требования» социал-демократической агитации. Это были: «1) распространение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права на всех мужчин с 20-летнего возраста при выборах в парламентах, в ландтаги отдельных государств, в областные и общинные представительные собрания, равно как и в остальные представительные учреждения, и доставление избран-

¹ Ферейны (нем. vereine) — народные союзы, в которых входящие в них физические лица были связаны членскими правами и обязанностями. — *Прим. ред.*

ным представителям достаточного содержания (Diäten); 2) введение прямого законодательства (т. е. права предложения и отвержения) при посредстве народа; 3) отмена всяких преимуществ сословия, состояния (Besitzes), рождения и вероисповедания; 4) учреждение народного ополчения (Volkswehr) вместо постоянной армии; 5) отделение церкви от государства и отделение школы от церкви; 6) обязательное обучение в народных школах и бесплатное обучение во всех общественных учебных заведениях; 7) независимость суда, введение суда присяжных и судов профессиональных (Fachgewerbegerichte), установление гласного и устного судопроизводства и бесплатной правовой помощи; 8) отмена всех законов о печати, союзах и коалициях, введение нормального рабочего дня, ограничение женского и запрещение детского труда; 9) отмена всех косвенных налогов и введение единого прямого и прогрессивного подоходного налога и налога на наследство; 10) государственное поощрение ассоциаций (staatliche Förderung des Genossenschaftswesen) и государственный кредит для производительных товариществ с демократической гарантией».

Программа, как видим, была вполне лассалеанская, но если «Капитал», обнародованный только в 1867 г., еще не успел оказать тогда своего действия, то из этого еще не следует, чтобы разрыв «лассалеанцев» и «эйзенахцев» обуславливался только одними личными дразгами, как думают некоторые историки¹. Лассалеанский дух доминировал во всем движении, но и среди чистых лассалеанцев не было полного единства. У графини Гацфельд была своя партия, отдельная от главной, швейцеровской, с которой не шли заодно и баварцы. Главным партийным органом эйзенахцев был «Volksstaat»; кроме того, у них был свой комитет в Вольфенбюттеле и контрольная комиссия, сначала в Вене, потом в Гамбурге. В 1870 г. лассалеанцы были сначала настроены патриотически, но Либкнехт и Бебель держали себя пассивно при голосовании займа на военные надобности, чем навлекли на себя порицание со стороны брауншвейгского комитета, а «Volksstaat» никак не мог сразу стать на определенную точку зрения, пока не был поднят вопрос о присоединении Эльзас-Лотарингии, против которого комитет деятельно агитировал, повлияв до известной степени и на «лассалеанцев». За свою агитацию брауншвейгскому комитету пришлось поплатиться: его члены были арестованы и посажены в крепость.

¹ См., например: *Grotewold Ghr. Die Parteien des deutschen Reichstags* (1908), с. 282, где сказано: «die ganzen Trennungspunkte zwischen den Lassalleanern und Eisenachern müssen heute als persönliche Quisquilien erscheinen, wenn man nur nach Programmen urteilen will», хотя сейчас же делается оговорка в том смысле, что были и «sachliche Momente». По этому поводу можно было бы повторить то же самое, что было уже сказано о марксо-бакунинской распре в Интернационале (см. выше). И по бебеле-швейцеровскому спору историки социал-демократии высказываются до сих пор нередко в пристрастном тоне, о чем см. хотя бы объяснение Шеринга относительно его взгляда на Швейцера (см. т. IV, с. 406 и след. гранатовского издания).

Первые выборы в рейхстаг Германской империи собрали в пользу социал-демократии около 100 тыс. голосов, распределившихся так, что немного более трех пятых этого числа досталось «лассалеанцам» и несколько менее двух пятых — «эйзенахцам», но выбраны были только Бебель и Шрапс. Швейцер, который на выборах потерпел поражение, отказался от председательства в своем рабочем союзе, где преемником его был Газеклефер. Бебель в 1872 г., — равно как Либкнехт, — был приговорен по обвинению в приготовлении к государственной измене к двум годам заключения в крепости. Меры, принятые против наиболее видных деятелей-«эйзенахцев», дополнялись разного рода полицейскими придирами и преследованиями против вождей и участников профессиональных союзов. По отношению к последним у руководителей рабочего движения не было в это время согласия: если одни придавали им значение, то другие видели в попытках рабочих улучшать свое положение при современном строе общества только помеху развитию классовой борьбы. Полемика между «лассалеанцами» и «эйзенахцами» продолжалась и после ухода Швейцера¹, но к концу 1874 г. между обеими партиями началось сближение, а выборы 1874 г., во время которых за обе партии было подано, в общей сложности, более 350 тыс. голосов, показали, что в численном отношении обе они были равносильны, причем «лассалеанцы» имели наибольший успех на севере и западе империи, «эйзенахцы» — в Саксонии.

Большинство рейхстага и слышать не хотело о каких-либо социальных реформах, которых требовали рабочие, несмотря на то, что многие меры защищались учеными из самого же бюргерского общества, так называемыми «катедер-социалистами»². Со своей стороны, власти, кроме «эйзенахцев», принялись и за «лассалеанцев», и, например, в первую половину 1874 г. 87 лассалеанцев по 104 процессам были приговорены, в общей сложности, к 211 месяцам и 3 неделям тюремного заключения. Общая судьба сблизила между собой преследуемые партии: в 1875 г. противники пришли к соглашению на съезде в Готе, для которого особой комиссией была приготовлена новая программа, представлявшаяся на одобрение Маркса, но не нашедшая у него сочувствия, как рассчитанная на примирение с лассалеанцами и потому, на взгляд Маркса, лишенная принципиальности. Маркс тогда же выразил своим сторонникам порицание, вдобавок в довольно резкой форме, но это его письмо было опубликовано лишь через пятнадцать лет³.

¹ Швейцеру не повезло на выборах 1871 г., после чего вообще он скоро покинул арену общественной деятельности. Так как, будучи представителем крайней левой, он поддерживал личные сношения с правительством и аристократией, его стали даже обвинять в шпионстве, хотя совершенно голословно.

² О «катедер-социализме» см. в гл. XV.

³ В «Neue Zeit» за 1890 г. Критику этого письма дает Фр. Меринг (т. IV, стр. 92 гранатовского издания). «Письмо еще теперь, — сказано здесь, — крайне поучительно по своим прин-

Готская программа «социалистической рабочей партии Германии» заключала в себе, прежде всего, теоретические основания для изложенных в ней практических требований. «Труд, — так начиналась эта программа, — есть источник всякого богатства и всякой культуры, и так как вообще полезная (*nutzbringende*) работа возможна лишь благодаря обществу (*durch die Gesellschaft*), то обществу же, т. е. всем его членам, принадлежит и весь продукт труда (*das gesammte Arbeitsprodukt*), при всеобщей обязанности работать, на равном праве, каждому соответственно с его разумными потребностями (*nach seinen vernunftgemässen Bedürfnissen*). — В теперешнем обществе, — читаем мы далее, — средства или орудия труда (*Arbeitsmittel*) составляют монополию класса капиталистов, и обуславливаемая этим зависимость есть причина бедствий (*des Elends*) и рабства во всех формах. Освобождение труда, — говорится еще дальше, — требует превращения средств труда в общее достояние (*Gemeingut*) общества и товарищественного (*genossenschaftliche*) регулирования всего труда в его целом (*Gesammtarbeit*) с обращением в общую пользу (*mit gemeinnütziger Verweadung*) и справедливым распределением дохода от труда. Освобождение труда, — прибавляла, наконец, программа, — должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все другие классы — только реакционная масса». Таковы были немногие основные начала, исходя из которых социалистическая рабочая партия Германии во второй части программы определяла свою задачу, как стремление «всеми средствами добиться свободного государства и социалистического общества, сокрушения (*Zerbrechung*) железного закона заработной платы посредством отмены системы наемного труда, уничтожения эксплуатации (*Ausbeutung*) во всех ее видах, устранения всякого социального и политического неравенства». К этому определению цели стремлений партии программа присоединяла и следующее заявление: «социалистическая рабочая партия Германии, хотя и действующая пока в национальных рамках, сознает международный характер рабочего движения и полна решимости (*ist entschlossen*) исполнять все обязанности, которые он налагает на рабочих, чтобы сделать истиной братское единение (*die Verbrüderung*) всех людей». Вместе с тем в виде вступления на путь разрешения социального вопроса (*um die Lösung der sozialen Frage anzubahnen*) требовалось «основание социалистических производительных товариществ с государственной помощью и при демократическом контроле трудящегося народа». Эти товари-

щественно-положительным точкам зрения; его отрицательный взгляд попадал, однако, часто мимо цели и по той причине, что исходил из фактически неверных предпосылок. Маркс упускал из виду, что проект программы точно отражал теоретические взгляды обеих фракций; он полагал, что «эйзенахцы» овладели уже научным коммунизмом во всех его логических выводах и что «лассалеанцы» не более, как отсталая секта, которая выбита из позиции ходом исторического развития и должна сдаться эйзенахцам. Этой ошибкой объясняется крайнее раздражение, под влиянием которого Маркс написал свое письмо».

шества промышленного и земледельческого характера рекомендовалось «призвать к жизни в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация всего труда в его целом (*der Gesamtarbeit*)». За этими общими соображениями в программе следовало по пунктам изложение отдельных требований политического и социального содержания. Требования первой категории были следующие: «1) Всеобщее, равное и прямое право выборов и голосования (*Wahl- und Stimmrecht*) с тайной и обязательной подачей голосов всех граждан (*Staatsangehörigen*) с 20-летнего возраста для всех выборов и голосование в государстве и общине. Временем выборов и подачи голосов должен быть какой-либо праздничный день; 2) Прямое законодательство самого народа. Решение народом вопроса войны и мира; 3) Всеобщая воинская повинность (*Wehrhaftigkeit*). Народное ополчение вместо постоянного войска; 4) Отмена исключительных законов, именно законов о печати, о союзах, о собраниях, вообще всех законов, ограничивающих свободное выражение мнений, свободное мышление и исследование; 5) Правосудие при участии (*durch*) народа. Безвозмездная правовая помощь; 6) Всеобщее и одинаковое воспитание народа государством. Всеобщая школьная повинность. Даровое обучение во всех образовательных учреждениях. Объявление религии частным делом (*Privatsache*)».

Эти шесть пунктов содержали в себе требования социалистической рабочей партии по отношению к государству; следующие восемь пунктов перечисляли требования, касавшиеся внутренних отношений в обществе (*die S. A. D. fordert innerhalb der Gesellschaft*). Приводим их также целиком.

«1) Наибольшее, какое только возможно, распространение прав и свобод, в смысле предыдущих требований; 2) Единственный прогрессивный подоходный налог в пользу государства и общин, вместо всех существующих, в особенности же обременяющих народ косвенных налогов; 3) Неограниченное право коалиций; 4) Сообразный с потребностями общества нормальный рабочий день. Запрещение работы в воскресные дни; 5) Запрещение детского труда и всякого вредящего здоровью и нравственности труда женского; 6) Закон об охране жизни и здоровья рабочих. Санитарный надзор над жилищами рабочих. Надзор над рудничной работой и фабричной, ремесленной и кустарной промышленностью (*Hausindustrie*) при посредстве выбранных рабочими должностных лиц; 7) Регулирование тюремной работы; 8) Полное самоуправление всех касс для вспомоществования рабочим».

Мы привели дословно всю готскую программу 1875 г., представляющую собой соединение марксистских и лассалеанских взглядов. Это, действительно, был известного рода компромисс, в котором, — что не раз уже указывалось, — стояли рядом труд, как «источник всякого богатства», и «железный закон заработной платы»; освобождение труда, как дело ра-

бочего класса, соединяющегося для этого в политическую партию, и «социалистические производительные товарищества с государственной помощью»; «сознание международного характера рабочего движения» и «действие в национальных рамках» и т. п. Эта двойственность производила на разных писателей, говоривших о программе, различное впечатление, и в то время, как одни утверждали чисто лассалеанский характер программы, другие готовы были ей приписывать характер чуть не исключительно марксистский¹. Кроме программы, партия выработала себе и организацию. Между «лассалеанцами» и «эйзенахцами» были несогласия, касавшиеся именно и этого вопроса, потому что первые стояли за централистическую организацию, унаследованную от Лассалю с его почти диктаторским положением в партии, между тем как «эйзенахцы» держались федералистического принципа, и Бебель прямо находил нужным покончить с «верой в авторитеты» и с «культом личностей». Та организация, которая стала действовать с 1875 г., усвоила федералистическое, марксистское начало, бывшее принятым и в Интернационале. Можно сказать, что в партии 1875 г. возродился Интернационал, взятый с его формальной, организационной стороны, только вдвинутый, так сказать, в национальные рамки Германской империи. Это были местные независимые кружки, ежегодные съезды выборных уполномоченных от всех местных кружков, исполнительный комитет, или правление (*Vorstand*), контрольная комиссия и особая комиссия для посредничества между правлением и контролем, зародыши же этой организации мы видим уже у «эйзенахцев». Наконец, у партии была своя касса и, следовательно, свой бюджет, был и свой печатный орган. Впоследствии социалистические партии и в других государствах стали организовываться по образцу германской рабочей партии, что придает ей особое значение в рабочем и социалистическом движении не одной только Германии.

Мы остановились так подробно на возникновении германской социал-демократической партии, объединившейся на готской программе, не только ради той роли, какую эта партия стала играть в рейхстаге, но и по тому значению, какое принадлежит ей в истории новейшего социализма вообще. Если верно, что Интернационал как раз в эту эпоху прекратил

¹ Im grossen Ganzen dominiert auch noch in diesem programm Lassalle. *Grotewold Chr.* Die Parteien des deutschen Reichstags, с. 288. «Учение мало отличалось от манифеста 1848 г. Устройство было сходное с марксистской организацией». *Сеньобос III.* Политическая история современной Европы (изд. Суворина, 1897 г.), с. 676. Приведу еще интересное заключение Фр. Меринга к главе «об объединительном конгрессе в Готе»: «Лассалеанство навсегда угасло в эти готские дни, а между тем это были самые светлые дни для славы Лассалю. Как бы прав ни был Маркс со своими положительными возражениями против готской программы, но судьба его письма по поводу нее ясно показала, что пути, по которым в Германии могла развиваться могучая и непобедимая рабочая партия, как носительница социальной революции, были верно определены Лассалем» (т. IV, с. 97 по гранат. изд.).

свое существование, распавшись на целый ряд национальных «Интернационалов»¹, то столь же верно, что сáмой организованной и верной духу старого Интернационала наследницей его явилась германская социал-демократия, первая по времени большая и сплоченная социалистическая партия в парламенте одной из великих держав, сделавшаяся вследствие этого образцом, которому стали потом следовать социалисты и других стран, организуясь для политической борьбы.

Объединенная на готском съезде общей программой социалистическая рабочая партия Германии во второй половине семидесятых годов делала все большие и большие успехи. Этим успехам содействовали не только преследования, которым подвергались многие члены партии, и упорное нежелание бюргерских партий рейхстага идти навстречу нуждам рабочих в смысле социального законодательства, но и знаменитый «крах» семидесятых годов, повлекший за собой обычное явление — безработицу со всеми ее тягостными последствиями для рабочего люда, но как раз этим самым создавалась почва, весьма благоприятная для социалистической пропаганды в рабочих массах. Рост движения уже тогда тревожил Бисмарка, который стал подумывать об издании для прекращения социалистической агитации исключительных законов против свободы печати, но не нашел сочувствия в рейхстаге. В конце марта 1876 г. социалистическая рабочая партия Германии была даже запрещена решением берлинского суда, но это не оказало никакого влияния на силу пропаганды ей идей среди рабочих. Выборы в рейхстаг, происходившие в следующем, 1877 г., обнаружили это с величайшей ясностью, так как за социалистических кандидатов было подано без малого полмиллиона голосов (точная цифра — 493 447). Кандидатуры на этот раз были выставлены чуть ли не в половине избирательных округов, и в рейхстаг попало на этот раз двенадцать представителей партии.

Повод для начала более решительной и настойчивой борьбы против социал-демократии доставили Бисмарку в 1878 г. два покушения на жизнь императора, отделенные одно от другого всего какими-нибудь тремя неделями. 11 мая Вильгельм I возвращался домой с прогулки по оживленной берлинской улице Unter den Linden, имея рядом с собой в экипаже свою дочь, великую герцогиню баденскую из публики, толкавшей на тротуаре, раздались по направлению к экипажу императора два револьверных выстрела, из которых, однако, ни один не попал в Вильгельма I. Стрелявший был немедленно схвачен и оказался совсем еще молодым (21 год) подмастерьем Максом Геделем, начитавшимся, как говорили, социал-демократических газет и наслушавшимся социал-демократических речей, откуда им были, однако, вынесены лишь неясные представления о на-

¹ Объяснение этого с виду противоречивого утверждения см. выше.

сильственным перевороте; какие-либо более прочные его связи с партией не были доказаны¹. Бисмарк не замедлил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы внести в рейхстаг проект исключительного закона против социал-демократии, но рейхстаг не обнаружил склонности удовлетворить желания правительства. Одну из наиболее блестящих речей против предложения сказал Беннигсен, говоривший от имени национал-либеральной партии и доказывавший, что Бисмарк более метит не в социал-демократов, а в национал-либералов. Поражение правительства было довольно-таки чувствительным, потому что законопроект был отклонен большинством, превосходившим правительственное (в данном случае) меньшинство на 57 голосов (24 мая). Это большинство полагало, что для борьбы с революционными выступлениями достаточно уже существующих законов и что дальнейшие мероприятия, если в них оказалась бы надобность, могли бы быть приняты в осеннюю сессию. Заседания рейхстага были закрыты на другой же день, а через неделю совершилось второе покушение на жизнь императора. 2 июня он ехал в парк Тиргартен по той же *Unter den Linden*, когда из окна одного дома раздался два выстрела (дробью) из двустволки, которыми на этот раз Вильгельм I был ранен в голову, шею, плечо и руку. Покушавшийся на жизнь императора был д-р Нобилинг, сын арендатора доменов в Познани, сам сельский хозяин, одно время бывший чиновником в Дрездене, как и Гедель, увлекавшийся социализмом. Социал-демократическая пресса доказывала, что он ничего общего с партией, как таковой, не имеет, ведению же следствия помешал сам Нобилинг, окончивший жизнь самоубийством в тюрьме². Поранения, причиненные Вильгельму I этим вторым покушением, при преклонном его возрасте и боль-

¹ Некоторые историки, однако, утверждают существование связи между Геделем и партией, ссылаясь, главным образом, на то, что «*der unbeschreiblich freche Ton der sozial-demokratischen Presse bewies dasz die ganze Partei in ihm ihren Genossen sah*». *Kaemel O.* *Illustr. Gesch der Neuzeit*, с. 533 (по изд. 1908 г.). Ср. характеристику Геделя у Фр. Меринга (с сокращениями): «уже в двадцать лет человеческая развалина, он нес на себе следы ран и ударов, которыми буржуазное общество наказывает несчастных, явившихся незваными на его пир. Рожденный вне брака, зараженный наследственным сифилисом... больной телом и духом, он не обладал необходимой силой, чтобы развиться в революционера, и боролся, как вор и мошенник, против враждебных сил, низведших его до полуживотного существования. Он уже был безнадежно погибшим человеком, когда попробовал примкнуть к социал-демократическому движению», но «босаяцкие привычки Геделя сделали его скоро невозможным в среде сознательного пролетариата», что и было причиной его исключения из партии, после которого он «стал разыгрывать из себя анархиста чистейшей воды» и т. д. (IV, 141—142 по гранат. изд.).

² Гедель был казнен. Из молчания правительства относительно показаний Нобилинга в тюрьме Фр. Меринг делает тот вывод, что правительству «не удалось открыть даже отдаленнейшей связи между Нобилингом и социал-демократией» (т. IV, с. 146 по гранат. изд.). То, что сам автор цитируемой книги говорит об отношении социал-демократической прессы к обоим покушениям (т. IV, с. 144, 147—148), тем не менее достаточно объясняет раздражение против нее как в правительстве, так и в обществе. Что касается до отзыва Меринга о Нобилинге, то и он очень резок (там же, с. 146—147).

шой потере крови, были настолько серьезны, что он уже не мог сам заниматься делами, да и лечение требовало полного спокойствия. Поэтому 4 июня кронпринц взял на себя регентство¹. Теперь правительство, полагая, что при данном составе рейхстага закон против социалистов не пройдет, распустило рейхстаг и назначило новые выборы на 30 июля.

В общем, избиратели 1878 г. сильно повернули вправо под влиянием этих двух покушений. Число выбранных социал-демократов сократилось до девяти. Национал-либералы, на предыдущих выборах прошедшие в количестве 128 человек, теперь имели только 98 представителей, т. е. потеряли 30 мест, или около целой четверти своего прежнего состава: многие избиратели, голосовавшие раньше за них, ставили им в упрек отклонение исключительного закона. Число прогрессистов тоже понизилось с 35 на 26. Все три эти партии располагали лишь немного большим числом голосов (133), чем раньше одни национал-либералы, и это число на 43 голоса было меньшим, чем в предыдущем рейхстаге. Выиграли на выборах правые, повысившись с 78 до 115, т. е. на 37 голосов. (Центр имел в новом рейхстаге 103 голоса.) Еще большим показателем некоторой реакции против социал-демократии в ее собственных кругах было то, что число голосов, поданных за ее кандидатов, было на 55 тыс. меньшим, нежели на выборах 1877 г. Конечно, на этом результате сказалась и правительственная репрессия, которая готова была с официозными органами печати видеть во всем преступные выступления вроде оскорбления величества и т. п. Как на классический пример из истории этих дней, можно указать на возбудивший много толков случай приговора к полугодовому заключению какой-то простой женщины в Бранденбурге, сказавшей такие слова: «Ну, по крайней мере, император не беден и в состоянии полечиться».

Закон против социалистов или, как он обычно называется, Sozialistengesetz, внесенный Бисмарком в рейхстаг, прошел 19 октября 1878 г. — прошел, благодаря переходу на его сторону национал-либералов, большинством 221 голос против 149, потому что если бы национал-либералы присоединили свои 78 голосов к меньшинству, то оно превратилось бы в большинство. Впрочем, этот закон прошел не без сильной борьбы, так как и в самом большинстве господствовало нерасположение к каким бы то ни было исключительным законам и нелиберальным мероприятиям, и только тогда на него дано было согласие, когда он получил характер своего рода политического эксперимента с действием, ограниченным двумя с половиной годами — до 31 марта 1881 г. Характерно, что национал-либералы голосовали «за», не очень-то доверяя Бисмарку, как это явствует из недавно опубликованного² письма их лидера Беннигсена к своей жене.

¹ В это регентство и заседал в Берлине международный конгресс по восточному вопросу (см. ниже, в главе XII).

² Онкеном в «Deutsche Revue» за 1907 г.

В этом письме, датированном от 15 сентября, вождь национал-либералов уже предвидит, что решение будет принадлежать его партии («da ihr die Entscheidung schliesslich zufallen wird»), но признается, что партия еще не знает, к чему стремится Бисмарк, т. е. желает ли он провести закон против социалистов или «прижать к стене национал-либералов». При этом Беннигсен сообщает характерный, как сам он выражается, анекдот: когда Бисмарк узнал о покушении Нобилинга, то сказал одному высокому сановнику: «Теперь парни у меня в руках» («Jetzt habe ich die Kerle»), причем тотчас же пояснил своему собеседнику, что имеет в виду именно национал-либералов («ich meine die Nationalliberalen»). Противники закона стояли на той точке зрения, что исключительные меры против одной партии противоречат принципу равноправия, что своими слишком широкими полномочиями правительство может воспользоваться и против других неприятных ему партий, что, наконец, такие меры могут только еще более содействовать распространению революционного духа. Оппозиция закону на две трети состояла из членов центра, крайне не доверявшего Бисмарку и национал-либералам; члены центра даже прямо думали, что вся цель имперского канцлера заключалась в том, чтобы облегчить себе устранение всех противников и дать новое оружие в руки «национал-либеральной олигархии». Бывший кельнский архиепископ Мельхерс, низложенный за неповиновение законам и бежавший в Голландию, приезжал переодетый в Мюнхен к Мазелле, чтобы убедить его не мириться с прусским правительством, только замышляющим против католической церкви новые суровые меры.

Временный исключительный закон 1878 г., носивший название «wieder die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie», был направлен против стремлений социальной демократии к ниспровержению (Umsturz) существующего порядка и против всех действий, угрожавших общественному спокойствию вообще и миру между отдельными классами населения в частности: он давал право правительству запрещать все опасные в указанных отношениях союзы, собрания, издания и т. п., а также устанавливать на год в каждом месте, где оно находило нужным, малое осадное положение (den kleinen Belagerungszustand) и не допускать в нем пребывания всякому, признанному в политическом отношении неблагонадежным. Правительство энергично пустило в ход все меры, которыми его вооружил рейхстаг. Социалистические союзы, товарищества, собрания, газеты и другие издания были запрещены; в Берлине было объявлено малое осадное положение, и из него были высланы социал-демократические агитаторы, в их числе двое депутатов (Фрицше и Гассельман). На основании того же закона закрывались также типографии, печатавшие социал-демократические издания. Один новейший историк сильно бисмаркианского направления предупреждает своих читателей, чтобы они не судили «не-

верно» (*falsch*) и несправедливо о намерениях Бисмарка, который вовсе-де и не мог хотеть уничтожить саму социал-демократическую партию, — что было бы и невозможно, — а только преследовать опасную сторону ее стремлений, поскольку, как это говорилось им в рейхстаге, социал-демократия «не может предложить что-либо положительное, а только истребляет все идеалы и возбуждает все опасные инстинкты в массах». Но сам же этот историк, в этом отношении следуя за всеми другими, отмечает, что «несколько месяцев спустя вся организация социал-демократической партии была как бы совсем разрушена»¹. Последнее совершенно верно. Как увидим, закон в силу последующих возобновлений действовал в Германии до начала 1890 г., и в эти одиннадцать с третью лет подверглось высылке около 900 человек, рассажено было по тюрьмам около 1500 человек, запрещено около 4000 изданий, да и выборы 1881 г. собрали в пользу социал-демократии лишь немного более 300 тыс. голосов. Потом, в 1884 и в 1887 гг., эта цифра повышалась до полумиллиона с лишком и до без малого трех четвертей миллиона, причем в рейхстаг в первом случае попало 12 социал-демократов, а во втором — вдвое больше, что внушило Бисмарку мысль добиваться перед своей отставкой превращения временного закона в постоянный². Открыто, с конца 1878 г., социал-демократия не могла более выступать и потому ушла в подполье или же действовала за границами Германии, в самой же Германии с начала восьмидесятых годов и окольными путями, организуя своих членов в разные певческие, гимнастические и иные чуждые политике фереины. Свои съезды германские социал-демократы стали устраивать за границей, большей частью в Швейцарии, и там же, именно в Цюрихе, издавался и официальный орган партии, «Социал-демократ» Бебеля и Либкнехта, принадлежавших к более умеренному направлению, тогда как бывший член рейхстага Мост³ в своей издававшейся в Лондоне «Свободе»⁴ призывал рабочих к революции. Из Швейцарии партийная газета тайно ввозилась в Германию и широко распространялась в рабочей массе. Рейхстаг 1880 г. согласился продолжить действие закона с некоторыми незначительными смягчениями до 1884 г., а когда на происходивших в 1880 г. дополнительных выборах в Гамбурге прошел один социал-демократ, на этот город, несмотря на сопротивление местного сената, было распространено малое осадное положение, до того времени

¹ *Egelhaaf G. Geschichte der neuesten Zeit* (1908). С. 48.

² Об этом ниже, в гл. XV.

³ С 1874 по 1878 г. Мост был членом рейхстага, состоя членом социал-демократической партии, которая в 1878 г. исключила его из своего состава. Он начал отстаивать политическое убийство как средство борьбы и применял его необходимость к вождям социал-демократии, на которую стал нападать.

⁴ В ней в 1881 г. Мост проповедовал царевубийство, за что просидел полтора года в тюрьме. В Америке, куда он уехал из Англии, его тоже сажали в тюрьму как морального соучастника динамитных покушений.

действовавшее только в Берлине; в следующем 1881 г. подвергся подобной же репрессивной мере и Лейпциг. Бисмарк убедился, что одной репрессией бороться с социал-демократией не приходится, и потому обратился к проведению в рейхстаге целого социально-политического законодательства, о котором речь идет у нас в другом месте¹. Здесь следует, упоминая об этом, только отметить, что выступить Бисмарка на этот новый для него путь заставило именно происходившее в рабочей среде движение, с которым закон 1878 г. справиться оказался бессильным².

В виде противодействия социал-демократии в 1878 г. придворный проповедник Адольф Штекер³ основал «христианско-социальную партию», ставшую в своей программе «на почву христианской веры и любви к королю и отечеству» и заявившую, что социал-демократия — «непрактичная, нехристианская и непатриотичная партия». Задачу свою Штекер определил, как «мирную организацию рабочих» для проведения «практических реформ совместно с другими факторами государственной жизни» и для «заполнения пропасти между богатым и бедным с осуществлением большей экономической обеспеченности». Позднее (1896 г.) Штекер разошелся с консерваторами и выступил с новой программой.

На этом моменте — конце семидесятых и начале восьмидесятых годов — мы пока и остановимся в истории социального движения, чтобы рассказать дальнейшее в главах, посвященных Германии в два последних десятилетия XIX в. и социальному движению вообще за эти же, главным образом, десятилетия⁴.

¹ В гл. XV.

² Во второй части труда Е. Bernstein'a «Die Geschichte der berliner Arbeiterbewegung» (1907) собрано очень много фактов, касающихся применения на практике исключительного законодательства 1878 г. Между прочим, очень характерны описанные здесь (известные, впрочем, и из других книг) приемы для обращения народного недовольства против евреев, для создания дел о тайных обществах, для провоцирования преступлений и для организации «истинного рабочего движения» в желательном для властей смысле. Репрессии, конечно, только усиливали революционное настроение.

³ *Mehring Fr. Herr Hofprädiger Stöcker, der Sozialpolitiker* (1882); *Dreizehn Jahre Hofprädiger und Politiker* (1895; автобиография); *Göhre P. Die evangelisch-soziale Bewegung* (1896).

⁴ См. гл. XV и XXIII.

IX. Англия после второй парламентской реформы¹

¹ История Англии в первые две трети XIX в. изложена в гл. XX и XXI четвертого тома и в гл. IV, X, XI и XXIX пятого тома «Истории Западной Европы»; в последней изложение доведено до второй парламентской реформы. Общие сочинения по истории Англии во вторую половину царствования королевы Виктории, отпраздновавшей в 1887 и в 1897 гг. золотой и бриллиантовый юбилей: *Paul H. A history of modern England (1904–1907*, в пяти томах, начиная с отмены хлебных законов); *Bright F. A history of England (1905)*; *McCarthy. A history of our own times from the accession of Queen Victoria to the diamond jubilee* (первые пять томов вышли в свет в 1885 г., и изложение в них останавливается на 1880 г., шестой доведен до «бриллиантового» юбилея 1897 г.); *Low S., Sanders L.C. The history of England during the reign of Queen Victoria (XII том изд. W. Hunt and R.L. Poole. The political history of England, 1907)*; *Ward Th.H. The reign of Queen Victoria (1887)*; *The reign of Queen Victoria, a survey of 50 years of prosperity, 6 томов (1888)*; *Lee S. Queen Victoria (1904)*; *Гиббинс Б., Сатурин Д. История современной Англии (1901)*. Для новейшей истории и современного состояния Англии см. также: *Traill H.D. Social England, том VI (1897)*; *The english citizen, сборник монографий о разных сторонах жизни (1881–1891)*; *Порпур Э. Современная Англия (1906)*; *Виленкин Г. Финансовый и экономический строй современной Англии (1902)*; *Дионео. Очерки современной Англии (1903)*; *Он же. Английские силуэты (1905)*; *Гейкинг Б.А. Англия, ее государственный, общественный и экономический строй (1909)*. Государственное устройство Англии и действующая в нем система парламентаризма продолжают неизменно привлекать к себе внимание: *Frangueville. Le gouvernement et le parlement britanniques (1887)*; *Todd A. On parliamentary government in England (2-е изд. 1887–1889 гг.; 3-е изд. 1893 г.)*; *Dickinson. Le développement du parlement pendant le XIX siècle (1906; пер. с англ.)*; *Low S. The governance of England (1904)*; *Tasweal Langmead Th.P. English constitutional history (1905 г., изд. 6-е)*; *Hatschek. Englisch Staatsrecht (1906)*; *Redlich I. Recht und Technik des englischen Parlamentarismus (1905)*. Кое-что переведено по-русски: *Фонбланк А. Правление Англии (1903)*; *Беджгот В. Государственный строй Англии (1905, есть и др. пер. 1907 г.)*; *Ансон В. (Anson W.). Английский парламент, его конституционные законы и обычаи (1908)*; *Лоу С. Государственный строй Англии (1908)*. Особое место по своей теме занимает труд известного и русской публике Дэйси, касающийся влияния общественного мнения на законодательство: *Dacey A. The relations between law and public opinions in England during the XIX century (1905; есть франц. пер.: Leçons sur les rapports entre le droit et l'opinion publique en Angleterre au cours du dix-neuvième siècle, 1906)*. Об этой книге см. статью проф. В. Дерюжинского в «Вестнике Европы» за 1906 г. Из литературы об английских политических партиях назовем: *Rigg G. Political parties, their present position and prospects. An argumentative comparison of the figures of the last two general elections (1881)*; *Kebbel. History of toryism (1886)*; *Kent R. The english radicals (1899)*; *Ostrogorski M. La démocratie et l'organisation des partis politiques (1903)*. Автор этого труда исходит из той мысли, что до сих пор наука слишком исключительно занималась изучением политических форм, пренебрегая изучением политических сил. Свой труд он посвятил именно этому предмету в Англии (т. I) и Соединенных Штатах (т. II). Для рассматриваемого в настоящей главе периода английской истории имеют интерес главы III–IX второй книги в том же, рассматривающем английские отношения. В России это соч. М.П. Острогорского (бывш. чл. первой Государственной Думы) осталось неизвестным, в Англии его перевели. Английский перевод книги М. Острогорского «Democracy and the organization of political parties» сделан Fr. Clarke'ом и снабжен предисловием James'a Bryc'a. В известной книге Г. Джефсона «Платформа, ее возникновение и развитие» (рус. пер. 1901 г.) вопрос, изученный М. Острогорским, затронут очень коротко, как это можно видеть хотя бы из заключительной главы II тома названного труда (см. особенно с. 573 и след.). Настоящая глава была уже написана, когда вышла в свет новая (1908) книга L. O'well'я «The government of England», в которой около 260 страниц (435–570 в первом томе и 1–128 во втором) посвящено системе партий, причем рассматривается и явление, изученное Острогорским. О книге последнего

Демократизация английских учреждений в последней четверти XIX в. — Два английских министра этой эпохи: Дизраэли-Биконсфильд и Гладстон. — Отношение к обоим королевы Виктории. — Ирландский вопрос до первого министерства Гладстона. — Ирландские реформы этого министерства. — Другие реформы Гладстона в эти годы. — Победа консерваторов на выборах 1874 г. — Консервативное министерство Биконсфильда и победа либералов на выборах 1880 г. — Возникновение и развитие в Англии новых партийных организаций. — Бирмингемская система и Чемберлен. — Новые явления в истории вигов и тори. — Начало второго министерства Гладстона. — Третья реформа парламентских выборов

Во внутренней истории Англии в последней трети XIX в. самым замечательным общим явлением была демократизация ее политических учреждений, имевших раньше строго аристократический характер. Впервые в Англии демократическое движение произошло в эпоху первой революции XVII в., особенно когда среди вообще демократически настроенного индипендентства образовалась партия так называемых «левеллеров», или уравнилелей, желавших распространения права избрания в парламент на весь народ без различия классов и состояний. Известно, что это движение было подавлено Кромвелем и что вместе с другими проявлениями тогдашнего революционного духа исчезло со сцены. С эпохи Реставрации вся политическая жизнь страны сводилась к борьбе ториев и вигов, из которых ни те, ни другие не были демократами. Демократический характер Французской революции и сочувствие, которое начало выказываться ей в обществе, сильно напугало английские правящие классы, что и было причиной реакции, господствовавшей в Англии в конце XVIII и в начале XIX в.¹ Но как раз в это же самое время в стране снова зарождается демократическое движение, особенно усилившееся к началу двадцатых годов XIX в., выставившее таких видных деятелей, как Коббет и Бентам, этот теоретик

автор говорит (I, 467): «By far the best, and in fact the only comprehensive, work on the party organizations in Great Britain is Ostrogorski's „Democracy and the organization of political parties“». («Но самая лучшая и наиболее исчерпывающая работа о системе партий в Великобритании — книга Острогорского «Демократия и организация политических партий» (англ.). — Прим. ред.) Даже сделав несколько важных критических замечаний (см. у нас одно из следующих примечаний), он прибавляет, что «the work is admirably done and is an invaluable contribution to political science», с. 468. («Работа восхищает и является неоценимым вкладом в политическую науку» (англ.). — Прим. ред.) Укажем еще книги, содержащие в себе биографии и характеристики разных деятелей: Prime ministers of Queen Victoria (1890—91; в этом сборнике есть биографии Гладстона, Биконсфильда и Солсбери, написанные разными авторами). *Filon. Profils anglais: Churchill, Chamberlain, Morley, Parnell* (1893); *Дерюжинский В.* Выдающиеся английские деятели XIX в. Характеристики Брайса: *Пименова Э.* Политические вожди современной Англии и Ирландии (1904). Отдельные биографии указываются ниже, в соответственных местах, равно как и сочинения по ирландскому вопросу (в этой же главе), по колониальной политике (в главе XIV) и т. п.

¹ Т. IV, гл. XX и XXI.

английского радикализма перед реформой 1832 г. Сама эта реформа, — далеко не бывшая демократической, — в значительной мере была обязана своим осуществлением демократическому движению, принявшему в 1830 г., под влиянием июльского переворота в Париже, совершенно революционный характер. Ни радикальная партия, ни народная масса, как известно, не были и не могли быть довольными этой реформой, результатом чего было знаменитое чартистское движение, начавшееся в исходе тридцатых годов и загложшее только в конце сороковых¹. Чартистское движение постигла такая же неудача, как и левеллерское почти за двести лет перед тем, но брешь в старой английской конституции была все-таки пробита: еще до начала чартизма, в 1835 г., была совершена реформа городского самоуправления, имевшая, несомненно, демократический характер. Дальнейшим шагом на пути демократизации английских учреждений была вторая парламентская реформа 1867 г., значительно повысившая цифру избирателей в стране. Если первая реформа подняла эту цифру с 435 тыс. до 656 тыс., то вторая довела ее до двух с половиной миллионов голосов — с особым увеличением (в шесть раз) количества избирателей в городах и местечках, в пользу которых, главным образом, и была совершена реформа. В середине восьмидесятых годов и сельские жители получили такие же права, какие реформой 1867 г. были даны горожанам, одновременно с чем на графства была распространена более демократическая система самоуправления, которую города получили полувеком раньше, в самом же конце XIX в. демократизация английских учреждений коснулась и мелкой земской единицы, прихода. Один из знатоков этого процесса в Новейшей истории Англии совершенно верно замечает, что «предсказание Токвиля о непреодолимости демократической идеи исполнилось для Англии еще прежде, чем XIX столетие пришло к концу»². В настоящей и еще одной главах³, посвященных в этом томе внутренней истории Англии за последнюю треть XIX в., это характерное для политической жизни Англии после второй реформы явление должно быть, разумеется, выдвинуто на первый план и по своему общему значению в эволюции демократических учреждений, и вследствие того глубокого изменения, какому подверглась вся общественная жизнь страны под влиянием демократизации ее учреждений. Хотя в Англии до сих пор нет всеобщего избирательного права, которое имеют нации на континенте материка, и хотя в ней еще весьма крепка позиция наследственных законодателей, т. е. аристократической палаты лордов, тем не менее можно говорить об Англии, как

¹ См. т. V, гл. XI.

² Редлих И. Английское местное управление (1907). Т. I. С. 267. «Английская конституция, может быть, самая демократическая конституция в мире», — говорит Сидней Лоу (см. Государственный строй Англии, с. 147 и след., на которых эта мысль и доказывается).

³ В гл. XVII.

об одной из передовых демократий нашего времени, у которой еще многому может поучиться хотя бы сама Франция со своей республикой, со своим всеобщим избирательным правом и выборным сенатом¹.

Вторая парламентская реформа, предложенная членом вигского министерства Гладстоном, была проведена, как известно, членом торийского министерства Дизраэли. Эти два государственных человека и делаются руководящими политическими деятелями Англии в начале нового периода ее истории. Вскоре после второй реформы глава тогдашнего консервативного кабинета, Дерби, вышел в отставку (1868 г.), очистив место премьера для Дизраэли, но выборы, произведенные в том же году, дали большинство либералам, что повлекло за собой образование либерального министерства под главенством Гладстона. За этим кабинетом следовал опять консервативный кабинет Дизраэли (1874—1880), снова сменившийся министерством Гладстона (1880—1885), проводившим третью избирательную реформу. Ввиду важной роли, какую оба эти министра играли в Новейшей истории Англии, мы должны познакомиться поближе с каждым из них в отдельности.

Венямин Дизраэли² происходил из еврейской семьи, предки которой жили сначала в Испании, потом в Венеции, а с середины XVIII в. в Англии. Христианство он принял тринадцатилетним мальчиком по желанию своего отца, человека образованного и занимавшегося писательством, который желал устранить для своего сына какие бы то ни было стеснения, вытекавшие из его иудейства (дело было еще в начале XIX в.). Первая известность будущего вождя ториев была результатом его успешной литературной деятельности, начавшейся в середине двадцатых годов, — как романиста. К деятельности политической он обратился после парламентской реформы 1832 г., примкнув к вигам и даже издав два сочинения, из которых в одном развивал демократические взгляды, а в другом прославлял революцию («*Revolutionary epic*»³, 1834). Поставленная Дизраэли на выборах 1833 г. кандидатура успеха, однако, не имела, и он объяснил себе эту неудачу кознями либералов, вследствие чего не замедлил переменить фронт. В 1835 г. вышло в свет под заглавием «*Vindication of english constitution*»⁴ его открытое письмо к одному консервативному юристу, представлявшее целый об-

¹ Афанасьев Г. Переход к парламентской реформе 1887 г.; *Он же*. Парламентская реформа 1867 г. (в т. I его «Исторических и экономических статей», 1909). Для избирательного права в Англии см.: *Fraser H.* The law of parliamentary elections (1906); *Ward.* The practice at parliamentary elections (1906; изд. 3). Подробности об агитации перед второй парламентской реформой см. в кн.: *Джефсон Г.* Платформа, ее возникновение и развитие (рус. пер. 1901 г.). Т. II. С. 427—480.

² *Courcelle M.* Disraeli; *Brandes.* Lord Beaconsfield (1879); *Cucheval-Clarigny.* Lord Beaconsfield et son temps (1880); *Clayden.* England under lord Beaconsfield, 1873—1880 (1880); *Kebbel.* Life of lord Beaconsfield (1888); *Froude.* Lord Beaconsfield.

³ «Революционная поэма» (англ.). — *Прим. ред.*

⁴ «В защиту английской конституции» (англ.). — *Прим. ред.*

винительный акт против вигов. Дизраэли упрекал их именно за их эгоизм и олигархические тенденции, которые представлял одинаково вредными как и для королевской власти, низводимой-де до положения венецианских дождей, так и для народной массы, выводом же было указание на необходимость союза между торизмом и демократией. Памфлет Дизраэли со стороны либералов был встречен негодованием; знаменитый О'Коннель, оказывавший прежде молодому честолюбцу всякую протекцию, а теперь лично им задетый, как «предатель и смутьян», в своем ответе назвал Дизраэли «воплощением лжи». Эффект получился тот, который был нужен для автора: в 1837 г. он, уже в качестве торийского кандидата, был избран в палату общин. Сначала здесь ему не везло; первая его речь была даже осмеяна. Это, однако, не помешало ему мало-помалу выдвинуться, так что в начале сороковых годов он уже был организатором партии «Молодая Англия», программа которой сводилась к проповеди демократической монархии, к критике буржуазии и к защите еврейского народа¹. Свои социально-политические взгляды Дизраэли изложил в 1844 г. в одном большом романе («*Coningsby or the new generation*»²), имевшем громадный успех: здесь для уврачевания всех зол современного общества рекомендовался союз между королевской властью и рабочим народом под верховным надзором и благословением церкви. Мало-помалу борьба, какую Дизраэли упорно вел против либералов, заставила консерваторов признать его, — несмотря на неаристократичность его происхождения и его безземельность, — своим лидером. В торийском кабинете Дерби³, сформировавшемся в 1852 г., он уже занимал весьма важный пост, после чего всегда вместе со своей партией возвращался к власти, иногда даже жертвуя собственными принципами, когда того требовали условия минуты. Выступив в 1866 г. страстным противником билля о парламентской реформе, он немало содействовал свержению либерального министерства, но это не помешало ему, уже в качестве члена кабинета Дерби, самому же потом проводить эту реформу. Вскоре затем, когда болезнь заставила премьера отказаться от своего звания, преемником его сделался Дизраэли. Смерть Дерби открыла перед ним возможность сделаться и лидером ториев. В этой роли он оказывал потом сопротивление всем главным реформам своего соперника Гладстона. Кроме того, Дизраэли постоянно нападал и на внешнюю также политику последнего, находя, что он недостаточно высоко держит знамя Великобританской державы и роняет ее престиж. Когда в середине семидесятых годов Дизраэли снова стал во главе торийского министерства, из поднятия престижа Англии в международной политике он

¹ Впоследствии, будучи министром (в составе кабинета Пальмерстона 1858 г.), он провел билль о допущении евреев в парламент (1859).

² «Конингсбай, или Новое поколение» (англ.). — *Прим. ред.*

³ *Kebbel. Life of the earl of Derby* (1890).

прямо сделал нечто вроде своей специальной миссии, что в высокой степени содействовало усилению его популярности в стране.

Главный период всей политической деятельности Дизраэли — это шесть лет его премьерства между первым и вторым министерствами Гладстона. Эти два человека во многих отношениях представляли полную противоположность. Если Дизраэли начал чуть не радикалом, чтобы кончить консерватором, то его соперник Гладстон совершил эволюцию как раз в обратном направлении¹. У Дизраэли большую роль играли мотивы личного честолюбия, тогда как поведение Гладстона отличалось большой принципиальностью. Первый всячески тормозил реформы, хотя подчас и уступал необходимости, второй был министром-реформатором в полном смысле этого слова, под конец своей жизни даже далеко ушедшим вперед от большинства современников. В смысле удачливости, конечно, Дизраэли стоял далеко впереди Гладстона, но последний оставлял его далеко позади себя в смысле служения высоким интересам человечности. Внешняя политика Дизраэли была проникнута исключительно заботами об эгоистических интересах Англии, и в этом отношении он был сродни Бисмарку, у Гладстона же было много благожелательности к чужим нациям, и само величие Англии он полагал, главным образом, во внутреннем ее преуспевании, а не в победах и одолении по отношению ко всему остальному миру.

От своего отца, богатого негоцианта, бывшего одно время членом парламента, Вильям Эварт Гладстон унаследовал, вместе со значительным состоянием, большой интерес к политике и чисто консервативную точку зрения в решении ее вопросов. Консервативное направление поддерживалось в годы его юности и прохождением университетского курса в Оксфорде, где царило, по позднейшему отзыву самого Гладстона, весьма недоверчивое отношение к свободе, хотя тот же Оксфордский университет, как и средняя школа в Итоне, в которой он учился раньше, внушили ему, с другой стороны, глубокий интерес к наукам и к литературе. Уже студентом Гладстон производил сильное впечатление на товарищей, предсказывавших ему блестящую политическую карьеру. Последние годы пребывания Гладстона в Оксфорде совпали с временем, когда решался вопрос о первой парламентской реформе, но молодой студент отдал дань своему

¹ Биографии Гладстона написаны были G. Barnett Swith'ом, G.W.E. Russel'ем, (1891), James Ellis'ом, (1892), Ritchie (1898), H.W. Paill'ем (1901), S. Buxton'ом, (1901), W. Stead'ом (A memorial of great life, 1904), Marie Dronsart (1893; с очень полной библиографией) и др. Главным трудом о Гладстоне следует признать книгу о нем, написанную Morley' ем. (Труд Морлея изложен в статье С. Ф. Фортунатова «Новая биография Гладстона» в «Русской мысли» за 1904 г.). По-русски см.: *Брайс*. Гладстон (1901); *Дерюжинский В.* Гладстон (в сборнике «Из истории политической свободы», 1906). Его же статья о Гладстоне в кн. «Выдающиеся английские политические деятели XIX в.» (1904). В Павленковской коллекции популярных биографий книжка о Гладстоне написана А. В. Каменским (1892).

политическому консерватизму в страстной речи против этого билля, произнесенной в одном из местных кружков. С настроением настоящего тори в политике в Гладстоне соединялась глубокая религиозность, прямо даже толкавшая его на вступление в ряды англиканского духовенства: только решительное сопротивление отца помешало ему сделаться священником. Весной 1832 г. Гладстон окончил курс; летом того же года прошла в парламенте реформа выборов, в конце же года вчерашний студент, которому только что исполнилось двадцать три года, был избран в члены парламента, как кандидат торийской партии. Очень скоро молодой депутат сделался известностью по недюжинному ораторскому своему таланту, по находчивости в прениях, по разнообразию знаний, так что не далее, как через два года, т. е. когда ему было двадцать пять лет, Роберт Пиль включил его в состав своего консервативного министерства. Когда через четыре месяца это министерство пало, Гладстон сделался одним из видных представителей оппозиции: к этому времени (1838 г.) относится появление в свет его книги «Государство в своем отношении к церкви», в которой он защищал принцип государственной церкви и которая вызвала большой шум. Членом оппозиции Гладстон пробыл около шести лет, когда же в 1841 г. Пиль снова возвратился к власти, то Гладстон снова занял место в консервативном министерстве. Одним из наиболее важных вопросов в первой половине сороковых годов был вопрос о хлебных законах и о свободе торговли вообще, и вот по этому вопросу Гладстон впервые разошелся со своими торийскими избирателями, превратившись из протекциониста во фритредера. Однажды по случаю вторичного вступления в кабинет после кратковременной отставки ему нужно было подвергнуться переизбранию в своем округе, но он на это не решился, зная, что его «измена» вызвала негодование избирателей. В 1847 г. на его долю выпала честь представлять в палате общин Оксфордский университет, но в это время Гладстон уже был более умеренным консерватором, нежели раньше, именно он принадлежал теперь к так называемым «пилитам»¹.

В начале пятидесятых годов произошел разрыв Гладстона с торийской партией, в составе которой он находился двадцать лет. Именно в 1852 г. он отказался от вступления в торийское министерство Дерби и Дизраэли, а когда вскоре за тем это министерство пало, в конце того же года мы видим Гладстона в министерстве лорда Эбердина, состоявшего из вигов и «пилитов». В нем Гладстон занял пост канцлера казначейства, — как в Англии называется министр финансов, — должность, в которой он оставался до начала 1855 г. и на которую возвратился в 1859 г., когда образовалось министерство лорда Пальмерстона. Последнее было вполне вигским: вступление в него Гладстона для всех сделалось ясным указателем на его

¹ Группа членов парламента — последователей Р. Пилиа. — *Прим. ред.*

переход в ряды этой партии. В Оксфорде при его переизбрании он за это чуть не был забаллотирован, а когда в 1865 г. произошли новые выборы, в Оксфорде он и на самом деле не был снова выбран и попал в палату лишь по избранию в другом месте. Какой оборот приняло в это время его политическое мировоззрение, видно из того, что, став, по смерти Пальмерстона, лидером либеральной партии в палате общин, он не замедлил внести в нее билль о реформе парламентских выборов. Судьба гладстоновского предложения известна: его билль провалился и сам он вышел в отставку, уступив место Дизраэли, который, как мы знаем, и провел реформу. И в этом деле Гладстон сыграл в качестве вождя оппозиции видную роль путем внесения в билль консервативного министерства либеральных поправок. Победа либералов на выборах 1868 г. вернула Гладстона к власти и на этот раз уже в качестве премьера. Первое министерство Гладстона продолжалось немного более пяти лет (с декабря 1868 по февраль 1874 г.). Потом Гладстон еще раз был премьером в первой половине восьмидесятых годов, и это второе его министерство продолжалось тоже с небольшим пять лет (с апреля 1880 до июля 1885 г.), когда и была проведена третья парламентская реформа. Вскоре (в январе 1886 г.) Гладстон и в третий еще раз сделался премьером, но лишь на полгода. Наконец, в 1892 г. образовалось и четвертое министерство Гладстона (небывалый в летописях английского парламента случай, чтобы одно и то же лицо сделалось премьером в четвертый раз), и продолжалось оно около полутора года (с августа 1892 по март 1894 г.).

Нам еще придется в дальнейшем много говорить о деятельности Гладстона, который, как мы уже видели, начав свою парламентскую деятельность в рядах крайних ториов, закончил ее лидером наиболее прогрессивных либералов и в тесном союзе с радикалами. В этом отношении постепенное, так сказать, левение Гладстона напоминает нам ту эволюцию, какой подверглась от консерватизма к либерализму политическая деятельность прусского министра-реформатора начала XIX в., барона Штейна. Как и у Штейна, это изменение политических убеждений было результатом глубокой внутренней работы мысли и, — нужно прибавить, — совести, что отличает обоих этих государственных деятелей от Бисмарка, который тоже ведь не остался стоять на своей первоначальной реакционно-юнкерской точке зрения. Как и Бисмарк, Гладстон был великим реалистом в политике, умевшим ей верно ставить цели и намечать средства к их достижению, прислушиваясь к запросам жизни и применяясь к условиям времени, но у Гладстона было много и того идеализма, которого совершенно был лишен «железный канцлер», сознательно подчинявший право силе. Гладстон схватывал новые запросы жизни не только умом, но и чувством и в своих мероприятиях имел в виду не только пользу, но и справедливость. Постоянная работа совести придавала его деятельности тот об-

ший колорит гуманности, которого не могут изгладить из памяти о ней частные отступления. Это уважение к справедливости сообщало и внешней политике Гладстона характер какого-то благородства, ибо он не так гнался, как многие другие, за тем, чтобы только и заниматься покорением всякого врага и супостата, — обстоятельство, ставившееся Гладстону в вину многими «патриотами». У нас еще будет впереди речь о кампании, поднятой им в конце семидесятих годов против турецких зверств по поводу «болгарских ужасов»¹, здесь же мы только вспомним о тех «Письмах к графу Эбердину», в которых Гладстон, сам проживший в Неаполе зиму с 1850 на 1851 г., заклеил своим негодованием перед лицом всего мира ужасы реакционного правления «короля-бомбы».

Королева Виктория, — с начала царствования которой в год второй парламентской реформы исполнилось тридцать лет, — далеко неодинаково относилась к этим двум премьерам, поочередно призывавшимся ею к образованию министерства. Первоначально, когда Гладстон был только министром финансов в кабинете Эбердина, королева готова была им чуть не восторгаться, но потом она лишила его своего расположения, когда Гладстон стал склоняться в сторону реформ, казавшихся ей слишком радикальными. На некоторые его мероприятия она давала согласие, лишь скрепя сердце, так как не могла иначе поступать. Зато Дизраэли был настоящим ее любимцем. Между ними были наилучшие личные отношения, что объясняется, с одной стороны, сходством их воззрений по всем вопросам политики и внутренней, и внешней, а с другой — приятным обращением Дизраэли, умевшим всегда выставять на вид свою монархическую лояльность, почтение и преданность как по отношению к самому сану, так и по отношению к его носительнице. Это он посоветовал королеве для поднятия престижа Англии отправить принца Уэльсского, наследника престола, в путешествие по Индии, обставленное необычайно пышно (с осени 1875 до конца весны 1876 г.), а потом по его же инициативе парламентским актом 1 мая 1876 г. королева Виктория была провозглашена «императрицей Индии»². Дизраэли за эту услугу не остался без награды, которая была ему дана в виде возведения его в лорды с титулом графа Биконсфильда. Особенно неприязненно Виктория стала относиться к Гладстону в это министерство Дизраэли-Биконсфильда. Ей не нравилась резкая критика, какой Гладстон в это время подвергал правительственную политику, особенно же ей было неприятно, что в своих речах он постоянно противопоставлял одни другим интересы народных масс и высших классов: это принималось ею за самую грубую демагогию. Когда в 1881 г. Биконсфильд,

¹ См. ниже, в гл. XII.

² В парламенте Дизраэли обещал, что этот титул будет употребляться только вне Англии, но королеве он так пришелся по вкусу, что она скоро стала пользоваться им при подписывании государственных актов, а впоследствии он появился и на монетах.

побитый на выборах, должен был выйти в отставку, она не сразу призвала Гладстона для образования нового министерства, а думала поручить это Гартингтону, лишь номинально бывшему тогда лидером либеральной партии, и только после решительного его отказа и категорического заявления, что премьером должен быть Гладстон, ему было поручено образование министерства. Нужно, однако, прибавить, что Виктория, в общем, почти всегда умела подчинять свое личное нерасположение государственным соображениям и даже, как мы увидим, оказала Гладстону немалое содействие при проведении третьей парламентской реформы.

Рассмотрим теперь преобразования, проведенные Гладстоном в первое его министерство, начиная с того, что им в это время было сделано для успокоения Ирландии.

Нерасположение ирландцев к Англии было очень старого происхождения¹. В конце XVIII в. под влиянием Французской революции в Ирландии существовало даже движение в пользу отложения от Англии. В виде наказания за это ирландский парламент был отменен, и представители от местного населения стали заседать в английском парламенте, не допуская, однако, католиков в свои члены, хотя большинство населения острова и принадлежало именно к римской церкви. Все попытки устранить эту ненормальность долго разбивались о сопротивление со стороны английских консерваторов, пока движение в пользу равноправия католиков в двадцатых годах XIX в. не приняло особенно настойчивый и по временам бурный характер. Проведение в 1829 г. «эмансипации католиков» не

¹ Для дальнейшего — подробности во многих местах «Истории Западной Европы». Что касается литературы по ирландскому вопросу, она весьма значительна: *Heré. Les origines de la crise irlandaise // Revue des deux mondes. 1880; Он же. La crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle jusqu'à nos jours (1885); Pressensé Fr. de. L'Irlande et l'Angleterre depuis l'acte d'union jusqu'à nos jours. 1800—1888 (1889); Paul-Dubois L. L'Irlande contemporaine et la question irlandaise (1907); Каутский К. Ирландия; Афанасьев Г. Судьбы Ирландии (1886 г.; вошло в состав I т. его «Исторических и политических статей», изд. 1909 г., где на с. 188—224 рассматривается время Гладстона); Он же. История Ирландии (1907; для времени с конца шестидесятых годов см. стр. 232 и след.). В «Мире Божьем» за 1904 и 1905 г. помещена обширная статья Е. В. Тарле (с обильными библиографическими указаниями) под заглавием «Ирландия от восстания 1798 г. до аграрной реформы нынешнего министерства» (т. е. кабинета Бальфура, при котором в 1903 г. была совершена новая аграрная реформа). Вторая часть этой работы, рассматривающая интересующую нас эпоху, главным образом, с шестидесятых годов XIX в., к сожалению, много короче (около 65 стр.) первой (более 200 стр.), но, во всяком случае, должна быть отмечена здесь, как самое до сих пор подробное на русском языке изложение истории Ирландии за последние десятилетия XIX в. Особенно обширна литература по аграрным отношениям в Ирландии. *Fournier P. La question agraire en Irlande; Leroy-Beaulieu A. L'Irlande et le land-bill de M. Gladstone // Revue des deux mondes. 1881; Сокольский В. В. Аграрный вопрос в Ирландии («Заграничные вести» за 1882 г.); Зибер Н. И. Аграрный вопрос в Ирландии («Юридический вестник» за 1882 г.; написано на основании протоколов парламентской комиссии 1881 г. для исследования аграрных отношений в Ирландии); Мануилов А. Аренда земли в Ирландии (1895); Земельный вопрос в Ирландии. Изд-во Главного управления землеустройства и земледелия (1907). В гл. XVII указываются еще сочинения о Парнелле и об ирландском гомеруле.**

оправдало тех ожиданий, какие на нее возлагались: Ирландия стала высылать католических депутатов, но положение дел в стране от этого не изменилось. В виде компенсации за эту уступку парламент тогда же, в 1829 г., повысил избирательный ценз в Ирландии, а реформа 1832 г., сопровождавшаяся для Англии увеличением числа избирателей, в Ирландии дала противоположный результат. Притом англиканизм сохранял в Ирландии значение государственной церкви, в силу чего громадное католическое большинство населения вынуждалось платить десятину англиканскому духовенству, обладавшему в стране вдобавок богатыми церковными поместьями. Высший слой общества был здесь протестантский, католической оставалась народная масса, как известно, еще с середины XVII в. обезземленная: она состояла из мелких арендаторов, бесправных, невежественных, доведенных до полной нищеты.

Со времени эмансипации католиков все-таки в парламенте была ирландская партия, становившаяся на сторону то ториев, то вигов и тем иногда добивавшаяся кое-каких второстепенных уступок. В сороковых годах старый боец за эмансипацию католиков, бывший тогда вождем ирландской партии, О'Коннель, начал было агитацию в пользу возвращения Ирландии отдельного парламента, но только вызвал этим репрессивные меры и против своего народа, и лично против самого себя. Тогда возникло известное общество «Молодая Ирландия», чисто революционная организация, вступившая в сношения с подобными же организациями на континенте. В 1848 г. под влиянием февральской революции ирландские заговорщики сделали попытку поднять восстание, но она окончилась неудачей и только ухудшила положение страны. Кое-какие частные реформы в Ирландии тем не менее производились, но они или вынуждались необходимостью (например, устройство общественного призрения в 1838 г.), или имели целью расположить в пользу правительства более мирную часть населения для борьбы с революционерами. В последнем отношении в свое время особенно старался Пиль, но предложенный им проект обеспечения прав арендаторов был отвергнут палатой лордов. Наиболее бедствовал народ в Ирландии во время голода 1846 г., вызванного неурожаем картофеля: с одной стороны, это бедствие сильно увеличило эмиграцию ирландцев в Америку, с другой стороны, вызвало развитие в стране преступности, в которой видное место принадлежало аграрным поджогам, грабёжам и убийствам.

После неудачи 1848 г. ирландское революционное движение на время затихло, но в шестидесятых годах возобновилось, поддерживаемое многочисленными ирландцами, эмигрировавшими в Северную Америку. За океаном среди них возникла особая организация фениев (fenians), поставившая своей задачей превращение Ирландии в независимую республику. Она имела агентов и приверженцев в самой Ирландии, где фениев перело-

вили и рассажали по тюрьмам, потом отдали под суд и где, как это случилось и раньше, по этому случаю было приостановлено в 1865 г. действие *habeas-corpus-act*¹. Ответом со стороны ирландцев на это были поджоги и убийства и новая попытка восстания. Североамериканские фении стали вербовать солдат из ирландцев, принимавших участие в североамериканской войне, и даже замыслили совершить вторжение в Канаду. В самой Ирландии правительство обратило внимание на множество туземцев, в свое время бывших офицерами и солдатами в указанном междоусобии, а теперь возвращавшихся на родину. Особенно много шуму наделал взрыв фениями одной тюрьмы в самой Англии. В Ирландию были посланы войска для охраны лендлордов и чиновников, а к берегам острова — флотилия, которая должна была обезопасить его от возможной высадки фениев. Пущены были в ход и казни главарей движения². Два десятилетия исключительно репрессивных мер несколько не успокоили Ирландию; они только еще больше ожесточили ее население против англичан. Фенианское движение, как мы увидим, после сравнительного затишья семидесятих годов возродилось с особой силой в восьмидесятых³.

Вот при каких обстоятельствах Гладстону пришлось вступить в управление Англией. Можно сказать, что после того вся его политическая карьера была потом тесно связана с решением ирландского вопроса, этого больного места внутренней политики Англии. Первым делом Гладстона было лишить англиканскую церковь господствующего положения в Ирландии — делом, заметим, человека, за тридцать лет перед тем стоявшего на страже принципа государственной церкви. Гладстон поднял вопрос об отделении церкви от государства в Ирландии еще при предшествовавшем министерстве. Когда им было сделано соответствующее заявление в парламенте, Дизраэли восстал против его плана во имя святости «союза между церковью и государством», в каковом союзе он усматривал «основной двигатель цивилизации» и даже «единственный оплот религиозной свободы». Несколько дней продолжались в парламенте прения по этому вопросу, результатом было принятие большинством 65 голосов принципиальной резолюции в духе требования Гладстона, что повлекло за собой подачу Дизраэли и его товарищами в отставку, которая не была, однако, принята королевой, так как дело парламентской реформы не было еще завершено новыми законами о выборах в Шотландии и Ирландии. Это дело, впро-

¹ *Habeas corpus* (лат.) — начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. — *Прим. ред.* О значении приостановки этого акта см. т. IV.

² Ср. выше о защите ирландцев Интернационалом.

³ О фенианском движении существует особая литература. *O'Leary J.* *Recollections of fenians and fenianism* (1896); *Beach Th.* *Twenty five years in the secret service*; *Tynnan P.* *The Irish invincibles and their times* (1893) и др. Фениями (финами, фенами, фианами) назывались члены дружин древних ирландских королей.

чем, не заставило себя ждать, и когда реформа была закончена, вместо отставки Дизраэли был объявлен роспуск парламента с назначением новых выборов — уже на основании законов 1867–1868 гг. Так как выборы 1868 г. послали в палату общин без малого четыре сотни (393) либералов и только с небольшим две с половиной сотни (265) консерваторов, то Дизраэли ничего более не оставалось делать, как снова подать в отставку. Сделавшись первым министром, Гладстон, прежде всего, и поставил в парламенте вопрос, из-за которого произошло падение Дизраэли, — об отмене англиканской церкви в Ирландии. В марте 1869 г. им был внесен в палату общин билль, предлагавший прекратить с 1871 г. существование в Ирландии государственной церкви, что и было принято после очень продолжительных прений большинством ста с лишком голосов. В палате лордов билль постигла уже иная судьба, так как наиболее влиятельные лорды решили его отвергнуть. Известие об этом заставило вмешаться в дело саму королеву. Лично она не сочувствовала идее Гладстона, но он настаивал на своем и даже составил для королевы особую записку о необходимости осуществления его идеи, под влиянием чего Виктория и сочла себя обязанной оказать ему содействие, тем более, что как раз по этому вопросу было побито парламентом прежнего состава прежнее министерство, парламент же нового состава очень недвусмысленно высказался за реформу: ведь если бы парламент опять был распущен, новые выборы не дали бы иного результата. Королева обращалась непосредственно с просьбой не проваливать билля и к архиепископу кентерберийскому, примасу англиканской церкви, и к лорду Дерби, и только после страстной борьбы и не без сильного сопротивления билль наконец прошел и в палате лордов¹.

Другим важным вопросом, касавшимся Ирландии, было положение арендаторов в имениях крупных лендлордов, большей частью проживавших в Англии. Английское аграрное законодательство было целиком на стороне землевладельцев, совершенно против арендаторов, у которых не было никаких гарантий ни прочности аренд в смысле сроков, ни постоянства условий в смысле величины наемной платы, ни справедливого вознаграждения за сделанные на арендных участках улучшения. Все это по земельному биллю (land-bill) Гладстона должно было прекратиться, т. е. землевладельцы лишались права выдворять съемщиков за исключением случаев неплатежа, и кроме того, на землевладельцев возлагалась обязанность вознаграждения уходящих арендаторов за все, что ими было истрачено на постройки, разные улучшения и т. п. или во что им обходилась

¹ «Irish church-act» 1869 г., как говорили, произвел «disestablishment» англиканской церкви. Этот термин будет нам понятен, если мы вспомним, что англиканская церковь издавна носит название «установленной» (established): значит, речь идет здесь о ее, так сказать, «раз-установлении». Дайси (Dicey) в книге, названной выше, в этом факте видит пример победы общественного мнения в законодательстве (с. 334–336, франц. пер.).

перемена одной фермы на другую. В этом лендбилле было еще предложение о государственной помощи таким фермерам, которые вошли бы с землевладельцами в соглашение о приобретении в собственность нанимаемых ферм. Лендлорды пришли в настоящий ужас от такого покушения на имущественную их неприкосновенность, вследствие чего прения в парламенте были особенно страстны и продолжительны, но у Гладстона было прочное большинство в палате общин, за него же было и общественное мнение всех классов нации, не имевших интереса поддерживать старые привилегии поземельной знати¹. Нижняя палата очень значительным большинством приняла билль, который, в конце концов, прошел и через верхнюю палату, где, конечно, против него велась упорная борьба со стороны наиболее крайних представителей торийской партии (1870). Если Гладстон рассчитывал, что новое законодательство скоро успокоит бурное настроение ирландского населения, то он должен был сейчас же признать, что ошибся.

Немедленных результатов ирландский «land-bill» дать не мог ввиду сложности и огромности дела, всяких уловок со стороны лендлордов и их упорного нежелания продавать участки, а также недоверия арендаторов. Притом дело было не в одной аграрной реформе, — как было и не в одной реформе церковной, — потому что в Ирландии было сильно стремление и к местной автономии, тем более понятное, что центральным правительством по отношению к Ирландии слишком часто принимались чрезвычайные меры. И на этот раз, в 1870 г., Гладстон испросил у парламента для органов исполнительной власти в Ирландии необычные полномочия для борьбы с проявлениями мятежного духа. Чего хотели в Ирландии, можно видеть из возникновения в ней, в том же 1870 г., особой ассоциации («Home government association»), поставившей своей целью добиться для страны автономии. В первые же годы эта ассоциация, переименованная в 1873 г. в «Лигу гомруля» («Home rule league»²), очень широко развила свою деятельность и приобрела большое значение в стране. Политические противники Гладстона пользовались продолжавшейся в Ирландии смутой, чтобы доказывать ошибочность, с их точки зрения, его политики: сколько-де ни делать ирландцам уступок, они их не успокоят, а только еще более разожгут их аппетиты. В Ирландии совершались аграрные преступления, вызывавшиеся случаями выдворения арендаторов за неплатеж ими

¹ Дайси в только что отмеченной книге о влиянии общественного мнения на законодательство в Англии в XIX в. справедливо усматривает в ирландских земельных актах отрицание прежнего «бептамистского» принципа свободного соглашения сторон, совершенно невозможное в законодательстве между 1830 и 1860 гг., когда ни у членов парламента, ни у их избирателей не было убеждений, нашедших выражение в ирландских land-act'ax. Особенно проявилось ограничение свободы договоров в запрещении вносить в них такое условие, в котором арендатор отказывался бы от права требовать вознаграждения за сделанные улучшения (с. 247—248 франц. пер.).

² То есть «Лигу самоуправления» (от *англ.* home rule). — *Прим. ред.*

денег лендлордам. Особенно усилились случаи подобных выдворений к концу семидесятых годов, когда в течение одного полугодия перед внесением Гладстоном нового аграрного билля во второе его министерство было согнано с насиженных мест более тысячи арендаторов. К этому времени донельзя умножились всякого рода аграрные преступления вплоть до убийств¹. Кроме того, в 1879 г. некоторыми ирландскими членами парламента (Парнеллем и Дэвитом) была основана ирландская «Земельная лига» («Land league») для оказания денежной помощи наиболее бедным земледельцам в случаях неурожаев, эпизоотий и, конечно, неимения средств для взноса арендной платы. В Англии деятельность этой лиги была немедленно заподозрена, т. е. ее членов стали обвинять в подстрекательстве или пособничестве в отношении к аграрным преступлениям. Гладстону и в следующие свои министерства ввиду всего этого пришлось особенно энергично заниматься ирландским вопросом.

Кроме последнего, в первое свое министерство Гладстон занялся решением и других важных вопросов, давно уже поставленных самой жизнью. В Англии при выборах в парламент голосование происходило открытое, что было очень выгодно для влиятельных кандидатов, которым оно предоставляло возможность оказывать давление на зависевших от них избирателей. Уже в первой половине XIX в., — даже с конца еще XVIII столетия, — представители в Англии демократических идей требовали введения тайной подачи голосов на парламентских выборах, но среди либералов идея эта не пользовалась сочувствием, а Милль даже выставил против нее ряд теоретических соображений. Гладстон тоже долгое время оставался сторонником открытого голосования, пока, как и во многих других случаях, не стал на отвергавшуюся им раньше точку зрения. Не по принципиальным, а по чисто эгоистическим соображениям главными противниками тайного голосования были консерваторы; поэтому, когда гладстоновский «ballot bill»², принятый палатой общин, перешел в палату лордов, та его отвергла (1871 г.). В следующем, 1872 г. Гладстон снова предложил эту реформу, и на сей раз она прошла и в верхней палате, хотя только в качестве временной

¹ К числу способов борьбы, пущенных в ход ирландцами в эти годы, нужно прибавить своего рода наложение интердикта на наиболее неприятных или вредных землевладельцев и их управляющих. В 1880 г. подвергся действию этой меры некто Бойкот, управляющий одного лорда в Ирландии. Будучи особенно неумолим по отношению к неисправным арендаторам, которые без всякой жалости им выдворялись, он навлек на себя такую ненависть окружающих, что, не желая у него служить, его бросили вся его прислуга и все рабочие, а торговцы стали отказывать ему самому и членам его семьи в продаже даже съестных припасов. В конце концов самому Бойкоту пришлось выселиться в другую местность. Он потом огласил в печати все эти приключившиеся с ним неприятности, чем достиг, главным образом, лишь превращения своей фамилии в нарицательное существительное для обозначения описанного способа борьбы: слова «бойкот», «бойкотировать» ведут свое происхождение от этого частного случая.

² «Законопроект о порядке голосования» (англ.). — *Прим. ред.*

меры на восемь лет; конечно, по истечении этого срока возврат к прежнему порядку был уже немислим.

Содействуя демократизации выборов, Гладстон не мог не обратить внимания еще и на то, что демократический строй требует широкой организации народного образования¹. До первой парламентской реформы государственная власть в Англии совершенно не заботилась об этом важном предмете, так что дело народного образования находилось всецело в ведении самого общества, главным же образом в руках конфессиональных ассоциаций вроде «Национального общества для распространения просвещения в духе установленной (англиканской) церкви», находившегося под председательством примаса этой церкви, архиепископа кентерберийского. Кроме того, существовали и ассоциации без резко вероисповедной окраски, хотя тоже с религиозным оттенком, каким было, например, «Британское общество», состоявшее из представителей диссидентских исповеданий. В первый раз в 1832 г. парламент вотировал субсидию на народное образование в 20 тыс. фунтов стерлингов, которая и была распределена между двумя названными просветительными обществами, а впоследствии эта сумма постепенно увеличивалась. В 1839 г. для контроля за расходованием субсидии были учреждены особые школьные инспектора и даже образовался при тайном совете (privy council) особый комитет (Committee on education) для высшего надзора с вице-президентом во главе. Давая деньги двум соперничавшим между собой обществам, государство не вмешивалось в ведение ими школьного дела². В конце шестидесятых годов из 2 300 000 детей моложе тринадцати лет в учебных заведениях обоих обществ числилось около 1 300 000, т. е. более половины общего числа, причем вовсе без школьного образования оставалось в стране еще около двух миллионов детей. Демократизация парламентских выборов в 1867 г. поставила на очередь вопрос о необходимости лучшей организации народного образования, и среди возникших в это время просветительных обществ особенно выдвинулась «Бирмингемская лига обучения» с лозунгом обязательного, дарового и светского образования. Министерство Гладстона так далеко, как требовала эта лига, не пошло. «Акт об элементарном образовании», составленный Ферстером и проведенный Гладстоном в 1870 г., дал впервые Англии государственную организацию начальной школы. В отдельных местностях были учреждены школьные комитеты, выбиравшиеся местным населением, с возложением на них обязанности

¹ Для дальнейшего см. соч. П. Г. Мижуева «Среднее образование в Англии», «Лондонские школы и народное образование в Англии» и др.

² Еще Милль высказывался против того, чтобы государство брало на себя непосредственно начальное образование народа. В школьном законодательстве с семидесятых годов Дэйси видит победу того, что он называет «коллективизмом», и именно в смысле того, что им подводится под категорию «equalisation of advantages» (об этом см. ниже). Dicey, с. 260 и след. по франц. пер.

заботиться о том, чтобы по возможности все дети учились в школах. Комитетам было предоставлено право открывать свои школы и получать на их содержание вспомоществования от казны, устанавливать в своих местностях школьный налог и освобождать от платы за учение детей бедных родителей или вообще не брать за обучение никакой платы, причем тот или другой комитет мог по своему усмотрению вводить и обязательное посещение школы детьми соответственного возраста. На усмотрение этих комитетов было оставлено также и устройство религиозного образования — учить ли вообще детей в школе закону Божию, но непременно без конфессионального характера преподавания или же предлагать самим родителям заботиться о религиозном воспитании их детей. Все прежние школы, получавшие казенные субсидии, должны были существовать по-прежнему. Влияние школьного акта 1870 г. на развитие начального образования в Англии было громадное, о чем свидетельствует быстрый рост числа детей, обучавшихся в элементарных школах разных наименований: в 1869 г. оно равнялось только двум с третьей миллионам, а через десять лет уже дошло до трех с половиной миллионов; соответственно возрастала и правительственная субсидия этим школам. Общественная инициатива тоже делала немало для распространения образования. Одним из наиболее ярких проявлений общественной инициативы в этом деле было возникновение так называемого «University extension movement», или, как принято у нас выражаться, «народных университетов»¹. Гладстон затронул отчасти и среднее образование, по отношению же к высшему добился отмены старых порядков в Оксфордском и Кембриджском университетах, в силу которых лица неангликанского исповедания или вовсе не могли участвовать, или были крайне стесняемы в получении стипендии, ученых степеней и т. п. Два раза лорды проваливали билли Гладстона на этот счет и уступили только в третий раз в 1871 г.² Немалое значение имели для культурного роста английской нации и такие мероприятия Гладстона, как отмена штемпельного налога на газеты, конечно, их удешевившая, уменьшение таксы за пересылку периодических изданий и т. п.

¹ Так называемое «university extension» (расширение университета), или демократизация высшего образования ведет свое начало от конца шестидесятых и начала семидесятых годов прошлого века. Это движение в Англии имеет уже ценную историю, послужив, вместе с тем, образцом для аналогичных начинаний в других странах, но уже в восьмидесятых и даже девяностых годах. О «university extension» в Англии существует целая литература: *Roberts. Eighteen years of university extension* (1891); *Adams H.B. University extension in Great Britain* (1900); *Джемс, Рассел. Народные университеты в Англии* (1897); *Милюков П. Распространение народного образования в Англии, Америке и России* (в «Русском богатстве» за 1896 г.); *Мижусев П. Народные университетские дома в Лондоне*.

² В связи с этим можно упомянуть об акте 1871 г., которым в Англии были введены государственные экзамены на разные гражданские должности в особой «civil service commission» («Комиссия государственной гражданской службы» (англ.). — *Прим. ред.*). При Гладстоне был также отменен обычай покупки офицерских мест в армии.

Весьма важную часть преобразовательной деятельности Гладстона составляет еще законодательство о рабочих союзах, или тред-юнионах. Нам уже приходилось говорить о том важном значении, какое они приобрели в английской жизни, а между тем законодательство скорее их только терпело, чем признавало их право на существование. Образование «коалиции» между рабочими регулировалось тогда в Англии законом 1825 г., во всяком случае устаревшим, не соответствовавшим более ни реальным отношениям, ни правосознанию эпохи. Коалиции допускались с разными ограничениями, которые могли истолковываться мировыми судьями в крайне неблагоприятном для рабочих смысле, тем более, что продолжали еще действовать и очень старые законы, составленные в духе крайнего неравенства между хозяевами и наймитами: именно, если предприниматель увольнял рабочего с нарушением условий найма, он только платил неустойку, тогда как рабочий за самовольный уход подвергался тюремному заключению до трех месяцев, да, кроме того, в конфликтах подобного рода к даче свидетельских показаний допускался только хозяин, рабочий — нет. Как применялись эти законы на практике и сколько раздражения они вносили в жизнь, можно видеть из того, что в начале шестидесятых годов могло возбуждаться по десяти тысяч преследований в год. Английские предприниматели вели упорную борьбу с тред-юнионами, между прочим, например, обязывая своих рабочих не вступать в союзы. Если рабочие, — что случалось особенно часто в начале шестидесятых годов, в период процветания английской промышленности, — устраивали забастовки ради увеличения платы или сокращения рабочего времени, предприниматели отвечали на это «локаут» (lockout), т. е. закрытием своих промышленных заведений. Конечно, это только подливало масла в огонь, и рабочие начинали мстить жестоким хозяевам, не останавливаясь даже перед преступлениями. Тред-юнионы приняли деятельное участие в агитации, приведшей ко второй парламентской реформе, и стали примыкать к образовавшемуся около того же времени Интернационалу, повлияв отчасти на саму его организацию. Работодатели тоже раздражались, приписывая все стачки влиянию тред-юнионов, и были очень довольны, когда судьи стали держаться той точки зрения, что на тред-юнионы нельзя распространять покровительство, оказываемое законами обществам взаимопомощи, так как эти коалиции только наносят вред и промышленности, и самим рабочим. Общая пресса тоже крайне неблагоприятно относилась к тред-юнионам, обвиняя их в том, что они своим подстрекательством и своими угрозами только бунтуют рабочих, в то же время подвергая их во время забастовок всем бедствиям нищеты. Дело-производители рабочих организаций особенно обвинялись прессой во всем этом, как люди своекорыстные и живущие на счет бедствий массы, хотя сами они утверждали, наоборот, что союзы всячески стремятся к мир-

ному улаживанию столкновений. Им даже удалось это доказать перед официальной комиссией, которая должна была исследовать деятельность тред-юнионов за истекшее десятилетие перед 1867 г., и потому заключение комиссии оказалось весьма благоприятным для домогательств рабочего класса. На основании этого мнения в 1871 г. парламент принял закон, признавший за тред-юнионами право на существование и на судебную защиту, разрешавший даже забастовку, как средство борьбы, но вместе с тем он дополнялся особым уголовным законом, каравшим принятие тех или других мер для более успешного проведения забастовки: например, запрещалось препятствовать, хотя бы простым предупреждением, приходу посторонних рабочих в забастовавшее заведение, оказывать какое-либо давление на штрейкбрехеров путем хотя бы простого их подсчета и т. п. Так как эти ограничения права забастовок давали судьям возможность приговаривать к тюрьме за всякие пустяки, рабочие стали добиваться отмены указанного закона, организовав для этого особый комитет, который должен был настаивать на удовлетворении желаний рабочего класса перед членами палаты общин. Так как, однако, Гладстон не давал своего согласия на отмену только что изданного закона, то масса рабочих на следующих парламентских выборах уже не голосовала более за либеральную партию, тем более что консерваторы, наоборот, пообещали рабочим исполнить их желание. В 1874 г. ненавистный для рабочих закон был действительно отменен, а в 1875 г. консерваторы провели новый закон, устанавливавший полное равенство перед законом как хозяев, так и рабочих, отменявший все оговорки закона 1825 г. и наказание тюрьмой за нарушение условий найма и провозглашавший принцип, в силу которого все, что признается законным для одного человека, должно почитаться таковым и для группы объединившихся лиц. Это в высшей степени важное для рабочих законодательство 1871–1875 гг. немало содействовало возвращению тред-юнизма к его прежней мирной политике и разлучению его с традициями Интернационала, влиянию которого с течением времени он стал подчиняться¹.

¹ В цитировавшейся уже книге Дайси есть несколько страниц (250–255 франц. перев.), посвященных актам 1871 и след. гг. о тред-юнионах и акту 1875 г. о коалициях. Эти законы ставят рабочие союзы и стачки совершенно в иное положение, нежели закон 1825 г., который Дайси называет «бентамистским». Акт 1875 г. объявил свободным от уголовного преследования по обвинению в преступном соглашении (*indictable as a conspiracy*) действия, совершаемые скопом, раз такие действия не вменяются в вину при совершении их отдельными лицами. Он даже дал «род легальной санкции» тому, что в просторечии называется во время стачек «*picketing*» (снятие с работы или обход с целью удостовериться, не работает ли кто-нибудь), если только это не сопровождается застрашиванием или насилием. В английском рабочем законодательстве, начиная с семидесятых годов, автор признает результат «комбинированного слияния демократии и коллективизма» в особом смысле, в каком им употребляется этот последний термин (о чем см. ниже).

Только что рассказанный эпизод с вопросом о легализации тред-юнионов указывает, между прочим, на то, какой силою начали делаться рабочие в Англии: от их голосов в значительной мере зависел исход выборов 1874 г. Обе старые политические партии признавали силу рабочего класса. Рост его политического самосознания заставил либерала Гладстона проектировать, а консерваторов Дерби и Дизраэли провести парламентскую реформу. В 1874—1875 гг. консерваторы сделали даже больше, отменив те стеснения, которых не решился отменить либеральный министр-реформатор. Когда в его лице вигизм отказался удовлетворить желания рабочих, они перешли на сторону консерваторов, скоро даже сделавшихся сторонниками тред-юнионов, как оплота против революционного духа. С 1847 г. либералы составляли большинство в палате общин, выборы 1874 г. впервые после стольких лет дали большинство консерваторам. Впрочем, отнюдь не следует думать, чтобы поражение Гладстона на выборах 1874 г. было исключительно результатом его сопротивления требованиям рабочих.

Все заботы Гладстона были направлены на внутренние преобразования, настоятельно требовавшиеся жизнью и оживлением законодательной деятельности парламента после реформы 1867 г., подобным оживлению, бывшему и после реформы 1832 г.¹ Противники либерального министра-реформатора даже обвиняли его в том, что он из-за этих реформ пренебрегает интересами Англии в международной политике и тем совершенно роняет ее престиж. Гладстон, действительно, во многих отношениях мог не нравиться сторонникам более энергичной внешней политики. Во-первых, он сильно сократил расходы на армию и флот, хотя это и не значило, что он не думал о приведении вооруженных сил страны в большее соответствие с условиями времени². Во-вторых, его миролюбивую политику порицали за ее уступчивость. С Соединенными Штатами Северной Америки у Англии давно тянулся один спор³, решить который Гладстон предложил Вашингтонскому правительству третейским судом,

¹ Т. V, гл. X.

² В Англии была оставлена прежняя система вербовки солдат, но сокращены были сроки действительной службы с образованием запаса из отслуживших свой обязательный срок, а главнокомандующий армией, ранее подчиненный только монарху, был поставлен в зависимость от кабинета.

³ Речь идет о знаменитом «алабамском деле». Во время североамериканского междоусобия начала шестидесятых годов у южан был крейсер «Алабама», наносивший долгое время большой вред купеческим судам северян, но наконец ими потопленный. Этот крейсер, как и другие суда подобного рода, был построен в Англии и вышел из английского же порта, в чем Вашингтонское правительство усмотрело нарушение Англией нейтралитета, потребовав поэтому возмещения убытков, какие североамериканские граждане потерпели от «Алабамы» и других каперов. Переговоры, ведшиеся по этому делу обоими правительствами, грозили серьезными осложнениями. В третейском суде участвовало по представителю обеих сторон, а кроме них, в состав суда вошли делегаты итальянского короля, бразильского императора и президента швейцарского союзного совета. Этот эпизод вызвал в свое время целую литературу. Bluntschli. *Opinion impartiale sur la question de l'Alabama* (1870). *Geffken. Die Alabamafrage*

состоявшимся в 1872 г. в Женеве и приговорившим Англию уплатить американцам более трех миллионов фунтов стерлингов. Среди англичан было очень много недовольных приговором, находивших, что Гладстону нужно было «показать себя» американцам, но сам он был доволен, что обе нации дали пример решения международной распри судебным приговором, а не силою оружия. Много недовольных Гладстоном было и потому, что он не воспротивился России, когда в 1870 г. она объявила о прекращении нейтральности Черного моря, а несколько позднее предприняла хивинскую экспедицию.

Законный срок первой палаты общин, выбранной после реформы 1867 г., истекал в 1875 г., но Гладстон решил распустить парламент в 1874 г., надеясь, что новые выборы дадут опять либеральное большинство. Результат, однако, получился совсем иной: консерваторов было выбрано около 350, либералов человек на сто меньше, да группа ирландских автономистов получилась человек в 60. Как только это стало известным, Гладстон подал в отставку, и первым министром сделался Дизраэли. Внутренние реформы были оставлены, стремления Ирландии перестали приниматься в расчет и все внимание было обращено на то, чтобы поднять престиж Англии, уроненный, по убеждению ториев, Гладстоном. Мы уже говорили выше о поездке в Индию будущего Эдуарда VII и о провозглашении Виктории индийской императрицей, а в другом месте¹ у нас будет идти речь о политике Дизраэли (превратившегося в этот период в графа Биконсфильда) в восточных осложнениях, начиная от герцеговинского восстания 1875 г. до Берлинского конгресса 1879 г. В то время как успешная внешняя политика Дизраэли делала его имя все более и более популярным, Гладстон был сначала у тогдашнего общественного мнения в немилости, и только блестящая кампания его против туркофильства английской политики, о которой речь тоже будет в другом месте, вернула ему, хотя и не сразу, прежнюю популярность в массах. Особенно большие триумфы выпадали на долю Гладстона во время выборной кампании после роспуска Биконсфильдом, в начале 1880 г., парламента, выбранного в 1874 г. Еще в 1879 г. Гладстон получил из Шотландии приглашение поставить свою кандидатуру в графстве Мидлотиан, в котором находится шотландская столица. Уже сама поездка его осенью 1879 г. в Эдинбург превратилась в настоящее «триумфальное шествие», как сам он об этом выражался: его торжественно встречали по дороге, произносили приветственные речи, выслушивали его ответы, а Эдинбург несколько дней только и жил митингами, на которых выступал Гладстон с речами, громившими кабинет Биконсфильда. Энтузиазм к нему не уменьшился и во время его вторичного приезда

(1872). В исторических и догматических изложениях международного права алабамскому вопросу обыкновенно отводится довольно видное место.

¹ См. ниже в гл. XII.

в Эдинбург в роли кандидата на депутатское место от Мидлотианского графства. Выборы 1880 г. дали в результате около 350 либералов и 250 консерваторов, т. е. те и другие поменялись цифрами сравнительно с 1874 г., Число «гомрулеров» осталось приблизительно то же. Биконсфильд вышел в отставку, королева Виктория сделала было попытку обойти Гладстона при образовании нового министерства, но «великий старец» все-таки сделался главой нового кабинета, история которого рассказывается нами уже в другом месте¹.

Теперь нам предстоит остановиться несколько подробнее на рассмотрении того, как благодаря новому составу избирателей, гораздо более демократическому, чем то, что было раньше, изменились сами условия политической жизни в стране и как это заставило обе старые исторические партии приспособиться к демократическому составу избирателей и пойти по пути, на который уже давным-давно вступили ближайшие родичи англичан по ту сторону Атлантического океана. Уже реформа 1832 г. нанесла удар старой системе, когда избиратели подкупались и места в палате продавались, так как число голосующих значительно увеличилось, и было уничтожено множество «гнилых местечек», реформа же 1867 г. еще более затрудняла прямые подкупы, и всем, желающим попасть в парламент, оставалось только вести планомерную агитацию, успех которой был мыслим лишь при известной организации политических единомышленников. Вот в этом-то отношении в Англии и произошла крупная перемена.

Несмотря на давнее существование английских политических партий, они долгое время не имели внепарламентского существования. «Избиратели, — говорит современный знаток истории английских политических партий², — представляли собой только личный кортеж соперников, вступавших в единоборство; они были как бы их вассалами или продавались

¹ См. в гл. XVII.

² М. Ostrogorski на с. 150 соч., названного выше. Дальнейшее изложение основано на данных труда Острогорского, к некоторым обобщениям которого я считал нужным относиться с некоторой осторожностью еще ранее того, как прочитал в книге L. Lowella'я, названной выше, следующие слова о труде нашего соотечественника: «His description is very complete, but, while accurate, is like by to mislead a superficial reader, who might easily get an impression that the extreme cases were typical, although the writer takes pains not to say so. Mr. Bryce's caution in the preface (к англ. переводу книги Острогорского) should, therefore, be borne in mind» (I, 467). («Его изображение весьма совершенно, но, несмотря на точность, вводит в заблуждение неприятельного читателя, который до самой ночи пребывает под впечатлением, что описанные крайние проявления стали характерными, хотя писатель прилагает усилия, чтобы ничего об этом не говорить. Осторожность м-ра Брайса в предисловии, следовательно, становится понятной» (англ.). — *Пер. ред.*) По мнению Лоуэлла, автор указанной книги усматривает в партийных машинациях (party machinery) нечто, скорее, искусственное и фатальное (weird), а не то, что является «естественным результатом человеческого поведения (human conduct) при данных условиях», причем не ставит себя мысленно в положение политических людей Англии и не задается вопросом, что бы сам он стал делать на их месте. Отсюда, по выражению Лоуэлла, сделанное Острогорским изображение имеет некоторый оттенок несоответствия с дейст-

им за деньги в день выборов». Местные котерии¹, конечно, всегда существовали, но единственные партийные организации общенационального характера имелись только в недрах самого парламента, и депутаты, входившие в состав его партий, оставались совершенно независимыми от своих избирателей. Впервые парламентская реформа 1832 г. заставила английские политические партии позаботиться о том, чтобы оказывать более систематическое влияние на страну. До 1832 г. в Англии не существовало никаких избирательных списков или каких-либо документов, удостоверяющих право на участие в выборах; эти списки были введены только с реформой выборов, а забота о составлении списков была возложена на инспекторов бедных (*overseers of the poor*), назначавшихся в отдельных приходах мировыми судьями: очевидно, предполагалось, что они лучше других могли знать, кто подходит в приход под условия избирательного ценза. Каждый имел право просить о внесении его в избирательный список и каждому же было предоставлено указывать на все случаи неправильного занесения в список, т. е. все здесь было основано на частной инициативе. Очень и очень многие или не пользовались своим правом записываться, потому что это было сопряжено с особыми хлопотами и даже с расходом в один шиллинг, или не являлись защищать свое право, если оно кем-либо оспаривалось. Таким образом, само государство не вмешивалось в это дело, частные же лица проявляли большую пассивность и равнодушие, что заставляло самих кандидатов заниматься привлечением избирателей к записи в регистры, которых требовал закон. Сначала в отдельных местностях для этого прибегали к весьма неодинаковым средствам, но уже довольно рано с указанной целью там и сям стали организовываться особые общества (*registration societies*) из местных деятелей, бравших на себя и расходы по регистрации, равно как и всю процедуру записи отдельных лиц или защиту их прав в случае их оспаривания. Одновременно с зарождением местных организаций начали возникать и в центре особые клубы с целью оказания влияния на страну. Организации под названием клубов существовали в Англии и раньше, но впервые совсем новое значение центров политической агитации в стране они получили только в тридцатых годах XIX в., когда стали вступать в сношения с отдельными лицами или кружками во всей Англии: торийский «*Carlton club*» с таким характером возник еще в 1831 г. с целью противодействия парламентской реформе, а в 1836 г. когда уже вполне выяснилось значение клуба в политической борьбе, примеру консерваторов последовали и либералы, основав свой «*reform club*». Главную роль в этих клубах стали играть так называемые «*whips*», так ска-

вительностью («his analysis has a slight air of unreality»), I, 468. Ср. ниже (в гл. XVII) мнение Лоуэлла о теперешнем положении дел в Англии.

¹ От *фр.* *coterie* — кружок. Сплоченная группа лиц, преследующих какие-либо свои частные интересы. — *Прим. ред.*

зять, помощники партийных лидеров в парламенте, уже раньше существовавшие и у ториев, и у вигов. Эти центральные организации стали входить в самые деятельные сношения с местными обществами и кружками. В начале шестидесятых годов образовалась даже самостоятельная «*Liberal registration association*»¹, содействовавшая возникновению местных регистрационных обществ, посылавшая им свои советы, инструкции, указания на кандидатов, объединявшая их деятельность и т. п. Примеру либералов последовали консерваторы, тоже создавшие аналогичную организацию. Парламентская реформа 1867 г. еще более делала необходимой организованную политическую агитацию во время выборов. Радикалы города Бирмингема, в котором сразу прибавилось около 30 тыс. новых избирателей, первые подали мысль о необходимости всем местным либералам создать сплоченную организацию, которая состояла бы в том, чтобы либеральные избиратели каждого квартала соединялись вместе и выбирали из своей среды представителей для управления общими делами партии: собрание партийных делегатов Бирмингема должно было, между прочим, и намечать кандидатов в члены парламента. Это предложение было принято, в городе образовался либеральный комитет и для выборов 1868 г. им были намечены желательные кандидаты на все три депутатских места, принадлежавшие Бирмингему. По закону каждый мог подавать голос только за двух кандидатов, и потому комитет определил, в каком квартале за какую пару должны были подавать голоса тамошние избиратели, чтобы за всеми тремя был обеспечен верный успех. Комбинация могла удасться, однако, только под условием полной партийной дисциплины при подаче голосов, и потому лозунгом выборов было: «*вотируйте, как вам сказано*» («*vote as you are told*»). Со стороны консерваторов придумана была махинация, чтобы все расстроить подложными бюллетенями, но это было вовремя замечено, и попытка спутать карты только еще более утвердила либеральных избирателей в мысли о необходимости «*вотировать, как было сказано*», хотя часть старых радикалов протестовала против подачи голосов «не в роли свободных людей, а в роли автоматов». В 1868 г. бирмингемскими либералами была одержана победа. В 1873 г. они испробовали тот же способ на муниципальных выборах и провели в мэры своего города радикала Джозефа Чемберлена², который с новым же муниципальным советом деятельно занялся городским благоустройством при ревностной поддержке со стороны либеральной части населения. Это тоже послужило на пользу либеральной ассоциации, которая теперь выработала себе очень прочную организацию. В каждом квартале на публичном митинге выбирался комитет из неограниченного числа членов с правом неограниченного же самопополнения, т. е. кооптации, а над этими районными комитетами стоял

¹ «Либеральная (свободная) регистрационная ассоциация» (англ.). — *Прим. ред.*

² *Jeyes S. H.* The right hon. L. Chamberlain (1896); *Viallate Ach. J.* Chamberlain (1899).

общегородской исполнительный комитет, в состав которого входили председатели и секретари районных и по три делегата от каждого квартала, выбранных *ad hoc*¹ на публичном митинге. Бирмингем разделялся на 16 кварталов, и, таким образом, в общегородском комитете было восемьдесят членов, имевших сверх того право пополнить себя еще тридцатью лицами. Этот исполнительный комитет с 480 делегатами, выбранными в количестве 30 от каждого из 16 кварталов, составляли так называемый «генеральный комитет», большое совещательное собрание. Наконец, оба центральных комитета выбирали особое бюро из 11 членов, или правление. В общей сложности получалась организация в 594 человека², откуда ее название — «шестьсот». Так как в правление шестьсот выбирали только четыре лица, а семеро выбирались исполнительным комитетом, учреждением до известной степени кооптативным, и так как на районных митингах часто являлись одни и те же «летучие компании» (*travelling compaignies*), что было вполне возможным при одновременности этих митингов, то состав организации получался довольно однородный и в нем господствовала большая сплоченность. Чемберлен и его друзья вполне распоряжались «шестьюстами», считавшимися, в свою очередь, доверенными лицами либеральных избирателей. Организация устраивала публичные митинги, частные собрания, кружковые совещания для обсуждения и местных, и даже общегосударственных вопросов. В составе генерального комитета было много богатых буржуа, не жалевших денежных жертв на разные общественные нужды, а существование в Бирмингеме большого контингента средней буржуазии, состоявшей из ряда переходных ступеней от крупных капиталистов к пролетариату, обеспечивало за либеральной ассоциацией и большое влияние на массу населения. Организация сделалась скоро очень популярной и влиятельной в населении. Наоборот, консерваторы в Бирмингеме утратили всякое значение и своими выступлениями против господствующей группы только еще более содействовали внесению «политики» в чисто муниципальные дела. Ежегодные выборы в городской совет каждый раз сопровождались борьбой обеих политических партий, все более и более получавшей неблагоприятный исход для консерваторов. На лиц, принадлежавших к последней партии, в населении готовы были смотреть, как на «внутренних врагов», против которых можно бороться всякими способами. Когда консерваторы устраивали свои митинги, на них поднимался такой шум и крик, что после ряда неудачных попыток довести собрание до благополучного конца консерваторы совершенно отказались от устройства митингов в Бирмингеме. При таком положении дел и парламентские выборы в этом городе должны

¹ «Для данного случая, для этой цели» (*лат.*). — *Прим. ред.*

² 480 членов генерального комитета + 110 (т. е. 80 + 30) исполнительного совета + 4 лица, выбранных генеральным комитетом в правление.

были кончаться в пользу либералов. В 1876 г. Бирмингем послал в палату общин самого Чемберлена.

Мало того, бирмингемские либералы стали пропагандировать свою систему, как образец для подражания, во всей стране. Этой системе, говорили ее сторонники, «удалось сделать из муниципальной и из политической жизни, вместо спазмодических избирательных движений, жизнь, полную содержания, искренности, правды и энтузиазма». Путем внесения политики во все местные дела, «путем этого расширения идеи либерализма, ассоциация связала себя с развитием общей жизни города». Ни в каком другом городе «демократия не получила столь широкого истолкования в значении народа, понимаемого, как одно организованное целое... Либеральная ассоциация, говорили еще, является средством, при помощи которого люди, верящие в возможность более высокого состояния цивилизации, нежели ныне существующее, и обладающие осуществимыми идеалами, пытались и продолжают пытаться привести в исполнение ясные и определенные планы в пользу культуры, благополучия и процветания общества»¹. Пропаганде «бирмингемского плана» немало содействовала неудача либералов на общих выборах 1874 г., когда впервые после 1841 г. страна послала в палату общин подавляющее консервативное большинство: либералы приписали тогда свое поражение недостатку организации, и вот «бирмингемский план», как думали многие, на будущее время должен был сделать невозможными подобные неожиданности. По примеру Бирмингема даже там, где не было таких особенно благоприятных условий, как в этом городе, стали возникать свои организации «ста», «трехсот», «четырёхсот» и т. п. События, разыгрывавшиеся в это время на Балканском полуострове, не замедлили сделаться предметом агитации со стороны всех этих вновь возникавших организаций². Общее дело, сводившееся к борьбе с консервативным министерством на почве внешней политики Англии, сближало между собой местные либеральные ассоциации, и скоро явилась мысль о постоянном общении между ними, о создании для них и центральной организации. В конце мая 1877 г. по приглашению местной ассоциации в Бирмингем съехались делегаты восьмидесяти трех других подобных организаций на конференцию, открывшую свои заседания под председательством Чемберлена. В своей вступительной речи председатель указал на то, что предпринимаемое дело кладет начало новой эре в судьбах английского либерализма, ибо современные политические условия требуют «введения широких кругов народа (*the people at large*) в советы партии и предоставления им участия в направлении ее деятельности». Суть нового устройства бирмингемской ассоциации в том, что «каждый либерал есть

¹ *Crosskey H.* The liberal association — «the 600» — of Birmingham (1877).

² См. ниже, в гл. XII.

ее член *ipso facto*¹, в силу только своего либерализма, без всякой иной квалификации» и что в ней «голос последнего бедняка имеет такое же значение, как и голос первого богача», а потому в основе ассоциации лежит всеобщая подача голосов. «Объединение таких ассоциаций, — говорил еще Чемберлен, — может дать своего рода парламент и притом не для выработки нового «credo» либерализма, а для того, чтобы внести большую определенность и решительность в либеральную политику, чем только будет усилено влияние общественного мнения на лидеров партии, часто от него отстающих, за ним не поспевающих»². Другие ораторы, защищавшие «бирмингемский план», выражались еще резче в смысле необходимости, чтобы не лидеры из Лондона давали указания «народу» в провинциях, а чтобы сам «народ» указывал либералам, чего он хочет. Нельзя, говорили они еще, чтобы для агитации по каждому отдельному вопросу возникали специальные лиги: гораздо лучше слить их в одну могучую федерацию, в «парламент вне имперского законодательства», свободный парламент общественного мнения. Делегаты одобрили этот план, основанный на «доверии к народу» (*trusting in the people*), лишь бы при всем том не было сделано никакого ущерба независимости местных ассоциаций. В результате получилось основание «Национальной федерации либеральных ассоциаций», более известной под сокращенным названием «Национальной либеральной федерации». Немедленно же вслед за конференцией, — даже вечером того же дня, — когда состоялось основание конференции, в Бирмингеме был собран большой публичный митинг, на котором главным оратором выступил сам Гладстон, хотя в то время и не бывший уже официальным лидером либеральной партии, но фактически остававшийся настоящим ее главой. В собрании, в котором насчитывали до 30 тысяч народу, Гладстон произнес речь, заключавшую в себе горячую похвалу созданной федерации, как основанной на широком демократическом начале³. Главным предметом речи Гладстона был, однако, восточный вопрос.

¹ «В силу самого факта» (*лат.*). — *Прим. ред.*

² В одной парламентской речи 1904 г. «Чемберлен выразил большие симпатии к референдуму и свое сожаление по поводу того, что в Англии не существует этого средства узнавать волю народа относительно какого-нибудь важного политического вопроса». Впрочем, он указал при этом и на суррогат референдума: «После продолжительной подготовки общественного мнения путем прений и агитации можно, в конце концов, предложить народу решение данного вопроса на общих выборах». Сидней Лоу, отмечая это мнение Чемберлена, находит его правильным, т. е. целесообразным и удобоисполнимым. Государственный строй Англии (1908). С. 90.

³ Гладстону в истории английской конституции за последние десятилетия известный теоретик английского государственного права Сидней Лоу приписывает в одном отношении особенное значение. В своей книге «Государственный строй Англии» (русский перевод 1908 г.) Лоу видит главную черту новейшей политической эволюции своего отечества в «уменьшении могущества и значения палаты общин сравнительно со значением министерства, с одной стороны, и избирателей с другой». Если, по его словам, революция 1689 г. перенесла «центр тяжести государственной власти от короны к палате общин», то «главное изменение, проис-

Основатели «Национальной либеральной федерации» не скрывали, что она должна была быть боевым средством против консерваторов: этого, конечно, было достаточно, чтобы торийская пресса отнеслась враждебно к новой организации и чтобы лидер консерваторов применил к ней американскую кличку «saucius», обозначающую разные избирательные подвохи, проделки и фокусы вплоть до подкупов и спаивания избирателей¹. Это не испугало организаторов «Национальной либеральной федерации», которые смело присвоили себе эту кличку в расчете, что время и опыт соединят с ней другой, более привлекательный смысл. Конечно, восьми десятков местных ассоциаций было еще мало для того, чтобы названная федерация представляла собой действительную политическую силу, и потому вожди занялись деятельной пропагандой новой идеи. Сам Гладстон в своих речах, произнесенных в конце семидесятых годов в некоторых городах Англии, усиленно рекомендовал эту федерацию. В состав ее стали входить все новые и новые местные организации, и прежние политические деятели либеральной партии считали себя вынужденными присоединяться к этому движению, причем иногда выговаривали себе право назначать, например, в какую-либо ассоциацию «трехсот» от себя целую сотню членов на две сотни, выбранные на публичных митингах. Случалось, что в иных местах народная масса относилась недоверчиво к партии, в которой дотоле главную роль играли денежные люди, но случалось и так, что местные лидеры либералов сами не хотели идти в «saucius»; в последних случаях ассоциация по бирмингемскому плану все-таки основывалась, что, впрочем, не упраздняло прежних «registration society's» или «liberal associations», как и вся «Национальная либеральная федерация» в целом не упраздняла старой организации партии в самом парламенте. Нужно только отметить, что новые организации и на местах, и в центре все более и более брали перевес над старыми.

шедшее после 1832 г., заключалось в дальнейшем передвижении государственной власти от парламента к кабинету, причем кабинет сделался ответственным в большей степени перед самими избирателями, чем перед избранными ими представителями», стр. 47. «Ни один государственный деятель, — говорит Лоу в другом месте, — не содействовал этому процессу в такой степени, как Гладстон», хотя он же «постоянно высказывал свою веру в теорию полного подчинения министров палате», стр. 17. Лоу, прибавим еще, находит, что «факт уменьшения власти палаты общин привлекает к себе гораздо меньше внимания, чем он того заслуживает», стр. 66. Ср. несколько замечаний о будущем кабинета в книге L. Lowell'я «The government of England» (1908; т. I, с. 79—80) по поводу того, что «the cabinet is daily coming into closer contact with the nation» («кабинет ежедневно поддерживает негласную взаимосвязь с народом». — *Пер. ред.*), но в особенности см. гл. XXIII книги Лоуэлла (Т. I. С. 423—434), рассматривающую взаимные отношения кабинета и страны («The cabinet and the country»).

¹ Термин «saucius» возник еще в XVIII в. для обозначения маленьких кружков, ведших закулисным образом всю подготовительную работу по выборам. Этимология этого слова неясна; некоторые производят его даже от индийского слова «kaw-kaw-was», обозначающего «советовать». См.: *Ostrogorski M. I.*, 110, примеч. 2. В дальнейшем мы пользуемся этим словом, как удобным по своей краткости, для обозначения описываемого явления, не вкладывая в него обидного смысла.

Результатом описанного нововведения было то, что с английского либерализма все более и более начали стираться черты прежнего вигизма. Среди самих вигов начались несогласия еще после реформы 1832 г., которая ввела в палату общин некоторое число радикалов, а реформа 1867 г. открывала перед радикалами и прямо заманчивые перспективы, хотя выборы 1868 г. и не оправдали их надежд на достижение большинства, что раздражало радикалов, начавших довольно резко нападать на более умеренных членов прогрессивной партии, не исключая самого Гладстона. Чемберлен был именно одним из наиболее недовольных вместе со всеми новыми организациями либералов. Антитурецкие митинги второй половины семидесятых годов критиковали не только туркофильство министерства, но и вялую политику либеральной оппозиции в этом вопросе. Все чаще и чаще на этих митингах раздавались голоса, что только на них, только в новой федерации можно находить настоящих либералов. Все это было, в сущности, одним из симптомов того, что английский либерализм переживал глубокий кризис.

Основами старого английского вигизма были защита им привилегии парламента и защита индивидуальной свободы. Первоначальный состав партии был аристократический, пока, главным образом, в XVIII в. под знамена этой партии не начала становиться буржуазия, не думавшая, однако, оспаривать лидерства в партии у представителей аристократических традиций и привилегий. В партии существовала целая градация оттенков, приближавших некоторые ее элементы к торизму, другие, наоборот, к радикализму, но большинство занимало среднюю позицию умеренного либерализма, как политического, так и экономического, с приверженностью к парламентаризму и индивидуализму. Новое движение, центром которого сделался Бирмингем, не могло не претить среднему вигу, заставшему в своих то аристократических, то плутократических убеждениях и предвзвесах: в движении на первую роль претендовали новые общественные слои, «улица», толпа (mob). Особенно шло вразрез с традициями вигизма подчинение политической деятельности непосредственно велениям народа: старый либерализм строго держался принципа, в силу которого в свободной стране ни отдельные личности, ни целые корпорации, — как бы последние ни были значительны по числу входящих в них лиц, — не могут пользоваться абсолютной, нераздельной, непосредственной властью, так как, по тому же принципу, все в государстве должно было держаться равновесием независимых одна от другой властей. «Для нас, — говорили старые виги, — вопрос не в том, что соответствует народному мнению, а в том, что разумно и правильно, и мы думаем, что одной из обязанностей каждого государственного человека является бороться с народными предрассудками, хотя бы с риском потерять власть и занятые места»¹.

¹ По всему этому вопросу в печати возникла полемика, относящиеся к которой статьи названы у М. Острогорского, т. I, с. 174 и 179.

По новой системе никто не должен был ставить своей кандидатуры на парламентских выборах, помимо либеральной организации. Сами «сотни» не производили выборов кандидатов в строгом смысле слова, но устраивали нечто вроде публичного конкурса кандидатов перед избирателями, требуя притом наперед от кандидатов безусловного подчинения условиям, какие им будут предъявлены; из этого правила не делалось исключения и для тех, которые уже раньше были членами парламента и хотели бы быть избранными вновь. Далеко не все политические деятели соглашались на это, и, например, в Брэдфорде на этой почве возник надеждавший много шуму во всей стране конфликт между местным «коукесом» и знаменитым государственным человеком Ферстером¹, который был представителем Брэдфорда в палате общин уже около тридцати лет. В первом министерстве Гладстона Ферстер занимал пост министра народного просвещения и оказал большую услугу начальному образованию в Англии, до него не имевшему правильной организации. Созданию последней, как известно, мешали конфессиональные несогласия разных групп населения, никак не могших столковаться между собой по вопросу о преподавании в элементарных школах закона Божьего, Ферстер же провел закон об обязательном народном образовании с полным исключением религиозного преподавания везде, где местное население этого потребовало бы, и с допущением там, где население высказалось бы в обратном смысле, только чтения Библии, но без всяких догматических толкований и катехизисов. Этот закон встретил резкую критику со стороны как радикалов, находивших недопустимой уступку религиозному преподаванию, так и со стороны нонконформистов, полагавших, что законом создается нечто вроде привилегии для государственной церкви; поэтому еще в 1870 г. против закона Ферстера началась в стране сильная агитация. Центром ее сделался Бирмингем, одним из главных вдохновителей был Чемберлен, и как раз эта агитация привлекла в местные «коукесы» большое количество нонконформистов, ставших даже играть главную роль в этих организациях. После отставки Гладстона, когда роль лидера либералов перешла к Гартингтону, Ферстер оставался, пожалуй, самым видным членом в генеральном штабе партии. Между тем в Брэдфорде была организована по бирмингемскому образцу либеральная ассоциация, в состав которой вошло много фанатических нонконформистов и даже во главе которой стал один из противников закона Ферстера. Бредфордские «триста» предложили Ферстеру выставить свою кандидатуру, но с обязательством повиновения «коукесу». Старый депутат решительно от этого отказался, заявив, что он не хочет «подчиниться правилу, которое, хотя бы даже только в теории, дозволяет частной ассоциации стать между ним и избирателями, столь дол-

¹ Reid T. W. Life of W. L. Forster (1888).

гое время представлявшимися им в парламенте». «Я, — говорил он еще, — депутат от целого города и не могу считать со своей стороны корректным сделаться доверенным лицом или делегатом какой-либо организации в округе, как бы значительна она ни была и как бы ни было полно мое согласие с нею по политическим вопросам». Мало того, Ферстер подверг решительной критике саму идею «коукеса», что вызвало со стороны председателя брэдфордских «трехсот» очень энергичную отповедь. Вся английская печать обратила серьезное внимание на этот местный конфликт, как на инцидент, имеющий принципиальное значение. В согласии с очень распространенным взглядом «Times» спрашивала, чего можно будет ожидать от менее видных и от менее независимых людей, если даже такой испытанный и известный деятель, как Ферстер, вынуждается пройти под ярмом ассоциаций. Брэдфордская организация стояла на своем, хотя и подчеркивала, что между ней и Ферстером нет никаких разногласий по политическим вопросам. Против кандидатуры Ферстера «коукесом» были пущены в ход все средства. В числе видных лиц, выразивших Ферстеру по этому случаю свои симпатии, был сам Гладстон, даже предложивший ему свои услуги в качестве посредника, но Ферстер отклонил это предложение, заявив, что в данном случае для какого-либо посредничества нет места, и не скрыв своего опасения, как бы не составилось мнения о благоприятном отношении Гладстона к новому правилу. «Быть может, — писал он, — люди, назначающие комитет, сами являются только маленькой фракцией партии, а тогда нет ли места для опасения, что они не вырождаются в дельцов по выборам (wire pullers) на американский образец? Единственное средство избежать такого печального результата — это по-прежнему предоставлять кандидату входить в непосредственное общение со всеми избирателями и с партией в ее целом в данной местности». Во всяком случае, оппозиция против брэдфордского «коукеса» во всей стране была столь сильна, что последний пошел на уступки и в своем уставе обязательность требования от кандидата обещания подчиниться заменил факультативностью (вместо «будет требоваться» было поставлено: «может быть потребовано»). После этой уступки, имевшей скорее формальное, нежели реальное значение, Ферстер согласился войти в состав ассоциации¹. В сущности, это была победа новой системы, тем более, что в других местах подобные ассоциации заставили кандидатов безусловно подчиниться предъявленным им требованиям, хотя бывали и случаи известной уступчивости и со стороны ассоциаций. В прессе брэдфордский конфликт вызвал принципиальное обсуждение вопроса о «коукесах» в целом ряде статей, брошюр и речей конца

¹ В 1880 г. Ферстер опять занял министерский пост в кабинете Гладстона, но вследствие несогласия с ним по ирландскому вопросу вышел в отставку в 1882 г., что дало повод брэдфордскому «коукесу» поднять против него настоящую травлю и даже начать подготовку его провала на новых выборах, до чего, впрочем, Ферстер не дожид.

семидесятых годов¹. Глава всего этого движения, Чемберлен, чем ближе было время выборов, все более обнаруживал склонность к некоторой уступчивости, боясь, что от излишней резкости в постановке спорного вопроса выиграют только тори.

Блестящая победа либералов над консерваторами на выборах 1880 г. была принята сторонниками бирмингемской системы за доказательство необходимости и впредь ее держаться, и, пожалуй, более других ликовал Чемберлен, который по этому поводу обратился к стране с настоящей прокламацией в форме письма в редакцию «Таймс». Он именно указывал на то, что теперь новая организация пустила глубокие корни в общественную жизнь страны, и выражал желание, чтобы политические деятели относились к этой системе без прежних предрассудков. Через несколько дней после этого письма в «Таймс» Чемберлен сделался членом нового кабинета Гладстона. Общественное мнение готово было видеть в этом возвышении Чемберлена² награду ему за его деятельность в избирательной кампании, да и сам он, как тогда вообще думали, понимал не иначе причину своего возвышения, хотя, по-видимому, Гладстону просто хотелось иметь в своем кабинете одного более радикально настроенного члена, и он остановился на Чемберлене, так как другие возможные кандидаты по тем или другим соображениям были найдены им неподходящими. В самой мысли о том, что всей своей победой либералы были обязаны одному «коукесу», нельзя не видеть сильного преувеличения. Конечно, были и другие, более общие причины поражения ториев. Перед 1880 г. общественное мнение в Англии уже начинало тяготиться политикой Дизраэли, которую стали находить слишком предприимчивой, даже прямо авантюристской, слишком ставящей все под вопрос, что же будет завтра, т. е. не внушающей доверия в прочность данного положения. Экономический кризис, переживавшийся в эти годы Англией, тоже вменялся в вину торийскому министерству, хотя бы для судящих не на основании «post hoc, ergo propter hoc»³ нередко не было никакой связи между политикой правительства и тем, что дела шли плохо. Если бы только один «коукес» организовал всю победу либералов, то она должна была бы ограничиться только одними городами, но мы ее видим в 1880 г. и в графствах, где новая система едва только начинала применяться. Новая ассоциация хвасталась еще тем, что благодаря ей сов-

¹ Названия их приведены во 2-м прим. на с. 188 первого тома М. Острогорского.

² В этом факте кое-что было совсем необычным. Во-первых, Чемберлен сделался министром всего лишь через четыре года после парламентской деятельности, т. е. слишком быстро. Во-вторых, он сразу был принят в состав «кабинета», т. е. истинного совета министров, в котором участвуют далеко не все члены «министерства» (ministry), причем обыкновенно членами кабинета делаются люди, уже побывавшие на второстепенных должностях министерства. Об этом «кабинете в кабинете» см. у Сиднея Лоу. Государственный строй Англии (1908), стр. 141 и след.

³ «После этого, поэтому из-за этого» (лат.). — Прим. ред.

сем стала отходить в прошлое система влиятельных кошельков, но и это было неверно, так как в 1880 г. были обнаружены довольно частые случаи избирательных подкупов даже в самих же местных «сотнях».

Распространению в обществе убеждения в том, что победа либералов была результатом организации «коукесов», немало содействовали сами тории, утешавшие себя поэтому мыслью, что большинство избирателей отвернулось от них не по внутренним мотивам и что победила, в сущности, только ловкая интрига. Это тоже поднимало престиж «коукеса» и обеспечивало за ним роль и в будущем после того, как он окончил свою победоносную кампанию 1880 г.¹

До сих пор мы рассматривали новую организацию либеральной партии, но реформа 1867 г. не могла не вызвать аналогичного явления и в консервативной партии.

Распространение в 1867 г. избирательных прав на широкие слои городского населения казалось делом весьма опасным для консервативной партии, но вожди этой партии не теряли надежды, что и среди новых избирателей могут найтись родственные им по политическому настроению люди, а потому и в консервативной партии началась организационная деятельность с целью вербовки новых сторонников, на которых можно было бы опираться при столь изменившихся условиях политической жизни. Стали основываться консервативные ассоциации и вместе с тем объединяться в особый «Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций» с центральным органом из делегатов от местных организаций. Новая «уния» должна была быть только помощницей старого «Central conservative office»² торийской партии, отнюдь «не узурпировать функции лидерства (leadership) партии». Само устройство «унии» было аристократическо-иерархического характера: в ней были, например, «патроны», большей частью из лордов и на первом плане герцогов, да и в самом исполнительном совете организации рядом с делегатами местных ассоциаций очень видную роль играли члены, попадавшие в него не по избранию. Задачей этого союза было «обращаться к народу более непосредственно, с более ясными и положительными заявлениями, нежели это делалось прежде». Лозунгом всего движения, направленного на уловление масс, был так называемый народный торизм, идея которого впервые получила

¹ К этому изложению генезиса «saucis'а» нужно прибавить, что федерация по бирмингемскому плану не была единственной либеральной организацией. В 1864 г. в Манчестере образовалась «Национальная уния реформы», в состав которой вошло много членов бывшей кобденской «Лиги против хлебных законов» и которая немало поработала в пользу реформы 1867 г. Она не прекратила по достижении этой цели вполне своего существования, но поставила себе новые задачи, после же успеха «saucis'а» в 1880 г. прямо усвоила его цели и его тактику. В 1880 г. с той же целью организации общественного мнения и управления его движениями возникла еще «London and counties liberal union».

² «Главная канцелярия консерваторов» (англ.). — *Прим. ред.*

формулировку в уме Дизраэли. Нужно было, по этой идее, снять с торизма его реакционный ярлык, приблизить его к демократии, обновить его и тем сделать более способным к борьбе при изменившихся условиях политической жизни. «Торийская партия, — любил повторять Дизраэли, — будет ничем, если не будет партией национальной. Это вовсе не конфедерация знати и вовсе не демократическая толпа, а партия, образованная из всех многочисленных классов населения». Принципы этой партии — свобода, порядок, закон, религия, которые не могут быть вверены ни индивидуальному суждению, ни капризам или страстям масс, естественными же вождями политического общества должны были, по теории Дизраэли, оставаться землевладельцы. «Сама свобода Англии, — говорил он, — имеет свое основание в том, что в стране есть класс, который одинаково не доверяет как деспоту, так и толпе, и вокруг которого всегда может собраться и объединиться народная масса». В 1868 г. тории включили, кроме того, в свою программу рядом с «охраной учреждений» и «защитой государства» еще «улучшение положения народа»¹. В этом народном торизме все, в сущности, стремилось к одной цели — привлекать голоса новых избирателей в пользу торийских кандидатов. Призывая в свои ассоциации и ра-

¹ В указанной выше книге Дэйси (Dacey) история Англии в XIX в. разделена на периоды старого торизма (до 1830 г.), индивидуализма или бентамизма (до 1870 г.) и коллективизма (1865–1900 гг.), т. е. господства доктрины, которая относится с сочувствием к государственному вмешательству в интересах народных масс, т. е. рабочих классов, хотя бы от этого получался известный ущерб для индивидуальной свободы (стр. 60 франц. пер.): к этому времени сложился новый торизм, унаследовавший от старого веру в «отеческий деспотизм государства», которая в нем соединилась с известным демократизмом, но в то же время и в самом либерализме стала утверждаться уверенность в полезности государственного вмешательства. Дэйси опровергает тот взгляд, что поворот от «бентамизма» к «коллективизму» был результатом второй и третьей реформ парламентских выборов, т. е. демократизации английской конституции, и ссылается на то, что законодательство гораздо более демократических Соединенных Штатов менее «социалистично», нежели законодательство Англии (с. 204 и след.). Он сводит это явление к нескольким источникам, каковы следующие факты, за подробностями о которых отсылаем к разным местам нашего V тома: это — филантропическое течение, повлиявшее на возникновение фабричного законодательства; тред-юнионизм, основывающийся на принципе коллективного соглашения и ограничивающий индивидуальную свободу договоров; перемена в экономических идеях образованных классов, нашедшая свое выражение в «Основах политической экономии» Милля; замена в организации промышленных предприятий отдельных лиц коллективностями (corporate bodies) в виде акционерных компаний, деятельность которых ослабляет действие единичного лица и в то же время вызывает необходимость государственного контроля (Dacey, с. 229–233), и, наконец, сама реформа 1867 г., положившая конец господству средних классов, которые особенно склонны были руководиться принципами «бентамизма» (ibid, 234). Проявления принципа «коллективизма» в законодательстве Дэйси сводит к четырем категориям: 1) расширения идеи и области применения покровительства, 2) ограничения свободы договоров, 3) предпочтения коллективной деятельности перед индивидуальной и 4) «уравнение выгод» в пользу лиц, поставленных в худшие с другими условия. Прибавим, что L. Lowell то же самое направление, противоположное лозунгу «laissez faire», обозначает термином «paternalism», посту которого посвящает небольшую главу (LXV) во втором томе своего «The government of England» (с. 520–530).

бочих, консерваторы, однако, остерегались того, чтобы смешиваться или сливаться с ними, устраивая для них отдельные клубы или, как последние назывались, «conservative workingmen's associations»¹, хотя это не совсем-то гармонировало с «национальной» теорией Дизраэли². Выборы 1868 г. показали, что английские рабочие вовсе не были такими консерваторами, какими их выставлял Дизраэли, но в министерство Гладстона тории все-таки успели перетянуть на свою сторону много рабочих и особенно ремесленников, как это обнаружили неблагоприятные для либералов выборы 1874 г. Организация консервативных клубов и обществ пошла теперь еще быстрее и успешнее, причем из центра раздавалась проповедь необходимости дисциплины на манер македонских фаланг и римских легионов, как это прямо было сказано в одной из речей Дизраэли представителям консервативных ассоциаций³.

¹ «Ассоциации консервативных рабочих» (англ.). — *Прим. ред.*

² Ср. аналогичное поведение по отношению к рабочим и родоначальников немецкого национал-либерализма (см. выше).

³ Дальнейшая история Англии от 1880 по 1900 г. излагается в гл. XVII, в которой рассматривается и последующая эволюция либеральной и консервативной организации.

Х. Италия в первое десятилетие после присоединения Рима¹

Взгляд на первое десятилетие в истории объединенной Италии. — Общая характеристика семидесятых годов в истории Италии. — Итальянские политические партии семидесятых годов. — Внешняя политика Италии за этот период и ее влияние на политику внутреннюю. — Правления правых и левых. — Отношение к папству и к церковным делам. — Итальянские республиканцы и ирредентистское движение. — Тяжесть налогов и народное недовольство. — Начало социалистической пропаганды в Италии

¹ Отсылаем к гл. XXVII тома пятого для периода 1859—1870 гг. Есть несколько трудов по истории Италии, в которых изложение, начинающееся со второго десятилетия XIX в., доводится до смерти Виктора-Эммануила (1878) или до 1880 г.: *Bertolini Fr.* Storia d'Italia dal 1814 al 1878 (1880); *Probyn J. W.* Italy from the fall of Napoleon I to the death of Victor-Emmanuel (1884); *Bragagnolo, Bertazzi.* Il risorgimento nazionale, 1818—1878 (1900); *Gattina P. della.* Storia dell' idea italiana (II том доведен до 1880 г.); *Nisco N.* Storia d'Italia dal al 1880 (1880—1890; девять томов); *Copen Э.* История Италии от 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила (1898; в этой книге события после занятия Рима до 1878 г. изложены всего на пяти страницах, но к переводу приложена еще статья, страниц в 50, В.В. Водовозова под заглавием «Италия в царствование Гумберта I»); До конца XIX в. изложение доводится в книге Пьетро Орси «Современная Италия. История последних 150 лет до вступления на престол Виктора-Эммануила III» (1907; события 1870—1900 гг., внутренние и внешние, изложены в главе XIX на 24 с., от 253 по 276; гл. XX на десяти следующих стр. дает картину «Италия в 1900 г.»). Для эпохи, непосредственно предшествовавшей превращению Рима в столицу и для самого этого события см.: *Cesare R. de.* Roma e stato del papa dal ritorno di Pio IX al 20 settembre, 1850—1870. (1907); *Bourgeois E., Clermont E.* Rome et Napoléon III (1907); *Castagnola S.* Da Firenze a Roma, 1870—71 (1896); *Cadorna R.* La liberazione di Roma nel 1870 (1889; по поводу этой книги С. Ricotti в 1890 г. издал свои «Osservazioni»). — *Pesci U.* I primi anni di Roma capitale. Специально период Итальянского королевства охватывают: *Ghiala L.* Pagine di storia contemporanea dal 1858 al 1897 (1897; книга важная для истории внешней политики Италии); *Ghiron I.* Annali d'Italia in continuazione al Muratori ed al Coppi, 1867—1880 (1888—1890); *Corsi C.* Italia, 1870—1895 (1896). Несколько сочинений посвящено обоим первым королям — Виктору-Эммануилу и Гумберту I: *Rüffer.* König Victor-Emmanuel (1878). — *Massari G.* La vita ed il regno di Vittorio-Emanuele II (1878); *Zeller J.* Pie IX et Victor-Emmanuel. Histoire contemporaine de l'Italie, 1846—1878 (1879); *Bersezio V.* Trent'anni di vita italiana. Il regno di Vittorio-Emanuele II (1878—1895; пять томов); *Giuliani P.* Vittorio Emanuele ed il risorgimento italiano (1887); *Cappelletti L.* Storia di Vittorio Emanuele e del suo regno (1892—1894; три тома); *Rinaudo C.* Umberto I di Savoia, rè d'Italia (1899); *Pesci U.* II re martire. La vita ed il regno di Umberto I (1900). Укажем еще на книги, дающие общую характеристику новейшей Италии: *Brachet A.* L'Italie qu'on voit et l'Italie qu'on ne voit pas (1883; важно для истории ирредентизма); *Ottolieri F.* L'Italia presente ed i suoi fati (1897); *King B., Okey Th.* Italy to-day (1901); *Nitti T. S.* L'Italia all' alba del secolo XX (1901). История итальянских финансов имеет целую литературу: ряд книг *Bonghi, Sachs'a, A.* Plebano, F. Nititi указан у Орси (стр. 328), а кроме того, см.: *Cucheval-Glarigny.* Les finances de L'Italie, 1866—1885 (1885); *Sombart W.* Die Handelspolitik Italiens (1892). По социальной истории Италии см.: *Sonnino.* I contadini in Sicilia (1876; ср. ниже в главе XVIII); *Pillari P.* Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia (1885); *Golajanni N.* Gli avvenimenti di Sicilia e loro cause (1896); *Он же.* Nel regno di Mafia (1900); *Анджиолини А.* История социализма в Италии (1907); *Breganze L.* Agostino Depretis ed i suoi tempi (1894). Литература по истории папства в 1870—1900 гг. указывается в гл. XX.

В момент занятия Рима войском Виктора-Эммануила подходило к концу первое десятилетие существования Итальянского королевства. Включение Рима в состав Италии произошло 3 октября 1871 г. по произведенному, вслед за 20 сентября, народному голосованию, а подобное же народное голосование в Неаполе и Сицилии (после более ранних голосований в Средней Италии) было 21 октября 1860 г. Образование единого национального королевства обошлось недешево итальянскому народу. Чего-нибудь да стоили две войны, которые пришлось вести с Австрией; немалых средств требовала необходимость содержать и в мирное время большие армию и флот; наконец, новое королевство приняло на себя долги упраздненных монархий, вообще очень плохо ведших государственное хозяйство и обременявших себя большими займами. Сама Сардиния еще до 1859 г. для своих вооружений наделала больших долгов: в 1847 г. ее долг определялся в 100 млн франков, в 1859 г. уже в 700 млн с лишком. Страна бедная, без развитой обрабатывающей промышленности, с крайне несовершенными аграрными отношениями, с невежественным населением, страна, в которой веками хозяйничали реакционный абсолютизм, клерикалы и аристократия, с трудом переносила увеличение налогов, к которому правительство объединенной Италии прибегало, чтобы выходить из постоянных финансовых затруднений. Правда, еще Кавур в Сардинском королевстве секуляризировал множество монастырей, и этому примеру следовало и правительство объединенной Италии, которое стало и распродавать секуляризованные земли, но этого было мало и приходилось вводить новые налоги. Особенно был недоволен народ тем, что в 1868 г. был восстановлен отмененный в 1859 г., вследствие крайней своей обременительности и непопулярности, налог на помол, создававший дороговизну хлеба. Начатая Кавуром политика поощрения обрабатывающей промышленности и торговли, соединенная с признанием государственного невмешательства в борьбу капитала и труда, обогащала известную часть общества, но для народной массы ничего зато не предпринималось ни правительством, ни национальным представительством, имевшим строго буржуазный характер: на 27 млн населения избирателей было лишь 600 тыс. Народ был беден до объединения и оставался бедным после объединения. Народным недовольством успешно пользовались враждебные правительству партии, т. е. и клерикалы, и республиканцы. Одним из симптомов экономической и культурной отсталости Италии было страшное развитие в ней, особенно в бывшем Королевстве Обеих Сицилий, бандитизма, находившегося в политическом отношении под влиянием сторонников абсолютизма. Бандиты терроризировали население вообще и, в особенности, сторонников единого королевства, но нередко бандиты находили сочувствие и поддержку и у мирных жителей.

Главным стремлением итальянских демократов в шестидесятых годах было овладеть Римом, хотя бы для этого нужно было повторить то же самое, что в 1860 г. было сделано с Сицилией и Неаполем. Но «римский вопрос» был не только внутренним, итальянским вопросом, но и вопросом внешней, международной политики. Католические государства и, в особенности, Франция были против присоединения Рима к итальянскому королевству. Виктор-Эммануил должен был даже заключить с Наполеоном III конвенцию, обеспечивавшую за папой власть над вечным городом и его областью. В 1862 и 1867 гг. Гарибальди делал попытки овладеть Римом со своими добровольцами, но оба раза он терпел неудачу (при Аспромонте и Ментане) и сам попадал в плен. Только с падением второй империи во Франции внешнее препятствие к присоединению Рима исчезло и Рим сделался столицей Италии. Первый период истории объединенного королевства итальянской нации окончился.

Историю Италии со времени присоединения Рима до конца XIX в. можно разделить на два периода, гранью между которыми является 1881 г., хотя это деление не совпадает ни с переменой царствования в 1878 г., ни со сменой у власти двух главных партий итальянского парламента. Что касается до царствовавших в Италии в последней трети XIX в. королей, то в указанном 1878 г., по смерти Виктора-Эммануила, на итальянский престол вступил его сын Гумберт I, царствовавший до последнего года XIX в., замена же правления правых, пользовавшихся властью с 1861 г., правлением левых произошло в 1876 г. На первый из указанных периодов позволено смотреть, как на естественное продолжение предыдущего десятилетия, потому что до 1881 г., в общем, итальянская политика шла по проложенному уже пути, и только с начала восьмидесятых годов эта политика круто поворачивает на новую дорогу, которую можно назвать стремлением к великодержавию. В настоящей главе и будет рассмотрен период 1870—1881 гг. Это был период окончательного устройства объединенного государства и финансовой расплаты по завершившемуся объединению, причем сохранялись прежние внешние отношения. До 1876 г., начиная еще с 1861 г., у власти стояли все одни и те же люди из конституционной правой (Мингетти, Селла, Риказоли, Фанти и др.), только различным образом комбинировавшиеся в разных министерствах, вследствие чего за ними упрочилась кличка «консортерии», т. е. котерии. Еще в шестидесятых годах левым, во главе которых стоял Ратацци, два раза (в 1862 и 1867 гг.) удавалось образовывать свои министерства, но они прочностью не отличались, просуществовав каждое приблизительно лишь по полугоду, а затем «консортерия» до 1876 г. правила страной без перерывов. Только в 1874 г. общие выборы впервые поколебали положение правой, указав на значительное усиление в стране оппозиции. Если политика правой определялась, главным образом, старой кавуровской традицией, то оппозиция,

наоборот, первоначально тяготела больше к гарибальдийству, но с течением времени ее радикализм стал все более и более сглаживаться и уступать место оппортунизму, очень похожему на политику правой, если только не принимать в расчет ненависть к клерикализму, оставшуюся неизменной. Выборы 1874 г. послали в палату 220 членов оппозиции на 288 голосов приверженцев правительства, но это большинство не было потом удержано министерством Мингетти: в одном голосовании по поводу новых налогов министерство потерпело поражение, когда же образовавшееся потом министерство бывшего гарибальдийца Депретиса распустило палату и назначило новые выборы, в палату явилось 385 министерских членов (кроме двадцати республиканцев) и всего лишь 94 депутата правой.

При рассмотрении распределения депутатов обеих партий по провинциям оказывается, что северные области более тяготели к правой¹, южные — к левой. Перевес, полученный в 1876 г. левыми, можно сказать, усилил политическое значение Юга, депутаты которого и вошли, главным образом, в новое министерство, причем следует еще отметить и то, что воздержание ревностных католиков от выборов по требованию папы значительно ослабляло правую. Левое большинство не было, однако, компактным: оно дробилось на отдельные фракции, между которыми по тем или другим вопросам возникали разные временные комбинации, что приводило к довольно-таки частым министерским кризисам, по крайней мере, частичным². Менялись при этом только лица, направление же оставалось неизменным и, в конце концов, настолько умеренным, что нередко министерство находило поддержку со стороны правой против более радикальной части левой, вожди которой («пентархия» Криспи, Кайроли, Никотера, Дзанарделли и Баккарини) сами тем не менее тоже вступали в сотрудничество с главным составителем министерств, Депретисом. В общем, проследить всю эту «внутреннюю политику» партийных интриг и комбинаций — задача крайне трудная и неблагодарная, потому что дело сводилось часто к чисто личному компетиторству бывших раньше гарибальдий-

¹ Пьемонтские депутаты были сначала на стороне левой, но когда столица была перенесена из Турина во Флоренцию, недовольные этим, они образовали особую партию, которая еще в 1869 г. примкнула к тогдашнему министерству правых.

² В декабре 1877 г. министерство Депретиса пало из-за министра внутренних дел Никотеры, но новое с Криспи, вместо Никотеры, было сформировано опять Депретисом, удержавшись лишь до марта 1878 г., когда образовалось министерство Кайроли, в котором уже в октябре были произведены существенные изменения и которое в декабре тоже пало. Преемником Кайроли был опять Депретис, но лишь на полгода (до июля 1879 г.), после чего премьерство опять перешло к Кайроли. Последний удержался у власти, в ноябре 1879 г., однако, образовав новое, коалиционное министерство в союзе с Депретисом, продержавшееся до 1881 г., когда (в мае) опять премьером сделался Депретис, оставшийся потом на своем посту до смерти (1887 г.). Впрочем, в течение и этих шести лет его министерство неоднократно выходило в отставку, но образование новых кабинетов постоянно поручалось тому же Депретису.

цами сицилийцев Депретиса и Криспи и неаполитанцев Никотеры, Кайроли и Дзанарделли. В левой всегда были своя временная министерская партия, и своя партия на сей раз оппозиционная, правая же в зависимости от обстоятельств то оказывала поддержку министерству, то, наоборот, присоединялась к оппозиции. Такое положение вещей делало короля верховным решителем министерских кризисов, что только содействовало продолжению старого приема Виктора-Эммануила оставаться самому закулисным двигателем всей правительственной деятельности при сохранении внешних форм парламентаризма. Рассматривая иностранную политику Виктора-Эммануила за это время, можно прийти к заключению, что, в общем, он предпочитал видеть во главе министерства человека, державшегося нужного ему направления в вопросах не внутренней политики, а политики внешней. Так было и при его преемнике Гумберте I.

Ввиду последнего обстоятельства следует бросить общий взгляд на внешнюю политику Италии в рассматриваемый период. Франция, как мы знаем, сначала помогала объединению Италии, получившей прямо из ее рук и Ломбардию, и Венецианскую область, но та же Франция потом мешала включению в состав королевства Рима и его области, что послужило потом помехой для заключения франко-итальянского союза. Поэтому отношение итальянцев к Франции было двойственное: на севере больше помнили и ценили первую роль Франции, на юге и в Римской области, наоборот, не забывали второй; правые симпатизировали Франции, у левых господствовала к ней антипатия. Кампания французских католиков в пользу восстановления папской власти, конечно, не могла содействовать усилению в Италии французских симпатий. Итальянское правительство, не становившееся после 1871 г. ни на сторону Франции, ни на сторону Германии, ввиду католической агитации во Франции не могло не начать подумывать о сближении с Германией, тем более, что уже был прецедент союза с Пруссией — в 1866 г. против Австрии. Такому сближению, однако, мешало то, что Пруссия и Австрия были теперь соединены узами приязни, тогда как в Италии еще хорошо помнили времена хозяйничанья в ней австрийцев, а наиболее пламенные патриоты, образовавшие партию «неискупленной Италии» (*Italia irredenta*), даже прямо мечтали отнять у Австрии южную часть Тироля и Триест с его областью, где господствует итальянский язык. Ирредентистская агитация особенно усилилась в министерство Кайроли, образовавшееся через два месяца после смерти Виктора-Эммануила, когда в Италии довольно открыто действовали ирредентистские кружки имени Барсанти, унтер-офицера, расстрелянного за неповиновение начальству. В Австрии косо смотрели на эту агитацию и подозревали, что Кайроли ее поддерживает, да и в Германии относились с подозрительностью к заведомо французским симпатиям этого министра. Виктор-Эммануил в последние годы своего царствования больше дер-

жался за Депретиса, симпатии которого склонялись на сторону Германии и который после короткого министерства Кайроли снова сделался министром (сначала один, потом в составе министерства своего соперника). Так дело тянулось до 1881 г., когда Депретис снова безраздельно стал управлять Италией и придал ее политике решительно германофильский курс.

Таково было общее политическое положение в Италии в рассматриваемый период. Перейдем теперь к частностям.

В момент занятия Рима военными силами Виктора-Эммануила в Италии власть находилась в руках министерства правых, во главе которого с 1869 г. стоял Джуованни Ланца и в состав которого входили министр иностранных дел Висконти-Веноста и финансов Селла, все трое державшиеся одного и того же направления в целях соблюдения строгой экономии в финансах и охраны свободы церкви по формуле Кавура: «свободная церковь в свободном государстве». Финансовый вопрос, как известно, ставился в Италии очень остро вследствие того, что ей очень дорого обошлось объединение и в смысле расходов на войны, и чрезвычайных трат на необходимейшие внутренние реформы. Пришлось делать постоянные займы и думать о покрытии ежегодных дефицитов, — впрочем, постепенно уменьшавшихся (с 353 млн лир в 1861 г. до 208 млн в 1872 г.), — а между тем усиление милитаризма после 1870—1871 г. не могло не коснуться и Италии, так как потребовалось введение всеобщей и обязательной воинской повинности и вообще сознана была необходимость реорганизации армии по прусскому образцу. Одним из мотивов вооружений, укрепления границ и постройки вокруг Рима системы фортов было опасение за неприкосновенность новой столицы против возможной попытки восстановить светскую власть папы.

Вопрос о новом положении верховного главы католической церкви, лишившегося своих владений, был другой заботой итальянского правительства начала семидесятых годов. Вопрос это был трудный, не только внутренне-итальянский, но и международный, поскольку папство является учреждением универсальным, в судьбах которого не могли не быть заинтересованными другие страны, в особенности католические нации и их правительства. В самом кабинете сначала не было полного единодушия по этому вопросу: Ланца стоял за применение принципа свободы церкви и за удовлетворение интересов других стран, Селла — за то, чтобы больше иметь в виду домашние интересы Италии, которые могут требовать некоторых репрессивных мер. В конце концов, восторжествовала первая точка зрения, что и привело к принятию итальянским парламентом 13 мая 1871 г., еще до перевода его из Флоренции в Рим¹, «закона о гарантиях». Этим законом за особой папы обеспечивалась такая же неприкосновен-

¹ В силу закона 26 января 1871 г., сделавшего Рим столицей королевства.

ность, какая принадлежала и королю, с предоставлением папе права и на вооруженную охрану. В обладании папы, со своего рода экстерриториальностью, были оставлены Ватиканский и Латеранский дворцы в самом Риме, а вне Рима летняя резиденция пап на берегу Альбанского озера, Кастель-Гандольфо, причем правительство должно было уплачивать папе ежегодную пенсию в 3 220 000 лир. Гарантировалась и полная независимость папства в его универсальной сущности, т. е. свобода выбора нового папы конклавом, свобода созыва соборов, беспрепятственность сношений с католическим духовенством во всем мире и с иностранными государствами посредством дипломатических миссий и т. п. В самой Италии за папой сохранялась полная духовная власть с правом издавать буллы и другие обращения к верным без правительственной цензуры, назначать епископов, — от которых даже не требовалось присяги светской власти, не то, что утверждения ею епископов в их должностях, — оставаться высшим руководителем разных духовных учреждений и т. п.

Пий IX и слышать не хотел о таком «нечестивом, нелепом и безумном» законе, изданном «подальпийским (subalpino) парламентом». Его энциклика, датированная 15 мая 1871 г., была формальным и торжественным протестом против нарушения его прав. Он объявил себя «узником» в Ватикане, отказался от каких бы то ни было сношений с агентами «узурпатора» и запретил верным чадам церкви принимать участие в выборах. На этот протест не было обращено никакого внимания: в июле 1871 г. в новую свою столицу торжественно въехал сам король¹ и переселились все министерства, в ноябре того же года в «вечном» городе в первый раз была открыта и сессия итальянского парламента. Пий IX до самой своей смерти (7 февраля 1878 г., через месяц после кончины Виктора-Эммануила) оставался непримиримым противником «Субальпинского» королевства — отношение, которое было унаследовано и его преемником, Львом XIII².

Закон о гарантиях был принят, как простой закон, т. е. ни в качестве дополнения к конституции, ни в качестве международного договора, который был бы только утвержден парламентом. В Италии было немалое опасение, что Франция, пожалуй, вступится за светскую власть. Даже разные не важные факты истолковывались в этом смысле³. В 1873 г. министерство, проводшее закон о гарантиях, побитое по поводу одного финансового во-

¹ «Вот мы и в Риме, — сказал Виктор-Эммануил на приветствие городского головы, — и мы здесь останемся». Королевской резиденцией сделался Квиринальский дворец.

² О положении папства подробнее см. в гл. XX.

³ Избрание Тьера, считавшегося недругом итальянского объединения, назначение им посла при Ватикане, отсутствие французского посла при въезде Виктора-Эммануила в Рим, обсуждение во французском национальном собрании епископской петиции в пользу восстановления светской власти папы, удержание в Чивитта-Веккии французского военного судна, которое могло бы служить убежищем для папы, переход власти во Франции, в 1873 г., к клерикалам и образование министерства Broglie, внезапный отзыв французского посланника при

проса, уступило место кабинету Мингетти, где впервые заговорили о возможности сближения с Австрией и Германией¹. До него, впрочем, было еще далеко. В 1875 г. Виктор-Эммануил даже обнаружил свое расположение к Франции во время известного эпизода с опасностью новой войны между Германией и Францией. Пока во Франции в 1877 г. не победили республиканцы, призрак «новой» римской экспедиции все еще продолжал тревожить итальянцев.

Кроме закона о гарантиях, итальянскому правительству пришлось улаживать и другие церковные дела. В 1872 и 1873 гг. итальянский парламент уничтожил теологические факультеты в государственных университетах и распространил на Римскую область действие ранее изданного закона о закрытии религиозных конгрегаций и отобрании в казну их имуществ. В 1873 г. в палату депутатов был внесен законопроект о введении обязательного гражданского брака, но обсуждение его было отложено ввиду сильного возбуждения, вызванного этим законопроектом². Подобные законы или проекты тем легче возникали, что при воздержании католиков от выборов клерикализм не мог иметь многочисленных представителей в палате. Только в 1872 г. в Неаполе, а в 1874 и в других местах (на этот раз по постановлению съезда католических ассоциаций) католики стали участвовать в муниципальных выборах, чтобы проводить в местные управления сторонников духовной начальной школы. По этому последнему предмету уже в министерство Депретиса-Никотеры был издан закон, вводивший обязательное обучение детей известного возраста (от 6 до 9 лет) везде, где для этого имеется достаточное количество школ, но без обязательности уроков закона Божьего. Так как, однако, правительство располагало лишь незначительными средствами для открытия новых школ, а старых было, в общем, недостаточно, то оговорка о факультативности была весьма существенным пунктом нового закона о народном образовании, для последнего невыгодным. Тем не менее народная безграмотность, составляющая одно из культурных зол Италии, стала все-таки уменьшаться. В 1871 г. более половины новобранцев (56%) были безграмотными, в 1881 г. — уже меньше половины (47%), причем понижение выразилось девятью процентами, но как медленно шло это понижение и в следующем десятилетии, видно из того, что в 1891 г. все еще сорок новобранцев из ста не умели читать и писать. Во всяком, однако, случае, закон 1877 г. имел важное принципиальное значение, потому что придавал школе светский

Квиринале, Фурнье, личного друга Виктора-Эммануила, и т. п. Lavis et Rambaud, т. XII, с. 285—286.

¹ В 1873 г. Франц-Иосиф пригласил Виктора-Эммануила в Вену на всемирную выставку; по настоянию Мингетти он принял приглашение и, кроме того, посетил Берлин. Ответные визиты последовали в 1875 г.

² Он был принят в 1878 г.

характер. Если мы примем в расчет только что упомянутые законы, имевшие своей целью ослабление влияния духовенства на народ, то должны признать, что и в Италии в годы церковной борьбы в Германии происходил свой «культуркампф», менее громкий, притом не оставшийся без влияния на последовавшее сближение Италии с Германией. Разница сводилась к тому, что в германском народном представительстве была сильная клерикальная партия, какой в Италии, при воздержании католиков от выборов, не было.

Пий IX оставался непреклонным насчет «*ne elettori, ne eletti*», и только его преемник, Лев XIII, снял этот запрет. Другая разница между германским и итальянским «культуркампфом» заключалась в том, что по многим пунктам итальянскому правительству приходилось быть уступчивее германского по той простой причине, что его положение было более щекотливым и требовало большей осторожности: для Германии папа был иностранцем, тогда как Италия была его отечеством, страной, где он жил, и тамошнему правительству нужно было оберегать себя от упреков в лишении папы возможности исполнять обязанности главы церкви; провозглашение принципа «свободной церкви в свободном государстве» все-таки обязывало и не позволяло стать на точку зрения подчинения церкви государству. Вот почему итальянское правительство не было так ревниво-строгое, как немецкое, в вопросе замещения епископских кафедр, предоставив папе в этом деле совершенную свободу и не обращая внимания на случаи некорректного поведения духовных лиц. Неутверждение Виктором-Эммануилом в угоду Пию IX закона, лишавшего семинаристов льготы по отбыванию воинской повинности, показывает, что уступчивость могла идти и со стороны самого короля.

У объединенной в форме конституционного королевства Италии, кроме католического клира, были внутренние враги и в лице республиканцев. Старый вождь «Молодой Италии», Мадзини, скончался в 1872 г. После того, как в 1867 г. Виктор-Эммануил принял против Гарибальди суровые меры по поводу его римского предприятия, Мадзини стал доказывать полную непримиримость стремлений итальянской демократии с правлением Виктора-Эммануила и с особым рвением агитировал за республику. Он не воспользовался и амнистией 1866 г., чтобы вернуться на родину, где его неоднократно выбирали в парламент. Он поехал было только в Сицилию, когда там в 1870 г. вспыхнуло республиканское восстание, но был арестован на пути и отправлен в Гаэту, откуда его, впрочем, через два месяца выслали за границу. Последние годы он жил в итальянской Швейцарии (в Лугано) и издавал газету «*La Roma del popolo*»¹, но умер в Пизе, возвращаясь на родину. Виктор-Эммануил не воспротивился отдаванию патриоту-

¹ «Рим и народ» (итал.). — *Прим. ред.*

республиканцу посмертных почестей, хотя торжественные его похороны (в Генуе) не могли не получить характера республиканской демонстрации. Гарибальди прожил после превращения Рима в столицу Италии немного более десяти лет (он умер в 1882 г.), но уже больной и старый. И по отношению к этому народному герою «король-джентльмен» старался держать себя самым корректным образом. Он очень хлопотал о том, чтобы снять с Италии упрек, что она не сумела избавить такого человека, как Гарибальди, на склоне его дней от стесненного материального положения. В 1874 г. парламент назначил Гарибальди большую денежную ренту, но тот ее отклонил ввиду плохого состояния итальянских финансов, и лишь два года спустя собственная его семья настояла на том, чтобы он принял эту пенсию. И Мадзини, и Гарибальди были, таким образом, слишком стары, чтобы играть крупную политическую роль. Криспи, пользовавшийся долгое время значением среди республиканцев¹, еще в шестидесятых годах перешел на сторону монархии, когда произнес сделавшиеся знаменитыми слова: «монархия нас соединяет, республика разделяет». Самой видной фигурой среди парламентских республиканцев сделался впоследствии поэт и драматург Кавалотти, родом из Милана, страстный противник австрийцев, гарибальдиец, потом публицист, громивший итальянское правительство, с 1873 г. депутат, ставший одним из самых видных ирредентистов. Среди итальянских демократов было всегда сильно тяготение к Франции, и оно могло только еще усилиться, когда во Франции окончательно победила республика. Наоборот, к Австрии, под «иглом» которой еще оставались итальянцы южной части Тироля и Триеста, тяготившиеся германизаторской политикой венского правительства, итальянские демократы продолжали питать прежнюю ненависть. Они не думали о возвращении Ниццы и Савойи или о присоединении Тессина, но южный Тироль и Триест, — на которые виды были еще у Кавура, — по мнению итальянских демократов, должны были быть отняты у Австрии. Кроме того, они с неудовольствием взирали и на новую Германскую империю, сделавшуюся союзницей Австрии и во внутренней своей жизни укреплявшей не те

¹ Во время сицилийской революции 1848 г. он был членом временного правительства и депутатом, но после подавления революции спасся бегством за границу. На родину он приезжал дважды с большой для себя опасностью в 1859 г. и в это время учил сицилийских революционеров готовить разрывные снаряды. Кроме того, он был инициатором и участником сицилийского предприятия Гарибальди, который даже сделал его министром внутренних дел и финансов. Перешедши на сторону монархии, Криспи продолжал, однако, оставаться представителем крайних левых взглядов и нападал на правительство за его отношение к Гарибальди. Это нужно помнить, когда будет идти речь о Криспи, как министре (в главе XVIII), а также иметь в виду, что в 1848 г. и много позднее он проповедовал братство народов и необходимость защищать слабые государства от насилия. См. о нем соч. V. Riccio (1887), Narjoux (1890), F. Cavallotti (*L'Italia sotto Crispi e la democrazia*, 1891), Hans Barth'a (1893), Margiotta (Fr. Crispi, son oeuvre néfaste, 1898) и Stillmann (Fr. Crispi, insurgent, exile, revolutionist and statesman, 1899).

порядки, которые могли быть симпатичны радикальной демократии. Понятно, что поездка короля в 1873 г. в Вену и в Берлин возбудила большое неудовольствие среди итальянских республиканцев, только еще усилившееся, когда стало замечаться все большее и большее сближение Виктора-Эммануила с обоими немецкими императорами. Раздражение против Австрии увеличилось в 1878 г., после того, как Берлинский конгресс наградил монархию Габсбургов новой областью¹.

К этому времени и относится начало движения, получившего название ирредентизма, поставившего своей целью искупление или освобождение итальянских братьев из-под власти Австрии. В 1878 г. в Италии происходили ирредентистские митинги под председательством Кавалотти, Менотти Гарибальди (сына народного героя) и других вождей демократии. Депретис, сам когда-то гарибальдиец, боролся с этим движением разными полицейскими мерами, но когда у власти был Кайроли, он относился к движению снисходительно, чем и вызывал против себя нарекания. Мы сейчас будем еще говорить о проявлениях в Италии конца семидесятых годов народного недовольства, вызывавшегося экономическими причинами, а пока отметим, что это недовольство было хорошей почвой для революционной агитации. В 1878 г., в том самом, в котором было два покушения на жизнь Вильгельма I, подвергся покушению и только что начавший царствовать в Италии Гумберт I. Именно 17 ноября король с министром Кайроли проезжал в открытой коляске по улицам Неаполя, когда некто, по имени Пассананте, бросился на Гумберта I с кинжалом. Хотя министр принял удар на себя и даже был ранен, это не спасло его от нареканий в попустительстве по отношению к демократической агитации. За этим покушением последовал ряд других преступлений, некоторые из которых так или иначе были направлены против Австрии. Так, в 1882 г. в Австрии один итальянский студент с немецкой фамилией Оберданка делал приготовления к убийству Франца-Иосифа, за что подвергся казни; в память Оберданка его имя стали принимать ирредентские кружки в Италии. В подобном же преступлении обвиняли в Австрии одного итальянца-аптекаря, но он спасся бегством в Италию, где был оправдан судом присяжных. К той же категории проявлений ненависти к Австрии относится случай с подброшенным под здание австрийского посольства в Риме разрывным снарядом (1883 г.). Подобного рода эпизоды одно время даже очень мешали установлению хороших отношений между венским и римским правительствами.

Недовольство народной массы в Италии, о котором мы упомянули, было следствием ее тяжелого материального положения, являвшегося, правда, наследием старого режима, но не обращавшего на себя достаточно

¹ См. ниже, в гл. XII.

внимания и при новом режиме. Народ изнывал под тяжестью налогов и с особенной ненавистью относился к пошлине на помол. Когда левая была в оппозиции, она только и делала, что спрашивала, скоро ли правительство сочтет возможным отменить этот налог, но, очутившись сама у власти в 1876 г., не знала, где же найти более 75 млн ливров, получавшихся казной с населения в виде указанной пошлины. Между тем экономная политика правой привела к тому, что дефициты из бюджета исчезли, а потом начались и превышения доходов над расходами — миллионов в десять и даже больше в год, а в 1881 г. и прямо в 21 млн. Это улучшение финансового положения позволило министерству провести в палатах полную отмену пошлины за помол с возмещением получавшегося от нее дохода другими косвенными налогами¹. На общее улучшение финансового положения Италии указывало и то, что в 1881 г. сделалась возможной отмена принудительного курса бумажных денег. В истории итальянских финансов это было временем процветания, за которым с 1884 г. последовал период, наоборот, быстрого падения по наклонной плоскости дефицитов.

Благополучие государственного казначейства еще не обозначает благополучия среди самого населения. Пользуясь его недовольством против правительства, ничего не делавшего для подъема народного благосостояния, в массах довольно деятельно агитировали и республиканцы и интернационалы. В Италии особенно энергично и успешно велась бакунинская пропаганда. 1873 г. оказался очень тяжелым в экономическом отношении вследствие постигшего Италию недорода. В 1874 г. страну охватило народное движение, выразившееся в стачках, которые были здесь почти что новостью, и в беспорядках по поводу дороговизны съестных припасов. Вот этим народным брожением и задумали воспользоваться как республиканцы, так и интернационалисты, среди которых особенно видную роль играл Кафиеро, большой поклонник Бакунина, отдавший на дело революции свои очень большие денежные средства. Дело приготовления восстания велось втайне, но полиция выследила заговорщиков-республиканцев и многих из них арестовала. Местом начала восстания бакунинская партия назначила Болонью, куда явился и сам Бакунин: были в окрестностях города заготовлены ружья и патроны, в самом городе — материалы для быстрого сооружения баррикад, и на стороне заговорщиков были два унтер-офицера, обещавшие открыть арсенал; конечно, былработан и план внезапного ночного нападения на Болонью. Какой-то доносчик предупредил начальство, заговор не удался, Бакунину пришлось спастись бегством. Подготавливавшиеся вспышки инсurreкции и в других местах тоже потерпели неудачу. Движение окончилось полным поражением: начались репрессии, аресты, высылки, закрытия демократических об-

¹ На водку, керосин и дворянские титулы (!).

шеств, потом судебные процессы, обвинительные приговоры и специальные гонения на Интернационал. В 1877 г. была сделана новая инсurreкционная попытка в Южной Италии («беневентская банда»), и независимо от нее во многих местах происходили народные волнения по поводу дороговизны съестных припасов, безработицы и т. п. Революционные организации все время не прекращали своей деятельности, продолжая агитировать, устраивать повстанческие банды и т. п., все еще под знаменем бывшего Интернационала. Пассананте, совершившего покушение на короля, они не считали своим, но его покушение послужило поводом для новых обысков, арестов и репрессий, особенно после того, как кто-то бросил орсиниевскую бомбу¹ в процессию, выражавшую на улицах Флоренции радость по поводу спасения короля от руки убийцы, и в результате были убитые и раненые. Это новое преступление приписали интернационалистам, тогда как сами они готовы были видеть в брошенной бомбе лишь полицейскую провокацию. По этому делу были и осужденные. Это революционное движение в Италии семидесятых годов преимущественно шло под знаменем Интернационала в его бакунинском, анархистском понимании. Итальянские народные массы хватались за революционные лозунги интеллигентных интернационалистов, думая путем восстаний добиться улучшения своего положения, но сила недовольства в этих массах совершенно не соответствовала ни степени разумения целей и средств, ни степень организованности и дисциплины: пожалуй, даже ничего этого не было. Мало-помалу и в интеллигентных вожаках революции, и в увлеченных их обещаниями рабочих стало проявляться разочарование: первые впоследствии начали все более и более переходить на сторону «научного социализма» Маркса, другие — возлагать свои надежды на профессиональные организации. Восьмидесятые годы в истории социального движения в Италии резко отличаются поэтому от семидесятых, хотя анархизм, появившийся здесь в семидесятых годах, дал еще немало ярких проявлений и после 1880 г.²

¹ Названа так по имени итальянского революционера Феличи Орсини, совершившего 14 января 1858 г. покушение на Наполеона III. — *Прим. ред.*

² История Италии в восьмидесятых и девяностых годах рассматривается в главе XVIII.

XI. Борьба национальностей в Австро-Венгрии после введения дуализма¹

¹ Для истории Австрии, до 1866 г. входившей в состав Германии, с конца сороковых до середины шестидесятых годов XIX в. см. гл. XXI—XXIII и XXVIII пятого тома «Истории Западной Европы», равно как соответствующий отдел в первой главе настоящего тома, где даны и указания на литературу по австро-венгерскому конституционализму. Для эпохи, рассматриваемой в настоящей главе и в гл. XIX см.: *Mischler-Ulbrich*. Österreichisches Staatswörterbuch; *Kolmer G.* Parlament und Verfassung in Österreich (в пяти томах рассмотрены периоды: 1848—1869, 1869—1879, 1879—1885, 1885—1891 и 1891—1895 гг.); *Rogge*. Österreich seit der Katastrophe Beust-Hohenwart (1879); *Dr. D. Rauter*. Gesch. Österreichs von 1848—1890. Skizze mit besonderer Berücksichtigung der Verfassungsentwicklung; *Charmatz R.* Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907 (в первой, только что вышедшей в свет части изложение доведено до 1879 г.); *Dantscher*. Der monarchische Bundesstaat Österreich-Ungarn (1880); *Gumplowicz L.* Das österr. Staatsrecht (1891); *Whitman G. S.* The realm of the Habsburgs (1893); *Kramár K.* L'avenir de l'Autriche // *Revue de Paris*. 1898; *Springer*. Grundlagen und Entwicklungsziele der Öst.-Ung. Monarchie (1906); *Wiener Fr. v.* Über Vergangenheit und Zukunft der österreichischen Verfassung (1908). Последние три работы имеют публицистическое значение. По истории специально «Ausgleich'a» с семидесятых годов: *Ungarn und Deutschland*. Zwanglose Hefte zur Vermittelung des richtigen Verständnisses zwischen beiden Nationen (1872); *Thun Gr. L.* Zur Revision des ungarischen Ausgleiches (1877); *Helfert B.* Revision des ungarischen Ausgleiches (1876); *Adamek K.* Uhry a Rakousko. Národohospodářské a statistické rozhledy (1891); *Fiedler Fr.* Rakousko-uherska vyrovnání po r. 1878 (1903); *Springer*. Die Krise des Dualismus und das Ende der Deakistischen Episode in der Geschichte der Habsburgischen Monarchie (1904); *Roenner K.* Die Krise des Dualismus (1904; брош.); *Count Apponyi A.* A brief sketch of the Hungarian constitution and the relations between Austria and Hungary (1908). Особенно богата литература по этнографии Австро-Венгрии: *Die Völker Österreich-Ungarns* (1881 и след.); *Auerbach B.* Les races et les nationalités en Autriche (1898); *Флоринский Т.* Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства (1907). В первом томе указанного выше сборника под заглавием «Česká politika» для вопроса об австро-венгерских национальностях есть очень обстоятельные статьи: 1) «Rakousko-Uhersko po stránce národnosti», первую часть которой, историческую, написали *Lubor Niederle* и *Fr. Hýbl*, а вторую, статистическую, — *T. Živansky*, и 2) «Národnosti a jazyková otázka v Rakousko-Uhersku», первая половина которой (о Цислейтании) написана *Ed. Koerner'*ом, вторая — *K. Kadlec'*ом. Обе статьи — с богатыми указаниями на научную и публицистическую литературу. Кроме того, укажем по национальному (и языковому) вопросу в монархии Габсбургов: *Helfert J. A.* Die sprachliche Gleichberechtigung in der Schule und deren verfassungsmässige Behandlung (1861); *Eötvös J. Frhr. von*. Die Nationalitäten-Frage (1865; пер. с венг. рукоп.); *General Tierr*. Die Nationalitätenfrage in ihrem Zusammenhange mit der Wehrfrage (1868); *Dr. Fischhof Ad.* Der öster. Sprachenzwist (1888); *Sine ira*. Der sogenannte Sprachenkampf in Österreich. (1888); *Die Verfassung als die Quelle des Nationalitätenhaders in Österreich. Studie eines Patrioten* (1897); *Madeyski*. Die Nationalitätenfrage (1898); *Onciul*. Zur österreichischen Sprachenfrage (1898); *Czernin*. Der 'Nationalitäten- und Sprachenstreit in Österreich (1900); *Лозинский С.* Политические партии и национальный вопрос в Австрии (1907); *Schücking W.* Das Nationalitätenproblem. Eine politische Studie über die Polenfrage und die Zukunft Österreich-Ungarns (1908); *Springer R.* (псевдоним К. Реннера, пишущего еще под псевдонимом Синоптикус), автор названной выше книги «Grundlagen» и пр., по национальному вопросу написал: «Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat» (русск. пер. Р. Шпрингер. Национальная проблема. Борьба национальностей в Австрии, 1909) и *Synopticus*. Staat und Nation (два русск. пер. Вл. Жаботинского и М. Ратнера, 1907). Между прочим, специально трактуют вопрос с социалистической точки зрения: *Герц Фр.* Социализм и национальный вопрос (ст. в сборнике «Задачи социалистической культуры», 1907; есть и в отд. оттиске);

Централизм, дуализм и федерализм в монархии Габсбургов. — Сложность истории этой монархии в последней трети XIX в. — Влияние германской политики с 1871 г. на внутреннюю жизнь Австро-Венгрии. — Министерство Андраши. — Выгодное для Венгрии положение, какое она заняла в монархии после установления дуализма. — Мадыаризация населения Венгрии. — Слабость венского рейхсрата, разделенного на национальные партии. — Замена Гогенварта Ауэрспергом в австрийском министерстве. — Избирательные порядки в Австрии и реформа 1873 г. — Исторические права и национальные стремления отдельных габсбургских коронных земель. — Местные политические партии. — Чешско-немецкие отношения в Богемии. — Перипетии вопроса о Пражском университете. — Польско-руси́нские отношения в Галиции

Самым сложным и запутанным, а потому и самым трудным внутренним вопросом монархии Габсбургов со времени превращения ее в двухдвину́ю Австро-Венгрию, — как, впрочем, и прежде, — был вопрос национальностей. Уже в 1848 г. в венском учредительном сейме, в котором не было представителей ни Венгрии, ни Ломбардо-Венецианского королевства, насчитывалось восемь национальностей: немцы, чехи, сербохорваты (из Далмации), словенцы, поляки, русины (из Галиции), итальянцы (из Истрии) и валахи (из Буковины), и уже здесь обнаружился сильный антагонизм между немецкой, до того времени господствовавшей национальностью, и славянскими народностями, которые раньше находились в подчиненном положении, но уже начали возрождаться к исторической жизни¹ и в сейме 1848 г. имели даже большинство. До революции сорок восьмого года австрийское правительство держалось строго централисти-

Бауер О. Национальный вопрос и социал-демократия (1908). Можно назвать еще ряд публикаций по вопросу о положении и значении немецкого элемента в монархии Габсбургов: *Teifen T. W.* Die Besitzenden und die Besitzlosen in Österreich (1906; есть русск. пер. 1907 г.); *Dr. Fischhof Ad.* Österreich und die Bürgschaften seines Bestandes (1869); *Die Deutschen in Österreich. Ihre nationale Stellung und ihre politischen Aufgaben* (1879); *Julius K.* Die Deutschen in Österreich-Ungarn und ihre Bedeutung für die Monarchie (1879); *Dr St. Poray Ritter v. Madeyski.* Die deutsche Staatssprache oder Österreich ein deutscher Staat (1884); *Die Deutschen im Nationalitäten-Staat Österreich* (1887); *Hainisch.* Die Zukunft der Deutsch-Österreicher (1892); *Heykner.* Книга с тем же заглавием (1893); *Weil.* Le pangermanisme en Autriche. Наконец, для истории Венгрии, ее устройства и мадыаризации славян: *Patterson A.* The Magyars, their country and its institutions (1870); *Bertha A. de.* La Hongrie moderne, de 1849 à 1901; *Sinković A.* Kroatien auf der Marterbank oder wichtige Enthüllungen über die politische Action der ungarisch-kroatischen Regierung in jüngst verflossener Zeit (1872); *Воллан Г. А. де.* Мадыары и национальная борьба в Венгрии (1877); Ältere und neuere Magyarisirungs-Versuche in Ungarn mit besonderer Rücksicht auf die Slovaken (1876). — *Pić.* Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht (1882); Die magyarische Staatsidee, Kirche und Nationalitäten in Ungarn. Geschildert von einem Slovaken (1887); *Káral K.* O mad'arizaci Slovenska // Osvěta. 1898; *Mailât Gr. J.* Hungaricae res: I. Die Nationalitäten in Ungarn. II. Ungarn und Österreich. III. Ungarn und Kroatien (1908); *Scotus Viator (Watson S.).* Racial problems in Hungary (1908). См. также книжку *Mercator'a*, на которую ссылки делаются ниже. Соч. по истории чехов, поляков и руси́нов в Австрии указываются ниже.

¹ См. в V томе гл. XVII (о славянском возрождении в первой половине XIX в.).

ческой и германизаторской политики, вместе с тем поддерживая междуплеменные распри среди отдельных частей населения. В такой тактике, пожалуй, заключалась чуть не вся государственная мудрость эпохи. «Мои народы, — говорил первый “австрийский” император Франц I французскому послу, — мои народы чужды один другому, но тем лучше... Я посылаю венгров в Италию, а итальянцев в Венгрию, и каждый стережет своего соседа. Они не понимают друг друга и друг друга ненавидят. Из их антипатии друг к другу рождается порядок, и их взаимная ненависть служит основанием общего мира». Известно, какую выгоду извлекла династия Габсбургов из ненависти одних ее подданных к другим и насколько междуплеменной антагонизм способствовал продлению абсолютизма в Австрии. И для установления в этой монархии конституционного режима вопрос национальностей создавал немало затруднений, тем более что правительство долго не могло решительно стать на определенную точку зрения относительно этого вопроса. Династия Габсбургов, одна из старейших во всей Европе, была династией чисто немецкого происхождения и всем своим прошлым была связана с германизмом. Уже Иосиф II в конце XVIII в. серьезно занялся германизацией не-немецких частей своей монархии, а с начала XIX в., когда эта монархия, бывшая до того времени конгломератом королевств и княжеств, превратилась в единую Австрийскую империю, централизм и германизация сделались основными директивами ее внутренней политики. За централизм стояли и австрийские немцы, желавшие сохранить в монархии господствующее положение, но эти же самые немцы были либералы и хотели конституции, которой династия, наоборот, не хотела. Славяне были, в общем, гораздо консервативнее немцев и поэтому представляли собой более надежную опору для правительства, которому, однако, с другой стороны, не могли нравиться их антицентралистические стремления.

Особенно сильны были центробежные стремления в Венгрии. Не одна Пруссия не всеми частями своими входила в состав Германского союза. Восточная его граница совпадала со старой границей Священной Римской империи, в состав которой земли короны святого Стефана, т. е. Венгрии, не входили, как, наоборот, входили земли короны святого Вацлава, т. е. Чешское королевство. Богемия, Моравия и оставшаяся за Австрией часть Силезии прямо считались германскими землями Австрии, ибо издавна составляли часть средневековой Римско-германской империи, имели местами немецкое население или онемеченное дворянство, отчасти и городское сословие, а после белогорской битвы 1620 г. утратили былую политическую самостоятельность. В Венгрии германизация была явлением и более поздним, и менее развитым, да и сейм венгерский не испытал той печальной судьбы, какая выпала, например, на долю сейма чешского. Во всяком случае, в пользу дуалистического устройства монархии

существовала более прочная историческая традиция, чем в пользу устройства федералистического — в его старом значении, имевшем свою опору в исторических правах отдельных областей, а не в новом значении национального самоопределения, ведущем свое происхождение от Французской революции с ее декларацией прав человека и гражданина, из которой вытекало и право каждого народа на независимость и свободу или, как теперь принято выражаться, на самоопределение.

Борьба, которую вели против централизационной политики венского правительства не-немецкие народности Австрии, была борьбой областного сепаратизма против целокупного государства (*Gesamtstaat*) во имя исторического права, во имя прежних местных привилегий, которыми в прежние времена были, в сущности, привилегии сословий, пользовавшихся представительством в земских сеймах. Австрийский федерализм на первых порах был скорее федерализмом территориальным, чем национальным, да и в позднейшие времена, например, чешские националисты стремились не к равноправию чехов и немцев в Богемии, а к тому, чтобы на территории, границы которой были границами короны святого Вацлава, господствовал чешский язык и в тех притом частях этой территории, где население было уже вполне немецким. Федералисты в Австрийской монархии стремились больше воскресить историческую старину (например, бывшее государственное право, *statní právo* Чехии), чем создать новые отношения. Венские централисты смотрели на эти стремления, как на областной сепаратизм, который уничтожал всю историческую работу габсбургского государствовоительства, игнорируя, однако, что народности, имеющие собственные языки и культурные особенности, равно как и свои исторические предания, не могут быть втиснуты в однообразные рамки, какие на них накладывал германизаторский централизм.

И в конце сороковых годов, и в начале шестидесятых австрийское правительство колебалось между принципами централизма, дуализма и федерализма, пока своего рода компромиссом между ними не явилась конституция 1867 г., ставшая на точку зрения дуализма по отношению ко всему составу монархии, а по отношению к австрийской ее половине создав нечто среднее между централизмом и федерализмом. По крайней мере, ни то, ни другое начало не получило в австрийской конституции преобладающего значения.

Все это должно было найти свое фактическое выражение в крайней сложности истории монархии Габсбургов в последней трети XIX в. и, конечно, в наши также дни. Выступая во внешней политике¹, как монархия, руководимая единой волей, во внутренней своей жизни это государство

¹ *Kramař K. Rakouská zahraniční politika v XIX stol.* (в изд. «Česká Politika», т. I, с. 89—180, где рассматривается время «od bitvy u Sedmí do doby nejnovější»); *Charvatz R. Deutsch-österreichische Politik. Studien über Liberalismus und über die auswärtige Politik Oesterreichs* (1907);

оправдывает свое двойственное, с 1867 г., название «Австро-Венгрия», причем своя, так сказать, отдельная история есть не только у каждой из этих двух половин монархии, но имеют свою особую историю и их взаимные отношения: одно — история того соглашения, которое между Австрией и Венгрией установила конституция 1867 г., другое — внутренняя история одной Австрии, третье, совсем особое — внутренняя история одной Венгрии. На этом дело не останавливается: кроме истории 1) общей австро-венгерской внешней политики и 2) взаимных отношений между Австрийской империей и Венгерским королевством, равно как отдельно взятых историй 3) австрийской и 4) венгерской, и в каждой из двух последних, — в особенности же в первой из них, — нужно еще принимать в расчет истории, по крайней мере, некоторых отдельных «королевств и земель», населенных разными национальностями. В современной Германской империи мы тоже, кроме истории ее, как единого целого, можем еще интересоваться более местной историей Пруссии, Саксонии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и т. д., тем более, что все это как-никак отдельные государства, имеющие особых монархов и свои парламенты, тогда как в Австро-Венгрии государь — один и если в монархии два парламента, то все эти Богемии, Галиции, Хорватии имеют лишь областные сеймы, лишённые политического значения. А между тем в Германии в одном отношении гораздо больше единства, чем в Австро-Венгрии. Пусть в Германской империи около двух десятков государей, столиц и парламентов, но все-таки это — единая нация, какие бы племенные отличия ни существовали в немецкой народности и как бы ни был еще развит местный патриотизм с его партикуляристическими стремлениями. В Австрийской империи, т. е. в Цислейтании один монарх, одна столица, один парламент, но целый ряд народностей с разным историческим прошлым, с глубокими различиями в настоящем и с очень неодинаковыми стремлениями по отношению к будущему. Особенно из всей совокупности австрийских земель выделяются две не-немецкие территории, из которых одну составляют Богемия¹ и Моравия

Chéradame A. L'Allemagne, la France et la question d'Autriche (1902); *Он же.* L'Europe et la question d'Autriche au semi du vingtième siècle.

¹ По-русски Богемию можно называть и Чехией. Первое название (*нем.* Boehmen) вообще более распространенное, имеет чисто географическое значение, тогда как другое (*чеш.* Čechy, т. е. чехи) — значение этнографическое и в этом последнем смысле может быть распространено и на Моравию (*чеш.* Морава) с австрийской Силезией (*чеш.* Slézsko); вместе взятые Богемия-Чехия, Моравия и Силезия самими чехами обозначаются, как «чешские земли», причем первая пользуется титулом королевства (*králeství*), вторая — маркграфства, третья — герцогства. Для внутренних отношений Чехии в этом более обширном смысле см. специально ей посвященный особый том известного «Научного словаря Отта» (*Ottuv Slovník naučný*). Кроме того, отсылаем к некоторым трудам, названным выше (особенно изд. «Česká politika»); *Helfert J. A. Frhr. von.* Die böhmische Frage in ihrer jüngsten Phase (1873); *Srb A.* Bohemicae res. Zur Abwehr deutsch. nationaler Angriffe (1884); *Он же.* Boj za naše právo národní (1888); *Он же.* Deutscher Terrorismus bei der Volkszählung in Böhmen im Jahre 1890 (1894); *Kalousek.* Česke státní

с чешским большинством населения, другую — Галиция¹ с населением наполовину польским, наполовину малорусским (русинским, или украинским). Венгрия тоже включает в своем составе обособленную в национальном отношении область — Хорватию. Не говорим о более мелких народностях обеих половин монархии. Каждая из этих отдельных национальностей имеет свою особую внутреннюю историю, и взаимные их отношения как в отдельных областях (например, между немцами и чехами в Богемии или поляками и русинами в Галиции), так и во всей Австрийской империи или во всем Венгерском королевстве² тоже составляют одну из важных сторон истории государства Габсбургов. Можно даже сказать, что национальный вопрос или, вернее говоря, национальные вопросы, главным образом, и оказывают главное давление на всю внутреннюю политику этой монархии.

С общим направлением внешней политики Австро-Венгрии в первой половине семидесятых годов XIX в. мы отчасти уже познакомились выше, отчасти будем еще говорить об этой политике за все семидесятые годы в других местах³. Главное в этой политике — это сближение с Германией, искусно устроенное Бисмарком. Обе державы могли бы сильно вредить одна другой, если бы, например, католическая Австрия в эпоху «культур-кампа» стала поддерживать своих германских единоверцев, как, в свою очередь, если бы объединенная Германия стала агитировать в направле-

právo (1871; 2-е изд. 1892); Čelakovský. České dějiny právné (1892; *Srb.* Politické dějiny národa českého od roku 1861 až do nastoupení ministerstva Badenova r. 1895 (1899—1901); *Masaryk T.* Česká otázka; *Он же.* Naše nynější krise (1895); *Kramář K.* Anmerkungen zur böhmischen Politik (1908; рассматривается 25-летие от Бадени до Кепбера); *Penížek J.* Aus bewegten Zeiten — 1895 bis 1905 (1908); *Bourlier J.* Les tchèques et la Bohême contemporaine.

¹ Официальное название — «королевство Галиции и Лодомерии» и «великое герцогство Краковское». Как общие труды по истории Галиции в последней трети XIX в. можно рекомендовать: *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi, 1846—1906 (1907). В этом двухтомном труде дается краткий очерк истории Галиции от ее присоединения к Австрии, делающийся несколько более подробным, начиная с событий 1846 и 1848 гг.; *Студницкий Вл.* Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней (1908), гл. XI: «Австрийская Польша и ее отношение к Австрии»; *Василевский Л.* Современная Галиция (1900); *Он же.* Современная Польша и ее политические стремления; *Грушевский М.* Очерк истории украинского народа (1904; главы XXIII и XXIV); *Франко И.* З останніх десятиліт XIX віку («Литер.-науч. вестник» за 1901 г.); *Dembicki L.* Z historyi XIX wieku; *Rapacki Wł.* Ludność Galicyi (1874). По отдельным вопросам: *Studnicki.* O wyodrębnieniu Galicyi; *Ruś Galicyjska, jej separatyzm, przyczyny tegoż z dziajanja i skutki.* Napisał Rusin (1888); *Sulima A.* Polityka polska a skarga rusinów (1880); *Szczepanowski.* Nędza w Galicyi (1888); *Krzyżanowski A.* Die Grundbesitzvertheilung in Galizien (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1895); *Daszyńska-Golińska Z.* Własność rolna w Galicyi (1900); *Lipszyc M.* Wirtschaftliche Studien aus Galizien (1901); *Światłomir.* Ciemnota Galicyi w świetle cyfr i faktów; *Kumaniecki K.* Szkolnictwa ludowe w Galicyi wobec analfabetyzmu (1906). Польский труд Т. Буяка «Галиция», первый том которого вышел в свет в 1908 г., имеет чисто описательный характер и притом касается отношений уже 1900—1906 гг.

² Кроме мадяро-хорватских отношений, имеют, например, важность и хорвато-итальянские.

³ См. ниже, в главах XII и XIII.

нии дальнейшего объединения среди немецких подданных Габсбургов. Оба правительства как бы сошлись на том, чтобы, поделив между собой немецкую нацию, не поднимать вопросов, которые могли бы их разделять, а помогать друг другу против всех врагов, не нарушать установившихся политических отношений, поскольку последние для обоих были выгодны. Это соглашение между двумя немецкими династиями не могло не отразиться неблагоприятным образом на славянских подданных Габсбургов. Мы еще увидим, что в 1871 г. цислейтанское министерство Гогенварта начало делать шаги, благоприятствовавшие стремлениям славян, но Бисмарк был наименее склонен допустить какое бы то ни было славянизирование венской политики, которое было бы только на руку России. Конечно, и сам Франц-Иосиф всегда оставался в душе немцем и особенно дорожил верноподданническими чувствами австрийских немцев, отвергавших уступки славянам. Как Бейст ни ненавидел Пруссию, он не был ни другом славян, ни сторонником союза с Россией, понимая вместе с тем хорошо, что раздражение немецких подданных Франца-Иосифа может лишь содействовать пропаганде пангерманизма в немецких областях Австрии. Во время двух своих свиданий с Францем-Иосифом в 1871 г. в Ишле и в Зальцбурге Вильгельм I старался его убедить, что, собственно говоря, Австрии оказана услуга устранением от нее забот о германских делах и что, с другой стороны, Германская империя может оказать могущественную поддержку немецкому элементу в Австрии против славянского напора. При этом Вильгельм I намекал Францу-Иосифу, что нужно было бы убрать Бейста, с которым как раз в это же время Бисмарк говорил о необходимости устранить Гогенварта, параллельно с этим ведя переговоры с Андраши об условиях его вступления во власть вместо Бейста. Дипломатическая интрига удалась как нельзя лучше. После некоторого колебания Франц-Иосиф в том же году, по настоянию Бейста, дал отставку Гогенварту, решившись нарушить все обещания, сделанные славянам, а несколько дней спустя совершенно неожиданно для себя получил отставку и сам Бейст, место которого занял Андраши. Федералистическое направление, какое начинала принимать внутренняя политика Франца-Иосифа, уступило место строгому дуализму к выгоде для Германии и Бисмарка и к выгоде для Венгрии и Андраши, к невыгоде же только славянских подданных Франца-Иосифа. Таково было для австрийских славян значение первых только шагов, сделанных венским правительством в смысле сближения с Берлином.

Замечательно самое прошлое нового, с 1871 г., австро-венгерского министра иностранных дел. В молодых годах гр. Юлий Андраши был членом сейма 1847—1848 гг., участвовал потом в военных действиях против императорских войск, ездил с поручением от революционного правительства в Константинополь, за что после усмирения венгерского восстания был приговорен заочно к смертной казни посредством повешения. Ему уда-

лось спасти себя от этого своевременным бегством. Изгнание продолжалось более десяти лет, так как только в 1860 г. мать выхлопотала ему разрешение вернуться на родину. В 1861 г. он был выбран в сейм, в котором присоединился к партии Дзака¹, а когда состоялось австро-венгерское соглашение 1867 г., он даже сделался председателем самостоятельного министерства и министром государственной обороны. О близости его к Францу-Иосифу в эти годы свидетельствует то, что последний брал его с собой в свои путешествия в Париж на всемирную выставку 1867 г. и в Египет на открытие в 1869 г. Суэцкого канала, как брал с собой и в семидесятых годах в Берлин, в Санкт-Петербург, в Венецию, в Рейхштадт на свидания с германским, русским и итальянским государями². Во время франко-германской войны, когда Франца-Иосифа некоторое время соблазняла мысль о возможности расплаты с Пруссией за 1866 г., Андраши выступил одним из самых горячих сторонников нейтралитета Австрии в этой войне, а потом, как мы только что видели, сделался ревностным сторонником сближения с Германией. Отставка Бейста и назначение на пост министра иностранных дел (и императорского двора) Андраши знаменовали собой решительный поворот политики венского правительства на новый путь. О дальнейшей деятельности Андраши, остававшегося на своем посту до осени 1879 г., речь будет идти еще впереди³, но до самого конца она сохраняла свой основной характер установления возможно большей близости между Веной и Берлином.

В этом новом направлении венской политики весьма важное значение принадлежало тому обстоятельству, что австро-венгерским министром иностранных дел был не немец, а мадьяр. Только человек этой национальности, вообще не немец, у которого могла бы еще сидеть в голове великогерманская идея, и вдобавок чисто мадьярский патриот, понимавший, что для Венгрии устранение Австрии из Германии положительно было выгодой, мог так легко отказаться от политики соперничества Габсбургов и Гогенцоллернов.

Само сближение Австро-Венгрии с Германией, как-никак ставившее монархию Габсбургов в известную зависимость от империи Гогенцоллернов, гораздо менее давило на внутреннюю политику Венгрии, нежели на внутреннюю политику другой половины монархии. Поддерживая в Австрии германизм против славянства, Германия оказывала на цислейтанские дела такое влияние, какого не могло, да и не имело надобности, оказывать на дела Транслейтании. Австро-венгерское соглашение разделило власть в монархии между немцами и мадьярами, но немцы все-таки не

¹ Дзак — венгерский патриот, действовавший еще с Кошутом, а впоследствии подготовивший соглашение 1867 г.

² Об этих свиданиях см. выше, кроме рейхштадтского, о котором ниже в гл. XII.

³ В гл. XII и XIII.

могли не чувствовать себя частью великого племенного целого, центр тяжести которого лежал за пределами монархии, тогда как у себя в Венгрии мадьяры были вполне цельной и независимой народностью.

В качестве «реальных политиков» мадьяры очень хорошо понимали свое новое положение в государстве и пользовались всеми случаями, чтобы добиться в двуединой монархии не только «паритета», но и перевеса¹. В интересах дуализма во времена Андраши мадьяры желали, чтобы в другой половине монархии господствовали немцы, но это не значит, чтобы они отдавали предпочтение немцам, как таковым, а не потому, что в рейхсрате немцам тогда принадлежало большинство, славяне же относились к дуализму неприязненно². Равным образом, и в своих отношениях к Германии Андраши старался использовать «дружбу» Бисмарка так, чтобы от этого был в выигрыше дуализм, т. е. в конце концов Венгрия.

Австро-венгерское соглашение 1867 г. было принято различными австрийскими народностями далеко не одинаково, да и само утверждение его венским рейхсратом было лишь признанием совершившегося факта, т. е. принятия его императором и правительством. Немецкие автономисты приветствовали соглашение, как помеху для федерализма, который только повредил бы положению самих немцев, но немецкие централисты долго не сдавались, пока не вынуждены были примириться с создавшимся положением. Все усилия славян были направлены к тому, чтобы сломить немецкую супрематию³, что же касается Франца-Иосифа, то его намерением было, умиротворив Венгрию, заняться умиротворением народностей Австрии. Такова именно была задача министерства Гогенварта, и тот же смысл имел императорский рескрипт богемскому земскому сейму от 12 сентября 1871 г., в котором было выражено монаршее желание особенно упорядочить отношение Богемского королевства к целокупной монархии, объявлялось признание прав этого королевства и высказывалась готовность подтвердить их коронационной присягой. Сейм отвечал на высочайший рескрипт верноподданическим адресом и выработал «основ-

¹ Интересные на этот счет признания см. в мадьярской книжке Mercator'a, переведенной на немецкий язык под заглавием «Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee» (1908), стр. 19, 28 и след. «Das Habsburgische Reich waren in der Vergangenheit die Deutschen, in Zukunft werden wir das Reich sein», с. 59.

² Только что названный автор говорит, что среди его соотечественников очень распространено «das irrige politische Dogma, es sei ein wesentliches Erforderniss des Dualismus, dass in Oesterreich das deutsche Element die Hegemonie übe». Это было естественно при Андраши, когда немцы были в большинстве, а славяне вдобавок были врагами дуализма, «nicht so aber verhält sich die Lage heute» (курсив автора), когда введение всеобщего избирательного права в Австрии очень многое изменяет в положении дел и когда среди чехов и поляков уже нет врагов дуализма, с. 22—23. «Heute, — читаем далее, — hat es schon gar keinen Sinn, wenn wir noch immer an der politischen Devise festhalten wollen, dass wir in Oesterreich die Hegemonie der Deutschen unterstützen müssen», с. 24. Автор находит, что теперь это — анахронизм.

³ То есть верховную власть (от *лат.* *supremus* — «высший»). — *Прим. ред.*

ные статьи» будущего устройства края. Ими признавалось соглашение 1867 г., но его предполагалось дополнить координированием Богемии с остальной Австрией, в чем мадьяры не могли не усмотреть противоречия с «Ausgleich'ом», так как Венгрия в качестве суверенного государства заключила договор с одной равной ей Австрией, а не с двумя равными между собой Австрией и Богемией, что только привело бы от дуализма к триализму. Осуществлению чешского плана помешали Бейст и Андраши. Это вмешательство тогдашнего венгерского министра-президента во внутренние австрийские дела было предметом запроса в венгерском парламенте, но Андраши возразил, что намерения Гогенварта касались, в сущности, обеих составных частей монархии.

Дальнейшая история австро-германского соглашения, как и его начало, показывает, что в нем львиная доля выпала на долю Венгрии. Менее населенная и менее экономически развитая, она выговорила себе право участвовать в общем бюджете монархии только на 30%, что, конечно, имело свои основания, но, неся меньшие расходы, она стремилась иметь, сравнительно с Австрией, большие выгоды. Она заявила, что не обязана брать на себя какую бы то ни было часть государственных долгов, заключенных без согласия ее сеймов, а если тем не менее соглашается участвовать в погашении некоторой их доли, то лишь по великодушию и в каком сама найдет нужным размере, возложив чуть не всю тяжесть расплаты на Австрию, чтобы самой оставаться впредь свободной от старых долгов. Мы уже видели, что по целому ряду важных экономических вопросов Венгрия выговорила себе право самостоятельного распоряжения, если бы у нее на этот счет не состоялось соглашения с Австрией: мадьяры пользовались одной этой возможностью, чтобы держать другую половину монархии в зависимости от своих желаний в том случае, если бы венское правительство не стало соблюдать условий соглашения. Между обеими половинами монархии происходил деятельный экономический обмен, причем из Австрии ввозились в Венгрию продукты обрабатывающей промышленности, из Венгрии в Австрию — произведения сельского хозяйства, и монетная единица, само собой разумеется, должна была оставаться общей. Между тем мадьяры не хотели признавать ничего, что произошло в денежном деле в эпоху абсолютизма и стали выговаривать для себя разные уступки и льготы. Все их усилия были направлены к тому, чтобы добиться разного рода выгод в отношении австрийского банка, получившего в 1878 г., при возобновлении экономического соглашения, дуалистическую организацию. Но особенно в более благоприятном для Венгрии, чем для Австрии, смысле были разрешены теперь некоторые важные вопросы в областях таможенных тарифов и косвенных налогов, поскольку интересы промышленной Австрии и земледельческой Венгрии между собой не совпадали. Почти во всех случаях разногласия между обеими половинами монархии

победа оставалась на стороне мадьярской половины над немецкой. Последнюю ослабляли внутренние раздоры с постоянными колебаниями правительственной политики между централизмом и федерализмом и частыми министерскими кризисами, тогда как в Венгрии у господствующей нации не было опасных соперников, государство было более единым и правительство, опирающееся на большинство сейма, более сильным.

Мадьяры вынуждены были дать автономию одной Хорватии, все же остальные земли короны святого Стефана составили единое и нераздельное королевство. В эпоху абсолютизма Трансильвания была отделена от Венгрии, но теперь она была воссоединена, и румынское большинство ее населения должно было подчиниться мадьярскому меньшинству, причем и немецкое население этой области, так называемые «саксы», тоже лишилось своих прежних привилегий. В 1868 г. венгерский сейм принял закон о национальностях, признав везде, кроме Хорватии, господство мадьярского языка как государственного, с допущением местных языков лишь в муниципальной жизни, да и то с разными ограничениями, поскольку употребление их было «необходимо с точки зрения практической возможности» и не вредило внутреннему единству страны. Даже в ограниченной сфере своего применения закон о национальностях постоянно нарушался, так как, например, и церковь, и школа были признаны лучшими орудиями мадьяризации иноплеменного населения — одна из наиболее печальных страниц истории Венгрии после того, как она возвратила себе свое государственное существование. Для мадьярских патриотов искусственная переделка славян, саксов и румын в мадьяр стала одной из задач всей национальной политики, и ради достижения своей цели они все средства считали хорошими вплоть до мероприятий насильственного характера. Они на словах гордятся либерализмом своего закона 1868 г., но не-мадьярские народности думают на этот счет иначе и не перестают жаловаться на мадьярские притеснения именно в пользовании своими языками¹.

Дуалистическое устройство монархии с рядом координированных властей, каковы два парламента с их делегациями и три министерства (ав-

¹ Общий обзор вопроса можно найти в кн.: *Merkator* Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee (1908). Автор, сам мадьяр, решительно высказывается, однако, против искусственной и насильственной мадьяризации, создающей мадьярам лишь врагов среди других народностей Венгрии. В то же время он констатирует усиление этого направления: «unsere nationale Politik wird von einem immer mehr zunehmenden chauvinistischen Geiste durchdrungen... Der Chauvinismus, der im Wesen ein zu feuriges und falsches patriotisches Gefühl bedeutet, hat heute schon in unserem öffentlichen Leben die Oberhand gewonnen» (с. 7) и т. п. Цель этой шовинистической политики он видит в том, чтобы «создать из 20 млн жителей страны единую и говорящую, и чувствующую по-венгерски нацию» (с. 8). Автор думает, что мадьяризация будет делать свое дело автоматически, и указывает на усиление мадьяризации, приводя, например, что в 1881 г. мадьяры составляли 46,7% населения, в 1891 — 48,6%, а в 1901 г. уже 51,4% (с. 13). См. с. 68–72, где дается анализ венгерского закона о национальностях. Ср.: *Bidermann*. La loi hongroise des nationalités // *Revue de droit international*. 1869, 1870.

стрийское, венгерское и общее), давало общему монарху возможность чаще и сильнее проявлять свою личную волю, особенно в вопросах внешней политики, но по отношению к политике внутренней, несомненно, в Венгрии Франц-Иосиф был гораздо более конституционным государем, чем в Австрии. В первой из них установился парламентаризм¹, во второй допускалась возможность издания временных законов без рейхсрата². Страна, более отсталая и в экономическом, и в культурном отношении, с крайне устарелыми во многих отношениях административными и судебными порядками³, гораздо лучше, таким образом, осуществляла требования конституционного строя, нежели другая половина монархии, где жизнь в других отношениях далеко ушла вперед. Ввиду особого положения, занятого Венгрией, Франц-Иосиф иногда делал вообще ей такие авансы, что австрийцы прямо считали себя обижаемыми. Мы уже видели, какого положения при монархе достиг бывший повстанец 1848 г., Андраши, но и многие другие деятели революции командовали теперь территориальной армией гонведов⁴, подчиненных по соглашению 1867 г. только венгерским правительству и парламенту. На первых порах в Венгрии нередко происходили конфликты между австрийскими генералами и венгерскими гражданскими властями, но Франц-Иосиф не обнаруживал наклонности к тому, чтобы победителями из этих конфликтов выходили непременно австрийские генералы: политика заставляла кое на что смотреть сквозь пальцы.

Другую картину представляет нам собой Австрия под действием конституции 1867 г. В Венгрии единственную возможность применения политики «*divide et impera*»⁵ создавала бы лишь хорватская оппозиция, если бы мадьяры не устроили своего соглашения с хорватами, опасаясь, что правительство воспользуется ими, как в 1848 г., в Австрии же для настоящей разделительной политики существовало широкое поле применения. Стоит только сравнить поведение австрийской и венгерской делегаций при обсуждении общих вопросов, чтобы видеть разницу: венгерская отличалась единством и стойкостью, в австрийской двору ничего не стоило разбивать голоса, склоняя те или другие на свою сторону.

¹ Основа его в «законе III 1847—1848 г. об образовании венгерского ответственного министерства».

² В «законе XII 1790—1791 г.», сохраняющем силу в Венгрии, прямо сказано, что «никогда королевство и его части не будут управляться на основании произвольных актов или так называемых патентов».

³ Ср. отзыв мадьяра Mercator'a, начинающийся словами: «*die Ursache dessen, dass unsere Verwaltung noch immer asiatische ist*», и т. д.

⁴ От венг. *honvéd* — защитник родины (солдат-пехотинец венгерского войска). — Прим. ред.

⁵ «Разделяй и властвуй» (лат.). — Прим. ред.

Силу народного представительства Австрии подрывали национальные несогласия. Состав рейхсрата по конституции был рассчитан, таким образом, по числу представителей от отдельных королевств и земель, чтобы в нем большинство принадлежало немцам. Первыми протестовали против этого чехи, которые и раньше, в первой половине шестидесятых годов, не хотели давать согласия на невыгодную для них конституцию. В августе 1868 г. они составили декларацию, отрицавшую за Цислейтанией всякое историческое и политическое право на существование, потому что, говорилось в ней, «чешская корона имеет такие же права, как и венгерская», и отношения между Чехией и другими государствами царствующего дома могут быть установлены лишь с обоюдного согласия монарха и нации. После этого, вплоть до 1870 г., чехи перестали появляться и в рейхсрате, и в местном сейме; и это было причиной народных волнений, заставивших правительство даже объявить Прагу в осадном положении. По стопам чехов пошли поляки, составив резолюцию с требованием автономии для Галиции. Заволновались также словенцы, итальянцы. Правительство пошло на уступки: уступило полякам в вопросе употребления польского языка и согласилось на расширение компетенции местного сейма, но предложило последнее также и чехам, которым обещало даже место в кабинете, отказав им, однако, в признании их языка. Никого все это, как следует, не удовлетворяло, и дело кончилось тем, что в рейхсрате остались одни немцы. В самом правительстве не было единства, вследствие чего один за другим следовали министерские кризисы. В феврале 1871 г. было, наконец, назначено министерство Гогенварта, в состав которого вошли два чеха Ииречек и Габетинек, первый с портфелем народного просвещения, другой — юстиции, к величайшему негодованию немцев и всей немецкой прессы. Это министерство, между прочим, объявило Ватикану об отмене реакционного конкордата 1855 г.,¹ поводом к чему было провозглашение папской непогрешимости, но более Гогенварту ничего не удалось сделать. Против него были обе палаты рейхсрата. Началась систематическая оппозиция немецкого большинства против всех проектов, заключавших в себе уступки национальностям, даже поднималась речь об отказе вотировать бюджет. Рейхсрат был распущен, причем новые выборы дали правительству большинство и в областных сеймах, и в рейхсрате, что на этот раз уже немцев заставило удалиться из рейхсрата. Как раз к этому времени относятся императорский рескрипт чешскому сейму и ответ на него со стороны сейма. Чехи требовали себе, в сущности, такого же положения, каким пользовалась Венгрия, настоящей новой конституции. К их желаниям присоединилась также и Моравия. Франц-Иосиф склонен был все дать, лишь бы богемский сейм выбрал теперь же депутатов в рейхсрат, где сторонники

¹ См. ниже в гл. XX.

федерализма, составив большинство, могли бы легально изменить конституцию, так как сам он, император, «больше ничего уже октроировать не желает». Стоявшая во главе депутации аристократия не хотела идти этим путем, надеясь все получить прямо от самого монарха, а тем временем на Франца-Иосифа было оказано известное уже нам воздействие со стороны немцев (Бейст) и мадьяр (Андраши), указавших ему, какими опасностями грозят только что установившемуся дуалистическому порядку чешские притязания. Кончилось тем, что Франц-Иосиф отказался от своего плана, в чем ему помогли сами чехи, упорствовавшие в непризнании существующей конституции, согласие на которую ставилось им со стороны правительства, как необходимое условие дальнейших переговоров.

Преемником Гогенварта был князь Адольф Ауэрсберг, принадлежавший к немецкой либерально-конституционной партии. Тронная речь, которой открылась сессия рейхсрата в конце декабря 1871 г., заключая в себе обещание укрепления конституции, вместе с тем констатировала, что намерение императора «идти, с согласия рейхсрата, до конца на пути уступок, совместимых с единством государства», не привело к восстановлению внутреннего мира. Первым же делом нового министерства в начале 1872 г. было произвести избирательную реформу.

Мы уже знаем, что австрийский рейхсрат состоял из депутатов, избиравшихся не прямо населением, а провинциальными ландтагами и притом лишь из среды своих сочленов. В 1861 г. имелось в виду, что рейхсрат должен был состоять из депутатов всех частей монархии, и число его членов определялось в три с половиной сотни, но после потери Венецианской области и отделения Трансильвании число членов рейхсрата уменьшилось до 203. В течение десяти лет действия порядка, созданного в 1861 г., с перерывом в середине шестидесятых годов, такая система обнаружила все свои неудобства, вытекавшие из того, что рейхсрат являлся как бы конгрессом делегатов от отдельных королевств и земель¹, и стоило лишь той или другой области через свой ландтаг отказаться от участия в рейхсрате, как целая область могла считать себя необязанной подчиняться решениям центрального представительства. Нам уже известно, как часто

¹ Первая попытка заменить личную, или династическую, унию, в какой находились отдельные земли перешней Австрии, федеративной связью была сделана еще в XVI в. Именно в 1530 г. Фердинанд I пригласил в Линц делегатов от отдельных сеймов для обсуждения общих мер против турок, но это приглашение было встречено в сеймах не только несочувствием, но прямым раздражением, так как отдельные государства монархии Габсбургов еще менее были склонны поступиться своей автономией, чем в иных странах отдельные провинции. Это была эпоха, когда даже в самой Чехии сеймики («съезды») отдельных округов обнаруживали стремление к конкуренции с центральным сеймом королевства (ср. с. 296 и 352 моей книги «Поместье-государство и сословная монархия Средних веков» (1906). От 1530 г. до начала конституционной эпохи в Австрии протекло три с половиной века: вот от какой эпохи был унаследован «королевствами и землями» Габсбургов их партикуляризм!

это случалось в течение всех шестидесятих годов, причем по данному случаю венграми к такому способу борьбы прибегали и славяне, и немцы, смотря по тому, кто в данный момент имел основание быть недовольным правительственной политикой. И после отставки Гогенварта богемский сейм отказался от выбора своих депутатов в рейхсрат. Когда правительство распускало последний, то ему приходилось распускать и ландтаги в надежде на то, что новые выборы будут давать более сговорчивых депутатов, но его расчеты не всегда оправдывались. Как бы то ни было, немецкие либералы, всегда стремившиеся в Австрии к централизму, были недовольны федеративным строем рейхсрата, и вот теперь, когда они сами были у власти, они и стали хлопотать о коренном изменении порядка избрания депутатов в рейхсрат. Прежде всего, 13 марта был издан временный закон, разрешавший замещать вакансии, какие могли бы открыться во время сессии, депутатами, которые выбирались бы уже не ландтагами, а непосредственно избирателями. Это значило, например, по отношению к чехам, что раз их сейм не посылал депутатов в рейхсрат, вакантные места последних могли быть замещены прямыми выборами в отдельных богемских округах, из которых многие имели немецкое население, вовсе не желавшее бойкотировать рейхсрат. Оно так и случилось: немецкие округа выбрали своих представителей. В начале апреля следующего (1873) года этот временный закон превратился в постоянный¹, причем число депутатов было повышено с 203 до 353 с новым распределением мест между отдельными королевствами и землями, а в них между отдельными категориями избирателей. Например, Богемия, которая по закону 1861 г. должна была иметь 54 депутата, теперь получила право на 92 депутатских полномочия. Разряды избирателей были оставлены те же, что и раньше, как это определялось земскими уставами отдельных королевств и земель, изданными в 1861 г. Именно это были «курии» 1) крупных землевладельцев, 2) городов и торговых палат (две курии) и 3) сельских общин. Например, на крупное землевладение в Богемии приходилось 23 места, на города — 32, на торговые палаты — 7, на сельские общины — 30, а соответствующие цифры для Галиции были 20, 13, 3 и 27, для Зальцбурга (число представителей которого было повышено с 3 до 5) — 1, 2 (города и торговые палаты) и 2. В самом рейхсрате это «представительство интересов» выражалось цифрами: 85 представителей крупного землевладения, 137 — городов и торговых палат и 131 сельских общин. Какое число избирателей представлял собой один депутат каждой курии, можно видеть хотя бы из того, что, по данным конца XIX в., в первой курии один депутат приходился человек на шестьдесят избирателей, во второй — тысячи на три, в третьей менее, чем на тридцать человек, в четвертой — тысяч на двенад-

¹ Он был принят 120 голосами против 2.

цать. При распределении числа депутатов от отдельных областей и при разграничении избирательных округов все искусство было направлено на то, чтобы и арифметика, и геометрия сослужили надлежащую службу немецкому элементу. (Это имелось в виду еще при первоначальном разделении избирателей на курии при том соображении, что крупные землевладельцы и торговые палаты были, главным образом, немецкими и что главная сила не-немецкого населения была в селах, получивших потому более слабое представительство). Реформа 1873 г. тщательно следила за тем, чтобы и при общем увеличении числа депутатов преобладание оставалось за немцами. В конце семидесятых годов, т. е. лет через пять после реформы 1873 г., в австрийской палате депутатов немцев насчитывалось около 220 на 130 только не-немцев, т. е. на славян (около 115) и итальянцев (около 15), так что из 353 членов немцы обладали большинством человек в 90. Другими словами, немцы составляли в рейхсрате около 61%, что, разумеется, далеко не соответствовало численности немецкого населения сравнительно с численностью населения не-немецкого.

Министерство Ауэрсперга оставалось у власти семь лет. Теперь у Австрии был рейхсрат, не зависевший уже от отдельных областных сеймов, что стали мало-помалу понимать сами «декларанты» и «резолюционисты»¹. Упорнее всех были чехи, которые только осенью 1878 г. решились порвать с политикой бойкота и появились в богемском сейме, что было первым признаком их примирения с положением дел и предзнаменованием их возвращения затем и в сам рейхсрат, Моравия же еще раньше, в 1874 г., послала своих депутатов в Вену. Поляки тоже скоро сдались, тем более, что, по совету Андраши, им делались разные уступки, как заведомым врагам России; тотчас же после проведения реформы 1873 г. полякам было дано одно место в кабинете. Между правительством и поляками даже стали устанавливаться такие отношения, что нередко на них смотрели, как на партию правительственную, особенно после того, как проведенные под сильным административным давлением выборы 1876 г. в галицийский сейм дали в нем большинство клерикально-аристократической партии, обнаружившей большую склонность к тому, чтобы вступать с правительством в частные соглашения. Опираясь на серьезное большинство, состоявшее из немцев, министерство Ауэрсперга могло не особенно считаться с оппозицией, в которой, кроме польского «кола», нужно отметить «правовую партию», или «клуб Гогенварта», как назывались федералистически настроенные представители мелких национальностей. Что касается до немцев, то они в рейхсрате распадались на правую централистскую, либеральный клуб и левую, подразделявшуюся на демократов и немецких националов. На стороне правой был и клуб Коронини почти целиком чисто

¹ Сторонники «декларации» и «резолюции», о которых см. выше.

итальянского состава, и ей не принадлежало даже полной трети всех немецких голосов. Самую значительную группу составлял либеральный клуб, «старые», как их еще называли: в нем была чуть не половина всех немецких депутатов, т. е. около ста человек, тогда как левая, или «молодые», обладали приблизительно шестьюдесятью пятью голосами. Немецкое большинство было настроено антиклерикально, что отразилось на церковном законодательстве 1874 г., которое должно было восполнить пробелы в законах, образовавшиеся вследствие отмены конкордата¹. Новые законы установили высший надзор государства над духовенством разных исповеданий, признали за не-католиками право основывать религиозные общины (статья в пользу старокатоликов) и т. п. Папа протестовал, но Франц-Иосиф в своем ответе на его письмо, так сказать, сложил с себя ответственность на рейхсрат².

Таковы были, в общих чертах, отношения между обеими половинами монархии Габсбургов и в каждой из них, взятой в качестве отдельного государства, но, как мы видели, жизнь всей монархии вообще и в особенности цислейтанской ее части осложнялась противоположными стремлениями отдельных областей. Конституционные акты 1861 и 1867 г. рассматривали Австрию, как своего рода федерацию королевств и земель, живущих под скипетром одной династии. Но именно это была федерация территориальных, а не национальных единиц³, федерация областей, границы кото-

¹ Gautsch von Frankenthurn. Die konfessionellen Gesetze vom 7 und 20 Mai 1874 (1874).

² Отметим еще, что в начале министерства Ауэрсперга в Вене была всемирная выставка 1873 г., в одно время с которой произошел знаменитый «венский крах», бывший, подобно берлинскому краху 1872 г., следствием грюндерских спекуляций. И в столице Австрии образовались строительные, железнодорожные и банковые компании, устраивавшие дутые предприятия, пускавшие в оборот массу призрачных ценностей и, в конце концов, прогоревшие: последовал ряд банкротств, от которых масса народа понесла большие убытки и которые долгое еще время угнетающим образом действовали на общее экономическое состояние страны.

³ См. в книге Р. Шпрингера «Национальная проблема» параграф, озаглавленный «Коронная земля и нация», с. 177 и след. «Известно, — говорит он, между прочим, — и каждому понятно, что главной проблемой является разграничение наций, а не территорий. С первой частью проблемы начинают свою аргументацию наши федералисты. Но в самый важный момент они незаметно подставляют коронные земли и от необходимости федерации национальностей умозаключают к необходимости федерации коронных земель». Такое смешение понятий автор лишь у немногих объясняет недоразумением, у большинства же, по его мнению, «оно является умным политическим расчетом», с. 179. «До тех пор, — говорит он еще, — пока коронные земли не идентичны с национальностями, — а таковыми они нигде и никогда не бывают и быть даже не могут, — до тех пор из потребностей национальной автономии нельзя ничего вывести в пользу автономии коронных земель», с. 180. В другом месте Шпрингер называет коронные земли «внутренним врагом габсбургской монархии», указывая при этом на причину их живучести: «именно потому, что коронные земли сулят национальному большинству господство, большинство во всех землях, даже немцы, а следовательно, и большинство рейхстага так сильно льнет к этим землям», с. 52. Ср. также его замечание, что, требуя коронации австрийского императора королем чешским, многие чехи на место современной идеи о национальном королевстве «подсовывают антикварную мысль о территориальном господ-

рых не совпадали с границами племенными и из которых некоторые могли ссылаться на свои старые исторические права, на свое особое государственное право, нарушенное победой абсолютизма, но долженствовавшее быть восстановленным. Все государственные акты Венгрии 1867 г. полны ссылок на старые законы земель короны святого Стефана вплоть до упоминания, как об отменном, об одном постановлении «Золотой буллы» 1222 г., причем к Венгрии Франц-Иосиф обещал присоединять и вновь приобретаемые страны. Чехи, в сущности, хотели восстановить и для Богемии, как отдельного королевства, а не для чешской национальности как таковой свое старое историческое «государственное право» (*státné právo*), подобное тому «галицко-владимирскому государственному праву», на которое ссылалось само же австрийское правительство еще в 1772 г., включая Галицию в число, как тогда говорили, «государств Габсбургского дома». При несовпадении областных и этнографических границ и при существовании территорий со смешанным населением являлся вопрос о том, каковы же должны быть в каждом отдельном случае права того или другого местного языка. Мы знаем, что австрийская конституция признала равноправность всех народностей и обещала осуществление этого принципа по отношению к землям, где обитают несколько народностей. Германизаторским стремлениям централистов федералисты противопоставляли требование широкого развития местных языков, не останавливаясь даже перед тем, чтобы этим местным языкам было дано господствующее положение над языками инородного меньшинства. Восстановление государственного права той или другой области должно было влечь за собой признание за местным языком государственного значения, как это и произошло в Венгрии с языком мадьярским. В исторических пределах Чешского королевства каждый патриотически настроенный чех желал господства чешского языка даже по отношению к давно онемеченным окраинам, на что богемские немцы, со своей стороны, не хотели согласиться, ссылаясь тоже на параграф конституции, заключавший обещание никого не принуждать изучать второй язык. Дело усложнилось еще тем, что в Богемии немцы жили не только сплошными округами, например, на границах с Саксонией и Баварией, но были еще перемешаны с чехами в других местах и особенно в городах. Столица Чехии, Прага, еще в двадцатых годах XIX в. имела чисто немецкий внешний облик, и по-чешски в ней говорило только простонародье. Подобное сожительство

стве»: эта коронация — символ их надежды на полное господство в Богемии, с. 239. Редактор перевода книги (М. Б. Ратнер) в своем к нему предисловии совершенно верно отмечает «крупную заслугу автора в деле разграничения идей территориальной, областной, с одной стороны, и экстерриториальной, национальной автономии, с другой стороны», прибавляя, что «смешение этих двух различных понятий — явление обычное в литературе вообще, в русской в особенности», с XXIII.

разных национальностей мы встречаем и в других коронных землях Австрии, с тем лишь различием, что в них иногда первенствующая роль принадлежала не немцам, а другим народностям, как, например, полякам в Галиции или итальянцам на Адриатическом побережье. Правда, Галиция очень удобно делится на западную с польским населением и восточную с русинским, но она составляла только одну коронную землю, в которой историческое право было за польским языком и в русинской части которой существует сильное своим социальным влиянием польское меньшинство, состоящее из помещиков и горожан: во Львове, столице Галиции, большинство населения и теперь состоит из поляков, хотя этот город окружен русинским сельским населением. Наконец, в довершение всей национальной путаницы следует отметить еще тот факт, что очень часто люди разных национальностей принадлежали и к разным общественным классам. Нередко и в Австрии, и в Венгрии славянское население отдельных областей состояло преимущественно из крестьянской массы, землевладельческий же класс, равно как городские торгово-промышленные классы, состоял в значительной мере из немцев (и евреев, больше тяготевших к немцам). Так как издавна немецкий язык был языком династии и двора, администрации и армии, народного образования и торговли, то со стороны немцев, разбросанных по разным не-немецким областям, было естественно стремиться к тому, чтобы везде, где было много немцев, удерживать за своим языком прежнее господство, и, в свою очередь, из центра оказывалась поддержка местным аристократическим и бургерским элементам, принимавшая одновременно и национальный, и классовый характер по отношению к не-немецкому крестьянскому и рабочему населению. Понятно, что везде немцы старались сохранить и укрепить за собой выгодное для них *status quo*, или фактическое соотношение сил, что стало называться «*der nationale Besitzstand*», и в этом отношении примеру немцев подражали в тех областях, где у немцев не было особенно для них выгодного «*Besitzstand'a*», или поляки, или итальянцы. В Галиции, где подавляющее большинство поместного дворянства, а в городах чиновничество, люди либеральных профессий, и отчасти купечество и ремесленники были поляками, эта народность тоже могла ссылаться на свой «*stan posiadania*». Одним словом, рядом со ссылками на старое историческое право, в силу которого можно было бы, например, ввести чешский язык в давным-давно ставшими немецкими округами Чехии, делались ссылки и на современный фактически «*Besitzstand*», на основании изречения «*beati possidentes*»¹, что ставило иногда непреодолимые преграды осуществлению обещанной равноправности народностей. Например, в состав немецкого «*Besitzstand'a*» в Чехии входил пражский университет, из-

¹ «Счастливы обладающие» (лат.). — Прим. ред.

за которого еще во времена Гуса шла борьба между обеими нациями и который впоследствии сделался чисто немецким. Другой пример — два польских университета, краковский и львовский, в Галиции и ни одного русинского при численном, хотя и небольшом, перевесе русинского населения. В области среднего образования мы видим такие же проявления национального неравенства: в той же Галиции в данный момент, т. е. в начале XX столетия, на 46 польских средних школ приходится только 6 русинских, одна польская школа на 98 тыс. душ, одна русинская на 422 тыс. душ и т. п. К этому же выгодному для одних и невыгодному для других «фактическому обладанию» относится, конечно, и установленная конституцией 1867 г. курιαльная система выборов, поскольку привилегированные классы более или менее совпадали и с привилегированными национальностями. Благодаря этой системе даже в областных сеймах славянских стран немцы могли забирать большую силу. Вот все это и приводило к тому, что борьба национальностей в Австрии происходила и в центре, т. е. в рейхсрате, и в областных учреждениях (в земских сеймах), и даже в отдельных округах и общинах со смешанным населением¹.

В каждой австрийской национальности и в каждой коронной земле образовались свои политические партии. В отдельных немецких землях преобладание принадлежало либералам или консерваторам, смотря по тому, преобладал ли в стране торгово-промышленный класс, как это было в Нижней Австрии, в Штирии, в Каринтии, или класс помещичий, что на-

¹ В 1908 г. некто С. М. Данцер предпринял политический опрос о положении Австрии, результатом которого явилась небольшая книжка под заглавием «Das neue Österreich, eine politische Rundfrage». Основные идеи самого Данцера сводятся к тому, что австрийская конституция 1867 г. не соответствует реальным отношениям, не осуществив и надежды на образование «eines nationalen Einheitsstaates». Взаимная борьба национальностей только обессиливает их самих, и потому нужно выйти из этого положения. В книжке собраны мнения по этому вопросу восьмидесяти политических деятелей и писателей разных национальностей, населяющих Австрию. Прочитывая их, я обратил особое внимание на их отношение к вопросу о делении Австрии на коронные земли (Kronlandseintheilung): для одних оно имеет лишь чисто историческое значение, в настоящем же является настоящим несчастьем, раз «zwei oder mehrere Nationen in einem Kronlande zusammengesperrt sind», для других, напротив, это деление имеет не одно историческое значение, будучи и теперь «обусловлено географически, экономически, социально и национально». Среди авторов, стоящих на первой точке зрения, есть и такие, которые утверждают, что в Австрии и думать нечего о «всеобщем национальном соглашении», пока в головах сидит лозунг «von den historischen Staatsrechten». При этом поднимается постоянно вопрос о том, что называется «der faktische Besitzstand» отдельных народностей: при этом одни жалуются на неясность этого понятия (например, «unter dem Begriffe versteht man einerseits das nationale Territorium, andererseits die errungenen nationalen Rechten, Stellen, Wtrden in öffentlichen Institutionen, Aemtern, Ländern und im Staate», с. 78), другие — на случаи несоответствия «национального Besitzstand'a» с «естественными отношениями», или на то, что для одних этот «Besitzstand» является выгодным (например, для поляков в Галиции), для других невыгодным. Различие взглядов, нашедших место в книжке, зависит не всегда от принадлежности их авторов к той или другой национальности, но и от их политических мирозерцаний.

блюдается в Верхней Австрии, или преданное клиру крестьянство, как мы это видим в Тироле. Все названные области не знали национального вопроса, благодаря чисто немецкому составу своего населения, кроме Тироля, южная часть которого населена итальянцами, естественно требовавшими для себя особого управления. Словенскому населению Крайны и сопредельных областей пришлось вести борьбу или с немцами, или с итальянцами; с последними, кроме того, вели борьбу, — нужно заметить, весьма усиленную, — и далматинские хорваты. О положении дел в семидесятых годах в Чехии и Галиции особая речь будет идти ниже, а пока этот общий обзор междуплеменных отношений закончим указанием на то, что не-немецкая часть рейхсрата раздробилась на семь отдельных национальных клубов, или «кол»¹, представлявших собой иногда очень мелкие национальности и нередко становившихся на сторону немецких консерваторов рейхсрата. Можно даже сказать, что к немецким консерваторам клерикального или феодального пошиба вообще очень сильно тяготели однородные элементы славянского представительства. Это было продолжением еще ранее — именно в 1848 г. — обнаружившегося явления, состоявшего в том, что либерализм был представлен, главным образом, немцами, в то же время централистами, тогда как консерватизм был тесно связан со славянским федерализмом. Франц-Иосиф и теперь в национальном вопросе более симпатизировал немцам, в вопросах внутренней политики более — консервативным славянам, так что ему постоянно приходилось колебаться и лавировать между двумя различными политиками, поневоле, значит, делаться оппортунистом, хотя, с другой стороны, при существовании в рейхсрате целого ряда национальных партий в этом представительном собрании никогда не могло образоваться компактного и прочного большинства.

Главными борцами против немецкого преобладания в Австрии выступили чехи². Когда в 1861 г. Австрия получила общую конституцию, а Богемия в числе других коронных земель — свой областной устав, чехи выбрали своих депутатов и в рейхсрат, и в земский сейм, но в 1863 г., недовольные немецкой централистической политикой правительства, чешские депутаты, как известно, покинули рейхсрат. После этого чехи были в непрерывной оппозиции, хотя по временам правительство делало им кое-какие уступки или, по крайней мере, манило их обещаниями. Главным предметом стремлений чехов было восстановление их государственного права. В 1867 г., когда выборы в богемский сейм дали и тут большинство местным немцам, чешские депутаты покинули этот сейм, заявив протест, в котором

¹ Чехи, поляки, русины, словенцы, хорваты, итальянцы, румыны (из Буковины).

² За чешско-немецкой распрей признают большое значение для себя даже мадьяры. «Der Schlüssel der oesterreichischen Frage ist Böhmen, denn das ist der erste Kollisionspunkt der Deutschen und Slaven in Oesterreich... Aber nicht nur für die oesterreichische, sondern auch für die ungarische Frage ist Böhmen der Schlüssel». Mercator, стр. 26.

не признали законности сейма¹. Мы видели также, что в 1871 г. чехам блеснула была надежда на осуществление их государственного права, даже на приезд Франца-Иосифа в Прагу для торжественного возложения на свою голову короны святого Вацлава, но нам уже известно и то, как кратковременна была эта надежда, в чем нельзя не усматривать одного из косвенных следствий исхода франко-германской войны. Чехи по-прежнему продолжали бойкотировать и свой сейм, и рейхсрат, но как раз в это время среди них началось разделение между «старыми» и «молодыми», из которых последние высказались за прекращение забастовки. В 1874 г. в сейме мы уже видим заседающими семь «младочехов», а в 1878 г. в него вернулись и все остальные под непосредственным давлением избирателей, находивших дальнейшее уклонение бездельным и даже вредным. В 1879 г. чешские депутаты вернулись и в рейхсрат, после чего в истории Чехии начинается период правительственных уступок и таких быстрых успехов чешского дела, что теперь уже немцы стали опасаться за свое положение в Богемии. Но об этом периоде речь будет идти уже в следующем отделе настоящего тома, посвященном восьмидесятым и девяностым годам².

Что касается до образования «старочешской» и «младочешской» партий, то оно произошло путем постепенного выделения из чешской национальной партии ее левого крыла. Эта национальная партия, как было уже сказано выше, стояла на точке зрения исторического государственного права Чешского королевства, или «земель короны святого Вацлава», т. е. кроме самой Чехии, еще Моравии и Силезии, где, кстати сказать, немецкий элемент был вообще гораздо более сильным, чем в самой Чехии. Таким образом, это была партия «исторического права», отрицавшая, однако, право давности, т. е. в данном случае все, что произошло после битвы при Белой горе в 1620 г. По теории чешской национальной партии, нашедшей свое выражение в «декларации» 1868 г., Чешское королевство соединено с Австрией лишь династической унией, которая не мешает, однако, этому королевству при каждой перемене царствования заключать договор со своим государем в форме обоюдной их присяги, т. е. коронационной со стороны короля в соблюдении конституции и одновременно верноподданнической со стороны сейма. В силу этой теории чешская национальная партия и не хотела признавать рейхсрат, как учреждение, не имеющее никакого исторического основания и потому лишенное всякого законного права распространять свою власть на Чехию. По вопросу о бойкоте рейхсрата возникло, впрочем, в чешской партии течение, в котором все сильнее стала звучать нота сомнения в целесообразности такого способа борьбы. На этой почве и началось разделение, когда «младочехи» появились сначала в богемском сейме, а потом настояли и на прекращении бой-

¹ К этому периоду относится «декларация» 1868 г., о которой см. выше.

² См. в гл. XIX.

кота по отношению к рейхсрату. Не отличаясь такой непримиримостью к австрийской конституции, какую проявили «старочехи», «младочехи» в других отношениях обнаружили более либерализма и демократизма. Различие во взглядах между обеими фракциями когда-то единой национальной партии обнаружилось к 1879 г. уже с такой силой, что на выборах этого года они выступили как две отдельные партии, между которыми происходило настоящее соперничество, за каким же направлением пойдет нация. «Старочехам» их противники стали ставить в вину тяготение их к клерикальным и феодальным элементам как земского сейма, так и рейхсрата и их оппортунистическую политику компромиссов по отношению к правительству. «Старочехи», стоявшие и раньше в своей непримиримости за чисто пассивную оппозицию, были недовольны, наоборот, активно-оппозиционным тоном «младочехов». Сами они, не отказываясь от чешского государственного права в более или менее отдаленном будущем, каждый раз отказывались поддерживать «младочехов», когда те в сейме предъявляли требование, чтобы в ответном адресе на тронную речь непременно упоминалось о необходимости возвращения Чехии ее государственного права. Как мы еще увидим, в восьмидесятых годах «старочехи» были уже правительственной партией, защищавшей от «младочешских» нападков и милитаризм, и сближение с Германией, и вообще всю внутреннюю политику министерства. То, чего особенно добивались «старочехи», касалось, главным образом, прав чешского языка в школе, в суде, в администрации, но они были противниками каких-либо прогрессивных реформ, отстаивая, например, куриальную систему выборов, против «младочехов», требовавших всеобщего избирательного права вместе с расширением свободы печати, собраний, союзов и т. п. Главную свою опору «старочехи» имели в помещичьей и торговой куриях, по самому существу своему более консервативных, отчасти и вообще в более зажиточных слоях мещанства и крестьянства, между тем как «младочехи» старались привлечь на свою сторону более демократические элементы городского и сельского населения, вследствие чего включали в свою программу такие требования, как облегчение налогового бремени, дешевый кредит и т. п. Главным вождем «старочехов», немало способствовавшим той влиятельной роли, какую они играли в восьмидесятых годах, был Ригер; главой «младочехов» в восьмидесятых годах сделался Грегр, один из видных представителей усиленного русофильства, особенно отличавшего «младочешскую» партию¹. На-

¹ Франтишек-Ладислав Ригер вместе с тестем своим Палацким был одним из видных представителей чешского народа в австрийском конституционном сейме 1848 г. В качестве публициста он отстаивал потом права чешской национальности, между прочим, и перед европейским общественным мнением (книга «*Le slaves d'Autriche*», изданная в 1860 г. в Париже). В шестидесятых годах Ригер работал в органе Юлия Грегра «*Narodni listy*», но оставил его из-за разногласия с главным редактором по вопросу об отношении к польскому восстанию 1863 г., которому Грегр сочувствовал, но которое порицалось Палацким и Ригером. Органами

стоящая деятельность обеих партий относится уже к следующему периоду. Пока достаточно отметить, что в восьмидесятых годах главными представителями чехов в рейхсрате были «старочехи» и что, таким образом, из Чехии в австрийский рейхсрат шло, главным образом, консервативное течение, усиливавшее клерикально-феодалные элементы немецкой его части. Богемские немцы, выбиравшиеся в члены палаты депутатов некоторыми округами «королевства», наоборот, были, большей частью, либералы.

Для лучшей характеристики чешско-немецких отношений в Богемии мы позволим себе остановиться здесь несколько подробнее на эпизоде разделения пражского университета на немецкий и чешский. Вопрос этот имеет свою довольно длинную историю, получившую завершение уже в следующем периоде, вследствие чего в дальнейшем изложении нам придется забежать несколько вперед¹.

Пражский университет стал оставлять латинский язык в преподавании еще в XVIII в., но, конечно, латынь сменилась немецким языком, чешский же был допущен лишь для пастырского богословия на теологическом факультете и для одного «практического предмета» на медицинском; в XIX в. последним было признано повивальное искусство, читавшееся для акушерок. Кроме того, в 1793 г. в пражском университете была учреждена лектура чешского языка и литературы, но с 1832 г. и этот предмет читался по-немецки. В 1848 г. дело стало было изменяться, и начали читать курсы на чешском языке такие профессора, как Челяковский, Гануш, Воцель, Ганка², несколько позже Томек (чешская история которого есть и в русском переводе), но к середине пятидесятых годов преподавание на чешском языке, противное общему духу австрийской реакции того времени, пришло в упадок: само слушание лекций, читаемых по-чешски, считалось признаком политической неблагонадежности. Преподавание на чешском языке, да и то очень немногих предметов, стало оживляться только с 1860 г., и даже были в то время такие профессора, которые читали лекции и по-немецки, и по-чешски. Из-за стремления чехов к равноправности обоих языков в пражском университете между представителями обеих национальностей произошли, однако, пререкания, которые из университета перешли и в богемский сейм. В 1866 г. Ригер потребовал на сейме,

последних были потом «Narod» и «Pokrok» («Прогресс»). См.: *Hantich H. François-Ladislas Rieger* («Revue politique et parlementaire» за 1905 г.). Что касается Грегра, названного в тексте, то его не следует смешивать с упомянутым в этом же примечании его младшим братом (его звали Эдуардом, того Юлием). Как вождь «младочехов», он стал играть особенно видную роль только после избрания своего в рейхстаг в 1883 г.

¹ В 1907 г. чешский университет в Праге отпраздновал первую четверть своего существования, что было ознаменовано выходом в свет книги: *Goll J. Rozdělení pražské university Karlo; Ferdinandowy roku 1882 a počatek samostatné university české* (1908); *Die Karl-Ferdinands-Universität in Prag und die Čechen* (1886; брош.).

² Автор «новейшего произведения древнечешской письменности».

чтобы по всем предметам, по которым сдаются экзамены, на всех факультетах были учреждены двойные кафедры и чтобы экзамены можно было сдавать и по-чешски. Против этого предложения возражал чешский граф Леон Тун, который стоял на той точке зрения, что в Богемии вообще можно было употреблять в общественной жизни оба языка, для обеих же национальностей. В университете, по его мнению, нужно было предоставить право профессорам читать лекции, а студентам сдавать экзамены, как кому нравится, т. е. или по-немецки, или по-чешски, или хотя бы и на обоих языках. Со своей стороны, немцы, опасаясь за само существование своего университета, уже тогда предлагали совсем разделиться, но чехи этого не хотели. Сейм 1866 г. принял резолюцию Туна, и сам академический сенат, т. е. совет университета в 1868 г. выразил готовность принять к исполнению эту резолюцию. Иначе отнеслось к делу правительство, бывшее недовольным по поводу политического поведения чехов. Только с образованием кабинета Гогенварта, в составе которого министром народного просвещения сделался чех Иосиф Ииречек, дело стало принимать для чехов более благоприятный оборот. По крайней мере, в начале семидесятых годов был выработан и одобрен министром народного просвещения план разделения университета на параллельные факультеты, одни с немецким, другие с чешским преподаванием. Когда Ииречка сменил немец Штремайр, дело снова остановилось, но план разделения университета на параллельные факультеты становился все более и более популярным в Чехии. Уже в 1872 г. была составлена в этом смысле петиция пражским городским советом, к которой стали присоединяться и другие города.

Своего, отдельного университета чехи еще тогда не добивались вовсе, хотя на богемском сейме 1876 г., будучи сами в меньшинстве, и указывали правительству на возможность, если бы оно нашло это лучшим, основать совсем новый университет для чехов. Не было у чехов требования об отдельном университете и после, когда они, отказавшись от политики воздержания, послали своих депутатов в рейхсрат. В 1879 г. в особом мемориале правительству чешские депутаты возвращались к точке зрения Ригра от 1866 г. Наоборот, немецкие депутаты из Богемии в своем мемориале правительству, поданном в 1880 г., отстаивали необходимость сохранения за Пражским университетом его чисто немецкого характера, «если же, — прибавляли они, — нужно удовлетворить желания чехов, то пусть уже будет им дан отдельный университет»: немцы продолжали бояться, что принятие предложения Ригра поведет только, в более или менее близком будущем, к чехизации университета. Когда содержание этого мемориала сделалось известным профессорам из чехов, они составили на него ответ, в котором уже высказывались за план времен министерства Гогенварта, который, в сущности, был составлен одним из этих профессоров (Томком). На этот раз, однако, разделение на параллельные факультеты рас-

считивалось и самими чехами как переходная мера к полному отделению. В этом последнем смысле пражский академический совет составил сам петицию в рейхсрат, которую поддержали и другие австрийские университеты (венский, грацкий, инсбрукский и черновицкий), боявшиеся утраты визации¹ пражского университета.

В самом деле, разделение было лучшим, что при тогдашних обстоятельствах можно было придумать: университет с двумя равноправными языками преподавания был утопией, в действительности же по поводу замещения кафедр, экзаменов и т. п. происходили взаимные обвинения, не говоря уже о многих чисто практических неудобствах. Само правительство увидело необходимость разделения, тем более, что в начале восьмидесятых годов высшие сферы в Вене находили нелишним дать награду чехам за их «законопослушность». В апреле 1881 г. было издано «высочайшее постановление», повелевавшее устроить (einrichten) университет в Праге таким образом, чтобы вместо одного было два университета, немецкий и чешский, но чтобы оба они рассматривались как продолжение прежнего Пражского университета и чтобы поэтому каждый сохранял прежнее название «Carolo-Ferdinandum». Немцы, раньше чехов высказывавшиеся за разделение, всегда стояли за то, чтобы чешский университет был совершенно новым, и решение, признававшее чешский университет равноправным с немецким продолжением старого, было, разумеется, в пользу чехов, поскольку у университета были разные фонды, учреждения и т. п. Немцы были недовольны таким оборотом дела, и в рейхсрате был поднят вопрос о том, имеет ли еще правительство право основывать новые университеты. Правительство, впрочем, не настаивало на своем праве, объявив, что данный случай представляет собой только исключение из общего правила. Когда дело дошло до ассигнования кредитов на устройство чешских философского и юридического факультетов, то рейхсрат отпустил до смешного малые суммы как на личный их состав (9 тыс. гульденов), так и на оборудование аудиторий, кабинетов и лабораторий (14 тыс. гульденов). Вопрос, кое-как решенный в палате депутатов, задержала затем на довольно продолжительное время палата господ, и только в феврале 1882 г. могла состояться санкция парламентских решений, оказавшихся необходимыми для исполнения «высочайшего постановления». Настоящим наследником старого «Carolo-Ferdinandum'a» сделался университет немецкий, чешскому было только обещано устроить новые учреждения, что же касается до библиотеки и архива, то они были оставлены в общем пользовании², равно как и актовый зал (aula). Из-за раздела университетских зда-

¹ То есть введения параллельного курса обучения с преподаванием на чешском языке. — *Прим. ред.*

² Общим оставался еще и богословский факультет, так как архиепископ пражский, кардинал Шварценберг, был решительным противником разделения; только после его смер-

ний возникли пререкания, потому что немцы хотели оставить за собою старейшее здание (Carolinum), отдав чехам построенное позднее (Clementinum), но чехи проявили большое упорство, чтобы тоже иметь свою долю в «историческом здании» университета. Споры происходили также и по вопросу о том, в каких отношениях будут находиться преемники ректора и деканов в двух университетах к своим предшественникам, занимавшим эти должности в едином университете: прежние ректор и деканы признали своими преемниками только немецких ректора и декана, и академический сенат отказал чехам даже в том, чтобы дать им напрокат университетские инсигнии¹ для торжественного акта (это заставило чехов заказать себе новые инсигнии). По земскому уставу 1861 г. в состав богемского сейма должен был входить ректор университета, но ландмаршал, кн. Карл Ауэрсберг, доложил сейму о выборе только нового немецкого ректора, которого и пригласил к участию в работах сейма, как будто чешского университета вовсе и не существовало. Потом уже само правительство позаботилось о том, чтобы и ректор чешского университета занял место в сейме. Та же фактическая неправомерность двух университетов проявилась и в том, что на государственных экзаменах от чешских студентов обязательно требовалось знание немецкого языка, но от немецких студентов знания чешского не требовалось². Конечно, во все время споров между немцами и чехами из-за университета с немецкой стороны постоянно выдвигались такие аргументы, что у чехов не хватит своих научных сил, что чешская научная литература крайне слаба, что сам чешский язык недостаточно выработан, дабы стать органом высшего преподавания и т. п. За двадцать пять лет своего существования чешский университет опроверг все эти опасения, и в конце XIX в. чехи уже настаивали на том, что одного университета для всей земли чешской мало и что потому нужен другой чешский университет — в Моравии³.

ти чешский университет получил свой отдельный богословский факультет (с 189,5 академического года).

¹ От *лат.* insignia — знаки высшей власти. — *Прим. ред.*

² Только Бадени в 1897 г. потребовал знания правительственными чиновниками в Богемии обоих языков, но с отставкой Бадени это распоряжение утратило силу.

³ См. ниже, в гл. XIX. Аналогичный университетский спор существует и во Львовском университете, где равным образом идет борьба между польским большинством и русинским меньшинством. Львовский университет был учрежден в 1784 г. с преподаванием на немецком языке, но в 1848 г. правительство объявило, что преподавание на немецком языке будет только временным, пока не подготовятся местные ученые силы. Обещание это было, впрочем, забыто, хотя от 1848—1849 гг. и остались во Львовском университете две русинские кафедры (языка с литературой и пастырского богословия). Сделав в 1861 г. Краковский университет польским, правительство намеревалось Львовский университет сделать постепенно русинским, но отмена немецкого языка произошла здесь только в 1871 г., причем говорилось уже о введении преподавания на одном из языков края (Landessprache). «В продолжение трех лет, — говорит львовский профессор-украинец Грушевский, — кафедры были замещены поляками благодаря дружным усилиям польской администрации, университета и министерства, в ко-

Особая враждебность австрийских немцев к чехам объясняется не только тесным сожительством обеих национальностей в Чехии, но бывшим всегда особенно резко выраженным у чехов их «панславистическим» направлением. Действительно, чехи еще в первой половине XIX в. были главными деятелями славянского возрождения и проповедниками славянской взаимности: в деятельности чешских патриотов как бы воплощался весь дух славянской оппозиции против всего немецкого. Не могло нравиться немцам и то русофильство, каким всегда отличалось большинство чешского образованного общества¹. Совсем иными должны были быть отношения австрийских немцев к полякам. В Галиции, где польской народности принадлежало экономическое и культурное преобладание, немцев было не так много, как в Чехии, и, следовательно, в этой области не могло существовать тех острых отношений, какие создались в Чехии. С другой стороны, у поляков не было такого напряженного славянского самосознания в его враждебно-противоположном отношении к германизму, какое характеризует чехов, русофильство же последних здесь заменялось, наоборот, крайней неприязнью к России. Таковы были причины того, что к полякам Вена могла относиться вообще уступчивее. Правда, еще в середине XIX в. австрийское правительство относилось крайне подозрительно к польским национальным стремлениям, и это особенно испытала на себе галицийская шляхта во время знаменитого погрома помещиков крестьянами в 1846 г., но стоило только полякам заявить о своей лояльности и доказать эту лояльность поведением в рейхсрате, чтобы получить от правительства все, вплоть до господства над русинской народностью, состоявшей, главным образом, из крестьянской массы. Австрийское правительство охотно защищало угнетенные народности, когда нужно было на них опираться в борьбе с их угнетателями, если только последние вызывали против себя неудовольствие, но раз положение изменялось, правительство охотно становилось на сторону сильных против слабых.

тором польское влияние было достаточно сильно... В 1874 г. Львовский университет был фактически польским, и, раз завладев университетом, поляки оказались в нем вполне господами положения». *Грушевский М.* К польско-украинским отношениям Галиции (1905), с. 31–32. Русинам дано было лишь несколько кафедр (сначала четыре, потом шесть). В сущности, лекции могут читаться на том или другом языке, но читаются только на польском, так как кафедры занимаются поляками, хотя ученые силы стали находиться и между русинами. См. также брошюру проф. Грушевского «Справа українського університету у Львові» (1899), а также: *Finkel, Starzyński.* Historia uniwersytetu lwowskiego. В настоящее время русинское меньшинство стало на точку зрения утратки, в которой поляки видят опасность для себя; поэтому они терпят лишь некоторое количество кафедр, занятых русинами. Вопрос об основании отдельного русинского университета в Галиции многими теперь считается только вопросом времени. Известно также, что за последние годы в Австрии довольно острое значение приобрел вопрос об основании особенного университета для итальянских подданных монархии.

¹ Особенно косо смотрели правительство и немцы на роль, какую играли чехи в славянском съезде в Москве, бывшем в 1867 г.

В свое время это испытали на себе хорваты, выданные Веною мадьярам, пришлось это испытать на себе русинам.

Славянское возрождение первой половины XIX в. коснулось, как известно, и той части малорусского племени, которая населяет восточную половину Галиции. Одним из обычных проявлений галицко-русского национального возрождения сделалось крайнее нерасположение к полякам, соединявшееся с самой верноподданнической преданностью австрийскому правительству. В Вене этот антагонизм был очень хорошо известен, и на нем в 1848 г. губернатор Галиции, гр. Стадион, обосновал всю свою политику: пока в русинах была нужда, им оказывалось всякое покровительство, а потом, когда надобность могла считаться миновавшей, их предоставляли их собственной судьбе. Заявление русинами о правах своей народности было столь неожиданным фактом, что составилось даже нелепое мнение, будто «рутены», как официально обозначалась эта народность, были плодом административного измышления австрийских властей, когда новшеством было только применение немцами термина «Ruthenen» к населению, обозначавшемуся прежде, как «Russen»¹. Поляки были крайне недовольны развитием среди русинов национального самосознания и усматривали в этом преступную измену единству польской нации, гибельный сепаратизм, якобы внушенный части населения врагами польского народа². И у австрийских властей, и у польских политических деятелей была одна общая забота — не допускать тяготения малорусского

¹ В конце XVIII и начале XIX в. особенно охотно русскую Галицию называли «Russia rubra» («Червоная Русь») или «Rotrussland», население — «Rotreussen».

² О том, как иногда понимается русинский вопрос в польской публицистике, свидетельствует, например, небольшая книжка «Ruś Galicyjska, jej separatyzm, przyczyny tegoż zjawienia i skutki» (1888), автор которой называет себя «русином, но не из шайки Стадиона и не с московским алфавитом». Между прочим, автор говорит следующее: «Русинский вопрос (kwestya ruska), никогда прежде никем не поднимавшийся и не обращавший на себя ничьего внимания (zaniedbana), никого вообще не касавшийся (nikogo w ogóle nie obchodziła), бывший безразличным и совершенно посторонним для самих русинов, вполне неизвестным во всей Европе и в целом мире, признавался заодно с вопросом польским, как это и было на самом деле. Само по себе небольшое различие в говоре русинского люда (w mowie ludu rusińskiego), которого никто, кроме простонародья, не употреблял и который был так соединен с польским языком, что сами поляки пользовались им в коротких и остроумных присловьях, считалось только наречием наравне с мазурским, шленским (=силезским), кашубским и другими наречиями образованного польского языка. Теперь этот вопрос, поднятый без всяких законных и добро-совестных поводов, без всяких охоты и стремления самих же русинов, только в целях превратной политики врагов народа (т. е. поляков)» и т. д. «Трудно, — говорит еще автор, — понять и объяснить то, что значительная часть народа подверглась заблуждению, бесчестным махинациям, гнусной политике развращенного врага народа, обратилась к самым подлым средствам пропаганды сепаратизма, чтобы отделиться от всего народа, с ненавистью в сердце против собственных братьев, отдавая предпочтение вражеской никчемной политике перед освященными течением веков законами истории, религии, политики» и т. д. Любопытно, что у нас тоже есть люди, утверждающие, что эту же самую национальность изобрела, наоборот, польская интрига на погибель единства русского народа и назло Российской империи.

населения Галиции к России, что, между прочим, выразилось в попытке бывшего в шестидесятых годах наместником Галиции, польского патриота гр. Агенора Голуховского ввести в украинский язык латинскую азбуку. Представитель федералистического течения, он стремился к автономии Галиции¹, но, по его мнению, автономная Галиция должна была быть безусловно польской, что он и осуществлял всеми мерами, какие находятся в распоряжении власти, когда и еще не раз занимал должность наместника Галиции.

После установления австро-венгерского дуализма венское правительство охотно делало уступки польским притязаниям, например, в виде замены польским языком немецкого в галицийской администрации, но поляки не отставали от чехов в своем оппозиционном отношении к рейхсрату, из которого они, подобно чехам, тоже выходили. Министерство Гогенварта относилось в высшей степени сочувственно к автономии Галиции², но его планы не осуществились, и поляки продолжали оставаться в оппозиции. Им, конечно, мудрено было бы ссылаться на такое же «государственное право», в обладании каковым считали себя мадьяры и чехи, но и они добивались расширения законодательной компетенции своего земского сейма, распространив ее вообще на вопросы внутреннего управления и суда, народного образования, торговли, кредита и т. п., с тем чтобы в рейхсрате галицийские послы принимали участие в обсуждении и решении лишь общих дел всей монархии. В своем бойкоте рейхсрата поляки оказались, однако, менее упорными, нежели чехи, в награду за что стали получать все большие и большие уступки, тем более что Вене не могли не нравиться феодально-клерикальные тенденции наиболее влиятельных польских кругов Галиции. Полякам в этой стране тем легче было достигнуть господства, что при куриальной системе большинство в местном сейме не могло не быть польским. В 1877 г. на полтораста членов львовского сейма приходился русинских депутатов только один десяток, четырем же годами раньше их было даже только три. «Мы, — откровенно признавался один из австрийских министров этой эпохи³, — пожертвовали им (т. е. полякам) рутенами», и это была полная правда. Русинам предстояла сильная борьба за национальную равноправность, но долгое время руководителями народа в этом отношении были местные консерваторы, пока среди украинской интеллигенции не началось более прогрессивное направление. Само, однако, возникновение последнего стоит в связи с еще большим, нежели между «старо- и младочехами» в Богемии, расколом единой национальной

¹ В 1859—1860 гг. он был австрийским министром внутренних дел. *Łozinski Br. Agenor Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich.*

² В составе этого министерства был поляк (Прохольский) и вообще австрийское правительство не отказывалось назначать министрами поляков (Голуховский, Потоцкий и др.).

³ Гербст.

оппозиции на «москалефилов» и «народовцев»¹, распри между которыми, конечно, не могли содействовать успеху их борьбы с победоносным полонизмом.

В общем, уже в семидесятых годах вполне определилось особенно дружелюбное отношение австрийского правительства к польскому элементу в Галиции — отношение, создавшее в следующем периоде для этой области особенно привилегированное положение во всей Цислейтании².

В этой главе мог бы быть еще рассмотрен вопрос о том, каковы же были те отношения, которые устанавливались в австрийском рейхсрате между разными славянскими народностями, например, между чехами и поляками, но факты, проливающие свет на эту сторону политической жизни Австрии, удобнее рассмотреть в обзоре ее истории за последние два десятилетия XIX в.³

¹ *Терлецкий О.* Москвофилы и народовцы (1874 и 1902); *Драгоманов М.* Литературно-суспильни партії в Галичини (1904).

² В статье гр. Адальберта Дзедушицкого «Galizien unter Kaiser Franz-Joseph I», помещенной по поводу шестидесятилетнего юбилея Франца-Иосифа в первом декабрьском выпуске «Österreichische Revue» за 1908 г., проводится мысль, что политика «примирения» Галиции с Австрией была всецело с самого же начала личным делом императора. В середине XIX в. в Галиции «allgemein wurde die russische und preussische Regierung über die österreichische gestellt», а потом Франц-Иосиф сделался «популярнейшей личностью» как и в Галиции, так и за ее пределами, «so weit das polnische Idiome erklingt» (с. 356). Последнее замечание понятно под пером поляка, думающего, кстати, что польско-русинская распря является лишь подражательным отголоском национальной вражды в Богемии: «ausserdem hat das Beispiel der nationalen Fehde in Böhmen das Verhältniss zwischen Polen und Ruthenien oft getrübt» (с. 358).

³ В гл. XIX.

XII. Отношение Западной Европы к балканским делам второй половины семидесятых годов¹

Внутренняя история и внешняя политика. — Восточный вопрос и его роль в истории международных отношений европейских государств. — Австрийские интересы на Балканском полуострове. — Влияние разгрома Франции на положение Турции. — Герцеговинское восстание и вмешательство Европы в дела Балканского полуострова. — Славянское движение на Балканском полуострове и отношение к нему Европы. — Русско-турецкая война 1877–1878 гг. — Сан-Стефанский мир и Берлинский конгресс. — Западное влияние на Балканском полуострове

Рассмотрев в последних семи главах внутреннюю историю Франции, Германии, Англии, Италии и Австро-Венгрии в семидесятых годах XIX в., прежде чем перейти к изложению главных событий и явлений той же их

¹ Кроме сочинений по восточному вопросу, указывавшихся в томах IV и V для более раннего времени, см.: *Debidour A.* Histoire diplomatique de l'Europe. т. II, гл. XIII (La crise orientale et le traité de Berlin, с. 477–534); *Bengesco.* Essai d'une notice bibliographique sur la question d'Orient de 1821 à 1897 (1897); *Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère (в трех частях доведено до 1878 г.); *Bamberg F.* Geschichte der orientalischen Angelegenheiten im Zeitraume der Pariser und der Berliner Friede (1888); *Driault.* La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours (1905; 3-е изд.); *Choublier.* La question d'Orient depuis le traité de Berlin (1897); *Beer A.* Die orientalische Politik Österreichs (1883); *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском Главном архивах (1907); *Герц.* Аргайльский. Ответственность Англии в восточном вопросе (1908). Равным образом в труде С. Татищева об Александре II, на который мы ссылались выше, см. «книгу VI» под заглавием «Освобождение балканских христиан, 1875–1880» (с. 291–576). В частности, о Боснии и Герцеговине см.: *Гильфердинг А.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия (1859; вошло в собр. соч.); *Г. Б.* Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношениях (1875); *Паевич А.* Из Црне Горе и Херцеговине (1891); *Кораблев Н.* Босния и Герцеговина, их прошлое и настоящее (1908). О Берлинском конгрессе: *Bruntschli.* Le congrès du Berlin // *Revue du droit international.* 1881; *Wyrouboff G.* La question d'Orient et le traité de Berlin; *Brunswick W.* Le traité de Berlin annoté et comments; *Baron d'Avril.* Négotiations relatives au congrès de Berlin; *Hanotaux.* Le congrès de Berlin // *Revue de deux mondes.* 1908; отрывок из приготовленного к печати IV тома его «Histoire contemporaine». Для истории занятия Боснии и Герцеговины войсками Франца-Иосифа и положения обеих областей под австро-венгерским управлением укажем: *Die Occupation Bosniens und Herzegovine durch die Kais. Kön. Truppen* (1880; офиц. изд.); *Липранди А.* Австрийская оккупация Боснии и Герцеговины (1895); *Petriniensis.* Bosnien und das Kroatische Staatsrecht (1908); *Neumann L.* L'empire Austro-Hongrois, la Bosnie et l'Herzégovine // *Revue du droit international.* 1879; *Lingg.* Die staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegovina // *Arch. für öffentl. Recht.* 1889; *Schneller.* Die staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegovina (1892); *Spalaïkovitch.* La Bosnie et l'Herzégovine // *Etud. d'hist. diplom. et de droit intern.* 1897; *Knell.* La Bosnie et l'Herzégovine (1900); *Bapp A.* Босния и Герцеговина под австрийским владычеством (1909).

внутренней жизни в два последние десятилетия века, мы остановимся теперь на международных отношениях в последней трети столетия¹ и на колониальной политике западноевропейских государств за это же время². Во многих отношениях внутренняя история не может быть достаточно выяснена без очерка этих внешних отношений. И в предыдущих главах нам уже приходилось ссылаться на некоторые факты из истории международных отношений, но в дальнейшем надобность в этом будет встречаться еще чаще. Дело в том, что внутренняя и внешняя политика отдельных государств находятся в постоянном взаимодействии. Экономическое, культурное и политическое состояние страны всегда так или иначе отражается на ее международном положении, которое, в свою очередь, производит то или другое давление на внутреннюю жизнь. Союзы между отдельными государствами не всегда обуславливаются соображениями внешней безопасности, но и мотивами внутреннего значения, а с другой стороны, сами дают известную окраску внутренней политике. Кроме того, правительства нередко выдвигают вперед вопросы международного характера для отвлечения от внутренних вопросов, да и сами народы очень часто из-за внешних целей на время забывают свои домашние дела. Далее, иностранная политика представляет собой поле, на котором совершаются также столкновения политических партий как между собой, так и с правительством. Наконец, в игре бывают еще замешанными и экономические интересы отдельных наций. Государства ведут между собой войны и без кровопролитий, так называемые таможенные войны и заключают не только мирные или союзные договоры, но и договоры торговые. Часто международные конфликты как раз и возникают из экономического соперничества, и, наоборот, дурные отношения в торговой политике являются в результате недоразумений на политической почве. С другой стороны, вопросы свободной торговли и протекционизма в политике внутренней тесно переплетаются с вопросами внешней политики, не говоря уже о том, что вопросы колониальной политики имеют громадное значение как во внешней, так и во внутренней истории одновременно.

В настоящей главе нам, собственно говоря, придется заняться историей международных отношений только второй половины семидесятых годов, так как все существенно важное до 1875 г. включительно уже было рассмотрено раньше³. На этот раз внимание наше должно быть направлено на отношение Западной Европы к новому обороту, который был принят восточным вопросом под влиянием герцеговинского восстания 1875 г.

На Венском конгрессе восточный вопрос был обойден по настоячивому желанию Александра I, и из всех государств Европы, территориальная

¹ Гл. XII и XIII.

² Гл. XIV.

³ См. первую половину гл. IV.

неприкосновенность которых была гарантирована международным соглашением, исключение было сделано для одной Турции. Султан равным образом не был приглашен участвовать и в Священном союзе, как союзе исключительно христианском. Россия в это время только что отторгла от Османской империи Бессарабию, и Меттерних подозревал, что русский император думает в союзе с Францией продолжать разрушение когда-то грозной империи. Опасения австрийского министра были совершенно напрасны, потому что Александр I оставил начавшееся в 1821 г. греческое восстание на произвол судьбы, как чисто революционное, и только Николай I в союзе с Англией и Францией, — которые потом были, наоборот, противницами его восточной политики, — поддержал греков в их борьбе с турками, что было одной из причин Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Австрия в это время не вела деятельной политики на Востоке, и главной соперницей русской восточной политики во все царствование Николая I после Адрианопольского мира и основания Греческого королевства сделалась Англия. Своей целью Англия поставила поддержку европейского равновесия, для которого считала существенно важным охранять неприкосновенность владений султана. На сторону Англии стала и Франция, но ни та, ни другая не оказали султану помощи, когда против него возмутился его наместник в Египте, Мехмет-Али. Защита целостности империи пришла тогда со стороны России, воспользовавшейся всеми этими обстоятельствами для того, чтобы заключить (1833 г.) выгодный для себя договор с султаном, еще более, чем Адрианопольский мир, подчинивший Турцию русскому влиянию. И в это время Австрия не предпринимала ничего на Востоке, так как июльская революция закрепила узы Священного союза, в смысле единодушия Австрии, Пруссии и России. Австрия продолжала бездействовать и тогда, когда в 1839 г. Турция потерпела поражение в войне с египетским пашой, несмотря на то, что в это время англо-французское соглашение расстроилось, так как Англия более благоприятствовала султану, а Франция нам; в это время Пальмерстон даже вступал в переговоры с австрийским правительством, желая иметь его на своей стороне и получить от него содействие в поддержке султана, но опять вопрос нашел свое разрешение благодаря тому, что видам Англии согласился благоприятствовать русский император. Впрочем, когда уже состоялось соглашение четырех великих держав (всех, кроме Франции) в пользу султана, и вместе с турецкой и английской эскадрой, усмирявшей Мехмета-Али, действовала и австрийская эскадра. После этого, как известно, был заключен (1841 г.) общий договор всех держав с Турцией, закрывший Дарданеллы и Босфор для военных флотов всех наций.

Таким образом, к исходу первой половины XIX в. Турецкая империя находилась под охраной соперничавших между собой держав, помогших части греков освободиться от власти султана, но поддерживавших его в борь-

бе с египетским пашой. Главными действующими силами были при этом Англия, Франция и Россия, Австрия же с Пруссией играли весьма второстепенную роль. Монархия Габсбургов в это время более интересовалась своим положением в Германии и в Италии, чем своим отношением к Балканскому полуострову, и только события 1866—1871 гг. направили ее политику в эту сторону. После усмирения революции 1848 г. Австрия вообще держалась за Россию, содействием которой пользовалась не только при подавлении венгерского восстания, но и во время требования, предъявленного ею султану, — выдать пять тысяч мадьяр, спасшихся бегством в Турцию после разгрома Венгрии. Султан тогда отказал Австрии, и мадьяры впоследствии этого не забыли. В своих заботах о наследстве «больного человека», как Николай I называл Турцию, он хлопотал, главным образом, о соглашении с Англией, как бы совершенно игнорируя Австрию, на покорность которой надеялся, но когда в 1853 г. началась новая Восточная война и на защиту Турции выступили Франция и Англия, австрийская политика впервые вышла из своей пассивности. Франц-Иосиф, не объявляя войны России, стал на сторону союзников: его войска вместе с турецкими заняли дунайские княжества, причем по соглашению же с Австрией были выработаны союзниками и те «пункты», которые ими были предъявлены России. Как известно, это были: переход дунайских княжеств под протекторат всей Европы вместо одной России, как было прежде; свободное судоходство по Дунаю; нейтрализация Черного моря и сохранение за султаном всей полноты власти над его подданными при покровительстве христианам со стороны всех европейских держав. Некоторые из этих пунктов специально интересовали именно Австрию, присоединение которой к врагам России позволило говорить об удивившей весь свет неблагодарности Австрии по отношению к России¹.

По окончании войны 1853—1856 гг. Парижский конгресс подтвердил неприкосновенность территории Османской империи и отказался от вмешательства в ее внутренние дела, когда турецкое правительство обещало произвести реформы в интересах христианских подданных султана. После этого политическое влияние в Турции перешло к Франции, при поддержке которой в согласии с Россией, но против Англии и Австрии произошло объединение Молдавии и Валахии в единую Румынию². Восточный вопрос на время был улажен. Россия занялась внутренними реформами, да и Австрии в эпоху войн 1859, 1864 и 1866 гг. и начала консти-

¹ Австрия хотела вовлечь в войну весь Германский союз и взяла на себя передачу России ультиматума, потом ею принятого.

² Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении (1859); *Mano*. L'union des principautés roumaines (1900); *Eliade P.* De l'influence française sur L'esprit public en Roumanie (1898). Обе державы оказали и в Сербии поддержку Обреновичам против Австрии.

туционных преобразований тоже было не до Балканского полуострова. Только после 1866 г., когда Австрия была исключена из Германии и утратила свою последнюю позицию в Италии, перед Францем-Иосифом открылась дорога к компенсации за происшедшие потери путем приобретений на Балканском полуострове¹.

Монархия Габсбургов с самого утверждения турок на Балканском полуострове была главной европейской соседкой Османской империи. В 1526 г. под власть Габсбургов перешла Венгрия, которая до того времени вела борьбу с надвигавшейся на Центральную Европу турецкой грозой, но вскоре после воцарения новой династии в этой стране большая ее часть вошла в состав Турции. Преемникам первого венгерского короля из новой династии пришлось постепенно отвоевывать это свое королевство от турок, и одно время династия Габсбургов имела такой успех, что в состав ее владений входили некоторые земли к югу от Дуная, от которых потом она, впрочем, отказалась. Борьба Габсбургов с турками в XVI и XVII вв. была упорная, сопряженная с опасностями, так как турки дважды, в 1529 и 1687 гг., делали нападения на саму Вену. В 1699 г. Габсбурги были уже обладателями всей Венгрии, а в 1775 г. приобрели от Турции Буковину. Иосиф II даже носился с планом в союзе с Россией совсем прогнать турок из Европы и поделить между собой бывшие турецкие владения. Вскоре начались войны с Французской революцией и Наполеоном I, после которых Австрии досталась вместе с Венецианской областью и узкая полоса земли на Балканском полуострове по берегу Адриатического моря, под названием Далмация, что сделало Австрию соседкой Османской империи не только с севера, но в одном месте и с запада и привело Австрию в более тесное соприкосновение с Боснией и Герцеговиной. Здесь, в западной части Балканского полуострова, под властью турок продолжала жить значительная часть сербохорватского племени, другая часть которого населяла южную Венгрию, Хорватию и Далмацию, а к югу от последней Черногорию, успешно отстаивавшую свою независимость от турок. Многие турецкие сербы уходили во владения Габсбургов, поступали в австрийскую военную службу, как, например, вождь сербского восстания в начале XIX в. Кара-Георгий, и в Австрию же спасались бегством сербские повстанцы, когда им приходилось на время отказываться от своей национальной мечты о независимости от турок. Когда Сербия сделалась автономным княжеством, ее правительству, в сороковых годах XIX в., приходилось угождать не только султану, в отношении к которому сербский князь был вассалом, но и Австрии, как могущественной соседке. В народе были даже недовольны слишком угодливой политикой князя (Александра Карагеоргиевича) перед мусульманской и католической державами, и он был низложен,

¹ Французский министр иностранных дел Тувенель еще в 1861 г. писал герцогу Грамону, послу в Вене, о желании Австрии получить Боснию и Герцеговину за утрату Ломбардии.

а второй его преемник из династии Обреновичей, Михаил, уже носился с мыслью об объединении всех православных сербов в одно государство, к великому неудовольствию Австрии, покровительствовавшей поэтому Карагеоргиевичам. К этой эпохе относятся герцеговинское восстание, подавленное турками (1862 г.), и план князя Михаила, вскоре после того убитого (1868 г.), получить от султана в управление и Боснию за уплату дани. Когда Сербия лишь номинально стала зависеть от султана и в ней с введением конституции (1869 г.) началось культурное и экономическое развитие, княжество стало очень быстро сближаться с Австрией в хозяйственном отношении, что влекло за собой и более австрофильскую внутреннюю политику правительства, тогда как народная масса продолжала тяготеть к России. Великосербская агитация особенно не нравилась австрийскому правительству, между прочим, и ввиду того, что у монархии Габсбургов были свои подданные сербской народности, притом же сербские патриоты надеялись на помощь России. Подобным же образом Австрия должна была выступить и противницей объединения Молдавии и Валахии в единую Румынию, сама имея массу подданных этой национальности в Трансильвании¹. В данном случае австрийское правительство поддерживало султана, бывшего за раздельное существование дунайских княжеств. Объединение нашло, однако, сильного покровителя в лице Наполеона III, стоявшего за принцип национальностей. Позднее в Румынии возникло даже движение «неискупленной Румынии», вожди которого указывали на то, что еще более трех миллионов румын остаются вне пределов национального королевства и что из них более двух с половиной миллионов находятся под властью Габсбургов. По отношению к сербам и к румынам австрийское правительство чувствовало себя совершенно так же, как раньше по отношению к немцам и итальянцам вне пределов габсбургской монархии.

В первой половине семидесятых годов венское правительство повело более энергичную политику на Балканском полуострове. В 1874 г. с Сербией и Румынией были заключены торговые договоры, теснее связывавшие оба княжества с Австро-Венгрией в экономическом отношении. Не без политического значения была поездка Франца-Иосифа в 1875 г. в Далмацию², так как в Дубровнике (Рагузе) и Кривошье император принимал депутации из соседних турецких областей³. Некоторые готовы были даже

¹ *Djuvara A.* Hongrois et roumains (1895); *Bertha A.* Magyars et roumains devant l'histoire (1899); *Xénopol A.* Magyars et roumains. Réponse à M. de Bertha (1900).

² На возвратном пути из Италии. См. выше.

³ В двухнедельном журнале «*Österreichische Revue*» (в номере от 1 декабря 1908 г.) помещена статья бар. Хлумецкого «*Kaiser Franz-Josephs Balkanpolitik*», где проводится мысль о чисто личной инициативе императора-юбиляра (2 декабря 1908 г. исполнилось 60 лет со дня вступления Франца-Иосифа на престол) в деле присоединения Боснии и Герцеговины. Автор напоминает о путешествии Франца-Иосифа в 1875 г. в Далмацию, когда «*die ersten Fühler nach Bosnien und der Herzegowina ausgestreckt wurden*», а именно на поклон к нему в Рагузу приез-

ставить это путешествие Франца-Иосифа в область, сопредельную с Боснией и Герцеговиной, в связь с восстанием, вспыхнувшим в них очень скоро, но такое происхождение восстания опровергается с очень компетентных сторон¹.

Главного врага своих интересов на Балканском полуострове Австрия видела в России, традиционной покровительнице турецких христиан. Неисполнение султаном обещаний 1856 г. снова заставило христианских подданных султана обратить свои взоры на единоверную Россию, которая и после 1856 г. продолжала отстаивать интересы отдельных балканских народностей, тогда как Франция советовала султану слияние их всех в единую нацию. Падение империи во Франции, сопровождавшееся объявлением со стороны России отмены нейтрализации Черного моря, имело своим следствием переход влияния в Константинополе от Франции по-прежнему к России. Особым покровительством с русской стороны стали пользоваться среди турецкой «райи» болгары, угнетавшиеся не только турками, но и высшим греческим духовенством, которому они были подчинены, не имея собственного, национально-болгарского церковного устройства. И в этом случае стремления Австрии и России встретились враждебно

жали из Герцеговины высшие духовные лица (Kirchenfürsten), а в Кривошье была принята депутация босно-герцеговинских нотаблей. Автор подчеркивает, что лишь во время этого путешествия лица, окружавшие императора, поняли цель этой поездки («welche weitgesteckten Ziele sie dienen sollte»), после чего и в более широких кругах заговорили «von der Erwerbung des Hinterlandes wie von einem zweifellos bevorstehenden Ereignisse». В статье отмечается и то, что наместником Далмации был военный генерал, находившийся в непосредственных сношениях с самим государем и потому мало зависевший от министерства: это позволяло «in Dalmatian eine von der Zentralregierung unabhängigere Politik zu führen», — признание, характеризующее австрийский конституционализм. Барон Родич (наместник) так и поступал, всячески, между прочим, покровительствуя «юго-славянскому элементу в Далмации» против итальянского, имевшего связи с немецким большинством рейхсрата: такая политика «war eben die notwendige Vorbedingung für eine bosnisch-herzegowinische Aktion». Оппозицию, какой была встречена три года спустя оккупация Боснии и Герцеговины в австрийской палате депутатов, бар. Хлумецкий называет близорукой (с. 322). В объявленной в 1908 г. аннексии Боснии и Герцеговины он видит «nur die Folge des klugen, von der Alltagsstimmurig unbeirrten Handelns des Monarchen» (с. 323).

¹ Некоторые подробности о встречах Франца-Иосифа с босняками и герцеговинцами во время его путешествия по Далмации я нашел в случайно бывшей у меня под руками книге Пророковича-Невесинаца «Невесинска буна 1874 и почетак устанка у Херцеговини 1875 године» (Београд, 1905). Именно здесь говорится о принятии Францем-Иосифом депутации из соседних турецких провинций, между прочим, с жалобами на турок (с. 124 и след.), равно как о жалобах из обеих провинций, приносившихся австрийскому правительству в предшествующих годах (с. 121—122), но решительно отвергается связь герцеговинского восстания с этим путешествием (Ово је било прво царско путовање те земље; а како оно пада баш у очи устанка, то му неки политичари придају значај, какав ње имало. На име, они и сѐм почетак устанка вежу за то путовање. Не знајући да гад на устанку датира много из раније, готови би били рећи, да није било тога путована, не би било ни устанка, с. 100—101). Что касается до австрийской пропаганды, то автор считает ее явлением гораздо более ранним, нежели поражение Австрии в 1866 г.

между собой: австрийские агенты католической пропаганды стали обращаться болгар в унию, Россия же добилась от султана согласия на учреждение для болгар особого, не зависимого от патриарха духовного главы, экзарха (1872 г.). Уже в этом выразилось влияние в Константинополе русской дипломатии, которое вообще очень усилилось, как было сказано, после разгрома Франции. Одна из причин, заставивших Австрию искать сближения с Германией, заключалась именно в желании заручиться сильной поддержкой против русского преобладания на Балканском полуострове, где черногорцы, сербы, болгары и отчасти румыны видели в России естественную покровительницу, между тем как и турецкое правительство слушалось русских советов¹.

Таковы были международные отношения в восточной половине Европы, когда летом 1875 г. совершенно неожиданно вспыхнуло восстание в Герцеговине. В России с самого начала многие думали, что подстрекательницей была, в данном случае, Австрия, как, наоборот, в Западной Европе стали в подстрекательстве обвинять Россию². Во всяком случае, в России герцеговинское восстание было встречено большим сочувствием «угнетенным славянским братьям», но еще большую поддержку нашли повстанцы в единоплеменных Черногории и Сербии. В Австро-Венгрии стали прямо опасаться, как бы начавшееся движение не окончилось присоединением Герцеговины к Черногории, а Боснии к Сербии. Если Франц-Иосиф и имел виды на обе эти области, как на вознаграждение за утраты в других местах, а в самих этих областях и велась католическая пропаганда, да и местные католики стремились присоединиться к Австрии, то ни в той, ни в другой половине габсбургской монархии вовсе не желали такого присоединения ввиду того, что и своих славян было достаточно. Все усилия графа Андраши были направлены к тому, чтобы Герцеговина и Босния оставались в составе Оттоманской империи. Русское правительство тоже стояло на той точке зрения, что не нужно давать пожару разрастись, а для

¹ О том, что в России еще в начале 1870 гг. знали или подозревали о замыслах венского правительства относительно Боснии и Герцеговины, см. в названной выше книге С. Горьянова. В 1875 г. о возможности окружения Австро-Венгрии со стороны Боснии Бисмарк говорил русскому послу. Ibid, 287.

² Горчакову, говорит Debidour (II, 479—480), «la Roumanie, la Serbie, le Monténégro servaient de bases d'opérations pour agiter la Bosnie et l'Herzégovine, la Bulgarie... Aussi, dès le commencement de 1875, les agents moscovites se montraient-ils au sud du Danube plus hardis et plus remuants que par le passé». Последнее мнение сделалось даже общим местом в исторической литературе. «Эти тайные действия (славянских комитетов в России и русских консульских агентов) были разоблачены письмами, которые турецкое правительство добыло в 1872 г. и обнародовало в 1877 г. Остается спорным, действовали ли русские агенты по распоряжению своего правительства или без его ведома». *Сеньобос III*. Политическая история современной Европы (изд. Суворина, 1897. С. 761). «Niçlit minder sicher aber ist, dass die russische Sendboten ihre Hand im Spiele hatten... Geheime Schriftstücke, welche der türkische Gesandte in Wien, Khalil pascha, durch Kauf an sich brachte, lassen hierüber nicht den geringsten Zweifel». *Egelhaaf G*. Geschichte der neuesten Zeit, c. 101—102. Ср.: *Kaemmel O*. С. 439.

этого было предположено установить в Вене «центр соглашения» (*un centre d'entente*) трех императорских дворов¹, дабы вместе с остальными великими державами «побудить восставших к покорности, сербов и черногорцев к нейтралитету, а Турцию к милосердию и справедливым преобразованиям». С самого, однако, начала переговоров между Бисмарком и Андраши было, по-видимому, условлено направлять все дело так, чтобы в конце концов состоялось присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, хотя Бисмарк внешним образом и держал себя так, как будто его единственным желанием было установить полное согласие между Россией и Австро-Венгрией по вопросу о Боснии и Герцеговине. В сущности, решено было оказать давление на Порту, чтобы она произвела необходимые внутренние реформы, и в этом смысле был составлен так называемый берлинский меморандум, декларация трех императорских дворов, к которой примкнули Франция и Италия (весна 1876 г.), но Англия отказалась от присоединения к ней, так как стоявший тогда во главе английского правительства Дизраэли следовал традиционной политике сент-джемского кабинета, заключавшейся в том, чтобы противодействовать всем планам России касательно Османской империи. Впрочем, берлинский меморандум остался неотправленным по адресу, потому что события его опередили и он уже оказался негодным при новых обстоятельствах, наступивших в 1876 г.

В содержание книги, имеющей своим предметом историю Западной Европы, не может входить сколько-нибудь подробный рассказ о событиях, разыгравшихся на Востоке во второй половине семидесятых годов, начиная с герцеговинского восстания и кончая Сан-Стефанским миром, которым завершилась последняя война России с Турцией. Нас здесь должны интересовать только факты западноевропейской истории, имеющие отношение к тому, что в это время происходило на Балканском полуострове: взгляды и поведение правительств, с одной стороны, и настроение, господствовавшее в отдельных нациях, с другой. Мы ограничимся лишь тем, что напомним вкратце главные из упомянутых событий в их хронологическом порядке. В июле 1875 г., как было уже сказано, началось герцеговинское восстание, скоро перебросившееся в Боснию. Поддерживаемое Черногорией и Сербией, оно к весне следующего года только усилилось, и примеру герцеговинцев с босняками тогда последовали болгары (первая вспышка в мае), которых стали со страшной жестокостью усмирять турецкие башибузуки. Одновременно среди мусульман началось движение против христиан и европейцев, и в Салониках толпа убила французского и германского консулов. В столице Турции происходило революционное

¹ «Сближение с Австрией повлекло за собой признание за ней со стороны России права на влияние в славянских землях, которым мы одни пользовались и которое до той поры ревниво оберегали». *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. С. 283.

движение против султана Абдул-Азиса. Главную роль в агитации играла партия младотурок, и когда перед дворцом, руководимая софтами, студентами высшей мусульманской школы, происходила враждебная султану демонстрация, Абдул-Азис дал отставку прежнему министру, сделав великим визирем одного из вождей младотурок, Мидхада-пашу, что, однако, не спасло султана. Убежденный младотурками, что Абдул-Азис неспособен управлять империей, глава турецкого духовенства, шейх-уль-ислам, издал «фетву», на основании которой султан был низложен (30 мая), а вскоре сделалось известным, что он лишил себя жизни, или «был самоубит», как выражались некоторые русские газеты, кивавшие при этом в сторону Англии¹. Очистившееся место занял его племянник Мурад V, царствовавший, однако, только три месяца, так как он сошел с ума и тоже был низложен. В его короткое царствование (в июле) Турции объявила войну Сербия (Черногория открыто перешла на сторону восстания еще раньше), и новому султану, Абдул-Гамиду, пришлось напрячь все силы Турции для борьбы со славянами на севере Балканского полуострова. Все эти события заставили европейские державы более деятельно вмешаться в дела Османской империи, причем наиболее энергии было проявлено со стороны России (посылка из России в Сербию денежной помощи и добровольцев, русский ультиматум, остановивший движение турок в Сербию после одного поражения сербов², противодействие же русской политике оказывала преимущественно Англия, тем самым поощрявшая правительство султана в его сопротивлении требованиям держав. Одним из средств для избавления Турции от европейского вмешательства, по мнению младотурецкого министерства, было введение в Османской империи конституции, которая, к удивлению всей Европы, совершенно внезапно была торжественно провозглашена в самом конце 1876 г. Однако турецкая конституция была недолговечна: в начале 1877 г. Мидхат-паша, творец конституции, был уволен от должности великого визиря, а собранная на основании конституции палата депутатов, отвергая от имени османской нации требования держав, была распущена, чтобы потом и вообще не собираться³. В апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну.

Ход событий на Балканском полуострове в 1876 г. принял такое направление, что совершенно сделал невозможной безучастность по отношению к ним «Европы». Присоединение к восстанию Черногории, Сербии и Болгарии, упорное сопротивление представлениям держав со

¹ Острое слово было, впрочем, пушено в ход одним сотрудником «*Journal des Debats*», написавшим в своей статье, что «*le sultan déposé a été suicidé*».

² «Поощряя русских добровольцев в их борьбе за независимость Сербии, мы одновременно подписывали тайный договор с Австрией, коим признавали за ней право на присоединение Боснии и Герцеговины, населенных сербами». *Горьяинов С. С.* 345. См. ниже о рейхштадтском свидании.

³ До 1908 г., когда в Турции произошла революция, восстановившая действие конституции.

стороны турецкого правительства, низложение двух султанов, объявление конституции сами по себе были факты, которые должны были усилить деятельность дипломатии, а тут еще взбудоражившее общественное мнение в Европе салоникское убийство, кровавое усмирение болгарского восстания, опасность подобного же разгрома Сербии, с одной стороны, и тревога европейских кредиторов Турции, оказавшейся не в состоянии выплачивать аккуратно проценты по займам, с другой, также вынуждали европейские правительства действовать более решительно. За берлинским меморандумом последовали новые шаги, каковы конференция послов шести великих держав в Константинополе, составившая в конце 1876 г. отвергнутый затем Портой проект реформ, отзывание державами из Константинополя в начале 1877 г. своих послов и так называемый лондонский протокол, подписанный представителями шести великих держав во второй половине марта 1877 г. В последнем было сказано, что если надежды держав на обещанные турецким правительством реформы не оправдаются и положение христиан в Турции не улучшится настолько, чтобы предупредить повторение смут, периодически нарушающих спокойствие Востока, то державы найдут такой порядок вещей несогласным со своими частными интересами и с интересами всей Европы, и что потому они заранее предоставляют себе право сообща принять меры, какие признают наиболее целесообразными для действительного обеспечения как благосостояния турецких христиан, так и всеобщего мира. Россия, которая в это время уже начала свои вооружения, присоединила декларацию, выражавшую согласие приступить к разоружению, если Турция заключит мир с Черногорией (с Сербией мир был уже заключен) и выкажет готовность поставить свои войска на мирную ногу и серьезно приняться за осуществление реформ, которых от нее требуют; «если же, — сказано было далее, — произойдет резня, подобная той, что окровавила Болгарию, то все меры к демобилизации будут немедленно приостановлены». Порта 28 марта отвергла эту последнюю попытку мирного улаживания балканского кризиса, и две недели спустя (12 апреля) Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции.

Рассмотрим теперь, как относились к балканским событиям 1875—1876 гг. в отдельных государствах Западной Европы.

Начнем наш обзор с Англии, которая наиболее мешала европейскому концерту и тем, несомненно, поддерживала упорство турок. Здесь во главе правительства в это время стоял Дизраэли, принявший власть из рук Гладстона всего за год с небольшим до начала восточных осложнений. Враги Гладстона обвиняли его в том, что он уронил внешний престиж Англии и слишком мирволил России, допустив отмену в 1870 г. нейтрализации Черного моря и экспедицию для завоевания Хивы. Дизраэли, наоборот, как мы знаем, поставил одной из задач внешней политики поднять «ском-

прометированный» его предшественником престиж Англии. Одним из средств для этого он считал возвращение к традициям Пальмерстона по отношению к восточному вопросу — поддерживать Турцию против России. В движении славян в 1875—1876 гг. он усматривал только следствие происков России и старался всячески убеждать английское общественное мнение в том, что в известиях, идущих из Турции о дурном обращении турок с христианами, много преувеличений. Когда одна английская газета («Daily News»¹) в июле 1876 г. поместила первые известия о жестокостях башибузуков при усмирении болгарского восстания, министерство в парламенте заявило, что в этих известиях чуть не из мухи сделали слона, и высказалось недвусмысленно, что во всем этом деле видны козни русского правительства. Посылка на Балканский полуостров специального уполномоченного, который, как предполагалось, подтвердит мнение министерства, привела совсем к другому результату, потому что газетные корреспонденции, в общем, оказались верными. Не подлежало более никакому сомнению, что масса болгарских селений была разграблена и сожжена башибузуками и что было перебито болгар несколько тысяч (по счету английского консула 12—15 тыс., по донесению североамериканского консула даже от 25 до 40 тыс.), не считая тысяч уведенных в плен. Несмотря на то, что это произвело весьма сильное впечатление², Дизраэли все-таки удалось поселить в широких кругах населения крайне враждебное отношение к России, явившейся главной защитницей христианских подданных султана. Русскому правительству приписывались опасные замыслы относительно Индии, которые, как думали в Англии, сделались бы очень близкими к осуществлению, если бы Россия одолела Турцию. Некоторыми особенно шумливыми и крикливыми элементами английского общества овладела настоящая шовинистическая лихорадка, и поддержка правительством Турции находила благодаря этому массу сторонников в населении.

В это время Гладстон, вскоре после своего выхода в отставку заявивший об оставлении и положения лидера партии и, следовательно, как бы

¹ «Ежедневные вести» (англ.). — *Прим. ред.*

² Известия о болгарских ужасах взволновали общественное мнение в Англии. В это время, см. выше, в отдельных городах возникали либеральные ассоциации «ста», «трехсот» и т. п., которые и не замедлили использовать эту тему в борьбе со своими политическими противниками. Вожди этих ассоциаций обвиняли консервативное правительство в моральном соучастии в турецких зверствах. По почину известных нам бирмингемских «шестисот» в несколько дней было устроено около полутораста митингов негодования в разных городах и даже созваны были съезды делегатов от отдельных ассоциаций с целью организовать национальный «конвент» по восточному вопросу. Дело до такого «конвента» не дошло, но в Лондоне состоялся колоссальный антитурецкий митинг, на котором присутствовало немало делегатов от провинциальных либеральных ассоциаций. До самого Берлинского конгресса главным предметом оппозиционной агитации была внешняя политика кабинета, хотя возбуждение, бывшее результатом болгарских ужасов, мало-помалу улеглось. Агитации по поводу турецких зверств посвящена целая глава (с. 482—510) во II томе «Платформы» Г. Д. Джефсона (рус. пер. 1901 г.).

отказавшийся от всякой политической деятельности в будущем, был до такой степени возмущен турецкими зверствами и политикой правительства по отношению к балканскому кризису, что решился резко высказаться в печати по поводу того, что происходило в Болгарии, и того, как отнеслось к этому министерство. Его горячо и сильно написанная брошюра «Болгарские ужасы и восточный вопрос» в несколько дней, осенью 1876 г., разошлась в количестве целых десятков тысяч экземпляров и произвела громадное впечатление в обществе к великому неудовольствию туркофилов, министерства и самой королевы, одобрявшей политику Дизраэли, который около этого времени и получил от нее титул графа Биконсфильда. Заклеймив турецкие зверства соответственными эпитетами, Гладстон бросил в лицо министерству обвинение в моральной солидарности с этими зверствами¹. Не ограничиваясь этим, он написал еще для периодической прессы ряд статей и новую брошюру «Lessons in massacre»², которую выпустил в свет перед самым объявлением Россией войны Турции, когда шовинистический задор в Англии достиг своего апогея: вторая брошюра Гладстона уже не имела успеха первой, и влияние ее на общественное мнение оказалось весьма слабым. Наконец, Гладстон задумал перенести свою полемику и в парламентские прения. Когда он высказал такое намерение своей партии, последняя стала убеждать его не делать этого ввиду крайне неблагоприятного настроения большинства нации. Гладстон, однако, до-

¹ Брошюра Гладстона была переведена по-русски. Это — целый обвинительный акт против тогдашнего министерства, которое, к «изумлению и ужасу» английского общества, вовлекло нацию «в нравственную ответственность за самые черные, самые позорные злодеяния, какие только видел мир в XIX столетии, если не с тех пор, как мир себя помнит». Правительство повело так дело, что устранило возможность его обсуждения и в парламенте, и в самой нации, оттянув свои сообщения до глухой поры, «когда все классы общества, наиболее обладающие досугом и наиболее участвующие в образовании и направлении общественного мнения, представляются единицами, рассеянными по целой стране и по чужим краям. Но, — прибавлял Гладстон, — есть чувства, которые никогда не празднуют, никогда не дают себе отдыха: это — чувства чести, долга, сострадания и, смею прибавить еще, чувство стыда. Рабочие люди нашей страны, на которых менее, чем на всяком ином классе, отражается действие vacationного сезона, к чести своей, положили начало движению и заявили, что великое сердце Британии не перестало еще биться». Предъявляя такие обвинения, Гладстон прямо утверждал, что правительство обманывает доверие нации, оказывая от ее имени нравственную и материальную поддержку Турции и в то же время скрывая от нации истинное положение дел. «Можно подумать, — говорит Гладстон, — что намерение министерства было не просветить общественное мнение, а держать его в потемках». — «Старый слуга престола и государства, — писал еще Гладстон, — я умоляю своих соотечественников, от которых дело зависит, может быть, более, чем от всякого другого народа, в Европе, — умоляю настоятельно и неуклонно требовать, чтобы наше правительство, действовавшее до сих пор в одном направлении, действовало отныне в другом и обратило всю свою силу, в совокупности с прочими европейскими государствами, на искоренение турецкой исполнительной власти в Болгарии. Пусть теперь турки уничтожают свои злоупотребления единственно для них возможным способом и именно пусть убираются сами».

² «Уроки резни» (англ.). — *Прим. ред.*

казывал необходимость выразить протест против всех действий турецкого правительства, на стороне которого не должно было быть ни сочувствия, ни помощи со стороны Англии в войне, великодушно начатой Россией. Вскоре после объявления войны он сказал в парламенте блестящую речь, продолжавшуюся более двух часов и клонившуюся к тому, что на турецкое правительство можно действовать только силой и что эту силу по отношению к нему должна употребить и Англия, не оставляя за одной Россией славу защиты угнетенных турками христиан. В этой речи Гладстон красноречиво обращался к прошлому своей родины, когда английский народ, где только мог, оказывал содействие делу справедливости и свободы; эту благородную традицию он противопоставлял другой, на которую ссылалось правительство, традиции — поддерживать Турцию. «Указывают на английские национальные интересы, но разве можно забывать из-за них нравственные принципы, веления долга и человеколюбия? Как бы, однако, англичане ни действовали в этом деле, последний час турецкого господства на Балканском полуострове настал: хорошо ли, чтобы угнетенные славяне получили свободу тем способом, который неприятен англичанам?» В заключение Гладстоном были предложены соответствовавшие общему духу речи резолюции, но они были отвергнуты 354 голосами из 577. Успехи России на войне только еще более раззадоривали англичан, и дело дошло до того, что Гладстон не мог считать себя гарантированным от неприятностей со стороны уличной толпы. Какие бы то ни было публичные выражения сочувствия освободительной войне или неодобрения внешней политике Биконсфильда стали почти и даже совсем невозможными, и крайние шовинисты срывали митинги, сколько-нибудь благоприятные взглядам Гладстона. Мы еще увидим, что Гладстон равным образом выступил потом и с резкой критикой политики правительства по окончании войны, когда подводились ее итоги, но громадное большинство англичан, так или иначе высказывавших свои политические мнения, одобряло образ действия тогдашнего министерства. Только много позднее к Гладстону вернулась его прежняя популярность, которой он так повредил своими смелыми выступлениями против Турции в то время, когда чуть не вся Англия была по преимуществу туркофильской.

Другой резко туркофильской нацией в конце семидесятых годов выступили мадьяры. После 1849 г. эта господствующая в Венгрии национальность не могла забыть и простить то, что ей было сделано русским правительством, помогшим Австрии справиться с революцией и таким образом ставшим поперек достижения мадьярами политической свободы. Свою ненависть к России мадьяры проявили в усиленном туркофильстве. С другой стороны, им вовсе не улыбалась перспектива усиления славян вообще и, в частности, сербов на Балканском полуострове, по соседству с венгерскими славянами, на которых мадьярская нация смотрела лишь как на эт-

нографический материал для претворения в мадьяр. С точки зрения узко-эгоистического интереса, этой национальности наиболее желательным казалось, чтобы турецкие славяне оставались под властью султана и, таким образом, можно было избежать неприятного и опасного соседства. В одной недавней публикации какого-то мадьярского патриота об этом моменте в новейшей истории Венгрии говорится, как о непреходящей заслуге Андраши перед родиной, о том, что он дал санкцию со стороны габсбургской монархии освобождению балканских славян и оказал сопротивление военным кругам (особенно партии фельдцейхмейстера Куна) и «венгерскому шовинистическому мнению», требовавшим, чтобы после плевнинской неудачи русской армии было использовано военное ослабление России и была отрезана линия отступления русских. «Поступи мы тогда подобным образом, — признается автор, — мы навлекли бы на себя непримиримую ненависть не только всех славян, но и всего цивилизованного света»¹. В конце семидесятых годов в мадьярской прессе таких голосов не было: политика Андраши шла совершенно вразрез с общественным мнением его соотечественников. Из этого, конечно, не следует, чтобы Андраши в восточном кризисе семидесятых годов стоял на точке зрения Гладстона. Лично он был и против присоединения Боснии с Герцеговиной к обоим сербским княжествам, и против образования из них особой автономной области, считая лишь необходимым добиться от султана реформ, для чего все державы должны были оказать на Турцию известное давление. Его точка зрения и была принята Россией, но когда обнаружилось, что султан будет сопротивляться, Андраши готов был видеть в этом интригу русского посла, гр. Игнатьева, заподозренного им в стремлении возвратиться к тем временам, когда Порта находилась под исключительной опекой России. С упреком на поведение русского посла в Константинополе Андраши обратился к русскому послу в Вене, а тот довел это до сведения русского государственного канцлера Горчакова, указав вместе с тем, однако, что в случае принятия предложения Андраши Россией, державами и самой Турцией, раз только смуты возобновятся в Боснии и Герцеговине, Австро-Венгрия будет иметь преимущественное право вмешательства в дела этих областей, как соседних с ней, займет их своими войсками и кончит, пожалуй, включением их в свои владения. Горчаков не разделял последнего опасения венского посла и решил действовать по программе, предложенной Андраши. Таким образом, последнему принадлежит весь план дипломатического воздействия на Турцию, к которому у Биконсфильда было такое недоброжелательное отношение и результатом которого могло быть или оставление Боснии с Герцеговиной под властью Турции, или присоединение их к Австро-Венгрии.

¹ Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee von Mercator (1908, перев. с мадьяр.), с. 40.

Германия не была так непосредственно заинтересована событиями, происходившими в Турции, как Англия или Австро-Венгрия. И иностранным дипломатам, и в рейхстаге имперский канцлер не раз высказывал ту мысль, что Германия может хлопотать лишь об улаживании кризиса в целях сохранения европейского мира при улучшении быта христианских подданных султана, что, в общем, ее политика должна быть, по возможности, нейтральной по отношению к противоречивым интересам других держав и что такой нейтралитет диктуется ей самим географическим положением Германии, заставляющим ее хлопотать о дружбе с соседями. На одном парламентском обеде Бисмарк прямо заявил, что он ни в коем случае не посоветует своему государю вмешиваться в восточный вопрос, пока не будет затронут в нем такой интерес, «который стоил бы крепких костей хотя бы одного померанского мушкетера». Задачу Германии в балканском кризисе он даже определял, как задачу всячески предупреждать войну, а если она вспыхнет между Россией и Турцией, то не дать войне разгореться, локализовать ее. Конечно, не все, что говорил Бисмарк, было выражением его настоящей мысли. С самого же начала балканского кризиса он разыгрывал роль примирителя интересов и точек зрения России и Австро-Венгрии при сильном тяготении в сторону последней, с министром которой, Андраши, он находился в это время и в личной дружбе, ненавидя, наоборот, Горчакова. Русский канцлер не скрывал, что целью вмешательства Европы должно было быть постепенное образование из христианских областей Турции вассальных, но автономных княжеств, — с этой мыслью сходилась в существе дела программа, начертанная Гладстоном, — но против нее Андраши решительнейшим образом и восставал, доказывая, что этим была бы только увековечена борьба местных христиан и мусульман, источник новых смут. И по другим, более частным пунктам между Горчаковым и Андраши возникали разногласия; многие русские предложения венским кабинетом отклонялись, как, например, и предложение занятия Боснии австрийскими и Болгарии русскими войсками. Бисмарку приходилось постоянно примирять эти противоречивые желания обеих союзниц Германии, очень искусно помогая торжеству австро-венгерской точки зрения, своей же видимой защитой русских предложений, — за что его не раз горячо благодарили из Санкт-Петербурга, — только поощряя русскую политику в тех ее решительных действиях, которые в конце концов привели к войне. В исходе декабря 1876 г. на вопрос русского посла о том, какой оборот могут принять дела от неуспеха конференции послов в Константинополе, Бисмарк уже без обиняков говорил, что Россия должна идти вперед, должна «открыть пальбу», ибо «нельзя допустить разговоров, что она отступила перед турками», хотя бы это стоило больших материальных жертв и было сопряжено с финансовыми затруднениями. «Я, — прибавлял Бисмарк, — может быть, и не зашел бы так далеко, как вы, но теперь уже

поздно». «Я, — говорил он еще, — постоянно твержу императору: “России нужны несколько бунчуков и победная пальба в Москве”». В заключение своей длинной речи он указывал на то, что политическое положение для России благоприятно и что никто ее стеснить не может, Германия же из дружбы станет только радоваться будущим русским успехам и, во всяком случае, противиться им не захочет¹. Зная о содержании секретных переговоров, которые вела Россия в Вене, чтобы добиться нейтралитета Австро-Венгрии на случай войны, Бисмарк даже подчеркивал перед представителем России при берлинском дворе, что не станет оказывать поддержки Австро-Венгрии, если последняя будет питать свои прежние предубеждения касательно русской политики, станет действовать по отношению к России неприязненно или откажется от исполнения данных ей обещаний. Видимое расположение Бисмарка к России, за которое, как только что было сказано, ему посылали изъявления благодарности из Санкт-Петербурга, выражалось еще и в том, что он защищал перед другими державами бескорыстие и великодушие русского императора от всяких подозрений и нареканий. Наконец, он указывал русскому послу, что не все в Германии думают так, как думает он, имперский канцлер: именно многие «серьезные умы» не переставали твердить, что поддержка, оказанная России со стороны Германии, может впоследствии повредить самой же Германии, но он, Бисмарк, верит в русскую дружбу и считает правильным, чтобы Германия отблагодарила Россию за услуги, оказанные прусской политике в деле германского объединения.

Затаенной мыслью Бисмарка было обессиление России. Известный дипломатический инцидент 1875 г. произвел на «железного канцлера» крайне тягостное впечатление, которое в нем было еще живо в 1876–1877 гг. Из двух империй, находившихся с 1871 г. в соглашении с Германией, все влекло его в сторону Австро-Венгрии и ее интересы были ему ближе, чем интересы России. Все переговоры России с правительством Франца-Иосифа были ему известны, но правительство Александра II далеко не было посвящено в то, что было предметами соглашений между Берлином и Веной. Летом 1876 г., на личном свидании в Рейхштадте (в Богемии) между русским и австрийским императором, со стороны последнего было сделано решительное заявление, что интересы его монархии не допускают образования за Дунаем большого славянского государства и что какое бы то ни было территориальное изменение на Балканском полуострове должно повлечь за собою компенсацию Австро-Венгрии в сопредельных с нею провинциях Турции. Русский император согласился с этим взглядом и вместе с этим указал на свое желание возвратить России

¹ Бисмарка в то время обвиняли в том, что он толкает Россию на войну с Турцией, и ему не раз приходилось оправдываться в этом.

часть Бессарабии, отторгнутую в 1856 г.¹ Официально Андраши и после этого продолжал настаивать на проведении своей программы реформ без дарования Боснии и Герцеговине автономии, отклоняя и предложение о занятии обеих областей австро-венгерской армией, но Бисмарк, уже раньше направлявший Австро-Венгрию на Балканский полуостров, учитывал и личное желание Франца-Иосифа как важный политический фактор. Когда между Веной и Санкт-Петербургом начались переговоры на счет условий нейтралитета Австро-Венгрии относительно войны России с Турцией, сначала без содействия и даже без ведома Германии, Бисмарк начал было опасаться, как бы не образовалась враждебная коалиция из обеих союзниц Германии с придачей к ним Франции — возобновление комбинации времен Семилетней войны, — но опасения его оказались напрасными, потому что соглашение, в котором предвиделась возможность военного занятия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, было доведено до сведения германского правительства. Тем не менее Бисмарку было крайне неприятно, что в этом соглашении он не играл роли посредника, что Австро-Венгрия обошлась без услуг Германии, что Боснию и Герцеговину она как бы получала из рук одной России, и он поспешил вселить

¹ В Рейхштадте речь шла о присоединении не всей Боснии, а только турецкой Хорватии, см.: Горяинов С. С. 291 и 296. В январской конвенции между Россией и Австро-Венгрией 1877 г. говорится уже обо всей Боснии и Герцеговине, занимаемых Австрией, с известным вознаграждением России. См. вообще всю XIV главу указанной книги. Россия неоднократно заявляла, что останется верной соглашению, с. 321. В ноябрьской книжке «Fortnightly Review» («Двухнедельный журнал» (англ.). — *Прим. ред.*) за 1908 г., на основании конфиденциального и притом высокоавторитетного источника, Diplomaticus сообщает любопытные подробности о «секретном рейхштадтском договоре». По словам автора, в 1876 г. Горчаков стоял перед альтернативой: или воевать с Австрией, или выторговать у нее невмешательство в балканские дела. Из этих двух возможностей он выбрал вторую, хотя совершенно им не исключалась и первая. В Рейхштадте, во время свидания русского и австрийского императоров, был составлен протокол, которым Россия обязывалась, между прочим, не посылать своих войск через Сербию, не занимать Константинополя и т. п., а также обещала представить результаты войны с Турцией на рассмотрение держав, подписавших парижский и лондонский трактаты, Австрия же должна была получить право на оккупацию Боснии и Герцеговины и управление ими, если будет признана независимость Сербии и Черногории и обнаружится неспособность Турции поддерживать порядок в названных областях. Так как Горчаков не мог не видеть всей невыгодности подобного соглашения для России, то всячески отдалаял срок заключения формального договора на основе этого протокола, вместе с тем, сделав необходимый шаг, чтобы узнать в Берлине, как отнеслась бы Германия к австро-русской войне. Бисмарк дал знать в Санкт-Петербург, что в случае такой войны Германии пришлось бы стать на защиту Австрии, и в то же время сообщил Австрии как о запросе с русской стороны, так и о своем на него ответе. После этого Андраши добился превращения рейхштадтского соглашения в формальный договор, что совершилось в середине января 1877 г. В связи с этим укажем на речь министра иностранных дел в 3-й Государственной Думе 11 (24) декабря 1908 г. со ссылкой на зависимость России в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины «от политической преюбреченности и от предыдущих обязательств», так как «завеса, прикрывающая прошлое, отчасти приподнята». «Я, — сказал А. Б. Извольский, — не имею возможности отрицать подлинности разглашенных документов — будапештской конвенции 1877 г. и берлинской декларации 1878 г.»

в венском правительстве крайнее недоверие к России, сообщив, что уже после свидания русского и австрийского императоров первый из них зондировал в Берлине, осталась ли бы Германия нейтральной в случае войны России с Австро-Венгрией, — против которой у России были-де собраны и войска для вторжения в Восточную Галицию, — и что только решительный отказ Германии предотвратил войну. Одновременно с этим русскому послу он говорил, что предупредил австрийского посла о необходимости строго соблюдать заключенный с Россией уговор, потому что Германия отнюдь не допустит чего-либо невыгодного для России. «Эти предания припрятанного кинжала, — добавил он, — предания чисто австрийские, отнюдь не наши». Благодаря такой двуличной политике Бисмарка, закрепление письменным договором состоявшегося между Россией и Австро-Венгрией соглашения затормозилось, и между обеими державами было поселено взаимное недоверие.

Ведя свою линию, Бисмарк определенно заявлял, что Германия не даст своих батальонов для участия в военном вмешательстве или для занятия каких-либо турецких областей. Он ссыался при этом, между прочим, на то, что положение турецких христиан не очень заботит германскую нацию, хотя и сознавался, что, в случае надобности, ему легко будет повлиять на общественное мнение своей страны в смысле благоприятном или неблагоприятном для русского военного вмешательства в пользу этих христиан, так как Бисмарк вообще и любил, и умел давать желательное направление периодической печати в Германии¹. То, что он говорил о настроении немцев по поводу положения и стремления балканских христиан, было, однако, верно. Среди немцев не было такого туркофильства, каким отличались англичане и мадьяры, но, конечно, не было и ничего похожего на то увлечение делом христианских подданных Турции, столь характерное для русского общества в это время. Тот особый, специальный мотив, который заставлял русских так, как это тогда было, сочувствовать балканским народностям, боровшимся за свою свободу, то обстоятельство, что это были народности славянские, одноплеменные с народом русским, — это, скорее, было минусом, чем плюсом в глазах немцев, да и вообще, пожалуй, многих людей и из других национальностей Запада. Заступничество России за славян, боевые ноты, звучавшие в славянофильской или просто шовинистической прессе, военные приготовления России против турок напомнили многим западноевропейским публицистам старое пугало панславизма, опасного и для европейской цивилизации, и для свободы всей Европы. Особенно панславистические страхи всегда были сильны среди немцев и мадьяр. Кроме того, стала воскресать и легенда о завещании Петра Великого насчет завоевания Константинополя — легенда, о ко-

¹ Вспомним только о «рептильном» фонде (см. выше).

торой, как о предмете «политической мифологии», пришлось теперь говорить и самому Горчакову, удивлявшемуся, что выкопали такое, по-видимому, давно сданное в архив «старье» (vielleries). Роль, которую играли славянские народы Австрии и России в борьбе с революцией 1848 г., тоже не располагала и теперь либеральные и радикальные круги Запада в пользу славянского движения и русской политики. Конечно, австрийские славяне, в особенности чехи, сочувствовали освободительной борьбе, но и тут исключение составляли поляки, которым был еще слишком памятен 1863 год. Среди них господствовало антирусское настроение и желание победы Турции. В конце семидесятых годов враждебное отношение к славянам исхода сороковых годов было той призмой, через которую многие не в одной Германии смотрели на совершавшиеся тогда события. Известно, что после подавления революции сорок восьмого года Карл Маркс призывал к «непримиримой борьбе на жизнь и смерть со славянством, изменившим революции», к «истребительному и беспощадному терроризму», указывая, что этого требует интерес человечества. Теперь снова стали звучать подобные же ноты и в том, что говорил сам Маркс, и в том, что писалось в социал-демократической прессе¹.

История Восточной войны 1877—1878 гг. не входит в план настоящей книги, и мы остановимся только на отношении к ней западных держав. Когда война вспыхнула, Франция и Италия тотчас же заявили о своем нейтралитете — они непосредственно не были задеты этим фактом, — а Вильгельм I и Бисмарк выразили Александру II и русскому правительству уверения в неизменной дружбе. Венский кабинет с самого же начала завел речь о тайном уговоре насчет Боснии и Герцеговины; но теперь Андраши уже прямо говорил русскому поверенному в делах, что вознаграждение в Боснии и Герцеговине делается-де, по-видимому, неизбежным, хотя и прибавлял, — совершенно верно отмечая факт, — что общественное мнение по обе стороны Лейты не расположено в пользу земельных приобретений. Только одно английское правительство отнеслось с нескрываемым раздражением к объявлению войны Россией Турции, в особенности же к ссылке русского правительства на то, что оно, в данном случае, поступает только в согласии с чувствами и интересами Европы. Английский министр иностранных дел, лорд Дерби, даже сделал русскому правительству заявление о том, что Англия выйдет из состояния нейтралитета, раз Россией как-нибудь будут затронуты Суэцкий канал, Египет, Константинополь, Босфор, Дарданеллы и Персидский залив, где у Англии есть-де свои кровные интересы. Русскому правительству пришлось дать Англии успокоительные заверения по всем предметам ее тревог. Когда после падения Плевны победа в войне была уже без всякого сомнения на стороне России,

¹ Ср. ниже в гл. XXIII об отношении социал-демократии к национальному вопросу.

из Лондона было сделано представление, что Россия должна избежать хотя бы даже временного занятия Константинополя, а австро-венгерские делегации сделали запрос Андраши, продолжает ли он думать, что территориальное приращение для монархии будет вредным, но тот отделался шутиливой ссылкой на то, что при прежних войнах, ведшихся по соседству с монархией, спрашивали, какую провинцию ей придется утратить, а теперь боятся, не предстоит ли ей, наоборот, приобрести новую область. Между тем со стороны России были сообщены Германии и Австро-Венгрии предположительные условия мира, среди которых был проект дать Боснии и Герцеговине автономное управление с гарантиями, установленными при ближайшем участии Австро-Венгрии, что, конечно, никак не соответствовало видам венского двора. Андраши предъявил против этих условий некоторые возражения, особенно против образования большой Болгарии и на этот раз, в полном согласии с требованиями Англии, указал на необходимость подвергнуть мирный договор пересмотру держав, участвовавших в Парижском трактате 1856 г. России пришлось дать в этом смысле обещание великим державам. Когда русские перешли через Балканы и стала грозить опасность занятия ими Константинополя¹, так как Турция не соглашалась на русские условия мира, в английском министерстве возник вопрос, не следует ли послать английскую эскадру в Дарданеллы, дабы предотвратить захват русскими Константинополя и Босфора, что и было решено в начале января 1878 г. с принятием в тот же день решения просить у парламента чрезвычайного кредита в размере шести миллионов фунтов стерлингов на вооружения. Это предложение было принято в палате общин громадным большинством голосов. В феврале под столицей Турции на суше стояла русская армия, на море — английская эскадра, в чем одном заключалась опасность войны между Англией и Россией. Австро-Венгрия тоже заняла вызывающее положение. Андраши требовал созыва в Вене европейской конференции для обсуждения условий будущего мира, и когда из России пришел ответ с согласием на конференцию, но только не в Вене, а в каком-либо городе, не принадлежащем ни одной из великих держав, он был страшно этим рассержен. Андраши долго не соглашался на русское предложение подвергнуть спорные между Россией и Австрией пункты сепаратному обсуждению представителей трех держав, так что Горчакову пришлось просить Бисмарка об улаживании спора, могущего расстроить соглашение трех императоров, эту «ось политического поло-

¹ Когда император Александр II узнал о движении русской армии к Константинополю, то, как передают, сказал: «Если суждено, то пусть водружают крест на святой Софии», а великий князь Константин Николаевич советовал как можно скорее занять Константинополь и, возвестив об окончании вековой борьбы христианства с исламом и о прекращении турецкого владычества в Европе, созвать туда представителей великих держав для ликвидации со-обща турецкого наследства.

жения Европы», и об отвлечении Австро-Венгрии от сближения с Англией. Убеждая венское правительство, что русские предположения относительно условий будущего мира вполне правильны, Горчаков указывал на то, что Австро-Венгрия может легко вознаградить себя занятием Боснии и Герцеговины. В это самое время (в начале февраля) Бисмарк произнес в рейхстаге речь в ответ на запрос о восточной политике Германии, сделанный правительству ввиду усложнения международных отношений в Европе. Русские требования он назвал в этой речи не затрагивающими интересов Германии в такой степени, чтобы стоило рисковать хорошими отношениями империи к соседним державам, заметив, однако, что все будущие территориальные изменения нуждаются в утверждении держав, участвовавших в Парижском трактате. Для этого и должна быть созвана конференция, но Германия отнюдь не намерена взять на себя роль третейского судьи: ее роль — это роль «честного маклера», добывающегося лишь того, чтобы между тяжущимися сторонами было достигнуто соглашение. Бисмарк распространился при этом и о чисто моральном характере политической связи, установившейся между тремя империями, зиждущейся на личных отношениях как между самими монархами, так и между их руководящими министрами, и о беспристрастном отношении германской политики к обеим империям. Русское правительство вместе с тем Бисмарк убеждал в переговорах с ним держаться соглашения с Австро-Венгрией, указывая на опасность соглашения последней с Англией, готовой вооруженной рукой противодействовать плану России: если бы Англия и Австро-Венгрия начали войну с Россией, Германия могла бы остаться только нейтральной, ибо, присоединись она к России, противный лагерь немедленно усилился бы присоединением к нему Франции. Другими словами, советы Бисмарка русскому правительству клонились к тому, чтобы убедить его в необходимости идти на уступки.

Андраши, со своей стороны, упорствовал. Когда мысль о конференции в Вене потерпела фиаско, он разослал приглашения на конференцию в Баден-Бадене, но и Бисмарк, и Дерби заявили, что лично они в ней участвовать не будут. Это заставило Горчакова обратиться к германскому имперскому канцлеру с просьбой — созвать в Берлине под личным своим председательством настоящий конгресс из первых министров великих держав. Эта просьба и согласие на нее Вильгельма I и Бисмарка датированы 16 и 18 февраля, а 19 февраля состоялся предварительный мир между воюющими сторонами в Сан-Стефано, под самым Константинополем.

Сан-Стефанский мир оставлял за султаном в Европе лишь Константинополь с Адрианополем и Солониками на востоке, Эпир с Фессалией на юге и Албанию, равно как Боснию и Герцеговину на западе, вся же центральная часть от Дуная до Архипелага и от Черного моря до Охридского озера должна была составить в вассальной зависимости от султана, но ав-

тономное княжество Болгарское. Черногорию, Сербию и Румынию, участвовавших в войне, Турция должна была признать независимыми государствами и они должны были получить земельные приращения: Черногория — со стороны Албании, Герцеговины и Адриатики; Румыния — в виде всей Добруджи с возвращением России части Бессарабии; Сербия — из Старой Сербии. Между Сербией и Черногорией был оставлен за султаном Ново-Базарский санджак¹, который должен был связывать Боснию и Герцеговину с другими частями турецкой территории. В последних вводились реформы по проекту константинопольской конференции перед началом войны с изменениями, определение которых должно было произойти по соглашению между Россией и Австро-Венгрией. Эпир, Фессалия и Албания получали устройство по образцу введенного на острове Крите в 1868 г. Реформы имелись в виду и по отношению к армянам. Кроме того, Россия должна была получить огромное денежное вознаграждение с заменой большей его части (1100 млн из 1410 млн) земельной уступкой в Малой Азии с Ардаганом, Карсом, Батумом и Баязетом. Наконец, был еще ряд менее важных пунктов. 4 марта состоялся обмен ратификаций этого договора.

Приглашение на конгресс, разосланное Германией, было принято всеми великими державами, но Англия сделала это лишь под условием рассмотрения на конгрессе всех пунктов мирного договора, заключенного в Сан-Стефано. Это требование Горчаков нашел нужным отклонить, ибо, приняв его, Россия явилась бы в роли не равноправной участницы, а какой-то подсудимой. Но Биконсфильд пошел и еще дальше при содействии лорда Солсбери (Salisbury), сделавшегося министром иностранных дел вместо Дерби, который не соглашался на такую политику и вышел в отставку. В Англии был объявлен сбор резервов, а представителям ее при иностранных дворах был разослан циркуляр, где говорилось о полной невозможности Сан-Стефанского договора, делающего Россию единственной госпожой Востока и вполне поработщающего ей Оттоманскую империю, что вредит многим интересам Англии. Весьма решительно возражала по поводу Сан-Стефанского договора и Австро-Венгрия, которая потребовала занятия Боснии и Герцеговины с округами, предназначенными для Черногории, и с Ново-Базарским санджаком, а кроме того, заявила, что не дает своего согласия ни на предоставление Черногории морского порта, ни на границы, установленные для Сербии и особенно для Болгарии, а именно на включение в это княжество Македонии и на южную его границу, слишком близкую к Адрианополю. Только под условием удовлетво-

¹ Санджак — административная единица в Османской империи, средняя между вилайетом и кадылыком. Во главе санджака стоял мутессариф. Санджак делился на несколько уездов, или кадылыков, в свою очередь несколько санджаков образовывали провинцию, или вилайет. — *Прим. ред.*

рения этих требований относительно территориальных изменений на Балканском полуострове Австро-Венгрия обещала в остальном поддерживать Россию на конгрессе, в противном же случае венское правительство вступало в сделку с лондонским кабинетом¹. Другими словами, России угрожала новая война при недовольстве еще Румынии, Греции и Сербии. В России готовились к этой войне, но и вели переговоры с обеими державами, чтобы ее избежать. Бисмарк, которого русское правительство по-прежнему просило воздействовать на Австро-Венгрию, только говорил, что для самой же России выгоднее дать этой державе завязнуть на Балканском полуострове и что, во всяком случае, рискованно воевать с Австро-Венгрией, тем более, что ему, Бисмарку, всегда думалось, — он это повторил и теперь, — что русским «нужно лишь несколько турецких бунчуков да победная пальба в Москве». Зато Бисмарк предложил свое посредничество по отношению к Англии, но из этого ничего не вышло. Для предотвращения войны оставалось одно средство, т. е. еще раньше предложенный Горчаковым конгресс, и только русскому послу в Англии, гр. Шувалову, удалось, наконец, сойтись относительно конгресса на некоторой средней формуле, делавшей возможным участие в нем Англии. Главное было в согласии России на уступки относительно разделения Болгарии на две части с разным устройством и урезки границ южной ее части, равно как относительно предоставления права наблюдать за исполнением обещаний турецкого правительства в других областях — всем вообще державам, а не одной России и т. п. Англо-русское соглашение имело секретный характер, но Бисмарку оно было сообщено, и он тогда разослал приглашение на конгресс.

Уполномоченными на Берлинском конгрессе в начале лета 1878 г. явились сам Бисмарк, Андраши, Биконсфильд с Солсбери, Горчаков с Шуваловым, далее французский министр иностранных дел Ваддингтон, итальянский гр. Корти и турецкий Каратеодори-паша. Приехали также представители Греции, Румынии, Сербии и Черногории, но их не допустили на конгресс с правом голоса, хотя представители двух первых и были заслушаны уполномоченными великих держав. Заседания конгресса под председательством Бисмарка² открылись 1 июня, и в восьмом его заседа-

¹ В статье *Diplomaticus's* а о рейхштадтском соглашении, о которой см. выше, говорится, что после подписания Сан-Стефанского договора в Вену был отправлен гр. Игнатьев, который должен был добиться согласия Австрии на Сан-Стефанский договор, за что ей было предложено присоединить Боснию и Герцеговину. Ответом со стороны Андраши было указание на то, что «за Боснию и Герцеговину все уже сполна уплачено», так что нечего более поднимать этот уже «поконченный» вопрос. Со своей стороны, он предложил новую сделку: пусть Россия согласится поставить Македонию под протекторат Австрии, и тогда последняя не будет иметь ничего против того, чтобы предоставить России совершенную свободу действий в Болгарии. Игнатьев на эту комбинацию, однако, не согласился.

² Nanotaux в статье о Берлинском конгрессе, имеющей войти в состав IV т. его *«Histoire de la France contemporaine»* (в *«Revue des deux mondes»* за 1908 г.), определяет задачи, которые ставил себе председатель конгресса, Бисмарк, указанием на желание его, как можно более

нии Андраши прочитал мемуар, в котором доказывал, что установленная в Сан-Стефанском договоре административная автономия никогда не успокоит сопредельных с Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины с их населением, состоящим из мусульман, православных и католиков, и что в распоряжении Турции даже нет таких средств, какие нужны для умиротворения представителей этих трех исповеданий, враждующих между собой. Вывод отсюда был тот, что оставление Боснии и Герцеговины под властью Турции было бы равносильно созданию настоящего очага вечных беспорядков, увеличение же за счет обеих областей Сербии и Черногории несовместимо с коммерческими интересами Австро-Венгрии; остальное договорил Солсбери, предложив в интересах самой Турции занятие обеих областей Австро-Венгрией, которая и стала бы ими управлять¹. Бисмарк поддержал это предложение, за ним — Биконсфильд и Ваддингтон, вслед за чем Андраши заявил, что австро-венгерское правительство соглашается на такую комбинацию; тогда к предложению присоединился и Горчаков. Представитель Турции² стал было возражать, но Бисмарк его обрезал, ска-

испортить взаимные отношения России и Австро-Венгрии, поднять значение последней, а вместе с ней и всего германского мира на Балканском полуострове и воспрепятствовать сближению Франции как, с одной стороны, с Россией, так, с другой, и с Италией. Все время он очень искусно направлял работу конгресса в желательном для себя смысле, проявляя почти постоянно «несколько военную резкость» (показание гр. Шувалова, записками которого пользовался Nanotaux); даже английские уполномоченные подчинялись его начальническому тону. В очень непривлекательном виде изображается в статье кн. Горчаков (между прочим, словами другого русского уполномоченного, гр. Шувалова).

¹ «Солсбери первоначально согласился на занятие Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, только пока продолжалось занятие Болгарии русскими войсками, но отказывался признавать домогательство Австро-Венгрии на присоединение этих областей. На конгрессе оба английских уполномоченных выразили кн. Горчакову свое отвращение к политической безнравственности притязания Австро-Венгрии. Но это чувство отвращения исчезло, когда сами англичане захватили Кипр, так как в заседании конгресса 28 июля предложение о передаче Боснии и Герцеговины в управление Австро-Венгрии исходило от самих великобританских уполномоченных и поддерживалось кн. Бисмарком». С. Горяинов, стр. 347. Мадьярский публицист, скрывший свое имя под псевдонимом Mercator, настаивает в своем объяснении помощи, оказанной Андраши английскими уполномоченными во время Берлинского конгресса, на том, что Англии нужно было превращение Австро-Венгрии в «балканскую державу», дабы предупредить захваты на полуострове со стороны России: «das war von Seite Englands die einfachste und — fügen wir hinzu — die billigste Art, sich den Suez-Kanal zu sichern». Die Nationalitätenfrage und die ungarische Staatsidee, с. 42.

² G. Nanotaux в своей статье о Берлинском конгрессе в «Revue des deux mondes» за 1908 г. пользовался, между прочим, мемуарами Каратеодори-паши, бывшего первым уполномоченным Турции. Последний просил итальянского уполномоченного, гр. Корти, поддерживать Турцию против австрийских притязаний (бывших невыгодными и для Италии, которая не могла хотеть усиления Австро-Венгрии на Адриатике). Когда гр. Корти однажды решился спросить, на какую же точку зрения становится Австро-Венгрия в вопросе об оккупации Боснии и Герцеговины, Андраши, переглянувшись с Бисмарком, коротко и сухо ответил, что это — европейская точка зрения и что к этому больше прибавить он ничего не может. Потом гр. Корти оправдывал перед Каратеодори-пашей последовавшее за этими словами с его стороны молчание тем, что ему вовсе не хотелось ввязывать Италию в войну из-за этого дела.

зав, что конгресс собрался не для того, чтобы удерживать за Турцией ее владения, а для сохранения мира, и что он вполне рассчитывает на получение в этом смысле турецким уполномоченным инструкции от своего правительства. Через несколько дней такая инструкция, действительно, пришла, и предложение Австро-Венгрии занять Боснию и Герцеговину и вступить в управление ими было объявлено принятым единогласно. Давно затаенное желание Франца-Иосифа, поддерживавшееся в нем Бисмарком и не встретившее в 1876 г. возражения со стороны русского императора, таким образом, исполнилось, несмотря на то, что обе господствующие национальности монархии Габсбургов были против этого присоединения. Англия особенно благосклонно отнеслась к занятию Австро-Венгрией двух турецких провинций, желая, чтобы монархия Габсбургов заняла позицию на Балканском полуострове и тем самым впредь мешала хозяйничать России, — самое дешевое средство, как выражается один мадьярский публицист¹, обеспечить за собой обладание Суэцким каналом.

Берлинский конгресс кончил свои заседания 1 июля, когда был подписан составившийся из отдельных 64 статей трактат. Великая Болгария по Сан-Стефанскому договору была раздроблена на вассальное княжество Болгарию к северу от Балкан и на автономную турецкую область Восточную Румелию, а все остальное пространство, зачерченное по Сан-Стефанскому договору в карту Болгарии, с побережьем Эгейского моря было оставлено за турецким правительством. Боснию и Герцеговину было предоставлено оккупировать Австро-Венгрии с сохранением за Турцией по отношению к ним суверенных прав. Черногорию Порта признала независимой, и княжество получило приращение территории, но несколько урезанное сравнительно со Сан-Стефанским договором, да торговый порт Антивари. Обещанное приращение Сербии, объявленной независимым, как и Румыния, княжеством, тоже было урезано, Румыния же получила Добруджу взамен придунайской части Бессарабии, возвращенной России. В Малой Азии Россия отказалась от Баязета. Были выговорены и разные обещания со стороны Турции в пользу христиан, оставшихся в ее непосредственном подданстве. Русский оккупационный корпус должен был остаться жить в Болгарии и в Восточной Румелии для того, чтобы своим присутствием обеспечить новое устройство, подлежавшее в них введению, но только в Болгарии это дело было поручено России под надзором комиссаров великих держав, а в Восточной Румелии делом должна была заняться особая комиссия из представителей всех держав, принимавших участие в конгрессе².

¹ *Mercator*. Op. cit. С. 42.

² Текст Берлинского трактата помещен, между прочим, в книге Фр. Листа «Международное право в систематическом изложении» (Приложения, с. VIII и след. в русском переводе, изд. 1909 г.).

Известно, каким недовольством — и притом весьма понятным — были встречены решения Берлинского конгресса со стороны русского общественного мнения, считавшего такое окончание победоносной войны прямо позором для России. Расчленение Болгарии по Сан-Стефанскому договору на три части, отдача Боснии и Герцеговины ни за что ни про что Австро-Венгрии, урезка предположенных границ Сербии и Черногории, оставление под непосредственной властью Турции остальных областей с христианским населением без достаточных гарантий, наконец, ограничение прав России по отношению к делам Балканского полуострова вообще — все это, говорили в России, не соответствовало понесенным ею жертвам и цели, с которой была предпринята война. Раздражение против Англии и Австро-Венгрии, в угоду которым был так сильно изменен Сан-Стефанский договор, распространялось в России и на Германию, на ее имперского канцлера, этого «честного маклера», который так отплатил России за ее содействие объединению Германии. Европа оказалась враждебной делу освобождения славян. В Англии, наоборот, находили, что Биконсфильд был слишком уступчив по отношению к России. Когда к концу конгресса одна английская газета обнародовала тайное соглашение, состоявшееся между Англией и Россией перед самым конгрессом, английская печать очень резко напала на правительство, возбудив негодование и в обществе. Биконсфильд был до такой степени задет этим неудовольствием, что выразил было желание подать в отставку, дабы его преемник мог взять назад согласие Англии на присоединение Батума к России, но Бисмарк вмешался в это дело и не допустил Биконсфильда до такого шага, если только намерение Биконсфильда было серьезным, а не маневром для получения некоторых уступок со стороны России. В сущности, английские шовинисты должны были быть довольными, когда сделалось известным, что Биконсфильд заключил тайный договор и с Турцией, взяв на себя обязательство защищать ее малоазиатские владения от России и получив за эту услугу позволение занять остров Кипр. На конгрессе английские уполномоченные выторговали у России отказ от Баязета и обещание превратить Батум в порто-франко¹, причем Биконсфильд воспользовался этим для обнародования тайного договора относительно Кипра. Мало того, английскому правительству удалось расположить султана в пользу союза с Англией и достигнуть в Константинополе такого влияния, каким в свое время пользовались в нем Россия и Франция, а позднее, в годы, предшествовавшие турецкой революции 1908 г., Германская империя. Все это примирило англичан с тем, что им казалось неприемлемым в Берлинском конгрессе. Внешний престиж Англии стоял высоко: цель политики Биконсфильда была достигнута. Только очень немногие

¹ От *ut. porto franco* — свободный порт, в пределах которого разрешается свободный, беспшлинный ввоз и вывоз иностранных товаров. — *Прим. ред.*

соглашались с Гладстоном, порицавшим эту политику. В своей парламентской речи по поводу поведения Биконсфильда и Солсбери на Берлинском конгрессе он указывал на то, что, прежде всего, их образ действий не соответствовал свободным учреждениям Англии и ее исторической традиции; речи английских уполномоченных напоминали собой, скорее, Меттерниха, нежели Каннинга, Пальмерстона, Росселя, ибо это были речи в защиту рабства. Соглашение относительно Кипра Гладстон тоже не одобрял, потому что из-за него Англия в значительной степени утратила симпатии и уважение цивилизованных наций. «Престиж государств, — говорил он, — основывается не на одной материальной силе, но и на правдолюбии и честности правительств. Для Англии выгодно ее островное положение, изолирующее ее от остальной Европы, но может настать день, когда и морально Англия окажется изолированной среди других наций».

Для Австро-Венгрии занятие присужденных ей на Берлинском конгрессе областей Турции оказалось делом не совсем легким. Правда, оккупация совершилась без труда, но затем произошло мусульманское восстание, которому очень помогала горная местность; пришлось вести трудную и дорогостоящую кампанию для подавления восстания, что повлекло за собою увеличение налогов. Мы видели, что ни немцы, ни мадьяры не были сторонниками занятия Боснии и Герцеговины, опасаясь усиления славянского элемента в монархии, и, действительно, среди хорватов сделалась очень популярной политической идеей мысль об образовании Великой Хорватии, которая включала бы все страны, говорящие на их языке. И в австрийском рейхсрате, и в венгерском сейме были крайне недовольны оккупацией турецких областей, произведенной без согласия обоих народных представительств и оказавшейся крайне обременительной для казны, тогда как сами эти области не приносили никакого дохода. Оба министерства были близки к выходу в отставку, да и делегации отказали дать дополнительный кредит в том размере, в каком требовало правительство. Австро-Венгрия получила в 1878 г. приращение территории в 60 тыс. кв. километров (в Боснии 51 тыс., в Герцеговине 9,1 тыс.) с населением в 1 500 000 (1 300 000 босняков и 200 000 герцеговинцев), доставившим еще немало хлопот правительству. Кроме того, по особой конвенции с Турцией, заключенной в апреле 1879 г., Австро-Венгрия заняла также Ново-Базарский санджак, лежащий между Сербией и Черногорией и имеющий важное стратегическое значение¹.

Расчленение Европейской Турции на новые христианские государства сопровождалось их европеизацией, внесением в их жизнь вообще культурных политических начал, выработанных Западной Европой, и, в частно-

¹ Слишком хорошо в данную минуту известно, что летом 1908 г. Австро-Венгрия превратила «оккупацию» Боснии и Герцеговины в аннексию, причем Ново-Базарский санджак был возвращен Турции.

сти, конституционных порядков. Пример в этом отношении был показан Грецией в первой половине XIX в. Еще в двадцатых годах, во время борьбы с турками, греческое национальное собрание выработало республиканскую конституцию, которая, впрочем, существовала только на бумаге; превратившись в 1832 г. в монархию, Греция получила конституцию лишь в 1844 г., а в 1863 г. эта конституция была несколько изменена в более либеральном смысле. В Сербии первая конституционная попытка была сделана тоже довольно рано, именно в 1835 г., но только в 1837 г. власть князя была ограничена сенатом из пожизненных членов. Настоящая конституция по европейскому образцу была введена в Сербии в 1869 г. с представительной скупщиной, избираемой народом. В 1879 г. перешла к конституционному строю и только что освободившаяся Болгария. В Румынии конституционное движение началось еще до ее образования из Молдавии и Валахии, в которых первые требования конституции относятся к 1848 г., но правильная конституционная жизнь началась здесь лишь с 1866 г., когда была введена новая, ныне действующая конституция, составленная, как и греческая, по образцу бельгийской. Западные державы, подававшие помощь Греции и Румынии при приобретении ими независимости, стали, конечно, оказывать большое влияние на их внутреннюю жизнь. Во вновь образовавшихся государствах образовалась интеллигенция, в состав которой входили люди, получившие образование в западных университетах, за исключением Болгарии, первые деятели которой очень часто приобретали свои знания в русских учебных заведениях. Впрочем, позднее и болгарская молодежь стала ездить учиться в Западную Европу. Проведению западных влияний способствовало и то обстоятельство, что государями христианских княжеств Балканского полуострова делались, большей частью, принцы из западноевропейских династий. Только в Сербии образовались две национальные династии Карагеоргиевичей и Обреновичей да своя династия в Черногории; Греция имела королями сначала баварского, потом датского принца. Румыния недолго имела князя туземного происхождения, получив потом государя в лице одного из членов королевской линии Гогенцоллернов¹. В Болгарии правил сначала принц Александр Баттенбергский, потом Фердинанд Саксен-Кобургский. Западноевропейские правительства, в свою очередь, хлопотали о приобретении влияния в балканских государствах, чтобы парализовать то влияние, которым пользовалась в них держава-освободительница, Россия, и при этом искусно извлекали для себя выгоды из ее политических ошибок и реакционных поползновений.

Получить влияние в Сербии особенно стремилось австро-венгерское правительство, находившее в этом отношении поддержку либеральной

¹ Zingeler. Die Hohenzollern in Rumänien (1890).

партии и правительства самой Сербии. Когда после войны 1878 г. власть в Белграде перешла к радикальной партии, враждебной австро-венгерской политике, из Вены добились отставки русофильского министерства, и власть досталась сторонникам монархии Габсбургов. Одной из наград князю Милану за его австрофильскую политику было согласие Вены на титул короля, который он стал носить с 1889 г. Впрочем, вся история Сербии с 1878 г. является историей борьбы партий, в которой перевес переходил и к русофилам. В Болгарском княжестве тоже с самого начала шла борьба между австро-венгерским и русским влияниями, но так как последнее очень часто переходило в прямое вмешательство, то против него возникла в стране сильная национальная оппозиция. Когда в 1885 г. в Восточной Румелии произошел переворот, целью которого было соединение этой провинции с Болгарией, и князь Александр оказал этому делу помощь, согласившись на слияние в одно обеих Болгарий, Россия протестовала против такого нарушения Берлинского трактата и продолжала стоять на этой точке зрения даже тогда, когда сам султан согласился признать болгарского князя губернатором Восточной Румелии. С этого началось долговременное отчуждение Болгарии от России, оказавшееся выгодным для укрепления в новом княжестве других влияний. Князя Александра свергли с престола в 1886 г. за антиславянскую политику, но России не удалось провести на выборах нового князя своего кандидата, и в угоду Австро-Венгрии был выбран князем католический принц Фердинанд Кобургский, бывший офицером австро-венгерской армии.

Приложение

Поправки, дополнения, примечания¹

- XI**, прим. 1. В XII томе «Ullsteins Weltgiggeschichte» herausgegeben von Prof. v. Pflugk-Harttung (1908) период после франко-германской войны обработан Brandenburg'ом (с. 399—395) и для «europäische Expansion» K. Lamprecht'ом (599—625). Эта книга имеет выйти в свет в русском переводе под заглавием «От Венского конгресса в до наших дней»; *Дрюо Эд.* История Европы в конце XIX в. (в «Мире Божьем» за 1901 г.); *Лоссе В.* Европа наших дней, 1897—1907 (в приложении к 4-му изд. 1908 г. т-ва «Знание» книги Сеньобоса); *Тарле Е.* Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. (1903).
- XI**, 11—22 св. Это издание имеется в русском переводе с дополнительными статьями П. Г. Виноградова («Итоги XIX века»), М. М. Ковалевского («Очерки развития социологических учений») и К. А. Тимирязева («Основные черты развития биологии в XIX в.»).
- 1—2**, прим. Политический строй современных государств (сборник статей П. Г. Виноградова, В. В. Водовозова, М. М. Ковалевского и др., 1906). Государственный строй и политические партии в Зап. Европе и Сев.-Ам. Соед. Штатах (под ред. Е. Смирнова); *Вильсон В.* Государство (1905); *Пиффэрук О.* Европейские избирательные системы — парламентские, провинциальные, муниципальные (1909). Целый ряд монографий об отдельных конституциях имеется в «Bibliothek des öffentlichen Rechts».
- 2, 22** сн. *Фланден Э.* Политические учреждения современной Европы (1906; из этой коллекции переведена книжка об Англии и Бельгии).
- 2, 3** сн. Нужно прибавить: «Тексты важнейших конституций с историческими введениями». Под ред. проф. М. А. Рейснера; *Kindermann C.* Parteiwesen und Entwicklung in ihren Wirkungen auf die Kultur der modernen Völker (1907); *Берлин П.* Политические партии в Западной Европе (1907).
- 5**, прим. 2. *Racioppi Fr.* Commento alio statuto del regno (1901).
- 8—9**, прим. 2. По истории государственного устройства Австрии (Oesterreichische Reichsgeschichte) см. нем. соч. Huber-Dopsch'a (1901 г., изд. 2-е), Luschin v. Ebengreuth'a (1896), Werunsky (1884) и др. *Gaertner Fv.* Der österreichisch-ungarische Ausgleich (1908). *Akos v. Timon.* Ungarische Verfassungs- und Rechtsgeschichte (1909).
- 9, 12** сн. Работа Крамаржа есть и по-немецки (Das böhmische Staatsrecht, 1896).
- 13, 7** сн. Вместо «партий» должно быть «наций».
- 18** сн. Ср. ниже указание на 353, 12 св.
- 19**, прим. 1. Прусская конституция с объяснениями Арндта, перев. Мейендорфа (1905). — Прусская конституция, пер. под ред. проф. Лучицкого (1905). *Gerlach H. V.* Die Geschichte des preussischen Wahlrechts (1908). *Schubart P.* Die Verfassung des Deutschen Reiches und des Preussischen Staates in gedrängter Darstellung (1909). *Schulze-Gaevernitz H.* Das preussische Staatsrecht, auf Grundlage des deutschen Staatsrechts dargestellt (1888—1890; изд. 2-е). *Hubrich F.* Preussisches Staatsrecht (1909).
- 29, 5** св. Вместо «излагаая» должно быть «излагаая».

¹ Жирным шрифтом указаны страницы, обыкновенным — места на указанных страницах: строки сверху (св.) или снизу (сн.) и № примечаний (прим.). (Номера страниц даются согласно оригинальному изданию 1909 г. — *Прим. ред.*)

- 31, 14 сн. Вместо «исключительным» должно быть «исключительно».
- 33, 16 св. Кличка «адулламиты» была дана отщепенцам Джоном Брайтом, который сравнивал их поведение с удалением царя Давида в одну из пещер поблизости от города Адуллама, о чем рассказывается в Библии.
- 33, 9 сн. После слова «графствах» в скобках должно стоять «counties».
- 59, прим. 1. В подлинниках вышли в свет указанные сочинения: E. Zenker'a — в 1895 г.; P. Elitzbacher'a — в 1900 г., Plechanow'a — в 1894 г. См. еще: *Ломброзо. Анархисты* (1907). *Ludw. Franz. Kommunismus, Anarchismus, Sozialismus* (1908). Обзор литературы об анархизме прив.-доц. А. С. Ященко в «Критическом обозрении» за 1907 г.
- 63, прим. 3. *Godwin W. Das Eigentum*; перев. Bahrfield'a со вступительной статьей о Годвине. *Simon H., Godwin W. und Mary Wollstonecraft*.
- 65, прим. 1. Одно из произведений названного здесь анархиста есть в рус. перев.: *Тэкер В. Вместо книги* (1908; в духе индивидуалистического анархизма).
- 65, прим. 2. *Шельвин Р. Жизнь Штирнера и Фридриха Ницше* (1909).
- 66, прим. *Droz E. Proudhon* (1909). *Puech J.L. Le Proudhonisme dans l'Association Internationale des travailleurs*.
- 66, прим. 2. Заглавие подлинника: *Mackay J.H. Max Stirner, sein Leben, und sein Werk* (1898).
- 70, прим. 1. М. А. Бакунин (1906; ст. А. И. Герцена о нем; биографический очерк Б., составленный Драгомановым; речи и воззвания Б.). *Драгоманов М. А. М. Бакунин* (1906).
- 80, прим. *Мюллер В. Политическая история Новейшего времени. 1870 год* (1872).
- 80, 7 сн. *Lehautcourt P. Histoire de la guerre de 1870—1871* (1907).
- 82—83. Историю границ между Германией и Францией удобно проследить, кроме вообще исторических атласов, в специальном атласе, приложенном к соч. Фримана «Историческая география Европы».
- 85, прим. 4. *Cosse D. B. Leçons de l'histoire. La France et la Prusse avant la guerre. La politique de Sadowa, la politique de Sedan* (1907).
- 94, 17 св. Вместо Базэна по недосмотру назван Мак-Магон.
- 98, прим. 5. *Sagnier. Paris pendant le siège* (1888).
- 107, 15—16 св. Вместо 2175 следует читать 1875.
- 108, прим. *Méral A. De la paix de Francfort à la conférence d'Algéciras* (1909).
- 114—115. *Bourgeois E. et Clermont E. Rome et Napoléon III* (1907).
121. 7—8 сн. *Gontaut-Biron. Mon ambassade en Allemagne, 1872—1873. Dreux A. Dernières années de l'ambassade en Allemagne de M. de Gontaut-Biron, 1874—1877*.
- 122, прим. 2. *Guire. Le militarisme en Europe* (1890). *Ahr W. Kriegswesen und Volkswirtschaft der Grossmächte während der letzten 30 Jahre* (1909; брош. с раскрашенной таблицей).
- 123, 13—21 св. По корректурному недосмотру в этих строках при цифрах стоит буква «м.» (миллионов) вместо «т.» (тысяч).
- 128, 18 св. Вместо «е» и «ей» следует быть «их» и «им».
- 133—134, прим. *Lockroy E. La commune et l'assemblée* (1871). *Боборыкин П. На развалинах Парижа* («Отечественные записки» за 1871 г.). *Зотов В. Л. Закулисная история парижской коммуны* (в «Историческом вестнике» за 1882). *Ковальский. Рассказы русского очевидца о первых днях коммуны* (в «Русском вестнике» за 1871 г.). *Bourgin G. Histoire de la commune* (1907). *Reclus É. La commune au jour le jour* (1908; это — дневник от 28 марта по 28 мая). *Guesde J. Le livre rouge de la justice rurale, documents pour servir à l'histoire d'une république sans republicains* (сборник выдержек из реакционных газет о подавлении коммуны).

- 147, прим. 1. Деятель коммуны Beslay тоже написал «Mes souvenirs» (1873).
- 157, прим. 1. *Picard Ch.* Н. Тaine (1909). *Labarde-Milaa.* Н. Тaine (1909).
- 173, прим. 2. *Labusquiere J.* La troisième république (XII том изд. под ред. Jaurès'a «Histoire Socialiste» с заключительной статьей редактора «Le bilan social du XIX siècle»). *Lavallée Th.* Histoire des Français, t. VII (1905). *Vogel K.* Die dritte französische Republik bis 1895 (1895). *Levasseur E.* Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république (1907). *Leblond M.A.* La société française sous la troisième république (1905). *Leyret H.* Waldeck-Rousseau et la troisième république. 1869–1889 (1908). *Авалов З.* Децентрализация и самоуправление во Франции (1905). *Судейкин В.* Прямые налоги и их организация во Франции (1887).
- 173, 9–10 сн. Книга Н. Е. Кудрина в 1906 г. вышла вторым изданием.
- 183, прим. 2. Уже после того, как глава VI была отпечатана, вышел в свет IV том книги Nanotaux, в котором изложение доведено до смерти Гамбетты, т. е. до конца 1882 г. На этом моменте автор вообще оканчивает свой труд, заявляя в предисловии к IV т., что, быть может, позже он и возвратится к его продолжению («plus tard, nous verrons!»), но что пока события еще слишком близки и сведений о них слишком мало, а кроме того, нужна «une passibilité dont, en vérité, — прибавляет Ганото, — je ne me sens pas capable aujourd'hui». Равным образом, и глава XVI была уже написана, когда IV т. Nanotaux впервые достиг моих рук, что, однако, все-таки дало мне возможность кое-чем из него воспользоваться. *Neucastel.* Gambetta, sa vie et les vues politiques (1885). *Tournier.* Gambetta, souvenirs anecdotiques (1893). *Трачевский А.* Леон Гамбетта и правительство национальной обороны.
- 183, 4–6 сн. Статья Е. Тарле о Гамбетте перепечатана в его «Очерках и характеристиках из истории европейского общественного движения в XIX веке» (1904). С. 301–367.
- 184, прим. 3. О Жюле Валлесе см. статью Н. С. Русанова (Д. Е. Кудрина) в его сборнике «Социалисты Запада и России» (1908). С. 93–137.
- 185, прим. 1. *Geffroy K.* L'enfermé. Есть рус. пер.: *Жеффруа.* Бланки, его жизнь и революционная деятельность (1906). *Мирской А.* Вечный инсургент (1906).
193. О бывшем при Тьере министре финансов: *Michel G.* Léon Say, la vie, les oeuvres.
- 203, прим. *Joseph du Bourg.* Les entrevues des princes à Frohsdorf, 1873 et 1883. La vérité et la légende (1910). Автор — легитимист-абсолютист.
- 194, прим. *G-te de Butenval.* Politique économique et négociations commerciales du gouvernement de la république française pendant les années 1871, 1872 et 1873 (1874).
- 205, прим. 1. *Fidus.* Le prince impérial.
- 213, прим. *Темниковский Е.* Государственное положение религии во Франции (1898). Специально по вопросу об отделении церкви от государства, совершившемся уже в начале XX в., см.: *Janet C.* Conférences sur la séparation de l'église et de l'état (1881). *Boche J.* Le budget des cultes, la séparation de l'église et de l'état et les congrégations (1883). *Ollivier E.* La séparation etc. (1885). *Dide Aug.* То же заглавие (1886). *Guilbert.* L'abolition du concordat et la séparation etc (1885). *Sévestre E.* L'histoire, le texte et la destinée du concordat de 1801 (1903). *Noblemère.* Concordat ou séparation (1904). *Brisson-Lanessan-Allier etc.* La séparation des églises et de l'état (1905). *Ballin.* То же заглавие (1905). *Baudrillart A.* Quatre cents ans de concordat (1905). *Charriault H.* Après la séparation (1905). *Geigel R.* Die Trennung von Staat und Kirche in Frankreich (1908). *Франс А.* Отделение церкви от государства (1906).

- 216, 8 сн. *Арсеньев К. В.* Пюго как политический деятель («Вестник Европы» за 1876 г., апрель). *Он же.* В. Пюго после возвращения во Францию (там же за 1877 г., август).
- 218, 16 св. *Picot G. M.* Dufaure, sa vie et ses oeuvres.
- 224–226, прим. *Klöppel P.* Dreissig Jahre deutscher Verfassungsgeschichte, 1867–1897 (1902). *Véron E.* Histoire de l'Allemagne depuis la bataille de Sadowa jusqu'à nos jours. Для внутренней истории Германии после 1870 г. много дает вторая половина книги Теобальда Циглера «Умственные и общественные течения XIX в.» (с. 340 и след., по рус. пер., изд. 1901 г.). *Модестов В.* О Германии. Наука, школа, парламент, люди, стремления (1888). *Dawson.* Evolution of modern Germany. *Barker I. E.* Modern Germany (1907). *Bauer B.* Zur Orientirung über die Bismarck'sche Ära (1880). *Singer A.* Bismarck in der Literatur. Ein bibliographischer Versuch (1909). *Gilles F.* Demokratie und Bismarck (1885). *Böthlingk.* Bismarck als Nationalökonom. *Мартенс О.* Национальная политика князя Бисмарка («Вестник Европы» за 1883 г.). *Янжул И.* Бисмарк и государственный социализм (в «Вестнике Европы» за 1890 г.). *Сементковский Р.* Князь Бисмарк, его жизнь и государственная деятельность (1895). *Promnitz K.* Bismarcks Eintritt in das Ministerium (1908). Только что вышла в свет 2-я часть «Истории современной Германии» А. К. Дживелегова (1910), в которой изложение начинается с 1862 г. и доводится до наших дней.
- 224, 9 сн. *Matter P.* Bismarck et son temps. Это трехтомное сочинение, вышедшее в свет в 1904, 1906 и 1908 гг., касается эпохи после 1870 г. только последним своим томом.
- 224, 19 сн. *Politische Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert G. Kaufmann's* а переведена по-русски.
- 236–238. В недавно вышедшей в свет и переведенной по-русски брошюре Г. Еллинека «Правительство и парламент в Германии» проводится та мысль, что преобладание правительства над парламентом составляет вообще типическую черту немецкой конституционной системы, начиная еще с южногерманских конституций первой четверти XIX в.
- 238, прим. 1. *Bruch E.* Das Verfassungs- und Verwaltungsrecht von Elsass-Lothringen. (1908).
- 239, 6 сн. *Жордания Н.* Происхождение и развитие политических партий в Германии (1907). *Die Parteien des deutschen Reichstages* (1893; с соц.-дем. точки зрения). *Stillich O.* Die politischen Parteien in Deutschland. I. Die Konservativen (1908).
- 256, 15 сн. Вместо «кременцкий епископ» нужно читать: «Кременц, епископ эрмандский» (или вармийский по польской терминологии).
- 261, прим. 2. Гл. XXV, а не XXIV.
- 266–267, прим. *Russel.* German Socialdemocracy (1896). *Brunhuber.* Die deutsche Sozialdemokratie. *Бebel А.* и др. Возникновение германской социал-демократии (1906). *Бэм-Баверк Э.* Теория К. Маркса и ее критика (1897). *Weisengrün P.* Der Marxismus und das Wesen der sozialen Frage (1900). *Плеханов Г.* Основные вопросы марксизма (1908). *Biermann W. Ed.* Die Weltanschauung des Marxismus (1908). *Форлендер К.* Кант и Маркс (1909). *Sombart W.* Das Lebenswerk von Karl Marx (1909). *Labriola A.* Marx nell'economia e come teorico del socialismo (1909). Памяти Карла Маркса, 1818–1883 (1908). *Hammacher E.* Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus (1909). Уже по отпечатании главы VIII вышла в свет книга проф. А. Миклашевского «История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX в.» (1909), в которой на с. 493–559 рассматривается «марксизм» (с указаниями

- на литературу на с. 493). Ср.: *Jacoby W.* Der Streit ufen den Kapitalbegriff, seine geschichtliche Entwicklung und Versuche zu seiner Lösung (1908).
- 267, 15 св. *Kampfmeier P.* Geschichte der modernen Gesellschaftsklassen in Deutschland (рус. пер. сильно сокращен по цензурным соображениям).
- 267, 11 сн. Ср.: *Слонимский Л.* Споры о сущности марксизма («Вестник Европы», 1909).
- 267, 10 сн. Рус. пер.: *Будин Л.* Теоретическая система Карла Маркса в свете новой критики.
- 298–299, прим. *Флайден Э.* Политические учреждения современной Европы: Англия и Бельгия (1906; ср. выше, к с. 2). *Wendt G.* England, seine Geschichte, Verfassung und staatliche Einrichtungen (1898; изд. 2-е). *Wicks Fr.* Britische Verfassung und Verwaltung (1909; пер. с англ.).
- 300, прим. 7. Соч. Redlich'a существует в англ. переводе с дополнениями, сделанными F. W. Hirst'ом.
- 308–309, прим. *Bonn M.* Modern Ireland and her agrarian problem (1906; пер. с нем.). *Булгаков С.* Капитализм и земледелие (1900), глава VII «Судьбы Ирландии» (с. 291–384 второго тома).
- 317 и след. *Haneld F.* Das englische Gewerkvereinsrecht nach 1870 (1909).
- 322–323, прим. О «коукесе» еще, но очень коротко: Dickinson. Development of Parliament. *Franqueville.* Le gouvernement et le parlement britanniques. *Редлук И.* Английское местное управление. I. С. 305–307.
- 336, 15 сн. Резолюция галицийского сейма приведена в книге проф. А.Л. Погодина «Главные течения польской политической мысли». С. 630–632.
- 337–338, прим. В 1908 г. начала выходить «Storia degli ultimi trent' anni del secolo XIX, narrata da Pietro Vigo», в первых двух томах которой погодно рассмотрено время от 1871 до 1878 г. включительно. *Stillmann.* The union of Italy, 1815–1895 (1898).
- 352–354, прим. Die Entwicklung der oesterreichischen Verfassungs-Partei. (1870). (Gabler und Toman, анонимно). Der Wahlsieg der Verfassungstreuen in Böhmen im April 1872 und seine Bedeutung im oesterreichischen Verfassungsleben (1872). *Adamek K.* Základy vyvoje mavidarův. Kulturne-historické rozhledy (1879). *Leo Gr. Thun.* Der Föderalismus im oesterreichischen Parteikämpfe (1875).
- 353, 12 св. и след. За указанными двумя томами «Чешской политики» стал выходить в свет отдельными ливрезонами III том, заключающий в себе «Dějiny české politiky nové doby», авторы которой — Zd. Tobolka и K. Kramář. В этом томе дается весьма обстоятельное изложение чешской истории с 1848 г. до новейшего времени (до министерства Кербера), причем сообщается и необычайно богатая библиография. Для главы XI шестого тома имеет значение вторая часть работы Тоболки (Od diplomu říjnového až do vstoupení cechů na řískou radu г. 1879), заключающая в себе 265 страниц (183–447). Одна из глав (4) этой части носит характерное заглавие «Doba státoprávního radikalismu». Укажу еще, что в последней работе французского историка Чехии Е. Denis'a, двухтомной «la Bohême depuis la Montagne Blanche» (1903), указанной нами в предыдущем томе, имеются главы, посвященные чешской истории конца XIX в.
- 371, прим. 2. *Гамтенбергер.* Венский кризис 1873 г. *Neiwirth J.* Die Spekulationskrisis von 1873 (1874).
- 379, прим. *Jahn J. V.* Fr. Lad. Rieger (1895).
- 380, 2 сн. V, а не IV.
- 383, прим. W sprawie uniwersytetu lwowskiego. Głos Towarzystwa nauczycieli szkół wyższych (Odbitka z «Muzeum», 1908). В этой статье защищается польская по-

литика и польская точка зрения в деле Львовского университета. Ср. заметку о ней в журнале «Świat Słowiański» за февраль 1909 г.

- 384, прим. 2. О славянском съезде 1867 г. в Москве: Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867. *Pout'slowanův do Ruska r. 1867 a její význam* (1867). Это — издания в сочувственном тоне, а в несочувственном: *Klaczko. La congrès de Moscou et la propagande panslaviste* («*Revue des Deux Mondes*», 1867) и несколько польских брошюр.
- 388, *Simon F. L'Allemagne et la Russie au XIX siècle* (1893). *Йоцов Д.* Дипломатически студии по нашето освобождение (1909).
- 388, 21 сн. Заглавие соч. Герц. Аргайльского: *Our responsibilities for Turkey. Henry R. Questions d'Austriche-Hongrie et la question d'Orient* (1904).
- 388, 8—10 сн. IV том книги Hanotaux уже вышел.
- 389, 4 сн. *Nemeczek O. Die wirtschaftliche Aufschlvung Bosniens und der Herzegovina zur Zeit der Okkupation durch Oesterreich-Ungarn* (1909; Separatabdruck aus dem IV Jahresbericht der Neuen Wiener Handelsakademie).
413. *Entschef D. Die völkerrechtliche Bedeutung des Berliner Vertrags von 1878* (1903).
- 419, 1 сн. Вместо Ново-Баварский нужно Ново-Базарский.

Содержание

Вместо предисловия.	5
Конец шестидесятых годов	19
I. Западноевропейские конституции к концу шестидесятых годов XIX в.	21
II. Основание Интернационала и начало анархизма	53
Семидесятые годы.	91
III. Франко-германская война 1870—1871 гг.	93
IV. Политическое преобладание Германии и усиление милитаризма	118
V. Разгром Парижской коммуны и распадение Интернационала	140
VI. Борьба за утверждение республики во Франции	175
VII. Первые годы Германской империи и «культуркампф».	220
VIII. Успехи социализма в Германии и правительственная борьба с ним	257
IX. Англия после второй парламентской реформы	284
X. Италия в первое десятилетие после присоединения Рима	319
XI. Борьба национальностей в Австро-Венгрии после введения дуализма	332
XII. Отношение Западной Европы к балканским делам второй половины семидесятых годов	363
Приложение	393